

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИ-
ТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»

Людмила Григорьевна Самотик
**ОБРАЗ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ: КОНЦЕПТУАЛИЗА-
ЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

МОНОГРАФИЯ

Красноярск, 2013

УДК 801.3
ББК 81.411.2-3
С 176

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева
С.П. Васильева

Директор Красноярского литературного музея, заслуженный работник культуры А.В. Броднева
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Г.А. Толстова

Самотик Л.Г.

С 176 **Образ инонациональной речевой среды : концептуализация в пространстве художественного текста:** монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. – 517 с.

ISBN 978-5-85981-400-8

Монография представляет собой глубокое исследование образа инонациональной речевой среды. Проблемы, решаются в связи с насущной потребностью в дальнейшей разработке теории различных сфер языковой коммуникации, условий создания образа инонациональной языковой личности в русской речевой среде, новых направлений исследования пространства художественного текста. Монография важна в настоящее время, когда встаёт вопрос воспитания уважения к чужим культурам. Работа основана на изучении и обобщении ранее не разработанного фактического языкового материала, представляющего инонациональную речевую среду в художественных текстах, созданы картотека и словари. Монография вносит серьёзный вклад в развитие общей теории идиостиля и теории стратификации литературного и национального языков.

ББК 81.411.2-3

ISBN 978-5-85981-400-8

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013
© Самотик Л.Г., 2013

Содержание

Введение	5
Глава 1. Теоретические основы концептуализации образа художественной литературы.....	17
1.1. Язык художественной литературы в его соотношении с понятиями «национальный язык» и «стиль».....	17
1.2. Текст как сложная речевая и знаковая система	49
1.3. Лексическая система языка в своём семантическом, стилевом и ином многообразии	63
1.4. Методология исследования компонентов лексико-семантической системы русского языка в динамике языкового, речевого, «художественного» существования, проблема концептуализации образа речевой среды	78
1.5. Выводы.....	86
Глава 2. Концептуализация образа иностранной речевой среды	89
2.1. Образ иностранной речевой среды в переводной литературе как факт русской словесности	89
2.2. Часть 1. Образ иностранной речевой среды в произведениях С. Шелдона	90
§ 1. Экзотизмы и варваризмы в текстах С. Шелдона.....	91
2.3. Часть 2. Образ иностранной речевой среды в произведениях И. Хмелевской	113
§ 1. Экзотизмы в произведениях И. Хмелевской	113
§ 2. Поэтические онимы анализируемых текстов.....	128
§ 3. Выводы.....	128
§ 4. Традиции перевода славянских текстов в произведениях русских авторов о Польше и Чехии	132
Глава 3. Концептуализация образа национальной речевой среды в художественных текстах.....	139
3.1. Проблемы «национальной» литературы.....	139
3.2. Лексические средства создания образа	

национальной речевой среды в романах М. Ошарова и Ж. Трошева	142
§ 1. Экзотизмы в создании образа эвенкийской речевой среды	142
§ 2. Поэтические онимы (топонимы и антропонимы) в анализируемых текстах	201
§ 3. Нациолектизмы в романах об эвенках	203
§ 4. Выводы.....	212
Глава 4. Концептуализация образа инонациональной речевой среды прошлого.....	229
4.1. Проблема архаизации языка исторической прозы.....	229
4.2. Часть 1. Образ инонациональной речевой среды в диалогии А. И. Чмыхало.....	237
4.2.1. Историческая основа диалогии А. И. Чмыхало	238
4.2.2. Образ инонациональной речевой среды в диалогии А. И. Чмыхало	239
4.2.2.1. Автохтоны Сибири в диалогии (речевой портрет)	239
§ 1. Экзотизмы и варваризмы в создании образа и его концептуализации	239
§ 2. Нациолектизмы в романах А. И. Чмыхало	274
§ 3. Выводы.....	276
4.2.2.2. Украинская речевая среда в диалогии А. И. Чмыхало.....	288
§ 1. Историческая основа «украинской» части произведения.....	288
§ 2. Лексико-фонетическим, лексико-грамматические средства создания образа украинской речевой среды	289
§ 3. Лексические средства создания образа украинской речевой среды	289
§ 4. Выводы.....	293
4.2.2.3. Русская речевая среда прошлого в диалогии А. И. Чмыхало	294
§ 1. Историзмы как средство моделирования речевой среды прошлого	294
§ 2. Архаизмы в создании образа в диалогии	307
§ 3. Диалектизмы как средство стилизации языка исторического прошлого ...	310
§ 4. Просторечие как средство создания образа речевой среды	314
§ 5. Выводы.....	314
4.2.2.4. Ономастикон диалогии А. И. Чмыхало	318

§ 1. Антропонимы «Дикой крови» и «Опальной земли»	319
§ 2. Топонимы в диалогии.....	329
§ 3. Выводы.....	331
4.2.2.5. Выводы в целом по диалогии	334
4.3. Часть 2. Образ инонациональной речевой среды прошлого в романах Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница»	339
4.3.1. Историческая основа романов Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница»	339
4.3.2. Произведения Б. Акунина как явление русского постмодернизма	340
4.3.3. Речевой фон романов Б. Акунина.....	344
4.3.4. Инонациональная речевая среда в исторических романах Б. Акунина...	348
§ 1. Экзотизмы и варваризмы как способ моделирования инонациональной рече- вой среды в «Турецком гамбите»	348
§ 2. Экзотизмы и варваризмы как способ моделирования инонациональной рече- вой среды в «Алмазной колеснице»	359
§ 3. Национализмы в романах Б. Акунина	375
4.3.5. Русская речевая среда прошлого в произведениях Б. Акунина.....	383
§ 1. Историзмы в пространстве текстов Б. Акунина.....	383
§ 2. Архаизмы как средство создания образа речевой среды прошлого в историческом детективе	389
§ 3. Диалектизмы и просторечия в «Турецком гамбите» и «Алмазной колеснице».....	396
§ 4. Имена собственные в текстах Б. Акунина	398
4.3.6. Выводы.....	404
Заключение	412
Литература	421

Введение

Монография посвящена концептуализации образа инонациональной речевой среды в русских художественных текстах.

Русская художественная литература в жизни русского (и древнерусского) общества занимает особое место. Через литературу складывалось, хранилось и передавалось общественное мнение. Литература носила назидательный характер, поэтому рассматривалась как «учебник жизни», на литературных примерах учили нравственности. «Поэт в России — больше, чем поэт» (Е. Евтушенко) — положение писателя ко многому обязывает. В рамках художественной литературы осуществляется и мифологизируется национальное самосознание и т. д. Литература влияет и на наши межнациональные отношения как вне страны, так и в многонациональном государстве. Язык — материал литературы, художественное произведение передаёт сведения о мире через систему образов. Образ инонациональной речевой среды представляет язык и как предмет художественного текста. Лексические средства создания образа инонациональной речевой среды рассматриваются в работе на примере разных текстов, что позволяет создать типологию их использования.

Этот образ создаётся с помощью экзотизмов, варваризмов, нациолектизмов, а также русских диалектизмов и историзмов в функции экзотизмов. Эти лексические средства создания образа включают в себя значительное число слов, не фиксированных в словарях литературного языка и НКРЯ (Национальном корпусе русского языка). Формы использования внелитературной лексики зависят от литературного направления, жанра, идиостиля писателя и отдельного художественного текста.

Изменения в современном русском языке касаются перераспределения между стратами национального языка и стилями языка литературного. В этой ситуации внимание учёных всё чаще привлекают переходные явления: локализмы, регионализмы, диалектизмы и т. п., которые позволяют представить язык не как группу отдельных ячеек, а как непрерывное языковое пространство. Внелитературная лексика русского языка — одно из ключевых понятий такого подхода.

Глава 1. Теоретические основы концептуализации образа художественной литературы

1.1. Язык художественной литературы в его соотношении с понятиями «национальный язык» и «стиль»

Долгое время в лингвистике не разграничивались два понятия: литературный язык и язык художественной литературы, ЯХЛ служил репрезентантом ЛЯ. Так называемые реформы русского языка проходили на базе художественных текстов (В. А. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и др.) и т. д. Обратной стороной проблемы смешения этих двух понятий является вывод последнего за рамки кодифицированного языка. В современной лингвистике популярен парадокс — «язык художественной литературы — нелитературный язык».

«Национальный язык — социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной. Национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием её возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса — с другой» [Степанов, 1990, с. 325]. Национальный язык должен иметь нормированную форму и художественную литературу, созданную на нормированном языке. Нормированная форма национального языка в русском языке — это литературный язык. Понятия *национальный язык* и *литературный, нормированный язык* и *язык художественной литературы* — в сегодняшней ситуации реально находятся в непростом соотношении. Но любая форма существования языка — изменяющееся явление. Это качество принадлежит общефилософской проблеме изменчивости и устойчивости. В процессе изменения существует этап относительной устойчивости, соответствия предмета самому себе. При всех модификациях *национальный русский язык, литературный русский язык* и *язык художественной литературы* объективированы в нашей действительности.

Само понятие национального языка неоднозначно, что, прежде всего, связано с феноменом ЛЯ. «Некоторые языковеды (В. М. Жирмунский, А. В. Десницкая) считают, что в категорию «национальный язык» входит только литературный

язык, а все остальные речевые разновидности находятся вне пределов национального языка; другие лингвисты (Р. И. Аванесов, М. М. Гухман) включают в национальный язык и диалекты». В. В. Виноградов далее пишет: «Литературно-письменный

язык, подчиняясь общим тенденциям национально-языкового развития, питаясь живыми соками народно-разговорной речи, вбирая в себя наиболее ценные и целесообразные для нужд тех или иных сфер речевого общения диалектные средства, формируется в своеобразную, стилистически дифференцированную, семантически развитую нормализованную систему внутри национального языка... При таком понимании национальный язык рассматривается не как «мешок», куда втискиваются наряду с литературным и общенародным литературным языком развитые социальные диалекты донациональной эпохи, но как сложная, динамическая и целенаправленная система, в которой — при её глубоком внутреннем структурном единстве — происходит взаимодействие и взаимовлияние разных функциональных частей, неравноправных по своей общественной природе и историческому назначению» [Виноградов, 1967, с. 76–77].

В наше время вряд ли кто-то серьёзно смешивает или отождествляет литературный язык и язык национальный, однако в области примеров это видно достаточно явно: иллюстрируют страты национального языка и стили языка литературного в учебной и частично в научной литературе (см. далее) по традиции фрагментами художественных текстов. В толковых словарях в качестве иллюстраций использованы или составленные автором словаря словосочетания (т. н. речения согласно В. И. Далю), или предложения и цитаты из художественных произведений. «Наши авторитетные грамматики и толковые словари основным (конечно, не единственным) своим источником имеют художественную литературу, но пока что никто их не считает «примитивно-неадекватными» описаниями общеупотребительного литературного языка» [Филин, 1981, с. 314]. И это частично возможно в силу специфики художественного стиля. «В структуре литературно-художественного произведения потенциально заключены символы всей языковой культуры его эпохи» [Виноградов, 1980, с. 68].

«В современной лингвистике спорным является вопрос о составе национального языка...» [Брызгунова, 2009, с. 29]. Актуальное в наши дни перераспределение между стратами национального и стилями литературного языка связано с трактовкой ряда образований, рассматриваемых ранее как стили, затем как самостоятельные языки (подъязыки). «Национальный язык как система не имеет однозначного соответствия в речевой деятельности и поэтому может быть моделирован только как система с вариантными звеньями. Выделение национального языка из родственной языковой среды осуществляется на основе экстралингвистической аргументации» [Калнынь, 1970, с. 419].

Место ЛЯ в национальном языке видится разными учёными по-разному.

«Этот разноречив обусловлен как различными подходами к предмету (фактор субъективный), так и чрезвычайной сложностью самого предмета (фактор объективный)» [Филин, 1981, с. 169]. Так, например, Р. И. Хашимов предлагает наряду с термином *литературный язык* понятие *литературный диалект*, под которым понимает «разновидность общенародного языка, принятого в качестве основы для создания национального литературного языка» [Хашимов, 2008, с. 99]. Ср. в высказываниях В. В. Виноградова и Ф. П. Филина выделение *литературного языка* и *общенародного литературного языка* и т. д.

В рамках национального русского языка выделяется ряд «языков», которые можно рассматривать как самостоятельные инварианты. «Систему систем принято называть системой языка. Диалектный язык является вершиной иерархии, нижнюю ступень которой образует частная диалектная система» [Калнынь, 1970, с. 420]. Диалектный язык, впервые существование которого сформулировано С. В. Бромлей [Бромлей, 1979], противопоставлен литературному языку как набору функциональных стилей (существование диалектного языка оспаривается рядом учёных с разных точек зрения — Ф. П. Филиным, В. В. Колесовым и др.).

«Е.А. Земская и её последователи считают неподготовленную непринуждённую речь не подсистемой в общей системе литературного языка, а самостоятельной независимой системой, особым языком» [Филин, 1981, с. 158]. «В нашем понимании, РР (т. е. разговорная речь) — это особая языковая система, которая

имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования. По существу, это разговорный язык, но мы сохраняем за ним название «разговорная речь» в силу его привычности» [Земская, 1968, с. 6; Земская, 1973, с. 25]. В дальнейшем выделяется также язык СМИ, т. е. деловой русский, что значительно сокращает количество стилей литературного языка. Параллельно рассматриваются теории, увеличивающие стилевую дифференциацию русского литературного языка — выделение научно-популярного, производственно-технического, религиозно-проповеднического стилей, стиля рекламы и т. п. [Крысин, 2004, с. 287–293; Лукьянова, 2000, с. 104–112]. Некоторые разделяют стили языка и стили речи и представляют их в разном наборе. Проблема осложняется ещё рядом моментов. Так, А. А. Реформатский выделял рядом с функциональными стилями (триада: высокий, нейтральный и низкий) «функциональные разновидности языка»: «Чаще всего различают такие функциональные разновидности: деловая, публицистическая, научная и научно-популярная, информационная (например, газетная хроника), бытовая» [Реформатский, 1967, с. 18–19] и т. д.

Различная трактовка состава русского национального языка соответствует положению в других славянских языках. «Г.П. Нецименко в своей монографии «Языковая ситуация в славянских странах» (М., 2003) проанализировала и обобщила разные концепции этнических (национальных) языков. Наиболее существенные различия относятся к определению статуса территориальных и социальных диалектов, просторечия и жаргонов в составе национального языка» [Брызгунова, 2009, с. 30].

На этом фоне репрезентируется рядом исследователей «язык художественной литературы» как страт национального языка.

Язык художественной литературы — это инвариант, абстрактное понятие, которое воплощается в речевой действительности в ряде реальных речевых вариантов — художественных текстов.

В литературе существует несколько соотношений понятий *язык художественной литературы* и *художественный стиль ЛЯ* (художественно-

изобразительный, художественно-беллетристический стиль речи). 1. Разграничение этих понятий при использовании обоих. 2. Принятие термина *язык художественной литературы* и выведение его из состава ЛЯ, рассмотрение в составе национального языка. 3. Признание только термина *художественный стиль ЛЯ*. 4. При отнесении художественной речи к составу ЛЯ параллельное использование в этом же значении сочетания *язык художественной литературы*.

По мнению ряда авторов, язык художественной литературы выходит за рамки литературного языка. Материалом монографии «Русский язык конца XX столетия» служат разные формы устной речи. «Мы не ставили перед собой задачу изучения *языка художественной литературы*, научного и официально-делового стиля» [Русский язык конца XX столетия, 1996, с. 10] и т. п.

Аргументами в пользу выделения художественного языка из состава литературного выдвигаются следующие: 1. Использование языковых средств разных стилей. 2. Выход выразительных языковых средств за пределы литературного языка, заимствование нелитературных элементов. 3. Отсутствие специфических выразительных средств, свойственных художественным текстам. 4. Наличие особой эстетической функции. 5. Отражение не реальной, а виртуальной, «воображаемой» действительности.

Как замечает М. Н. Кожина, первый довод исходит из «постулатов стилистики ресурсов». С функциональной же точки зрения эти положения неверны, так как «в художественной речи используются языковые средства других стилей, но не сам стиль как таковой» [Кожина, 2003, с. 595]. Относительно современной литературы говорится и об обращении авторов к нелитературным средствам языка, что также не является аргументом абсолютным. «Связь языка художественной литературы и литературного языка не означает тождества данных понятий: язык художественной литературы может выходить за пределы собственно литературного языка как в его прошлое, так и в область диалектной и жаргонной речи в случае эстетической обусловленности соответствующих языковых средств. Вместе с тем «язык подлинно художественного произведения не может далеко и значительно отступать от основы общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонят-

ным», — справедливо отмечал В. В. Виноградов (1959, с. 219)» [Болотнова, 2003, с. 653]. Чётко разделял нелитературные формы национального языка и их отражение в художественных текстах В. В. Виноградов. В связи с вопросом методики исследований он замечает: «Была перенесена на литературную речь методика этнодиалектологических изучений... Принципы «натурализма» (вернее, «натурализма») влекут к анализу форм литературно-книжной речи с точки зрения тех социально-бытовых языковых расслоений, которые послужили «натурой» для литературы» [Виноградов, 1980, с. 58]. Нелитературные средства используются в ХТ в качестве стилистических (см. статью Е. Ф. Петрищевой «Внелитературная лексика как категория стилистическая» [Петрищева, 1981]), а не особых коммуникативных. При этом «работает» уже известный в русской литературе приём стилизации, отработанный на передаче диалогической речи и т. п.

Основная тенденция развития русского литературного языка — стремление к демократизации. На разных этапах она принимает разные формы: движение в рамках старославянского и древнерусского языков, новояза и русской разговорной речи, письменных стилей и устного, кодифицированных форм и нелитературных. Использование в языке художественной литературы внелитературной лексики (и других внелитературных средств) находится в общей сфере этой тенденции. Взаимодействие ЯХЛ с различными стратами национального языка и другими языками определяют такое его коммуникативное качество, как богатство (разнообразии), в известной мере в рамках стиля не противостоящее чистоте. Любой функциональный стиль не имеет набора сугубо специфических выразительных средств, а наличие эстетической функции как раз и создаёт специфику стиля как функционального. Таким образом, в рамках функциональной стилистики мы можем отнести язык художественной литературы к художественному стилю ЛЯ.

Язык художественной литературы — ёмкое понятие, обладающее рядом признаков. «К особенностям языка художественной литературы (художественной речи) исследователи относят употребление языковых средств других стилей, ис-

пользование, наряду с литературными, и внелитературных средств в эстетических целях, образность, явную эмоциональность, «семантическую осложнённость» слов (Б. А. Ларин), антропоцентричность, значимость имплицитного выражения (А. В. Фёдоров, И. Я. Чернухина), неповторимость и свежесть языковых средств для создания образов (Б. А. Ларин, М. Н. Кожина и др.), точность речи как верность образу (М. Н. Кожина, А. И. Горшков), алогичность, наличие аномалий (М. Н. Кожина, Н. Г. Комлев), избыточность (М. Н. Кожина, Н. В. Черемисина), наличие внутренней формы, трактуемой как способность одного содержания служить формой выражения другого содержания (Г. О. Винокур) и др. Наиболее яркой особенностью художественной речи называют её способность выполнять эстетическую функцию <...>. М. Н. Кожиной сформулирована идея художественно-образной речевой конкретизации, суть которой заключается в системном, комплексном характере оценки средств и способов создания образности» [Болотнова, 2003, с. 655].

Мы придерживаемся традиционной точки зрения, поддержанной рядом авторов, которые, используя сочетание «язык художественной литературы», продолжают относить художественный стиль к русскому литературному языку (В. В. Виноградов, Р. А. Будагов, И. Р. Гальперин, Б. Н. Головин, Э. Г. Ризель, В. В. Кожин, М. Н. Кожина, Н. С. Болотнова, М. П. Котюрова, О. Б. Сиротинина и др.).

«Литературный язык — основная форма существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых средств, прошедших длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка» [Трошева, 2003, с. 208].

Называются следующие признаки ЛЯ: 1. Нормированность. 2. Кодифицированность. 3. Относительная стабильность. 4. Полифункциональность. 5. Развёрнутая вариативность и гибкость.

Если рассматривать ЛЯ как строго кодифицированную форму, обязательный стандарт, то как же в таком случае соотносятся литературный язык и авторский идиостиль? «Мировая литература нового времени почти не знает писателей, у ко-

торых не было бы своей особой «манеры» выражать мысли и чувства. Вместе с тем, как общее правило, именно такие писатели и оказывали воздействие на дальнейшее развитие их родного литературного языка и его нормы, поэтому тезис «писать по правилам» ещё совсем не означает «писать хорошо» (речь идёт о художественном творчестве) и нисколько не противоречит огромной социальной важности нормы литературного языка в каждую историческую эпоху» [Будагов, 1983, с. 246]. Л. В. Щерба утверждал: «Авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует — они были бы невыносимо скучны. Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от неё у разных хороших писателей. Я говорю «обоснованных», потому что у плохих авторов они бывают часто недостаточно мотивированы внутренним содержанием — поэтому-то эти авторы и считаются плохими» [Щерба, 1939, с. 10].

Отступления от нормы известны в мировой художественной литературе.

«История некоторых литературных языков знает и такие случаи, когда отступления совершались как бы «нарочно», при знании нормы, при сознательном желании не писать так, как пишут все, а писать «вопреки норме». Я имею в виду так называемую тёмную манеру изложения у отдельных авторов и даже в практике целых литературных направлений. Известна, например, «тёмная манера» изложения у провансальских трубадуров средних веков (букв. ‘закрытая манера’), «тёмная манера» повествования испанца Л. Гонгоры в последний период его творчества, аналогичная манера английского поэта Р. Браунинга, француза С. Малларме... В несколько особом положении оказался русский поэт В. Хлебников» [Будагов, 1983, с. 247] и т. д.

Идиостиль — одно из центральных понятий теории языка художественной литературы. «В функциональной стилистике идиостиль понимается как совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц — как в качественном, так и в количественном отношении — в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т. п., и соотносится поэтому не с языковой личностью вообще, а с язы-

ковой личностью в определённой социальной роли субъекта речи» [Котюрова, 2003, с. 96].

Мы рассматриваем идиостилевые черты художественного текста как стилевой признак, включающий (а не исключаящий) произведение в систему литературного языка.

«Учение о литературных и национальных языках — детище советского языкознания. Сказанное, разумеется, не означает, что работ, посвящённых литературным языкам, раньше не было. Они были и в области старой русской филологии, и в зарубежной науке. Речь идёт о том, что начиная с 30-х годов сложилось самостоятельное учение о литературных языках, закономерностях их развития и функционирования» [Будагов, 1983, с. 241]. В зарубежной лингвистике отрицание литературных языков началось с 20–30-х годов XX столетия в связи с развитием структурализма. «А. Доза вообще сомневался в существовании общенародного и литературного языков, считая их фикциями» [Филин, 1981, с. 169; Dauzat A. *Les argots*. Paris, 1929]. Затем делаются попытки замены традиционного термина на заимствованные из западных языков, чтобы сблизить системы языкознания (стандарт, кодифицированный язык и т. д.). «Всё это не даёт никаких оснований для отождествления с языковыми стандартами, сфера распространения которых может быть лишь строго ограниченной. Между тем такое отождествление теперь часто наблюдается» [Будагов, 1983, с. 248]. Р. А. Будагов замечает: «До сих пор часто утверждают, что литературный язык — это нечто искусственное, «сделанное», выдуманное, тогда как наука о языке изучает народные языки. <...> Не менее часто выдвигается и другое возражение: в той мере, в какой всякий литературный язык находится под воздействием людей, он не имеет объективного характера, а поэтому не представляет интереса для лингвиста» [Будагов, 1983, с. 241–242].

В наши дни отрицание литературного языка иногда связывается с проблемой необходимости кодифицированной нормы. Так, когда в связи с «упадком» общей культуры русской публичной речи встал вопрос о нормализации литературного языка, часть учёных отнеслась с сомнением к самому факту необходимости коди-

фикации, были ссылки на Бельгию, где коммуникация осуществляется вне рамок нормализованного и не нормализованного. Один из постулатов книги Института русского языка «Русский язык конца XX столетия» [Русский язык конца XX столетия, 1996, с. 14] звучит так: «Мы не нормализаторы». (Следует вспомнить, что Р. А. Будагов ещё в 80-е годы писал: «Часто приходится слышать, что проблема языковой нормы — это будто бы лингвистическая проблема. Норма «вдвойне условна»: если «условен» сам литературный язык, то его норма, тоже «условная», тем самым оказывается «вдвойне условной». Стремление вывести исследование языковой нормы за пределы лингвистики часто обосновывается и с другой позиции: так как любой живой язык непрерывно развивается, то едва ли стоит изучать его норму, которая предполагает нечто устойчивое, постоянное, неподвижное» [Будагов, 1983, с. 244].) В русское языкознание было введено понятие динамической нормы, которое частично сняло напряжённость в этом вопросе.

Современная социолингвистическая трактовка литературного языка опирается не на понятие нормы и кодификации, а на социальную характеристику носителей литературного языка. ЛЯ не считается однозначно наддиалектной формой национального языка. Так, Л. П. Крысин видит гетерогенность ЛЯ не в традиционном представлении его как системы функциональных стилей, а «в локально и социально обусловленной вариативности его. Локальное и социальное варьирование литературного языка является результатом территориальной и социальной неоднородности коллектива говорящих на нём людей. Это одно из лингвистических следствий социолингвистического подхода к выяснению природы литературного языка... Другое следствие — наличие в наборе средств, используемых выделенной нами совокупности говорящих, наряду с традиционно литературными, таких, которые находятся на грани нормы и некодифицированных форм речи (диалектов или просторечия). Доля этих элементов невелика: однако важно в принципе оценить их совместность с понятиями «норма», «литературный язык», их статус в речи носителей литературного языка» [Современный русский язык, 2003, с. 39]. Явления на грани нормы — это, с точки зрения Л. П. Крысина, прежде всего особенности устной речи носителей литературного языка периферийных

территорий страны, для которых приняты термины «региональные варианты ЛЯ» (см. статью Р. Р. Гельгардта «О литературном языке в географической проекции» [Гельгардт, 1959]) или «локально окрашенная литературная речь».

Возможны и другие подходы к проблеме. Так, например, в рамках предикационной концепции рассматривается построение исследования языка в два этапа: «о языке» (объект исследования) и «о проявлениях языка» (предмет исследования). «Основными сущностными чертами Языка принято считать его системность и динамичность — модус, диктум и адрес». К проявлениям языка Г. Ю. Яковлев относит индивидуальный язык одного конкретного носителя языка, говор — близкие идиолекты территориально замкнутой группы людей, диалект — множество говоров; язык профессиональный (диктум-адрес), язык диалектный (модус-диктум), просторечие (народно-разговорная речь; модус-адрес), а также язык идиолектный (модус), язык литературный (диктум), язык национальный (адрес) [Яковлев, 2004] и др.

«Относительно самостоятельные функционально-стилевые сферы, такие как общенародный (литературный) язык, терминологический и диалекты, получившие в последнее время названия то «языков», то «подязыков», то «систем», то «подсистем», не изолированы друг от друга непроходимой стеной» [Коготкова, 1979, с. 279]. Т. С. Коготкова формулирует понятие полудиалекта. А. С. Герд выдвинул понятие региолекта [Герд и др., 1999]. Е. К. Брызгунова формулирует понятие «наддиалектной формы национального языка», которое значительно отличается от того, что использовали в своё время А. В. Десницкая [Десницкая, 1970] и М. М. Гухман [Гухман, 1981]: «В современном русском национальном языке развивается его наддиалектная форма как один из основных признаков литературного языка <...>: это специальный язык (научная проза), язык художественной литературы, устно-разговорный язык (Д. Н. Шмелёв, О. А. Лаптева). Именно в третьей сфере наддиалектная форма проявляется наиболее полно и разнообразно, так как, кроме собственно литературного языка, включает остаточные региональные черты, то есть наддиалектная форма представлена главным образом в устной, а не в письменной речи». К наддиалектной форме автор относит также «выбор

лексических синонимов с агрессивно-оценочной семой» и «разнообразнейшая-язычных акцентов» [Брызгунова, 2009, с. 18–20]. «Жизнь языка проявляется не только в индивидуальных актах говорения, но и в общественно типизированных формах его использования <...>. Поскольку состояния языка рассматриваются в социолингвистике с точки зрения его бытования в определённом социуме (человеческой общности разного типа), то и сами типы состояний оказываются производными от типов социума». Дальше Г. В. Степанов в современных национальных языках видит «наличие переходных форм речи (полудиалекты, койне)» [Степанов, 1990, с. 326].

К промежуточной форме, стоящей между диалектом и литературным языком, относит диалектизмы Л. Э. Калнынь [Калнынь, 1998]. Благодаря работам уральских лингвистов, и прежде всего Т. И. Ерофеевой [Ерофеева, 1979], в русистику вошёл термин «локализм»: «Термином «локализм» объединяются лексические и фразеологические единицы, фонетические единицы и явления, грамматические единицы и формы, синтаксические конструкции, обладающие следующими признаками: 1) фиксируются в литературной речи коренных жителей отдельных регионов; 2) не принадлежат к кодифицированным элементам литературного языка; 3) являются элементами языковой системы, функционирующей в процессе повседневного живого общения. К разряду локализмов в отдельных случаях могут быть отнесены разговорные или просторечные единицы, наиболее часто используемые в определённых регионах» [Ерофеева Е.В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л., 2002, с. 9]. См. также [Волынская, 2007] и нек. др. Ф. П. Филин писал также: «К локализмам диалектным прибавляются локализмы инонациональные» [Филин, 1981, с. 142]. О появлении в русском литературном языке слов, обозначающих национально-нерусские предметы и явления действительности через посредство художественной литературы, писал Л. А. Булаховский: «На особое место следует поставить бытовую лексику, относящуюся к другим странам и народам. Романтизм с его позднейшими ответвлениями внёс в русскую литературу немало слов, довольно прочно осевших если не в активном, то в пассивном словаре русского читателя. Эта лексика по её природе не стойка, — не стойка в том

смысле, что её роль может ограничиться собственно тем произведением, где она привлечена с целью или создать впечатление couleur locale (итога она обыкновенно даётся несколькими словесными «точками», отдельными словами), или восточности описываемого быта (итога она может быть достаточно обширна). Тематика исторически влиятельной литературы, почти исключительно художественной, определила отбор из подобного очень большого материала. А так как то, что знал русский читатель из экзотической лексики, было уже в значительной степени у писателей и ранее, настоящим фондом русского литературного языка приходится считать именно этот сильно уменьшенный запас. Уже Марлинский и Лермонтов дали много кавказских локализмов, но русский читатель, после них имевший ещё Полонского и др. (из новейших ср., например, «Солдатскую славу» Голубева, «Великого Моурави» А. Антоновской и большую переводную литературу с грузинского; меньшую — с других языков), чуть не целый век фактически оставался при *ауле, сакле, чинаре, кунаке, муэдзине* и немногих других. *Гаремы, янычары, паши, одалиски* — почти постоянные спутники сюжетов, связанных с дореволюционной Турцией. При изображении Испании, хотя русская литература имела, например, живые, в своё время пользовавшиеся успехом и даже вошедшие в школьные хрестоматии «Письма об Испании» В. П. Боткина (1847), за Пушкиным и А. К. Толстым читатель помнил только *мантилью, кастаньеты, серенаду, гидальго*, реже — *качучу, гитану* и под. Значительно богаче, чем всякая другая чужеземная бытовая лексика, была в художественной литературе лексика, характеризующая античный мир» [Булаховский, 1937, с. 50]. Ср. работу К. М. Дионка «Лексическая репрезентация образа Кавказа в художественной картине мира М. Ю. Лермонтова» [Дионк, 2011], Ф. И. Джаубаевой «Языкотворчество русских писателей как мирозозидающая деятельность на Северном Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой» [Джаубаева, 2010], А. Л. Мугумовой «К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20–30-х годов XIX в.: На материале произведений М. Ю. Лермонтова» [Мугумова, 1999] и нек. др.

Об особом месте такой лексики в языке художественной литературы гово-

рил Г. О. Винокур: «Я хочу обратить здесь внимание на одну только подробность в этой очень большой проблеме портретной характеристики языка, которая в иных случаях прекрасно заменяет самую демонстрацию языка самого по себе. Подробность касается языковых портретов иноязычных персонажей, когда в русском романе речь идёт о персонажах нерусских и когда автор хочет дать понять читателю, что они не владеют русским языком. Автору это нужно потому, что иначе мы ему не поверим» [Винокур, 1991, с. 420]. Далее он приводит примеры следов иноязычного выговора, того или иного иноязычного акцента, смеси русского и польского, ломаного русского, исковерканного польского, иноязычного налёта в русской речи [Винокур, 1991, с. 420–422]. «Описанные моменты в изображении языка находятся на периферии самой проблемы. Существенное же её содержание — в иллюзии описываемого культурного мира» [Винокур, 1991, с. 420]. В данном случае говорится только о языке персонажа. Но в свете общей постановки проблемы — позиция автора текста, стоящего или нейтрально по отношению к герою, или на его стороне («имитирующий и не имитирующий стиль», «диффузия и синтез»), эта черта может характеризовать текст в целом. «Всё диктуется нуждами эстетической сообразности», проблема «становится на-сущной художественной проблемой изображения» [Винокур, 1991, с. 426].

Однако оценивать наличие переходных моментов как признак разрушения национального или литературного языка некорректно. В. Брэндалль считал это тривиальным: «Единство языка не вытекает из его диалектального разнообразия, тип каждого элемента не дан механически в локальных, социальных и смешанных вариантах» [Брэндалль, 1960, с. 46].

Подавляющее большинство переходных форм в русистике связывают с литературным языком и диалектами. Но очевидно, что на повестке дня стоят формы, переходные между РЛЯ и другими языками. Речевые этностереотипы описываются для совершенствования методики преподавания русского языка нерусским [Прохоров, 1996], для изучения реальной картины варьирования русского языка в национальных условиях (Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия, 1985; Украины — Т. А. Тулина, 1966; Культура русской речи на Ук-

раине, 1976; А. А. Северьянова, 1976; Г. П. Ижакевич, 1980; В. И. Кононенко, 1985; в художественных текстах это явление реже привлекало внимание исследователей (см. работу В. В. Амитина «Украинизмы в языке русской художественной литературы 20-х годов и их стилистические функции» [Амитин, 1968] и нек. др.); Грузии — Г. А. Махараблидзе, 1963; Литвы — Н. Ю. Авина, 2000; в русской речи корейцев — О. М. Ким, 1964; узбеков — Т. В. Булгакова, 1973; мари — А. А. Белянин, 1969; З. Г. Зорина, 1996 и др. Внимание к национальным этностереотипам в русском языке уделяется в разделе монографии «О варьировании русского языка в инонациональных условиях» Л. П. Крысина [Крысин, 2004, с. 404–411], в работах А. Д. Шмелёва и Е. Я. Шмелёвой: «Этнокультурные стереотипы в речи языковых меньшинств», «Неисконная русская речь в восприятии русских», «Клишированные формулы в современном русском анекдоте» [Шмелёва, Шмелёв, 1996; Шмелёва, Шмелёв, 1999; Шмелёва, Шмелёв, 2000] и др.

Переходные явления в русском языке позволяют представить язык не как группу отдельных ячеек, а как непрерывное языковое пространство. Внелитературная лексика русского языка — одно из ключевых понятий такого подхода, которое должно быть терминологизировано.

Под *внелитературной лексикой* (ВЛ) мы понимаем слова, не включенные в словари литературного языка (ненормированную лексику, неcodифицированную), но используемые в литературных текстах, которые следует отличать, с одной стороны, от лексики, фиксированной в толковых словарях со специальными ограничительными (запретительными?) пометами, которую мы представляем в качестве периферии литературного языка, лексики пассивного словарного состава по отношению к codифицированному языку в целом [Самотик, 2005–1], с другой — от словарного состава нелитературных форм национального языка (народных говоров, просторечия, жаргонов, языка других исторических эпох), которые фиксируются специальными словарями или стоят за пределами словарей.

Факт отмеченности в словарях ЛЯ, с нашей точки зрения, значим в лексикологии, причём важна регистрация слова и с запретительными, и с ограничительными пометами (таким образом, слова вписываются в систему вариантов, которые

затем

квалифицируются), но значительная группа актуализированной в художественных текстах (художественном стиле литературного языка) лексики остаётся за пределами вариантной системы — это внелитературная лексика. Именно эти лексические пласты не используются в активной речи рядовых носителей ЛЯ, на основе которой создаётся представление о среднестатистическом (имплицитном) читателе (хотя ясно, что такое построение можно рассматривать как условное).

Л. В. Щерба объединяет на основе географического пространства диалектизмы и экзотизмы (мы отвлекаемся от сложности понятия и разного понимания термина *экзотизм*, см.: [Васильев, Веренич, 2006, с. 54–55]), а историзмы и архаизмы — на основе отношения их к пассивному составу языка. «Уже более или менее а priori можно догадаться, что отмирание старого, ставшего ненужным и даже вредным, ничего не разрушает, ибо, в сущности, остаётся в сокровищнице языка и лишь передвигается в категории, уже существующие во всяком литературном языке: «устарелое», «специфически буржуазное» и т. п. Таковы слова: *городовой пристав, исправник, фельдфебель, доходный дом* или *татьяма, инородцы* и т. д. Эти слова пассивно существуют у нас, поскольку мы читаем старую или зарубежную литературу. В некоторых случаях они существуют и активно, когда мы говорим о прошлом и т. д., но они лишены актуальности и реже могут служить отправным пунктом для развития значений: никому не придёт в голову говорить теперь о *фельдфебельской выправке* или *фельдфебельской психологии*. Говоря проще, эти слова присоединились к таким словам, как *городничий, винный откуп, откупщик* и т. п.» [Щерба, 1957, с. 136].

ВЛ — лексика из нелитературных страт национального языка, используемая в литературных текстах со специальными (чаще стилистическими) целями. ВЛ — актуализированный резерв литературного языка. Эта лексика вторична, так как появляется в литературных текстах в результате внешнего заимствования из других языков или внутреннего заимствования из других подсистем национального языка или языка другой эпохи. Таким образом, значение термина не соответствует внутренней форме сочетания, отличаясь, с одной стороны, от понятия *нелитера-*

турной лексики, с другой — от окказионализмов (неологизмов), авторских тропов, не являющихся в тексте вторичными. Не входят в это понятие ненормативная (инвективная, обценная, мат и т. п.) лексика как табуированная обществом и специальная лексика как элемент научной речи (фрагмента литературного языка).

Одна из задач настоящей работы — показать особенности функционирования внелитературной лексики в художественных текстах и терминологизировать сочетание *внелитературная лексика*.

Уже в период формирования русского литературного языка встал вопрос о разграничении литературного и нелитературного. Поскольку литературный язык создаётся из двух источников — церковнославянского и русского народно-разговорного, — сначала осознаётся проблема различения лексики литературного языка и лексики диалектной. Правда, источники литературного языка многими исследователями представляются более сложно. Например, В. В. Виноградов утверждал, что РЛЯ сформировался из «форм книжной и народно-разговорной, или обиходной, речи, «славянизмов» и «европеизмов» [Виноградов, 1960, с. 6]; Ф. П. Филин: «Современный русский литературный язык представляет собой органический сплав на русской народной основе (прежде всего московского койне) церковнославянских элементов и заимствований (прежде всего греко-латинских и западноевропейских)» [Филин, 1981, с. 137] и т. д.

Затем в научный оборот, как элементы языка художественной литературы, вписываются просторечия, жаргонизмы, экзотизмы и др. В 1937 году Л. А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» [Булаховский, 1937], характеризуя «состав русской лексики в стилистическом отношении», «сводит лексику русского языка XIX и начала XX века к нескольким категориям», среди которых «на особое место ставит бытовую лексику, относящуюся к другим странам и народам» (с. 49). При этом приводит примеры из художественных текстов с описанием Кавказа, Испании, Украины, а также в этом разделе отмечает, что «в приобщении русского читателя к русской бытовой лексике заметная роль принадлежит, например, В. Далю, П. Мельникову-Печерскому, С. Максиму, Л. Толстому, В. Короленку и многим из наших современников, из которых упомянем хотя бы

прекрасного знатока быта русского севера — А. Чапыгина и Дона — М. Шолохова» (с. 50). Таких писателей автор называет «экзотистами» (с. 50).

Сочетание *внелитературная лексика* употребляется в русистике давно: сначала в нетерминологическом значении; понятие также вычленяется описательно, но не называется; оно представлено лексикографически. Затем явление репрезентируется в частных понятиях: *диалектизм, просторечие, термин, лексика жаргонизированная*. Только в наши дни оно начинает употребляться терминологически (но практически без формализации и даже экспликации), термин этот явно не устоялся в литературе и требует специального рассмотрения. «Современный этап лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмыслявшиеся чисто интуитивно или же не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба ряда традиционных грамматических понятий: *управление, согласование, грамматическое значение* и некоторых других <...>, которые в последнее время подверглись пересмотру и существенным уточнениям» [Крысин, 2004, с. 411].

В. Д. Левин перечисляет основные художественно мотивированные средства языка ХТ: «мотивированные сюжетом произведения и кругом его персонажей» — очевидно, диалектизмы, экзотизмы, жаргонизмы и просторечия, а также «мотивированные изображаемой эпохой» — архаизмы и историзмы. Автор указывает на необходимость их изучения и значение для теории ЛЯ [Левин, 1960, с. 12–16]. Ю. С. Сорокин в программных тезисах среди нелитературных форм отмечает «областную лексику, известную литературному употреблению» [Сорокин, 1960, с. 10]. Ф. П. Филин, утверждая, что главную роль как средство общения играет русский литературный язык, говорит: «Однако это ещё не значит, что диалектные особенности вовсе исчезли и перестали, так или иначе, воздействовать на литературный язык. Многие из них оказываются живучими и в виде отдельных элементов сохраняются в речи даже высокообразованных людей (особенно интеллигентов первого поколения)» [Филин, 1981, с. 140–141]. Р. А. Будагов замечает: «Против целостности литературного языка выступают диалектологи. И всё же диалекты, хотя и осложняют понятие целостности, как правило, его не разруша-

ют» [Будагов, 2002, с. 144] и т. д.

С использованием прилагательного *внелитературный* строятся различные нетерминологические сочетания.

По мнению Л. В. Щербы, «диалог — это разговорная речь, цепь реплик, нередко неорганизованных, следовательно, внелитературных» [Щерба, 1957, с. 170].

«Сама по себе концентрация внелитературных элементов (в том числе диалектизмов) в художественном повествовании не может считаться недостатком, всё дело в эстетической значимости этих элементов, мотивированности ввода их в текст» [Скворцов, 1980, с. 229]. Л. И. Скворцов специально выделяет лексику из внелитературных сфер речи. «Механизмы взаимодействия ЛЯ с внелитературными сферами речи лучше всего могут быть показаны на судьбе элементов, идущих из различных социальных диалектов, профессионального просторечия, жаргонизированной

лексики, молодежного сленга и т. д.» [Скворцов, 1980, с. 162]. Г. Н. Складарская под лексическими внелитературными средствами понимает, очевидно, нелитературную лексику (или внелитературную?): «С позиции социологического и психологического анализа лексическая система предстает в виде «системы систем», допускающей и внесистемные элементы» [Складарская, 1994, с. 19] и т. д.

Внелитературная лексика и в последние годы привлекает внимание лингвистов. Она рассматривается в различных ракурсах. При этом используются различные сочетания: внелитературная речевая культура (Балашова Л. В., в связи с исчислением её жанров), внелитературные типы речевой культуры (И. А. Иванчук, 2005; в связи с элитарной речевой культурой), внелитературная сфера языка (Н. С. Заворотничева, 2010), внелитературные элементы в лексике [Гуц, 1995], внелитературные пласты лексики (в зависимости от семантики представлены десятью разрядами, З. Р. Дохова, 2007).

Причины её активизации в языке и последствия этого процесса оцениваются по-разному. К. А. Балышевой это связывается с демократизацией языка в массовой художественной литературе рубежа XX–XXI веков, либерализацией его на разных уровнях (графическом и орфографическом, фонетическом, словообразова-

тельном, фразеологическом, лексико-семантическом) [Балышева, 2010]. Отмечается «дестабилизация литературной нормы и влияние на литературный язык вне-литературных явлений» (Н. А. Солдатова, 2004) и т. д. Положение слов между литературным языком и нелитературными стратами национального языка находит выражение в ссылках на «переориентированную» лексику (А. В. Михайлова, 2003), пограничную зону (Лю Юн, 2004) и т. д. «Внелитературную лексику» по-разному квалифицируют в этом случае. Так, некоторые исследователи считают, что это «некодифицированная лексика» (Ц. Б. Будаев, 1995), «ненормативная» (И. Ю. Самойлова, 2006; З. Р. Дохова, 2007), «нестандартная» (Т. М. Беляева, В. А. Хомяков, 1985; А. А. Миллер, 1973), «субстандартная» (Л. Р. Сабирова, 2010; Г. В. Рябчикова, 2009).

Связывают внелитературную лексику с социологией: «социальный диалект этнической Бурятии», «лексические образования внелитературного характера в малых социальных группах, где исследуемой языковой личностью является билингв» (Б. Б. Аюшеев, 2006), «социальные диалекты как внелитературные социальные разновидности современного русского языка» (Лю Юн, 2004). С контрастивной социолектологией, куда включают «этническое и лексическое просторечие» (В. П. Коровушкин выделяет в этом «родовом понятии четыре видовых: 1) внелитературное, 2) территориальное, 3) этническое и 4) лексическое просторечие» [Коровушкин, 2005, с. 67–71]), с социальной стратификацией языка (Е. В. Картер, 2007, на материале современной прозы), с социолектом (Лю Цзе, 2006).

Во внелитературную лексику включают: жаргоны, просторечие, диалекты (работа посвящена «использованию не только строго литературных, но и внелитературных средств языка — просторечия, жаргонов, диалектов» (А. А. Злобин, 2007); «включение ненормативной, внелитературной (диалектной, жаргонной, просторечной) лексики» (Н. А. Бурмакина, 2007); в словари включаются «внелитературные вокабуляры: сленг общий и специальный, арго, кэнт» (С. А. Цирикова, 1996); или жаргонизмы, просторечия, диалектизмы: «внелитературное просторечие, а также диалектизмы и специальные сленгизмы» (Т. В. Сухарева, 1996); «внелитературная речь — диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы, просто-

речные слова» (Э. И. Гарифуллина, 2009). Исследователя интересуют инонациональные источники пополнения вне-литературной лексики (Э. И. Гарифуллина, 2009).

Тексты художественной литературы часто являются источником определённых заключений, при этом они не всегда смешиваются с подлинными речевыми фактами. Так, анализируется лексика художественных текстов, связанная с условиями двуязычия, в работе Э. С. Сантуевой «Особенности функционирования русского языка в художественной литературе лакских писателей», которая констатирует, что «явления лексико-семантической, грамматической и стилистической интерференции единичны» [Сантуева, 1999, с. 9]. На материале прозы В. Распутина внелитературная лексика рассматривается как субъективация авторского повествования (Э. Н. Поляков, 2005), на материале произведений В. П. Астафьева — как авторская рефлексия (Андрусенко, 2012), как идиостиль (Л. Н. Падерина, 2005; Т. А. Демидова, 2007; Ю. Г. Бобкова, 2008) и т. д. Специально внелитературной лексике посвящена диссертация Т. А. Михалкиной [Михалкина, 2000], которая диалектизмы трактует широко, включая и вульгаризмы, и грубо просторечную лексику.

Особенности русской речи нерусских обозначаются как социолект, этносоциолект, этническое просторечие.

Особое место в истории вопроса занимает учение о внелитературном речеведении В. В. Виноградова.

Творчество В. В. Виноградова актуально в современной лингвистике. Характеристика В. В. Виноградова как «создателя теории художественной речи» [Шмелёва, 1995, с. 3] традиционна. Мы обратимся к первой части работы исследователя «О художественной прозе» [Виноградов, 1980, с. 11] — «Язык литературно-художественного произведения», опубликованной автором в 1930 году. В целом об этой работе В. В. Виноградова написано много [Одинцов, 1983; Болотнова, 1996, 2006; Шмелёва, 1995 — см.: Юдакин, 1995], но, как нам представляется, её проблематика не исчерпана.

Рассмотрение текстов классической лингвистики целесообразно проводить

в трёх направлениях: выделение проблем, относительно решённых современным языкознанием; активно решаемых сегодня; обозначенных автором, но не привлёкших должного внимания исследователей.

Программная статья В. В. Виноградова «О художественной прозе» написана в 1930 году, за четыре года до I съезда писателей (1934), предварявшегося одной из самых значительных дискуссий о языке в стране.

В послеоктябрьский период в литературу пришли молодые писатели со своим видением жизни, своим языковым опытом. Нормированный русский литературный язык не вмещает всех впечатлений, всех эмоций. С другой стороны, некоторым из них этот нормированный язык был не очень и знаком. Масса слов «за пределами русских словарей» проникла в художественную литературу. В это время шла речь не только об уместности диалектизмов в художественном тексте, но и о правомерности внелитературной лексики, как в художественных текстах, так и в литературном языке в целом. Ряд работ А. М. Горького («О прозе», «По поводу одной дискуссии», «Открытое письмо к Серафимовичу», «О бойкости языка молодых писателей»), статьи Ф. Панфёрова, Д. Бедного, К. Федина — мнения и этапы дискуссии. Со словами Горького, что «литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски», нельзя не согласиться. Но привело это к полному исчезновению элементов народной речи из художественных произведений и на годы укоренившемуся «музейному отношению к слову» (В. П. Астафьев).

В центре работы В. В. Виноградова стоит вопрос о внелитературной лексике как речевой основе стиля художественной литературы. Очевидно, после съезда было нецелесообразно вновь обращаться к этой проблеме. И она была не то чтобы забыта, но воспринята последующим языкознанием не полностью.

«В русской филологии до самого последнего времени существует наивное представление о характере отношений языка литературно-художественного произведения к «общему» письменному языку современной эпохи» [Виноградов, 1980, с. 57]. «Вопрос о взаимоотношениях общеписьменного языка, разговорного языка интеллигенции и языка литературно-художественных произведений традиционной лингвистике продолжает казаться необыкновенно простым и ясным.

Стираются всякие дифференциальные знаки между разными значениями литературы» [Виноградов, 1980, с. 58].

«Необходимо, прежде всего, остановиться на теме: социальная структура «общего» письменного и устно-бытового языка и её отражение в литературе».

«Дальше общих рассуждений о необходимости учитывать в процессе литературной эволюции формы соотношений между системами социально-группового языка в данное время и системами социально-художественной речи в ту же эпоху дело не двинулось. Исторически осуществлённые формы соотношений их не описаны. Больше того: реальное разнообразие языковых «жанров» в каждой из этих двух сфер ни для одной эпохи не установлено»... «Можно утверждать, что формы «диалектического», «жаргонного», вообще «**внелитературного**» **речеведения** в художественной литературе (ср., например, язык И. Бабеля, Арт. Весёлого, Л. Леонова, М. Зощенки, А. Ремизова и др.) всегда имеют за собою, как второй план построения, смысловую систему «общелитературного» языка данной эпохи» [Виноградов, 1980, с. 58, 61, 83].

В. В. Виноградов ставил вопрос о сопоставлении языка подлинных территориальных и социальных диалектов («бытовой», «социально-прагматической» природы прозы) с их отражением в художественном тексте. Именно это он считал одной из важнейших сторон изучения языка художественных текстов. Такой подход, с его точки зрения, осложняется, во-первых, отстранением непосредственно от текстов, во-вторых, неразработанностью лингвистики русских социально-групповых языков.

«Почти исчезает под терминологией «стилистических» прикрытий из глаз современного исследователя «новой литературы» *язык* художественных произведений... И нет фона, на котором обрисовались бы формы обусловленности (если, конечно, она существует) художественной речи социально-языковыми расслоениями быта. Поэтому вопроса о соотношении между «социологией» художественной речи и социологией бытового языка избегают не только абстрактно теоретизирующие литераторы, но даже исследователи конкретного материала» [Виноградов, 1980, с. 56–176, 66].

Стилистика индивидуального творчества была основой понимания принципов языковой эволюции. Историю литературного языка определяло изучение языка «генералов», что не совсем адекватно отражало литературный процесс.

Чрезвычайно остро автором поставлен вопрос о разграничении литературного языка и языка художественной литературы. Справедливости ради следует отметить, что В. В. Виноградов, в 1930 году абсолютно чётко разделяя литературный язык и язык художественной литературы, после полного выхода в свет БАС, где традиционно лексика ССРЛЯ преимущественно выделена из корпуса художественных текстов и проиллюстрирована примерами из художественных произведений, публикует работу, указывающую на отдельные его недостатки, но не на качество источников [Виноградов, 1956]. «Зависимость словаря от круга источников, которые положены в его основу, несомненна; степень разработки их прямым образом определяет лицо словаря и, прежде всего, сказывается на словнике, характеризуя не только количественную, но и качественную сторону его» [Бабкин, 1996, с. 6].

Перед сегодняшней лингвистикой стоит проблема **«внелитературного речеведения»**, которое не организовано в самостоятельное лингвистическое направление. По внелитературному речеведению обобщающих, программных, работ нет. В других европейских языках аналога внелитературному речеведению не существует. Однако очевидно, что в традиции русского языка есть внелитературные элементы, функционирующие в рамках литературных текстов (устных и письменных). Прежде всего это региональные варианты литературного языка (локально окрашенная литературная речь) на уровне фонетики и внелитературная лексика в художественных текстах, а также т. н. регионализмы, локализмы, этническое просторечие и т. п.

Итак, опираясь на работу В. В. Виноградова, мы можем заключить, что в лингвистике актуальны разработка принципов внелитературного речеведения, выделение основных аспектов его описания; обобщение имеющегося в русистике материала по функционированию внелитературных элементов разного уровня в литературных устных и письменных текстах; рассмотрение каждого языкового

уровня в отдельности (в фонетике, словообразовании, морфологии и синтаксисе; в лексике), выделение лексического уровня в качестве центрального.

Внелитературная лексика и ранее осознавалась как особая самостоятельная группа лексики, но терминологически репрезентировалась в каком-либо одном её виде. Так, долгие годы она отождествлялась с *диалектизмами*. Диалектизмы олицетворяли собой всю внелитературную лексику (противопоставленную общенародной) как в системе диалекта, так и в языке художественной литературы. Так, характеристика дискуссии о языке 1934 года обычно связывается с диалектизмами в художественном тексте, хотя в тексты приходит масса просторечий и жаргонизмов. Тогда вопрос стоял, несомненно, шире — речь шла в целом о ВЛ в русском литературном языке. С одной стороны, всю ВЛ в ходе дискуссии представляют диалектизмы, с другой — литературный язык в целом репрезентируется в языке художественной литературы. Так, Ф. П. Филин писал: «Весьма характерна в этом отношении дискуссия 1934 года, возглавленная А. М. Горьким, который требовал ответственного отношения художника к языковым средствам, в частности, выступал против злоупотребления диалектизмами» [Филин, 1981, с. 315]. Его оппонент В. Г. Костомаров по поводу той дискуссии замечает: «Жёсткая, едва не пуристическая линия выявилась в дискуссии о языке 1934 года, освещённой авторитетом М. Горького и осудившей диалектизмы, нарушения традиционного употребления» [Костомаров, 1978, с. 40]. Классификация диалектизмов, рассматриваемая И. А. Оссовецким как систематизация явления, представленного в художественных текстах, до настоящего времени используется при описании собственно диалектной лексики [Оссовецкий, 1971] и т. д. В программах сбора диалектного материала в разделе «Лексика» значилось: к диалектной лексике относятся все слова, не отмеченные в толковых словарях ЛЯ (готовились словари дифференцированные), хотя проблема много сложнее — есть ли т. н. деревенское просторечие [Пирко, 2007], бытуют ли в современных говорах жаргонизмы и т. д. «Такой взгляд на иносистемное слово, в частности на диалектное, широко распространён в практике русской областной лексикографии, как известно, получившей в последние десятилетия в нашей стране заметное развитие» [Коготкова, 1986, с. 93].

В 30–50-е годы, в период борьбы с областной лексикой в художественных текстах, писателям рекомендуют замену диалектных слов на *просторечные*, в ряде случаев это связано только с заменой терминов. «При наличии колебаний в сторону большего или меньшего их привлечения (диалектизмов в художественные тексты. — Л.С.) существует одно правило, — как нам кажется, обязательное для тех, кто диалектизмы использует: вводятся в произведение чаще всего диалектизмы, осознаваемые носителями литературного языка как диалектизмы, большей частью в функции диалектизмов используются просторечные слова. Это вполне естественно, так как обилие неизвестных для читателей слов понизило бы общественную ценность художественного произведения» [Григорьева, 1954, с. 11]. «Чехов с его удивительной, доведённой до совершенства ясностью применения слов и их связей, прозрачным синтаксисом, милой и грустной иронией семантики, неназойливым, неброским включением в речевую ткань разговорно-просторечной лексики (чтобы не повредить единству литературного языка народа!) <...> обогатил русскую художественную, а шире — литературную речь» [Головин, 1988, с. 224]. Соответственно характеризуют язык писателей критики. Так, о стиле В. П. Астафьева, в основе которого используется широкая палитра внелитературной лексики с преобладанием диалектизмов [Падерина, Самотик, 2008], В. Курбатов писал: «Его (В. П. Астафьева. — Л.С.) стихия — просторечие: радостная, животворная культура, которой Астафьев отдаётся открыто, празднично, которой нарадоваться не может и в которой спасается от унифицированной литературной речи» [Курбатов, 1976, с. 121] и др. (правда, в дальнейшем народно-разговорную речь рекомендуют стилизовать через синтаксические конструкции [Рыбникова, 1935]).

Л. Л. Якубинский, анализируя диалектные материалы Д. К. Зеленина, замечает, что «строго устойчивыми являются собственно одни термины — названия различных орудий и других предметов домашнего обихода». Слово *термин* обозначает предметную лексику в противопоставлении экспрессивам, которые не имеют устойчивого языкового значения и «в каждом данном случае употребляются часто иные слова-синонимы по сравнению с точно таким же следующим случа-

ем» [Якубинский, 1986, с. 67] и т. д.

С выходом статьи о языке романа В. Аксёнова «Апельсины из Марокко» [Скворцов, 1966], названном в ней *жаргонизированным* (хотя там употребляется значительная часть просторечий), стал использоваться в расширенном значении этот термин (что, очевидно, связано с формированием интержаргона (см. «жаргонизированные лексические средства» у Л. И. Скворцова; заголовки и тексты статей некоторых лингвистов, например статью «Жаргонизированная лексика и фразеология в обиходно-разговорной речи молодёжи» И.А Подюкова и Н. Ю. Маненковой и др. [Подюков, Маненкова, 1991]).

В 80-е годы выделяется специализированное обозначение такого рода явлений — **внелитературная лексика**. Этапными в этом отношении можно назвать две статьи, опубликованные в сборниках Института русского языка: Е. Ф. Петрищевой «Внелитературная лексика в современной художественной прозе» [Петрищева, 1982] и Т. С. Коготковой «Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» [Коготкова, 1986]. Однако в этих работах сочетание ВЛ в строгом смысле не терминологизировано, то есть в текстах нет определений, не регламентированы и другие моменты теории и практики его использования.

Словарь Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой первым из терминологических словарей включает это понятие: «Внелитературная лексика — это слова, находящиеся за пределами литературного языка (диалектизмы, арготизмы, жаргонизмы, вульгаризмы)» [Розенталь, 1976], то есть оно равно понятию *нелитературная лексика*. С другой стороны, слова обозначаются терминами с суффиксом *-изм*, чужеродными в системе ЛЯ. ВЛ была включена в словник «Энциклопедического словаря по культуре русской речи» автором этих строк [Культура русской речи, 1990], затем в «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М. Н. Кожинной помещена словарная статья, написанная красноярским лингвистом О. Н. Емельяновой: «Внелитературная лексика — это слова и словосочетания, а также их отдельные значения, находящиеся за пределами литературного языка, они активно используются создателями текстов, в том числе художественных и публицистических, в качестве стилистических средств» [Емельянова,

2003]; см. также статью «Лексика внелитературная» в учебном пособии Л. Г. Самотик [Самотик, 1998, с. 130].

В разных источниках употребляется сочетание *внелитературная лексика* вразных значениях: как обозначение лексики, стоящей за пределами литературных текстов в других подсистемах национального (общенародного) русского языка — в народных говорах, просторечии, жаргонах и т. п. (1); как лексика, актуализированная в литературных текстах, но стоящая за пределами литературного языка — диалектизмы, просторечия, жаргонизмы и др. (2); в нерасчленённом виде обе категории лексики (3); как слова литературного языка, пришедшие из нелитературных форм существования национального языка (4); как особая категория лексики — феномен русского национального языка (наше представление об этой категории слов — 5).

Различно понятие внелитературной лексики, и, что с этим непосредственно связано, различено объём понятия, который устанавливается нами по текстам с учётом: определения; использования примеров в следующих разновидностях:

1) реализация собственно авторского представления о возможностях словоупотребления («речения»); 2) примеры из записей подлинной народно-разговорной речи; 3) цитаты из художественных текстов. При этом важно наличие/отсутствие соотношений с данными словарей.

Так, например, Е. Ф. Петрищевой в понятие ВЛ включаются *внелитературное просторечие, диалектизмы, сленгизмы и жаргонизмы* [Петрищева, 1984, с. 192–208]. При этом чётко определяется круг лиц, использующих эти элементы в своей речи, — малограмотные носители языка.

Внелитературное просторечие называется в соответствии с выделенным Ф. П. Филиным *литературным просторечием*. Примеры из художественных текстов. Автор чётко разграничивает понятия *диалектизм* и *диалектное слово*: «Диалектизмы и слова, не имеющие традиций использования в литературной речи» [Петрищева, 1984, с. 196]. Примеры приводятся исключительно из художественных текстов (модель 2). *Сленгизмы и жаргонизмы* рассматриваются как «средство отталкивания говорящих от литературного способа словоупотребления» и разли-

чаются следующим образом: сленгом пользуются различные группы населения, а «жаргонизмы — языковые факты, принадлежащие каким-либо определённым группам» [Петрищева, 1984, с. 202]. Среди единиц этой лексики выделяются автором слова, имеющие культурно-социальную закреплённость и не имеющие её, воспринимаемые как «своего рода фамильярничанье с литературным языком» и «сознательное игнорирование литературного языка» [Петрищева, 1984, с. 205]. Примерами являются как отдельные слова, так и цитаты, то есть определяется принадлежность их и к подлинному сленгу, и к художественной речи (модель 3).

Т. С. Коготкова под внелитературной лексикой понимает актуализированные в художественных текстах нелитературные слова. «Лексика внелитературная, т. е. иносистемная по отношению к нормализованному языку. При её классификации мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые, видя в слове сложное диалектическое единство различных проявлений, как в плане содержания, так и в плане выражения, считают возможным квалифицировать слово как принадлежащее к иносистемной лексике, если хотя бы по одному из языковых показателей оно дифференцируется с его аналогом в литературном языке. <...> В приложении к языку художественной литературы диалектность определяется совокупностью дифференциальных признаков, которые достаточно полно сгруппированы И. А. Оссовецким» [Коготкова, 1986, с. 92–93]. Тамара Сергеевна выделяет при этом диалектизмы и т. н. *ложные диалектизмы* (вторичные заимствования), *интердиалектный просторечный фонд* и собственно *просторечия*. Круг обозначенных внелитературных слов в данном случае определяется спецификой анализируемого художественного текста (модель 2).

Г. Н. Складарская под *лексическими внелитературными средствами* понимает нелитературную лексику [Складарская, 1994, с. 19] (модель 1).

Словарь Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой квалифицирует ВЛ как стоящую за пределами ЛЯ (модель 1).

О. Н. Емельянова внелитературную лексику делит на *диалектизмы* (примеры из художественной литературы — модель 2), *просторечную лексику* (примеры — отдельные слова без источника, но представленные как просторечные в МАС и

как *неправильное, грубо неправильное, профессиональное* в орфоэпическом словаре, то есть это слова как из собственно просторечия, так и из просторечия литературного, — модель 3); *вульгаризмы* (примеры как отдельные слова, так и цитаты из художественных текстов) — фиксированные в МАС с пометой *прост. груб., презр., бран.*, без помет — модель 3; *жаргонизмы* (примеры — отдельные слова из интержаргона, «переходящие в общенародный язык и воспринимаемые как разговорные или просторечные слова», не отмеченные в МАС — модель 1). Далее указываются *арготизмы*, примерами служат отдельные слова; «многие из арготизмов, потерявших связь с арго, воспринимаются как разговорные или просторечные слова». Таким образом, речь идёт о лексике по происхождению арготической (модель 4). Итак, О. Н. Емельяновой выделяются разновидности внелитературной лексики на разных основаниях: это и актуализированная в текстах литературного языка лексика других подсистем, и собственно слова этих подсистем, и лексика по своему происхождению нелитературная. В основе классификации социолингвистические и собственно стилистические признаки [Емельянова, 2003, с. 36]. Существуют и другие взгляды: *вульгаризмы*, например, Л. В. Щерба относит к литературному языку: «Особо стоят три, если не четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвёртый — вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик, лицо, морда, рожа; вкушать, есть, уплетать, лопать* или *жрать* (<...> что касается слов *трескать, шамать*, то они являются нелитературными, арготическими)» [Щерба, 1957, с. 121]. Таким образом, Ольга Николаевна опирается на все три модели — 2, 1, 3.

Л. И. Скворцов пишет в своей монографии о культуре речи: «Обычно обращаются к тем словам и выражениям, которые известны разговорной речи, встречаются в публицистике, в языке научной и художественной литературы, но не получили отражения в словарях. Такого рода слов и выражений немало, и идут они обычно из профессиональной речи и из арго, из диалектов и просторечия, являются заимствованиями из других языков или оказываются результатом индивидуального словотворчества» [Скворцов, 1980, с. 236]. Л. И. Скворцов акцентирует внимание

на словах, пришедших в ЛЯ из нелитературных сфер речи. «Литературный язык постоянно пополняется за счёт диалектной, просторечной и жаргонной (арготической) лексики, которая приходит *в общее употребление*, как правило, в изменённом виде и обычно утерев семантическую связь со своим источником возникновения и специфического бытования» [Скворцов, 1980, с. 162], то есть речь идёт о лексике ЛЯ, нелитературной по происхождению. Некоторые другие авторы под диалектизмами также понимают лексику ЛЯ, попавшую в литературный язык из русских народных говоров [Назаренко, 2003, с. 134] — модель 4 и т. д.

ВЛ имеет разный набор составляющих, и значения этих составляющих у разных авторов различны.

Однако, с нашей точки зрения, термин удобен, так как акцентирует две основные стороны понятия: выделяет его среди других пограничных групп современного русского языка и представляет эту категорию лексики как относительное единство, совокупность ряда объединённых по определённым признакам разрядов. Этот термин позволяет параллельно сохранить традиционную терминологию: диалектизмы, просторечия, историзмы, архаизмы, экзотизмы.

ВЛ имеет лексикографическую представленность. Есть специальные авторские словари, где фиксирована только ВЛ. В некоторых уже в заголовке указывается на их дифференцированный характер (например, словарь К. А. Логиновой «Словарь-комментарий слов, не вошедших в толковые словари современного русского языка, из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» [Логинова, 1984]). Среди изданных в последнее время: «Словарь языка Василия Шукшина» [Елистратов, 2001]; «Слово народное в произведениях В. И. Белова» [Яцкевич, 2004]; «Словарь языка забайкальского писателя Е. Е. Куренного» [Шангина, 2006]; «Историко-лингвистический словарь трилогии А. М. Бондаренко «Государева вотчина» [Шарифуллин, 2007], словари, изданные в г. Красноярске: «Словарь исторической прозы А. И. Чмыхало»; «Язык “Турецкого гамбита”» Б. Акунина: Очерк и словарь»; «Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева» и др. [Самотик, 1999; Самотик, 2005–1; Падерина, Самотик, 2008]. (См. типологии словарей языка писателей [Мельниченко, 1995; В. А. Козырев, В. Д. Черняк,

2000, с. 208–216; Девкин, 2000; Лукьянова, 2005; Шестакова, 2011].) Особое значение для развития авторской лексикографии имеют работы ИРЯ РАН — Антология «Русская авторская лексикография» под редакцией Ю. Н. Караулова [Русская... лексикография 2003, с. 480–487] и монография Л. Л. Шестаковой «Русская авторская лексикография: Теория, история, современность» [Шестакова, 2011].

Приводится ВЛ и в различных специализированных словарях: некоторых *диалектных*, например в «Словаре русских говоров Среднего Урала», куда включена ВЛ произведений П. П. Бажова, А. П. Бондина, П. И. Заякина-Уральского, И. Ф. Колотовкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Г. Туркина [СРГСУ, 1964, с. 15]; в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Э. Элиасова, где использованы повесть И. Т. Калашникова «Изгнанники» (1834), романы и повести И. Калашникова «Последнее отступление», «Подлесок», «Разрыв-трава» (60–70-е годы XX века), рассказы Н. И. Наумова «Рассказы о старой Сибири», повесть А. М. Поповой «Семейские», роман К. Ф. Седых «Даурия», «Записки охотника Восточной Сибири» А. А. Черкасова, повесть И. Чернева «Семейщина» [Элиасов, 1980, с. 31–48] и нек. др.; *жаргонных* — В. Быкова [Быков, 1994, список источников, с. 220–221], Д. И. Квеселевича [Квеселевич, 2003], Н. П. Колесникова, Е. А. Корнилова [Колесников, Корнилов, 1996, с. 348–378], использующих в качестве одного из источников художественные тексты, и т. д. Есть внелитературная лексика в полных словарях языка писателей и отдельных произведений, словарях архаизмов, редких слов, историзмов и нек. др. Интересны словари произведений т. н. национальной литературы, создающей средствами русского языка образ инонациональной речевой среды в бывшем Советском Союзе: «Словарь сочинений Хачатура Абовяна» Г. К. Гаспаряна [Гаспарян, 1947]; «Словарь языка Али Шогенцукова» Л. Г. Захохова [Захохов, 1975]; «Словарь языка Абая» под общей редакцией А. Искакова [Искаков, 1968]; «Частотный словарь по роману М. О. Ауэзова «Путь Абая» К. Б. Бектаева и А. Х. Джубанова [Бектаев, 1979]; «Словарь языка Дмитрия Гулиа» Н. В. Аршбы и С. М. Начкебии [Аршба, 1986].

Итак, ВЛ имеет как самостоятельную, так и долевою лексикографическую представленность, но этот факт как бы «не осознан» наукой, не разработана отнесён-

ность таких словарей к системе дифференцированных наряду с диалектными словарями, не представлены критерии словарей внелитературной лексики, не предложена для такой лексики единая система стилистических помет в словарях разных типов и т. п. Лексикографическое описание внелитературной лексики является перспективным как в специальных словарях, так и в словарях других типов.

На внелитературную лексику обращают внимание в первую очередь при восприятии художественного текста как рядовые читатели, так и исследователи.

Чаще такое внимание к языку художественного произведения в недалёком прошлом было связано с отрицательным отношением. Так, Л. И. Скворцов, сопоставляя тексты двух «деревенщиков» — П. Проскурина и В. Астафьева, пишет:

«То, что критиками и литературоведами определяется как стилистические неточности, языковые «переборы» (Ф. Бучнева), «слова-уродцы» и «слова-паразиты» (Ф. Кузнецов), относится главным образом к свободному употреблению в авторской речи и репликах персонажей таких слов и выражений, как *шаврались, надывать, срубать*» («Наш современник», 1976, № 4, с. 15; далее автор указывает страницы из «Царь-рыбы», которые мы опускаем. — Л.С.) [Скворцов, 1980, с. 222]. С другой стороны, о языке произведений В. П. Астафьева читаем: «Язык Астафьева напрямую противопоставлен вылощенному «безупречному» языку ревнителю школьной грамотности и академической гладкости» [Яновский, 1982, с. 36]. «Астафьев с настоящей страстью... упрямо сопротивляется унифицированной литературной речи» [Курбатов, 1985, с. 3]. В «Книге одной жизни» В. Курбатов говорит о сохранении в произведениях писателя языка прошлого Сибири [Курбатов, 1984, с. 149]. И в результате предложение: «Попробуем исключить из астафьевского текста все необычные и необщепринятые обороты речи и слова, и этот текст поблекнет, перестанет существовать» [Залыгин, 1977]. Ему вторит Н. Н. Яновский: «Ведь стоит только представить, что было бы с языком Астафьева, если исключить эту смелость обращения со словом, эту яркость — какие тогда возникли бы потери?!» [Яновский, 1988, с. 124] и т. д.

Аналогичным образом оценивается язык и других писателей. Многочисленные в советское время дискуссии о языке чаще других проблем

касаются места внелитературной лексики в художественных текстах. Это началось с 20–30-х годов. Кружком ОПОЯЗ (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Л. Якубинский, О. Брик, Ю. Тынянов) выдвигается примат приёмов в литературоведении и создаётся так называемая *лингвопоэтическая теория* (Р. Jakobson, В. Шкловский). Литературная полемика о проблемах пролетарской культуры и её отношении к культурному наследию прошлого в 1934 году развернулась в дискуссию о литературном языке. На I Всесоюзном съезде писателей вопросы языка связывались с проблемами развития реализма. В 30-е же годы сталкиваются мнения вокруг проблемы соотношения классовости и народности в художественном творчестве, однако, высоко поставив народность в искусстве («Внимание к категории народности литературы было вызвано усилившимся интересом к отечественным патриотическим традициям, к национальному культурному наследию, к фольклору» [Роговин, 1978, с. 463]), участники дискуссии не «реабилитировали» народный язык. Р. А. Будагов отмечает «лингвистическую дискуссию 1950 года о «классовых языках» (о «маризме» в языкознании), под которыми понимались социальные и территориальные (как язык крестьянства) диалекты [Будагов, 2002, с. 144].

На протяжении многих лет ставится вопрос о «правдивости» («В 1-й половине 50-х гг. <...> понятие «реализм» отождествлялось с понятиями «правдивость», «художественность» и даже «прогрессивность» [Роговин, 1978, с. 468]). Новый поворот дискуссии вопросы получают в связи с обсуждением статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе» в журнале «Новый мир» [Померанцев, 1953]. Померанцев объявляет искренность писателя ведущим критерием оценки художественного произведения. «Честность» писателя на языковом уровне трансформируется в проблему достоверности внелитературной лексики. Это связанные категории, так как знание предмета — внелитературной лексики — писателем и читателем неравнозначно; независимо от уровня знаний читателя, писатель должен быть добросовестен. Понятие «достоверность» очень сложное, особенно относительно заимствованных слов и понятий. Оно стоит в связи с философской категорией «доверие» (по Локку — вторичное качество, образующееся благодаря психике). И. Кант считал такие качества субъективными — апостери-

альными, то есть реальными, и т. д. [ФЭС, с. 207]. См. также работу Н. Н. Панченко «Достоверность как коммуникативная категория» [Панченко, 2011].

Н. С. Болотнова обращается к «дискуссии о статусе стилей языка и речи и месте языка художественной литературы» 50–60-х годов на страницах журналов «Вопросы языкознания» и «Вопросы литературы» [Болотнова, 2006, с. 34], которая развернулась в рамках дискуссий о стилевых проблемах современного искусства.

Ф. П. Филин указывает: «Та же горьковская линия (дискуссии о языке на I съезде писателей. — Л.С.) проявилась в дискуссиях 1960 г. (на страницах «Известий»), 1965 и 1976 гг. (в «Литературной газете»)» [Филин, 1981, с. 315]. Литературные дискуссии 60–70-х годов, связанные с анализом нравственных исканий советской литературы, выявили значение «деревенской прозы». «Некоторые критики расценивали интерес Е. Дороша, В. Белова, В. Распутина и др. к уходящим в прошлое народным типам и характерам как отход от актуальных проблем современности. Выступая на VI Всесоюзном съезде советских писателей (1976), Ф. Абрамов в полемике с подобными взглядами говорил о роли «деревенской прозы» в утверждении преемственности нравственных начал, в защите непреходящих ценностей, накопленных духовным опытом народа» [Роговин, 1978, с. 463]. С этого времени появляются работы, высоко оценивающие использование диалектизмов в художественной прозе.

Писатели часто отстаивали крайнюю точку зрения в споре о языке художественных текстов. Такова была позиция А. К. Югова, резко выступавшего против «нормализаторов от науки» [Югов, 1962; Югов, 1972]. Отстаивал «право писателей на неграмотность», по словам Ф. П. Филина, В. Гусев, сторонник «полной автономии языка художественной литературы» [Гусев, 1975; Филин, 1981, с. 313] и др. В 1981 году в «Литературной газете» была опубликована статья Г. Павлова «Растёт ли слово на асфальте?», ставшая основой новой дискуссии. Автор приводит ряд просторечных и жаргонных слов, не отмеченных в толковых словарях литературного языка, но известных из бытового общения. Он пеняет горожанам за употребление этих слов и противопоставляет им деревенских жителей [Панфилов,

1989, с. 72].

Л. И. Скворцов, обращаясь к общественной дискуссии о русском языке «Язык и время», проведённой «Литературной газетой» в 1971–1974 годах, отмечает: «В современных спорах речь идёт о судьбе иноязычных заимствований, о чистоте и ясности научного стиля, о диалектных, профессиональных и просторечных элементах в канве литературных художественных произведений, о штампованности письменной речи и о многом другом важном и актуальном для сегодняшнего состояния русского языка» [Скворцов, 1980, с. 12]. Известна дискуссия о жаргонизмах в языке произведений В. П. Аксёнова на страницах периодической печати и на II съезде писателей РСФСР, вылившаяся в проблему нового молодого героя и молодёжного жаргона в художественном тексте.

В 60–70-е годы важное место занял вопрос о внутренней типологии советской литературы, в связи с чем говорится об особенностях младописьменных литератур. Проблемна и национальная литература на русском языке. В этот же период на основе анализа работ Ю. Лотмана, В. Иванова некоторыми критиками утверждалось, что это возвращение к примату художественной формы и «лингвистической» методологии «формальной школы 20-х лет» [Тимофеев, 1963]. Некоторые исследователи-эстетики выступили с мнением, что использование новых методов отвечает характеру современного знания. Развязалась также дискуссия вокруг монографии М. Харченко «Художественное творчество» (1976) об истолковании эстетического знака как условно-произвольного кодового знака-символа.

Современные споры вокруг языка художественных текстов активизировались в 90-е годы, они были сосредоточены на качестве не только художественной, но и публичной речи [Самотик, 2000, с. 134]. Внимание «нелингвистов» — писателей, журналистов, рядовых носителей языка — привлечено к таким явлениям, как жаргонизация, англизация и сквернословие. Лингвисты видят также перераспределение между активным и пассивным словарными запасами ЛЯ, смену оценочной стороны значений, эвфемизацию, персонификацию публичной речи и её доступность, приобретение русским языком статуса государственного, сужение территории распространения русского языка при сохранении сфер и функций и

т. д. В этот период выходят значимые не только в русистике работы: А. Д. Дуличенко «Русский язык конца XX столетия», 1994; «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», 1996; Н. Г. Самсонов «Русский язык на пороге XXI века», 1998; Ю. Н. Караулов «О состоянии русского языка современности», 1991; В. Г. Костомаров «Языковой вкус эпохи», 1994 и др. Одним из примеров дискуссий этого времени может служить организованная радио «Свобода» дискуссия о языке «Русская речь в XX веке» (14 января 2001 года, автор проекта Елена Олешанская), в которой принимали участие Е. А. Земская, Р. И. Розина, М. А. Кронгауз, В. А. Плунгян, Е. Е. Левкиевская, Л. Л. Касаткин, Л. П. Крысин, Михаил Субботин (США).

Таким образом, проблемы внелитературной лексики в рамках литературного языка и, прежде всего, языка художественной литературы постоянно привлекали внимание общественности, хотя сам феномен не был осознан.

Итак, сочетание ВЛ достаточно широко используется в литературе, ВЛ выделяется как особый фрагмент лексической системы РЯ. ВЛ представлена в лексикографической практике, но не терминологизирована, нет устоявшейся дефиниции у этого понятия, оно не осознано как самостоятельный объект специального лингвистического исследования, не определена лингвистическая природа этого явления и его место в системе языка, не представлена классификация (типология), не выявлена специфика ВЛ со стороны восприятия речи, не создана атмосфера понимания внелитературной лексики как единого феномена русского языка, представляющего социальную дифференциацию в художественном тексте и т. д. Таким образом, проблема внелитературной лексики русского языка актуальна, она выходит за рамки чисто терминологической. Настоящая работа покрывает фрагмент поля внелитературной лексики русского языка, становится ступенькой, приближающей к решению большой проблемы. Мы считаем, что разработка этого фрагмента должна вестись с использованием сочетания *внелитературная лексика* в терминологическом значении. Внелитературная лексика является фрагментом лексики русского языка, её системы.

1.2. Текст как сложная речевая и знаковая система

Текст — наиболее сложная и разносторонне описанная единица языка. «По подсчётам Ю. А. Сорокина ([Сорокин, 1993, с. 132], показано в работе Н. С. Болотновой) существует около 250 различных определений текста. Это связано как со сложностью и многоаспектностью самого понятия, так и с многообразными сторонами его рассмотрения в разных областях знания. Как отмечает Е. Н. Левинтова [Левинтова, 1992, с. 34–35], текст изучается сегодня 17 науками: психологией и социологией, философией и историей, лингвистикой и литературоведением и т. д.» [Основы текстологии, 2000, с. 6]. Мы следуем за определением текста, данным Н. С. Болотновой: текст — это «речевое произведение, концептуально обусловленное (т. е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определённой сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность (она может быть и нулевой)» [Основы текстологии, 2000, с. 9].

Широкое лингвистическое понимание текста отражено во взглядах Л. В. Щербы: «Языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции «языковым материалом» (третий аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это «тексты» (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это «литература, рукописи, книги» [Щерба, 1974, с. 26]. Ср.: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это — сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов» [Лотман, 2000, с. 72].

По определению И. Р. Гальперина, «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде пись-

менного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку <...>. Текст не является уровнем языка» [Гальперин, 1981, с. 18]. Такое определение исключает понятие текста как особого языкового уровня и выносит за его рамки устные тексты. «Текст может рассматриваться как уровень, но не языка, а речи. Речь тоже системна», — пишет он [Гальперин, 1981, с. 3].

К основным категориям текста автор относит когезию и континуум. «Когезия — это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин, 1981, с. 75]. Средствами когезии являются: деление текста на абзацы, повторяющиеся полнозначные слова, местоимения, служебные части речи, взаимоотношения временных форм глаголов, метафоры и др. (с. 73–75). И. Р. Гальперин отмечает и «дистантную когезию, осуществляемую главным образом лексическим повтором» (с. 76). Он называет среди других средств дистантной когезии и просторечие [Гальперин, 1981, с. 93]. Очевидно, лексика, создающая концептуальный образ инонациональной речевой среды, также выступает в роли дистантной когезии.

Вводя новую речевую текстовую категорию «континуум», И. Р. Гальперин отмечает: «Категория континуума непосредственно связана с понятиями времени и пространства», но при этом замечает: «Временные и пространственные параметры художественного текста кардинально отличаются от тех, которые мы находим в других типах текстов. Создавая мир воображаемый, мир, в котором действуют вымышленные лица и в большинстве случаев в условном пространстве, автор волен сжимать, расширять, обрывать и вновь продолжать время действия и пространство в угоду заранее ограниченной содержательно-фактуальной информации. Хронологическая последовательность событий в художественном тексте вступает в противоречие с реальным течением времени, которое, подчиняясь замыслу автора, лишь создаёт иллюзию временных и пространственных

отношений. Как образ в художественном произведении лишь подобие, типизация живого прототипа, так время и пространство представлены в нём лишь в своих типических проявлениях» (с. 87). Таким образом, в художественном тексте создаётся образ пространства и времени, в том числе и экзотизмами, диалектизмами — художественное пространство, историзмами и архаизмами — художественное время (Л. В. Щерба).

«Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «времяпространство») <...>. Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры) <...>. В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп <...>. В литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [Бахтин, 1975, с. 235, 268–269]. И. Р. Гальперин же считает наиболее значимым в художественном тексте построение пространства. «Континуум — это категория, обеспечивающая конкретность, реалистичность описания <...>. Пространственный континуум в художественных текстах значительно более точен, чем временной» (с. 89). Образ инонациональной речевой среды в русском художественном тексте наряду с другими вербальными средствами создаёт специфический для каждого текста хронотоп.

Кроме временных и пространственных отношений в тексте возникают и причинно-следственные связи (детерминизм, каузальность [Кондаков, 1971, с. 121, 211,

417; ФЭС, 2002, с. 131, 205–206]), детерминируя текст и скрепляя его, таким образом, выступая как факт когезии. «Ряд событий, образующих одно целое, связан с причинностью» [Потебня, 1976, с. 333]. Является ли детерминация действительности её объективным свойством или это специфически человеческий способ восприятия мира — решат философы. Но в текстовых отношениях она играет значительную роль и обозначается И. Р. Гальпериним, но не квалифицируется им.

Текстовый детерминизм отрицается в синергетическом подходе (синергетика — теория универсального эволюционизма): «А. Генис излагает основные положения синергетики, выступая апологетом хаоса и врагом «умышленной» логики, апофиозом которой становится план, символ жёсткого детерминизма, технократического мышления, причинно-следственной связи, выводимости будущего из настоящего, веры в лишённую тайн, беззащитную перед умным интегралом Вселенную» [Сулименко, 2007, с. 135].

Теория текста — самостоятельный раздел языкознания. А. А. Чувакин суммирует понимание текста таким образом: знак (сложный или знаковая последовательность) — в аспектах его устроенности: структурной, содержательной, функциональной, (коммуникативной, прагматической), парадигматики и синтагматики (А. Г. Баранов, В. Г. Гак, Л. М. Лосева, О. И. Москальская, А. И. Новиков, Е. А. Реферовская, З. Я. Тураева, Е. В. Сидоров, Р. Барт, У. Эко и др.). Система, тип и феномен (Е. А. Баженова, В. А. Бухбиндер, М. Н. Кожина, М. П. Котюрова, Н. А. Купина, В. В. Одинцов, М. Ю. Сидорова, О. Б. Сиротинина и др.). Единица динамическая — в плане текстопорождения, текстообразования и текстопонимания (Г. И. Богин, М. Я. Дымарский, Е. С. Кубрякова, Н. А. Мельчук, Л. Н. Мурзин, Н. П. Перфильева, А. А. Чувакин и др.). Компонент культуры, средств межкультурной коммуникации как предмет типологических построений (Н. Л. Галеева, И. В. Гюббенет, Ю. А. Сорокин и др.). Психои социолингвистический феномен, явление культуры (Е. П. Белянин, Т.А. ван Дейк, А. А. Залевская, В. В. Кпасных, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Л. Н. Мурзин, А. И. Новиков, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин, В. Я. Шабес и др.). Как комплексный междисциплинарный объект (У. Эко и др.). Из междисциплинарных, пограничных концепций текста укажем, на-

пример, концепции, выросшие на основе семиотики (Ю. М. Лотман, В. А. Руднева) и герменевтики (И. В. Арнольд, А. А. Брудный). «Так, Ю. М. Лотман (Лотман, 1996), опираясь преимущественно на художественные тексты и отталкиваясь от трёх основных функций текста (средства упаковки сообщения, генератор новых смыслов, конденсатор культурной памяти), рассматривает текст как смыслопорождающее устройство. Механизм этот функционирует в бесконечном процессе движения текста» [Чувакин, 2003, с. 14].

Имеет ли специфику художественный текст, разграничиваются ли текст и произведение литературы? М. Р. Львов в «Словаре-справочнике по методике русского языка» [Львов, 1997, с. 219] пишет: «Не следует отождествлять текст с произведением литературы. <...> Текст — это термин, обозначающий языковую ткань литературного произведения, “снятый момент языкового творческого процесса” (И. Р. Гальперин)». Н. С. Болотнова приводит различные точки зрения по этому поводу [Основы текстоведения, 2000, с. 8]. Художественный текст, с одной стороны, шире текста, с другой — более узкое понятие. Решается проблема и в несколько ином ключе: «Произведение — это текст плюс история... — это текст в контексте творчества автора, прочитанный и осмысленный не только «снизу», с позиции рядового читателя, но и «сверху», с позиции самого автора и шире — литературного процесса» (К. А. Долинин. «Текст как произведение», цитируется по [Основы текстоведения, 2000, с. 8]). В данной работе термины «художественный текст» и «художественное произведение» употребляются в качестве условных синонимов.

При определении художественного текста важно учесть все основные его признаки. Н. С. Болотнова выделяет их в следующем порядке: 1. Текст — это речевое произведение, а не языковая единица высшего уровня. 2. В тексте всегда есть авторская интенция, концепт, отражающий авторский замысел и формирующий целостность текста. 3. Текст обладает стилистической окраской, отражающей определённую сферу общения. 4. Текст всегда ориентирован на адресата. 5. Любой текст обладает эффектом воздействия (прагматикой). Кроме того, автор выделяет системные качества текста, такие как информативность, интегративность,

структурность, регулятивность (способность управлять познавательной деятельностью адресата через специальные текстовые структуры). Со ссылкой на Е. В. Сидорова выделяется также коммуникативность текста: общая коммуникативная стратегия и тактика речевого развёртывания [Основы текстологии, 2000, с. 9].

Разными исследователями выделяются различные свойства художественного текста. Обычно это такие: целостность, связность, завершённость, абсолютная антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развёрнутость и последовательность, статичность и динамичность, напряжённость, эстетичность, образность и интерпретируемость [Бабенко, Казарин, 2004, с. 40–45].

Нас, прежде всего, интересуют такие свойства текста, как образность и социологичность. Социологичность — это отражение связи текста с эпохой, с определённым временем, территориальная ориентация текста, передача социального устройства общества и социальной характеристики отдельных героев (в том числе и национальной). «Всякий литературный памятник, представляющий организацию

словесного материала, подлежит ведению лингвиста, который рассматривает его как представителя языкового типа, органически выросшего в определённой социальной среде и очерченного точными хронологическими границами» [Виноградов,

1980, с. 57]. Диалектизмы в современном художественном тексте обычно в большей степени также читаются как социальная характеристика жителя деревни [Петрищева, 1984]. «Вместо традиционно противопоставлявшихся друг другу социальных и территориальных диалектов... формируются новые образования, лежащие на пересечении социальных и несоциальных измерений, — социально-территориальные, этносоциальные, социально-демографические и др. диалекты» [Швейцер,

1982, с. 47]. Эти новые образования опосредованно (через стилизацию) передаются художественным текстом. Но нельзя забывать, что «“внелитературные” диалекты в сфере художественного творчества все — одного уровня. Дифференциация их здесь не диалектологическая и даже не предметно-социологическая, а сю-

жетологическая и социально-характерологическая» [Виноградов, 1980, с. 84].

Образность — общее свойство художественных текстов. «Образ — явление, творчески воссозданное в художественном произведении (образ Петра I, образ войны, образ народа). Художественный образ — категория эстетики, характеризующая особый способ освоения и преобразования действительности, отражение человеческой жизни. Этот вид образа является формой выражения и отражения чувств, мыслей, стремлений и эстетических эмоций художника. В художественном образе неразрывно связаны объективно-познавательные и субъективно-творческие начала. Он относится к духовной деятельности человека и может научить достойно жить в свете общечеловеческих идеалов его среды и времени» [Елисеев, Полякова, 2002, с. 124]. Он касается и способа передачи социальной среды. Текст не просто копирует социально окрашенную речь, а создаёт образ речевой среды. Образность—чисто художественный способ моделирования действительности.

Художественный текст призван не только (и не столько) рассказывать, сколько изображать. «Изображение иноязычной среды в широком смысле слова, т. е. не только ремаркой, но и показом, встречается очень часто» [Винокур, 1991, с. 12]. Образ инонациональной речевой среды формируется преимущественно через существительные, среди которых значительное место занимает предметная лексика (экзотизмы-этнографизмы). Они легко вызывают у читателя представление о предмете (не обязательно адекватное). Л. П. Якубинский противопоставлял «изобразительные, «картинные» слова» как устойчивые элементы лексики (опираясь на мнение А. Дозы и Д. К. Зеленина) и неустойчивые элементы, заменяющиеся в потоке речи другими, близкими по значению (чаще глаголы) [Якубинский, 1986, с. 61, 67]. В нашей системе лексических изобразительно-выразительных средств ЯХЛ к «картинным» словам можно отнести историзмы, экзотизмы, часть диалектизмов (предметная лексика), архаизмы же, часть диалектизмов, нациолектизмы, варваризмы моделируют не вещный мир, а язык. Действительность «желательно изобразить целиком, со всеми подробностями, включая <...> и язык. Если это так, то проблема соответствия языка изображаемому теряет

свой внешний характер, как можно было бы её трактовать до сих пор. Она становится насущной художественной проблемой изображения, и к ней нужно относиться так же, как к проблеме изображения» [Винокур, 1991, с. 7]. Итак, создаётся образ инонациональной речевой среды.

По мнению М. Н. Кожинной, художественно-образная речевая конкретизация «переводит» слово-понятие в слово-образ. «Если в обычной речи словарное слово обладает способностью «переходить» (конкретизироваться) в единичное понятие или представление, то в художественном тексте выбор слов и организация контекста рисуют зримый образ. Это достигается искусной речью, специально, намеренно осуществляемой художественно-образной конкретизацией» [Кожина, 2003, с. 590].

Стараясь представить в произведении существующую социальную среду, автор тщательно отбирает отдельные речевые черты из реальной жизни. Образ речевой среды (Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин так определяют образность: «Образность — способность вызывать систему представлений» [Бабенко, Казарин, 2004, с. 44]) ориентирует читателя часто и в пространстве, и во времени. Стилизация разговорной речи строится по тем же законам. Реплики не переходят из бытового диалога в роман, а представляют собой иное качество, так как не отражают (моделируют) реальной действительности через язык, а представляют особую виртуальную (нереальную) действительность. Как часть объективного мира, она (эта действительность) существует и существовала только через язык, то есть объективность в этом случае имеет вербальную природу. Функционирование в тексте внелитературной лексики, лексики вторичной для литературного текста, заимствованной из другой страты национального языка или другого языка, осуществляется с использованием готового механизма, уже **готовой системы трансформации**, применяемой в художественном произведении для включения в текст любого бытового диалога с дополнением определённых приёмов. Для современной лингвистики важно выделить номенклатуру таких речевых образов, выявить способы их создания.

Готовой формой трансформации является стилизация. Термин «стилизация»

вошёл в употребление во Франции в конце XVIII века, когда в живописи распространилась мода на подражание великим мастерам. При стилизации создаётся авторский текст, исходный текст не подвергается искажению, имитируется только его стиль [Пьерре-Гро, 2008]. М. М. Бахтин пишет, что стилизация — это явление, где «слово имеет **двойное направление** — и на предмет речи как обычное слово, и на другое слово, на чужую речь» [Бахтин, 1963, с. 154]. Ю. Н. Тынянов о стилизации говорит: «Стилизация близка к пародии. И та и другая живут двойною жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смешение их. <...> При стилизации этой невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нём стилизуемого» [Тынянов, 1977, с. 201].

М. М. Бахтин слово в стилизации называл «двуголосое слово», писал о его диалогичности: «Диалогическая ориентация слова среди чужих слов (всех степеней и качеств чуждости) создаёт новые и существенные художественные возможности в слове, его особую прозаическую художественность» [Бахтин, 1975, с. 89–90].

Одним из универсальных приёмов художественности ещё в 1917 году В. Шкловский называл «остранение». В современной филологии многие возвращаются к этому приёму, подчёркивая его значительность. «Остранение — всеобщий и универсальный закон искусства, обнаруживающийся на всех уровнях художественной структуры. Понятие введено В. Б. Шкловским и терминологически определено им в статье «Искусство как приём». Остранение имеет объективное содержание, раскрываемое как процесс образования «динамического стереотипа» и его преодоления» [Елисеев, Полякова, 2002, с. 130]. Внелитературная лексика, несомненно, призвана нарушить стереотип литературного языка в художественном тексте.

Понятие «остранение» выводит из автоматизма восприятия, превращает вещи из привычных в странные, что и составляет, по мысли В. Б. Шкловского, основной закон искусства [Руднев, 2001]. Осуществляется остранение часто через восприятие нетривиального героя: Холстомер (лошадь) у Л. Н. Толстого (пример В. Б.

Шкловского), путешественник, ребёнок, «человек со стороны» в производственных советских романах, человек, вернувшийся на родину и т. п. «Я лично считаю, что остранение есть почти везде, где есть образ» [Шкловский, 1925, с. 16]. Экзотика быта, языка, ментальности другого народа, несомненно, создаёт возможности для остранения.

Опираясь на выведенный Л. Якубинским «закон затруднения для фонетики поэтического языка» (созданный на анализе скопления плавных в поэтических текстах, нарушающего «автоматизм, в высшей степени присущий практическому языку» [Якубинский, 1986, с. 177], В. В. Шкловский [Шкловский, 1925] пишет: «Приёмом искусства является прием «остранения» вещей и приём затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимаемый процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлён (с. 20). Поэтический язык, по Аристотелю, должен иметь характер чужеземного, удивительного... Пушкин употреблял просторечие как особый приёмстановкивнимания (с. 11). Русский литературный язык, по происхождению своему для России чужеродный, настолько проник в толщу народа, что уравнивал с собой многое в народных говорах, зато литература начала проявлять любовь к диалектам (Ремизов, Клюев, Есенин и другие, столь же неравные по талантам и столь же близкие по языку, умышленно провинциальному) и **варваризмам** (возможность появления школы Северянина)» (с. 12). Ср. с данными М. Н. Кожинной (какими средствами достигается художественно-образная конкретизация): «По данным психологов, для понимания значения слова, понятийного плана речи требуется в 2,5 раза меньше времени, чем для возникновения образа (Т. Мур)» [Кожина, 2003, с. 588]. Затруднённая форма, несомненно, связана с авторской рефлексией [Андрусенко, 2012].

«Ещё один существенный параметр любого текста — принадлежность его к определённому стилю и жанровая оформленность. Закономерности организации текстов разных стилей изучаются, прежде всего, функциональной стилистикой, риторикой, а литературный жанр текста как исторически сложившийся тип литературного произведения, имеющий набор существенных признаков, эстетических качеств, является предметом изучения, прежде всего, литературоведения» [Бабен-

ко, Казарин, 2004, с. 34–35]. Однако в лингвистике всегда много внимания уделяли художественным текстам. Язык художественного текста определяется в первую очередь жанром.

«Литературный жанр — исторически складывающийся тип произведения; в теоретическом понятии о жанре обобщаются черты, свойственные более или менее обширной группе произведений какой-либо эпохи, данной нации или мировой литературы вообще» [Кожин, 1964, с. 914–917]. Проза часто рассматривается как «эстетическая тональность» [Кожин, 1964, с. 915]. А. А. Потебня представляет прозу то в общем ряду противопоставления поэзии («Проза для нас есть прямая речь <...>, имеющая в виду или только практические цели, или служащая выражением науки» [Потебня, 1976, с. 368]), то со ссылкой на цитату А. С. Пушкина о «смиренной прозе» — «романе на старый лад» [Потебня, 1976, с. 372]. Роды и виды прозаических жанров определяются на разных основаниях, например по объёму — *роман, повесть, новелла, рассказ* и т. д., общим характером тематики («роман бытовой, авантюрный, психологический, социально-утопический, исторический, детективный, научно-фантастический, приключенческий и т. д.») [Кожин, 1964, с. 915] и др.

В современной лингвистике активно разрабатываются теории речевых жанров, которые не могут не воплощаться в художественном тексте. М. М. Бахтин в своё время писал: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо... Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования разного рода, большие публицистические жанры и т. п. — возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) — художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и при-

обретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям, например, реплики бытового диалога или письма в романе. Сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплики бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание **вторичное** (сложное)» [Бахтин, 1979, с. 327]. И. Р. Гальперин по этому поводу писал: «Нет в стилистике ничего, чего не было бы в живой, спонтанной разговорной речи. Художественная речь является лишь типизацией форм и оборотов, характерных для такой речи. Писатель часто воспроизводит живую речь в её необработанном виде (под «необработанным» видом, очевидно, подразумевается её нелитературность. — Л.С.), чтобы добиться её максимальной реальности» [Гальперин, 1981, с. 75].

Общая вторичность художественных текстов отмечается довольно часто, например, в работе Н. Е. Сулименко: «Художественный текст как вторичная моделирующая система по отношению к языковой выводит на уникальную позицию автора, его хронотоп, проявляемые во всех элементах композиции художественного текста, включая уровень лексического структурирования, в его креативной природе, обусловленной, в частности, такой ментальной способностью человека-творца, как воображение, требующей встречной активности адресата» [Сулименко, 2007, с. 21].

Учение М. М. Бахтина о первичных и вторичных жанрах предваряется наблюдениями ряда учёных о вторичном характере языка художественных текстов. В. В. Виноградов в своё время указывал, что «в русской филологии до самого последнего времени существует наивное представление о характере отношений языка литературно-художественного произведения к «общему» письменному языку современной эпохи... Вопрос о взаимоотношениях общеписьменного языка, разговорного языка интеллигенции и языка литературно-художественных произведений традиционной лингвистике продолжают казаться необыкновенно простым и

ясным. Стираются всякие дифференциальные знаки между **разными значениями литературности**» [Виноградов, 1980, с. 57–58].

Вторичность художественных текстов абсолютизируется в теории интертекстуальности. Художественный текст характеризуется, с одной стороны, интертекстуальностью, с другой — рассматривается как относительно автономная замкнутая коммуникативная система.

Каждый художественный текст можно представить как часть национальной культуры, как единицу лингвистического описания, обладающую интертекстуальностью (использованием прецедентных текстов, широко известных в определённой культуре определённого периода). И. П. Ильин представляет теорию Р. Барта: «Сознание человека уподобляется тексту; при этом последователи постмодернизма растворяют своё сознание в сознании других, демонстрируя мозаично-цитатный характер, т. е. интертекстуальность, всякого сознания, в том числе и своего собственного... «Таким образом, моя субъективность, в конечном счёте, представляет из себя лишь банальность стереотипов» (Барт, 1970). Из этого высказывания можно сделать только один вывод: на более позднем этапе развития своих концепций Барт предпринял попытку теоретически аннигилировать личность не только автора, но и читателя, как в принципе и вообще понятие суверенной личности» [Ильин, 2008, с. 70].

Интертекстуальные единицы в тексте: цитата, реминисценция, аллюзия, заимствование, подтекст, пародия, подражание, стилизация и др. Инонациональная речевая среда также интертекстуальна по своей природе. Заимствования могут создать образ инонациональной речевой среды в художественном тексте, который при этом варьируется, но, как писал Д. Н. Шмелёв, «вкрапления иноязычной речи в русский роман не делают этот роман нерусским» [Шмелёв, 1977, с. 32]. Ни один из этапов культуры «не свободен от столкновения с текстами, извне поступающими со стороны культур, прежде вообще находившихся вне горизонта данной семиосферы. Эти вторжения — иногда отдельные тексты, а иногда целые культурные пласты — оказывают разнообразные возмущающие воздействия на внутренний строй «картины мира» данной культуры» [Лотман, 2000, с. 72].

Термин «интертекстуальность» ввела в 1967 году Ю. Кристева, представитель французского постмодернизма. Её определение основывается на работах М. М. Бахтина. При интертекстуальности в одном слове оказывается два смысла, оно становится амбивалентным. Такое амбивалентное слово возникает, стало быть, в результате совмещения двух знаковых систем» [Кристева, 1995, с. 106–107].

История и динамика языка также могут рассматриваться в рамках интертекстуальности. «Глубинная память обеспечивается наличием языковых элементов, которые, во-первых, подвержены изменениям (полная неизменяемость делает память излишней), во-вторых, обладают способностью сохраняться в системе и в своей инвариантности. В результате один и тот же элемент, пронизывая разные состояния системы, как бы связывает их между собой. Для этого он должен обладать относительной автономией, выделенностью из структурного контекста. В каждом синхронном контексте он функционирует как «чужой», — как механизм реконструкции предшествующего структурного контекста» [Лотман, 2000, с. 615–616].

Текст можно рассматривать и как относительно замкнутую, ограниченную языковую (речевую) систему. «Нужно заранее условиться, что литературное произведение является системой» [Тынянов, 1977, с. 272]. В литературе неоднократно указывалось на необходимость рассмотрения отдельного художественного текста в его автономности. Литературу как феномен можно представить только через отдельные тексты. Так, В. В. Виноградов указывал как на недостаток на **«отстранение непосредственно от текстов**, их представление в качестве иллюстрации к социальной дифференциации русского языка... Почти исчезает под терминологией «стилистических» прикрытий из глаз современного исследователя «новой литературы» языкхудожественныхпроизведений» [Виноградов, 1977, с. 63]. Некоторые авторы настроены на анализ текста оговаривают специально. Так, о своей книге пишет М. Липовецкий: «С точки зрения теории она (представляемая книга. — Л.С.) слишком много внимания уделяет текстам... Соответственно то, что можно обозначить словом «теоретизирование», в моём случае не является жёстким каркасом, пронизывающим текст книги насквозь. Скорее, теоретические ги-

потезы возникают как выводы из анализа конкретных текстов... Может быть, поэтому в книге три вводных теоретических главы, у каждого из разделов — своя... Именно эти тексты, выбранные для разбора, — а не теоретическая концепция — образуют что-то вроде сюжета книги» [Липовецкий, 2008, с. 7].

Какие художественные тексты могут быть взяты для лингвистического анализа? Долгое время считалось, что преимущественно высоко оценённые литературоведением. Однако такой подход подвергался критике. «История языка «генералов» по-прежнему выдаётся за историю «общего» литературного языка... Проблема языка литературного произведения тонет здесь в вопросе о языке писателя» [Виноградов, 1980, с. 58]. По поводу этого высказывания В. В. Виноградова Ю. Н. Тынянов пишет: «Слепой отпор “истории генералов” вызвал в свою очередь интерес к изучению массовой литературы, но без ясного теоретического осознания методов её изучения и характера её значения... Самая оценка... должна лишиться своей субъективной окраски, и “ценность” того или иного литературного явления должна рассматриваться как “эволюционное значение и характерность”. То же самое должно произойти и с такими оценочными пока что понятиями, как “эпигонство”, “дилетантизм” или “массовая литература”» [Тынянов, с. 270–271]. С точки зрения Л. В. Щербы, любой текст — это уже языковой материал. Ю. Н. Караулов считает, что обращение к языку произведений рядовых авторов может дать больше для освещения языка художественной литературы как самостоятельного феномена, нежели язык выдающихся мастеров слова и т. д. «Литературный процесс является важнейшим предметом историко-литературного рассмотрения. Если сторонники биографического метода вслед за классической и романтической эстетикой обращались к образцам, шедеврам, творениям гениев, то академическое литературоведение второй половины XIX века (в том числе русское) преодолело избирательность в изучении литературного процесса и сделало своим предметом всё созданное писателями, независимо от степени художественности, идеологической репрезентативности и сферы социального бытования... Современное литературоведение сознательно избегает превращения истории литературы как в историю «генералов», так и во «всеядный» обзор литературных явлений — в историю

литературы «без имён» (идея немецкого теоретика искусства Г. Вёльфлина, предварённая культурно-исторической школой XIX в.)» [Хализев, 1978, с. 474].

«Ни сам автор, ни его адресат не в состоянии учесть все резонансы смысловых обертонов, возникающие при бесконечных столкновениях бесчисленных частиц смысловой ткани, так или иначе фигурирующих в тексте. Но и автор, и читатель, и исследователь способны — с разной степенью отчётливости и осознанности — ощутить текст в качестве потенциала смысловой бесконечности: как динамическую «плазменную» среду, которая, будучи однажды создана, начинает как бы жить своей жизнью, включается в процессы самогенерации и регенерации. Таков парадокс языкового сообщения — текста: <...> открытость, нефиксированность смысла, бесконечность потенциала его регенераций не только не противоречит закрытому и конечному характеру текста, но возникает именно в силу этой его конечности, создающей герметическую камеру, в которой совершаются «плазменные смысловые процессы» [Гаспаров, 1996, с. 346].

Значимой в работе частью текста выступает **контекст**. «*Контекст* — 1. Законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания, позволяющая установить значение входящего в неё слова или фразы. 2. Об окружении, связях и отношениях, влияющих на понимание тех или иных явлений, ситуаций и т. п.» [СТСРЯ].

Отношения между словом и контекстом сложные. «Во многих зарубежных работах конца XIX начала XX столетия уже можно обнаружить рассуждения такого типа: а существует ли слово как самостоятельная единица вообще? Или слово обнаруживается и осмысливается только в контексте, вне которого оно является иллюзией?» [Будагов, 1983, с. 187]. Отождествление слова с контекстом осуществляется в разных научных школах на различных основаниях: в связи с признанием в качестве слова отдельной его формы, при этом реален только данный контекст [Основные направления структурализма, 1964, с. 211];

со стремлением видеть слово только в процессе его употребления, реален «поток речи»; коннотация принадлежит исключительно контексту, значит, реален только он и т. д. В. А. Кухаренко также говорит о «всемогуществе» контекста в художе-

ственном произведении, «преобразующая сила которого раздвигает информационные границы сообщения, обеспечивает его насыщение дополнительным содержанием, модальностью, экспрессией. А поскольку целый текст — это в определённом смысле развёрнутый ядерный контекст, можно утверждать, что единицы разных языковых уровней постоянно актуализируются, т. е. претерпевают здесь изменения, которые в сумме своей и создают глубину художественного произведения, представленную в знаменитой формуле С. Эйзенштейна: $1+1 = < 2$ » [Кухаренко, 1988, с. 50].

В данной работе контекст не противопоставляется слову, а сопоставляется с ним. Мы рассматриваем контекст как фрагмент текста, в котором проявляется одно его значение (лексико-семантический вариант), смысловые и коннотативные созначения. Структурно контекст может совпадать с предложением, сложным синтаксическим целым или сверхфразовым единством.

«С лингвистической точки зрения контекст может быть определён как совокупность формально-технических условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо единицы; при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного содержания языковой формы» [Колшанский, 1959, с. 47]. Выделение текста и контекста соответствует характеристике корпуса текстов как «организованного определённым образом словесного единства, элементами которого являются тексты или специальным образом отобранные отрывки из текстов» [Рыков, 2002, с. 4].

1.3. Лексическая система языка в своём семантическом, стилевом и ином многообразии

Лексическая система языка — фрагмент языковой системы. «Языковая система (от *греч.* system — целое, состоящее из частей; соединение) — множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённое единство и целостность. Каждый компонент языковой системы существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы. Поэтому он рассматривается, исходя из его роли в составе языковой системы, т. е. в свете его значимости

(функциональной релевантности)» [Булыгина, Крылов, 1990, с. 452].

Системность предполагает инвентаризацию единиц, то есть их выделение и классификацию, что может рассматриваться как структура. Понятия системы и структуры языка часто используются как синонимы, но в некоторых ситуациях различаются. «Система — объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчленённое целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» [ФЭС, 2002, с. 415]. Стремление структуры к равновесию (симметрии) предполагает выделение и заполнение лакун («пустых клеток»). «Система языка характеризуется как система функциональная, т. е. как система средств выражения, служащая какой-либо определённой цели. Понятие функции языка раскрывает место языковой системы высшего порядка (в общественной жизни человека), а понятие функции языкового элемента — роль этого элемента внутри языковой системы и его соотношение с другими элементами данной языковой системы... Тезис пражских функционалистов о языке как «системе систем»... получает двоякую интерпретацию: языковая система как система уровней языка <...>, система языка как система своих функционально-стилистических разновидностей (стилей), каждая из которых — тоже система» [Булыгина, Крылов, 1990, с. 453].

Языковая система может рассматриваться в рамках структурно-семантического подхода, который традиционен в русской лингвистике, соответствует понятию формы и содержания в философии.

Лексическая система языка — внутренне организованная совокупность слов, связанных устойчивыми отношениями.

В лексической системе выделяются три аспекта — лексика как система номинаций, лексико-семантическая система как смысловая структура, стратификация лексических единиц национального языка по основным формам его существования [Гак, 1979].

Как лексико-семантическую лексическую систему понимают чаще всего. Так она представлена и в настоящей работе. Большинство лингвистов рассматривают лексико-семантическую систему как определённую общность слов на основе

их лексического значения (Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, А. А. Уфимцева и др.).

«Уже само название «лексико-семантическая» указывает на двустороннюю природу системы» [Уфимцева, 1968, с. 251].

В 60–80-е годы в советском языкознании дебатировался вопрос о лексике как системе. Многие не признавали системность лексического уровня языка (например, В. И. Жирмунский), что соответствовало традиционному (соссюровскому) пониманию системы. Большинство лингвистов признают систему в лексике (М. М. Покровский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, А. А. Уфимцева и др.), правда, с некоторыми оговорками.

Было установлено, что лексика представляет собой систему (вне системы нет ничего в языке), но это система особого типа [Уфимцева, 1962]. Она определяется как особая, открытая (по сравнению с фонетической, морфологической), что проявляется в таких её свойствах, как подвижность словарного состава, его неопределённость и проницаемость [Шмелёв, 1977, с. 183–187].

«Лексическая система обладает такими определяющими качествами, как динамизм, открытость, неравномерность, сложность структуры, предполагающая наличие внутренних систем и подсистем, асимметричных и неравнозначных, что обуславливает разные темпы развития и допускает рассогласованность элементов на отдельных участках системы. Иными словами, постоянное изменение и допущение чужеродных элементов заложены в самом характере системы — речь может идти только о понимании её целостности и адекватности самой себе на том или ином этапе эволюции» [Толковый словарь русского языка конца XX века, 1998, с. 7].

Системность предполагает признание примата целого над частями, что признаётся не всеми: «Некоторые абсолютизируют системность» [Филин, 1981, с. 161]. Философы обращают внимание на возможность «системосозидающего мышления, когда сначала пытаются создать систему, а затем на её основании конструировать и имитировать действительность, вместо того, чтобы познавать её» (ФЭС, с. 415).

Система — это три основных вида отношений: внутренняя классификация,

отношения с пограничными явлениями, а также явления, обуславливающие внутреннее единство системы (изоморфизм, синкретизм и др.). Лексическая система, как любая языковая, имеет определённые отношения между единицами на парадигматическом и синтагматическом уровнях. «Под лексической парадигматикой подразумеваются смысловые отношения слов, противопоставленных по их предметному значению в пределах тех или других семантических разрядов и классов слов в системе номинаций» [Уфимцева, 1968, с. 122]. Лексическое значение — «это исторически и социально закреплённая связь между акустическим образом слова и мыслительной копией отражённого в сознании предмета номинации» [Алефrienко, 2009, с. 154].

«Первое, к чему стремится всякая научная дисциплина, — определение (или выделение) основной и предельной единицы изучения» [Звегинцев, 1968, с. 40]. Понятие лексико-семантической системы всегда было связано с выделением максимального объединения слов по значению (это — *понятийное поле* А. Трира и Л. Вейсгербера; также В. А. Москвича, Р. С. Искандеровой и др., *семантическое поле* Г. Ипсена; *словесное поле* Конрад-Хикинга, *лексико-семантические группы* А. Йоллеса (1934), Ф. П. Филина, О. Духачека, К. Ройнинга, Г. Хюстена, А. С. Хуршудянц, Н. И. Шапиловой, *понятийные группы* А. И. Смирницкого, А. П. Щварц, В. Н. Вердиевой и др., *тематические группы* А. И. Смирницкого, Э. Дорнзайф, Ф. П. Филина, В. Б. Гольдина, В. С. Мартиросовой, В. П. Храмцовой и др. — см. исторические очерки в работах О. С. Ахмановой [Ахманова, 1965, с. 78–81], В. А. Звегинцева [Звегинцев, 1957, гл. IX]), выстраивающие систему вертикально, и минимальной семантической единицы — меньшей, чем слово (дифференциальные и интегральные семантические признаки, семы, семантические множители, элементарные смыслы, компоненты значения слова и др.; некоторые исследователи употребляют одновременно два термина, стремясь дифференцировать их по значению: семы и СДП — Е. И. Волков, Ю. В. Ушаков [Волков, Ушаков, 1971, с. 226], элементы вещественного значения и СДП — Л. Г. Яцкевич [Яцкевич, 1969, с. 4] и т. п.). Они выстраивают систему горизонтально, но в значительной степени страдают субъективностью.

Отношения объединений слов обусловлены, прежде всего, внеязыковой действительностью (в лексико-семантических группах слов отношения между единицами определяются как принадлежностью к теме, так и внутрисловными отношениями [Филин, 1957, с. 525]). Несмотря на это, пока очевидно, что это единственный путь представления всего словарного состава как единой системы на логико-понятийной основе. В последние годы опубликованы идеографические словари: «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» [Русский семантический словарь, 1998], «Тематический словарь русского языка» [Саяхова, 2000] и др. «Подготовка полного словаря-тезауруса — дело будущего» [Козырев, Черняк, 2000, с. 144]. Максимальной единицей лексической системы в настоящей работе приняты тематические группы слов, выделяемые на основе интегрального понятийного компонента. Основной двусторонней единицей лексико-семантической системы, обладающей и планом выражения (формой), и планом содержания (значением), является слово. «Вплоть до конца прошлого столетия (XIX века. — Л.С.) лингвисты не сомневались в том, что слово — это центральное понятие и науки о языке, и самого языка» [Будагов, 1983, с. 187].

«В нашей отечественной науке слово всегда рассматривалось как важнейшая категория языка» [Будагов, 2001, с. 120]. Слово ставят в центр языковой системы при описании законов изменения звуков как основу языка, о чём говорил Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке»: «Мы не должны никогда терять из виду основной характер языка: слово есть знак вещи» [Крушевский, 1964, с. 291]. Свой основной труд по грамматике В. В. Виноградов назвал «Русский язык. Грамматическое учение ослове» [Виноградов, 1972], таким образом, решая, что именно слово является основной единицей языка в целом. И. И. Срезневский ставил во главу истории языка историю слов [Срезневский, 1953], недаром Н. А. Кондрашов сборник избранных трудов И. И. Срезневского назвал «Русское слово» [Срезневский, 1986]. О. Н. Трубочёв, подчёркивая важность изучения слова, исходил из того, что «все прочие уровни языка манифестируются только через лексику» [Трубочёв, 2004, с. 154]; известно высказывание Ю. Н. Ка-

раулова, утверждающего, что в тексте есть только слова. В. В. Виноградов писал, что «вне зависимости от данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов, 1972, с. 14].

Слово осознаётся как центральная единица языка и на уровне обыденного сознания (многочисленные пословицы и поговорки). Слово не только одна из основных единиц языка, но и одна из основных единиц языкознания. Индоевропейские языки, изменяющиеся от флективного типа к аналитическому, могут называться развивающимися, прежде всего, из-за увеличения количества слов и усложняющейся системы их семантической дифференциации.

Слово является основной единицей стилистики. Н. С. Болотнова отмечает, что в выделенном В. В. Виноградовым разделе стилистики, названном им *символика*, изучаются отдельные слова «как элементы известной целостной композиции и как части индивидуально-поэтического словаря» [Болотнова, 2006, с. 59]. Особое значение имеет специфика слова в художественной речи, которую М. Н. Кожина видит как художественно-образную конкретизацию [Кожина, 1966, с. 91–92]. С 60-х годов Н. С. Болотнова отмечает «поворот к изучению семантики поэтического словоупотребления». В книге Н. А. Рудякова: «двуплановость языковых единиц в произведении словесного искусства означает <...>, что они служат элементами двух систем: системы языка и системы стиля художественного произведения. Отношение между этими системами представляется как отношение между явлением и сущностью, стиль рассматривается как сущность» [Болотнова, 2006, с. 64] и т. д.

Является ли слово основной единицей текста? Обычно в этом случае говорится о других единицах — единицы текста: многоаспектное сверхфразовое единство — сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа, речевой тип (повествование, рассуждение, описание) и т. д. «Н.Д. Зарубина пришла к выводу о том, что проблему единиц текста нельзя сводить к поиску одной единицы (Зарубина, 1979)» [Чувакин, 2003, с. 11].

Слово представлено в системе как лексема. Лексема — «слово как струк-

турный элемент языка, как слово-тип (в отличие от слова-члена, т. е. единицы, выделяющейся в процессе речи)» [Ахманова, 1969, с. 424]. Лексема представляет слово со всеми значениями и словоформами и близка к «словарному слову», представленному в толковом словаре. Однако на уровне художественного текста некоторые слова также могут быть многозначными, что мы и учитываем в исследовании.

Традиционно слово в языке рассматривается как лексема, в речи — как словоформа. Так как слово фигурирует в тексте, то нас оно интересует, прежде всего, как единица речи, поэтому в отдельных случаях нами рассматриваются и словоформы, если в них выражается «внелитературность».

Но в лингвистических работах самостоятельное место занимает и слово в значении, выводимом из определённого контекста. Минимальной единицей лексической системы мы считаем слововодномсвоёмзначении — лексико-семантический вариант по А. И. Смирницкому (лекса) [Смирницкий, 1954, с. 40]. «Лексико-семантический вариант слова — основная единица лексико-семантической системы языка» [Уфимцева, 1991, с. 410].

Ю. С. Сорокин писал: «Можно отметить, по крайней мере, пять постоянно действующих сил, которые в своём столкновении и взаимодействии определяют судьбу отдельных слов в языке. Это, во-первых, сила самостоятельного особого значения слова, его отношения к действительности; во-вторых, отношения словопроизводства, связи слова с другими словами по своей форме, отнесённость слова к определённому грамматическому общему разряду, как самому широкому (часть речи), так и самому ограниченному и относительно замкнутому (гнездо слов); в-третьих, отношения слова к другим словам по значению <...>; в-четвёртых, связи слов по контекстуальной смежности их значений, связи семантико-фразеологические в широком смысле слова <...>; в-пятых, связи слов по речевым контекстам, группировки слов стилистического характера» [Сорокин, 1965, с. 13]. В настоящей работе в той или иной мере затронуты все пять аспектов, выделяемых Ю. С. Сорокиным. Итак, основная минимальная структурная единица описания в настоящей работе — слово в одном своём значении.

Основной структурной единицей анализа в настоящей работе выступает слово в одном своём значении. Основными стилистическими единицами являются **экзотизм, варваризм, нациолектизм**.

Экзотизмы (от *греч.* *exotikos* — ‘чуждый, иноземный’) — слова, обозначающие в русском языке явления нерусской действительности. Наличие экзотизмов в языке определяется одной из ведущих когнитивных антиномий любого социума — «свой — чужой».

Этот термин не устоялся в лингвистике. Определения экзотизмов можно разделить на три группы: опирающиеся только на специфику семантики слова (‘слова, обозначающие реалии другого народа’ — А. Е. Супрун и др.); номинации из экзотических восточных языков (О. С. Ахманова и др.); заимствования из тех языков, чью культуру они передают (О. Н. Емельянова и др.). Понимание экзотизма О. С. Ахмановой связано с западной традицией, определение О. Н. Емельяновой не совсем точно, так как происхождение части экзотизмов связано с русским языком (*стойбище* и др.), часть имеет неясную этимологию (МАС: *чум* — ‘принятое у русских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части СССР’; *сакля* — ‘русское название жилища кавказских горцев’ и т. д.), некоторые из них появились через язык-посредник: Италию мы видим иногда глазами французов (около 25% экзотизмов из французского языка: *арлекин, карабинер, каравелла, кондотьер, пиастр, маркиз* и др.).

По теории экзотизмов есть обширная литература. Писали об этом явлении известные лингвисты: Л. А. Булаховский [Булаховский, 1937, с. 80–85], Г. О. Винокур [Винокур, 1991, с. 420–422], Ф. П. Филин [Филин, 1981, с. 142], А. Г. Супрун [Супрун, 1958], Д. Э. Розенталь [Розенталь, 1987, с. 91–94], Л. П. Крысин [Крысин, 2004, с. 59–64] и др. Стали уже классическими работы О. И. Кальной [Кальной, 1986], Е. В. Мариновой [Маринова, 2008], Л. П. Ефремова [Ефремов, 1973], Е. Н. Гуц [Гуц, 1995] и др.

Экзотизм квалифицируется как объект лексикологии (Е. В. Маринова, 2008), иноязычная культурно-маркированная лексика (И. Г. Аверьянова, 1983), лингвистическая категория (И. О. Кальной, 1985), лингвистический феномен

(Е. В. Маринова, 1983), иноязычное заимствование (В. М. Феоктистова, 1999), иноязычное слово (Н. А. Филатова, 2008; Г. Е. Шилова, 2005), иностранное слово (Т. И. Зюрина, 1996), закреплённость языка-источника, неассимилированная заимствованная лексика (Т. К. Веренич, 2004) и т. д.

Экзотизмы рассматривают рядом с другими явлениями, имеют внутреннее расслоение: традиционно выделяют экзотизмы и иноязычные вкрапления (Г. Е. Шилова, 2005); экзотизмы, варваризмы и иноязычные вкрапления (А. И. Дьяков, 2001), экзотизмы и иноязычные включения (Т. К. Веренич, 2004; Т. В. Стрекалёва, 2008); варваризмы, экзотизмы, иноязычное вкрапление, иноязычные заимствования (Е. В. Маринова, при этом заимствования рассматриваются как видовое понятие в одном ряду), закреплённости языка-источника: ксенизмы, проникновения, экзотизмы, ориентализмы/ориентальные проникновения в «Словаре иноязычных выражений и слов» (А. М. Бабкин, В. В. Шендецов, 1996); экзотизмы-историзмы, экзотизмы-вкрапления, экзотизмы-регионализмы (Н. А. Филатова, 2009), экзотизмы-этнографизмы, экзотизмы-регионализмы (А. Я. Каташева, 1979), временно безэквивалентные термины, структурные экзотизмы (А. К. Гатилова, 1996) и др. При этом отмечаются различные семантические процессы: деэкзотизация (Т. К. Веренич, 2004), детерминологизация, элиминация первоначального значения, деактуализация определения экзотизмов по внешнесистемному признаку (С. С. Изюмская, 2000), семантическая ассимиляция (Н. В. Ваганова, 2005), переосмысление значения, денотативное и сигнификативное значения (В. М. Феоктистова, 1999) и т. п.

Очевидно, что феномен, обозначаемый термином «экзотизм», не однороден. Часть исследователей пытается дифференцировать понятие, вводя новые дополнительные термины. В книге Е. А. Зачевского и Е. Г. Ковалевской лексика народов СССР делится на общую и специфическую, выделяются приёмы освоения специфических слов [Зачевский, Ковалевская, 1983, с. 39–40]. Экзотизмы и другими исследователями делятся на имеющие местный (национальный) колорит, используемые в текстах в стилистических целях (бытовая лексика — этнографизмы и историзмы), и не имеющие этого колорита и используемые в публицистике и

дипломатическом подстиле официально-делового стиля в номинативной функции (специфические политические термины, названия учреждений, монархов, должностных лиц, титулов, партий и т. п.). Последние П. Л. Ким Юань-Фу (1996) предлагает именовать *экзонимами*. Первую же группу слов В. П. Берков называет *аллеинизмами* (В. П. Берков, 1996), а В. И. Заботкина — *ксенизмами* (В. И. Заботкина, 1983); в концепции «чужести» разработаны её отдельные профили: *экзотизм, эскапизм, ксенофобия, отчуждение и очуждение* (Н. В. Пестова, 1999) и т. д. Т. П. Зюрина выделяет признаки, по которым может репрезентироваться экзотизм: 1) привязанность к языку источнику; 2) освоение графическое, фонетическое и морфологическое; 3) семантическая «недоосвоенность»; 4) отсутствие равных по значению слов в принимающем языке; 5) ограниченность сферы употребления; 6) принадлежность к определённому системному ряду (Зюрина, 1996). Как нам представляется, признаки эти противоречивы, нечётко выделены, не охватывают всего корпуса экзотизмов русского языка.

Прежде всего выделяются экзотизмы, способные к адаптации в языке-реципиенте, и неспособные. По мнению некоторых лингвистов, слова, обозначающие пищу, одежду, предметы быта типа *кока-кола, бикини, гамбургер*, постепенно входят в нашу жизнь и перестают быть экзотизмами. Если же слово заимствуется вместе с предметом, то, по нашему мнению, к экзотизмам оно не относится (есть к этому и другое отношение: так, В. Ю. Мартинекком определяющим считается «вхождение лексемы в языковую систему и «такие слова, как *хобби, пенальти*, классифицируются им как экзотические» [А.Д. Васильев, Веренич, 2005, с. 57]).

Материал, на котором изучаются экзотизмы, и проблематика их изучения достаточно разнообразны. Работы выполняются на фактах использования экзотизмов в русской литературной речи (Н.А. Филатова, 2008; В. М. Феокистова, 1999), в сленге, в молодёжном (студенческом) жаргоне (Б. Б. Аюшеев, 2004); при билингвизме (в контрастивной социолектологии, В. П. Коровушкин, 2005), в профессиональной речи (А. К. Гатилова, 1996), в мемуарах (И. Н. Геранина, 2001; В. В. Ванина, 2001), в публицистике (М. И. Черкасова, 1997; К. Е. Шилова, 2005), в ху-

дожественных текстах (как поэтических — Б. Н. Павлов, 1975; Е. А. Чигирин, 2002, так и прозаических — О. И. Кальнова, 1986; В. В. Ванина, 2001 и др.), в связи с проблемами передачи понятий на русский язык в художественных текстах (А. В. Тарыма, 2009 — с тувинского; Д. Цэдэнжав, 2008 — с монгольского; Т. Х. Хагасова, 2004 — с адыгского; Г. И. Ахмедов, 1996 — с дагестанского и т. д.), по данным словарей (В. В. Ванина, 2001), в истории РЯ (И. Н. Геранина, 2001 — вторая половина XVIII века; Т. П. Зюрина, 1995 — конец XVIII — первая треть XIX века) и т. д. Авторами ставятся проблемы освоения и функционирования экзотизмов в русском языке (в основном — словообразовательное освоение, грамматическое и способы и средства введения экзотизмов в текст). Анализируются экзотизмы и для практической лексикографии: общей (В. Л. Муравьёв, 1980; М. В. Орешкина, 1995; В. П. Берков, 1996; И. Н. Геранина, 2001) и учебной (Н. А. Ерёмин, 1970), для лингводидактики (Б. В. Беляев, 1964; Б. И. Репин, 1970; Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, 1980; Л. К. Латышев, 1981; А. А. Брагина, 1981).

Три аспекта в теории экзотизмов являются спорными: 1. Является ли экзотизм принадлежностью русского языка? 2. Что репрезентируют экзотизмы в языке — процесс или результат процесса? (речь идёт о заимствовании). 3. Являются ли экзотизмы одновременно этнографизмами?

Л. П. Крысин считает, что «экзотическая лексика и иноязычные вкрапления, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего (ср.: графический облик) из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нём в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [Крысин, 2004, с. 61]. Если относительно иноязычных вкраплений (варваризмов) такое утверждение не вызывает сомнений, то относительно экзотизмов, с нашей точки зрения, это не совсем верно. Конечно, экзотизмы не представлены в русском языке в форме какой-либо самостоятельной структуры, репрезентирующей цельный фрагмент действительности (фрейм); они не входят в синонимические ряды и т. п.; «они представляют собой по существу незамкнутые группы

слов» [Крысин, 2004, с. 60], ввиду множественности «чужих»; нужно признать кажущуюся случайность их в языке, но это устойчивые единицы русского языка, имеющие закреплённое в национальном языковом сознании специфическое значение и имеющие оригинальную структуру.

Экзотизмы представляют собой не только процесс освоения заимствованной лексики русским языком, но и устойчивый результат этого процесса. Основной их состав довольно постоянен: с древнерусского периода в русском языке слова *магистр, паломник, пилигрим, кумыс*; с XVI века — *мечеть, адмиралтейство, иезуит*; с XVII века — *гондола, консул*; с XVIII века — *маклер, граф*; с XIX века — *люмпен, магнат, мазурка, мандолина, мандарин* (чиновник), *марсельеза, отель* и др. (по данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка П. Я. Черных [Черных, 1993]). Языковые экзотизмы фиксируются в толковых словарях. Словарный состав национального языка, отражённый в академических толковых словарях, представляет нам полный набор понятий русского народа (условно). «Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие» [Самотик, 2005] выполнен на базе МАС. К пассивному словарю русского языка относят экзотическую лексику Л. А. Булаховский, В. В. Ванина, А. Н. Гвоздев, А. Е. Супрун, Л. П. Ефремов, К. Н. Ерёмкина, Г. Л. Зеленин и др. В раздел экзотизмов вошло около одной тысячи слов (977), общий объём МАС — около 90 тыс. слов. Таким образом, экзотизмы составляют более 1% от словарного состава литературного языка (нами не включались в состав этой группы слова, обозначающие единицы флоры и фауны, а также этнонимы).

Экзотизмы литературного языка представляют нам сложившееся у русских представление о мире. Все языки трудно назвать в цифрах, обычно в справочниках указывается от 2 500 до 5 000 языков, на которых говорит свыше 50 миллионов человек. Стран мира, государств значительно меньше — около 200. В русских экзотизмах они обозначены далеко не все. Это наглядно показывает разницу между научной и наивной картинами мира (научным и обыденным языковым сознанием). Сплошная выборка экзотизмов МАС даёт представление о том, что такое

«мир глазами русского»: через экзотизмы мы выделяем 13 стран, 21 народ. Хорошо представлена в русском языке античность (очевидно, сказалось классическое гимназическое образование) — 144 слова обозначают различные понятия того времени (*авгур, акрополь, амброзия, амфора, гетера, гидра, гриф* и т. д.). Неплохо мы знаем Англию (56 слов: *бридж, виги, сквайр, стерлинг, милорд, пинта* и т. д.), Францию (44 слова: *гавот, дофин, директория, ливр, мадам, мамлюк* и т. д.), Германию (29 слов: *бундестаг, бюргер, крейцер, талер, фрау, шпильман* и т. д.), США (32 слова: *ковбой, конгрессмен, ленч, мистер, шериф, янки* и т. д.), Испанию (23 слова: *гранд, дублон, коррида, инфант, фанданго, наваха* и т. д.), Италию (24 слова: *лаццарони, палаццо, скудо, таверна* и т. д.), отдельно — Венецию (*баркарола, гондола, дож, цехин*). Индия, Турция, Египет, Польша, Украина, а также Иран, Шотландия, Ирландия, Венгрия и ещё семь стран представлены малочисленными или единичными словами. Остальные народы мы различаем плохо. Так, в нерасчленённом виде представлены народы Севера (*балок, кухлянка, малица, нарты, хорей, парка* и т. д.), в целом воспринимаем народы Средней Азии (*арык, айран, аул, арба, кетмень, мираб, паранджа* и т. д.), плохо различаем народы Кавказа — отсюда и «лица кавказской национальности», которой нет и никогда не было (ср.: «*Неприятность москвичей к приезжим кавказцам достигла пика. Появился термин “лицо кавказской национальности”*» (Абдуллаев Ч. Тысяча девятьсот девяносто девятый // Мистерия эпохи заката. М.: Астрель, 2006. С. 226). Широко известная толерантность русских проявляется в относительной «вялости» выделения (противопоставления) народов внутри собственного многонационального государства. В нашем видении мира большое значение имеет религия.

Тематическая классификация экзотизмов показывает основные фрагменты действительности, названия которых традиционно не переводимы на русский язык. Таких основных групп можно выделить более 20, это небольшой процент от общего тематического разнообразия русского языка (6,6%). Для сравнения: в русском литературном языке, согласно «Тематическому словарю русского языка», включающему в себя около 25 000 слов, в целом до четвёртого уровня деления

тем всего 302.

Итак, темы экзотизмов: обращения (*синьор, сеньор, мисс, эфенди, пан, сэ, фрау* и т. д.), названия верховного правителя, монарха, наследника (*султан, халиф, цезарь, шах, богдыхан, эрцгерцог* и т. д.), названия высоких чиновников (*наиб, мирза, визирь* и т. д.), названия одежды и обуви (*беешмет, жупан, кабардинка, конфедератка, кухлянка* и т. д.), названия денежных единиц (*абаз, вона, гинья, гульден* и т. д.), названия музыкальных инструментов (*балабан, бандура, виола, зурна* и т. д.), танцев, песен, певцов, единиц измерения, видов транспорта, воинов, населённых пунктов, жилищ и усадеб, кушаний и напитков, ветров, земледельцев, лошадей, праздников, учебных заведений, высших органов власти [Самотик, 2010]. Темы соотносятся с микроконцептами отдельных произведений. Несомненно, в экзотизмах реализуется тенденция языка к вариативности.

Концепт инонациональной речевой среды отдельного художественного текста соотносится с национальной. На фоне последней особо чётко проступает её специфика.

Варваризмы (от *греч.* barbarismos — ‘варварский’) — слова или номинативные словосочетания, заимствованные из иностранного языка и введённые в русский письменный текст или в графике языка-источника, или кириллицей с передачей специфики языка-источника, а в устный — с подчёркнутым сохранением произношения.

Термин используется в современной литературе (см., например, диссертацию Т. В. Новиковой «Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы» [Новикова, 2003] и др.

Различают окказиональные и регулярные варваризмы (И. Г. Добродомов, С. В. Гринев), или варваризмы текста и варваризмы языка (Г. А. Хабургаев).

Спорен вопрос о степени освоенности варваризмов русским языком: часть учёных считает варваризмы фактами чужого языка (А. В. Калинин), часть — неосвоенной лексикой русского языка (Ю. Т. Люстрова-Правда, А. И. Мельникова), некоторые — стилистически маркированными единицами русского языка (С. В. Гринев). Варваризмы рассматривают иногда параллельно с экзотизмами: а) их со-

поставляют как не освоенные русским языком заимствования: экзотизмы — лексическая неосвоенность слова, варваризмы — графическая; б) их противопоставляют на основе возможности-невозможности перевода. Варваризмы имеют соответствия в русском языке, то есть переводятся: *tete-a-tete* (фр.) — ‘наедине, с глазу на глаз’; экзотизмы же часто обозначают этнографические явления нерусской действительности, то есть на русский язык не переводятся: *луидор* — ‘старинная французская золотая монета’; *сераль* — ‘в странах Востока — дворец, его внутренние покои; женская половина во дворце, гарем’. С этой точки зрения варваризмы считают в большей степени освоенными заимствованиями, чем экзотизмы (С. В. Гринев). Иногда противопоставление не имеет смысла, так как варваризмы и экзотизмы могут совпадать в одном слове, например: *madame* — ‘мадам, вежливое обращение к женщине во Франции’ (МАС).

Некоторые учёные рассматривают варваризмы как этап в процессе освоения заимствованных слов: варваризмы — начальный этап освоения; затем — процесс побуквенного перевода на русский язык (транслитерация) или передача звучания слова (транскрипция); затем заимствованное слово проходит остальные этапы адаптации в русском языке (Л. М. Баш). Обычно при написании варваризмов используют латинский алфавит, языками-источниками являются лат., нем., англ., фр., итал. Заимствования из других языков сразу передаются в русской графике: *минарет, гяур* и т. д.

Вообще же вопрос о графике варваризмов является спорным. Некоторые считают, что это обязательно должна быть латиница, другие же к варваризмам относят и иностранные слова, переданные в русской графике, что обычно или подчёркивает плохое произношение, или придаёт тексту иронический оттенок. Иногда часто используемые в русском языке варваризмы приводятся в текстах в русской графике: *дежавю, обоже, комильфо*.

Варваризмы используются в разных стилях и жанрах. В художественной литературе варваризмы используются для обозначения иноязычной среды, для номинации предметов и понятий, неизвестных русской действительности.

В классической литературе XIX века, в литературе русского зарубежья вар-

варизмы играют особую роль, так как это литература двуязычной среды (билингвов), где варваризмы служат для параллельной номинации, для обычной номинации, для более точного, с точки зрения автора, выражения мысли: *Il fait des passions* (сноска: 'он имеет успех'), *bras dessus, bras dessus* (сноска: 'под руку') (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

Варваризмы могут вступать во взаимоотношения с грамматической системой русского языка. Иногда же варваризм как бы изолирован в грамматическом отношении. Так, *triuan* ('подсказка') приобретает средний род, хотя в языке-источнике это слово мужского рода, *sobriquet* ('прозвище') сохраняет присущее существительному во французском языке значение мужского рода, на что указывает согласуемое с ним прилагательное: французский *sobriquet*; с другой стороны: «Здесь во всех мансардах *ире-де-шоссе*» и т. д. (А. И. Куприн. «Париж домашний»).

Варваризмы широко используются в качестве терминов. В отдельных справочных изданиях специально помещаются термины-варваризмы. В современном русском языке явно выражена тенденция к расширению сферы использования варваризмов. Они широко представлены в рекламе, в названиях фирм, магазинов, на товарах отечественного производства. Происходит процесс десемантизации варваризмов, так как в значительном ряде случаев их значение остается непонятным для большинства читающих.

Нациолектизмы (от польск. *nasija* < лат. *nasio*) — слова в русской речи нерусских с устойчивыми явлениями интерференции; внелитературная лексика, передающая маркированную русскую речь нерусских.

Образ инонациональной речевой среды в художественном тексте представляет собой разновидность вербальной межкультурной коммуникации, которая строится на принципах этноцентризма. Феномен этноцентризма предполагает естественное предпочтение языка своей этнической группы [Стефаненко, 2000, с. 237] и интерес (любопытство) к другой вербальной культуре [Куликова, 2004, с. 41]. В художественном тексте маркированная русская речь нерусских наряду с другими

видами внелитературной лексики служат выразительным средством стиля. Термин *нациолект* используется в литературе (см., например, работу Э. Кресса «Российские немцы на перекрёстке языков и культур» [Кресс, 1995, с. 74 и посл.].

Особенности русской речи нерусских долгие годы представлялись в рамках методики преподавания русского языка в национальных условиях. При этом квалифицировалось это явление как недостаток, требующий устранения. Изучается этот феномен и сегодня в методике преподавания русского языка как иностранного. Описание нациолектов в живой речи проводилось в сравнении с *национальными вариантами* английского языка, что вызывало возражения учёных [Филин, 1981, с. 143]. Как стилистическое средство языка это явление также было рассмотрено. Г. О. Винокур писал: «Я хочу обратить здесь внимание на одну только подробность в этой очень большой проблеме портретной характеристики языка... Подробность касается языковых портретов иноязычных персонажей, когда в русском романе речь идёт о персонажах нерусских и когда автор хочет дать понять читателю, что они не владеют русским языком. Автору это нужно потому, что иначе мы ему не поверим» [Винокур, 1991, с. 420]. Национальная принадлежность человека передаётся через условные сигналы. «Существует целая традиция вторичного отражения особенностей русской речи нерусских...» [Шмелёв, Шмелёва, 2004, 48–49].

Обычно используются бытующие в русской языковой среде представления о речевых особенностях народов-соседей, т. е. *этностереотипы* [Крысин, 1991, с. 13]. В некоторых работах этностереотипы в художественных текстах (например, образ немца) рассматриваются как не соответствующие реальной речи билингвов и «за рамки исследования выводятся как внелитературные источники национальных штампов-представлений» [Жданов, 2005, с. 10–13]. Другие же, анализируя реальную речь современников, утверждают, что привлечение «внелитературной лексики в речи билингва будет существенным дополнением к региональным её особенностям», «устойчивые сочетания внелитературного характера в речи билингва являются культурно обусловленными» [Сундуева, 2004, с. 23–25].

Нас интересует не подлинная русская речь нерусских, а её стилизация. По-

сколькx литературный русский язык не может передавать фонетическую и грамматическую систему национального ареала, а возможно только её представление через отдельные слова, наш основной термин — *нациолектизм*.

Феномен фиксировался в научной литературе, но явно не хватает общего термина. Так, в одной статье Г. О. Винокура на двух страницах [Винокур, 1991, с. 420–422] говорится о «следах иноязычного выговора», «полонизированном русском или русифицированном польском», «смеси русского и польского», «польском акценте», «иноязычных акцентах», обращение «с сильным немецким акцентом», проговорил «ломано по-русски», говорит «ломаным русским языком», «коверканной русской речью», «исковерканными польским говором словами», автор передаёт «иноязычный налёт в русской речи немцев и поляков», герой переходит на немецкий язык: *«Их кондодире, их кондодире... мейн херц ист фолльшмерцен»*.

Слово *акцент* обычно характеризует черты интерференции в области фонетики, *ломаный русский* — грамматики, *коверканье* характеризует отрицательное отношение автора к произносимому. Есть и другие обозначения явления: в национальных языках видит наличие *переходных форм речи* Ю. В. Степанов [Степанов, 1990, с. 326], *локализмы инонациональные* Ф. П. Филин [Филин, 1981, с. 142], *варьирование русского языка в инонациональных условиях* Л. П. Крысин [Крысин, 2004, с. 404–411], *этнокультурные стереотипы* в речи языковых меньшинств, *неисконную русскую речь* А. Д. Шмелёв и Е. Я. Шмелёва [Шмелёва, Шмелёв, 1996; Шмелёва, Шмелёв, 1999; Шмелёва, Шмелёв, 2000], *речевые этностереотипы* Л. П. Крысин [Крысин, 1991, с. 13], *этническое просторечие* В. П. Коровушкин [Коровушкин, 2005], *макароническую речь* В. С. Норлусенян [Норлусенян, 2000] и др.

1.4. Методология исследования компонентов лексико-семантической системы русского языка в динамике языкового, речевого, «художественного» существования, проблема концептуализации образа речевой среды

Моделирование инонациональной речевой среды в работе строится с опорой на семантическую модель описания лексической системы А. А. Уфимцевой [Уфимцева, 1972, с. 394–456]. Классическое традиционное языкознание выделяет

лексику в качестве уровня языка наряду с фонетикой и грамматикой и разделяет лексическое и грамматическое значение слова. «Семантическое слово» стало предметом изучения в семасиологии. Лексическое значение понималось как «сеть ассоциаций односторонней данности плана содержания, определяемой исключительно экстралингвистическими факторами» [Уфимцева, 1972, с. 396].

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес к смысловой стороне конкретных языков, к лексической семантике в частности. «Делаются многочисленные попытки изучить лексику как структурно-организованный уровень, найти её место в стратификационной (уровневой) модели языка, выработать понятия и методы структурирования лексических единиц, описать отдельные микро-структуры и парадигмы слов, выявить основные типы их лексических и лексико-семантических связей и отношений в языке» [Уфимцева, 1972, с. 402].

В структурно-семантическом представлении лексической системы выделяются четыре уровня анализа слова. Если принять слово как базисную многомерную структурную единицу языка, обладающую цельнооформленностью и идиоматичностью, можно выделить: 1) фонематический аспект, 2) морфематический аспект, 3) лексематический аспект и 4) лексико-семантический аспект. На первом и втором уровнях анализируется «план выражения», то есть формальная сторона слова. На третьем и четвёртом — слово анализируется по значению, представляет план «содержания» (двучленное структурирование языка в глоссематической теории Л. Ельмслева).

Первые два уровня служат определению тождества слова и исчислению его формальных, а также «социальных и географических» вариантов (А. А. Уфимцева). Последние два аспекта слова — соответственно и две подсистемы языка — лексематическая и лексико-семантическая — различаются как специфическими единицами (лексемой и лексико-семантическим вариантом слова), так и формой манифестации содержания единиц соответствующего уровня. Основной единицей лексико-семантического уровня является лексико-семантический вариант, равный по содержанию отдельному значению слова (ср.: лексические единицы — *lexische Einheiten* и лексико-семантические единицы — *lexisch-semantische Einheiten* в тео-

рии Дж. Филипца [Уфимцева, 1972, с. 412]). Слово-лексема — виртуальная единица в синтагматическом плане и актуальная (конкретная) в плане номинативной деятельности языка. Лексико-семантический вариант — виртуальная единица в плане номинации, но реальная (актуальная) в реально-речевом функционировании. «Отношения, подобные отношениям между двумя модификациями слова, стоящими соответственно на разных ступенях языковой абстракции, А. М. Пешковский обозначал противопоставлением «слово-тип» и «слово-член», Е. Косериу «лексематика языка — лексаматика речи» [Уфимцева, 1972, с. 413]. Структура лексического содержания представлена в языке в трёх порядках: 1) слово-лексема, 2) лексико-семантический вариант слова, 3) словоупотребление. Отсюда можно заключить, что лексико-семантические варианты — двусторонние единицы, подобные лексеме.

Единицы каждого уровня противопоставлены и взаимосвязаны, единицы двух последних находятся в отношениях конституентности, не будучи разграничены исходной формой знака. Для идентификации основных единиц двух последних уровней необходимы неформальные средства — семантические отношения слов в парадигматике и лексические связи слов в синтагматике.

Изучение слова начинают либо с лексематического уровня, когда изучают систему номинаций и структуру вокабуляра, либо с его функционирования, речевого употребления. Поскольку мы изучаем художественный текст, то идём вторым путём: от конкретных употреблений к лексико-семантическому варианту.

Пошаговое представление процесса описания (моделирования) выглядит следующим образом.

На уровне максимальной единицы системы

1. Определяем количество тематических групп анализируемой лексики. Сравниваем, с одной стороны, с тематическим делением РЛЯ, диалектной системы региона (при необходимости), с другой — языка-источника. Сделанные наблюдения проецируем на художественные особенности текста.

2. Проводим количественные подсчёты единиц в каждой тематической группе, соотносим их с понятием «фокуса культуры» (Ю. А. Найда). Определяем

степень соответствия реальной действительности, художественному образу и задачам автора.

На уровне минимальной единицы системы

1. На основе исследовательской интуиции из анализируемого текста выделяются слова одной тематической группы. Определяется имя группы через ключевое слово (слова). Выбираются случаи употребления выбранных слов. На основе контекстного анализа формулируется значение каждого лексико-семантического варианта как основной лексико-семантической единицы.

2. На основе тождества семантики возвращаемся к форме лексико-семантического варианта, определяем (при наличии) формальные его варианты, номинативные аналоги. Объясняем варьирование. Сравниваем форму лексико-семантического варианта с нормированным языком, объясняем существование вариантов (при наличии).

3. Значение лексико-семантического варианта рассматриваем в целом в пространстве текста, отмечаем случаи динамики семантики. Связываем с художественной выразительностью текста. Исчисляем способы моделирования инонациональной речевой среды.

Таким образом, в результате строится типология художественных текстов, типология тематических групп и типология лексико-семантических вариантов слов.

Язык художественных произведений может рассматриваться в разных аспектах: нормативном, коммуникативном, когнитивном, психолингвистическом, лексикографическом и стилистическом. Н. С. Болотнова выделяет три вида стилистического подхода к теме: в рамках исторической стилистики, функциональной и описательной, для которой «представляет интерес отражение в литературных произведениях различных языковых средств, взятых автором из сокровищницы русского литературного языка, а также выявленных авторских новообразований, потенциально способных обогащать языковую систему» [Болотнова, 2003, с. 652]. Данная работа выполнена в рамках описательной стилистики.

Языковая концептуализация понимается как понятийная классификация,

связанная с авторской картиной мира, имеющей эстетическое значение (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, С. Г. Шафариков и др.).

Образ инонациональной речевой среды в русской литературе можно рассматривать как концептосферу, отражающую национальную картину мира через призму художественных текстов. Концепты реализуются в отдельных произведениях, имеют субъективно-авторскую природу. Ключевые слова, «имена тематической группы» реализуют систему микроконцептов.

Под методом концептуализации «понимаются процедуры интерпретации, включающие выводное знание» [Маслова, 2011, с. 55]. «Если не требовать чересчур жёсткого определения самого понятия «метод», мы бы сказали, что он заключается в постоянном соотнесении языковых данных с другими опытными и сенсорными данными, ибо способом теоретического исследования <...> здесь становится рассмотрение на широком фоне культурологического, социологического, биологического и — особенно — психологического порядка <...> лингвистика должна, на наш взгляд, всё больше приобретать объяснительный характер. Когнитивная наука предоставляет ей эти возможности, то есть расширяет рамки возможных в лингвистике и так необходимых для неё объяснений» [Кубрякова, 1999, с. 5–6].

Слово *концепция* имеет следующие значения: 1. Система взглядов, то или иное понимание явлений действительности. Ср.: доктрина, теория. 2. Единый, определённый замысел, ведущая мысль какого-н. произведения, научного труда [СТСРЯ]. «*Концепт* в современной лингвистике — это отражённое в особых знаках объяснение объектов и явлений мира. Эти знаки не столько называют и указывают на предмет и явление — они представляют их как познанные (познаваемые) языком. К ним прибегают, когда делается попытка назвать «неназываемое», то есть там, где имеет место философское осмысление понятий и явлений, стоящих за гранью личного, непосредственного опыта. В языковом образовании, имеющем силу концепта, сближены язык и сознание, представлено неявное этико-философское знание о мире, прежде всего, о началах жизни, которые часто явля-

ются заведомо непознаваемыми в логическом плане (такие, как жизнь, любовь, смерть)» [Подюков, 2004, с. 20]. Слово *концепт* обозначает также «понятие» [Крысин, 1998].

О. Н. Емельянова так пишет о термине *концепт*: «*Концепт* — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики. Он связан прежде всего с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс», «картина мира» и др., для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных, интенций <...> личности, отражённых в её творениях-текстах. По В. В. Колесову, концепт предстаёт в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Емельянова, 2003].

Существуют специальные методики описания концептов: Дж. Лакоффа и М. Джонсона, 1985; Ю. С. Степанова, 1993; Р. М. Фрумкиной, 1990; Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, 1996 и т. д. «Использование тех или иных методов, а также методик, приёмов и способов исследования в каждом конкретном случае зависит не только от сложности концепта, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения» [Маслова, 2011, с. 58].

Настоящая работа выполнена на художественных текстах. Для такого материала адекватно понятие образа-концепта. Концептосфера «образ инонациональной речевой среды» рассматривается в предлагаемом исследовании.

«Образ — одно из центральных понятий философии, где он определяется как результат отражения объекта в сознании человека. Образ объективен по своему источнику — отражаемому объекту и субъективен по способу (форме) своего существования. Материальной формой воплощения образа выступают практические действия, язык, различные знаковые модели. Образ объекта никогда не исчерпывает всего богатства его свойств и отношений: оригинал богаче своей копии. Однажды возникнув, образ приобретает относительно самостоятельный характер и играет активно действенную роль в поведении человека» [Философский

энциклопедический словарь, 1983]. В современном гуманитарном знании мы определяем это качество образа (системы образов) как мифологизированность человеческого сознания.

Есть ещё несколько определений *образа*: *образ* — «инобытие» действительности в нашем представлении; *образ* — одно из основных понятий теории познания, характеризующее результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта [Тюхтин, 1966]. *Образ* — результат реконструкции объекта в сознании человека; понятие, являющееся неотъемлемым моментом философского, психологического, социологического и эстетического дискурсов [Фарман, 2001] и т. д.

Существует понятие *образности языка* как «такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых и речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание реципиента» [Сковородников, Копнина, 2003]. Такое определение образности языка близко понятию художественного образа. Художественный образ — «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. Образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении <...>, например, образ войны, образ народа, образ Наташи Ростовой в «Войне и мире» Л. Н. Толстого» [Эпштейн, 1987]. «Образ художественный — всеобщая категория художественного творчества, специфические для него способ и форма освоения жизни, «язык» искусства и вместе с тем — его «высказывание» [Родзянская, Кожин, 1968].

Понятие художественного образа имеет длительную историю развития, иногда существование художественного образа ставится под сомнение или отрицается. В истории изменяется как сам образ параллельно с развитием литературы, так и совершенствуются (изменяются) способы его описания.

Категория художественного образа оформилась в эстетике Гегеля в противопоставлении двух форм освоения мира: через абстрактную сущность и конкретную действительность, то есть через науку и через искусство. В России это было подхвачено В. Г. Белинским. В дальнейшем это положение рассматривалось в рамках

позитивистско-психологического направления конца XIX — начала XX века, возникли безобразные теории искусства (Б. Криетиансен, Г. Вёльфлин, русские формалисты, отчасти Л. С. Выготский). А. А. Потебня в русле идей В. Гумбольдта развивает учение о внутренней форме, формалисты отождествляют смысловое содержание художественного образа с понятием формы или конструкции, приёма и т. д. Художественный образ рассматривался в онтологическом аспекте, в семиотическом как знак, в гносеологическом аспекте как вымысел, в собственно эстетическом как система (организм). Выявлены его объективная и субъективная стороны, рассматривался он и как процесс в триаде: автор — образ — читатель. Структурное многообразие художественных образов можно с известным огрублением свести к двум исходным началам — принципу репрезентативного отбора и принципу ассоциативного сопряжения (то есть построение образа через отбор и типизацию). «На идейно-смысловом уровне этим двум структурным принципам соответствуют две разновидности художественного обобщения — тип и символ» [Роднянская, 1983]. «Смысл слишком отвлечённый или неопределённый может лишь условно соприкоснуться с предметными формами, не претворяя их, как это имеет место в натуралистической аллегории, или механически их соединяя, как это свойственно аллегорически-магической фантастике древнейших мифологий. Смысл типичного образа конкретен, но ограничен характерностью; характерный признак предмета или лица здесь становится регулятивным принципом построения образа, полностью вмещающего в себя свой смысл и исчерпывающего его (смысл образа Обломова — в «обломовщине»). Вместе с тем характерный признак может подчинить и «ознаковать» все остальные до такой степени, что тип перерастает в фантастический гротеск. В целом многообразные типы художественного образа зависят от художественного самосознания эпохи и модифицируются внутренними законами каждого искусства» [Роднянская, 1966].

Значение понятия *художественный образ* сложно, многомерно, но можно выделить два основных его понимания: 1. Художественный образ — способ существования отдельного художественного произведения во всей полноте его выразительности и осмысленности. 2. Под образом понимают элемент (элементы)

или часть произведения, обладающую как бы самостоятельным значением и существованием.

В данной работе *образ* понимается в последнем значении, речь идёт о фрагменте произведения, имеющем относительную цельность, связанную с общим смыслом (темой, идеей, пафосом) произведения. Язык — материал, средство создания образа в художественном тексте, здесь он выступает и как самостоятельный объект, мы рассматриваем *образ речевой среды*. Г. О. Винокур называл это предметом: писатели ищут «такой стиль, который опирается на имитацию языка изображаемой эпохи. Но если это так, то это означает, что автор включает язык в круг тех предметов, которые он изображает в данном произведении» [Винокур, 1991, с. 415]. Образ в художественной литературе создаётся через отбор фактов и их типизацию.

Структура образа строится из единичного, особенного и всеобщего, в синтезе этих трёх категорий. «В узком смысле слова «единичное» составляет всё то, что доступно непосредственно (или опосредованно через язык. — Л.С.) «живому созерцанию», нашим органам чувств... В широком смысле «единичное» включает в себя и «особенное» и «всеобщее» [Левидов, 1983, с. 222]. «Типическое, типичное, — наиболее вероятное, «нормальное», образцовое для данной конкретной системы объективного мира... Конкретная социальная сущность может выступать как в индивидуальной форме, так и во всеобщей форме» [Кожин, 1972, с. 508–509].

Образ инонациональной речевой среды — социальный образ. Э. Сепир в статье «Язык и среда» [Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — С. 270–284] говорит о соотношении между физической средой, социальной средой и языком. Термина «языковая среда» он не употребляет. Н. Ф. Алефиренко включает среду в структуру социального фактора: среда, к которой относится субъект действия, и среда, к которой относится объект действия [Алефиренко, 2009, с. 241]. Понятие *языковая среда* возникает по аналогии со средой физической и социальной.

Использование этого понятия частотно как в социолингвистике («вид общ-

ности людей, в пределах которой реализуется общение' [Словарь социолингвистических терминов, 2006]), так в теории коммуникации ('вид коммуникативного пространства, в котором реализуется общение, языковая социализации, овладение языком как средством общения в целях социального взаимодействия в обществе' [Жеребило, 2010] и в дидактике ('Использование языка в реальных ситуациях общения'), прежде всего при изучении иностранных языков. Выделяется *естественная языковая среда* и *искусственная* и т. д. Параллельно используется (с нашей точки зрения — более точный) термин *речевая среда*. Речевая среда обычно связывается с каким-либо конкретным языком: *русскоязычная речевая среда*, *англоязычная речевая среда* и т. д. В. А. Козырев и В. Д. Черняк используют понятие *языковой среды* при обучении родному (русскому) языку: «*Языковая среда* является важнейшей составляющей гуманитарной образовательной среды, и ориентация в ней требует специальных знаний и умений. Эффективная коммуникация, умение воздействовать на собеседника или на аудиторию, не манипулируя ими, умение преодолевать конфликты, формулировать и отстаивать свою точку зрения предполагают особое внимание к языковой составляющей общения» [Козырев, Черняк, 2012, с. 7]. Л. А. Шкатова пишет о языковой среде челябинцев, трактуя её как речь в рамках использования ненормативных элементов [Челябинск: энциклопедия]. Сочетание *иноязычная среда* использует в своих работах Г. О. Винокур: «Такое сочетание разных приёмов изображения *инонациональной среды* в широком смысле слова, т. е. не только ремаркой, но и показом, встречается очень часто» [Винокур, 1991, с. 422]. С. И. Гарагуля использует термин *иноязычная среда* в книге «Языковая личность. Индивид и его имя в иноязычной среде» [Гарагуля, 2012].

Б. М. Гаспаров трактует это понятие в когнитивном, лингвофилософском ключе: «Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением

мысли, каждым проявлением нашей личности. Вот эта наша постоянная, никогда не прекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке» и есть то, что я предлагаю назвать языковым существованием. Языковое существование личности представляет собой продолжающийся на протяжении всей жизни этой личности процесс её взаимодействия с языком. В этом процессе языквыступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружён и в окружении которой он совершается» [Гаспаров, 1999, с. 6]. Им выделяется языковая среда автора и языковая среда адресата и т. д.

В русской художественной литературе моделируется реальная речевая среда, включающая в себя речь персонажей — представителей разных национальностей и особое построение авторского текста, вызывающее у читателя представление об этой среде. Таким образом, создаётся образ инонациональной речевой среды.

1.5. Выводы

Задачей диссертационного сочинения является концептуализация образа инонациональной речевой среды в русских художественных текстах. Язык художественной литературы — сложное, различно трактуемое понятие. Мы традиционно рассматриваем ЯХЛ как художественный стиль современного русского литературного языка. Он призван моделировать почти все формы существования национального языка (за исключением табуированных обществом).

Между национальным русским языком и литературной формой его существования нет непроходимых границ. Современная лингвистика стремится видеть язык как непрерывное языковое пространство, выделяется ряд переходных форм. В. В. Виноградовым поставлена задача создания внелитературного речеведения. В настоящем исследовании лексика за рамками ЛЯ (за рамками толковых словарей ЛЯ или приведённая в них с т. н. ограничительными и запретительными пометами) относится к внелитературной, под которой мы понимаем слова из нелитературных страт, других языков и исторических форм существования рус-

ского языка, включённые в литературный текст и соответствующим образом в нём адаптированные.

Текст — одно из центральных понятий современной лингвистики. Разные точки зрения существуют на выделение единиц текста и способов его построения. Художественный текст имеет различные приёмы создания специфичности, феномена особого освоения окружающей действительности. Основное в ХТ — это образность. Через образ осознаётся всякая социально значимая среда, в том числе и инонациональная. Значение инонациональной речевой среды в русской литературе подчёркивали многие известные лингвисты. Приём создания такого образа используется готовый, отработанный в текстах, общий для всей внелитературной лексики — это стилизация.

«Чужое» слово в русском художественном тексте обладает особой выразительностью. Его «двуголосность» (М. М. Бахтин), «амбивалентность» (Ю. Кристева) неоднократно отмечались в литературе. Восприятие такого слова отвечает закону «затруднённого чтения» Якубинского-Шкловского, отвечает принципу остранения (В. Б. Шкловский). Всё это соответствует понятию «художественно-образной речевой конкретизации» М. Н. Кожинной и позволяет отнести художественный текст к стилю литературного языка.

Теория художественного текста включает в себя понятие жанра. М. М. Бахтин, разработав сферу речевых жанров, отмечал вторичность жанров художественной литературы. Вторичность языка художественных текстов по отношению к социально-диалектному расслоению языка реального социума отмечал В. В. Виноградов. Современные исследователи идею вторичности ЯХЛ строят на его нереальной (воображаемой) природе. На этом фоне вторичность заимствованного слова (М. М. Бахтин) в художественном тексте может рассматриваться как вторичность второго или третьего порядка. С этим возрастает сила его выразительности.

Художественный текст может рассматриваться и как открытая система (в теории интертекстуальности), и как замкнутая, автономная речевая система. Каждый художественный текст имеет свою лексико-семантическую систему, которая прояв-

ляется через максимальную единицу (вертикальная ось) и минимальную (горизонтальная). Максимальной лексической структурной единицей в работе является *тематическая группа*. Имя тематической группы выводится из сравнения с тематическим делением русского литературного языка, при необходимости некоторых национальных языков и контекстуального анализа. Минимальной структурной единицей — слово в одном своём значении (лексико-семантический вариант — ЛСВ). Основными стилистическими единицами в работе называются *экзотизм*, *варваризм* и *нациолектизм*.

В литературном языке сложился определённый образ инонациональной речевой среды (описан нами на основе данных толковых словарей). В ЯХЛ образ специфичен и отличается от общенационального. Задача настоящей работы — выявить эту специфичность.

Методология работы опирается на модель лексико-семантического анализа А. А. Уфимцевой, которая выделяет четыре уровня анализа слова. На первом и втором уровнях анализируется «план выражения», то есть формальная сторона слова. На третьем и четвёртом — слово анализируется по значению, представляется план «содержания». Единицы каждого уровня противопоставлены и взаимосвязаны, единицы двух последних находятся в отношениях конституентности, не будучи разграничены исходной формой знака. Модель сопровождается описанием пошагового использования.

В каждом художественном тексте автором создана индивидуальная концепция инонациональной речевой среды. В целом в языке художественной литературы есть особая концептосфера этого сводного образа, соотносящаяся с языковой национальной, но не совпадающая с ней. Концепты-образы отдельных рассмотренных произведений позволяют выстроить типологию текстов. Мини-концепты совпадают с именами тематических групп и выражают общую авторскую концепцию текста, соотносящуюся с темой, идеей, мотивами произведения. Мини-концепты сообщают нам о ментальности народа, его национальной картине мира. В рамках художественного текста все концепты реализуются в образах. Структура образа общепризнанна, состоит из единичного, особенного и всеобщего (типично-

го или типического).

Глава 2. Концептуализация образа иностранной речевой среды

2.1. Образ иностранной речевой среды в переводной литературе как факт русской словесности

Переводные произведения традиционно в литературоведении не рассматриваются как произведения русские. И в лингвистике долгое время они не представлялись как русские тексты, хотя написаны на русском языке и для русского читателя. Они являются объектом рассмотрения в теории перевода [Нелюбин, 2008]. Переводные тексты рассматриваются и в рамках теории интертекстуальности (см., например, работу Л. Н. Лукьяновой «Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод» [Лукьянова, 2011] и др.).

Большая словарная картотека русского языка, на базе которой были созданы академические толковые словари, в иллюстративный, а значит, и описательный материал их не включала («Иллюстрируются значения, оттенки значений и особенности употребления слов цитатами из авторитетных оригинальных (непереводных) источников» [Филин, 1981, с. 241]). Переводные и русские тексты, представляющие «национальную литературу», ограничены и в Национальном корпусе русского языка.

В проекте нового академического словаря Г. Н. Складарская впервые утверждает, что возможно использование примеров из переводных текстов в качестве иллюстраций в толковых словарях русского литературного языка: «Нетрадиционные типы источников <...>: переводная литература, «поставляющая» этнографизмы, бытовизмы, а также (при хорошем идентичном переводе) — сниженную и жаргонную лексику» [Складарская, 1994, с. 17]. Включаются переводные тексты и в некоторые словари других языков (см.: о докладе Э. Святковской, которая указывает, что в польской лексикографии «переводным текстам также уделяется большое внимание» [Квинтевич, 2004, с. 151]) и др. В русской лексикографии такие тексты представлены автономно: «Словарь сочинений Хачатура Абовяна. Диалектные и иностранные слова»; «Словарь языка Али Шогенцукова»; «Афоризмы Э. М. Ремарка»; «Словарь поэзии Николая Вапцарова» и др. (см. список в

монографии Л. Л. Шестаковой [Шестакова, 2004, с. 380–397]). Словообразовательная система русского языка XVIII века рассматривалась учёными Института русского языка на «памятниках научной и деловой литературы, оригинальной и переводной художественной прозы» [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 304] и т. д. Ещё Г. О. Винокур писал: «Отсутствует принудительная связь между данным содержанием и данной языковой формой. Читаем же мы романы Вальтера Скотта в русском переводе. Правда, они кое-что утрачивают, это верно, но это несущественно; всё равно в русском переводе романы Вальтера Скотта есть литературные художественные произведения» [Винокур, 1991, с. 414]. Исключение переводной и русскоязычной национальной литературы из списка источников лингвистического исследования не позволяет отражать достаточно полно русскую художественную словесность. В русистике такие тексты специально не рассматривались. «В сфере международных литературных связей воспринимающая сторона всегда является активной... Литературный процесс в его «имманентном» аспекте направляем двумя равнозначными и взаимодействующими факторами: национально-культурной традицией и воздействием инонациональной культуры — т. е. он синтезирует «местное», «почвенное» и заимствованное извне» [Хализев, 1978, с. 475]. Эти тексты имеют особую систему изобразительно-выразительных лексических средств, которая, с одной стороны, отражает возможности русского языка в создании образа иностранной речевой среды наряду с текстами русских авторов, с другой — является специфичной по отношению к текстам, создающим образ национальной речевой среды народов России.

2.2. Часть 1. Образ иностранной речевой среды в произведениях

С. Шелдона

Место действия многих художественных произведений выходит за рамки России, особенно в переводной литературе, которую мы можем рассматривать как часть нашей национальной словесности.

Для анализа переводных текстов нами выбраны три романа Сидни Шелдона (Сидней, или Синти, Шелдон (англ. Sidney Sheldon), настоящее имя Сидни Шехтель, известный во всём мире американский писатель и сценарист (1917–2007).

Его романы переведены на 56 языков и изданы тиражом свыше 300 миллионов экземпляров в более чем ста странах, благодаря чему писатель попал в Книгу рекордов Гиннеса как самый «переводимый» автор в мире: «Оборотная сторона полуночи»,

«Гнев ангелов» и «Звёзды светят вниз» [Шелдон, 1993, 2000, 2002], произведения разных лет, разные переводы (И. Гульянц, И. и С. Коноплёвы, Ю. Кирьяк). В качестве сопоставительного и иллюстративного материала использовались ещё восемь произведений автора (см. список источников).

§ 1. Экзотизмы и варваризмы в текстах С. Шелдона

Всем произведениям С. Шелдона (в работе условно так именуется переводы романов) свойственно такое качество текста, как достоверность. Действие протекает в конкретном временном отрезке истории, в определённом ареале. Так, например, в романе «Звёзды светят вниз» сюжет точно вписан в ареально-временное пространство, в «подлинную» речевую среду: в начале главы приводится ряд событий (разновидность аллюзии), и среди них — что было сделано героиней. Используются подлинные факты, называются реальные люди — так выстраивается иллюзия достоверности происходящего: *В истории человечества продолжали вершиться большие и малые дела, однако Лара их не замечала. Граждане Америки переизбрали на второй срок **Рональда Рейгана**, в далёкой России какой-то **Михаил Горбачев** сменил почившего в бозе лидера КПСС **Константина Черненко**. Лара подарила Детройту многоквартирный жилой дом для беднейших слоёв горожан (с. 213). Также с. 178, 105 и др.*

Точное указание места действия, названия улицы и т. п. делает роман популярным, так как у читателя рождается чувство сопричастности:

*«В сегодняшних новостях сообщили, будто **Сирс-тауэр** (сноска: ‘небоскрёб в г. Чикаго высотой 443 м, одно из самых высоких зданий в мире. Построен в 1970–1973 гг.’) почти готов», — сказала Лара (с. 11) и др.*

«Реальная аллюзия — приём употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт — это стилистическая фигура референтного характера, опирающаяся на экстралингвистический факт» [1, с. 10].

гвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний» [Христенко, 1992, с. 43]. Прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание — термины интертекстологии. «Прецедентное имя <...>, связанное с прецедентной ситуацией: *Иван Сусанин, Колумб, Стаханов*; сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (напр., *Ломоносов*) или более элементов (напр., *Куликово поле*), обозначая при этом одно понятие... Прецедентная ситуация — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности: *Смутное время, Ходынка*... Прецедентное высказывание обязательно многократно воспроизводится в речи, в этом заключается его специфика и отличие от других прецедентных форм...» [Красных, 1999, с. 39–43]. «В цивилизованном обществе важна роль разного рода прецедентных текстов, высказываний и имён, которые составляют определённый культурный фон данного социума» [Современный русский язык, 2003, с. 493].

Экзотизмы маркируют текст в пространстве, на этом фоне также служат достоверности.

1. Фоновую функцию выполняют т. н. туристические экзотизмы (слова, обозначающие явления нерусской действительности, представляющие страну как объект туризма). К ним примыкают варваризмы (слова или фрагменты текста чужого языка).

1.1. **Dolmades, mousaka, stiffado, taramosalata, retsina, chatcaubriand pommes, saufflees pasta, fagioli**, чендол, дим сумм, нонья, бакаро, чикетти (13 слов). «Туристические» экзотизмы в романе «Оборотная сторона медали» переданы в латинской графике, таким образом, предельно отчуждены. Граница между экзотизмами и варваризмами при этом размывается. Герои романа — американцы и француженка, но основное действие происходит в Греции, в Афинах. Это подчёркивается включением традиционных экзотизмов — названий национальных блюд. Они отражают отношение героев к окружающему, которые наслаждаются

отдыхом в чужой стране.

Итак, Греция: *Они отведали **dolmades**, мясные тефтели, завёрнутые в виноградные листья, **mousaka**, сочное мясо с запечёнными в тесте баклажанами, **stiffado**, тушёного зайца с луком, и **taramosalata**, греческий салат из чёрной икры с оливковым маслом и лимоном. Граф заказал также бутылку **retsina**. «Это наше национальное вино», — пояснил он (с. 257–258).*

В романе «Гнев ангелов» герои отдыхают в итальянском ресторане Лас-Вегаса, в Сингапуре и т. д. Названия могут быть представлены как в латинице, так и в кириллице.

Лас-Вегас: *Сначала шли разнообразные закуски, а затем подали **pasta fagioli** (сноска: ‘макароны (лат.) с фасолью (ит.)’) (с. 262).*

Сингапур: *Наклонившись к Дженифер, он сказал: «Рекомендую **чендол**» (с. 331). Также с. 213, 333 и др.*

Венеция в романе «Звёзды смотрят вниз»: *что такое **бакаро**? — Винный погребок, где подают **чикетти** — крошечные сэндвичи из даров моря (с. 295).*

Широкая представленность «туристических» экзотизмов и варваризмов, особое внимание к названиям национальных блюд, использование их в фоновой функции можно считать особенностью идиостиля С. Шелдона. См., например, в романе

«Когда наступит завтра» [Шелдон, 1993, с. 119–510]: *...обедала **sobrasadas** (сноска:*

*‘толстая свиная колбаса с перцем’) и мясо по-испански (с. 413); ...ароматные национальные блюда, например **cocido madriletto** (сноска: ‘традиционное испанское блюдо из турецкого гороха с мясом и овощами’) или **olla podrida** (сноска: ‘жаркое из разных видов мяса с овощами’). Также с. 125, 397, 422 и т. д.*

В текстах других авторов эта лексика может выступать, например, в символической функции. Так, в романе Грэма Грина «Суть дела» [Грин, 2009] герой Уилсон — недавно в колонии, не любит подающуюся здесь еду — **карри**, не любит колонию, страстно хочет уехать. Художественная деталь (*карри*) превращается в символ здешних мест. Объективное становится субъективным — передано

настроение героя. Это одна из линий сюжета: *Ей-богу, я бы тоже хотел, чтобы мне надо было чего-то беречься, а не есть этот проклятый карри* (с. 74) и т. д.

Названия местной кухни используются во многих переводных произведениях. Например, национальные блюда (то, что национальные — подчёркивается) в романе Дж. Х. Чейза «А что же случится со мной?» [Чейз, 2007]: *Мы взяли голубцы, острые, но очень вкусные, потом **mode de guajolote** — филе индейки с помидорами и укропом, и всё это под толстым слоем шоколадного соуса* (с. 101). Также с. 108 и т. д.

1.2. В романе «Звёзды светят вниз» даётся расширенная схема «туристических» экзотизмов. Экзотика Шотландии показана не только через кухню, но через обозначение специфической одежды, некоторых географических объектов, через пословицу представлена черта национального характера (11 единиц): **угольный пирог, килт, инвер, абер, страт, бад, шотландец затевает драку и в пустом доме, расчистка земель, Бладхна нан Ко-арах** (‘год Овцы’), **мо трайге орт а тир, тан каорих хор а техт!** (‘горе тебе, о земля, полчища овец идут!’), **meltemi**. *Это не юбка, моя славная. Это килт. Наши с тобой предки носили его уже много сотен лет назад* (с. 45) (ср.: в фантастическом романе Ли Брэкета «Шпага Рианона» о Марсе [Брэкет, 1991]: *На нём был чистый килот, он был вымыт и выбрит...* (с. 63)). Также с. 24, 44, 45, 47, 57 и т. д.

Для сравнения: Шотландия в другом американском романе — Дж. Флетчер и Д. Бейна [Флетчер, Бейн, 2003]: *Пойдём. Миссис Гауэр приготовила сегодня для нас хаггис* (сноска: ‘шотландское блюдо из бараньей или телячьей печени, сердца и лёгких; заправляется овсяной мукой, околопочечным салом, луком и перцем и варится в бараньем или телячьем рубце’); *Её хаггис — лучший в Вике* (с. 212); *Она принесла чайник, чашку с блюдцем и маленькую тарелочку с фаджем* (сноска: *фадж* — ‘сливочная помадка’). «**Фадж**», — я показала на помадку. «О, — девушка рассмеялась. — **Тэблит**» (с. 249). Также с. 60 — *джилли*, с. 313 — *кибер* и т. д.

«Оборотная сторона медали» — это местное название ветра: *«Вам повезло с погодой. Мы ждали meltemi, но его не было, и теперь уж, наверно, не будет»* —

«А что такое *meltemi*?» — спросил Лари. — «Это страшный ветер, дующий с севера. Он похож на ваши ураганы. Когда он надвигается, все прячутся по домам» (с. 319). Ср. у Марка Рымушко в повести «Дело чести» [Рымушко, 1991]: Эти люди не поддавались даже *фёну*, который дул уже несколько дней... *Фён* не уходил из долины назло всему этому изысканному обществу... (с. 407); у Болеслава Пруса в «Фараоне» [Прус, 2000]: «Это *тифон*», — прошептал Жрец... Действительно, Рамсес почувствовал на лице дуновение, которое даже среди зноя пустыни показалось ему горячим (с. 335); у А. Бушкова [Бушков, 2010а]: *Шобе!* Идёт *шобе*, болваны! Рожки хотя бы замотайте! (с. 114) и т. д.

Тематическое расширение «туристических» экзотизмов в романах С. Шелдона может идти по другой линии. Так, в «Когда наступит завтра» [Шелдон, 1993] Испания изображена через *фламенко*: После фешенебельного ресторана они зашли в малопрезентабельное *бodega* — прокуренное кафе, заполненное испанским рабочим людом в запашистых кожаных куртках (с. 424); Напротив них, у стены, располагалась небольшая *tablado*, дощатая сцена, приподнятая на высоту одной ступеньки... «Тебе известно что-нибудь о *фламенко*? — спросил Джефф <...>. — Ты увидишь классический *куадро фламенко*, в котором участвует единая группа певцов, тацоров и гитаристов» (с. 425); Они начали с простого *zapateado* — медленного притопывания, ритм которого нарастал, подгоняемый пульсирующими звуками гитар (с. 426).

1.3. Америка также изображается С. Шелдоном через ряд экзотизмов (5 слов): *хужер*, *даго*, *бэкгэммон*, *гринго*, *querido*. В романе «Звёзды смотрят вниз» — это особые названия людей разных регионов страны, названия национальных игр: *Выходит, вы тоже из хужеров?* (сноска: «верзила», прозвище жителей штата Индиана») (с. 242); *А нужны ли нам здесь вонючие даго, Билл?* (сноска: «так в США презрительно называют выходцев из Италии, Испании и Португалии») (с. 242). Также с. 166 и др.; *По вечерам, устроившись возле каминна, они играли в бэкгэммон* (сноска: «вид триктрака для двух игроков, имеющих по пятнадцать шашек, разыгрывается на доске бросанием костей») (с. 316). Ср.: в романе «Когда наступит завтра» [Шелдон, 1992в] — национальные игры: *Тебе*

нравится *пелота*? (сноска: ‘баскская игра в мяч’) и т. д.

Ср. в романе Дж. Х. Чейза [Чейз, 2007]: *На первый взгляд он похож на лютого богатого даго* (сноска: ‘презрительное прозвище итальянцев, португальцев, испанцев’ (амер.), но в нём на самом деле есть что-то особенное (с. 104).

В романе «Гнев ангелов» экзотизмы США: *гринго, puttanas — querido: Нет, гринго, здесь всё настоящее. — А кто такой гринго? — Это ты, дружок* (с. 284).

Ср. в романе «Когда наступит завтра» [Шелдон, 1993б]: *Думаю, мы поможем Мексике и заключим сделку на пятьдесят миллионов долларов. Хотя эти проклятые*

«мокрые спины» (сноска: ‘презрительная кличка выходцев из Мексики и Латинской Америки’ (примечание переводчика)) *и цента не заслуживают* (с. 123); *Эти неграмотные мокрохвостки!* (с. 257); в романе «Незнакомец в зеркале» [Шелдон, 1993в]: *Центр Лос-Анджелеса посещают только «мокрые спины»* (сноска: ‘незаконные иммигранты из Мексики, переплывающие р. Рио-Гранде’) (с. 218).

Внимание к неофициальному именованию жителей разных мест можно рассматривать как черту идиостиля С. Шелдона.

Иногда в переводах для создания образа инонациональной среды употребляется не закреплённый в русском языке (и в английском, с которого сделан перевод) этноним для обозначения основной нации. Так, в романе Роберта Гулика о Древнем Китае [Гулик, 2005]: *Наши ребята не связываются с ханьскими* (сноска: *ханьцы* — ‘самоназвание китайцев’) *подонками... Помнишь, как ты учил меня говорить по-ханьски, Ма Жун?* (с. 72) и т. д. **Всего экзотизмов этой семантики в романах С. Шелдона — 31, их употреблений — 35, то есть большинство из них употребляется один раз.**

2. Литературные экзотизмы (фиксированные в словарях литературного языка) также создают общий фон в произведении, определяют место, где происходит основное действие. Так, например, обращения в тексте романа «Звёзды светят вниз» соответствуют англоязычной (американской) среде: *сэр, мистер, мисс, миссис, мэм: Конечно, сэр, проходите* (с. 221); *С вами хочет говорить мистер Хэр-*

ши, вторая линия (с. 166); Извините, у **мистера** Мартина совещание (с. 204); Нам необходимо встретиться, **мисс** Камерон (с. 134); Поздравляю, **миссис** Адлер (с. 248); Простите, **мэм**, не расслышал вашего имени... (с. 221); Входите, **мистрисс** (с. 201); используется экзотизм — возглас одобрения: **О'кей, о'кей**. В таком случае Гарвард (с. 31). **Всего 6 экзотизмов на 54 употребления во всех романах.**

3. В романе «Оборотная сторона медали» рядом с фоновыми экзотизмами обозначена сущность главного демонического героя произведения Лари Дугласа — он **polymechanos**: *Однажды вечером, возвращаясь домой со спектакля «Медя», Кэтрин и граф Паппас заговорили о Лари. «Он интересный человек, — заметил граф Паппас. — Polymechanos». — «что означает это слово?» — «Его трудно перевести, — граф на секунду задумался. — что-то вроде “хитёр на выдумки”». — «Вы хотите сказать “находчивый”?» — «Да, но в более широком смысле. Я имею в виду человека, от которого всегда ждёшь какой-нибудь новой идеи или интересного замысла. Polymechanos, — повторила Кэтрин. — Мой муж именно такой» (с. 270). **Всего 9 употреблений.***

Этот экзотизм проходит как лейтмотив через весь роман. Ср.: «Употребление в рассказе Г. Бёля «Даниэль справедливый» слова *ressentiment* — ‘злопамятность’ (франц.) — играет определённую художественно-характерологическую роль» [Крысин, 2004, с. 171].

Экзотизмы в качестве ключевых, символических слов отмечаются и в других переводных произведениях. Так, например, в романе Кэролайн Карвер «Пекло» [Карвер, 2009], где в качестве персонажей выступают нелегальные китайские иммигранты в Австралию, используется слово *гуанси*: **Гуанси... Долг памяти у китайцев** (с. 302–303); **«Гуанси, — ответил Ли. — Своего рода долг, любезность за любезность... В Китае всё основывается на гуанси.** Также с. 429, 441, 476 и др. Концептуальная функция переходит в символическую.

4. В романах С. Шелдона героиня — работающая женщина — женщина, для которой работа много значит. Поэтому большую роль в идиостиле произведений играют экзотизмы, связанные с профессией героинь.

4.1. В романе «Гнев ангелов» Дженифер — адвокат, поэтому и экзотизмы — про-

фессиональные жаргонизмы, и экзотизмы-термины — связаны с юстицией: аббревиатуры **ПОЧКИ**, **ГРОБ**, профессиональное сокращение **прос.**, профессиональный жаргонизм *внизу* (слова нерусской профессиональной лексики), калькированные сочетания **большое жюри**, **глубокая глотка**, **«позор нации»**, латинские юридические термины-экзотизмы: **res judicata — res judicata, pro veritate habetur, modus operand, voir dire, Quid pro quo**. Всего 12 единиц, 15 употреблений (юридическая терминология в произведениях С. Шелдона неоднократно привлекала внимание исследователей: диссертация Е. В. Шевченко «Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик: На материале языка художественных и публицистических произведений» (Краснодар, 2000) выполнена с использованием сплошной выборки из романа «Если наступит завтра»; диссертация Н. А. Чухно «Генезис и структура юридического фрейма: Российский культурно-исторический контекст» (Ростов-на-Дону, 2005) с широким использованием романа «Гнев ангелов» и т. д.): *Она узнала, как работает суд, заседающий в зале номер 218. Это был тёмный, непонятный мир со своим жаргоном... — Паркер, у вашего клиента ПОЧКИ. — Почки? — Да, ПОЧКИ. Попытка Ограбления частной Квартиры, Избиение. Ясно? — Я представляю мисс Луну Тернер. Не могли бы вы сказать, в чем её обвиняют? — Минутку. Сейчас я найду её карточку. Так, Луна Тернер. Ага, вот. Прос. Её задержал ГРОБ внизу. — Гроб? — Вы что, новенькая? ГРОБ — это Группа Расследования и Обеспечения Безопасности. Прос — это проститутка. Внизу — значит к югу от 42-й улицы. Понятно? (с. 58).*

Ср. использование профессионального жаргонизма в романе С. Шелдона «Букет горных фиалок» [Шелдон, 2000а]: *На следующий уик-энд я готовлю свой пузырь* (‘воздушный шар’. — Л.С.) *к полёту* (с. 42).

Используются в тексте устойчивые сочетания-экзотизмы разных планов в переведённом виде или в виде калек. «Гнев ангелов»: *Думаю, играть ему придётся недолго. У Большого жюри* (сноска: ‘расширенная коллегия присяжных (от 12 до 23 человек), решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения’) *накопилась к твоему другу куча вопросов... Эйб-*

рахам Уилсон не был одним из них. Он был отступником, убийцей, «позором нации» (с. 73). Также с. 167, 270 и др.

Большое жюри — распространённое в переводной литературе терминологическое сочетание (пословный перевод устойчивого сочетания). Например, в романе Дж. Д. Карра «Тёмная сторона луны» [Карр, 2006]: *Дело против Маннеринга у вас не получится, а если даже и попробуете, то **Большое жюри** вас прокатит* (с. 251). Такие переводы, очевидно, не всегда удачны в терминологической роли. Так, в переводе романа Дж. Д. Карра «Убийства в Плейг-Корте» [Карр, 2006] употребляется сочетание *столичная полиция*, которое читателем не сразу осознаётся как экзотизм: *Но ему захотелось показать той самой юной леди Музей **столичной***

полиции (сноска: *столичная полиция* — ‘официальное название лондонской полиции; её власть не распространяется на Сити, самоуправляющийся административный район, имеющий собственную полицию’) (с. 252).

«При изучении иноязычного влияния на русский язык теме «кальки» и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Этому есть, по крайней мере, два объяснения: во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [Крысин, 2004, с. 221].

Также латинские термины, не распространённые в России. Например: *Теперь на это дело распространяется **res judicata*** (сноска: ‘решенное дело’ (лат.); начало одного из положений римского гражданского права: «**Res judicata pro veritate habetur**» — «Судебное решение должно приниматься за истину») (с. 147); *Modus operandu* (сноска: ‘способ действий’ (лат.)) (с. 171); *Она чувствовала, что её **voir dire** — опрос присяжных — был неуклюжим и неловким, в то время как у Ди Сильвы — искусным и непринуждённым* (с. 73).

В романе «Гнев ангелов» к варваризмам, близким к терминам, можно отнести сентенцию: *Никогда не знаешь, какая услуга нам может понадобиться от окружного прокурора, Адам. **Quid pro quo*** (сноска: ‘одно вместо другого’) (с. 40).

Ср.: в романе Артура Хейли «Отель» [Хейли, 1992]: *Закладная под отель, срок которой истекает сегодня, обеспечена **pro tem*** (сноска: ‘своевременно; сокр. *jt pro tempore (лат.)*’) (с. 396); *Мы проводим данное собрание **in camera*** (сноска: ‘за закрытыми дверями’ (лат.)) (с. 285); *Банк даёт гарантию, что сделка, которую мне поручено заключить, вполне **bona fide*** (сноска: ‘надежда’ (лат.)) (с. 303).

4.2. Героиня романа «Звёзды смотрят вниз» — строитель, поэтому и экзотизмы-профессионализмы, и термины, связанные с ней, — строительные, основной термин-самоназвание героини — *дивелопер*. В начале романа слово **дивелопер** употреблено по отношению к противнику Лары Мерчисону, затем так именуют Лару, так с гордостью называет она себя сама. Этот термин самый частотный в произведении. Ни один другой герой романа, кроме Лары, так часто не связывается с профессиональным обозначением. Обозначение профессии очень важно

но в произведении, это роман о призвании. Самое главное в жизни Лары — её работа: *Коллеги заменили ей семью* (с. 215); *Дни и ночи она проводила в окружении своей «семьи»: архитекторов, строителей, электриков и водопроводчиков* (с. 120). Это не деньги: она неоднократно ставит на кон всё, что имеет. Финал показывает, что это даже не любовь — с потерей мужа она пытается справиться, а это работа, творчество, товарищи, планы, будущие здания. Вот почему Келлер не *дивелопер*, а *питчер*, а Лара — *дивелопер*, Филипп Адлер — *пианист*: *Будем оказывать такого рода услуги самим себе и другим **дивелоперам*** (с. 124); *Я **дивелопер*** (сноска:

‘предприниматель, занимающийся строительным бизнесом’), *мистер Мартин. Сейчас я возвожу здание на Ист-Сайд* (с. 172); *Я твёрдо рассчитываю стать самым нужным городу **дивелопером*** (с. 179), также с. 114, 116, 137 — 2 раза, с. 144,

179, 202, 229. **Всего 11 употреблений.**

Использование названия профессии как лексического выразительного средства текста отмечается и в других произведениях.

Юридические экзотизмы используются в аналогичной функции (характерологической и сюжетобразующей) и в других переводных романах. Так, в романе Дж. Д. Карра «Убийства в Плейг-Корте» [Карр, 2006] употребляются два профессиональных юридических термина — *барристер* и *солиситор*: *Он ошутимо спустился над Линкольн-Инн-Филдс* (сноска: ‘лондонский квартал, где находится одна из четырёх судебных корпораций (*иннов*), готовящая *барристеров* — адвокатов, имеющих право выступать в высших судах’ (прим. перевод.)) *около половины четвёртого дня в конце ноября* (с. 227); *Вот подготовленное для барристера дело со всеми материалами и изложением обстоятельств* (с. 231); *Окровавленной левой рукой он поймал и притянул к себе правую руку солиситора* (сноска: *солиситор* — ‘консультант, готовящий дела для барристера и выступающий в низших судах’) (с. 241); *Я солиситор. Ищу здесь барристера по имени Батлер...* (с. 253).

Сыщика все окружающие уважают за его успешную профессиональную деятельность и именуют *барристером*. Герой гордится своей профессией *солиситора*, поэтому он сам себя *барристером* не называет.

Аналогичную функцию выполняют не только экзотизмы, но и русские именованья профессии. Так, у Т. В. Устиновой в романе «От первого и до последнего слова» [Устинова, 2008] герой самоидентифицирует себя как *врач*, *хирург* и *учёный*. При этом *хирург* представляет профессиональную характеристику («*Вы кто?*» — *спросила женщина. — «Хирург»* (с. 15, также с. 16 и посл.)); *врач* воспринимается героем больше как нравственная категория («*Я врач*», — *в сто первый раз отрекомендовался Долгов и извлёк из кармана визитку* (с. 29); «*Всем отойти на два шага назад! Я врач!*» — *рявкнул Долгов* (с. 10)), а *учёный* — как способ мышления и восприятия мира (*Кость, это ерунда. Я тебе как учёный говорю!* (с. 221)). С этими словами в тексте связано несколько мотивов: *хирург* и *учёный* противопоставлены *сыщику*, так как герой попадает в криминальную ситуацию и вынужден разбираться в ней сам (*Я не сыщик. Я просто хирург* (с. 221); «*Буду рас-*

суждать как **учёный**, — решил Долгов. — Почему бы не попробовать?!» (с. 317)), с понятием *врач* связана его рефлексия, так как герой отстаивает право называться хорошим врачом (*Ну, вот ты мне скажи, пожалуйста, что, на самом деле страдаешь из-за того, что ты плохой врач?! Быть этого не может, ты точно знаешь, что ты хороший врач!* (с. 308)), а слово *хирург* объединяет в тексте положительных героев (прежде всего Долгова и Абельмана: *«Ну, пользуйтесь мной, что ли, — предложил Абельман. — чего просто так сидеть-то? Я же пластический хирург!»* (с. 268), но не употребляется по отношению к антигерою Косте Хромову, тоже хирургу, другие положительные герои-хирурги обозначены через должностные характеристики: Павел Сергеевич Ладышев — *главврач* (*служит главврачом много лет* (с. 13) и т. д.) и *зав. отделением анастазиологии* Мария Георгиевна. Названия профессий используются в тексте как в концептуальной функции, так и в конструктивной: героиня Таня Краснова — *телеведущая*, Алиса, любимая жена Долгова, — *фармацевт*, Чермак — *издатель*, Глебов — *адвокат*. Отрицательные герои не имеют чёткой профессиональной обозначенности: Колечка, «мужчина жизни» Тани, — кем работает — неизвестно. Андрей Кравченко, не проявивший в жизни твёрдости и не отстаивавший любимую девушку, — *менеджер*, хотя с первой страницы герой пытается выяснить, чем он занимается, но до конца произведения это остаётся неизвестным. Высшая самохарактеристика Долгова — *врач и учёный* — в тексте приобретает иронический оттенок: *Долгов, несмотря на то, что врач и учёный! — в такие сложности не вникал, он просто знал, что всё будет хорошо — и всё было хорошо!* (с. 251).

Особый оттенок характерологической функции придаёт употребление званий военных. Например, в романе Дж. Д. Карра «Убийства в Плейг-Корте» [Карр, 1996]: *Тут мистер Верт вмешался... «Я командер!»* (сноска: ‘воинское звание, соответствующее подполковнику’) — *воскликнул он* (с. 256); *Кроме того, это командер Джон Верт, кавалер креста Виктории, начальник особого отдела* (с. 257).

4.3. Однако показ профессиональной жизни героини достаточно поверхностный (по сравнению с советскими производственными романами). Сведений о

работе почти нет, они описательны, но, как и в предыдущем романе, даются отдельные эпизоды-картинки: Лара в борьбе за свой первый дом, где её выручают друзья-рабочие, изворотливость Лары в борьбе за кредиты, её ложь при этом. Лара — жертва шантажиста, схватки с поставщиками при строительстве гостиничного комплекса и т. д. (ср. в романе о женщине-адвокате систему хитроумных ловушек в процессе ведения дела и т. д.).

Свидетельством профессиональной успешности героини служит упоминание её имени в других романах С. Шелдона: *«Монро Армз» — элегантный отель, один из многих в столице, с бутиками на первом этаже, уютно пристроившийся недалеко от перекрёстка Двадцать седьмой и К-стрит. Владельцам нет нужды рекламировать его — здесь останавливаются в основном постоянные клиенты. Хозяйкой отеля была Лэра Камерон, разбогатевшая на торговле недвижимостью* [Шелдон, 1999, с. 269–270].

Термины в тексте используются строительные, общеэкономические, обще-социальные, спортивные: кроме слова *дивелопер* это **кондоминиум, пентхаус, выпускать голубку из рукава, мусор, опцион, сексизм, питчер, кетчер** — 9 единиц. *В течение последующих трёх лет были выстроены два многоквартирных жилых дома и роскошный кондоминиум* (сноска: ‘дом, в котором все без исключения квартиры принадлежат жильцам (а не сдаются внаём’) (с. 115). Строительный профессиональный термин *пентхаус*, как и в других романах С. Шелдона, выступает символом богатства, материального благосостояния, обозначает сверхобеспеченное существование, к которому стремятся его героини. В романе «Звёзды светят вниз»: *Двухэтажный пентхаус на крыше Лара оставила за собой: тринадцать просторных комнат и терраса размером с футбольное поле* (с. 226). В романе «Гнев ангелов»: *У Элен Купер там был собственный пентхаус* (с. 140–141); *Она представляла Адама на пляже в Рио в окружении полуголых девиц или в пентхаузе* (сноска: ‘фешенебельные апартаменты, занимающие весь верхний этаж небоскрёба и, как правило, включающие крышу. Имеют отдельный лифт’) (с. 146).

Как экзотизм в романе «Гнев ангелов» употребляется редкое в русском языке сло-

во **истеблишмент** ('правлящие и привилегированные группы общества, а также вся система власти и управления, с помощью которой они осуществляют своё господство' [Крысин, 1998]): *Среди оставшихся присяжных были частный детектив, управляющий банком, мать врача — все они принадлежали к истеблишменту, — и теперь Дженифер никак не могла дать им отвод* (с. 73). Ср.: «Экзотические слова часто выполняют типичную для газеты функцию слов-оценок, употребляясь в качестве средства осуждения политики капиталистических стран... Одним из таких осуждающих экзотизмов в 60–70-х годах стало слово *истеблишмент*. Английское *establishment* — значит буквально 'основание', а также 'учреждение'. В политических текстах так называют государственный строй, систему учреждений буржуазного государства: «Студенты атакуют *истеблишмент*» — статья в газете; «“Рэмпартс” против *истеблишмента*» — журнальная статья («Рэмпартс» — название журнала); «Конформистски настроенная молодёжь готовит себя к службе *истеблишменту*». «Нет, не по прихоти американского *истеблишмента* с оговорками и умолчаниями признаны были преступления “рыцарей плаща и кинжала”» [Крысин, 2004, с. 68].

Приводится в романе «Звёзды светят вниз» и пословный перевод устойчивого сочетания: *выпускаешь голубку из рукава* ('обнародовать неожиданный ход в экономической политике' (с. 169)), и жаргонное употребление слова *мусор* в качестве семантической кальки. *В считанные часы расходились даже пущенные в оборот юным финансовым гением Майком Милкеном и наименее защищённые от инфляции акции. В народе их называли «мусором», однако дивелоперам эти ничего не стоившие листки бумаги открывали дорогу к баснословным прибылям* (с. 179).

Есть в тексте романа «Звёзды светят вниз» также несколько терминов и профессионализмов-экзотизмов разного характера, представляющих собой прямые заимствования, — **опцион, сексизм**: *Хорошо. Будем оформлять заявку на опцион* (сноска: 'контракт — не обязывающий, но и не дающий право на продажу или покупку товара к определённой дате по заранее согласованной цене') (с. 209) и т. п. **Всего 9 лексических единиц, 17 употреблений.**

4.4. Спортивные термины-экзотизмы в романе «Звёзды светят вниз» относятся к Говарду Келлеру: **питчер, кетчер**. Его занятие в молодости — спорт, он делал успехи в бейсболе, был талантливym игроком, но встреча с Ларой положила конец его надеждам, он стал жить её жизнью, оставил службу в банке и стал её помощником, дивелопером. Во всём тексте романа он называется только **питчером**, ни разу другая профессия не соотнесена с этим именем. Использование экзотизма — профессионального термина — подчёркивает серьёзность занятий спортом героя романа, раскрывает сущность конфликта в произведении. Таким образом, экзотизм в романе несёт сюжетобразующую функцию. В романе по отношению к Келлеру используется только слово *питчер*, хотя он такой же дивелопер, как Лара: *Напряжение росло с каждой секундой, однако он умудрялся сохранять удивительную выдержку, подав знак кетчеру* (сноска: ‘игрок защиты, стоящий позади игрока с битой’), *Келлер занял позицию для нового удара* (с. 104); *В двенадцать лет он стал питчером «Американского легиона»* (с. 105) и т. д. **Всего 2 слова, 5 употреблений.**

Терминология бейсбола используется для создания образа инациональной речевой среды во многих переводных текстах (отдельные слова воспринимаются как экзотизмы). Например, в романе Дж. Д. Карра [Карр, 2006]: *Я, признаться, никогда не был потрясающим кетчером* (с. 337); *Рип, положив кетчерскую рукавицу и маску около Алана, натянул перчатку филдера и сделал несколько шагов на расстояние до воображаемой базы питчера* (с. 138); *Зато двинулась рука судьи: «Первый строк! ...Болл третий!»* (с. 340–341).

Всего в романе 9 единиц профессиональной строительной лексики, 17 употреблений, ключевое слово дивелопер имеет 11 употреблений. Спортивные термины — 2 слова, 5 употреблений.

Ср.: в романе С. Шелдона «Букет горных фиалок» [Шелдон, 2000a] герой — Джереми Моррон — молодой талантливый композитор, работающий с фольклорно-этнографическим материалом. В тексте используются некоторые слова, связанные с профессией: *Там было с бору по сосенке: и зайдеко, и другое — Зайдеко? что это? — Музыка американской и канадской глубинки* (с. 131); *Джереми снова*

поднёс к губам **окарину**, и время пролетело незаметно (с. 40); Во время службы он увлёкся **фламенко** и, демобилизовавшись, на имевшиеся у него сбережения уехал в Испанию (с. 53) и т. д.

В романе «Когда наступит завтра» [Шелдон, 1993б] героиня — успешная международная аферистка, меняющая страны, национальные роли. В тексте перевода это выражено т. н. *мелкими словами* — отдельными репликами согласия-несогласия, междометиями, повторяющимися этикетными формулами, национальной бранной лексикой и т. д. на языке «другой» страны (не на английском): *Трейси стала настоящим хамелеоном, постигнув все секреты макияжа, переодетых и подделки акцентов и манер речи* (с. 354); **Vraiment** (сноска: ‘совершенно верно’ (фран.)) (с. 410–411); *У меня к вам небольшая просьба, месье. — Si* (с. 413); «**Nada**» (сноска: ‘ничего’ (исп.)), — *докладывали детективы Эрнесто Марце* (с. 413); **Bueno! C тех пор много изменилось...** (с. 419); **Fantastico, guerida!** *Ты выглядишь великолепно* (с. 419); **Quien sabe?** (сноска: ‘кто знает?’ (исп.)) (с. 434); **Sарджио! Vena ca! Pronto!** (сноска: ‘иди сюда! Быстро!’ (исп.)) (с. 436); **Dankje wel** (сноска: ‘большое спасибо’ (голл.)). — **Tot un dients** (сноска: ‘к вашим услугам’ (голл.)) (с. 490); *Пять минут, капитан. Dankje wel* (с. 506); *Пиво «Хейнекен»? Alstubieft!* (сноска: ‘невероятно!’ (голл.)). *Мне надо завести текущий счёт, ahora...* — *Трейси прекрасно воспроизводила мексиканский акцент...* — *Извините, senor. Я поранила mi mano — руку...* (с. 257) и т. д. Американский диалект же передаётся в тексте через русский жаргон, что несколько выпадает из стилистики произведения: «*Так где тут у них эта контора, малыш?*» — *громко спросила она с вязким тexasским акцентом...* *Она фамильярно хлопнула его по плечу и сказала: «Валяй, делай, как тут у вас требуется, водила». «Водила», — поморщился шофёр... Пи Джей может поднять цену до трёхсот пятидесяти кусков... Кусков — это то же самое, что штурк. У вас снобов это означает тысяч... Старый Пи Джей заикнулся сегодня за завтраком что-то о четырёхстах «косых»* (с. 345, 346).

5. Мафия занимает одно из центральных мест в двух последних романах

С. Шелдона. Тёмные силы олицетворяют не отдельные «злодеи», как в романе «Оборотная сторона медали», а представители итальянской мафии.

5.1. При этом в тексте романа «Гнев ангелов» экзотизмы, связанные с мафией, используются тремя способами: а) в латинской графике, б) в кириллице, в) первое употребление — латиница, затем — кириллица.

В романе «Гнев ангелов» жаргонизмы мафии связаны с обозначением внутренней иерархии организации. По функционированию они близки терминам, и это служит показателем особой опасности, почти неотвратимого несчастья. Жаргонизмы на первых страницах как бы непосредственно к сюжету отношения не имеют, это только предчувствие беды. Затем действие связано с мафией — это беда. Основное выразительное средство текста — экзотизмы — стыкуются с жаргонизмами (арготизмами и профессионализмами): несколько групп слов в латинской графике и кириллице. Жаргонизм *солдаты* сначала передан в латинице, затем в кириллице. Большая часть этих слов используется один раз. Относительно частотны в тексте слова *семья, солдат, акулий промысел* (ростовщичество).

В романе **18 слов** — именованной мафии, обозначающих иерархию, занятия, основные законы мафии, способ пыток: **семья, крёстный отец, capo, capo di capi** — ‘глава мафии’ (*лат.*), **capo di tutti capi** — ‘помощник главы мафии’, **soldatto caporegime** — ‘руководитель’ (*лат.*), **capo-regimi** — ‘лейтенант’, **soldati, soldatto** — ‘рядовой член мафии’ (*лат.*), **солдат, consigliere** — ‘адвокат семьи’, **бомбардир** — ‘высоко оплачиваемый адвокат’, **акулий промысел** — ‘ростовщичество’; **Unione, Unione Siciliana** — ‘Сицилийский союз’ (*ит.*), **borgata** — ‘братство’ (*лат.*), **omerta** — ‘закон молчания’, **suppilu suppilu** — ‘медленно-медленно’ (*исп.*): *Майкл Маретти, о котором трубили все газеты, был зятем Антонио Гранелли, capo di capi* (сноска: ‘глава мафии’ (*лат.*), главы самой могущественной из пяти «семей», контролирующей побережье (с. 12); *Камилло Стела, один из soldati Маретти, был арестован за убийство, совершенное во время ограбления* (с. 12); *Майкл был caporegime. Все мокрые дела за него должны выполнять солдаты, а он — оставаться в тени* (с. 246); *Существовала целая иерархия — от жены простого soldatto до жены capo di tutti capi* (с. 265); *Колфакс говорил об этом с capo-*

regimi — лейтенантами и с *soldati* — солдатами, пытаюсь переманить их на свою сторону (с. 270); По левую руку от Гранелли сидел Томас Колфакс, *consigliere* «семьи». Однажды он защитил интересы небольшой компании по импорту оливкового масла, стоящей под контролем мафии, и стал всё чаще и чаще заниматься её делами, пока «семья» Гранелли не превратилась в его единственного клиента (с. 93); Эти деньги помогли ему стать влиятельным человеком, и сфера его деятельности стала быстро расширяться — рэкет, «акулий промысел», проституция, азартные игры, наркотики и убийства (с. 93); *Unione Siciliana* зародился в Сицилии, чтобы защитить бедняков от несправедливости (с. 263); Олфакс признавал, что она прекрасный адвокат, но что она могла узнать о традициях *borgata*? (с. 270); Трудно было поверить, что кто-то из них нарушил *omerta* (закон молчания) и заговорил (с. 344) (ср.: в романе А. Марининой «Жизнь после жизни» [Маринина, 2010]: *Сплошное взаимное покровительство. Омерта. Закон молчания* (с. 188)); Пусть помучаются, Ник. Пусть умрут медленно. *Suppilu suppi* (с. 345).

См. также в романе С. Шелдона «Сорвать маску» [Шелдон, 1993а]:

«*Commissione* собрал совещание» (сноска: *Commissione*, *Caro* — ‘непосредственные помощники Дона’. Дон — ‘глава семьи, руководитель американской мафии’), — мягким голосом продолжал Демарко (с. 103)); Посторонние никогда не поймут, что такое «семья» (с. 110).

В романе «Когда наступит завтра» [Шелдон, 1993б]: Я был Джозефу Романо как отец. Доверял ему, сделал своим главным лейтенантом (с. 243); Секрет его могущества был в тесных связях с кланом Орсатти. Адвокат слыл «организатором» и мог из трамвайного билета раздуть дело по обвинению в распространении наркотиков... (с. 243). Всего 18 слов, 30 употреблений.

Поддерживаются экзотизмы словами из русского воровского аргю, что, с нашей точки зрения, сразу снижает стиль произведения, лишает зло некоторого налёта романтизма: *Есть труп, и ваш черномазый приятель получит вышку!* (с. 68); Он стоял *на стрёме*, когда брали банк, и его захомутали *легаши* (с. 274).

5.2. Особое смысловое значение имеет слово *consigliere* — ‘главный адвокат

мафии, защитник'. Это слово вьётся вокруг Дженифер, приближаясь к ней, кажется, вплотную, но она так и не становится *consigliere*. *Consigliere* до суда остаётся Колфакс. В этом смысл романа, это победа добра над злом: *Отвези consigliere в Нью-Йорк. Ладно?* (с. 295); *Колфакс был consigliere, человеком, к которому люди обращались в трудную минуту. После «крестного отца» consigliere был самым влиятельным членом организации* (с. 296) и т. д. **Всего 9 употреблений.**

5.3. В романе «Звёзды светят вниз» в изображении мафиозной Сицилии используются 6 экзотизмов и варваризм, также близкий к экзотизмам-терминам. Сицилия — родина мафии, Сицилия — это «не созерцание, а деятельность», это слова, представляющие структуру мафии, сросшуюся с правящей верхушкой, формы экономической зависимости: богатые землевладельцы и арендаторы, договор о сдаче в аренду, староста, уважаемый человек, руководитель, военный (отряд) — **габеллино, габеллотти, супринтенданте, капо, гуардиа, меццадриа, уомо респеттата** — 7 единиц, 8 употреблений: *Они были габеллино. В краю, где более или менее процветающие усадьбы принадлежали габеллотти — состоятельным землевладельцам, — семья купила скромный участок* (с. 148–149); *Погожим осенним днём порог домика Джузеппе Мартини перешагнул местный супринтенданте* (сноска: ‘деревенский староста’) (с. 149); *Дон Вито — это тот, кого называют уомо респеттата — человек уважаемый. Нунцио Мартини являлся капо* (сноска: ‘руководитель’) *мафии в Палермо* (с. 158); *Располневший начальник отряда гуардиа сидел за своим рабочим столом...* (с. 152); *Если я подпишу с доном Вито меццадриа...* (сноска: ‘договор о сдаче в аренду’) (с. 154).

Отражение иерархии в стане противника всегда создаёт образ организованной злой силы, которой противостоит собственная. Ср. у Г. Сенкевича в «Крестоносцах» описание немецкого ордена, противника поляков [Сенкевич, 1993]: *Ян из Влощовы будет там, каштелян добжинский, да Миколай из Вашмунтова* (с. 8); *Отец её Юранд из Сыхова могущественный и храбрый комес...* (с. 15); *Павлиний гребень какой-нибудь кнехт на голове не носит* (с. 24); *Из гостей крестоносцев разве только графы, а из самих крестоносцев разве только комтур, да и то не всякий* (с. 29); *Ну, тогда он, наверное, поехал в восточные комтурии, но*

ведь там теперь война (с. 369); Они стекались... из всех прусских городов, из всех **командорий** (с. 537); Сам князь... даровал Юранду чин **мечника** (с. 96); Если даже великий **госпитальер** или другие оставшиеся в Мальборке старшие братья и рыцари могли дать ещё более подробные указания, то они всё равно не знали, где сейчас Збышко (с. 359); Из местных сановников рядом с **магистром** восседали за столом четыре так называемых столпа ордена: великий **комтур**, **милостыжник**, **ризничий** и **казначей**. Пятый столп, то есть **маршал**, ушёл в поход против Витовта (с. 495).

1.2. Выводы

1. В романах С. Шелдона экзотизмы и варваризмы являются основным лексическим средством создания образа инонациональной речевой среды. Часто их разграничение представляется достаточно сложным. Другая внелитературная лексика в этих текстах не употребляется. Функция поддержана поэтическими антропонимами и поэтическими топонимами текстов.

2. Общее количество экзотизмов и варваризмов в текстах С. Шелдона — 88 единиц: 22 варваризма и 66 экзотизмов (см. словоуказатель в Приложении). Общее количество страниц в трёх романах — 819. Употреблений (использований слова в тексте) в произведениях — 193. Таким образом, средняя плотность экзотизмов и варваризмов — один на 4,2 страницы. Это небольшая плотность.

3. В тематическом отношении экзотизмы и варваризмы ограничены: 5 тематических групп. Основных — 3, они связаны с ведущими мотивами произведений. Самые представленные темы — лексика, связанная с мафией, т. н. туристические экзотизмы, затем термины и профессионализмы, что передаёт основную идею художественных текстов. В целом модель использования внелитературной лексики в текстах асимметричная, то есть лексика используется не в иллюстративной функции, а связана с концептосферой произведений.

4. Значительную роль в создании образа инонациональной речевой среды играют литературные экзотизмы — обращения и вежливые упоминания — 6 слов (*мисс*, *миссис*, *мистер*, *мэм*, *сэр*, *мистрисс*) и 54 употребления, они в целом маркируют инонациональную среду.

Таблица употребительности слов в тексте

№	Тематическая группа	Количество слов	Количество употреб. и	Употр. в среднем	Наиболее частотные
1	«Туристические»	31	35	1,13	Кошерный гринго даго
2	Литературные экзо-	6	54	9	Мистер Сэр Мэм
3	Ключевые слова	3	39	13	Дивелопер polymechanos
4	Мафия	25	38	1,5	Семья солдат саро
		2-й	3-й	4-й	
		32	49	1,6	
	Юридические				
	Спортивные				

	Строительные				пентхаус кондамини-
--	--------------	--	--	--	---------------------

Всего слов – 88, употреблений – 193.

5. «Туристические» экзотизмы в массе внелитературные. Они включают названия, связанные с особым транспортом, погодными условиями, одеждой, кухней: *велорикша; meltemi; килт; chatcaubriand, dolmades, mousaka, pommes saufflees, pasta fagioli, retsina, saufflees, stiffado, taramosalata, димсум, нонья, кошерная пицца, кошерный рынок, «угольный пирог», чендол, чикетти; баккаро*. Всего 20 слов и сочетаний (из них половина приводится в латинском шрифте) и 24 употребления. С. Шелдон использует т. н. *туристские* экзотизмы, связанные с этнографической спецификой разных стран. Они малоупотребительны, но в его произведениях не просто маркируют текст, указывая на место действия, а представляют самостоятельную часть сюжета: герои путешествуют.

Близки к «туристическим» экзотизмам слова, включающие названия, связанные с национальностью, особенностью национального поведения, характера, национальными играми, особыми профессиями, возгласами, топоформантами, устойчивыми оборотами и т. п.: *querido, гринго, даго, хужер; бэкгэммон, кейбер, polutechanos, нахешь тцефа; джилли; о'кей; sans peur; абер, бад, инвер, страт; расчистки, шотландец затевает драку и в пустом доме; Бладхна нан Ко-арах; выпускать голубку из рукава; задуть чей-либо фонарь; Мо трайге орт а тир, тан каорих хор а техт!* и т. д. Всего 31 единица (3 в латинском алфавите) и 35 употреблений. Ключевое слово романа «Оборотная сторона медали» *polutechanos*, обозначая национальную особенность характера, относится к этой группе.

6. Слова, связанные с названиями итальянской мафии, по тематике обозначают: иерархию мафии, основные знаковые поведенческие понятия, виды коммерческой деятельности и пыток. Большая часть их малоупотребительна. В текстах двух последних романов они представляют основной конфликт произведений, символизируют зло, которое пытается разрушить жизнь героинь. Итальянская мафия — 25 слов и сочетаний, употреблений — 38, среди них больше половины варваризмов (15): *capo, capo di capi, capo di tutti capi, capo-regimi, borgata, уомо руснеттата, soldati, soldatto, caporegime, consigliere, Unione Siciliana, Unione, omerta, suppilu suppilu, бомбардир, габеллотти, гобеллино, гвардиа, сунпринтенданте, капо, меццадриа, «акулий промысел», крёстный отец, семья,*

солдат. Ключевое слово романа «Гнев ангелов» (*consigliere*) относится к этой группе лексики.

7. Часть романов С. Шелдона — о призвании. Героини некоторых — работающие женщины. Писателем в романе «Гнев ангелов» используется в качестве экзотизмов юридическая профессиональная лексика (героиня — юрист): *ПОЧКИ, ГРОБ, прос., внизу, Большое жюри, «глубокая глотка», «Позор нации»; res judicata, res judicata; pro veritate habetur, modus operandi, voir dire, Quid pro quo*. Всего 12 единиц, 15 употреблений.

Роман «Звёзды смотрят вниз» — это использование строительных и общеэкономических терминов, профессиональных жаргонизмов (героиня — строитель): *дивелопер, кондоминиум, пентхаус, выпускаешь голубку из рукава, мусор, питчер, кетчер, опцион, сексизм* — 9 единиц, 17 употреблений; также экономических и социальных именований: *кошерные сделки, кондоминиум, пентхаус, истеблишмент, сексизм, мусор, опцион, тэблит* (часть из которых входит в группу строительных терминов). Всего 8 слов и 14 употреблений. Слово (*дивелопер*) — 11 употреблений (ключевое слово текста).

Всего профессиональной экзотической лексики в трёх романах 31 единица (5 — варваризмов), 50 употреблений (за исключением ключевых слов). В текстах они несут большую смысловую нагрузку, так как выражают основную черту героев — их преданность своей профессии.

8. В стилистическом отношении в текстах С. Шелдона экзотизмы и варваризмы разнообразны: это **нейтральная лексика** (*чендол, велорикша, килт* — ‘юбка шотландца’), **бытовая** (*кошерная пища* — ‘качественная’, *чикетти* — ‘крошечные сэндвичи из даров моря’), **жаргонизмы** (*внизу* — ‘к югу от 42-й улицы’, *мусор* — ‘акции, не обеспеченные капиталом’), **профессионализмы** (*глубокая глотка* — ‘название нашумевшего в 70-е годы прошлого столетия порнографического фильма, а также кличка источника информации, использовавшегося в расследовании Уотергейтского скандала, чья личность не была раскрыта’), **термины** или близкие к ним слова и сочетания (обороты), **профессиональные сентенции**: *Большое жюри (англ.)* — ‘расширенная коллегия присяжных (от 12 до 23

человек), решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения»; *res judicata* (лат.) — ‘решенное дело’; *quid pro quo* (лат.) — ‘одно вместо другого’; *Res judicata pro veritate habetur* (лат.) — ‘судебное решение должно приниматься за истину’; *габеллотти* (ит.) — ‘состоятельные землевладельцы’ и др.

Иногда переводчик поддерживает экзотизмы словами из русского воровского арго, что, как нам представляется, снижает стиль произведения, лишает зло некоторого налёта романтизма. «Гнев ангелов»: *вышка, на стрёме, легаши* и т. д. «Когда наступит завтра»: *водида, кусок, штука* и т. д.

9. Со стороны формы они выражены словами и сочетаниями в латинице (*сапо* (ит.) — ‘глава’, *pasta fagioli* (лат., ит.) — ‘макароны с фасолью’) и кириллице, без перевода и с переводом (*баккаро* — ‘винный погребок, где подают чикетти’, *нахешь пцефа* (евр.) — ‘ядовитая змея’, *Бладхна нан Ко-арах* (шотл.) — ‘год Овцы’, *бомбардир* (ит.) — ‘высокооплачиваемый адвокат’, *угольный пирог* — распространённый в среде шахтёров и горняков Шотландии, *семья* — ‘мафиозная организация’, *солдат* (лат.) — ‘рядовой член мафии’, *акулий промысел* — ‘ростовщичество’ — транскрипции и транслитерации, кальки); аббревиатуры калькированные: *ПОЧКИ* — ‘Попытка Ограбления Частной Квартиры, Избиение’; *ГРОБ* — ‘Группа Расследования и Обеспечения Безопасности’; профессиональные сокращения (в переводе: *прос.* — ‘проститутка’); устойчивые сочетания (*voir dire* — ‘опрос присяжных’, «*позор нации*» (англ., негр.) — ‘отступник, убийца’).

10. Очевидно, что большая часть экзотизмов текста принадлежит автору (ключевые слова и «туристические» экзотизмы в оригинале выделяются курсивом), часть же представляет мастерство переводчиков. Соотношение между неосвоенными заимствованиями и автором, и переводчиком можно рассмотреть так: 1) не переводятся по традиции в тексте литературные экзотизмы ряда тематических групп; 2) не переводятся экзотизмы, выделенные в оригинальном тексте автором; 3) остальные единицы — творчество переводчика.

11. Функции экзотизмов и варваризмов в текстах С. Шелдона разнообразны. В целом они многофункциональны: используются для достижения достоверности

текста, выполняют развлекательную, познавательную функции, служат средством межкультурной коммуникации; маркируют место действия, создают образ инонациональной речевой среды. Фоновую функцию выполняют т. н. *туристические* экзотизмы (слова, обозначающие явления нерусской действительности, представляющие страну как объект туризма). Некоторые слова и группы слов могут по ходу повествования менять доминирующие функции. Так, фоновая функция может перейти в сюжетобразующую («туристические» экзотизмы и варваризмы вписываются в сюжет, так как свидетельствуют о том, что герои путешествуют с удовольствием); характерологическая переходит в сюжетобразующую и концептуальную (глубинная сущность героев является главной в конфликте произведения, она может символизировать, например, идею важности следования профессиональному призванию и пагубности отступления от него даже во имя любви: Лара — *дивелопер*, а Келлер — *питчер* и т. д.). Основная функция экзотизмов и варваризмов в текстах — концептуализация образа инонациональной речевой среды.

12. Каждый роман имеет в языковом отношении определённое своеобразие. Так, в «Оборотной стороне медали» используются только два вида экзотизмов и варваризмов: «туристические» (6 единиц на 7 употреблений) и характерологический — концептуальный (1). Они резко противопоставлены. Основной конфликт романа — любовь и деньги. Других ярких мотивов нет. Профессия лётчика для героя неважна, зло воплощено в личностях.

В романе «Гнев ангелов» самый сильный мотив — стойкость против мафии.

18 слов и 39 употреблений экзотизмов (варваризмов) в тексте связаны с лексикой мафии. Особую опасность мафия представляет в силу того, что она организована (лексика также структурирована и выступает в произведении как система терминов). Второй мотив — профессиональный: профессионализм-экзотизмов и варваризмов отмечено 15 единиц и 19 употреблений. 10 слов — «туристические» экзотизмы (11 употреблений). Слово, выражающее концепт произведения, относится к лексике мафиозной темы.

В тексте «Звёзды смотрят вниз» основной конфликт связан с профессией (10

слов и 32 словоупотребления профессиональных экзотизмов и варваризмов, из них 16 — ключевое слово текста *дивелонер*). Остальным профессиям (спортивным) противопоставлена строительная лексика, что соответствует основному конфликту произведения: человек со спортивной ориентацией в жизни из-за любви становится строителем, но терпит крах и на помощь себе привлекает мафию. 11 употреблений лексики, отражающей мафиозные структуры, 15 «туристических» экзотизмов (17 употреблений). Слово, выражающее концепт произведения, относится к профессиональной лексике.

Большая часть экзотизмов и варваризмов в текстах малоупотребительна, частотны литературные экзотизмы-обращения и относительно частотны ключевые слова.

Таким образом, можно сказать, что в данных текстах количественно преобладают те группы внелитературной лексики, которые связаны с идеей, с «фокусом культуры» произведения (Ю. А. Найда), с ведущими мотивами текста.

13. Идиостиль писателя проявляется в противопоставлении фоновых экзотизмов экзотизмам, выражающим основную авторскую оценку героев (характерологическая и концептуальная функции), их глубинную сущность. Такие экзотизмы — ключевые слова текста — есть в каждом романе: в «Оборотной стороне медали» это *polymechanos*, в «Гневе ангелов» — *consigliere*, в «Звёзды светят вниз» — *дивелонер*. Эти слова относительно частотны (9, 11 и 9 употреблений; всего — 29). Выделение экзотизма в характерологической функции, переходящей в концептуальную, можно считать особенностью идиостиля С. Шелдона. Так, в романе «Незнакомец в зеркале» [Шелдон, 1993] два героя: Тоби Темпл и Жозефина Чински (Джил Темпл). Герой, как часто в романах С. Шелдона, фанатично предан профессии, он актёр. Но в тексте нет варваризма (экзотизма), передающего его сущность. Героиня как бы находится на втором плане, но именно к ней относится ключевое слово, её характеризующее. Таким образом, вопрос о главном герое спорен, Джил — воплощение зла в романе и, вероятно, главная героиня произведения: *Джил Темпл... Она была — и в понятии Дессара не существовало более высокой похвалы — galante* (сноска: ‘любезная, галантная’ (франц.) (с. 8). Это

ключевое слово текста.

К особенностям идиостиля С. Шелдона можно отнести и использование реальной аллюзии, широкое привлечение т. н. *туристических* экзотизмов, особенное внимание к названиям блюд национальной кухни.

Итак, к специфике использования экзотизмов в тексте можно отнести их центральное положение среди выразительных средств языка произведения. Они активно формируют художественный образ, связаны с темой и идеей, точно моделируют основную мысль, выстраивают концепт и основные мотивы.

2.3. Часть 2. Образ иностранной речевой среды в произведениях

И. Хмелевской

§ 1. Экзотизмы в произведениях И. Хмелевской

Нами был проанализирован язык переводов двух романов Иоанны Хмелевской (польск. Joanna Chmielewska, настоящая фамилия писательницы Ирена Барбара Кюн (Irena Barbara Kuhn), урождённая Ирэна Барбара Иоанна Беккер — известная польская писательница, автор женских иронических детективов и основоположник этого жанра для русских читателей): «Дело с двойным дном» и «Свистопляска» [Хмелевская, 1997], написанных в разное время (1975 и 1966) и переведённых разными переводчиками (В. С. Селивановой и Г. Епифанцевой). В качестве сопоставительного и иллюстративного материала использовались ещё шесть произведений автора (см. список источников). Анализ свидетельствует о сложившейся традиции переводов её произведений, а возможно, и о традиции представления Польши через русский художественный текст. Инонациональная речевая среда передаётся через экзотизмы.

1.1. Прежде всего это обращение или вежливое упоминание: **пани** (автономно и в сочетании с именем собственным). «Дело с двойным дном»: *А сейчас отключись, пожалуйста, вижу, у меня на автоответчике что-то записано, возможно, это та пани* (с. 66); *Ко мне тоже как-то зашёл один незнакомый, приличный человек. «Пани! — сказал, — как вы в таких условиях вообще здесь можете жить?»* (с. 125); также с. 127, 257, 277. Всего 5 употреблений. «Свистопляска»: *Пусть пани послушает, потом не всё так гладко получилось* (с. 299). Шёл

по пятам за **пани**... (с. 299), а также на с. 293, 300, 303, 303, 305, 307, 309, 330, 336, 347,

293, 300, 373, 376, 377, 377, 379, 391, 393, 406, 407, 407, 410, 417, 417, 442, 449, 450,

481, 485, 487, 487, 556, 517, 517, 587, 588, 593 — 40 употреблений, **всего — 45.**

1.2. *Пани* с именем собственным. «Дело с двойным дном»: *И пани Яжембская* стала заниматься с Касей дополнительно, разумеется, бесплатно, а я им помогала (с. 62); «Ну, раз уж вы так решили, **пани Иоанна**», — с некоторым сомнением произнёс он (с. 116), а также на с. 25, 63, 217, 296, 373 — 2 раза, с. 461, 489 — 2 раза, с. 505, 541, 586 — **всего 14 употреблений.**

1.3. В двух произведениях используется также сочетание **проше пани**.

«Дело с двойным дном»: *И ещё одно обстоятельство выяснилось, проше пани* (с. 62); *Пришлось, проше пани, пойти на обман* (с. 62); «Свистопляска»: *А я там, проше пани, ведь каждый уголок знаю, сам небось строил* (с. 309); *Память уже не та, проше пани, да и людей у нас крутится много* (с. 354), а также с. 67, 109, 207, 221, 265, 298 — **всего 10 употреблений.**

1.4. В романе «Дело с двойным дном» дополнительно к приведённым относятся такое обозначение женщины, как **панна**: «*Вот панна Кася обрадуется!*» — не менее ядовито отозвался Райчик, а у меня мурашки по спине пробежали, всё тело стала бить мелкая дрожь (с. 255). А в романе «Свистопляска» — **паненка**: *Дошло — в данной ситуации любая паненка должна сбежать, куда глаза глядят, подальше от строгого блюстителя общественной нравственности* (с. 476), а также с. 315 — **всего 3 употребления.**

1.5. В романе «Свистопляска» обращения к женщине более разнообразны: **милостивая пани, шановная пани, проше шановной пани, проше бардзо**: *Видите ли, милостивая пани, мир не без добрых людей* (с. 461); *Менты уже о нём расспрашивали. Ох, простите, шановная пани, я хотел сказать — фараоны* (с. 560); *Потому как я, проше шановной пани, на дух не выношу такого паскудства* (с. 308); *что ж, не возражаю, проше бардзо!* (с. 516), а также с. 555 — **всего 5 употреблений.**

Итак, слово *пани* употребляется 74 раза. По отношению к женщине используются **8 лексических единиц, 77 употреблений**.

2.1. Только в романе «Свистопляска» приводится слово **пан** (автономно, с личным именем, с указанием должности): *Благодаря этому презентабельному пану холл пансионата сразу приобрёл европейский вид* (с. 308). А также на с. 365, 366, 396, 425 — 3 употребления, с. 429, 472, 474 — 2 употребления, с. 475, 457, 457, 457, 557, 517 — **всего 17 употреблений**.

2.2. Пан с личным именем: *Пан Януш, постоянный бывалец ипподрома, имел обширные знакомства среди лошадиников и некоторых мафиозо знал в лицо* (с. 465), а также с. 374, 398 — **всего 3 употребления**.

2.3. Пан с названием должности: *Сержант неуклонно обращался к нему «проше пана», как к обычному незнакомому лицу, старательно избегая титуловать его «пан комендант», а потом, когда дружеская пирушка была в разгаре, и вовсе перешёл на «пан Марианн»* (с. 586), а также с. 490 — **всего 2 употребления**.

2.4. В двух романах используется сочетание **проше пана**. «Дело с двойным дном»: *«Проше пана! — важно заявил Тиран, с трудом сдерживая бешенство. — Неужели вы думаете, что мы не в состоянии определить вину подозреваемого?»* (с. 250). «Свистопляска»: *Я ведь как считаю, проше пана, Гавел был таким здоровым мужчиной, так всегда заботился о своём здоровье, не может ни с того ни с сего у него инфаркт приключиться* (с. 118), а также с. 86, 401, 456. **Употреблений — 5. Всего слово пан имеет 27 употреблений как слово и в составе сочетания.**

Слова *пан, пани* и *панна* фиксированы в МАС: *пан* — ‘1. В старой Польше, Литве, а также на Украине и в Белоруссии — помещик, дворянин. 2. Хозяин, господин по отношению к прислуге, к подчинённым в дореволюционное время на Украине и в Белоруссии. 3. Вежливое обращение к мужчине (в Польше, Чехословакии, Литве)’; *пани* — ‘женск. к *пан*’; *панна* — ‘незамужняя дочь пана’.

Обращение в переводе с польского передаёт специфическую национальную форму вежливости. Так, в романе «Тайна» оно приравнивается к русскому «вы» (Хмелевская И. «Тайна» / пер. с польск. И. Колшанского): *Где-то в середине ви-*

зита сосед превратился самым естественным образом в Януша, а я всегда любила это имя, и потому нам легко и незаметно удалось **перейти с пана и пани на «ты»** [Хмелевская, 2008, с. 242]. Ср.: в романе «Как выжить с женщиной»: *Хотя вежливо разговаривали, аж противно было слушать. «**Проше пана**, не сочтите за труд, будьте любезны» и всё прочее в этом же духе... **Проше пана**, эта стерва, печь, столько жрёт, что я мог и поликафа в неё запихать* [Хмелевская, 1996, с. 21, 33]. **Всего в одной группе 24 слова, 6 сочетаний и 104 употребления.**

Ср.: в романе «На всякий случай» [Хмелевская, 1996, с. 37]: *Сначала муж **пани** потерял деньги, нашёл их, да зато машину увели (с. 37); Просидев из вежливости минут десять, обратилась к хозяйке, стараясь не смотреть на Рафаэла и эту самую Иолу: «**Проше пани**, мы с братом хотели бы немного прогуляться» (с. 26) и т. д. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: **Пани** всё-таки малость не в себе (с. 85); *Нет, **панове**, никаких свидетельских показаний!* (с. 117); *А теперь, **паненка**, мотай отсюда напрямик до хаты (с. 117); «**Проше пана!**» — торопливо вскричала девушка (с. 46); Так вот, **проше пани** (с. 64); А если желаете автомат, **проше бардзо**, можете занять мой (с. 130) и др. В романе «Золотая муха» [Хмелевская, 2011]: *Кажется, есть выход, **проше пани** (с. 166); Согласилась не раздумывая, **проше бардзо**, вон ту комнату, рядом с пани Иоанной, она может сдать (с. 187) и др.***

Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993]: *И мазовецких **панночек** с нею, верно, без счёта!* (с. 12); *За княгиней шли придворные **панны** (с. 13); ...княгиня любила её больше всех своих придворных **пани** (с. 16); При ваших милостях, **вельможная пани**, одно это у меня утешение (с. 102); Кто бы ты ни был, **милостивый пан**, подай руку помощи человеку и ближнему в тяжкой беде!* (с. 163).

3. Как экзотизмы в романах также используются сакральные сочетания в функции междометий и бранная лексика. В обоих романах это **псякрев** (написание как слитное, так и раздельное), **холера**, **Езус Мария** (написание как раздельное, так и через дефис); в «Деле с двойным дном» также **холера знает**; более разнообразны они в романе «Свистопляска»: **холера им в бок, холера вас побери**,

холера ясна, холерные; Езус коханный.

Всего бранных и междометных лексических единиц — 9: «Дело с двойным дном» — **4 единицы**, «Свистопляска» — **8 единиц**.

3.1. «Дело с двойным дном»: *Ты что развылся, пся крев? В чём дело? Заткнись, холера!* (с. 102), а также с. 86 — 2 употребления, с. 188 — 2 употребления, с. 194 — 3 употребления, с. 239, 244, 262, 263, 270, 275; *А почему этот помощник, истекая кровью, лежал у стеночки, холера знает...* (с. 117) — **всего 15 употреблений**. «Свистопляска»: *Он уже давно здесь ошивался, брался помогать бедным рыбакам, услужливый молодой человек, псякрев!* (с. 419); «*Холера!*» — прокомментировала я, переварив информацию (с. 322); *Сто тысяч чертей и холера им в бок!* (с. 542); *Я и так платил за троих, холера вас побери!* (с. 421); *Спокойно произнёс: «Холера ясна» — и проглотил напиток* (с. 408); *К тому же с детства по уши сидит вместе с отцом в этих их холерных бизнесах, знает все нюансы, знает людей, знает, чего от них можно ожидать* (с. 419), а также с. 337 — **всего 7 употреблений**. **Всего 22 бранных употребления.**

Ср.: в романе «Большой кусок мира»: *Высунулся из окна, грозил мне кулаком, кони неслись. И кричал: «Холега! Холега!»* (герой картавит. — Л.С.) [Хмелевская, 1995, с. 86]. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Холера его знает* (с. 62); *Имей совесть, в конце концов, холера ясна!* (с. 68); *Сотнями децибел гремели бесчисленные «куррррвы» и какие-то страшные, уже совсем непонятные девушке выражения...* (с. 49); *И подождите, пока не заявится моя пулярда* (с. 109); *...сами видите, если по-хорошему, то и мы к вам с добром, пся крев!* (с. 219); *С кем же, лихо его побери, я могла разговаривать?* (с. 287) и др. В романе «Золотая муха» [Хмелевская, 2011]: «*Холеррра!*» — *рявкнул мой сладкий пёсик* (с. 34); *Так что же тогда произошло, холера ясна?* (с. 159); *Дедуцирует. Пся крев...* (с. 102). В романе «Зажигалка» [Хмелевская, 2008]: *Тогда на счету у садовода было сорок две тысячи злотых, холера знает, сколько сейчас* (с. 46); *Не он выходит. Вот ясна холера!* (с. 55); *Слушая холерную бабу, он успел испугаться...* (с. 86).

Ср.: в романе А. Сапковского «Башня ласточки» [Сапковский, 2004]: *Но*

я должна отсюда бежать, **холера меня задеру!** (с. 22); что ты делаешь? Ах, **холера ясна тебя...** (с. 64). В сопоставление нами приводятся материалы фантастического романа А. Сопковского, так как, с одной стороны, это тоже перевод с польского, с другой — по нашим наблюдениям, речевая среда в таком произведении строится по законам воссоздания образа инонациональной речевой среды, отчуждающей повествование от читателя.

Слово *холера* известно в русском языке как *просторечное, бранное* (МАС), производных от него и устойчивых оборотов в словарях литературного языка не зафиксировано. В «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» Д. И. Квиселевича [Квиселевич, 2003]: *холера* — *груб.* — *прост.*, употр. как *бранное*; Δ *холера тебя задави*, Δ *холера тебе в бок*; *холерный* — *груб.* — *прост.* В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина [Крысин, 1998]: *холера* — *польск. cholera*, ‘инфекционное заболевание’.

Экзотическая бранная лексика создаёт колорит инонациональной речевой среды и в других переводных текстах. Так, в романе Роберта Гулика о Древнем Китае [Гулик, 2005] частотно выражение *собачья голова*: *Ты, собачья голова, я не спрашиваю у тебя совета, как найти преступника!* (с. 50); *Ты, собачья голова, подменил тело и клеветешь на невинных людей!* (с. 62); *Все вы, стражники, собачьи головы, только и знаете, что ложно обвинять беззащитных людей!* (с. 105); *Она даже оскорбила старого могильщика, назвав его собачьей головой, и обещала свести с ним счёты после эксгумации* (с. 112); *чжао широко улыбнулся и заметил: «Вот видишь, как ты неопытен в этой игре, собачья голова!»* (с. 171) (ср.: МАС: *собачий*. В составе некоторых бранных выражений (*собачий сын, к чертям собачьим, собачья душа*); Квиселевич: *собачий*, *прост.*, употр. как бранный эпитет (*не ваше собачье дело, работа собачья, холод собачий*)).

По нашим полевым наблюдениям за речью потомков поляков в Сибири, можно отметить, что дольше других слов в качестве субстрата остаются междометия и бранные слова. В семьях, где четыре поколения не используют польский язык, сохранились такие слова, как *псякрев, Матка Боска, Матка Боска ченстоховска, курва, лярва, холера ясна* и некоторые другие (п. Троицк Тасеевского рай-

она Красноярского края. См.: [Материалы, 2001, с. 64]). Ср.: в романе И. Хмелевской «Тайна»: *Курва! Ты слушай! Ты серьёзно говоришь?* [Хмелевская, 2008, с. 124]. Ср.: в романе А. Сапковского «Башня ласточки» [Сапковский, 2004]: *А, курва!* (с. 268); *А к тому же ещё и верещать ведьма почала и курвится с угрозами всякими!* (с. 89); *Кагыр, грозно насупившись, гневно буркнул что-то об императорской службе, подтвердив сказанное классической армейской и всегда эффективной «курва ваша мать»* (с. 86); *Мнится мне, он в пекле поджаривается, курвин сын!* (с. 95); в «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» Д. И. Квиселевича [Квиселевич, 2003]: *курва* — вульг., употр. как ругательство; ‘шлюха, проститутка’; *лярва* — груб. — прост., ‘шлюха, проститутка’ (примеры из текстов В. П. Астафьева, где мачеха и сестра Зося — польки). Ср.: у Дж. Д. Карра [Карр, 2004] национальная принадлежность доктора Графенштайна (из Вены) передаётся как описательно, так и через немецкие бранные слова: *Доктор говорил по-французски с сильным акцентом, но весьма бегло* (с. 10); *Вам нужен вовсе не психоаналитик. Donnerwetter!* (сноска: ‘чёрт возьми!’ (нем.)) (с. 51); *Минутку! Пойдите! Donnerwetter! Для меня всё это слишком быстро* (с. 173).

3.2. В качестве междометия используются 2 сакральные формулы: **Езус Мария** и **Езус коханный**. «Дело с двойным дном»: *Езус Мария, и в самом деле! Ты имеешь в виду те группы на Вилковской?* (с. 67), а также с. 67, 93, 123 — **всего 4 употребления**. «Свистопляска»: *«Езус-Мария, а он и в самом деле как ледяной!»* — взвизгнула мать кошмарных деток, осторожно пощупав неподвижно лежащее тело (с. 274); *А увидев, чуть сама не пала трупом на месте. Езус коханный, Гавел!!!* (с. 283) — **всего 2 употребления. Итого 6 употреблений**.

Ср.: в романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Коханный, золотко моё!* (с. 136); *Послушай, коханая, я не собираюсь следить за тобой...* (с. 307). Ср.: в романе «На всякий случай»: *Езус-Мария, если бы я знала!* [Хмелевская, 1996, с. 29, 39]. Ср.: в романе «Большой кусок мира» [Хмелевская, 1995]: *Езус-Мария! Кто-то был здесь неподалёку!* (с. 40); в романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Езус-Мария! Там человека убили!* (с. 27); в романе «Золотая

муха» [Хмелевская, 2011]: *Езус-Мария! Дикий Запад — да и только!* (с. 29); в романе «Зажигалка» [Хмелевская, 2008]: *Езус-Мария, своим глазам не поверила* (48) и др. Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993]: *«Раны Божьи!» Да говорите же!* (с. 536).

3.3. Своеобразно употребление слов и сочетаний **чёртов щенок, паршивец, паршивый щенок** в романе «Дело с двойным дном»: *Видите, опять оказался прав этот чёртов щенок!* (с. 224); *Нам с Янушем пришлось довольно долго ждать, чтобы узнать о новом открытии паршивца Яцуса* (с. 178); *Уж очень не терпелось нам узнать о новом открытии паршивого щенка* (с. 180), а также с. 24, 223. Такое обозначение положительного героя произведения, оно сопровождается положительной коннотацией и оттенком восхищения, что свойственно для употребления бранных слов и в русском языке, поэтому не требует специального комментария. **Всего 5 употреблений.** По поводу такого явления в языке В. И. Карасик пишет: «Разновидностью стилистического транспонирования является речевая эквивалентность, например использование бранных обращений при доброжелательном отношении к адресату» [Карасик, 2002, с. 265].

Ср.: у Дж. Д. Карра [Карр, 2006]: «Проклятый ирландец» нанёс свой знаменитый последний удар — сокрушительный, парализующий (с. 403).

Всего в группе 12 единиц и 33 употребления.

4. Как экзотизм читается и используемое в двух переводах название популярной в Польше автомашины «полонез». «Дело с двойным дном»: *Подмога в количестве трёх человек прибыла на обычной легковой машине, «полонезе»... Затем «полонез» не скрываясь подъехал к воротам участка, из него вышли двое мужчин, одетых в рабочие комбинезоны* (с. 184). «Свистопляска»: *Болеку выдали огромный картонный ящик с фирменной косметикой, предоставили служебный «полонез», и он сделал две удачные ездки в Берлин* (с. 296) — **всего 3 употребления.**

Ср.: в романе «На всякий случай»: *И зачем такой шум поднимать? Нужен мне твой заср... значит, «полонез», я только вот радио прихвачу, успокойся!*

[Хмелевская, 1996, с. 23]. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *На освободившееся место въехал белый «полонез», с третьего этажа сосед...* Ср.: в романе «На всякий случай»: *Маленький «фиат» тоже его машина, соби-
рался продать «малюха» после покупки новой, да не успел... Рядом был припарко-
ванный маленький «фиат» Рафала, или «малюх», как прозвали в Польше эту ма-
лолитражку...* [Хмелевская, 1996, с. 18, 59, 332].

5. В анализируемых текстах почти нет жаргонизмов, можно отметить только **глины** и **мафиозо-мафиози**.

5.1. Особый интерес представляет в переводе романа «Дело с двойным дном» экзотизм-жаргонизм **глины** для обозначения полицейских (калька). Во втором романе он уже заменяется русскими жаргонизмами: *Вряд ли Болеку уда-
лось бы вытянуть из Владки столько сведений, ведь она знает, что Болек — гли-
на* (сноска: *gliny* — ‘глины — издавна принятое в Польше простонародное назва-
ние сотрудников милиции, теперь полиции’) (с. 114); *Ведь женщину не таскали в
полицию настырные глины, не снимали официальные показания* (с. 130); *Как
только узнают, что глины им интересуются* (с. 249) — **всего 4 употребления**.

Ср.: в романе «На всякий случай»: *И бумаги показывал им, значит, этим
глинам* (сноска: *глины* — ‘широко распространённое в Польше название полицей-
ских’) ...*Владелец не утруждался, глины сами капот поднимали и номер разгля-
дывали... Я знаю глин, они порядочные люди... С ними глины не могут справиться,
куда нам!* и т. д. [Хмелевская, 1996, с. 18, 19, 21, 77].

Ср.: в романе «Свистопляска»: *Менты уже о нём расспрашивали. Ох, про-
стите, шановная пани, я хотел сказать — фараоны. То есть, того... полиция
интересовалась* (с. 308). Ср. также в романе «Большой кусок мира»: *Менты тут
рядом, слышите, рычат* [Хмелевская, 1995, с. 46]. «Иноязычное слово может
вкрапливаться в речь для создания определённого колорита, для выделения какой-
нибудь черты, специфика которой в значительной мере утратится, если соответст-
вующее слово заменить переводом» [Крысин, 2004, с. 61].

Экзотическое название полицейских используется и при создании ино-
странный речевой среды и в других произведениях. Так, в романе Дж. Д. Карра

«Убийство в Плейг-Корте» [Карр, 2006] читаем: «По-французски «**флик**» — прозвище полицейских. Как англичане их называют?» — «Смотря каких полицейских, — прошептал Батлер. — Скажем, сыщиков в штатском — **стукачами, ищейками, легавыми, пугалами, шотландцами**... Сотрудников летучей бригады зовут **свиньями**, потому что контора находится на Суини-Тодл. Женщины-полицейские — **зомби, простые постовые**...» — «**Пугала!**» — с ненавистью выдохнула Сессиль. — «Хорошо. **Пугала**...» (с. 349). Выбранное мадам Фаюм жаргонное (бранное) название полицейских не совсем удачно для русского перевода, так как совпадает с русским бранным словом. В другом месте того же произведения читаем: *Видно, **бобби** потратил какое-то время на осмотр трёх этажей, прежде чем обнаружил труп* (с. 268).

5.2. В «Свистопляске» приводятся две формы — **мафиозо** и **мафиози**. В современном русском языке используется форма *мафиози*, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина: *мафиози*, нескл., м., одуш., ‘член мафии’ [Крысин, 2004]. В переводе романа И. Хмелевской *мафиозо* приводится как существительное единственного числа, а *мафиози* — множественного: *Видели бы вы, как злился мой **мафиозо!** Жалею, что не сфотографировал медведя до того, чтобы пани могла сравнить* (с. 373); *Пан Януш, постоянный бывалец ипподрома, имел обширные знакомства среди лошадиников и некоторых **мафиози** знал в лицо* (с. 465); *Боллек согласился с предположением Яцека о том, что Северин может быть контролёром-наблюдателем за действиями **мафиози** от наркобизнеса* (с. 398); *Да, в наше время **мафиози** поумнели и уже давно не походят на бандитов, что отнюдь не означает изменения их сущности* (с. 464), а также с. 465 — **всего 5 употреблений**.

Ср. в романе «На всякий случай»: *Надо сделать так, чтобы они, **мафиози** проклятые, не могли сразу смыться на украденной машине... А вот этот... как бы получше его назвать? Серьёзный угонщик, **мафиозо**, так он действует не в одиночку* [Хмелевская, 1996, с. 53, 51].

6. Национальное своеобразие тексту придают слова, которые можно рас-

смагивать как шероховатости перевода, а можно — как разновидность экзотизмов; это или производные, созданные по отсутствующей в русском узусе модели, или экзотизмы, имеющие соответствия в русском языке (ср.: у И. В. Пекарской: «Целенаправленная «ошибка» через стадию индивидуального, авторского приёма воздействия возводится в ранг фигуры, закрепляясь системой языка и реализуясь затем снова в речи уже как фигура» [Пекарская, 1995, с. 38]).

6.1. Это следующие 8 лексических единиц: **рассказка, брушка, приснуть, напляжиться, пляжующиеся, бывальцы, бебехи, куколь**. «Дело с двойным дном»: *Традиционная вечерняя **рассказка** ('рассказ'. — Л.С.) поручика Болека на сей раз была захватывающе интересной, динамичной и яркой (с. 175); Надо мной светила **брушка** ('бра'. — Л.С.), очень удобно, как раз освещала рабочее место (с. 217) (в русском нет уменьшительно-фамильярного от слова *бра*). «Свистопляска»: *Как раз в этот момент Адам Вишняк проснулся. **Приснул** ('ненадолго уснул') малость за складом у лебёдки в ожидании шурина, шурин должен был приплыть на втором катере (с. 559); Она, в отличие от меня, предпочитала ходить на обеды в первую смену и, уже **напляжившись**, спешила на обед (с. 465); Бородач послушно встал и побежал дальше, всё так же перепрыгивая через тела **пляжующихся** (с. 401); Солнце то и дело закрывали чёрные тучи, на пляже песок немилосердно сёк тело, неудивительно, что **пляжующихся** было немного (с. 544); Во всяком случае, так говорили **бывальцы** ('завсегдатаи'. — Л.С.) (МАС: обл., 'тот, кто много видел и испытал') **ипподрома** (с. 502); Пан Януш, постоянный **бывалец ипподрома**, имел обширные знакомства среди лошадиников и некоторых мафиозо знал в лицо (с. 465) — всего 7 употреблений.**

Ср.: в романе «Божественная королева» [Хмелевская, 2008]: *Элюня стала наблюдать за **ипподромными бывальцами** — а что делают они? **Бывальцы** вели себя както неопределённо (с. 32). Ср.: там же: *Но всё равно радовалась, что сделала ставку, как и все остальные нормальные посетители ипподрома (с. 35); Завсегдатаи ипподрома разглядывали коней на поддоне... (с. 40). Ср.: в романе А. Сапковского «Башня ласточки» [Сапковский, 2004]: *Ну, дождались мы приезда двух развратников, постоянных **бывальцев**, стариков, тьфу, почти сорокалетних***

(с. 203).

«Дело с двойным дном»: *Не знаю, почему я начала именно с этого ящика с горой наваленного на нём тряпья. Вывалила всю гору **бобехов** на пол и принялась методично осматривать каждую вещь* (с. 190). «Свистопляска»: *чёрт бы побрал этот гипс!. Правда, всего на мгновение он промелькнул в чаще и скрылся за деревьями, но белый гипсовый **куколь** (МАС: ‘монашеский головной убор в виде капюшона’) я разглядела отчётливо* (с. 576) — **всего 2 употребления. Всего слов группы — 14 употреблений.**

Ср.: в романе «Зажигалка» [Хмелевская, 2008]: *Схватит что-нибудь, **портурсует** и сунет куда попало* (с. 167); *На взгляд Вульницкого, гораздо более перспективными казались **бугайка** Анна Бривгач и секс-бомба Вандзя* (с. 249); *Конечно, экспериментировать следовало в чистом поле, но **мелкие** этим пренебрегли* (речь идёт о детях. — Л.С.) (с. 278). В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Сыщиком? Нет, другое слово. Ага, **доносителем!*** (вм. доносчиком. — Л.С.) (с. 261).

Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993]: *...на **росчисти** (МАС: обл. ‘вырубленное и вычищенное место в лесу для пашни’) новых мужиков поселил* (с. 111); *Поверх рубашки накиннул **сердак** овчиной наружу* (с. 113); *Народу в корчме было полным-полно, пила тут и шляхта, знатная и мелкая, и мужики, и даже несколько захожих **штукарей** (МАС: прост. ‘ловкач, пройдоха’) показывали всякие немецкие **штуки*** (с. 150); *Но потом он увидел свирепых **одинцов** с белыми клыками, заколотых другими охотниками; это были огромные вепри...* (с. 195); *За высокоствольным бором начиналась лесная **дрёма**, а там глухая чаща, где совсем нельзя было проехать* (с. 348); *За беседой прошла часть ночи, а там все улеглись спать в **будах** на мохе, мягком как пух и покрытом тёплыми шкурами* (с. 350); *Мацько показал помощнику комтура письмо Лихтеништейна, а тот **замолоду** носил меч за Куно...* (с. 374) (вм. смолоду. — Л.С.); *часть денег **загребил** у меня любавский комтур* (с. 461); *«За вашей сестрой, не то **родичкой**», — ответил старик* (с. 462) (вм. родственницей. — Л.С.); *Видел бортника с **лазевом**, но не задержал его, опасаясь, что в глубине леса могут быть ещё другие мужики* (с. 418); *С эти-*

ми словами он поднял глаза к звёздам: «Вон уже **Воз** в небе виден, а я всё думаю, что-то будет» (с. 420); Я уж говорил тебе, **Воз** светит, а **Утиное Гнездо** ещё не взошло (с. 428); Ворочусь, коли не сгину. — **Не гинь** (с. 505).

6.2. Использование в текстах ненормативных сочетаний — **в нервах**. «Сви-стопляска»: *Слушай, я в **нервах** забыла, что ты мне сказал* (с. 349). «Дело с двойным дном»: ...и он, Неглойда, **в нервах** пошёл на пари — а вот и не слабо, ещё как наловит! (с. 477) — **всего 2 употребления**.

Ср.: в романе «На всякий случай»: *Да нет, я просто подумал — в таких **нервах** они обо всём забудут. Стефек сообщил, а он от Збини узнал. А Збиня от брата Воськи, вчера вечером ему проболтался, в **нервах**... Вот он, угонщик, в **нервах**, не помня себя, и бросился домой! Шпудька размахнулась и в **нервах** швырнула пробку совсем не в ту сторону* [Хмелевская, 1996, с. 94, 187, 281]. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: ...она войдёт, а они, застигнутые на месте преступления, **в нервах** прикончат её? (с. 182); *Ограбили же его както в **нервах**, так что уже все знают* (с. 166); *До вашего приезда у Зелинского в **нервах** вырвалось несколько слов, ну я и поняла* (с. 261). Ср.: в романе Татьяны Поляковой «Бочка но-шпы и ложка яда»: *Ваш муж обманом проникает в мой дом и имеет наглость здесь утонуть. И это в годовщину смерти Бориса, когда я и так на **нервах*** [Полякова, 2005, с. 207].

Ср.: аналогичное использование ненормативного сочетания в романе «Большой кусок мира»: *Необходимо было добраться до соответственно оборудованной мастерской, причём не своим ходом, а на **сцепке**... Сел в свой «фольксваген» и уехал на **сцепке**... Ехали с одним знакомым, который сломался и увезён на **сцепке***. В этом же романе: *Больше жестами, чем словами, несчастные пытались убедить вышедшего из авто симпатичного сидящего мужчину, что лодка на **прицепе** — дополнительное транспортное средство* [Хмелевская, 1995, с. 8, а также с. 9, 19, 20]. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Всё это пустяки, главное — преступники задержаны и находятся в **добрых руках*** (вм. *надёжных руках*. — Л.С.) (с. 370).

Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993]: *Услышав в правой руке боль, рыцарь*

застонал... (с. 197) (вм. почувствовал. — Л.С.); Сам аббат **переложит гнев на милость** (с. 157) (вм. сменит. — Л.С.); **С минуту временем** он стоял окаменелый (с. 36); **Помолчав с минуту времени**, он спросил (с. 166).

Не все подобные употребления можно оценить как выразительное средство перевода. Так, например, нам представляется, что использование глагола *поуставлять* в романе «На всякий случай» ошибочно: *Коробки в гараже поуставляли у стены, прочее барахло распахали в других местах, и на освободившейся площади легко поместился «гольф», ибо гараж был на две машины* [Хмелевская, 1996, с. 60] и нек. др. Вообще такие лексические единицы в переводных текстах трудно поддаются однозначной оценке. Так, в романе Ирвинга Шоу «Люси Краун» [Шоу, 1990] читаем: *В его **крупных** серых глазах с густыми чёрными ресницами застыла настороженность...* (с. 6); *Хотя сын, несомненно, похож на отца, всё же своим широким лбом, **крупными** серыми глазами, мягкими светлыми волосами он поразительно напоминал мать* (с. 160) и т. д. По-русски говорят *большие глаза*, но в русском языке это сочетание имеет положительную коннотацию, — возможно, так переводчик акцентирует негативное отношение героини к персонажу.

Ср.: в фантастическом романе А. Спаковского (перевод с польского [Спаковский, 2004]) используются слова с яркой внутренней формой: *Болтают, что если б всех, кого Бонарт затюкал, похоронить на одном **жальнике*** (‘кладбище’. — Л.С.), *то понадобился бы **жальник** ого-го каких размеров* (с. 45); *Правду сказать, кроме лесов-то в той **краине*** (‘краю’. — Л.С.) *ничего и нету* (с. 79); *Вы что, **подзёмы*** (‘шахтёры, рудокопы’. — Л.С.), *слепые иль как?* (с. 212); *Он пришёл сюда, убивец, **уничтожник!*** <...> *Но он без меча, **уничтожник!*** (с. 240). *На дворе чертовский **зяб*** (‘холод’. — Л.С.) (с. 395); *Там, по голым полям и облысевшим лесам, гуляет ветер и **заморозь*** (с. 398); *чёрная **тонь*** (‘покрывающая утопленника вода’. — Л.С.) *замкнулась у него над головой, и он шёл ко дну* (с. 416). Используются при переводе текстов А. Спаковского также слова с другими по сравнению с русским литературным языком аффиксами: *Выведавши, что в трактуре стоят Варнхагены, промчались сквозь **трактирню**. Насквозь!* (с. 46); *И на*

войнючку, подыхать за империю (с. 50); *Если б глубокой ночью кто-нибудь исхитрился тихарем* подобраться к затерявшейся среди топей хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой..., то увидел бы седобородого старика (с. 68); Такое *дивотище* обретается (с. 112); *Позорно идти вдвоём на эту худобищу* (с. 157); *Ну, у тебя и глазищи. Не глаза, глазяры* (с. 176); *Ты вытащил меня на закорках, когда у меня слабота* ноги отняла (с. 188); *Этот таинственный полуэльф, которого ты на моих глазах охроматил, прости за неологизм, раздолбал ему сустав* (с. 89); *Камень на камне, камнем приваленный, травой зарослый* (с. 414).

Дина Рубина [Рубина, 2008]: *Отчитывая Витю, этот гад всегда переходил на свой паршивый русско-польский, который вывез из Варшавы пятьдесят два года назад...* (с. 122). «Все эти изменения не являются заимствованиями, но они обязаны своим появлением процессу, который с полным правом мы можем называть смешением языков» [Щерба, 1974–2, с. 71].

6.3. Маркирует текст как перевод употребление отдельных слов в значении, не свойственном им в русском языке: **микрофон, наркоман**. Так, *микрофон* в романе «Дело с двойным дном» обозначает ‘телефонную трубку’, *наркоманы* в «Свистопляске» — это ‘наркодельцы’: *Из микрофона* изливался поток эмоций: «... могу заверить вас, пан поручик, — только ограбление!» (с. 66); *Из микрофона* снова полились эмоции (с. 67); *Как только получишь инструкции от своих наркоманов, постарайся их мне поскорее сообщить* (с. 373) — **всего 3 употребления**.

Ср.: употребление слова *мразь* в значении ‘изморось’ с сохранением отрицательной коннотации в романе И. Хмелевской «На всякий случай» [Хмелевская, 1996]: *В воздухе висела какая-то мразь — не то мелкий дождь, не то густой туман, сквозь который еле пробивался свет фонарей... Какого чёрта ты меня вытащила на улицу? Такая мразь, брр, и ещё снег с дождём!* [Хмелевская, 1996, с. 6, 27]. Также в другом значении по сравнению с фиксированным в словарях РЛЯ (МАС: ‘кушанье из творога, испечённое в виде небольшой лепёшки, творожник’) в этом переводе И. Хмелевской употребляется слово *сырник* (‘пирог с творогом’. — Л.С.): *А я пойду испеку сырник. Запихав в рот огромный кусок*

сырника, он вдруг хихикнул, отчего чуть не подавился [Хмелевская, 1996, с. 44, 46, 49]. Ср.: у Ежи Эдигей в повести «Случай в тихом посёлке» [Эдигей, 1991]: *через минуту официантка поставила на столик две чашечки кофе и два солидных куска сырника с золотистой корочкой* (с. 175); *Местные дамы, забежавшие в кафе съесть порцию сырника со взбитыми сливками* (с. 193) и т. д.

Изменение семантики слова в художественном тексте характерно и для исконно русских художественных произведений. «Проблема индивидуально-авторской семантики слова в художественных текстах русской литературы находится в эпицентре современных исследований, так как сравнительная характеристика исходной и авторской семантики слова позволила расширить представление о картине мира, увидеть её глазами авторов, расширить семантический объём словарной дефиниции» [Товт, 2010, с. 21].

7. В романе «Свистопляска» частотны слова **дюны** и **лайба** (целый эпизод с обрывом каната катера и гибелью свидетеля подан через два слова): *Вскоре по соседнему проходу между дюнами сбежала молодая пара и с разбегу кинулась в море* (с. 369), а также с. 368 — 2 употребления, с. 369, 371, 401, 485 — 2 употребления, с. 402; *Там как раз рыбаки спускали на воду свою лайбу — наверное, собирались ставить сеть на камбалу* (с. 347), а также с. 369, 397, 410 — 2 употребления, с. 467. **Всего 15 употреблений.**

Слова эти осознаются в нашем обществе как обозначающие чисто прибалтийские явления, то есть как экзотизмы (локализмы?), несмотря на то что в толковом словаре как таковое обозначено только слово *лайба* (МАС: *дюны* — ‘прибрежные песчаные холмы, нанесённые и передвигаемые ветром’; *лайба* — ‘большая двухмачтовая лодка с косыми парусами (на Балтийском и Белом морях, Днепре, Днестре’). Интересно, что в романе «Золотая муха», где действие происходит на балтийском побережье, этих слов нет. Слово *лайба* можно рассматривать как регионализм, так как оно имеет в значении локальную закреплённость [Самотик, 2000]. Ср. с употреблением слова *ланды* в повести Пьера Буало и Тома Насержака «В заколдованном лесу» [Буало, Насержак, 1991, с. 594].

Следует отметить отсутствие в тексте собственно этнографических экзотиз-

мов, хотя в других произведениях И. Хмелевской они иногда присутствуют. Так, например, в романе «На всякий случай» используется слово *чупага*: «**Чупага!** — крикнул он, переставая стучать молотком. — Знаете, такие топорики на длинной тонкой ручке, наши карпатские горцы всегда с ними ходят?.. В случае успеха, они бы успели приобрести и **чупагу**, магазины «Цепеллин» [Хмелевская, 1996, с. 79, 81]. В романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008] используется традиционно не переводимое в русском языке название денежных знаков и отдельных польских монет: *Элюня обменяла в кассе купюры на монеты по одному **злотому** и с полной банкой **злотувок** уселась за понравившийся автомат (с. 70).*

В романах И. Хмелевской нет «туристических» экзотизмов, отсутствуют названия местных блюд, хотя в последних произведениях писательницы они появляются. Например, в романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008]: *Там она и сделала покупки, весьма основательные: жестяную большую банку **фляков** (сноска: ‘национальное польское блюдо, тушёные рубцы с пряностями’), стеклянную банку **маринованного перца**... (с. 314); **Есть фляки. Хочешь?** (с. 325) и т. д. В романе «Зажигалка» [Хмелевская, 2008]: **Фляки** — национальное польское блюдо из рубца, от вида которых в данной ситуации пану Ришарду сделалось совсем уж не по себе (с. 28); *Кстати, это мне первой пришло в голову соотнести имбирь с **фляками**. Я сама очень люблю это популярное польское блюдо... (с. 404).**

Нет в анализируемых текстах профессиональных жаргонизмов, хотя в романе «Божественная корова» [Хмелевская, 2008] употреблена лексика, связанная с ипподромами и казино [Хмелевская, 2008]: *Вот это **паддок**, площадка, сюда выпускают лошадей перед состязаниями (с. 32); Элюня английский знала и сразу поняла, что **фольблутами** (от англ. full blood — ‘чистая кровь’) Казик называл самых что ни на есть чистокровных лошадей, самых породистых (с. 34); Стараясь избегать словечек ипподромного жаргона... У Элюни голова пошла кругом от всех этих «**сделанных скачек**», **одинаров, экспрессов, фаворитов и фуксов** (с. 36); *Крупьерша поставила на жетоны Элюни стеклянную призмочку, что у нас прозывается **куколкой** (с. 98).**

В переводах последних произведений И. Хмелевской используется и пословный перевод национальных устойчивых сочетаний, которые также создают образ инонациональной речевой среды: *Виски и каре появились одновременно. Ладно, раз козе смерть!* (с. 146); *Экстра! Супер! Сверкает, как дикая свинья!* (с. 189); *Элюня, хоть дня три воздержись, не охмуряй Анджея. Холера, Казик отсутствует, не то держал бы тебя при орденах...* (с. 197). В романе «Золотая муха» [Хмелевская, 2011]: *И вообще, наш Зиновий предупредил, что фамилиями тут никто губы вытирать не любит, так что и мне он фамилий не назовёт* (с. 285). В романе «Зажигалка»: *«Да чтоб мне к толчку присохнуть!»* — заорал парень (с. 328).

В романе «Золотая муха» приводится нациолект (передается через отсутствие словоформ, через неопределённую форму глагола и именительный падеж существительного, женский род притяжательного местоимения) человека, родным языком которого является какой-то индийский; при этом используется фрагментарно латинский шрифт, но это «нациолект вообще» безотносительно к родному языку: *что же именно интересуется раджу? — Амба. — Спокойно! — вмешался капитан. — Он имеет в виду янтарь. Amber? — Да, да, амбер, — подхватил индус* (с. 351); *Эти женщины были вам знакомы? — Нет, никогда не видеть* (с. 354); *Как же вы узнали, если нет лица? — По одежда* (с. 355); *Никакого пистолета моя не видел... Но моя не верил... Моя амбер хотел* (с. 355); *Я показал на полка... Моя приходит первый, значит, может покупать* (с. 356).

§ 2. Поэтические онимы анализируемых текстов

По функции близки экзотизмам в активном построении образа инонациональной среды в анализируемых текстах имена собственные — антропонимы и топонимы: с. 126 — Ярослав, Януш, с. 127 — Ярослав, Януш, Доминик, Райчик, с. 130 — Доминик, Владька, Януш, Райчик, Барбара Двурная, Болек, с. 389 — Зигмусь, Яцек, Болек, с. 391– Мажена, Северин Вежховицкий, с. 226 — Кася, Болек, Райчек, Владька, Яцусь, с. 259 — Бартек, Райчик, Крыся, с. 226 — Яцусь, Кася, с. 247 — Тиран, Бартек, Болек, Януш, Доминик, Кася и т. д. Топонимы: с. 192 — город Константин, Рыбинка, улица Филтьрова, с. 247 — улица Вилловая, город

Константин, с. 374, 397,

401 — Лесничувка, с. 390 — Быдгощ и т. д. («Свистопляска»).

§ 3. Выводы

1. В анализируемых романах Иоанны Хмелевской экзотизмы являются основным выразительным лексическим средством создания образа инонациональной речевой среды. Другая внелитературная лексика в этих текстах не употребляется.

Художественное пространство выступает разновидностью специального пространства, а экзотизмы — как языковые средства передачи места действия литературного произведения. Функция создания инонациональной речевой среды поддержана поэтическими антропонимами и поэтическими топонимами текстов.

2. В переводах экзотизмы можно разделить на экзотизмы начального текста и экзотизмы перевода. В романах И. Хмелевской используется значительное число экзотизмов перевода (прежде всего — имитирующие неправильную польскую речь, акцент). В русской практике сложились определённые традиции переводов произведений писательницы и создания образа польской национальной среды, о чём свидетельствуют тексты разных переводчиков.

3. Общее количество экзотизмов в анализируемых романах невелико — 42 (в два раза меньше, чем у С. Шелдона, см. словоуказатель в Приложении), но они достаточно частотны. Средняя плотность экзотизмов — один на 2, 4 страницы (440 страниц на 183 употребления). Таким образом, плотность экзотизмов в два раза большая, чем в текстах С. Шелдона, но в целом она невысока.

4. Тематическая представленность экзотизмов следующая: 1. Большое значение в создании образа инонациональной среды, как и в текстах С. Шелдона, имеют слова-обращения и вежливые упоминания — 10 единиц, 104 употребления: *пан, пани, панна, паненка, проше пани, проше пана, проше бардзо, проше шановной пани, шановная пани, милостивая пани*. В группе есть литературные экзотизмы, есть и не фиксированные в словарях литературного языка. 2. Междометия, бранная лексика, псевдобранная лексика — 12 слов и выражений, 33 употребления: *Езус коханий, Езус Мария (Езус-Мария), псякрев (пся крев), холера, холера*

знает, холера вас побери, холера ясна, холера вам в бок, холерный, паршивец, паршивый щенок, чёртов щено. 3. Обозначения отдельных предметов с опорой на русские соотносительные варианты — 12 слов неоднородной тематической соотносённости, 19 употреблений: *рассказка, приснуть, напляжиться, пляжующиеся, бывальцы, бывальцы ипподрома, брушка, бебехи, куколь, микрофон, наркоман, в нервах.* 4. Региональная лексика природы — 2 слова, 15 употреблений: *дюны, лайба.* 5. Жаргонизмы — 3 слова, 9 употреблений: *глины, мафиозо, мафиози* — 3 единицы. Тематически лексика более однородна по сравнению с текстом С. Шелдона, нет «туристических» и этнографических экзотизмов, нет характерологических (концептуальных) экзотизмов и экзотизмов-терминов. Экзотизмы в меньшей мере связаны с темой, сюжетом и идеей произведений, в большей степени с жанром — ироническим детективом.

Таблица употребительности слов в тексте

№	Тематическая или формальная	Кол-во слов и поряд-вый номер по	Кол-во употреб. и поряд-вый номер	Употр. в среднем на слово и поряд-	Наиболее частотные слова и про-
		10	104	10,4	
1	К женщине	8	77	9,6	Пани
2	К мужчине	2	27	13,5	Пан
3	Бранная лексика, псевдобранные слова; сакральные формулы в	12	33	2,75	
3.1	Бранная лексика	9	22	2,4	Холера
3.2	Сакральные формулы	2	6	3	Езус Мария
3.3	Псевдобранный лексика	3	5	1,6	Паршивец
		1	3	3	
		3	9	3	
		12	19		
6.1	Словообразовательные	9	14	1,5	Пляжеваться
6.2	Варианты русских сочетаний	1	2	2	В нервах

6.3	Варианты русских значений	2	3	1.5	Микрофон
	онализмы, обозначающие природ-	2	15	7,5	

5. Наиболее разнообразно представлена эмотивная лексика (бранная и псевдобранная, междометная — всего 12 единиц), затем слова-обращения и вежливое упоминание (9 единиц). Частотны в текстах слова и сочетания-обращения (всего более 140 употреблений), с большим отрывом — бранная и междометная лексика (более 33).

6. Перевод с близкородственного языка имеет свои особенности по сравнению с переводом с английского: 6.1) в переводах подчёркивается родство языков и образа инонациональной речевой среды русскому языку через отсутствие варваризмов, вообще слов или текста в латинице (ср.: в фантастическом романе А. Сапковского, переведённом с польского, в латинице приводятся только латинские слова и выражения [Сапковский, 2004]; точно так же латиницей переданы латинские выражения у Г. Сенкевича в романе «Крестоносцы» [Сенкевич, 1983]); 6.2) родственные связи языков позволяют использовать: 6.2.1) слова в отличном от русского значения (*мразь, микрофон, сырник* и т. п.); 6.2.2) отличные по форме предложно-падежные сочетания (*в сценке* вм. 'на прицепе', *в нервах* вм. 'на нервах' и т. п.); 6.2.3) расширенную группу устойчивых сочетаний с бранными словами за счёт синтагматики (*холера* и др.); 6.2.4) слова, обыгрывающие внутреннюю форму (*тонь, рассказка, брушка*); 6.2.5) семантические кальки (*глины* и др.).

7. Анализируемые тексты имеют общий набор экзотизмов, каждый текст имеет небольшое отличие в наборе единиц. С более насыщенным национальным колоритом через экзотизмы выступает роман «Свистопляска». Написание отдельных экзотизмов не устоялось, в разных текстах они имеют различный графический образ (*псякрев* и *пся крев, Езус Мария* и *Езус-Мария*). В текстах определён идиостиль писателя, идиостили художественных текстов не противопоставлены друг другу, не различаются. Этим они отличны от переводов произведений С. Шелдона.

8. Функции экзотизмов в текстах переводов произведений И. Хмелевской ограничены по сравнению с их функциями у С. Шелдона, они выступают только в качестве фоновой лексики, маркируя место действия, создавая эффект достоверности, передавая местный колорит, юмор авторского текста. Фактически экзотиз-

мы не использованы в характерологической функции (все герои — поляки).

9. Идиостиль произведений проявляется в обращении к экзотической бранной лексике, междометиям, создающим своеобразную инонациональную речевую среду, значительному количеству слов, близких экзотизмам, но имеющих общую с русской лексикой форму, создающих впечатление лёгкого иностранного акцента, стилистического флёра.

§ 4. Традиции перевода славянских текстов в произведениях русских авторов о Польше и Чехии

Особенности создания образа инонациональной среды (родственного западнославянского языка) используются и в текстах русских авторов, например в повестях П. Я. Дельви́г [Дельви́г], исторических текстах Е. А. Глушко-Арсеньевой [Арсеньева] — также иронических детективах, повествующих о русских в Чехии и Польше второй половины XIX века.

1. Так же, как в романах И. Хмелевской, используются в качестве выразительного средства экзотизмы, но в отличие от проанализированных текстов присутствуют и варваризмы (фрагменты иноязычного текста в кириллице).

Дельви́г: «**Просим!** (сноска: ‘пожалуйста!’) — *неожиданно для всех вдруг взмолился Прохазка. — **Просим вас кончать млувить о мертволах***. Он приложил руку к груди: «**Я разумим, тяжкий день, я сопереживаю вам вшем, ale про мене это дост депремуици. Я тады... здесь случайно... мыслил, же черствый... свежий воздух будет лучше для мое здоровье, но вы всё время млувите о мертволах а так далее. Мыслим же, нужно скончить и вратиться дому**» (сноска: ‘Пожалуйста, кончайте говорить о покойниках... Я понимаю: тяжёлый день и сочувствую вам всем, но на меня это действует подавляюще. Я здесь... думал, что свежий... воздух... говорите о покойниках и так далее. Думаю, что необходимо с этим покончить и вернуться домой’ (чеш.)) (с. 336).

Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘пожалуйста’ — *prosim*, ‘вы’ — *vy*, ‘кончать (кончить)’ — *skončit*, ‘говорить’ — *mluvit*, ‘покойник’ — *nebožtik*, ‘труп’ — *mrtvola*, ‘я’ — *ja*, ‘понимать что?’ — *rozumět čemu*, ‘тяжёлый (трудный)’ — *těžký*, ‘день’ — *den*, ‘сочувствовать кому, чему’ — *mit soncit, mit porozumeé ni s kýt, č im*, ‘все’ —

všichni,

‘но’ — ale, ‘дать’ — dát, ‘действовать’ — jednat, postupovat, fungovat, ‘здесь’ — zde, tu, tady, ‘случайно’ — nahodou, ‘что’ — co, ‘думать’ — myslit, ‘свежий’ — čerstvý, ‘воздух’ — vzduch, ‘и так далее’ — a tak dále, ‘и’ — a, ‘вернуться’ — vrátit se. «Я не понимать вас, — развёл руками бородач. — **Добже, можете делать як хцете, але я вратимся дому. Пани Дагмар, мусите со мноу**» (сноска: ‘Хорошо, как хотите, но я возвращаюсь домой. Пани Дагмар, вы едете со мной’ (чеш.)) (с. 337). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘хорошо’ — dobře, ‘как’ — jak, ‘мочь’ — moci, ‘хотеть’ — chtít, ‘хочу’ — chci, ‘но’ — ale, ‘возвращаться (возвратиться)’ — vracet se (vrátit se), ‘дом’ — dům, ‘госпожа’ — paní, ‘ехать’ — jet, ‘мочь’ — moci, ‘со’ — se. **Цо мам делать...** (сноска: ‘Что я могу поделат’ (чеш.)) (с. 372). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘что’ — co, ‘нам’ — nám, ‘делать’ — dělat. «**Вшехно разумим. Делай!**» (сноска: ‘Всё понимаю. Давай!’) (с. 408). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘всё’ — všechno, ‘понимать’ — rozumět. «**То снад нени правда...** (сноска: ‘Не может быть!’) (с. 408)). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘может быть, наверное’ — snad, možná, ‘нет, не имеется’ — není, nemám, ‘правда’ — pravda, ‘этот’ — toto.

Арсеньева: *Ох, **окрутни, окрутни человек!*** (сноска: ‘жестокий, жестокий человек!’ (польск.)). *Подбежал работник: «**Милость проше, добрый пан, ясная пани!**»* (с. 6); ...он то и дело поднимался с кубком или передавал его кому-нибудь из гостей с обрядным выражением. «**В руце пана!**» — «**Из рук в руки!**» (с. 161); *Однако, когда он завёл вместе с хором пьяных гостей: «**Ще Польшка не сгинела!**»* (с. 176). *Страшно зевая и привычно бормоча: «**Швилечке!**»* (сноска: ‘одну минуту’ (польск.)), *оседлал коня* (с. 68).

Передача элементов польского националекта характерна для ряда современных произведений. Так, например, в романе А. А. Бушкова «Авантюрист» [Бушков, 2010]: *Дзень добжи, пане!* (с. 23); <...> *пану придётся любоваться нашим местечком не менее как целый тикдень* (сноска: ‘неделю’ (польск.)) (с. 23); *Нех пан поднимется на первый этаж?* (с. 23); *А в огуле* (‘вообще’ (польск.)), *совсем добже было б, отдай пан мне пистоль...* (с. 47); «*Вы, главно, не обижайтесь, пане, — серьёзно ответил Грицько — Ремесло наше такое, що испытать чело-*

века ой как **треба**... мы, слава **Езусу сладчайшему**, под **шибеницей** пока не ходим, да под Уголовным уложением разгуливать — тоже не **цукер**... Всё ведь, я **бачу**, обошлось?» (с. 68); Выслушав заказ и склонив безукоризненный пробор, со всей возможной **гжечностью** (сноска: ‘обходительностью’ (польск.)) поинтересовался: «**Панове** — русские?» (с. 129); Такие мысли в обществе Амазонки следовало **держатъ при себе**. Из **гжечности**, господа, из самой обычной **гжечности** (с. 130).

Слова *що*, *бачить* и *треба* фиксированы в СРНГ как диалектизмы

Анализ показывает, что в данном случае мы имеем дело не с целым фрагментом иноязычного текста, а с нациолектизмами и иноязычными вкраплениями. При сопоставлении с языком-источником видно, что достоверность экзотизмов и варваризмов в целом высока, однако относительна. При выборе вариантов авторы стремятся показать слово, наиболее близкое русскому языку, текст строится таким образом, что может быть понятен и без перевода. Перевод в сносках даётся не пословный, передаётся общее содержание.

Используются также грамматические нациолектизмы, при передаче русской речи чехов. Дельвиг: *Сейчас бы мне галантный кавалеры **покупать** новую норковую шубу. ...Вас водят **вокруг палец**, а вы **ничего не понимают**... Это очень **глупый место** для **отдыха за граница!*** (с. 236); *Миклуш, рыцарь мой, пан Виктор не хотел меня оскорбить, мы просто **говорить всю ночь*** (с. 316); *Так вы **утверждать**, что **кунь** был бешеный?* (с. 418).

Другой внелитературной лексики практически нет, хотя, например, в романе Арсентьевой могли бы быть историзмы и архаизмы. Речевой фон исторического повествования — современный, но современность не акцентируется (ср. тексты Б. Акунина).

2. Слова и фрагменты славянского чешского и польского текста приводятся в кириллице, несмотря на принятую в этих странах латиницу, но иногда на одной странице используются два шрифта, художественно противопоставленные, но латиница не обозначает польские слова. Дельвиг: *Она либо не знала английского, либо просто растерялась — лишь **трясла головой**: «**Не разумим, пане, не разуме-***

ем...» (с. 278); «*What is the question*» (сноска: ‘Вот в чём вопрос’ (англ.)), — *про-изнёс Деланян и добавил по-русски: Нам это тоже интересно»* (с. 278). Арсеньева: *Как говорится, еден за вишутках, вишутки за одного!* (сноска: ‘один за всех, все за одного!’ (польск.)) (с. 21); *Se non e vero, e ben trovato* (сноска: ‘Если и неправда, то хорошо придумано’ (ит.)) (с. 21); *Геть стыда!* (сноска: ‘Пошла вон!’ (польск.)) (с. 160); *Vivat lacruma Christi!* (сноска: ‘слеза Христа’ (лат.)) *Прозит!* (с. 161).

3.1. Тематическая представленность экзотизмов несколько иная, чем в переводах И. Хмелевской. Частотность национальных обращений и указаний на лиц мужского и женского пола, а также сопровождающих их этикетных формул характерна и для повестей П. Я. Дельвиг [Дельвиг], исторических текстов Е. А. Арсеньевой [Арсеньева]. Дельвиг: *Очень приятно, пани Дагмар...* (с. 8); *Добрый день, моя фамилия чижик, я могу говорить с паном Прохазкой?* (с. 16); *А пана чижика в любой момент могут обвинить в её убийстве* (с. 51); «*Пан комиссар, — в двери появился Зденек, его новый помощник..., — к вам тут пришла одна пани»* (с. 54); *Не беспокойтесь, млада пани, со мной не опоздаете* (с. 202); *Дамы и панове, я попросил бы вас вернуться в свои номера и написать всё, что вы знаете по поводу инцидента, произошедшего со слечной чижиковой* (с. 338) и др.

Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘господин’ — *pan* (в обращении — *pane*); ‘госпожа’ — *pani*, ‘молодой’ — *mlady*, ‘кисейная барышня’ (ирон.) — *šlechinka*.

Арсеньева: *Пшепрашен бардзо* (сноска: ‘прошу прощения’ (польск.)); *Ой, слушайте, что скажу, вельможный пан и ясна пани...* (с. 170); *Моё почтение, наипенкнейшие!* (сноска: ‘прекраснейшие’ (польск.)) (с. 157); *Да и кто поверит, что эта плохо одетая паненка — дочь всесильного полковника Аргамакова?* (с. 29); *Пшепрашан, панна...* (с. 30); «*Да, — не задумываясь, воскликнула Юлия. — Дзякую! Дзякую бардзо!*» (сноска: ‘Спасибо! Спасибо большое!’ (с. 30); *Проше пана Кохайлика!* (с. 134).

3.2. Используются также сакральные формулы в функции междометий у Дельвиг: «*Езус Мария!*» — *Прохазка неожиданно дал петуха* (с. 51); «*Матерь*

моя, Иосиф, Езус Мария, помогите и спасите...», — прошептал Прохазка и закатил глаза (с. 77); Дверь распахнулась, и лицо майора стало медленно вытягиваться: «Господь всемилостивый!» (с. 55).

Арсеньева: *Платье на Богуславе уже занялось, и она, с мужеством отчаяния, тушила его голыми руками, выкликая: «Патер ностер!», «Матка Боска Ченстоховска!» (с. 89); «Патер ностер, — восхищённо прошептал начальник станции... — Патер ностер, Матка Боска! Да ведь это пан Зигмунт!» (с. 13).* В этом романе употребляются и некоторые экзотизмы, связанные с религией: *Зеваки оглянулись, начали набожно креститься: ведь это была карета «бискуп» — католического епископа (с. 73); Местный ксёндз устыдил его (с. 152); Ванда была яркой католичкой: не пропускала ни единой придорожной каплицы (сноска: ‘часовня’ (польск.)) (с. 152); Пан Бог исцелил мою Анелю, вот я и дал свой обет пожертвовать всем (с. 158–159).*

3.3. Бранная лексика немногочисленна у Дельви́г: *Все, кто остался жив, немедленно завопили традиционное: «Корова тупая!» (с. 53); «А, sakra!» — выругался Прохазка и, развернувшись, потопал прочь от столовой (с. 278).* Ср.: КЧРС, ЧРС — sakra — ‘чёрт’.

4.1. Есть обозначения людей по социальным признакам. Арсенъева: *А если это какой-то родственник, изумлённый тем, что Адам не в Варшаве, в своей школе подхорунжих? (сноска: ‘подпрапорщиков’ (польск.)) (с. 20); Потом пришёл черёд всех пястов (сноска: Пясты — ‘правящая в Польше с X по XIV в. династия; позднее — просто поляк по происхождению’), всей шляхты, духовенства, войсковых, палестры... (с. 161–162); Ох, да он даже блудит в долг, этот загонов шляхтич!* (с. 136); *Он со всего маху польского гонору ударил её об пол, ибо как настоящий «уродзоны шляхтич» не выносил вида пустой посуды (с. 163).*

4.2. В русских текстах есть слова, связанные с национальной кухней, что является элементом «туристических» экзотизмов. Дельви́г: *Их столы мгновенно заполняли разнообразные пены, помазанки (сноска: пены и помазанки — ‘взбитые и простые паштеты из мяса, сыра или рыбы’ (чеш.)), сардельки..., и литры, литры*

холодного пенящегося пива — светлого, тёмного и **резанного** (сноска: ‘светлое и тёмное пиво, смешанное в равной пропорции’ (чеш.)) (с. 305). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘пена’ — репа, ‘паштет’ — ромазанка, ржавый, ‘рыжий’ — rez. Арсеньева: «**Вейска кава**» — «Деревенская кофейня» на окраине Варшавы, место, всеми любимое и всеми посещаемое... (с. 26); Ещё прочитав стихотворение господина Вяземского «Станция», она мечтала о «**гарнушках**» (сноска: ‘глиняный кувшинчик’) «Вейской кавы» как о символе свободы и раскрепощения нравов (с. 26). Пани может ехать хоть в **корчму**, хоть к чёрту на рога (с. 160).

4.3. Есть слова, обозначающие виды национальной одежды. Арсеньева: **Кунтуш** (сноска: ‘верхняя одежда польских дворян’ (польск.)), судя по виду, принадлежал ещё прадеду невзрачного господина (с. 157); Отправлялся в отъездное поле в сопровождении многочисленных псарей, одетых в охотничьи **чекмени**... (сноска: ‘короткие полушубки’) (с. 34); Когда впереди одного из шедших поляков увидела трёхцветное знамя, а на головах солдат — красные **конфедератки** (сноска:

‘четырёхугольные польские военные фуражки’), страх подкатил к горлу (с. 70).

4.4. В русских текстах используют единичные слова и других тематических групп. Арсеньева: Гитара на стене..., перекрещенная со старопольским орудием (в тексте так. — Л.С.) славы **парабелю** (сноска: ‘польская кривая сабля’) (с. 9); Ну, чего стала, **гультайка** (сноска: ‘лентяйка’ (польск.)) (с. 11); Ну, а если и приметил странно одетую барышню какая-нибудь захопотававшаяся **покоёва** (сноска: ‘горничная’ (польск.)), то ей и в голову не пришло бы бежать рассказывать об этом его высокоблагородию или хозяйке (с. 25); Воздух Варшавы пьянил, дурманил, девушке хотелось зайти в каждую лавочку, постоять у всякой витрины..., нацепить на запястье вот эту дешёвенькую **брансолетку** из **буриштына** (сноска: ‘янтарь’ (польск.)) (с. 25). Ср.: в романе И. Хмелевской «Золотая муха» [Хмелевская, 2011]: «Спокойно! — вмешался капитан. — Он имеет в виду янтарь. **Amber?**» (с. 351).

И букетик, хоть самый простенький, из **братков**, **левконьев** или вовсе **румянок** (сноска: ‘анютины глазки, левкой, ромашки’ (польск.)) (с. 26); Она же где-

то здесь! Давайте запалки! (сноска: ‘спички’ (польск.)) (с. 227). Дельви́г: *Даша шикнула на вдовца: «Склапни!»* (сноска: ‘заткнись’ (чеш.)) (с. 329); *Просим!* (сноска: ‘Пожалуйста!’ (чеш.)); *Златичко* (сноска: ‘золотце’ (чеш.)), *тебе не надо было пить шампанское на голодный желудок* (с. 473). Ср.: КЧ-РС, ЧРС — ‘опускать (крышку и т. п.)’ — sklapet, ‘золото’ — zlato, ‘пожалуйста’ — prosim.

5. Используются в русских текстах грамматические экзотизмы. Так, звательный падеж у Дельви́г: *Панове, я предлагаю всем разойтись. Вышло недоразумение, мы приносим свои извинения* (с. 438); *«Панове, панове!»* — *задыхаясь, прокричал подбежавший управляющий* (с. 459). У Арсеньевой: *Христе, помилуй! Пречистая, помилуй!* (с. 156); *Стон крестьянина «Панчику!»* и *возмущённые женские голоса нима́ло его не озадачи́ли* (с. 159); *Танцуют все, панове! Панове, танцуют все!* (с. 106).

Значение множественности у Арсеньевой передаётся синтаксическим способом через лексический повтор: *...не прошли даром опрокинутые залом гарни́цы и гарни́цы!* (сноска: *гарнец* — ‘кувшин объёмом около пяти бутылок’ (польск.)) (с. 164–165); *«Русские — все бы́дло и... и бы́дло», — мрачно изрёк пан Жалекачский* (с. 177).

В качестве фонетического экзотизма, очевидно, можно рассматривать слово *хлоп* (‘холоп’) у Арсеньевой: *«Н-но, хлоп!»* — *Адам, согнувшись, брезгливо отстранил его с пути* (с. 6) (ср. с образом украинской речевой среды в романе А. И. Чмы́хало).

6. Близкородственная речевая среда позволяет использование намеренных неточностей. Так, у Арсеньевой: *Одними руганиями кончилось для Богуславы и спасение Юльки, вздумавшей в одиночку покататься на лодке* (с. 87) (вм. *бранью*. — Л.С.). Ср.: в романе «Золотая муха»: *А на следующий день, привыкнув к ранним вставаниям, не выдержала* [Хмелевская, 2011, с. 313] (вм. *ранним подъёмам*. — Л.С.); *Проще всего было бы выгнать негодницу из дому, князь Никита уже решился было на сие, да не смог: Богуслава уплакала* (с. 96) (вм. *упросила*. — Л.С.); *...но Бог сегодня был не на её стороне: шаги остановились рядом, и настороженный высокий голос спросил: «Кто-то есть?»* (с. 80) (вм. *«Кто здесь?»*. — Л.С.);

...только бы оказаться подальше от этого Кокайлина, внушавшего ей даже не отвращение — какой-то **тёмный ужас** (с. 135) (вм. тихий ужас. — Л.С.); ...эта тишина сменится чем-то настолько ужасным, **непредставимо ужасным!** (с. 72); Шайки вооружённой черни, к вечеру напившейся **до потери разума**, буйствовали на улицах (с. 85) (вм. потери сознания. — Л.С.). «**Проезжалых** он жалует или с порога отправляет?» — допытывалась Ванда (с. 156) (ср.: В те поры множество обездоленных войною людей скиталось по дорогам, обдирая и убивая беззащитных **проезжих** (с. 156)); <...> **панни резидентки**, как называли в Польше дальних родственниц или просто чужих, бедных, **бесприданых девиц**... (с. 167).

7. Интересно соответствие машине «полонез» у И. Хмелевской «шкодовки», чешской машины, на которой ездит героиня Дельвиг: *Старая «шкодовка», урча и вибрируя, набирала ход* (с. 53) и т. д., что также создаёт местный колорит.

8. В романе Арсеньевой в функции экзотизмов используются некоторые диалектизмы: *Надёжнее всего **сховаться** в этой чёрной дыре...* (с. 227); *И если вообще когда-нибудь ещё **кацапы** войдут в Варшаву, чего Бог не допустит!* (с. 120); <...> *ничего не могу поделать, даже **заради** чудесных очей ясной пани!* (с. 7); *Она причесалась, умылась у придорожного **ставка*** (сноска: ‘пруд, озеро’ (укр., польск.)) (с. 69). Слова *сховаться*, *кацап*, *заради*, *ставок* фиксированы в СРНГ. Ср.: создание образа украинской речевой среды в романе А. И. Чмыхало по тексту далее.

9. Для повести Дельвиг характерно использование языковой игры: *Так нет, мало этого, теперь мне ещё и **утку** придётся за вами выносить...* — *Какую ещё утку? Вы купили утку? Зачем?! — Я имела в виду **фазана*** (сноска: ‘в Чехии синонимом больничной утки является фазан’) (с. 73); «*Куда они **пали?**» — переспросил Гоша. «**До ока**, — вздохнул Полетаев. — В смысле понравились друг другу»* (с. 484).

Итак, мы можем заключить, что в русской литературе сложились определённые способы передачи речевой среды родственного славянского языка. Тексты

русских авторов отличаются количеством маркированной лексики: её значительно больше, чем в переводах (почти в три раза: 42 единицы в переводах произведений И. Хмелевской и 118 в текстах русских писательниц, см. словоуказатель). Но по структурным и семантическим показателям тексты близки, что свидетельствует об общих способах создания образа инонациональной речевой среды, о влиянии переводов на русские тексты.

На эту лексику не падает никакого дополнительного текстового значения, она маркирует место действия и национальность действующих лиц.

Глава 3. Концептуализация образа национальной речевой среды в художественных текстах

3.1. Проблемы «национальной» литературы

Образ-концепт инонациональной речевой среды внутри многонационального государства должен отличаться от образа-концепта иностранной речевой среды. Государственным языком России является русский язык, и неоднократно руководителями страны говорилось, что он является гарантом единства страны. Национально-нерусская языковая среда в пределах России значима в художественной литературе. Такую среду можно назвать «национальной» в соответствии с некоторыми сочетаниями, используемыми в нашем обществе: «Национальная школа — общеобразовательное учреждение с полным или частичным использованием национального компонента, направленного на сохранение, развитие и пропаганду национального языка и национальной культуры как национального меньшинства, так и «большинства»; как коренного народа территории, на которой существует школа, так и не коренного. Чаще национальные школы создаются в поддержку языка и культуры именно коренного народа, находящегося под угрозой исчезновения или утраты родного языка и культуры, а также в поддержку нацменьшинства, желающего вдали от исторической родины сохранить родной язык и культуру. Национальная политика СССР 1920–1930-х годов дала хороший импульс системе образования — тогда на территории многих регионов СССР существовали национальные районы и даже национальные сельские советы, а при них национальные школы. Это давало значительные возможности для развития языков и культуры

коренных народов и нацменьшинств» [[http://ru.wikipedia.org/wiki/Национальная школа](http://ru.wikipedia.org/wiki/Национальная_школа)]. Также русский язык рассматривался как язык международного и межнационального общения: «Языком межнационального общения называется такой язык (обычно в литературной форме), который используется как средство общения между лицами разных наций, народностей и этнических групп. Основным языком межнационального общения в нашей стране является русский» [Кодухов, 1974, с. 183]. В Красноярский край до недавнего времени был включён Долгано-Ненецкий (Таймырский) национальный округ (Национальный округ в СССР до 1977 г. — административная единица в составе области или края [СЭС, 1983, с. 867]). Статья

«Национальные литературы края» о ненецкой, эвенкийской, долганской литературе помещена в «Енисейском энциклопедическом словаре» [Ермаков, 1998, с. 417].

«Возникновение новых национальных литератур за последние два-три десятка лет — это показатель роста культуры некогда отсталых бесписьменных народов» [Литература народов Сибири, 1956, с. 2]. Ср.: «Для удобства изложения понятие «национальное» применяется в книге только по отношению к нерусским народностям и языкам на территории СССР <...>. В книге проанализированы процессы взаимодействия русского языка с национальными языками, вопросы художественной функции национальной лексики и образной системы, обусловленной влиянием национального фольклора» [Михайловская, 1984, с. 2, 10] и т. д.

Однако ещё в «Литературной энциклопедии» 1929–1939 годов И. Нусинов [Нусинов, 1934] пишет: «Национальная литература. В буржуазном литературоведении и критике этим термином обычно пользовались для обозначения литературы национальных меньшинств, литературы угнетённых народов в отличие от литературы господствующей нации <...>. В старой дооктябрьской России под национальной литературой понимали литературу не на русском языке, а на языке других угнетённых царским правительством, русскими помещиками и буржуазией народов. В устах идеологов собственнических классов (помещиков, буржуазии, мелкой буржуазии) господствующей нации национальная литература обозначала

литературу второго сорта».

Литература народов России интересует значительные слои населения страны. Так, нам известны результаты анкетирования, проведенного Центром русского языка и культуры Тверского государственного университета и Грузинской национально-культурной автономией города Твери в рамках проекта «Путь к взаимопониманию — через диалог культур» [[http://www.husainov.com/content/нам нужно изучать национальные литературы](http://www.husainov.com/content/нам_нужно_изучать_национальные_литературы)], популярен блог Айдара Хусаинова «Национальная литература» с публикациями переводов и т. д. «Надеюсь, что сайт станет полем общения и сотрудничества для переводчиков и литераторов национальных республик, а также всех, кому небезразлична судьба родной литературы» [Хусаинов, <http://www.husainov.com/>].

Образ национальной речевой среды в художественных текстах на русском языке может быть представлен как в переводных произведениях (в авторизованных («самопереводах») и неавторизованных переводах), так и в произведениях, изначально написанных на русском языке. «Многоязычная советская художественная литература, в лучших своих достижениях известная через русские переводы, становится общим достоянием советского народа.

<...> Многие видные писатели создают свои произведения на русском языке: Ч. Айтматов, М. Ибрагимов, Ч. Гусейнов, О. Сулейменов, Ю. Рытхэу и др. От этого национальная специфика их творчества, определённая глубоким проникновением в национальные характеры героев, не исчезает» [Скворцов, 1980, с. 231]. Такая литература называется русскоязычной, говорится о «художественном билингвизме» [Михайловская, 1984]. Образ национальной речевой среды создаётся и в произведениях русских авторов, знакомящих читателя с нерусским населением страны. Обычно такие авторы владеют в той или иной мере языком народа, о котором пишут. В качестве примера Н. Г. Михайловская приводит «известный роман Т. З. Сёмушкина «Алитет уходит в горы», который впервые открыл читателю мир далёкой Чукотки» [Михайловская, 1984, с. 12]. Язык произведений писателей-билингвов, написанных на русском языке о народах Севера и Дальнего Востока — Ю. Рытхэу, В. Санги, Г. Ходжара, Ю. Шестакова, — с те-

матической точки зрения анализируется в монографии Н. Г. Михайловской. Однако специально вопрос о стилистической функции экзотизмов, об образе национальной речевой среды ею не ставится, речь идёт о взаимообогащении литератур, о возможностях освоения некоторой лексики русским языком. «В произведениях, русская языковая форма которых создана самими национальными авторами, прослеживаются сходства, различия, видоизменения слова в его бесконечной многоликости художественного воплощения» [Михайловская, 1984, с. 6]. Не становится это и предметом литературных дискуссий [Новиков, 1977].

Ч. Г. Гусейнов отмечает, что в литературоведческих трудах принята группировка национальных литератур по географическому принципу, в пределах бывшей РСФСР выделяются: «литература Поволжья и Приуралья — татарская, башкирская, чувашская, марийская, мордовская, удмуртская, коми-зырянская, коми-пермяцкая, калмыкская, немцев СССР; Алтай и Сибири — алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская; литературы малочисленных народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока — тундровых и таёжных зон азиатской и отчасти европейской территории РСФСР, для удобства условно названные литературами народов Севера; заявившие о себе и имеющие общесоюзно признанных мастеров (манси, коряки, ханты, эвенки, эвены, ульчи и др.) и вносящие только фольклорный вклад в развитие молодой «северной» культуры (алеуты, нганасаны, негидальцы, ороки, орочи, энцы и др.)» [Гусейнов, 1978, с. 44–45].

3.2. Лексические средства создания образа национальной речевой среды в романах М. Ошарова и Ж. Трошева

§ 1. Экзотизмы в создании образа эвенкийской речевой среды

В работе анализируется повесть М. И. Ошарова «Звено могил». Не опубликованная при жизни автора, она была издана в 1964 году под заголовком «Тяжёлое счастье», а затем вошла как первая часть в роман «Большой аргиш», который был широко известен в стране в 60–70-е годы (Михаил Ошаров — писатель, произведения которого посвящены Приенисейскому Северу. Его творчество было высоко оценено М. Горьким. Михаил Ошаров был репрессирован и погиб в 1943 году [Владимиров, 1963, с. 130; Яновский, 1975, с. 520–521; Яновский, 1977, с. 5–

20; Очерки, 1982, с. 259–264]).

Национально маркированная лексика произведения сосредоточена вокруг ключевых тем текста, представляющих микроконцепты и связанных с мотивами произведения. Их несколько (10): **шаманизм, олени, охота, природа, обычаи, жилище, одежда и обувь, обращения, музыка и возгласы припевов, этнонимы.**

В эвенкийском языке З. И. Кочнева выделяет 25 ведущих тем: люди; звери; домашние животные; олени; птицы; деревья; ягоды; природа и явления природы; окружающая нас природа, предметы; год; промежутки дня, суток; месяцы; домашние вещи; мужские вещи; женские вещи; органы оленя, зверя; одежда; посуда; продукты; человек и его органы; рыбы; насекомые; чум; терминология оленеводства; отвлечённые существительные [Кочнева, 1990, с. 14]. Тематическая группировка слов русского литературного языка многоступенчатая, включает в себя более 300 разделов [Саяхова, 2000], в своей основе придерживается научной классификации элементов окружающего мира и значительно отличается от эвенкийской. В тематической группировке экзотизмов романа М. Ошарова видно своеобразие эвенкийского восприятия мира. «Взаимодействие языков (или языковые контакты) — один из важнейших факторов их исторического развития. Взаимодействие языков — сложный процесс, охватывающий не только речевую деятельность при овладении вторым языком и при двуязычии, не только проблему проницаемости языковой структуры, но и взаимодействие самих народов — носителей языка» [Кодухов, 1974, с. 189–190].

1. Вере эвенков уделяется много внимания, лексика достаточно детализирована, при этом используются экзотизмы, известные в литературном языке, внелитературные экзотизмы, общенародные слова, обозначающие служителей культа, культовые действия и предметы, собственные имена божеств и мифических существ: **шаман, большой шаман, маленький шаман, шаманство, шаманить, шаманский; томулян (тумэлэн), хомокон, гэсо, харги; амулет, нектары, мольбище, позев; Сэли, Чжабдар, Амака, Чоодорок, Бугадде, Шайтан, шайтанский, Хоглен. Всего 22 слова.**

1.1. Для общего именованя веры и её служителей приводятся слова словообразовательного гнезда *шаман* (эвен. *saman* — ‘буддийский монах’ [Крысин, 1998]), куда входят и его производные, фиксированные в МАС со значениями: *шаман* —

‘служитель культа, согласно верованиям народов с древним анимистическим мировоззрением, вступающий в общение с духами с целью ограждения людей от их козней и причиняемых ими болезней’; *шаманство* — ‘1. Одна из форм проявления свойственного многим народам Африки, Северной и Восточной Азии, Центральной Америки и Полинезии древнего анимистического мировоззрения, допускающего возможность сверхъестественного общения служителя культа — шамана с духами во время камлания. 2. Занятие шамана, колдовство; *шаманить* — ‘быть шаманом, заниматься шаманством’; *шаманский* — ‘прил. к *шаман, шаманство*’: **Шаманы** куркогиров умели напускать на тайгу злых духов и насылать моровые болезни на соседние племена (с. 24–25); Это был **шаман** Огняча, в которого, по стоустой молве, от его бабушки Тыдякк перешли духи харги (с. 102); а также с. 102 — 3 употребления, с. 103,

105, 122; **Шаман** получил в наследство от бабки семиконечный бубен, что сразу сделало Огняча **большим шаманом** (с. 102); Хорошо бы позвать **шамана**. Но где его взять: близко нет ни «маленького», ни «большого» **шамана** (с. 136); В **шаманстве** они не принимали участия, но были обязаны следить за дверью и огнём в очаге (с. 102); Люди разошлись по своим чумам, чтобы выспаться как можно лучше и на завтра продолжить **шаманство** (с. 104); В дополнение ко всему Огняча имел шайтанскую узду, чтобы сдерживать свою дикую силу в период чрезмерного подъёма, когда он **шаманил** как одержимый (с. 102); А у Огнячи рябило в глазах от того, что он **шаманил** долго и кричал много (с. 122); Огняча, разодетый в **шаманский** наряд, уселся на томулян и глубокими зевками стал вызывать своих главных духов (с. 102); Они были очень обрадованы тем, что, проходя мимо опустелых становищ, встретили **шаманских** божков и жертвенный шест с пучком привязанных к нему беличьих шкур (с. 101). В подгруппе 6 единиц, 18 употреблений.

1.2. К этой группе слов примыкают внелитературные экзотизмы, обозначающие понятия и предметы, связанные с верованием эвенков: *томулян* (*тумэлэн*) — ‘сидение шамана, символизирующее плот как основу мироздания’; *хомоконы* — ‘вырезанные из дерева фигурки божков’; *гэсо* — ‘украшенный жезл шамана’; *харги* — ‘1. Духи шамана, связывающие его с загробным миром. 2. Злой дух мёртвых, переходящий в души живых через открытый рот и съедающий душу человека’: *Огняча, разодетый в шаманский наряд, уселся на томулян и глубокими зевками стал вызывать своих главных духов* (с. 102); *Великий тумэлэн* (сноска: *тумэлэн* — ‘плот, так представляли эвенки существование мироздания’), *на котором плавает грузная земля, наклонился в сторону солнца, и над тайгой занялся северный день* (с. 138); *Расставили вокруг чума божков-хомоконов и особого — у дверей, для ограждения жилища от вторжения в него злого духа* (с. 102); *Это был шаман Огняча, в которого, по стоустой молве, от его бабушки Тыдяк перешли духи харги* (с. 102); *Лишь шаман да его харги видят их, где захотят* (с. 103); *На своём веку ему пришлось хоронить многих, и он знал, что, пока не застыл мертвец, в нем сидит, притаясь, невидимый дух Харги, чтобы через рот влететь в чью-нибудь живую душу и есть её* (с. 137); *Харги, лучше бы ты съел мою душу! Мне не белковать* (с. 147); *Наконец, у него было гэсо — палка из кости мамонта с резной ящерицей наверху* (с. 102), а также с. 105, 122, 137; *Снизу гэсо было обтянуто шкурой с лапы медведя* (с. 102) и др. (в работе приводятся 10 примеров использования слова в тексте, остальные в страницах указаны в Словаре, есть в картотеке). **Всего 4 слова, 12 употреблений.**

Ср.: у Г. Ходжера: *гисиол* — ‘колотушка, обшитая мехом, которой шаман бьёт по бубну’; *дюли* — ‘каменный идол-человечек, страж большого дома’ и др. [Михайловская, 1984, с. 61].

1.3. К этой же группе экзотизмов относятся слова, в обычном смысле экзотизмами не являющиеся, так как это не заимствования из языков народов Севера, это или слова с русской корневой системой, или устоявшиеся слова — европейские заимствования — *амулет*, *нектары*, *мольбище*, *позев*: *амулет* (*фр.* Amulette < *лат.* amuletum < *араб.* hamalet [Крысин, 1998]) — ‘какой-либо небольшой пред-

мет, носимый суеверными людьми на теле как средство, якобы предохраняющее от болезней, несчастья и т. п.; талисман', *нектар* (греч. nectar [Крысин, 1998]) — 'в древнегреческой мифологии: напиток богов, дававший им вечную юность и красоту', *мольбище* — 'место религиозных молитв и жертвоприношений язычников' (МАС). Слова *позев* нет в МАС, но есть *позевать* и *позевота* — 'некоторое время зевать' и 'в просторечии то же, что зевота'. Но по тексту эти слова имеют несколько другое значение: амулет Шиктолок хранила в турсуках, доставала его украдкой, чтобы помазать ему губы жиром и таким образом умилоствить, то есть это 'резные фигурки с изображением богов', которые не носят на теле. Из амулета шаман пьёт кровь во время камлания, то есть это и 'своеобразный сосуд, связанный с гагарой, вероятно тотемом рода'. *Нектары* в тексте обозначают 'народный инструмент, сопровождающий бубен при камлании'. *Позев* — 'глубокая зевота, с помощью которой шаман устанавливает контакт с духами'. *Мольбище* — 'место камлания': *Амулет* был стар и сохранился только потому, что дерево насквозь пропиталось жиром (с. 39); По условному знаку в чум вносят кровь оленя и подают её шаману. С мутными глазами, с пеной на губах, весь дрожа, он сосёт кровь из *амулета* гагары (с. 104); Подголосками таинственно звенели «*нектары*» (с. 102); Все поняли, что надо готовить *мольбище* (с. 102); Народ, расходясь с *мольбищ*, растаскивал мор по чумам (с. 129); После семи продолжительных *позевов* Огняча ударил в бубен и рассыпал первоначальную дробь звуков (с. 102). **Всего 4 слова, 6 употреблений.**

В эвенкийском языке соответствующих слов нет. 'Амулет, вещь, которую бережно хранят, носят при себе' — *эксэн, эхен* [ДСЭЯ, с. 209]; по данным «Эвенкийско-русского словаря» [ЭРС], *барилак* — 'амулет, изображение духа — хозяина дома, юрты, хозяйства, промысла'.

Итак, два слова — это известные в русском экзотизмы, соответствия которым в эвенкийском закреплены в других словах, при этом семантика одного из них (*амулет*) претерпевает в тексте некоторую трансформацию. Слово *позев*, вероятно, экзотизм-калька с эвенкийского. Слово *нектар* в РЛЯ имеет другое значение, а в словарях эвенкийского языка его нет. *Мольбище* используется в тексте в

значении, закреплённом в РЛЯ как экзотизм, в основе которого — русский (общеславянский) корень [Фасмер, 1975].

1.4. Группа экзотизмов поддерживается собственными именами божеств и мифических существ. Кроме *Харги* их в произведении шесть: собственно эвенкийские (**Сэли**, **Чжабдар**, **Амака**, **Чоодорок**, **Бугадде**) и фиксированное в МАС имя дьявола — **Шайтан** (*тюрк.* < *араб.*, ‘чёрт’ [Крысин, 1998]), употребляющееся как имя нарицательное (‘1. В мусульманской мифологии: злой дух, дьявол. 2. *Прост.* Употребляется как бранное слово’), а также притяжательное прилагательное к нему, употребляющееся в переносном значении, — **шайтанский**: *А вдали от человека бродил по водам и островкам земли Сэли — могучий мамонт* (с. 22); *Ушёл (Сэли) туда, где за узким проливом жёлтой полоской тянулись пески, а на песках лежал, свернувшись сизыми кольцами, огромный змей Чжабдар* (с. 23); *И напрасно шептал Молошко в таёжную синь: «Амака, болеколь!» — ничто не менялось в его чуме* (сноска: ‘Амака, помоги’) (с. 26); *Микпанча прошептал торжественно, как заклинание: «Амака чальдыбконягин!»* (сноска: ‘Амака поможет встретиться’) (с. 33); *Она знала, что решается её судьба, и отдавала лучший жир духу здоровья Чоордоку и злой жене его Бугадде, чтобы они потом не карали её тяжёлыми болезнями* (с. 39); *Старый был Пельпан этот. Народ говорил, что не сам он, а шайтан носил его кожу* (с. 155); *Рауль долго искал молодого быка, который отбился от табуна. Он ходил по тайге, обзывал его «шайтаном» и грозил на него навьючить побольше ношу, чтобы в следующий раз не шатался так далеко* (с. 158); *В дополнение ко всему Огняча имел шайтанскую узду, чтобы сдерживать свою дикую силу в период чрезмерного подъёма, когда он шаманил как одержимый* (с. 102); *Близко к этой группе слов стоит Хоглен: Взгляни-ка ты через дымоход: может, попадет на глаза «Хоглен»* (сноска: ‘со звезде Большой Медведицы, по положению которой определяется время ночи’) (с. 141); *Какой «Хоглен»?* (с. 141). **Всего 8 слов, 11 употреблений.**

Ср.: у Г. Ходжера («Амур широкий») употребление имени бога-отца *Эндурри-ама* и *Ходжер-ама*, духа *Подди* и т. д. «Национальные обозначения мифологических и сказочных существ отмечены также в языке Рытхэу, Санги, Шесталова»

[Михайловская, 1984, с. 63].

В начале 80-х был опубликован роман Жореса Петровича Трошева (сибирского писателя, творчество которого посвящено Приенисейскому Северу [Павская, 1988]) «Большой Ошар» [Трошев, 1981]. Роман Ж. Трошева рассказывает о жизни Михаила Ивановича Ошарова, известного на Севере человека, которого называли «Большой Ошар», его именем называли детей.

Ж. Трошев много лет работал на Севере, собрал большой подготовительный материал. Эта книга написана «по следам» романа «Большой аргиш», лексика этого произведения во многом перекликается с повестью «Звено могил». Часть экзотизмов совпадает с используемыми М. Ошаровым, часть заменяется другими словами, значительная часть слов является добавочной к тем, что употреблял Михаил Иванович. Если роман М. Ошарова — это поэтическая легенда прошлого эвенкийского народа, то «Большой Ошар» — советский биографический роман, во многом этнографическое произведение о людях Севера, в основе которого лежат подлинные факты и подлинные документы. Ж. Трошев хорошо знал Север и явно пытался некоторые, как ему представлялось, неточности романа «Большой аргиш» исправить, многое — дополнить, в том числе и язык. В связи с этим актуализируется проблема достоверности экзотизмов, которая, как это ни странно, в лингвистической литературе не ставилась. Много работ посвящено достоверности диалектизмов в художественном тексте, и нет работ, посвящённых проблеме достоверности экзотизмов. Проблема, несомненно, существует.

«Принцип изображения национальной жизни <...> иной, чем в произведениях писателей, знающих быт сибирских народов изнутри, глубинно. Если у них этнография, как правило, сращена с художественной тканью произведения», то этого нельзя сказать о Трошове. «В его произведениях элементы быта, черты психологии, особенности человеческих взаимоотношений выступают, скорее, как внешние признаки национальной среды, не лишённые некоторой условности и декоративности» [Очерки, 1982, с. 241].

В группе слов, связанных с верой эвенков, в первую очередь интересно вводимое Ж. Трошевым понятие камлания (**камлание, камлать**), которого нет в

произведении М. Ошарова, оно заменяет слова *шаманство*, *шаманить* (выборки из романа Ж. Трошева сплошные, но, в отличие от представления текста М. Ошарова, не отражают частотности, приводятся отдельные примеры на употребление слова): *Новая власть не гонит шаманов, не увозит их в каменные стойбища-города и закрывает глаза, когда берут они за **камлание** богатые подарки?* (с. 160); *Сегодня я вижу: духи — рядом со мной! И мне не надо **камлать**, призывая их* (с. 163). Это изменение в словарном составе текста связано с развитием научной терминологии и её детерминологизацией. *Камланье* — ‘этнограф. Действие по знач. глагола *камлать*’ (МАС). *Камлать* — ‘этнограф. Совершать шаманские обряды, шаманить’ (МАС). Дополнительно в словообразовательном гнезде *шаман* встречается слово **шаманка**, одна из героинь произведения — шаманка Соргок: *Огляделся и, к изумлению своему, увидел чум **шаманки** Соргок* (с. 13).

Ср.: *камлать*, *камлание* у Ю. Рытхэу [Михайловская, 1984, с. 65]. Совпадающих экзотизмов в этой группе немного (7) — **харги**, **амака**, **хорольконы**, **томулан**, **Сэли**, **Хоглен**, **Джябдар**, но только слова *харги* и *Сэли* полностью совпадают с текстом М. Ошарова: *Решил испытать: страшны ли наши духи для длинного лючаль? Убежит ли от нагих быстроногих **харги**?* (с. 330). *Как говорится в вашей сказке о мамонте **Сэли** и змее **Джябдаре**, все мы вышли из воды* (с. 149).

Остальные имеют особенности в написании: у Ж. Трошева *амака* не предстаёт как собственное имя божества, а употребляется как имя нарицательное: *Уж лучше бы совсем давил тебя **амака**, туша прокисшая!* (с. 80); *Зарыть в землю? А раскопает **амака**?* (с. 251). Сюда по тексту можно отнести и *Хоглен* — это не просто астроним, а именование божества (употребляется также в другом написании — *Хоглен* пишется в тексте Ж. Трошева как *Хоглэн*): *Орон* (сноска: ‘олень’ (эвенк.)) *носит в себе священную кровь **Хоглэн*** (сноска: ‘созвездие Большой Медведицы, божество, мать оленей’), *даёт человеку силу и бережёт от чёрной болезни* (с. 164); *Посмотри, как печально глядит глаз **Хоглэн** к нам в окно* (с. 296); *И увидела между гор солнце, а на реке не лёд, а золотой песок. Или нет: **змея Джябдар*** (у М. Ошарова — змей Чжабдар) *греется на солнце* (с. 133). У Ж. Трошева резные божки именуются не *хомоконы*, а **хорольконы**: *Я заколю белого, как*

снег, оленя, напою кровью **хорольконов** — и добрые духи подарят мне новых оленей, дадут мне много мяса (с. 64); Славную ручку для ножа сделаю и божков-**хорольконов** нарежу (с. 20). В романе «Большой Ошар» **томулан** имеет отличие в огласовке от экзотизма повести «Звено могил» (*томулян* или *тумэлэн*), фиксировано в том же значении: *‘По старому поверью эвенков, земля представляла собой плот — томулан, державшийся на трёх священных тайменях — Дэльбонах. Наклон его в ту или иную сторону означал смену времён года’* (с. 5): *Сколько же раз мой **томулан** наклонялся в сторону солнца? (сколько мне лет? — Л.С.) Или пришло время повернуться ему к снегам?* (с. 6), а также с. 5 и др.

Интересно, что Ж. Трошев в основном не повторяет священных имён, приведённых в произведении М. Ошарова, за исключением легендарного мамонта и змея. В романе «Большой Ошар» упоминаются разнообразные духи и другие мифические персонажи, одушевлённые природные объекты — всего 12 именованных (**Шоен, Дельбоны, Дего, Агди, Ылико, Чангид, Дулу (Дулю), Момондоя, Хоктобира, лейкоптын, ховаки, этаны**): *Только великий тунгусский дух Шоен знает, когда время стремительно будет мчаться, как птица, спешащая в края полуденного солнца, или уснёт надолго под мягким снеговым одеялом* (с. 5); *Железная лодка придёт и без помощи тунгусов: Ионесси давно покорён их железными Дельбонами* (сноска: *‘дух воды’*) (с. 50); *В русской лодке сидит наш дух огня — Дего!* (с. 51); *Русский учёный человек Кулик побывал на проклятом всеми вашими духами месте, на том месте, о котором даже в разговоре упоминать нельзя, чтобы не разбудить нечаянно огненных птиц Агди* (с. 56); *Во всех несчастьях мы умоляем сердитого Ылико, от второй жены которого произошли русские...* (с. 32); *Уж не Чангид ли* (сноска: *‘мифический бродяга, вечный скиталец, когда-то якобы заблудившийся человек; любит напакастить: бросает камни с гор, палки и шишки с деревьев, зорит лабазы’*) *ходил здесь? Однако Чангид на санках не ездит, костра не палит* (с. 124); *Незримые нити — мани — связывают душу тунгуса с небесной землёй — Дулу...* (с. 5); *Посмотрите, разве кто поверит из вас, что этот лжеец имеет столько шаманских земель Дулю, сколько он наделал углов на бубне?* (с. 228); *Подожди, мужик в костюме шамана! Я сейчас сбегая за веслом*

(сноска: 'колотушка для бубна — обозначает весло') от лодки, иначе твой плот (сноска: 'бубен — это плот, на котором шаман плывёт к своим землям Дулю; сколько углов — столько земель, и на каждом — свои духи'. — Ж.Т.) *запутается в твоих землях, а духи потонут или разбредутся* (с. 227); «**Момондоя?**» — *прошептал кто-то вопросительно и смолк, встретив улыбку начальника Севера. «Момондоя — таинственное существо, «человек-невидимка», злой шутник. Он может спугнуть зверя, запутать сети, подтолкнуть в опасную минуту охотника под руку, опустошить лабаз. С ним не шути. И не осерди его ненароком»...* (с. 98); *Старики оба. Скоро Хокто-бира* (сноска: 'дорога-река, уносящая души мёртвых') *унесёт наши лодки на землю предков* (с. 66). *Соргок, умная, гордая женщина, понимала, что не только один лейкоптын-охранитель разделяет их* (с. 9); *Разве не отдавал ей сердце в стойбище Усть-Тайга, переступая круг лейкоптынов? Добрые ховаки сберегли его, но сберегли и веру Соргок* (с. 214); *Круг этанов — шаманских духов-охранителей — никто не перешагнёт* (с. 50).

Итак, в данной группе у М. Ошарова 22 слова и 47 употреблений, у Ж. Трошева — 22 слова (имена нарицательные и собственные).

В переводе романа Н. Г. Доможакова [Смолицкая, 1964, с. 742] «В далёком аале» [Доможаков, 1987] также используется слово шаман: *Бегал шаман по всему аалу, кричал, что постройка кузницы не угодна духам* (с. 86) и т. д., но частотным является слово кам: *Много камов шаманило в юрте Хоортая, но ни один из них не вылечивал ребятишек* (с. 30) и т. д. Используется в тексте и глагол кам-лать: *Надо камлай. Шибка надо... Худой харындас...* (с. 177) и т. д. Многозначно в романе Н. Г. Доможакова слово айна — '1) злой дух, чёрт, нечистая сила, 2) бандиты, вредители, враги, 3) хитрый человек, лукавый, как чёрт, 4) домовый'. *Хара-айна* используется как ругательство. ХРС: *айна* — 'чёрт' (с. 21), *хара-айна* — 'дьявол' (с. 21): *Шайтан! Скот зарезали?* (это ругается огорчённый Пичон, когда его лишили отцовского наследства) (с. 170). (В 1999 году О. Л. Косицкая, студентка Красноярского государственного университета, подготовила под руководством автора монографии работу «Лексические средства выражения хакасского колорита в романе Н. Г. Доможакова «В далёком аале», часть приведённых ма-

териалов собрана ею.)

По данным «Эвенкийско-русского словаря» [ЭРС]: *шэвэнчэ-ми* — ‘шаманить’, *яя-ми* — ‘шаманить’, *нимиган-ми* — ‘шаманить’, *сэвэнчэ-ми* — ‘шаманить с жертвоприношениями (над больным)’, *сэвэнчэвкэ* — ‘камлание над больным в поисках его души (из шаманских обрядов)’ и т. д., *яян* — ‘шаман’, *саман* — ‘шаман’; *тэму* — ‘1) плот, паром; 2) бубен шамана’; *харги* — ‘1) мифический дух — хозяин леса; 2) чёрт, дьявол’; *хорокон* — ‘игра’; *амака* — ‘1) дед, дедушка; 2) дядя, старший брат отца, матери; 3) предок; 4) медведь; 5) бог’; *дёл* — ‘удача’; *сэлли* — ‘кольчуга (на грудь и на спину из нашитых на ровдужный жилет металлических бляшек)’; *чангит* — ‘враг, бродяга, разбойник’; *хокто* — ‘тропа, дорога, путь’; *бира* — ‘река’; *агды* — ‘гром, гроза’. В переиздании словаря [ЭРС-2] есть слова: *шаман*, *саман*, *хаман* — ‘шаман’, *шамалда-ми*, *саман-ми*, *хаман-ми* — ‘шаманить’; *тэму* — ‘1) плот, паром; 2) шаманский бубен’; *хэмэкэн* — ‘изображение человека — амулет охотника’; *харги* — ‘чёрт, дьявол, злой дух’; *сэли*, *хэли* — ‘мамонт’; *агды* — ‘1) гром; 2) гроза’; *чангит* — ‘1) бродяга; 2) разбойник; 3) фольк. враг’; *момодай* — ‘фольк., название группы, вошедшей в состав эвенков’; *хокто* — ‘дорога, путь, тропа’; *бира* — ‘река’. В эвенкийском языке, по данным «Диалектологического словаря эвенкийского языка» [ДСЭЯ]: *һарги* — ‘1) чёрт, дьявол’; 2) ‘дух шамана’ (с. 188); *амākā* — ‘медведь’ (с. 14); *һорол* — ‘обойти, окружить’ (с. 191)]; *тэм*, *тэму* — ‘плот, паром’, *тэмлэ* — ‘плыть на плоту, на пароме’ (с. 168)]; *һэглун*, *эвлэн* — ‘созвездие Большой Медведицы’ (с. 195); *д’эгдэ* — ‘пожар, гореть’; *агди* — ‘гром’; *лэ* — ‘будущее’; *хокто* — ‘чайка’, *бира* — ‘река’ (с. 10, 25, 55, 57, 186); [Кочнева]: *амака* — ‘дедушка’ (с. 26); *харги* — ‘леший’; *хэглэн* — ‘созвездие Большой Медведицы’ (с. 30), ср. и другие именованья божеств: *Сэвэки* — ‘1) изображение духа, идол; 2) миф. дух — хозяин верхнего мира, бог’; *буга* — ‘1) небесный свод, небо; 2) вселенная, мир; 3) родина; 4) погода; 5) бог’ и т. д. [ЭРС].

Таким образом, в тексте употребляется экзотизм, закреплённый в русском литературном языке, — *шаман*, но соответствующего слова нет в словарях эвен-

кийского языка (что может быть объяснено идеалогическими причинами), понятие

передаётся и другими словами. По справке Л. П. Крысина, русское *шаман* заимствовано из эвенкийского. «Этимология эвенкийского слова не очень ясна, но несомненно, что речь идёт о слове исконного, а не заимствованного т. — маньчж. фонда» [Аникин, 2003]. Часть слов отмечена в словарях эвенкийского языка: *харги, амака*. Нет в словарях слова *гэсо*. Семантическое соответствие просматривается в словах *томулян* и *хомокон* (в другой огласовке и, соответственно, графике). Отдалённые семантические соответствия возможны и в некоторых собственных именах.

У. Вайнрайх заметил: «Эксперименты показывают, что отклонения в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом» [Вайнрайх, 1972, с. 35]. «Развитие психологии восприятия представляет интерес с точки зрения проблем языкового контакта, так как интерференция тесно связана с проблемой ошибочного восприятия у слушающего и у наблюдателя. Подстановка звуков и морфем часто может быть объяснена влиянием родного языка» [Хауген, 1972, с. 67]. При заимствовании слова происходит адаптация его к принимающему языку (реципиенту), разный уровень восприятия и воспроизведения звучащего слова автором (помимо диалектного разнообразия эвенкийского языка) провоцирует существование лексических вариантов экзотизмов в художественных текстах. «Широкое перенесение иностранной лексики не сопровождается её полным фонологическим усвоением, ведёт к появлению в языке новых законов распределения звуков» [Вайнрайх, 1972, с. 48].

2. Центральное место в жизни эвенков занимают олени. Положение тематической группы в «фокусе культуры» (Ю. А. Найда) предполагает её детальную разработку, в романе М. Ошарова это: **учаг, хивокта, боюн, маут; верховик, вожатый, передовик (передовщик), важенка; ботало, зарюхать, копаница, оленный, проследие, проступь, излукий (15 слов).**

2.1. Внелитературных экзотизмов в этой группе представлено только четыре (*учаг, хивокта, боюн, маут*): *учаг* — ‘верховой олень’, *хивокта* — ‘трава, упот-

ребляемая оленями в пищу и любимая ими' и *боюн* — 'молодой отросток рога', *маут* — 'сыромятный плетённый ремень, используемый как лассо': *Когда караван готов был тронуться в путь, Шиктолок легко взлетела на своего учага и первой тронулась в путь* (с. 52); *чабун подманил к себе пепельного учага со сбитым рогом и привел его к чуму* (с. 65), а также с. 53, 77, 91, 92, 121 — **3 употребления**, с. 122; *Олени выщипали под корень всю хивокту* — свою любимую траву — *и доедают последний мох* (с. 22); *Не успеют твои олени потерять и каплю нагулянного жира, а весенние цветы по-настоящему распуститься, как расступится перед тобой и обсохнет земля, богатая и мхами, и хивоктой* (с. 22); *У оленя было два крепких отростка, два настоящих крепких боюна, которыми он сбивал на задние ноги сильных быков* (с. 122); *Микпанча собрал в кольцо маут, захватил несколько узд и ушёл* (с. 91); *А сколько раз накидывала она плетённый из сыромяти маут на полуоблезшие окостенелые рога, когда олени, утомлённые долгим переходом, лукавили и не поддавались ловле!* (с. 99). **Всего 4 слова, 15 употреблений.**

2.2. Есть слова, обозначающие оленей по выполняемой ими функции и полу, которые созданы на основе русского языка (не фиксированные в используемых в тексте значениях толковыми словарями ЛЯ — *верховик, возжатый, передовик (передовщик)* — и фиксированное — *важенка*). **Всего 4 слова.** То же, что *учаг*, значит русское слово *верховик*; *возжатый* — 'вожак стада оленей', *передовик* —

'олень, идущий первым в упряжке', *передовщик* — 'едуший на первой упряжке в аргише — оленном караване': *Но до них долго ещё долетали её весёлая песня и торопливое понукание верховика* (с. 69); *Оседлал верховика и выехал к чуму чабуна, а домашние начали готовиться к переходу на новое место в поисках мелких снегов и свежего корма оленям* (с. 79), а также с. 105, 125; *чирокчана, а ты привязала на шею возжатому палку?* (с. 54); *Токтэма, останови передовика* (с. 100); *Бодою пришлось поневоле быть передовщиком* (с. 139).

Ср.: у Г. Ходжера («Гайчи»): *Подъехав к дому, миорамди — вожак упряжки — замер, озираясь на хозяина* [Михайловская, 1984, с. 46].

Слово *важенка* фиксировано в МАС как регионализм со значением 'самка

северного оленя'. У М. Ошарова: *Вы жиреете, как старые **важенки**, и не сулите мне детей, как они не сулят оленят* (с. 27); *С того дня, как **важенка** (сноска: 'самка северного оленя') острым рогом выткнула ему глаз, а второй загноился и вытек сам, — он привык сидеть долго ночами и думать про себя — кому он нужен безглазый?* (с. 133). **Всего 4 слова, 9 употреблений.**

2.3. В тексте употребляются другие русские слова, связанные с оленеводством. В произведении эти слова значат (их 6): *ботало* — 'деревянная погремушка на шее у оленя', *зарюхать* — 'издать специфический звук (об оленях)', *копаница* — 'место кормёжки (выпаса) оленей', *оленный* — 'то же, что *олений*', *проследия* — 'следы; утоптаный в тропу снег для передвижения оленей', *проступь* — 'следы оленей'; *излукий* — 'красиво изогнутый': *Поев, лёг на пушистую хвойную постель и, прислушиваясь к побрякиванию деревянных **ботал** на шеях оленей, засмотрелся на звёздное небо, отыскивая созвездья кузнецов и охотников, о которых так много слышал от стариков, вспоминал старинные сказы* (с. 34); *Иди, куда пошла, да не забудь **ботала** по пути нацепить* (с. 54); *Минуя густую поросль таволожника, передовой олень поднял голову и **зарюхал*** (с. 101); *Бодой внимательно осмотрел уши оленя, расседлал и пустил его на **копаницу** (сноска: 'место кормёжки оленей')* (с. 134), а также с. 65 (ср.: в романе Ж. Трошева: *Соргок цеплялась за эти истоптанные, как старая **копаница** (сноска: 'пастбище оленей')*, слова, чтобы не признаться себе: *она просто боялась, что мир привычных духов, пришедших с детскими снами, померкнет в её душе* (с. 8)); *В наследство от Оночжи — своего отца — Молошко получил большое **оленное** хозяйство и во все не думал менять привычные кочевья, как того хотелось самому Оночжи перед смертью* (с. 25); *Он усердно топтал лыжами **проследия** для оленей, он спешил домой на Ирикту* (с. 127); *Там он расскажет тихонько Балли о пожарище на Байките. Поднимет сёдла и откочует в сторону от него. Уход по-голу — незаметней **проследья*** (с. 337); *частые остановки, ненужные повороты волновали и влекли его не меньше, чем **проступь** сохатого* (с. 160); «*О чём, малыш, плачешь?*» — *спросил Сэлли бедного эвенка и выставил вперёд свои **излукие** бивни* (с. 22). **Всего 7 слов, 10 употреблений.**

МАС: *ботало* — ‘обл. Род глухой погремушки, колокольчика из железного или медного листа, привязываемой к шее пасущихся лошадей, коров’, то есть в литературном языке этот диалектизм представлен в несколько ином значении. *Зарюхать, копаница, оленный, проследия, проступь, передовицик, верховик* нет в МАС, *излукий* также нет в МАС, но есть *излука* — ‘то же, что *излучина*’, *вожатый* и *передовик* имеют другие значения.

В романе Ж. Трошева так же, как у М. Ошарова, даются в качестве экзотизмов *учаг, важенка, маут, ботало, копаница*, кроме того — **орон, хорей, нега (всего 8 экзотизмов)**. Интересно употребление слова *важенка* для обозначения коровы (обычно русским словом-диалектизмом именуется эвенкийское понятие, здесь же мы видим обратный процесс). Для русского читателя слово *важенка* — экзотизм, в эвенкийском же словаре оно употребляется как русский эквивалент: *нями* —

‘оленуха-важенка’ [Кочнева, 1990, с. 28]: *У меня пал последний учаг* (с. 75); *Василевич, ловко сидя на верховом олене-учаге, приостановилась, протянула руку* (с. 331); **Орон** (сноска: ‘олень’ (эвенк.)) *носит в себе священную кровь Хоглэн* (с. 164); *Пошли с молоком, которое русские коровы-важенки давали даже зимой* (с. 90); *И веря,*
что он раскаивается, не хотела «своими руками кидать маут на его шею» (с. 62); *чего пугаетесь, как необъезженный олень маута, нового слова «интегралка»? (с. 67); Послышался стук оленьего ботала* (с. 129) и др.

Кроме того, слово, обозначающее оленя, — *орон*, связывается с именованием народа — **орочёны**, а дополнительно употреблены экзотизмы **хорей** — ‘шест для управления упряжкой оленей’ (МАС: ‘длинный шест, употребляемый для управления оленьими и собачьими упряжками; от ненец. *харед* — погоняй’) и **нега** —

‘оленья упряжь’: «На нашем языке и языке **орочёнов** олень зовётся **орон**. И они, и мы — «оленные тунгусы». Наверно, наши предки были одни». — «А мы зовёмся

— «конными тунгусами», — возразили забайкальцы, — однако и мы понимаем ва-

ши разговоры. Э-э?» (с. 293); *Проводник*, увидев множество людей и среди них незнакомого русского, резко натянул упряжь — **негу**, бросил перед оленьими копытами **хорей** (с. 76); **Нега** — правит, **хорей** — грозит. Так делать надо! (с. 156).

Ср.: у Ю. Шесталова («Югорская колыбель»): *Микуль берёт хорей* — шест, тонкий, сияющий, и мы садимся в нарту... Ты бьёшь оленей. **Хорей** не палка. Это язык оленевода. Оленевод подумает. Передаст мысли **хорею**. **Хорей** коснётся оленя, и тот уже знает, что хочет человек [Михайловская, 1984, с. 50–51]. «Национальное слово у Шесталова обогащается новым смыслом и эмоциональными оттенками, когда через него преломляется индивидуальная поэтика писателя» [Михайловская, 1984, с. 51].

В эвенкийском языке *учак*, *укчак* — ‘использовать оленя в качестве верхового’ [ДСЭЯ, с. 172], *учак* — ‘верховой олень’ [Кочнева, 1990, с. 28], *бэйун*, *буйун* — ‘дикий олень’, *маут* — ‘аркан, лассо’ [ДСЭЯ, с. 95], *мавут* — ‘аркан для ловли оленя; верёвка из оленьей кожи’ [Кочнева, 1990, с. 34, 40], *орон* — ‘домашний олень’, *ороч ен* — ‘олeneвод’ [ДСЭЯ, с. 130], *орон* — ‘олень’ [Кочнева, 1990, с. 28]. В «Эвенкийско-русском словаре» [ЭРС]: *учак* — ‘верховой олень’; *бэюн* — ‘дикий олень’; *орон* — ‘олень (домашний)’; *орочён* — ‘1) оленевод; 2) эвенки, живущие к востоку от Байкала’; *нэгды* — ‘важенка’. Во втором издании этого словаря [ЭРС-2]: *учак*, *угучак* — ‘верховой олень’, *бэюн* — ‘1) копытный зверь (олень, лось); 2) дикий олень’; *маут* — ‘аркан, лассо’; *орон* — ‘олень (домашний)’, *маут*, *мавут* — ‘аркан, лассо’, *нёгу* — ‘ремень оленя-передовика в упряжи’. В «Русско-эвенкийском словаре» [Болдырев]: *олень* — ‘орон’, *дикий олень* — ‘бэюн’; *олeneвод* — ‘оролосо’, *важенка* — ‘нями, нямукан’; *передний* — ‘дюлэгу’; *передовой* — ‘нёгу, дюлэгу’. В «Эвенкийско-русском тематическом словаре»: *учак* — ‘верховой олень’, *орон* — ‘олень’, *хорей* — ‘длинный посох’ [Кочнева, 1990, с. 28, 41]. В эвенкийском языке олени представлены в большом разнообразии: *босай* — ‘священный олень’, *гилгэ* — ‘грузовой олень’, *гэрбичэн* — ‘летний кастрированный олень’, *нара* — ‘1-й олень в парной упряжке’, *костур* — ‘2-й олень в парной упряжке’ и т. д. [Кочнева, 1990, с. 28]. Разнообразны именованья оленей и в словаре К. С. Абрамовой: *бэюн* — ‘дикий олень’ (с. 30); *гэлун* —

‘дикий олень’ (с. 8); *иркин* — ‘осенний, упитанный дикий олень-самец’ (с. 30); *акта* — ‘кастрированный олень’, *ала* — ‘пеганый (?) олень’ (с. 36); *борон* — ‘белый олень’ (с. 36); *гилгэ* — ‘грузовой олень старше 5 лет’ (с. 36); *орон* — ‘олень’ (с. 37); *учаг* — ‘верховой олень’ (с. 37); *нями* — ‘важенка, матка’ (с. 37) и др. Приводится в словаре также слово *маут* — ‘аркан’ (с. 37).

Итак, большая часть экзотизмов этой группы отмечена в словарях эвенкийского языка: *учаг, боюн, орон, орочён, маут, хорей, нега*. Нет в словарях эвенкийского языка слова *хивокта*. Русское слово — устойчивый регионализм — *важенка* представлено в тексте, хотя в эвенкийском языке есть ему собственные соответствия.

Часть этих слов широко известна в регионе, использовались они в речи русских давно. *Ботало* — ‘колокольчик, привязываемый на шею скота’ — зафиксировано Н. В. Семивским в 1817 году [Семивский, 1960, с. 7]. В 1865 году М. Ф. Кривошапкиным в работе «Енисейский округ и его жизнь»: *ботало* — ‘гремяшка’, *важенка* — ‘самка оленя, запрягаемая в нарту вперёд’ [Кривошапкин, 1960, с. 54]. Некоторые из слов тематической группы известны в современных русских говорах региона: *ботало* — ‘колокольчик для скота’ [Чашин, 2003], *вожатка* — ‘вожак стада’, *передовка* — ‘лошадь, идущая впереди обоза’, *ботало* — ‘1) колокольчик из железного или медного листа, привязываемый на шею пасущимся домашним животным’, *копаница* — ‘тяпка’ [СРГЮРКК], *ботало* — ‘колокольчик на шее у скота’ [СРГСРКК], *ботало* — ‘1) изготовленный из железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха’, *важенка* — ‘самка оленя’, *верховик* — ‘северо-восточный ветер’, *копаница* — ‘1) мотыга, окучник; 2) кирка’ [СРГЦРКК]. Итак, известен в русских говорах диалектизм *ботало* (но, в сущности, обозначает другую реалию). Ср.: *чоран* — ‘колокольчик литой’ [Абрамова, 2007, с. 38]. Слова *копаница* и *верховик* используются в другом значении (ср.: у М. Ф. Кривошапкина: «ископытъ — следы копыт» [Кривошапкин, 1960, с. 63]), слова *вожатый, передовщик, зарюхать, оленный, проследие, излукий* не зафиксированы в местных говорах, то есть существует вероятность, что это кальки с эвенкийского [ЭРС-2]. Русские

слова в данном случае используются в тексте как экзотизмы, так как обозначают явления нерусской действительности.

Интересно функционирует у Ж. Трошева слово **тамга** — ‘устар. и обл. клеймо, метка как знак собственности (первоначально у кочевых народов восточной России)’ (МАС). Экзотизмы обычно однозначны, но вот *тамга* имеет в тексте три значения: ‘1) родовой знак семьи, который оставляют на месте кочёвки; 2) тавро, которым метят оленей; 3) палочка, на которой отмечают счёт и ставят другие знаки для памяти’: *Много ли слов запомнит палочка-тамга? А на бумаге можно запомнить наши сказки, наши предания, законы предков и новые, нужные для нас, законы русских!* (с. 90); *Сауд насторожился не напрасно: неписаный закон тайги — обычай вежливости и общежития требовал оставлять личный знак — тамгу. Эта «визитная карточка» кочевника поясняла любому, кто прошёл и куда: у каждой семьи были свои родовые речки и пастбища. Путник без тамги — «без лица» — вызывает подозрение* (с. 124); *Зачем им понадобилось в этот раз метить оленей своей личной тамгой?.. В стадах Анкоуля такое бывало: падут — олени, он режет уши оленям своей тамгой* (с. 128).

Итак, в романе М. Ошарова всего 15 слов, 34 употребления, в романе Ж. Трошева — 10 слов.

3. Жилище для кочевника-эвенка, естественно, связано не с домом. В тексте М. Ошарова использовано слово, обозначающее место стоянки эвенков и временного их расположения, — **становище** — и само жилище: **чум, юрта, эллон, голомо**; слова, связанные с общим понятием кочевья: **аргиш, большой аргиш, аргить, аргишный, нюльга** — и сочетание **кочевой чин**. **Всего 11 единиц.**

3.1. *Становище* у М. Ошарова представлено следующим образом: *И только к одиннадцатому закату отец и сын попали в незнакомое Микпанче становище* (с. 29); *По всему становищу горели костры, в тайге за жильём мерцали дымокуры* (с. 29); *Можно было подумать, что ему очень понравился и сам Хорболь, и его становище, и шумные Ёхорьё, которые затянулись на все эти три дня* (с. 31), а также с. 29, 31, 33, 33, 34 — **2 употребления**, с. 40, 42, 43, 44, 49, 101. **Всего 15 употреблений.**

Ср.: в романе Ж. Трошева место стоянки эвенков и временного их расположения обозначают три слова: **становище, стойбище, чумище**; наиболее частотна *стойбище*: *И, конечно же, не сказала Гаюльскому, что к ней по давно знакомой тропе приезжал Ошаров в родовое шаманское становище, на берег спрятанного в горах маленького незамерзающего озера* (с. 13); *И как только ступил на берег, понял, что в родном стойбище что-то произошло* (с. 40); *В стойбище князя Кочениля никто не сошёл с места* (с. 129); *За свою жизнь он со многими людьми стоял вместе чумищем и немало видел оленьих меток* (с. 135); *Он без остановок перевалил в долину реки Туколомны, но всё ещё не хотел вставать на чумище* (с. 139) и т. д.

3.2. Слова *чум* и *юрта* по тексту М. Ошарова являются абсолютными синонимами и обозначают ‘переносное жилище эвенков’, более частотным является *чум*; *элюн* обозначает особый, большой и комфортный, чум, «сказочный дворец»: *Две жены жили в его чуме, а детей он не знал, хотя семейную жизнь по воле отца начал рано* (с. 26); *И напрасно шептал Молошко в таёжную синь: «Амака, бо-леколь!» — ничто не менялось в его чуме* (с. 26). См. также с. 26, 27, 28 — 2 употребления, с. 29 — 2 употребления, с. 35, 37 — 2 раза, с. 39 — 2 раза, с. 40, 41 — 2 раза, с. 42, 43 — 4 раза, с. 45, 47, 48, 49 — 2 раза, с. 51, 52 — 3 раза, с. 54, 55, 56, 57, 60 — 2 раза, с. 62, 63 — 3 раза, с. 64 — 2 раза, с. 65 — 2 раза, с. 66, 67, 69 — 2 раза, с. 70, 71 — 4 раза, с. 72 — 2 раза, с. 73 — 2 раза, с. 74 — 4 раза, с. 75, 78, 79, 80 — 3 раза, с. 82 — 2 раза, с. 83–6 раз, с. 84 — 2 раза, с. 85 — 3 раза, с. 86, 87, 88 — 2 раза, с. 89, 93 — 2 раза, с. 95, 97–3 раза; с. 98 — 2 раза, с. 99, 102 — 4 раза, с. 104 — 3 раза, с. 106 — 3 раза, с. 107, 108, 109, 113, 114, 115, 117, 120, 123 — 2 раза, с. 125, 126 — 2 раза, с. 129, 130 — 4 раза, с. 131 — 2 раза, с. 132 — 2 раза, с. 133, 135, 136, 137, 140 — 2 раза, с. 141, 142.

Всего 134 употребления, это самый частотный экзотизм произведения.

Когда Молошко наелся, по кивку головы хозяина из юрты была принесена коробка сараны (с. 29); *Хотя сначала подживи дымокур в юрте, а то мне начи-*

нают мешать комары (с. 37), а также с. 83, 106; «Если тебе мой лес полюбился больше своего, — возбуждённо заговорил чабун, — тогда я выстрою новый чум, из пятидесяти палок. Он будет почти втрое больше этого. Теперь по насту набью десятка полтора сохатых, шкуры вымнет мать, и у нас будет настоящий эллюн...» (с. 83). Во второй части романа «Бали» приводится слово **голомо**: *Богдыя — как таёжное голомо — тебя, беднягу, приветит* (сноска: *голомо* — ‘непереносимый чум, крытый мхом, землёй’) (с. 401). **Всего 6 употреблений.** Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987] самым частотным экзотизмом является слово *юрта* (употребляется 77 раз).

В романе Ж. Трошева используются слова **чум, эллюн, голомо; шэвэнчэдэк**, а также **яранга, фактория и аргиш, аргишить** вместе со словами группы **становище, стойбище, чумище. То есть всего**, так же, как и у М. Ошарова, **11 слов.** При этом показательно отсутствие слова *юрта*, по нашим наблюдениям редко употребляемое на Севере и обозначающее переносное жилище жителей юга Сибири. Интересно, что в качестве ключевого в «Эвенкийско-русском словаре» 1940 года издания (год работы М. Ошарова над романом) используется слово *юрта* (очевидно, как языковой экзотизм русского языка). Эллюн в произведении Ж. Трошева имеет другое значение — ‘небо, крыша мира’: «Злые люди опять пришли в тайгу!» — *сделал вывод Сауд и заторопился к родному чуму, не жалея ног* (с. 125); *Три любимых цвета есть у эвенка: красный, жёлтый и голубой. Ими он чаще всего украшает одежду. Красный и жёлтый — осень, пора надежд. Голубой — вода, праматерь всего живого, и небо-эллюн — прозрачная покрывка огромного чума, именуемого миром* (с. 64).

В романе Ж. Трошева есть особые обозначения шаманского, культового чума и зимнего чума — **шэвэнчэдэк, голомо**: *чтоб не слышать стонов, Соргок дала Гантаулю успокоительного снадобья и, окликнув жену его, приказала разжечь очаг, поставить на огонь воду. «Шэвэнчэдэк (сноска: ‘шаманский культовый чум’) ставить?»* (с. 80); *Когда совсем выйдет из тебя вино, — начинай делать новый бубен, ставь шэвэнчэдэк (сноска: ‘шаманский чум’) — приеду камлать* (с. 282); *Она была уверена: к священному озеру, где стоит зимний чум — голомо, не*

подойдут (с. 50).

Дополнительно у Ж. Трошева также используются слова **яранга** — по отношению к жилищу чукчей — и **фактория**. В МАС *яранга* — ‘переносное, круглое в плане жилище некоторых народов Севера, остов и коническая крыша которого, состоящая из шестов, покрыта оленьими шкурами’; *фактория* — ‘1. Торговая контора и поселение иностранных купцов в колониальных странах. 2. Торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдалённых промысловых районах’. В тексте слово *фактория* употребляется в значении, в котором оно и сегодня широко известно на Среднем и Нижнем Енисее, — ‘село, населённый пункт со смешанным русско-национальным населением’ (так, например, по данным Ярцевской гуманитарной экспедиции, на Среднем Енисее есть фактория Сым и село Ярцево и т. п. [Материалы, 2001]): *Гостя усадить негде в этой яранге. Ребята, что распрощались с вами, — мои друзья-чукчи* (с. 300); *Думал, на факторию Тура, за товарами едут — не затаился* (с. 137).

Ср.: у Г. Ходжера *юрта*, а также — *хомарон* — ‘берестяная летняя юрта’, *чоро* — ‘юрта роженицы’, *аонге* — ‘бревенчатая зимняя юрта’, *итоа* — ‘сооружение из тальника’ и др.; у Ю. Рытхэу — *яранга*, *чоттагин*, *нынлю* и др. [Михайловская, 1984, с. 55].

Слова *становище*, *стойбище*, *чум*, *юрта* есть в МАС, *становище* в словаре отмечено с общим значением, три другие — как экзотизмы, при этом интересен этимологический фактор: *чум* — ‘от *коми t’som* — палатка, кладовая’; *юрта* — ‘от *тюркского jurt* — место жительства, стоянка, жилище’ [Крысин, 1998]; экзотизм *элюн* — внелитературный; слово же *стойбище*, обозначая реалию нерусской действительности, имеет русское происхождение, что не укладывается в традиционное понимание экзотизмов [СЛТ Ахмановой, 1969]. МАС: *становище* — ‘место временного расположения, стоянки кого-либо’; *стойбище* — ‘становище кочевников Сибири’; *чум* — ‘принятое у русских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части России’; *юрта* — ‘переносное (обычно конусообразное) жилище кочевников Центральной и Средней Азии и Южной Сибири’. В тексте Ж. Трошева слова *ста-*

новище, стойбище выступают как синонимы, *чумище* же обозначает ‘место расположения чумов’.

3.3. Словообразовательное гнездо у М. Ошарова *аргииш*, *большой аргииш*, *аргиишить*, *аргиишный*, слово *нюльга* и сочетание *кочевой чин* — внелитературные экзотизмы (6 слов). В тексте слово *аргииш* имеет два значения: ‘1. Кочевье. 2. Кочующий караван’; *большой аргииш* — ‘дальняя перекочёвка’; *аргиишить* — ‘кочевать’, *аргиишный* — ‘относящийся к кочёвке’: *Схоронив отца на безымянной речке и назвав её именем отца, дети начали большой аргииш к вершине Кимчу, где река переходила в огромное безлесное болото с травянистыми еланями, с зыбкими желтоватыми мхами, которые чередовались с непроходимыми вязкими топями* (с. 60); *Они проходили по три — по четыре горных перевала в день, и Хорболь, как никогда раньше, бывал недоволен, что аргииш прерывался до следующего рассвета* (с. 121); *Прерванный ссорой на половине игры, аргииш пошёл весело дальше* (с. 132), а также с. 139; *Есть теперь, где пастись оленьим стадам, есть, где кочевать — аргиишить эвенкам, чтобы всегда были сыты и сами они, и их быстроногие олени* (с. 24); *Он знал, что в эту пору катангинские охотники аргиишат* (сноска: ‘кочуют’) *к сопке Натая соболевать* (с. 130), а также с. 141, 142, 144, 145; *Её толкнула Инеки за то, что Курумбук перетоптала у неё аргиишную дорожку на новое место от чума к пеньку* (с. 132) — **11 употреблений**.

Интересно слово *аргииш* тем, что оно вынесено в заглавие книги, и, таким образом, приобретает, с одной стороны, новое обобщённо-философское значение: *аргииш* — жизненный путь человека, его судьба, выстроенная во времени, с другой — это единственный экзотизм текста, который имеет особую символическую функцию. Имело это слово и идеологическое значение — это движение народа к светлому будущему. Ср.: у Ю. Н. Шесталова аналогично слову *аргииш* используется *каслание, каслают*. «**Каслание** — кочевье оленеводов — дорога длинная, трудная» («Синий ветер каслания»). «Частотность употребления слова *каслание* у Ю. Шесталова объясняется, прежде всего, способностью этого слова передать специфику образа жизни и труда мансийского народа, его связь с понятиями многовековой истории и прошлого манси» [Михайловская, 1984, с. 51, 52].

Кочевой чин — ‘обычай, принятый народом на время кочёвки’: *Когда Молошко подошёл к одному из костров, ему навстречу поднялся седой, словно осыпанный инеем человек. Это и был Хорболь. Старые знакомые долго и молча смотрели друг на друга. Можно было подумать, что они старались что-то припомнить. Так полагалось по древнему кочевому чину. Потом оба враз улыбнулись, и Молошко сел к костру рядом с Хорболом* (с. 29). Слово *нюльга*, очевидно, обозначает ‘дневной переход во время кочёвки’: «*Какая убродная дорога, — проговорил Лербо. — Нашей нюльги сегодня будет вполтину меньше*» (с. 124) — **2 употребления.**

Приводятся в романе Трошева слова **аргиш**, **аргишить** (ср. кочёвка, кочевать): *Ей наказ от мужа: собирайся в большой аргиш* (с. 74); *Духи приказали мне аргишить к Красным горам на железной лодке русских* (с. 51). Ср.: *Обещал все стада отдать пастухам, чтобы пасти их вместе, «по-родственному, без обману», дал для дальней кочёвки каждой семье по пять десятков оленей, хороший туюн устроил. Однако пастухи, получив оленей и пометив их своей тамгой, кочевать на дальние земли отказались* (с. 135).

В «Эвенкийско-русском словаре»: *аргис* — ‘перекочёвка’, *аргисин-ми* — ‘отправиться в путь караваном’; *нулги* — ‘дневной переход караваном, кочёвка, кочевание’, *нулги-ми* — ‘кочевать’, *нулгидери* — ‘кочевник, кочующий’, *нулгик-тэжит* — ‘кочевье’; *голомо* — ‘1. Юрта, крытая лиственничной корой и окопанная землёй или снегом. 2. Хижина’; *шэвэнчэ-ми* — ‘шаманить’. Ср.: *бикит* — ‘1) посёлок (ср. в Эвенкии посёлок Байкит); 2) местность; 3) жилище; 4) комната’; *бидек* — ‘старое стойбище, старое местожительство’; *эллун* — ‘нижняя часть нюка, покрышки на юрту’ [ЭРС]; по данным второго издания «Эвенкийско-русского словаря»: *аргис* — ‘перекочёвка’, *аргиш* — ‘перекочёвка’, *нулги* — ‘1) кочёвка, кочевание; 2) расстояние около 10 км’ (ср. в русских говорах — *уповод*. — Л.С.); *эллун* — ‘нижняя часть нюка (покрышки на чум), нижний нюк’; *голомо* — ‘чум из расколотых пополам брёвен, покрытый лиственной корой и засыпанный на зиму землёй и снегом, зимнее жилище’ (ср.: *шэвэк* — ‘табуированный олень-бык (якобы для благополучия семьи и стада)’; *шэвэки* — ‘идол’; *шэвэнчэ-ми* —

‘шаманить’ [ЭРС-2]. В эвенкийском языке также [ДСЭЯ]: *голо* — ‘бревно, обрубок, чурка’ (с. 37); *м* — ‘таять, оттаивать; уменьшаться (о снеге), раствориться’ (с. 203); [Кочнева, 1990]: *нулгидеми* — ‘кочевать’ (с. 52), *голо* — ‘бревно’ (с. 33). В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007], в основу которого положена «главным образом лексика, используемая в школьных учебниках параллельно с местным амурским говором эвенков» (с. 3): *нулги* — ‘перекочёвка’ (с. 46).

Кочевой чин, вероятно, — пословный перевод с эвенкийского. В эвенкийском языке нет слова *чум* со значением ‘жилище эвенка’, но есть *аран* — ‘1) юрта, 2) место очага’; *дю* — ‘1) юрта, чум, 2) дом, 3) здание, 4) нора, 5) хозяйство, 6) семья, 7) маточник (яичник) животного’ [ЭРС], *дю* — ‘чум’ [Кочнева, 1990, с. 33] и т. д. Важно отметить, что слова *юрта* нет в эвенкийском языке, но в словарных статьях русско-эвенкийского словаря именно оно используется как эквивалент русского языка, а в издании 1958 года слово *юрта* заменено на *чум*. Итак, в эвенкийском языке есть слова *аргиши*, *нюльга*, *голомо*; есть соответствия словам *эллион*, *шевендэчук*. Слово *голома* — ‘юрта за тундрой’ отмечено в русских туруханских говорах в 1872 году у А. П. Щаповым [Цомакион, 1966, с. 402].

Итак, в романе М. Ошарова в этой подгруппе всего 11 слов и сочетаний и 168 употреблений, в романе Ж. Трошева — 11 слов.

4. Много в произведении М. Ошарова говорится о различных обычаях, особенностях самоуправления у эвенков: внелитературные экзотизмы — **мунняк, баляга, шулинга; тори, данниллян**; экзотизмы-историзмы, фиксированные в МАС, — **ясак, ясачный** — и внелитературный с русской основой — **покрута, покручаться. Всего 9 слов.**

4.1. Главным органом самоуправления у эвенков был Большой родовой совет — *мунняк*, большую роль в самоуправлении играл родовой суд — *баляга* (в другой записи — *балага*), главу рода называли *шулинга*. **Всего 3 слова:** *Ближе к весне, когда уже начинались оттепели, а снега подернулись сверху ледяной коркой и ходить на лыжах становилось легче, от чума к чуму побежали гонцы, созывая мужчин к устью Тычан на большой совет — мунняк, чтобы избрать родового шулингу, свершить суд над теми, кто преступил законы предков, разо-*

брать спорные вопросы и снести причитающийся русским ясак (с. 73); *На мунняк* могли идти только женатые главы семей, и Амурча просиял от радости, узнав, что наконец-то он будет участвовать в большом совете и если не станет *шулингой* рода, то хоть добьётся осуждения Микпанчи, который нарушил порядок и самовольно выдаёт замуж сестру, не посчитавшись со старшим в семье (с. 73), а также с. 86, 92; *К полудню все сто двадцать три человека* принялись за устройство огромного чума для *мунняка* и для родового суда — *баляги* (с. 92); «*Вы пришли на балягу и принесли с собой свои обиды, — начал шулинга...*» (с. 93), а также с. 73, 93–5 употреблений, с. 94, 96, 106. 112. **Всего 21 употребление.**

В романе Ж. Трошева — 4 единицы, но ‘родовой совет’ называется по-другому: *суглан*, *большой суглан*, ‘суд’ — *балянга* (вм. *баляга*), ‘глава рода’ — *шуленга* (вм. *шулинга*): *Гаюльский мокрой выдрой ускользнул из рук суда — балянги, но и его позднее вытащили на Большой суглан и лишили родовой власти* (с. 9); *По обычаю с древних времён люди тайги собирались на родовые собрания или межродовой суд — балянгу, чтобы решить спорные вопросы о родовых пастбищах, рыбных и охотничьих угодьях* (с. 12); *А вот подозрение в убийстве мудрого Дженкоуля-шуленги, вступившегося за бедняков, притесняемых приказчиком Сенькой, — это уже... плохо. Дрянь дело* (с. 9); *Она вспомнила осенний Большой суглан, где был лишён родовой власти всесильный князь Гаюльский* (с. 9). Слово *суглан* имеет и другое толкование в романе: *Споры-раздоры, диспуты-сугланы, а самое главное — упустили* (с. 199) и др.

В эвенкийском языке *мун’н’ак* — ‘собрание’, соответствий другим словам нет в словаре [ДСЭЯ, с. 101]. В «Эвенкийско-русском словаре» [ЭРС]: *чуглан* — ‘собрание’, *суглан* — ‘съезд, большое собрание’; *мунняк* — ‘собрание’; [ЭРС-2]: *мунняк* — ‘собрание’, *суглан* — ‘съезд, большое собрание’. Слов *баляга-балянга* и *шулинга-шуленга* в словарях нет.

Ср.: Г. Ходжер в романе «Амур широкий» использует слово *дянгиан* — ‘начальник, руководитель, судья рода’, *халада* — ‘глава нескольких стойбищ’, Ю. Рытхэу в повести «Конец вечной мерзлоты» — *эрмэчин*, *эрыма* — ‘глава оленного стойбища’ [Михайловская, 1984, с. 40–41].

4.2. Во взаимоотношениях эвенков с русскими главную роль играл *ясак* — ‘ист. Натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья (в XV–XVIII вв.) и Сибири (в XVII — начале XX в.)’; *ясачный* — ‘ист. Прил. к *ясак*, являющийся *ясаком*’ (МАС). Ср.: в «Замечаниях о камчатском наречии» П. Кузмищева 1848 года: «Весьма известные и, можно сказать, обрусевшие: **юрта, шаман, ясак** и многие другие не вмещены» (в словник сибирских слов, напечатанный в «Москвитянине», 1842 год, № 3, с. 237. — Л.С.) [Кузмищев, 1960, с. 36]. В «Словаре языка мангазейских памятников: XVII — первой половины XVIII вв.» приводится: *ясак* — ‘подать, дань, которой облагались в Московской Руси и царской России народы Сибири и Поволжья’. Об употребительности слова свидетельствует словообразовательное гнездо: *ясатчик, ясач (ш) ный* [СЯМП].

Итак, слова *ясак, ясачный* выступают как экзотизмы-историзмы литературного языка: *Старуха вспоминала место могил родоначальников главнейших родов и тропы, по которым они тогда носили русским ясак* (с. 89); *Он сдал ясак* (сноска: ‘натуральная подать, которую царское правительство собирало с кочевых народов Сибири’) *и довольный возвратился в родовую стоянку, чтобы княжить и собирать пушную дань с кочевого народа* (с. 129); *Гнилозубый эвенкийский князь Кочениль с подручными отвёз русским в волостное село на Енисее много ясачной пушнины* (с. 129), а также с. 73. **Всего 4 употребления.**

Во второй части романа используются также слова *покрута, покручаться* — ‘товарообмен с русскими купцами’ и ‘обменивать мех на товары у русских купцов’: *Должно быть, он не скоро ещё пойдёт за **покрутой**? Но как не хочется опоздать! Вдруг разберут у купцов бисер другие* (с. 178); *Этея вздохнула. Она слышала от старух, как весело у купцов **покручаться**! Мужики пьяны, бабы пьяны!* (с. 178), а также с. 201, 203. **Всего 4 употребления.** «Ошаров рисует жестокость и беззаконие «покруты» русских купцов с эвенками» [Очерки, с. 262]. В МАС этого слова нет. В ССРЛЯ: *покрученник* приводится как устаревшее и областное. Ср.: в записках 1844 года Н. Щукина «Поездка в Якутск» [Щукин, 1960, с. 33–34]: «Зверовщики брали в долг у богатого крестьянина порох, свинец, съестные припасы. Для этого существует здесь особое слово: *покручаться*, а за-

бирающий в долг называется *покрутник*. Тот же зверовщик, который берёт у хозяина в долг с тем, чтобы отдать ему за то половину промысла, называется *полуютник*». В «Словаре языка мангазейских памятников: XVII — первой половины XVIII вв.» Н. А. Цомакион приводится: *покрученник* — ‘работник на промыслах, охотник, находящийся на хозяйском содержании и получающий только часть добычи’ [Цомакион, 1971]. Мангазея, особенно в последних своих реконструкциях — Старотуруханск, связана с Нижним Енисеем и практически относится к тому же региону. Это понятие диалектное, связано с Севером, слово отмечено в архангельских и поморских говорах. В анализируемых произведениях слово выступает в качестве историзма-экзотизма текста.

4.3. В соответствии с сюжетом произведения выделяется лексика, связанная со свадебным обрядом, — это два внелитературных экзотизма: *тори* и *данниллян*. *Тори* — ‘выкуп за невесту’, *данниллян* — ‘перекрёстный брак между представителями двух родов, когда брат и сестра одного рода становятся мужем и женой для брата и сестры другого рода’: *Парню не исполнилось и девятнадцати, когда Оночжи за богатый тори купил ему девушку в жёны* (с. 26); *Парни заметили девушек и стали про себя подсчитывать тори, и не заставили старика долго ждать* (с. 28). См. также с. 28. 40 — 2 употребления, с. 49, 65, 67, 68 — 2 употребления, с. 71, 83, 94, 94, 114, 120, 126. **Всего 17 употреблений.** *Данниллян* (сноска: *данниллян* — ‘сговор об обмене невестами’) *состоялся, и в становище Хорболя начался праздник* (с. 40); *Отец согласился на данниллян?* (с. 45). **Всего 2 употребления.**

У Ж. Трошева *тори* используется в том же значении: *А может, Конол, ты уже высмотрел вдову и о тори* (сноска: ‘выкуп’) *заботишься?* (с. 252); *Советская власть говорит: тори* (сноска: ‘калым’) — *плохо* (с. 280).

В романе «Большой Ошар» дополнительно приводятся экзотизмы, обозначающие различные эвенкийские понятия и обычаи: *эрэсин* (‘изгнание из рода; смерть в тундре’), *умунду индёрэ* (‘совместный выпас оленей по соглашению, кооператив’), *нимат* (‘закон родовой взаимопомощи’), *нюремналь* (‘девочка или девушка, полученная за долги, наложница’), *коломой* (‘купленный или получен-

ный за долги мальчик, юноша»), **туюн** (‘званный праздник с угощением; праздничное застолье’), **оллёкон** (‘амулет в виде рыбки, символизирующий душу ребёнка’), **омкэ** (‘колыбель, зыбка младенца’), **малу** (‘почётное место в чуме’), **мани** (‘воображаемые нити, связывающие всё живое с небом’), **улгурил** (‘старинные предания рода’), **пайцза** (‘личная пластинка-амулет эвенка’), **олонхо** (‘высшее повеление, голос свыше’). **Всего 14 слов:** *И приговор был: эрэсин — изгнание (с. 152); Деньги князю передать в казну, а стадо, что спрятал на пастбищах Удыгира, сделать собственностью товарищества бедняков: создать совместный выпас — умунду индёрэ (с. 153); Новая власть ломает обычаи. Мы все родичи! У нас нимат — закон родовой взаимопомощи (с. 67); Манефа была нюремналь — девушкой, отданной родителями за долги. А коли так — собственность князя. Не жена, а грелка ночная. За слюнявые ласки жестоко расплачивалась нюремналь: жёны Гаюльского шпыняли новую избранницу, заставляли делать самую грязную работу (с. 154); Вскормленник-коломой становится собственностью князя. Мальчик — сначала даровой работник, а потом и жена его, в придачу с оленями. Ещё хуже судьба девочки (с. 15); А раз есть приглашение приехать на туюн, какой эвенк откажется от праздничного пира? (с. 95); После туюна гости не спешили разъезжаться: хотелось посмотреть, как же начнётся этот «Учебный год» (с. 87); Оллёкон — это рыбка, лежащая в зыбке, или всё вместе взятое — душа ребёнка. ...На подстилке из лебяжьего пуха лежала маленькая золотая пластиночка, по форме напоминающая пивку. Это была оллёкон-рыбка (с. 143); Маленькую зыбочку-омкэ сделала Соржок и вложила туда золотую рыбку — душу ребёнка, мальчика, когда ещё не появился на свет их долгожданный Мишутка... И вот Деерок, ложась спать, глядя на грудь мужа, сказала с обидой, что не любит он сына и не бережёт его душу, коли снял омкэ, где хранился оллёкон (с. 144); В своём чуме — ты хозяин. И тебе предназначено почётное место — малу. В мире каждому отведено, как в чуме, своё место. Старшему — малу. Обычаи — шесты, поддерживающие эллон — покрышку мира. Можно ли рубить шесты? (с. 65), а также с. 53.*

Только всесильные духи, державшие в руках мани — незримые нити, связы-

вающие с верхней землёй всё живое — бегающее, летающее, плавающее и растущее, — знают, какую нить тянуть сильнее, а какую пора оборвать (с. 159); Да и что она могла сказать о своём возрасте, если дед с пелёнок внушал ей, что она вечна, как жизнь, и рассказывал предания-улгурил такой глубокой старины, что сказки стали её больной явью (с. 15); Боже! Значит, моя догадка верна... Соргок, это **пайца** вашего далёкого предка Гантимура! (с. 332); Не сердись, Соргок, но твоё время — ушло. Я слушал **олонхо** и долго думал над словами: «И возглавил их кочевье сам шаман — старейший в роде, знаки ставя на деревьях, чтобы путь их был свободен» (с. 344).

В словарях эвенкийского языка [ДСЭЯ]: *н* — ‘один, одна, одно’, *ин* — ‘жизнь’; *н’имāt-1* — ‘1) доля, пай от охоты; 2) передача шкуры убитого зверя охотнику-пайщику или гостю (обряд); 3) кушанье из медвежьего сала и мяса’, *нимāt-2* — ‘1) дать кому-либо часть своей добычи; 2) дать шкуру убитого зверя охотнику-пайщику или гостю (обряд)’; *н* — ‘гостеприимный’; *олломй* — ‘рыбачить, ловить рыбу’ *ӯ лгӯ р* — ‘1) рассказ, повесть, 2) повествование’; *манни* — ‘1) крепость, прочность; 2) крепкий, прочный’; *малӯ* — ‘почётное место в чуме, в палатке (против входа)’; *олоң, ко* — ‘сказание’; *тори* — ‘калым’ (с. 178, 65, 114, 162, 126, 96, 127, 161); [Кочнева, 1990]: *эмкэ* — ‘люлька’, *малу* — ‘за очагом место в чуме’ (с. 40, 33); по данным «Эвекийско-русского словаря» [ЭРС]: *эрэсин-ми* — ‘прогнать, изгнать, свергнуть’, *умундэ* — ‘вместе, совместно’, *нэктэ* — ‘хлебное поле, пашня’; *нимат* — ‘пай охотников (часть шкуры лося или дикого оленя)’, *тую-ми* — ‘угостить’; *олло* — ‘рыба, юкола’ (Словарь Ожегова: *юкола* — ‘на Севере и Дальнем Востоке: вяленая рыба’); *малу* — ‘1) место против входа за костром; 2) миф. обиталище духа — хозяина юрты; 3) главный угол в доме против входа’; *манни* — ‘1) крепкий, прочный; 2) крепость (качество), прочность’; *улгур* — ‘1) рассказ, 2) сообщение, доклад, 3) предание, 4) слово’. По сведениям следующего издания этого же словаря: *торин* — ‘калым’, *эрэсин-ми, эрэхин-ми* — ‘1) прогнать, изгнать, 2) свергнуть’; *умунду* — ‘вместе, совместно, заодно’; *нимат* — ‘1) дарственный пай от охоты; 2) передача части шкуры убитого зверя охотнику-пайщику (в тех случаях, когда

два охотника убили одного оленя); 3) охотник-пайщик'; *туюн* — '1) гостеприимный, 2) угощение'; *олло* — рыба (ср.: *олокот-ми* — купаться); *малу* — '1) место в чуме против входа (за очагом), 2) красный угол в жилище против входа, 3) (по суеверным представлениям) обиталище духа — хозяина чума'; *манни* — сухожилие; *улгур* — '1) рассказ, 2) сообщение, доклад, 3) предание, 4) слово, речь'; *олохо* — варёная рыба [ЭРС-2]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *ба-а* — 'люлька' (с. 45); *малу* — 'почётное место в чуме, палатке' (с. 46); *олло* — 'рыба' (с. 50); *олломимни* — 'рыбак' (с. 27).

Таким образом, многие слова группы (за исключением слов *нюремналь*, *колломой* и *пайцза*) имеют близкие по значению соответствия в словарях эвенкийского языка. Полное соответствие имеют только два слова: *тори* и *малу*.

Ср.: *тори* у Г. Хаджера: ***Тори***, *который отец потихоньку выплачивал за девушку, возвратили* («Гайчи»); у В. Санги в этом значении — *юскинд*, у Ю. Шесталова — *калым* [Михайловская, 1984, с. 40].

В романе М. Ошарова в данной тематической группе 9 слов и 48 употреблений, в романе Ж. Трошева — 18 слов.

5. Экзотизмы, связанные с народными танцами, музыкой и игровыми песнями: **хокиль, ёхорьё, огокей-кан-огокей, шонюко-шонюко, гурылла-гурылла, хыакать, конгипкавун**, слово-утверждение *хэгэ*. **Всего 8 слов.**

Это слова, заимствованные из эвенкийского языка. *Хокиль* — 'мужской одиночный танец на месте'. Слово *ёхорьё* имеет несколько значений: '1. Праздник встречи солнца, весны, конца полярной ночи. 2. Хоровод с игровыми элементами. 3. Возглас-припев во время хоровода'. *Огокей-кан-огокей, шонюко-шонюко, гурылла-гурылла* — 'возгласы-припевы', *хыакать* — 'выкрикивать во время камлания', *конгипкавун* — 'народный музыкальный инструмент': *Когда Микпанча исполнял хокиль — танец на месте, не только молодёжь, но и старики любовались им* (с. 35); *Ведь летняя ночь коротка! Ёхорьё! Пока не проснулась тайга. Ёхорьё! Спешите, спешите, чтоб дольше могли мы попеть, поплясать у костра. Ёхорьё! Спешите и вы, старики и старухи, пока ещё в силах ходить! Ёхорьё! А поднимется солнце и всем нам работу найдет. Ёхорьё! Мужчинам придётся доделыв-*

вать лодки, а девушкам сесть за шитьё. **Ёхорьё!** (с. 30); *Кто видел хоть раз Ёхорьё, тот поймет, почему все так торопились* (с. 31), а также с. 31 — 3 употребления, с. 32, 80. Возгласы-припевы к песням в тексте разнообразны: *огокей-кан-огокей, шонюко, гурылла: Хороводную песню начинаю, но сумею ли ладно запеть? Огокей-кан-огокей! Расцвету ли, как земля расцветает весной? Огокей-кан-огокей!* (с. 32); *Гости, словно подтверждая их слова, дружно подхватывали припев: Шонюко, шонюко!* (с. 43); *Снег, белый, как пёрышки гоголя, падать будет весь день. Гурылла, гурылла!* (с. 124).

Приводятся М. Ошаровым и национальные возгласы в качестве сакральных выкриков: *Мужчины, подражая шаману, с силой хыакают враз* (с. 104); *Микпанча, навалившись плечом на ствол сосны, играл на конгипкавуне* (сноска: конгипкавун — ‘музыкальный инструмент’) (с. 55); *Микпанча сердито взглянул на Амурчу, но, не желая разговаривать с ним, молча ушёл к озеру, захватив с собой конгипкавун* (с. 56); *Потом спрятал мерку и стал играть на своем конгипкавуне* (с. 62). **Всего 22 употребления.**

В романе Ж. Трошева используется 7 слов группы. Также упоминается *ёхорьё*, но в другой огласовке — как **ехарьё**: *Михаил, слушая дружные, как слова ехарьё, выкрики, всё ниже опускал голову: «Эх, Соргок, Соргок»* (с. 249).

Кроме того, автор приводит другие песенные выкрики — **ая** и **э-гей**: *Тайга родила меня, кормит и одевает. Ая!.. Всё живое кормит меня, сына тайги. Ая!.. Я пойду к светлой реке, поймаю серебристого тайменя. Э-гей!.. Добрые духи... дадут мне много мяса. Ая! Ая! Ая! Хорошо! Хорошо! Хорошо!* (с. 64).

Музыкальный инструмент эвенков назван по-другому: не *конгипкавун*, а **паннафкаун**, а также его название приводится через сочетание таймырский барган: *Тогда кто заставил звучать струну паннафкауна? Паннафкаун — как игла для вязания сетей. И только тунгус умеет связать звуки родной тайги... Да, Суслов уже понял: Ошаров играет на паннафкауне, или таймырском баргане* (с. 98).

Соответствий в словарях эвенкийского языка данным словам-возгласам нет. *Камус* — ‘варган (музыкальный инструмент)’ [ДСЭЯ, с.73]. В «Эвенкийско-русском словаре» приводятся: *пангавкавун* — ‘варган, металлический губной ин-

струмент’; *конгипкавун, кэнгипкэвун* — ‘варган, музыкальный губной инструмент’ [РЭС-2]. В словарях русского языка нет слов *барган* и *варган*.

Ср.: у Н. Г. Доможакова: *Все мы с вами потомки великого Хайза-тига, о котором под говор струн чатханов не устают петь наши седовласые аксакалы — хайджи* (с. 102). ХРС: *чатхан* (четхан) — ‘музыкальный инструмент’ (с. 314). Ю. Шесталов: *многострунный торыг* («В краю Сорни-най»), *санквалтан* (сноска: ‘пятиструнный инструмент манси, похожий на лодку’) («Югорская колыбель») [Михайловская, 1984, с. 60].

В романе М. Ошарова всего 8 слов группы, 22 употребления, в романе Трошева — 7 слов.

Интересно, что отрицание по-эвенкийски в произведении Ж. П. Трошева даётся дважды в разных словах: *эчэ* и *ачин*: «Тебе больно?» — *спросил первое, что пришло в голову. Раненый понял его. «Эчэ»* (сноска: ‘нет’); «Совсем не больно? Нигде не болит? Ничего не чувствуешь?» — *быстро спрашивал Кытманов. «Эчэ», — всё так же спокойно отвечал раненый* (с. 162); *Люди нашего стойбища, ближние соседи — такого карабина ачин* (сноска: ‘нет’ (эвенк.)).

(Ср.: у М. Ошарова: «Зимовать буду у гор Ромо. Найдёшь ли ты дорогу ко мне?» «Хэгэ!»), — *мотнул головой с берега Моронёнок* (с. 337).)

Соответствий в словарях эвенкийского языка данным словам нет.

«Частотные словари всех языков, всех текстов, выборок самой разнообразной протяжённости показывают одно и то же принципиальное явление: все они возглавляются синсемантическими (неполнозначными, служебными, строевыми) словами. Артикли, предлоги, локально-темпоральные наречия, местоимения заполняют первую сотню позиций частотных словников разных языков. Им принадлежит всего около 1% списочного состава лексем, однако они покрывают почти половину всех словоупотреблений текста. Первая же тысяча слов частотного списка обеспечивает 75–80% словоупотреблений любого текста. Частые слова составляют немногим более одной пятой словаря её — 92,4% текста, тогда как малоупотребительные, которым отводится около 2% текста, составляют основной массив каждого словаря (40–45%). Следовательно, и художественный текст напо-

ловину состоит из слов дейктических, синсемантических» [Кухаренко, 1988, с. 31–32]. Кроме синсемантической лексики автором выделяется автосемантическая лексика (полнозначные слова). В. А. Кухаренко называет такие значения автосемантического слова в ХТ: эмоционально-оценочное, экспрессивное, метафорическое и метонимическое, изобразительное, социолингвистическое (этническое и идеологическое), стилистическое [Кухаренко, 1988, с. 40–50]. Таким образом, мы видим, что маркированность текста синсемантическими словами другого языка — эффективный способ создания образа инонациональной речевой среды.

Возгласы согласия-несогласия часто не переводятся и маркируют речь как инонациональную (относятся к т. н. *малым словам*). Так, в фантастическом романе Ли Брэкета «Шпага Рианона» [Брэкет, 1991] в речи марсиан приводится: «*Айя*», — *крылатые приветствовали Карса с серьёзной торжественностью* (с. 65); «*Айя*, — *мрачно сказала Эмер. — Я слышала и верю в это*» (с. 78) и т. д.

6. Традиционную группу экзотизмов представляют названия одежды и обуви: **парка, сакуй, сунмэ, хольмэ; лекомеи (локомеи), арамусы, хамчуры, чекульмы, унтики; хаикта, камыс, лосина (защитная лосина); турсук. Всего 13 слов, 44 употребления.**

6.1. Одно слово из названий одежды — литературный экзотизм, так как фиксировано в МАС: *парка* — ‘верхняя зимняя одежда в Северной Сибири, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу’ (в тексте приводится другой вариант значения этого слова — шитая мехом внутрь; обычно это тип куртки с капюшоном). Не фиксировано в МАС, но широко известно слово *сакуй* — ‘верхняя зимняя одежда, представляющая собой меховой комбинезон с капюшоном, сшитый мехом наружу’, остальные слова — скорее всего, экзотизмы текста: *Шиктолок, севшая дошивать начатую парку, изредка взглядывала на чирокчану и искренне радовалась за неё* (с. 69), а также с. 74; *Стало вдруг жарко, развязал вязки на меховой парке* (сноска: *парка* — ‘зимняя одежда мехом **внутри**. Поверх неё в сильные холода надевается *сакуй*, сшитый **мехом наружу**’) (с. 131), а также с. 140, 141; *Смотри, как тайга нарядилась в песцовый сакуй* (с. 63); *Микпанча закрепил*

на груди завязки **сунмэ** (сноска: сунмэ — ‘верхняя одежда типа пальто’) и повернул домой, хотя и чувствовал, что идти в чум к брату незачем (с. 71); Рассказывает Конор и о красоте человека, согретого весенним теплом; о первой красавице становища,

которая так хороша в своём цветистом **хольмэ** (сноска: ‘раскрашенный нагрудник, надеваемый по праздникам’) и узорчатых лекомеях (сноска: ‘лёгкая замшевая обувь’), расшитых её маленькой, умелой рукой... (с. 32); За Конором шла Давэ, ведя в поводу оленя, на котором ехала невеста в свадебном наряде, расшитом оленьей шерстью, грудь её прикрывал раскрашенный цветными глинами **хольмэ** (с. 42), а также с. 57 — 2 употребления, с. 69. 72. 91. **Всего 14 употреблений.**

В произведении Ж. Трошева также есть слова, обозначающие одежду (4 слова): **парка**, **хольмэ**, **зипун**, а также нарядные коврики-**комуланы**. Совпадает с тем, что приводит М. Ошаров, только **парка**: Сауд вошёл в дом, скинул, по обычаю, **парку** на крыльце, чтоб не таяла, не теряла в тепле ворс (с. 129); Старик, кряхтя, поднялся, вышел из чума, снял с вешала **парку**, в которой ездил (с. 246). Слово же **хольмэ** несколько отличается в значении: если у М. Ошарова **хольмэ** — это ‘раскрашенный нагрудник, надеваемый по праздникам’, то у Ж. Трошева — ‘фартук (передник), расшитый бисером’: Коли бы мы, бабы, не смотрели друг у друга узоры **хольмэ** (сноска: ‘фартук, расшитый бисером’), не обменивались бы умением делать коврики-**комуланы**, как сохранили бы старинные узоры? (с. 90). Слов **сакуй** и **сунмэ** в тексте Ж. Трошева нет.

Используется Ж. Трошевым для обозначения нарядной эвенкийской одежды русский диалектизм (историзм) **зипун**: Соргок приехала на суглан и сидела не отдельно, как положено шаману, а среди женщин, украдкой ласково прижимаясь к плечу Деерок, и с женской завистью поглядывала на ставший узким в поясе нарядный **зипун** (с. 14). В эвенкийских словарях слово **зипун** приводится в качестве русского соответствия эвенкийской лексике: **боркича** — ‘зипун отрезной в татьянку’ (борчатка? — Л.С.), **даку** — ‘свободный зипун из сукна’, **дуды** — ‘зимний зипун из шкуры оленя’, **депче** — ‘зипун’, **сипун** (зипун? — Л.С.) — ‘мужской и женский повседневный зипун’ [Кочнева, с. 36].

Ср.: у Ю. Шесталова: *ягушка с узорами* — ‘нарядная женская шуба’, *парка* — ‘верхняя меховая одежда’, *малица* — ‘глухая одежда мехом внутрь, бывает с капюшоном и без’ («Югорская колыбель») и т. д. [Михайловская, 1984, с. 56].

В эвенкийском языке *холме* — ‘фартук’, *кумалан* — ‘коврик из шкур головы оленя’ [Кочнева, с. 7, 34, 37], есть *холми-ми* — ‘вдеть нитку в иголку’ [ЭРС-2]. Слово *парка* воспринимается русским читателем как экзотизм, в эвенкийском же есть ему собственное соответствие: *хонилма* — ‘парка’ [Кочнева, с. 37]. Близких по значению слов для *сакуй*, *сунмэ* в словарях эвенкийского языка нет.

Названия обуви в романе М. Ошарова более разнообразны — *лекомеи*, *арамусы*, *хамчуры*, *чекульмы*, *унтики*: *Рассказывает Конор и о красоте человека, согретого весенним теплом; о первой красавице становищица, которая так хороша в своём цветистом хольмэ и узорчатых лекомеях* (сноска: ‘лёгкая замшевая обувь’), *расшитых её маленькой, умелой рукой...* (с. 32); «*Шиктолок, — не выдержал Микпанча, — ты кому шьёшь лекомеи?*» (с. 84); *Не шей мне лекомеи, Шиктолок, ты лучше затяни мне уши, чтобы я не знал, когда твоё сердце стучит желной* (с. 85); *Он, видимо, перевязывает ремни лекомей* (с. 88); *Пока они будут отминать в руках засохшие за ночь подошвы локомеев, жарить мясо, я найду свою Шиктолок* (с. 115) (слово *лекомеи* приобретает в тексте сюжетобразующую функцию, так как свидетельствует о зарождающейся любви между Шиктолок и Микпанчой); *Поношенные камысовые ботинки сидели на ноге его аккуратно, а узкие арамусы* (сноска: *арамус* — ‘ноговица, длинная меховая гамаша на всю ногу’) *плотно облегли мускулистые бёдра* (с. 81); *Атэк помяла засохшие подошвы хамчур* (сноска: *хамчуры* — ‘низкая меховая обувь’), *растеребила мягко травяные стельки и подала мужу* (с. 142); *Атэк подбирала мохнатые щёточные подошвы. Она торопилась обуть Бали в новые тёплые чекульмы* (с. 143); *Ты видишь, я дошиваю унтики* (сноска: *унты* — ‘меховаявысокаязимняяобувь’) *для Курумбук* (с. 132). **Всего 9 употреблений.** В МАС отмечено слово *унты* — ‘меховая обувь на мягкой подошве, распространённая у народов Севера и Сибири’.

В произведении Ж. Трошева также есть слова, обозначающие обувь: *чекульмы*, *бокари* — **2 слова**. Если у М. Ошарова *чекульмы* — ‘тёплая мужская

обувь', то у Ж. Трошева — 'обувь на один сезон': *Может быть, спрашивая о подаренных оленях, ты ещё спросишь о прошлогодних чекульмах?* (сноска: 'обувь на один сезон'). Тут иносказательно и насмешливо: «ищешь вчерашний день». — Л.С.) (с. 139). Вместо слова *унты* употребляется слово *бокари* (высокая тёплая мужская и женская обувь из камуса, как нарядная, так и повседневная (по нашим наблюдениям и записям, повсеместно в регионе и эвенками, и русскими такая обувь называется *бокари*): *Выручали только тёплые бокари, сшитые руками Дее-рок* (с. 146).

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *когонеки* — 'национальные платья', *маймах* — 'мягкий сапог', *таары* — 'национальные халаты', а также: *ичиги, пимы, унты*.

В эвенкийском языке *арамус* — 'длинная ноговица', 'наколенники (вид одежды)', *боколи* — 'шкура с нижней части груди оленя' [ДСЭЯ, с. 17, 26], в «Эвенкийско-русском словаре»: *арамус* (*арамухи, арамужи*) — 'ноговица (длинная гамаша на всю ногу)'; *чекулма* — '1) зимние меховые унты до колен; 2) ноговицы'; *бакари* — 'высокие меховые зимние унты'; *унты* — 'обувь, унты' [ЭРС2]; *унты* — 'обувь (всякая)', *бакари* — 'высокие меховые зимние унты' [ЭРС]. В другом источнике *бокари* указываются в качестве русского эквивалента: *хэвэри* — 'бакари' [Кочнева, с. 37]. Также в эвенкийском языке: *лэкэми* — 'замшевые унты летние', *чикулма* — 'зимние мужские унты', *кумалан* — 'коврик из шкур головы оленя' [Кочнева, с. 7, 34, 36, 37]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *унта* — 'обувь из камуса, короткая, ниже колен' (с. 47); *кумалан* — 'меховой коврик, сшитый из шкур головы оленя, лося' (с. 46). Таким образом, нами не обнаружено близкого соответствия в эвенкийском языке слову *хамчуры*.

В 1817 году Н. В. Семивским слово отмечено в русских говорах: *унты* — 'тёплые, из барловины, сапоги без поднаряду, из барловой зашейной подошвы' [Семивский, 1960, с. 7]. В «Словаре языка мангазейских памятников: XVII — первой половины XVIII вв.» Н. А. Цомакион отмечены как *унты*, так и *бакари*: *бакари* — 'обувь из шкуры с оленьих ног', *унты* — 'меховая обувь на мягкой подош-

ве, распространённая у народов Севера и Сибири' [СЯМП]. А. П. Щаповым отмечаются в русских туруханских говорах слова: *парка* — 'верхняя одежда из оленьей кожи' (на что Н. А. Цомакион замечает: «изготавливается из оленьей шкуры с мехом»), *хольми* — 'нагрудник из ровдуги' [Цомакион, 1960, с. 13].

Слово *бокари* известно в современных русских говорах региона: 'охотничья обувь, сшитая из выделанной шкуры лося' [Петроченко]; 'самодельная обувь из кожи лося' [СРГСРКК]; '1) обувь, сшитая из кожи лося, оленя, коня; 2) мужские промысловые суконные чулки' [СРГЦРКК, т. 1]. В русских говорах представлено слово *арямужи* — 'тёплые суконные брюки, надеваемые на охоту' [Петроченко], *арямужи*, *альямужи* — 'тёплые суконные брюки для охотников' [СРГСРКК]; *арямужи* — 'обувь с длинными голенищами из крестьянского или грубого сукна, на кожаной подошве, удобная для охоты' [СРГЦРКК, т. 1].

Слова *унты*, *бокари*, *чекульмы*, *арамусы* известны в русских говорах региона.

6.2. К этой же группе можно отнести слова (3), обозначающие материал: **хаикта** и **камыс**, **лосина** (**защитная лосина**). *Хаикта* — внелитературный экзотизм со значением 'кора жимолости, используемая в качестве портянок'. *Камыс* в формах *камус* и *камас* отмечено в МАС со значением: 'обл. Шкура с голени лося, оленя и других копытных животных, идущая на изготовление обуви, рукавиц и др.'. В тексте М. Ошарова: *Тогда Амурча сдёрнул с головы одеяло и потребовал у жены свою одежду с сушил, а сам начал обматывать ноги хаиктой — корой жимолости* (с. 61); *Хаикты нет поблизости, а надранную кору я берегу к морозам* (с. 61); *Делайте камыс* (сноска: 'меховая подшивка') *для лыж* (с. 62); *Микпанча залюбовался рассветом, развел огонь и стал аккуратно обрезать ножом лишний камыс* (с. 62), а также с. 63, 65, 66, 132–8 **употреблений**.

Материал обозначается и словом *лосина*. Хотя оно отмечено в МАС без помет ('выделанная лосиная кожа'), по тексту близко к экзотизмам, так как обозначает материал, которым эвенки покрывали жилище и из которого изготавливали национальную одежду, служащую защитой от стрел в бою: *Теперь по насту набью десятка полтора сохатых, шкуры вымнет на лосину мать, и у нас будет настоящий эллон* (с. 83); *Только матери теперь не выделат мягкой лосины, кры-*

шу за неё сделает сама чирокчана (с. 83), а также с. 140; Упала с плеч защитная лосина, а с нею упал и воинственный дух куркогиров (с. 25); Непобедимые когда-то воины сбросили с себя тяжёлое и неудобное боевое одеяние — из сложенной в несколько рядов лосины, в которой увязали самые острые стрелы, и оделись в тонкую замшу (с. 25). Всего 5 употреблений. Итак, у М. Ошарова в данной группе 3 слова и 13 употреблений.

В произведении Ж. Трошева также есть слова, обозначающие материал: **ка-мус, тыкса**. Вместо слова *камыс* с тем же значением употребляется *камус*: *Сауд шёл, скупо расходуя силы, расслаблялся, скатываясь на широких лыжах, подбитых камусом* (сноска: ‘шкура с ног оленя или сохатого; его ворс способствует скольжению и хорошо тормозит’) — *обходил крутые подъёмы стороной, определял по усталому лаю собак, в каком направлении идёт сохатый* (с. 121). Ж. Трошевым также употребляется слово *тыкса*, не используемое М. Ошаровым: *Разучится тунгус делать берестянку и замёрзнет в тайге, не умея покрыть чум тыксой* (сноска: ‘специально выделанная береста для покрытия чума’) (с. 54).

Ср.: у Г. Ходжера: ...*снег стал мягко ложиться под лёгкие охотничьи лыжы, обшитые камусом*; у В. Санги — сноска: *камус* — ‘обшивка для дыж; изготавливается из меха, снятого с оленьих ног — *изгин*’ («Гайчи»); у Ю. Шесталова — сноска: *камус* — ‘мех лося, который подшивают к лыжам; из *камусов* лосиных лап шьют обувь’ («Большая оленья дорога») [Михайловская, 1984, с. 49].

Слово *хаикта* фиксировано в словарях эвенкийского языка: ‘1) сухая жимолость; 2) травяная стелька’ [ЭРС]; ‘1) болотная трава, высохшая на корню (употребляется для стелек); 2) стелька’ [ЭРС-2]; ‘портянка из травы’, ‘травяная стелька’ [Кочнева, с. 34, 37]. Слово *камус-камыс* воспринимается русскими как экзотизм, эвенки же воспринимают его как русское слово, по-эвенкийски это *оса* (южное наречие) и *оха* (северное и восточное наречие) [Кочнева, с. 6]. В эвенкийском языке *тыкса* — ‘покрышка для чума из бересты’ [Кочнева, с. 40]. *Тыкса* — ‘берестяная покрышка на юрту (сшитая из трёх длинных вываренных берёст)’ [ДСЭЯ, с. 133], *тыка* — ‘1) берестяная покрышка на чум (сшитая из трёх вываренных берёст); 2) берестяная покрышка на шалаш’ [ДСЭЯ, с. 133]. Таким обра-

зом, все слова группы известны в эвенкийском языке.

Слова *камус* или *камас* отмечены в качестве диалектной лексики русских говоров региона: ‘шкура с голени лося, оленя’ [СРГСРКК]; *камус*, *камос* — ‘шкура с голени оленя, лося, лошади’, *камыс*, *камас*, *камус* — ‘шкура с голени лося, оленя и других копытных животных, идущая на изготовление обуви, рукавиц, украшений, на подбивку лыж’ [СРГЦРКК, т. 2], *камусы* — ‘обувь из оленьей кожи’ [Чащин]. *Хивокта* и *тыкса* не известны русским говорам.

6.3. Ближе к одежде в тексте М. Ошарова стоит частотное именование дорожной сумки — **турсук**: *Потом она, незаметно для других, уходила к турсукам, доставала грубое резное изображение чоодорока и мазала его жиром* (с. 39); *Выйдя на берег, Микпанча увидел, как Шиктолок и чирокчана, отпустив оленей, приводили в порядок турсуки и стаскивали в кучу мягкие седла* (с. 54), а также с. 73, 91, 104, 136, 140, 141. **Всего 8 употреблений.**

Ср. также у М. Ошарова: *Пока Давэ и Конор расседывали оленей и снимали перемётные сумы с добром Шиктолок, в чуме вспыхнул огонь семейного очага* (с. 43).

В МАС *турсук* квалифицируется как диалектизм, хотя, скорее, это ошибочно, вероятнее, это всё же экзотизм: *турсук* — ‘обл. Кожаный мешок для кумыса’. В эвенкийском языке отмечены выражения *инмекту бидэрэн* — ‘в турсуке лежит’ [ЭРС, с. 20], *инмэк* — ‘турсук’ [Кочнева, с. 40]. В тексте *турсук* воспринимается русским читателем как экзотизм под влиянием стилевой доминанты, в эвенкийском же языке это слово считается русским эквивалентом эвенкийского.

Слово *турсук* давно известно в русских сибирских говорах. Ещё в 1847 году Н. В. Семивский отмечал: *турсук* — *из бересты сделанный кузов, в котором продают грибы и ягоды* [Семивский, 1960, с. 13]. В 1865 году М. Ф. Кривошапкин отмечал слово *турсук* как ‘кожаный мешок’ [Кривошапкин, 1960, с. 52–72]. Слово употребляется и в современных русских говорах: *турсук* — ‘большая сума из выделанной оленьей шкуры или бересты’ [Петроченко]; *турсук* — ‘кожаный мешок’ [СРГЮРКК]; ‘1) мешок, сшитый из оленьих шкур; 2) деревянный ящик на ремнях, надеваемый за спину’ [СРГСРКК]. В языке южных эвенков [Абрамова,

2007]: *кото, пота* — ‘нож’ (с. 46).

В романе Ж. Трошева упоминается **турсук**, а также приводится другое именование-экзотизм — **потокуй**: *А чего же: вымя, как дорожная сумка-потокуй, и на нём не два, а четыре соска!* (с. 86); *Достаньте пустые турсуки!* (с. 326).

В словарях эвенкийского языка *потак, пота* — ‘мягкая выючная сумка — «потка»’ [ДСЭЯ, с. 133]. *Пота* — ‘заплечная выючная сумка (из камысов)’ [ЭРС], *пота* — ‘мягкая выючная сумка (из камысов — шкурок с ног оленя)’ [ЭРС-2], *пота* —

‘мешок из шкур головы оленя’, ‘мешок из камуса’ [Кочнева, с. 35, 40]. А. П. Щапов (1872) упоминает в качестве заимствованных в русских туруханских говорах слова *потакуй* — ‘тунгусский саквояж, употребляемый и русскими’, *тиска* — ‘вываренная береста, употребляемая русскими вместо покрывала во время дождя при плавании по Енисею’ [Цомакион, 1966, с. 402]. Слова *потокуй* нет в современных русских говорах региона (в Мотыгинском районе на север от Ангары были посёлки Кукуй и Потакуй — в советское время — пос. Орджоникидзе).

Всего в группе в романе М. Ошарова 13 слов, 43 употребления, у Ж. Трошева — 10 слов.

7. Создают атмосферу национальной речевой среды и экзотизмы, обозначающие людей по какому-либо признаку, и обращения. Всего 8 слов, из них 5 из эвенкийского языка, 3 — русские диалектизмы: **богыдя, бали; ака, они; старшак, яменьшак, меньшуха; бэе (бойе). Всего 8 слов, 24 употребления.**

7.1. *Богыдя* — ‘незаконнорожденный’, *бали* — ‘слепой человек, слепец’. Богыдя — это прозвище одного из героев произведения, в какой-то мере определяющее его жизнь. Таким образом, этот экзотизм несёт в тексте сюжетобразующую функцию. Вторая часть романа «Большой аргиш» называется «Бали», по кличке того же героя, который постарел и ослеп и теперь носит другое имя-прозвище, то есть во второй части произведения это слово также выполняет сюжетобразующую и концептуальную функцию: *бали* — бесправный, униженный простой эвенкийский оленевод, который не видит выхода из создавшегося положения, не может сопротивляться и бороться: *Хуже того, у чабуна была дурная кличка — «бо-*

гыдя», что значит «дитя любви», человек, не знающий отца (с. 38); Кто будет дружить с парнем, настоящее имя которого забыто и которого все знают под дурной кличкой «*богыдя*»? (с. 63), а также с. 63, 64, 66, 67–2 употреблены, с. 95. Теперь я не человек, не зверь, а... так... слепец — *бали* (с. 133). **Всего 9 употреблений.**

В эвенкийском языке *бали* — ‘1) закрыть глаза, прищуриться; 2) ослепнуть’ [ДСЭЯ, с. 12]. По другому изданию этого словаря *бали* — ‘слепой’; *богыдя* — ‘1) девушка, родившая ребёнка вне брака; 2) ребёнок от внебрачной связи’ [ЭРС-2, с. 23]; *бали* — ‘слепой’ [Кочнева, с. 26–27]. В русских говорах *богыдя* и *бали* не зафиксированы.

Родственные и родовые отношения в романе М. Ошарова обозначаются через диалектизмы *старшак, меньшак, меньшуха*: *Купленные девочки зацвели, будто таволги на горных склонах, а за ними невзрачным плауном набирал цвет и старшак Амурча* (с. 28); *На глаза Молошко попался старшак* (с. 47); *С этого дня старшак становился Молошко всё чаще поглядывал на горы, отыскивая в них проталины* (с. 73); *Мой брат, меньшак Микпанча, против моего согласия отдаёт сестру чирокчану в жены Богыде* (с. 95); *Бали сидел возле спящей Пэтэмы и нянчил меньшуху Курумбук* (с. 146). **Всего 5 употреблений.**

Ср.: дробное обозначение родственных отношений через экзотизмы отмечено в произведениях Севера и Дальнего Востока Н. Г. Михайловской [Михайловская, 1984, с. 41].

МАС: *меньшак* — ‘обл. Младший сын или брат’. СРГСРКК: *меньшуха* — ‘младшая дочь’. СРГЮРКК: *меньшак* — ‘1) младший сын, 2) младший брат’. Слово *старшак* не фиксировано в русских говорах региона, но, несомненно, в качестве потенциального вполне возможно. В тексте романа Ж. Трошева нет слов *богыдя, бали; старшак, меньшак, меньшуха*.

7.2. *Бэе* — ‘друг’. Интересно в текстах первой и второй частей романа сопоставление вариантов экзотизма *бэе* и *бойе*: *Мои следы идут к твоему чуму, бэе* (сноска: *бэе* — ‘друг’) (с. 65). Ср.: *Шодоуль, откинув с лица одеяло, лежал с открытыми глазами и тихонько мычал. «Бойе!.. Бойе!», — робко окликнул Шодо-*

уля *Бодой* (с. 136). (Как **бойе** (и как **Байе** — **Боё**) слово используется также в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева, где кличкой собаки назван первый рассказ «Бойе» [Астафьев, 1986, с. 3–35]: *За братом тенью таскался кобель по кличке **Бойе**. **Бойе** или **Байе** — по-эвенкийски друг. Коля кликал собаку по-своему — **Боё**...* [Астафьев, 1986, с. 8].) В романе Ж. Трошева приводятся два варианта слова — **бэйе** и **бэйё**: *Тарова, тарова, **бэйе**, Большой Ошар!* (с. 98); *Ты, **бэйё**, что-то хотел сказать мне о шаманах, о Соргок?* (с. 191); *Извини, **бэйё**, это я сгоряча, не сдержался от неожиданности* (с. 192). **Всего 3 употребления.**

Итак, в целом отмечаются шесть следующих графических (и фонетических) вариантов слова: *бойе, бэе, байе, боё, бэйе, бэйё*. В русифицированной форме *бойе* (эвенкийскому языку присуще аканье) слово начинает закрепляться в языке художественной литературы. Та же графическая неустойчивость наблюдается в написании *Дулу* и *Дулю* — ‘земля шаманов’. Используются два варианта слова *люча* и *лючаль* для обозначения русских (у М. Ошарова только *люча*), оба слова достаточно частотны. Варианты внутритекстовые М. Ошарова: *лейкомеи* — *локомеи*, *баляга* — *балага* и др.

В эвенкийском языке *бэйэ* — ‘1) мужчина, 2) человек’ [ДСЭЯ, с. 12]; *бэе* — ‘1) тело, 2) человек, 3) мужчина, 4) самец, 5) муж, 6) личность, 7) обращение’ [ЭРС-2]; *бэе* — ‘мужчина’ [Кочнева, с. 26–27]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *бэе, илэ* — ‘человек, мужчина’. В русских говорах Приенисейской Сибири эти слова не употребляются.

7.3. У М. Ошарова: *ака* — ‘почтительное обращение к пожилому человеку, мужчине или женщине’, *они* — ‘почтительное обращение к пожилой женщине; мать’: *Пусть будет моё жилище приютом тебе, ака* (сноска: *ака* — ‘обращение к пожилому человеку’) (с. 65); *«Ака, твой сын хорошо мечет в цель копьё и лучшие многих рубит пальмой», — проговорил Микпанча* (с. 66), а также с. 68, 82, 88, 89; *О чем ты, они* (сноска: ‘мать’), *жалеешь?..* (с. 64). **Всего 7 употреблений.**

В качестве обращения к пожилым людям Ж. Трошев использует слова **ака** (которое в его тексте относится только к мужчине) и **ами** (вместо *они*, приводимом в романе М. Ошарова). Дополнительно используются: **самана** (‘колдунья,

шаманка'), **сонинг** ('богатырь'), **хутама** ('рыжий'). **Всего 5 слов:** Скажи, **ака**, разве моя жена Апчода стала хуже, как выучилась читать, писать, понимать законы? Ты это лучше меня знаешь, **ака!** (с. 68); «Ты опасайся, **ака**, — предупредал Микпанча, — моя жена тайная шаманка». Старый учитель уже знал, что у северян нет обращения на «вы», знал, и ему нравилось это мягкое — «**ака**», обращённое к нему, и «**ами**» — к старой женицине. Все доброжелательные люди называют незнакомых — отец, мать... (с. 294); Вот тебе и колдунья! Вот тебе и «**самана**!» (с. 52); Гордая мать растит гордого сына-**сонинга!** (с. 68); Разве так поступает настоящий тунгус, **сонинг?** (с. 81); Мои глаза радуются: я вижу **сонинга!** (сноска: 'воин, богатырь' (эвенк.)) (с. 152); Сам дурак, **хутама!** (сноска: 'рыжий' (эвенк.)) (с. 198).

Ср.: «Возрастной признак — вне родственных связей — определяет характер лексики при обращении младших к старшим и старших к младшим» [Михайловская, 1984, с. 42]. Автором отмечено следующее: у Г. Ходжера — *дака*, у В. Санги — *нгафкхуна* в качестве почтительного обращения к старшим, у Г. Ходжера *неку* — обращение старших к младшим и т. д.

В эвенкийском языке *акай*, *аки* — 'брат, братец (при обращении к старшему брату, к дяде — младшему брату отца и матери)', *ами*, *амака* — 'отец, папа (при обращении)' [ДСЭЯ, с. 12, 21, 33, 94]. По другому изданию *ака* — '1) дядюшка, дядя (младший брат отца, матери); 2) старший брат (при обращении)'; *ами* — 'отец (при обращении)'; *саман-ми* — 'шаманить', *хутама* — 'рыжий, огненный' [ЭРС-2]; *аки*, *аке* — 'старший брат', *эни* — 'мама, мать' (ср.: *индяма* — 'рыжий') [Кочнева, с. 26–27, 43]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *ака*, *аки* — 'дядя'; *ама*, *амин* — 'папа, отец'; *амака* — 'дед'; (с. 27). Ср.: в ХРС *ана* — 'мать'.

Слов *сонинг*, *хутарма* в словарях эвенкийского языка нет. Все эти слова не употребляются в русских говорах.

В произведении Ж. Трошева употребляются диалектизмы русского языка. Часть из них обозначают особые понятия, связанные с хронотопом (М. М. Бахтин) — местом и временем действия, это слова, употреблявшиеся в описываемое время: *тунгусники*, *спиртоносы*, *золотишники*, *многооленички*, *безоленные* — и

близкие им *интегралка, потребилка, долить, заборные книжки* (9 слов). Этих слов нет в диалектных словарях, это историзмы (советизмы) того периода: *чего не умел — перенял у бесцеремонных купцов-тунгусников* (с. 246); *Научился ловко прятать следы у спиртоносов* (с. 246); *Какой-то дошлый и неуловимый варнак, охотник за золотишниками, спиртоносами, а особенно за государевой соболиной казней, научил Анкоуля за богатую мзду и благодарность, что укрыл князь его от полицейских ищеек и неминуемой казни без суда, делать из бересты глушителю* (с. 246); *А вы цепляетесь за пустые, как птичья кость, слова многооленищников!* (с. 67); *Пояснили, зачем и это коллективное стадо: для других приходящих безоленных бедняков-охотников* (с. 128); «*что будем делать?*» — «*Не знай. Думай, как лучше? — положился на друга Рауль. — Долить* (сноска: ‘отпускать в долг’), *бывает, станешь?*» (с. 202); *Те, кто уже был причастен к кооперации и имел заборные книжки, в которые была вписана сданная пушнина и забранный товар, согласно и одобрительно закивали головами* (с. 16); *Теперь, Ошар, в каждой лавке — «интегралке» да «потребилке» — общее стадо бедняков* (с. 188); *Разве «потребилка» и «интегралка» не новая ниматчина? А товарищество — не старый, добрый умунду индёрэ — совместный выпас?* (с. 249) и т. д.

Итак, в романе М. Ошарова употребляется всего 8 слов группы, 24 употребления, в романе Ж. Трошева — 14 слов.

8. Не очень разнообразной, но в оригинальном сочетании экзотизмов и диалектизмов выступает лексика природы и охоты. Это 7 слов-экзотизмов: **чуки; пальма, куринга; кулин, диунок; юксы; илкун** — и 16 слов-диалектизмов: **лабаз, могильный лабаз, лабазить, залабазить, затёс; слопцы, пасти, плашка, кулёма, кулёмка, острога; соболевать, соболятник, белковать; узорить, сторожко. Всего 23 единицы.**

8.1. *чуки* — ‘старинный эвенкийский охотничий обряд’, *пальма* — ‘охотничий нож’, *кулин* — ‘змея’, *диунок* — ‘осиное гнездо’, *юкса* — ‘сыромятный ремень, служащий креплением к лыже’, *куринга* — ‘ободранная тушка белки (как эталон чего-либо отвратительного)’, *илкун* — ‘период созревания ягод, июль — август’:

«Теперь, Шиктолок, мы с тобой совершим старинный охотничий обряд — **чуки** над нашим медведем», — начал Микпанча, когда вспыхнули тонкие ветки (с. 117); Микпанча не говорил, что нужно возвращаться домой, подтащил к огню медвежьё голову и стал весело продолжать над нею начатый **чуки**, хотя эту часть обряда должны были выполнять мальчики (с. 118), а также с. 118, 119–3 **употребления**. Микпанча поторапливал оленя и зорко следил за недавними затесами на деревьях, которые Молошко наносил своей **пальмой** по пути к становищу Хорболя (с. 33–34); Он, с детства заучивший заговоры против медведя, встретившись с хозяином тайги, никогда не повторял старых заклинаний, а смело выпускал стрелу прямо в сердце могучего зверя, если же стрелы было мало, принимал медведя на острое лезвие **пальмы** (сноска: *пальма* — ‘нож, насаженный на длинную рукоять’) (с. 35); см. также с. 35, 36, 41, 42 — 2 **употребления**, с. 52, 61, 66, 74, 76, 88, 88, 90, 92, 92, 101, 102, 107–6 раз; с. 108, 114, 117, 119 — 4 **употребления**, с. 120, 124, 130, 139, 140; Амурча казался Микпанче **курунгою** — трупом ободранной белки (с. 71); «**Кулин** — змея!» — вырвалось у неё (с. 113); Голова её походила на осиное гнездо — **диунок**, подкуренный дымом (с. 117). **Юксы** вдёрну потом (с. 62); Когда я вдёрну **юксы**, ты протрёшь камыс жиром, и тогда они сами будут нести тебя по снегу (с. 63); А Микпанча принялся доделывать лыжи — сверлил дыры для **юкс**, а затем продёргивал ремень и строил хитроумную петлю для ноги (с. 69), а также с. 69, 70, 76. 78, 78–79, 95; На третье лето после поездки к Хорболю, в месяц налива ягод — **илкун** Микпанча собрался навестить давнего друга Калтана (с. 36); Девочка будет. Ждите, приеду помогать Анне в **Пору Мирэ** (сноска: ‘февраль’ (эвенк.)) (с. 78). **Всего 55 употреблений**. См. далее аналогичное употребление у А. И. Чмыхало. Особо часто слово *пальма* — 34 **употребления**. Это свидетельство важности охоты для героев произведения. Слово *юксы* выполняет ту же символическую функцию, что и *лекомеи*. Они выступают как парное свидетельство любви двух молодых людей: *лекомеи* шьёт для Микпанчи Шиктолок, Микпанча поправляет ей *юксы*: Когда была готова **юкса**, он попросил Шиктолок: «Надень лыжу, я смерю задний ремень по ноге» (с. 69); Шиктолок, дай твою ногу, я примерю **юксу**, пока Амурча не

взялся ещё за работу (с. 70); «Микпанча, — обратилась Шиктолок к деверю, — у меня ослаб ремень **юксы**, и я не могу управлять лыжей» (с. 78); Он понял, что ссылка на **юксу** была маленькой уловкой: Шиктолок хотелось хоть немного побыть наедине с ним (с. 78–79). Это неоднократно в таком сочетании повторяется: Ты носишь декомец, сшитые Шиктолок, и распутываешь её **юксы** (с. 95) и т. д. Автор тонко замечает роль бытовых вещей в духовной жизни героев, их символическое значение.

Название периода года в романе М. Ошарова иногда переводится: *Брат Гуткона — Точима — в месяц красного листа ослеп* (с. 123); «Друг, — сказал Моронёнку, прощаясь, — **в красный лист** ты можешь встретить меня за гольцами на речке Иной» (с. 337); *Молошко умер в разгар краснолистья* (с. 60) (ср.: в романе Ж. Трошева: *Это ещё более нетерпеливые женихи торопили Чарулинь — Порую набухания почек и девичьих грудей. Порую любви* (с. 166)).

Эта лексика маркирует инонациональную речевую среду, что используется, например, в фантастической литературе; время обозначается специальными номинациями. Так, в романе А. Сапковского «Башня ласточки» [Сапковский, 2004]: *Потом главным трактом в Форгейам, где и пробуду до Эквинокция, а может быть, и подольше* (с. 51); *Два дня назад было. Равноночие. Эквинокций* (с. 197); *Сочевник Саовины... — последняя ночь перед ноябрьским новолунием* (с. 398). В эвенкийском улуки — ‘белка’ [Кочнева, с. 27]. В эвенкийском языке: *черули* — ‘1) тихо, спокойно, бесшумно; 2) тихий, бесшумный’ [ЭРС].

В эвенкийском языке [ДСЭЯ]: *чуки* — ‘1) ритуальное захоронение медвежьего черепа в пучке прутьев, насаженного на надрубленное дерево или подвешенного на дерево; 2) небольшой помост для костей медведя’ (с. 203); *кулин* — ‘змея’ (с. 65). В «Эвенкийско-русском словаре» [ЭРС]: *чуки* — ‘1) череп и кости медведя (навешенные на дерево); 2) небольшой помост на свае (для костей медведя)’; *кулин* — ‘змея’; *илкун* в эвенкийском языке — ‘период созревания ягод, июль — август’. В последующем издании словаря [ЭРС-2]: *чуки* — ‘1) череп медведя (в пучке прутьев насаженный на нарубленное дерево или подвешенный на дерево; 2) небольшой помост (для костей медведя)’; *кулин* — ‘змея’; *илкун* —

‘период созревания ягод (июль — август)’; [Кочнева]: *кулин* — ‘змея’, *илкун* — ‘июль’ (с. 29, 32). В словаре К. С. Абрамовой: *мирэ* — ‘январь’ (с. 44); *чоролин* — ‘вторая половина июля’ (с. 44); *кулин* — ‘змея’ (с. 49); *мэрипки*, *улгуки* — ‘бурундук’ (с. 31); *улэу*, *мудурэк* — ‘хитрый, обманчивый’ (с. 8); *улуки* — ‘белка’ (с. 31). В словарях эвенкийского языка не отмечены *диунок*, *куренга*, *пальма*, *юксы*.

Экзотизмы *чуки*, *кулин*, *диунок*, *илкуй*, очевидно, можно отнести к экзотизмам текста. Они, вероятно, использованы в русском языке автором впервые. Слово же *пальма* известно в русских говорах тех мест. Например, оно отмечено в «Словаре рыбаков и охотников Северного Приангарья» В. И. Петроченко (*пальма* — ‘большой нож на длинной рукоятке, используемый при охоте на медведя’) [Петроченко]. Приведены в этом словаре и слова *куреньга* и *юксы*: *куреньга* — ‘приманка для рыбы или зверя’: *Куреньга у охотников всегда была. Шкурку с белки снимаешь, а саму тушку — куреньгу — для наживки берешь*; *юксы* — ‘лыжные крепления’. Слова *диунок*, вероятно, нет в русском диалектном языке, так как оно не отмечено в местных словарях и в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, вып. 8].

8.2. Слова, обозначающие способы охоты и захоронения: *лабаз*, *могильный лабаз*, *лабазить*, *залабазить*, *затёс*. Слова *лабаз* и *затёс* есть в МАС, первое как диалектизм, второе — как общенародное слово без помет, *лабазить*, *залабазить* в МАС не отмечены: *лабаз* — ‘обл. помост на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя’; *затёс* — ‘метка, зарубка на деревьях’. В тексте *лабаз* имеет другие значения: ‘1. Помост на ветвях деревьев для хранения добытого мяса и продуктов питания в целях сохранности от зверей. 2. Ориентир места стойбища. 3. *Могильный лабаз*, *лабаз* — место захоронения’. *Лабазить* — ‘поднимать тело покойника на лабаз, хоронить’. *Затёс* — ‘метка охотника на деревьях для ориентировки в тайге, для того, чтобы найти обратную дорогу’. Это слово в другой форме (*затесь*) использовал В. П. Астафьев: «Затесь — сама по себе вещь древняя и всем ведомая — это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таёжники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты

к мете, часто здесь получалась тропа, затем дорога, и где-то в конце её возникало зимовье, заимка, затем село и город. В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затесины», «затески», «затёсы», по-сибирски — «затеси» [Астафьев, 1997, с. 8]. Это слово, вынесенное автором в заголовок, стало необычайно ёмким, концептуально-символическим: «Судя по письмам и откликам на «затеси», человек русский сделался за последние десятилетия ещё более одинок и всеми покинут, и если мои «затеси», эти мимоходные зарубки и меты на стволах «древа жизни», хоть немножко, хоть чуть-чуть обозначат ему просвет впереди, укажут тропинку к собеседнику, утешат его в горькой этой и всё более и более духовно и материально нищающей жизни, а кого, быть может, и образумят, заставят вспомнить о Боге и ближнем своём, значит, не зря началась и продолжается во мне эта беседа и работа, как выяснилось, необходимая чаще всего совсем одиноким, неутешным, всеми забытым, всеми покинутым людям» [Астафьев, 1997, с. 538].

В тексте М. Ошарова: *На широкой Кимчу и стоят лабазы богатого эвенка по имени Молошко из старинного, славного рода куркогиров (с. 24); Молошко вспомнил далёкую молодость, Хорболь, у которого уже облюбовано было дерево под могильный лабаз, задумчиво покачал головой (с. 30); «Этот лабаз был по моему... Лабаз женский! — добавил шаман. — Худо, за лабазом женщины стоит другой, в нём — мужчина» (с. 104); Великого подвига Микпанча ещё не совершил, но знал, что воинственные прадеды могут спокойно дотлевать на своих могильных лабазах (с. 35); Рауль зажарил на вертеле жирную мякоть, сделал лабаз. Он сбросил на лабаз мясо и сел на мягкую шкуру перед огнём (с. 161); Рауль закинул шкуру сохатого на лабаз поверх мяса и вышел лыжней к ночёвке неизвестных людей (с. 162); Потом залабазил их на две могилы (с. 126); «Отец, лабазить (сноска: лабаз — ‘помост или хозяйственный склад, устроенный на пнях высоко спиленных деревьев’; лабазить — ‘поднимать на лабаз’; для покойников лабаз являлся «воздушной могилой») покойника будет долго», — сказал он (с. 138); Микпанча поторапливал оленя и зорко следил за недавними затесами на деревьях, которые Молошко наносил своей пальмой по пути к становищу Хорболя*

(с. 33–34). **Всего 12 употреблений.**

8.3. Слова, обозначающие виды охотничьих ловушек, все принадлежат русскому языку (всего 6 слов); часть из них — диалектизмы, отмеченные в МАС, или фиксированная в литературном языке специальная охотничья лексика — *пасть, плашка, острога, кулёма, кулёмка, слопцы*. *Пасть* — ‘обл. и охот. западня для ловли зверей, птиц’; *плашка* — ‘охот. ловушка для мелких зверей (белок, хорьков и т. п.)’; *острога* — ‘колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями’. Слов *кулёма, кулёмка, слопцы* нет в МАС, но все они известны в русских говорах региона: *На яру нашла старую кулёму* (сноска: *кулёма* — ‘давящая ловушка на медведя’). *Кулёмку* сделал я, и в ней на оленье кишки добыл медведя (с. 155); *Он доделал новую лодку, взял пальму, лук, острогу* (с. 36); *А осенью, когда оседала речная муть и вода становилась чище слезы, небо же черней задымленной полости чума, он брал острогу и без промаха метал её в юркого муксуна или хищного тайменя* (с. 35); *Пасты с осени стоят пустыми, в них ещё никто не попадал* (с. 66); *Голову жмёт плашкой* (сноска: *плашка* — ‘давящая ловушка на мелких зверьков’) (с.141); *Давай я сведу твоего оленя к своим и по пути посмотрю слопцы* (сноска: ‘ловушки’) на глухарей (с. 82); *В слопцах твоих, видно, много дресвы, что на неё позарились птицы* (с. 82). **Всего 8 употреблений.**

8.4. К охотничьей лексике относятся слова, обозначающие вид охоты, охотника, отдельные действия и их характеристику. Среди них нет экзотизмов: *соболевать, соболятник, белковать; узорить, сторожко*. В тексте эти слова обозначают ‘охоту на конкретного пушного зверя’ (*соболевать, белковать*), ‘охотника, специализирующегося на отстреле соболя’ (*соболятник*), ‘процесс украшения оружия’ (*узорить*), ‘внимательно, чутко’ (*сторожко*). Слова *узорить* нет в МАС (есть *узор* — ‘рисунок, представляющий переплетение линий, фигур, сочетание красок и т. п.’), остальные слова представлены в литературном языке как диалектизмы, просторечия, специальная лексика: *соболевать* — ‘охот. охотиться на соболя, ставя ловушки’. *Соболятник* — ‘охот. охотник на соболя’; *сторожко* — ‘прост. наречие к сторожкий’. *Сторожкий* — ‘прост. чуткий, пугливый (о животных)’; *белковать*

— ‘обл. охотиться на белок’. У М. Ошарова: *Он знал, что в эту пору катангинские охотники аргишат к сопке Натая **соболевать** (с. 130); На всякий случай привязал повод к руке, поехал быстро с неотвязной думой о чумах катангских **соболятников** (с. 131); В такое утро **белковать** (сноска: белковать — ‘добывать в тайге белку’) только, а не стоять у жилища (с. 137); «Мне не **белковать**», — терзался Бали (с. 147); Охваченный печальными думами, сидел в первые зимние дни чабун у себя дома и **узорил** лук — деревянным ножичком выжимал на бересте рисунки (с. 63); А за ними **сторожко** следили собаки, хватали бросаемые гусиные кости и с жадностью, с хрустом, зажав в лапы, поедали их (с. 90). Всего 6 употреблений.*

В романе Ж. Трошева охотничья лексика представлена скупой: **лабазить, залабазить, плашка, пальма, сторожиться, завалить, скрадок, скрадывать, обмёт (обмётом). Всего 9 слов.** По сюжету герои не показаны в процессе производственной деятельности. Как экзотизмы могут восприниматься только глагол *лабазить* в значении ‘хоронить’ и *пальма* (как и у М. Ошарова). В другом, но прогнозируемом значении употребляется глагол *залабазить* — ‘оставить для сохранения на лабазе’: «**Лабазил** ребёнка, — смотря себе под ноги, тихо сказал он. — Убил его Кордуй» (с. 63); «Я сам **лабазил** моего друга... — потрясённо прошептал Улькиго. — Но я слышу его живой голос...» (с. 99); *Быстро запалил костёр, поставил вокруг него палочки с нанизанными кусочками мяса и, пока оно жарилось, начал **лабазить** мясо. **Лабазил** по-простому: не делал на крепких деревьях настил, не рубил зарубки, не вбивал острые клинья, чтобы не забрались медведь да росомаха, а забрасывал вырезанный из сохатиной кожи ремень на небольшие деревья, нагибал их, привязывал кусок мяса и отпускал ствол. Вскоре разделанная туша оказалась на вершинах деревьев (с. 124), а также с. 125; И **плашки** на белку умеет ставить (с. 130); **Пальма** была добрая (с. 243); *Ружья, что чинили вы, и **пальмы**, что ковали, трубки, подаренные друзьями, — всё это ваша душа (с. 331).**

Есть слова, не используемые М. Ошаровым: *завалить* — ‘убить крупного зверя’, такого значения у глагола нет в МАС. *Сторожиться* в тексте обозначает

‘опасаться, делать украдкой’; в МАС это слово отмечено как устаревшее и просторечное: *сторожиться* — *устар.* и *прост.* ‘остерегаться, опасаться’. *Скрадывать* — ‘следить’, в тексте оно употреблено в переносном значении и обозначает слежку за человеком; у глагола нет такого значения в МАС. *Скрадок* — ‘укромное место охотника’; МАС: *скрадок* — ‘охот. укрытие (обычно в виде шалаша) для подкарауливания зверя или дичи’. ‘Обозначение способа охоты на соболя’ — *обмёт*. Слова *обмёт* нет в МАС, в словаре В. И. Петроченко [Петроченко] *обмёт* имеет другое значение: ‘один заброс невода’: *Сам говорил — большого зверя завалил. Хорошо залабазил* (с. 125); *Как так: тунгус-проводник не ставит тамгу? Кого сторожится, указывая русскому дорогу?* (с. 125); *Мне шепнули: тебя шаман Даварча скрадывал* (с. 325); *Не напрасно ли я сижу в скрадке, не зная точно тропы зверя?* (с. 146); *Русские обложили нас, как соболя, обмёт* (с. 113).

Лексика охоты, используемая в романе М. Ошарова, известна в русских говорах. П. А. Ровинский в 1873 году в «Замечаниях об особенностях сибирского наречия и словаре» отмечал: «Очень употребительна форма глагола, выражающая повторные действия или постоянное его продолжение: *белковать* (охотиться на белку), *нерповать...*» [Ровинский, 1966, с. 79]. О значении промысла соболя для казны свидетельствует «Словарь языка мангазейских памятников: XVII — первой половины XVIII вв.», в котором, наряду со словами *недопесковый*, *недопёсок*, приводятся восемь слов одного корневого гнезда: *недособолёк*, *недособолишко*, *недособоль*, а также *соболя*, *соболишко*, *соболёк*, *соболий*, *соболиный* [СЯМП]. В 1865 году М. Ф. Кривошапкин в работе «Енисейский округ и его жизнь» указывает: *лабаз* —

‘высокое место на дереве для сидения охотнику’ [Кривошапкин, 1966, с. 52–72]. В 1904 году В. И. Анучин в «Материалах к областному словарю сибирского наречия» приводил: *белковать* — ‘охотиться за белкой’, *скрадом* — ‘исподтишка’ [Анучин, 1966, с. 145–192], А. П. Щапов в качестве заимствованного указывает на слово *юкса* в русских туруханских говорах (1872) [Цомакион, 1966].

Эта лексика хорошо известна в современных русских говорах региона: *пасть* — ‘ловушка придавливающего действия на зверей, птиц’; *плашка* — ‘ло-

вушка на пушного зверя'; *кулёма* — 'ловушка на мелкого зверя из брёвен, жердей или досок'; *кулёмка* — 'то же, что *кулёма*'; *скрадывать* — 'подстерегая, ловить зверя'; *скрад* — 'потайной охотничий шалаш, в котором устраивали засаду на зверя' [СРГСРКК]; *белковать* — 'охотиться на белок'; *затесь* — 'зарубка, метка, сделанная топором на дереве'; *лабаз* — '1) ящик на дереве, где охотники до выхода из леса хранят добычу и продукты; 2) небольшой деревянный помост на дереве или на столбах, на котором охотники подкарауливают добычу'; *кулёма* — 'ловушка на мелкого зверя из брёвен, жердей или досок'; *скрад*, *скрадок* — 'укрытие в виде шалаша для подкарауливания зверя или дичи' [СРГЦРКК, т. 1–4]; *лабаз* — 'деревянный настил на высоких столбах, место хранения продуктов, добычи в лесу'; *насть* — 'ловушка придавливающего действия на зверей, птиц, состоящая из двух тяжёлых жердей, концы которых подняты над землёй и опираются на колышек. При сбивании насторожки — тонкой бечёвки, привязанной к приманке, жерди падают вниз, придавливая зверя или птицу; западня для ловли зверей, птиц'; *плашка* — 'ловушка на пушного зверя придавливающего действия, состоящая из расколотого пополам короткого бревна, одна часть которого, приподнятая над второй, опирается на насторожку'; *слопец* — 'ловушка на глухаря придавливающего действия, то же, что *насть*'; *острога* — 'рыболовное орудие в виде вил с несколькими зазубренными зубьями'; *кулёма* — 'ловушка на мелких пушных зверьков придавливающего действия', *кулёмка* — 'уменьшительное к *кулёма*' (по тексту — 'то же, что *кулёма*'), *соболятник* — 'собака, хорошо ищущая соболя'; *скрад* — 'потайной охотничий шалаш, в котором устраивали засаду на зверя'; *скрадывать* — 'добывать зверя, подкрадываясь к нему на расстояние выстрела или стреляя из скрада' [Петроченко]. *Затесь* — 'метка на дереве, указатель (общ.)', *насть* — 'ловушка для зверей (сев.)', *плашка* — 'ловушка для мелких зверьков (сев.)', *кулёма* — 'вялая, несобранная (сев.)', *кулёмка* — 'ловушка для мелкого зверя и птиц (сев., вост.)', *скрад* — 'укрытие на охоте (сиб.)' [Чащин]; *лабаз* — 'род вышки высотой 2–2,5 метра, предназначенной для хранения продуктов или выслеживания зверя'; *затесь* — 'зарубка на дереве, затёс'; *насть* —

‘вид ловушки на зверей’; *плашка* — ‘ловушка’; *кулёма* — ‘ловушка на лесного зверя’; *кулёмка* — ‘уменьшительное к *кулёма*’; *соболевать* — ‘охотиться на соболя’; *соболятничать* — ‘то же, что *соболевать*’; *скрад* — ‘охота из укрытия’; *скрадать* — ‘подстерегая, ловить зверя’. *Лабаз* — ‘1) небольшое строение в лесу на сваях или на деревьях, которое охотники используют как скрад; 2) помост, на который ставят скирды хлеба, стога сена, остожье’; *затесь* — ‘метка, зарубка на деревьях’ [СРГЮРКК].

Использование русского слова *лабаз* для обозначения иноязычной речевой среды соответствует традиции русской литературы, однако в эвенкийском соответствующее понятие выделяется: отмечено выражение *барчила-ми* — ‘храниться на лабазе, на полке’ [ЭРС, с. 19]; ‘лабаз’ — *ноку* [Кочнева, с. 33]; в словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *сайба, сайбал* — ‘лабаз’. В эвенкийском языке ‘охотиться на соболя’ — *чипкамэтчэми* [Кочнева, с. 49], то есть у эвенков выделяется соответствующее понятие; ‘охотиться на белку’ — *улумидеми* [Кочнева, с. 48]); ‘делать зарубки’ — *илкондеми* [Кочнева, с. 48].

Охотничья лексика в эвенкийском языке не заимствуется из русского, эвенки сохраняют традиционные способы охоты и свою лексику. В «Эвенкийско-русском словаре» отмечены, например, такие эвенкийские слова, обозначающие особенности охоты: *чунимэт-ми* — ‘охотиться на боровую дичь пищалкой’, *чунин* — ‘звук рябчика, писк бурундука’, *чучин-ми* — ‘встать на задние лапы’, *чэвэкун* — ‘мерка на самостреле для определения точки прицела’, *бакал* — ‘1) пушнина, добытая на промысле; 2) место промысла на оленя, лося’ [ЭРС]; в «Эвенкийско-русском тематическом словаре»: *мотымидями* — ‘ходить на лося’, *нисудеми* — ‘ехать за мясом зверя’, *утунмэдеми* — ‘забивать оленя в затылочную часть’ [Кочнева, с. 48]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]:

мотымами — ‘убить, добыть лося; *мотымидями* — охотиться на лося; *мудыгимими* — охотиться на уток’ (с. 17); *некунэми* — ‘отправиться на оленях за тушей убитого зверя’; *ниматми* — ‘подарить шкуру убитого зверя и дать часть туши родственнику, соседу, гостю’ (с. 17); *тэлгэтми* — ‘разделать тушу по суставам и разделить крупные части на куски’ (с. 18) и т. д. Примеры показывают оригина-

нальность охотничьей эвенкийской лексики, своеобразие понятийного членения действительности этим языком. Очевидно, традиционно в художественных текстах используются при описании национальной охоты русские диалектизмы, так как эвенкийские понятия слишком сложны для русского читателя. Русская лексика представлена автором при описании охоты эвенков, она вложена в их уста, то есть практически диалектизмы используются в функции экзотизмов.

Ср.: лексика охотничьего и морского промысла в произведениях Ю. Рытхэу (*ных-ных* — ‘воздушный пузырь из тюленевой кожи’, *эрмэгтэт* — ‘специальный набор ремней’ и др.), Г. Ходжера (*гимги* — ‘рыболовные снасти из прутьев’, *гилгин* — ‘жердь, на которую нанизывают юколу для вяления’ и др.) имеет национальный характер [Михайловская, 1984, с. 49].

Всего в романе М. Ошарова в данной группе 23 единицы, 81 употребление, у Ж. Трошева используется 9 слов.

9. Лексика, обозначающая погоду, отдельные явления природы, в основном принадлежит также русским говорам, хотя этимологически и может относиться к языкам аборигенного населения Сибири.

В романе М. Ошарова: **кухта, куржак, хиуз, резун-северок, завечёрок, гноить, убродный, покать, сарана; казарка, копалуха, кукша, ремез; баранчук, сохатый, кабарожка; недошный, полношерстный; берестянка, шивера, обмысок — 21 слово.**

9.1. В тексте имеют значения: *кухта* — ‘снег, слежавшийся на ветках деревьев’, *куржак* — ‘иней’, *хиуз* — ‘холодный северный ветер со снегом’, *резун* — ‘резкий холодный ветер’, *завечёрок* — ‘сумерки’, *гноить* — ‘подвергать гниению’, *убродный* — ‘труднопроходимый, вязкий от снега или грязи (о дороге)’, *покать* — ‘пологий склон’, *сарана* — ‘лилия-саранка, таёжный цветок, корни которого употребляются в пищу’. Все эти слова — диалектизмы, не зафиксированные в МАС (всего 9 слов). Хотя слова *убродный* нет в МАС, но есть *убродиться* — ‘прост. очень устать от ходьбы’; *гноить* в этом словаре — ‘допускать гниение чего-либо, развитие гнили в чём-либо’; нет в литературном языке слова *завечёрок*, но есть *завечереть* — ‘разг. о наступлении вечера’. В тексте М. Оша-

рова: *Одним мановением руки они охлаждали бурлящую на огне воду, голыми руками брали из костров раскалённые угли и, не обжигаясь, глотали их, в тихую погоду зимой одним своим дыханием осыпали снежную **кухту** с вековых деревьев* (с. 24); *Шумела тревожно тайга, падала с ветвей толстая **кухта*** (с. 80), а также с. 124, 130 — 2 употребления, с. 160; *На ресницах её тонкой бахромой висел **куржак*** (с. 76); *От ручья потянуло **хиузом*** (с. 71); *По ущелью тянул последний в эту зиму пронизывающий **хиуз*** (с. 83); *Наконец ударил по-настоящему **резун-северок*** (с. 132); *Прошёл темный **завечерок**, и над тайгой пшеничной лепёшкой повис тусклый месяц* (с. 132); *Жертвенное мясо убитых оленей склевали птицы; шкуры соболей и выдр, подвешенные на высоких шестах, **гноили** дожди, а ветер рвал в клочья и развевал по тайге* (с. 26); *«Какая **убродная** дорога», — проговорил Лербо* (с. 124); *«Сейчас на этой **покати** мы увидим волчьи следы», — уже серьёзно заговорил Микпанча* (с. 76); *Когда Молошко наелся, по кивку головы хозяина из юрты была принесена коробица **сараны*** (с. 29); ***Сарана**, принесённая девушкой, показалась ему сладкой-сладкой* (с. 30). **Всего 16 употреблений.**

Эти слова известны в русских говорах Красноярского края. В 1865 году М. Ф. Кривошапкин в работе «Енисейский округ и его жизнь» (1865) указывал: *куржак* — ‘те хлопья снега, которые образуются при соединении тепла с холодом’, *кухта* — ‘снег, висящий массаами на деревьях’ [Кривошапкин, 1966, с. 52–72]. В 1904 году В. И. Анучин в «Материалах к областному словарю сибирского наречия» приводил: *куржак* — ‘хлопья инея, осевшего на потолке сений, на дверях, окнах, на воротнике шубы, на бороде и т. д.’, *хиуз* — ‘резкий ветер, заметающий снег’, *резунец* — ‘первый тонкий лёд, похожий на стекло (по Далю — *резун*)’, *кухта* — ‘иней, осевший на ветвях дерева’ [Анучин, 1966, с. 145–192]. Слова употребляемы в современных приенисейских говорах: *куржак* — ‘иней (сев., вост.)’, *убродная* — ‘заснеженная дорога (вост.)’, *хиуз* — ‘северный ветер, низовка’ [Чащин]; *хиуз, хивуз* — ‘резкий холодный северный ветер’; *кухта* — ‘слежавшийся на ветвях снег’; *убродный* — ‘труднопроходимый, вязкий’; *покать* — ‘1) пологий склон горы, возвышенности; 2) покатошь’; *сарана* — ‘полевая лилия, луковицу которой употребляют в пищу’ [СРГЮРКК]; *куржак, куржа* — ‘иней’;

кухта — ‘снег на ветвях деревьев’; *хиуз* — ‘резкий, холодный северный ветер’; *убродисто* — ‘труднопроходимо’; *покать* — ‘1) склон горы, берега реки; 2) наклон в одну сторону’ [СРГСРКК]; *куржак* — ‘изморозь на ветвях деревьев, на проводах’; *покать* — ‘пологий склон горы, возвышенности’ [СРГЦРКК, т. 1–4]. Слово *сарана* широко известно в Сибири, см., например, «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [Арьянова]. Таким образом, не фиксированы в местных говорах слова *завечёрок* и *гноить*.

В эвенкийском языке таких слов нет, но они употребляются составителями словарей в качестве русского эквивалента к эвенкийским понятиям: ‘кухта’ — *ун-какта*; ‘саранка’ — *тукала* [Кочнева, с. 30, 31], *панэ* — ‘сарана’ [ЭРС-2].

9.2. К этой же группе слов можно отнести и названия диких птиц и животных: **казарка, копалуха, кукуша, ремез; баранчук, сохатый, кабарожка**, а также именованная меха по качеству: **недошлый, полношерстный. Всего 9 слов.** Собственно экзотизмов среди них нет. Часть из них входит в состав литературного языка, но отнесены к тундре или тайге (регионализмы): *казарка* — ‘птица семейства утиных, обитающая в лесотундровой и тундровой полосе’ (МАС), *ремез* — ‘вид синицы, водящейся по берегам озёр и рек’ (МАС), *кабарга* — ‘безрогое животное с более длинными, чем передние, задними ногами, с мускусным мешком в низу живота (у самцов), живущее в горной тайге’ (МАС). Слово *сохатый* отмечено в МАС как диалектизм: ‘обл. парнокопытное млекопитающее сем. оленей; то же, что *лось*’, *дошлый* имеет в МАС значение: *дошлый* — ‘прост. опытный, сведущий, знающий: «*Дошлой* означает опытного, острого, проворного и на всё способного человека. Взято же от качества зверей, как, например, в Иркутской губернии говорится: дошлой соболю, т. е. соболю, дошедший до известной своей доброты» [Семивский, 1966, с. 8]. «*Дошлый* — хитрый. Но также называется и хороший вид белки» [Кривошапкин, 1966, с. 52–72, 59]. Часть из слов группы — лексика (диалектизмы), не фиксированная в толковых словарях ЛЯ: *копалуха, кукуша; баранчук; недошлый, полношерстный*.

В романе М. Ошарова: *Но вдруг с озера сорвалась казарка и низко-низко полетела навстречу лодке на своих вылинявших крыльях* (с. 54); *Из снега вылетела*

на кормежку **копалуха** (сноска: ‘глухарка’) (с. 141); Она представляла себе, как будет красив её нагрудник, такой же цветистый, как пёрышки **кукшии-сойки**, как станут заглядываться на неё парни, как будут перешёптываться с завистью девочки (с. 57); Он скрытно следил за каждым шагом Шиктолок и берег её не меньше, чем ревнивый **ремез** свою пернатую подругу (с. 97); Он так хорошо подражал **баранчукам**, что даже развеселил Шиктолок, и она вместе с ним отбежала от головы, напала на неё, словно на живого медведя (с. 118); Рауль закинул шкуру **сохатого** на лабаз поверх мяса и вышел лыжней к ночёвке неизвестных людей (с. 162); В сторону месяца посыпалась кухта, и из-за снежной осыпи показался **сохатый**: большой, высокий, тёмноспинный и светлобрюхий, как вянущая трава (с. 160), а также ещё одно употребление на с. 160; Она была горяча, как уголь, и дышала загнанной **кабарожской** (сноска: кабарожка — ‘молодая кабарга, это самая маленькая безрогая представительница семейства оленей’) (с. 146); Зелёную ягоду не клюёт птица, худую **недошлую** пушнину не возьмёт русский купец (с. 132); На жёлтую, мёрзлую землю выпал снег и нарядил её в мех **полношерстного** зайца (с. 132). **Всего 11 употреблений.**

Ж. Трошев, представляя природу, использует слова, отмеченные М. Ошаровым, — **сохатый** и **кухта**, и дополнительно — **ягель**, **мышь-сеноставка**. **Всего 4 слова:** *И не дают бить сохатых, когда мы хотим* (с. 345); *И тон его, как кухта с дерева, упал на дрожащую спину враз похолодевшего старца* (с. 248); *Они ели траву, какую-то болтушку и отворачивались от самого сочного ягеля!* (с. 86); *Почему молчишь весь день, как мышь-сеноставка?* (с. 17).

Кроме того, в произведении Ж. Трошева употреблены следующие экзотизмы текста: **урман**, **хулан**, **бопкоун**, **улгуки** — **4 слова**. В тексте романа: *урман* — ‘тайга’, *хулан* — ‘осина’, *бопкоун* — ‘лечебная трава’, *улгуки* — ‘бурундук’: *Ты, начальник, домой иди! Наст в урмане слабый — провалишься* (с. 207); *Шаман, как чуткое дерево хулан* (сноска: ‘осина’), — *первым, при самом лёгком ветерке пробуждает лес* (с. 160); *Не зная, в чём сила мха-бородоча, убедился в его антисептических свойствах, а зелье, что давала Соргок для успокоения пить больному, оказалось настоем корня бопкоун* (с. 166); *Помогли ему выпутаться Сауд и*

Гирманча. чего лезет снова, доверчивый улгуки? (сноска: ‘бурундук’) (с. 190).

В МАС есть *урман* — ‘темнохвойный лес на приречных участках таёжной зоны Западной и Средней Сибири (с преобладанием пихты, кедра, ели)’, *ягель* — ‘то же, что *олений мох*’; *олений мох* — ‘кустистый беловато-серый лишайник, служащий кормом северным оленям’.

Эти слова известны в местных русских говорах: *сохатый* или *сохатые* — ‘лоси’ [Семивский, 1966, с. 7]; *сохатый* — ‘лось’ [Анучин, 1966, с. 145–192]; *копалуха* — ‘самка глухаря (сев. — вост.)’; *кукша* — ‘птица сойка’ [Чащин]; *копалуха*, *копала* — ‘самка глухаря’; *кукша* — ‘сойка’; *сохатый* — ‘взрослый лось’ [Петроченко]; *копалуха* — ‘самка глухаря’, *урман* — ‘1) тайга, 2) труднопроходимое таёжное место’, ср.: *баранчан* — ‘телёнок-второгодок’ [СРГЮРКК]; *копалуха* — ‘самка глухаря’, ср.: *кукша* — ‘слежавшийся на ветвях снег’ [СРГСРКК]; *копалуха* — ‘самка глухаря’, *кукша* — ‘1) угрюмый, насупленный человек; 2) неповоротливая толстая женщина; 3) нелепо, непристойно или непривычно одетый человек’ [СРГЦРКК].

В эвенкийских словарях *копалуха*, *кукша* приводятся в качестве русского эквивалента: *кукокчи* — ‘кукша’; *эночон* — ‘копалуха’ [Кочнева, с. 48]. В словаре эвенкийского языка фиксировано: *улгукичэн*, *улкичен* — ‘бурундук’ [ДСЭЯ]; *баранчук* —

‘ребёнок’, *улгуки* — ‘бурундук’, *хулан* — ‘осина’, *ялбука*, *лалбука*, *лалбукта* — ‘ягель (мох)’ [ЭРС]; *улгуки* — ‘бурундук’, *хула* — ‘1) осина, 2) тополь, 3) ясень, 4) ольха’ [ЭРС-2]; *улгуки* — ‘бурундук’, *хула* — ‘осина’ [Кочнева, с. 29, 32].

Не отмечены ни в словарях эвенкийского языка, ни в региональных диалектные слова *недошлый* и *полношётный* (термины?).

9.3. Как часть природы рассматривается и река. В романе М. Ошарова представлено всего три внелитературных слова: *берестянка*, *шивера* и *обмысок*, все — диалектизмы. В тексте имеют значения: *берестянка* — ‘небольшая лёгкая лодка на одного человека из бересты’, *шивера* — ‘каменистая мель с быстрым течением’, *обмысок* — ‘каменистый, уходящий в сторону реки берег’: *Упираясь тонким шестом в каменистое дно, Микпанча гнал свою берестянку с быстротой*

щуки (с. 53); *И когда на пути встречался плёс, берестянка летела вперёд с удвоенной быстротой* (с. 53); *Потом вспомнилось, как в сильный ветер гнал он берестянку по грозным валам, черная бортами пенистую воду, гордый своей победой над бывальыми страхами* (с. 56); *Он даже не посмотрел на него, когда Амурча, наскоро отдав распоряжения по дому, на кривых ногах проковылял к спущенной на воду берестянке* (с. 86); *Наконец, сев посредине берестянки, потрянул головой и бросил неопределённо: «У меня тут смотрите... хорошенько!»* (с. 86); *Стоя в лодке на ногах, он окунался в шумливую шиверу и стремительно мчался к последнему перекаату* (с. 90); *Вскоре лодка юркнула в перекаат и выдрою исчезла за лесистым обмыском* (с. 86). **Всего 7 употреблений.**

В романе Ж. Трошева представлены: **берестянка, паузок, шитик; корчага, слив, борозда, мега — 7 слов.** К этнографизмам можно отнести только последнее. В тексте: *паузок* — ‘небольшая баржа, идущая на буксире’, *шитик* — ‘плоскодонная лодка средних размеров, «сшитая» из досок’; *корчага* — ‘воронки в русле реки с сильными водоворотами’, *слив* — ‘судоходная часть реки, фарватер’, *борозда* — ‘то же, что слив’, *мега* — ‘петля в русле реки’: *Только помотало на буксире три паузка в знаменитых «корчагах» — двух мощных воронках. Местные рыбаки их хорошо знали и ещё в Туруханске посоветовали не испытывать судьбу, а идти точно посредине между ними, сливом, или «бороздой», как говорят речники* (с. 34); *чтобы двигаться быстрее и сохранить силы немногочисленному стаду, один садился на лодку-берестянку, другой на оленей* (с. 272); *Грохнулся за валун, а зверь и не поглядел в мою сторону, а сразу к шитику: там у меня олень освежеванный лежал, рыбка наисвежайшего посола... Бросился он в шитик, корма-то загрузла и...* (с. 36); *Только удивлялись молча её спутники, почему их любимая, мудрая Соржок удлиняет долгую дорогу и не срезает большие петли-меги, а едет, держась берега бесполезной уже для санок реки...* (с. 23).

В словаре литературного языка (МАС) часть слов зафиксирована без помет, но с оговоркой в значении, позволяющем их считать регионализмами. *Паузок* — ‘речное плоскодонное судно для перевозки по мелководью грузов, перегруженных с больших судов’, в романе слово имеет другое значение. *Шивера* —

‘каменистый мелководный участок русла сибирских и уральских рек с быстрым течением’; *шитик* — ‘устар. и обл. род лодки или плоскодонного речного судна’ [МАС]. Слова *борозда* и *слив* имеют другие значения. Шесть слов не фиксированы в словарях ЛЯ. В диалектных словарях региона часть из них отмечена: *берестянка* — ‘небольшая лодка, сделанная из бересты’; *борозда* — ‘главная струя речного потока, стрежень’; *обмысок* — ‘каменная мель, уходящая в реку от берега’; *шивера* — ‘каменистый мелководный участок реки с быстрым течением’; *шитик* — ‘небольшая деревянная лодка, сделанная из досок’ [Петроченко]; *шивера* — ‘речной пережат’, ср.: *корчага* — ‘посуда для затирки кваса’, *корчажка* — ‘рыболовная снасть из прутьев’ [Чашин]; *берестянка* — ‘лодка из бересты’, *борозда* — ‘основной поток реки, стрежень’, *корчага* — ‘бочкообразной формы рыболовная снасть, сплетённая из прутьев или проволоки’, *обмысок* — ‘каменистая мель, уходящая в реку от берега’, *шивера* — ‘мелководный каменистый участок реки с быстрым течением’ [СРГСРКК]; *борозда* — ‘стрежень реки по пережату, проход для судов через порог’, ср.: *корчага* — ‘1) плетённая из прутьев или проволоки ловушка на некрупную рыбу; 2) яма конусообразной формы для выработки дёгтя’ [СРГЦРКК]. В региональных диалектных словарях нет слов *слив*, *паузок*, *мега*; слово *корчага* приводится с другим значением.

В словарях эвенкийского языка слово *берестянка* употребляется в качестве русского эквивалента: *дяврадами* — ‘плыть на берестянке’ [Кочнева, с. 49], есть также самостоятельное слово-понятие: *дяв* — ‘берестянка’ [Кочнева, с. 49]. Слово *мега* в словарях эвенкийского языка не отмечено.

Итак, в романе М. Ошарова приведено 21 слово, 34 употребления, в романе Ж. Трошева — 15 слов группы.

10. В романе Ж. Трошева представлена национальная кухня и ёмкость, в произведении М. Ошарова таких слов нет: **парной** (о печени), **мозгачить**, **уман**, **бюксэ**, **декуй**, **чукин**, **маманию**, **султа**; **коробица** (есть у М. Ошарова). **Всего 9 слов:** «*Какие жадные: гостей не привечают, парную печень не дают, мозгачить не дают!*» *Лида, сидящая рядом с Ошаровым, толкнула его локтем: «Парная — это сырая печень? А мозгачить?»*; *Разве Ошар не угощал тебя уманом?* (сноска:

‘костный мозг’); *Она едет в северную тундру — там привыкнет к тёплой крови, печени и к уману* (с. 51); *Невеселы были гости его. Пили зло, молча, с хрустом разгрызали жёлтые мослы, не глядя, брали лакомство: **уман** — костный мозг, **бюксэ** — горячую колбасу, меланхолично загребали жирными пальцами **декуй** — муку, жаренную на коровьем масле* (с. 113) (среди русских Хатанги в 50-е годы также лакомством для детей были варёный костный мозг, который выбивали из кости в ложку; жаренная с сахаром мука, которую в моей семье называли «бурдук». — Л.С.); *Лидя вяло поковыряла вилкой бифштекс: «Нет, не сравнить его с оленим. Как мне понравился **чукин!**»* (сноска: ‘слегка обжаренная на углях оленина’) (с. 104); *Деерок приготовила **маманю** — колбасу из толстых кишок. Заварила из оленьих губ холодец, наделала **бюксэ** — колбаски из тонких кишок, наполненных кровью, порадовала сердца стариков полузабытым кушаньем **султа** — пареной рыбой, растёртой со свежей икрой и брусникой, накоптила сиговых брюшек* (с. 327).

Слово **коробица** частотно в тексте М. Ошарова, обозначает ёмкость из бересты: *Добьешься руки — торопись, тут же коли лучшего оленя и поднеси Хорболю **коробицу** горячей крови и теплую печень* (с. 37); *А когда через несколько минут горячее мясо висело на сучьях дерева, сваха, искрошив печень и захватив **коробицу** крови, вернулась в чум* (с. 39), а также с. 48, 50, 54. 97. **Всего 6 употреблений.**

Ср.: в романе Н. Г. Доможакова: *А возле конусообразного шалаша несколько шорцев обгладывают овечьи мослы, запивая обед пьянящим напитком **абыртхы*** (с. 101) (ХРС: **абыртхы** — ‘хлебный напиток; квас из толокна’ (с. 14)); *Старик каждый день, как подоит Белянку, сливает в кадку молоко, оно сбразживается там и превращается в напиток **айран*** (с. 126); *Днём и ночью идёт дым из юрты во дворе Хапына — это значит, что батрачка Ату, у которой от огня постоянно красные веки, гонит **араку*** (с. 64); *Вот три качинца у шалаша, покрытого хвойными ветками, готовят **кан** — национальное блюдо из крови* (с. 101); *К чаю Хорттай подал **пызлах*** (сноска: **пырзлах** — ‘сыр, род прессованного творога из кипяченого молока’), *поставил в блюде сметану* (с. 10); *На столе сменялись **хый-***

ма (сноска: *хыйма* — ‘хакасская домашняя колбаса’), *сатырма* (сноска: *сатырма* — ‘жаренное на масле толокно’), *абыртхы* (с. 53) (ХРС: *сатырма* — ‘национальное кушанье из поджаренной муки, на масле или сметане’ (с. 183)); *хыйма* — ‘1) прямая кишка (у лошади); 2) кушанье из кишок, начинённых мелкорубленным мясом и жиром’ (с. 297). *А вон у землянки четыре сагайца варят суп-угре из баранины, бросают в котел для густоты поджаренный ячмень* (с. 101) (ХРС: *угре* — ‘суп’ (с. 253)). Подробнее — у В. Я. Бутанаева «Национальные блюда хакасов» [Бутанаев, 1997, с. 3, 7, 9, 13, 15].

Парной в ЛЯ означает ‘1. Только что надоенный, ещё не остывший (о молоке). 2. разг. Насыщенный испарениями, дающий испарения’ [СТСРЯ]. В современной городской речи это слово обозначает ‘свежий, не мороженный (о мясе)’. В тексте оно значит ‘сырой (о печени)’. *Мозгачить* — калька, в русском языке такого понятия нет — ‘лакомиться костным мозгом’. Не отмечено в диалектных словарях региона и слово *коробица*. В эвенкийском языке есть соответствующее словопонятие: *талми* — ‘короб из бересты’. *Уман* в эвенкийском языке — ‘костный мозг’ [ДСЭЯ, с. 176] [Кочнева, с. 36]; *ллэ* — ‘1) хрящ, 2) сухожилие’;

ксэ — ‘кровяная колбаса’ [ДСЭЯ, с. 29]; *бурдук* — ‘мука’ [ДСЭЯ, с. 31]; *бурдука* — *кин* — ‘недоваренный (о мясе)’ [ДСЭЯ, с. 203]; *мама* — ‘кушать (о детях)’ [ДСЭЯ, с. 96]; *бурдук* — ‘1) хлеб, 2) тесто, 3) мука, 4) хлеб в зерне’; *уман* — ‘костный мозг как лакомство’, *чукин* — ‘недожаренный (о мясе)’, ср.: *мама* — ‘сбор оленей’ [ЭРС]. *Уман* — ‘костный мозг’; *букса* — ‘хрящ’; *декуй* — ‘саламата (каша из муки на сметане)’; *мама-ми* — ‘кушать (при обращении к детям)’; *чукин* — ‘недожаренный, недоваренный (о мясе)’ [ЭРС-2]. В эвенкийском языке не отмечено слово *султа*. В словаре К. С. Абрамовой: *уман* — ‘костный мозг’ (с. 29); *араки* — ‘алкогольный напиток’ (с. 51); *бурдук* — ‘мука’ (с. 51).

В 1817 году Н. В. Семивский отмечал: «В Охотске **бурдуком** называется кислое жидкое тесто, которым простой народ питается. **Коробица** — небольшая коробочка, сошпиленная прутьями, в коих продают ягоды» [Семивский, 1966, с. 10, 7]. В «Словаре языка мангазейских памятников: XVII — начала XVIII вв.»:

бурдук — ‘жидкий горячий мучной кисель, мучная каша’ [СЯМП].

11. Передают особенности национальной языковой среды и такие, казалось бы, контрастные приёмы, как варваризмы (передача эвенкийского текста или его фрагмента) и пословный перевод иноязычного текста.

11.1. Граница между экзотизмом и варваризмом условна, иногда её трудно провести. Эвенкийский текст передаётся кириллицей с соответствующей сноской. Интересно, что у М. Ошарова это сакральные формулы: *И напрасно шептал Молошко в таёжную синь: «Амака, болеколь!»* — *ничто не менялось в его чуме* (сноска: ‘Амака, помоги’) (с. 26); *Микпанча прошептал торжественно, как заклинание: «Амака чальдыбконягин!»* (сноска: ‘Амака поможет встретиться’) (с. 33). В романе Ж. Трошева варваризмы используются только в случае сюжетного двуязычия: *«Экун мухун люча ая отдарок амака-ака?» «Это значит, — пояснил остальным Иннокентий Михайлович, — какого чёрта русский подложил такой хороший подарок медведю-дедушке?»* (с. 36); *Ачин, аяврив дув и Ошар* (сноска: ‘Нет, мой дорогой Ошар’ (эвенк.)) (с. 59); *Шаманка подбежала к Деерок, радостно тряхнула её за плечи, прижалась щекой к щеке, прошептала ласково: «Нэкукэ»* (сноска: ‘сестрёнка’) (с. 76); *«Нет, Мулурэн дёроко!»* — *начал он пододобрительный хохот бедняков, не заметив, что к прозвищу Мудурэн — хитрый добавил дёроко — вор* (в эвенкийском языке *дероко* — ‘вор’ [Кочнева, с. 26]) (с. 139); *Ачир, Путугир, дёроко да вина!* (сноска: ‘Нет, Путугир, вор и убийца!’ (эвенк.)) (с. 139). *Провожатые князя вскочили: «Экун Мухун!»* (сноска: ‘Какого чёрта!’) (с. 151); *Да разве научился чему-то глупый старый шаман? Сгнил на корню! Недаром ещё молодому дали сородичи прозвище Дэпэ* (сноска: ‘труха’), *а русские прозвали Гриб* (с. 159); *Семён Путугир, или, как его ещё называли — Мудурэн, дероко* (сноска: ‘хитрец, вор’), — *хлопал ошалевшими глазами, силясь понять, «откуда свалились эти люди вместе с начальником?»* (с. 136); *Шумел, ругал одного приезжего тунгуса: «Вино амун!» — водка дрянь* (с. 278).

Традиция передачи варваризмов не западноевропейских языков через кириллицу видна во многих текстах. Так, например, в кириллице, но с употреблением знака придыхания показана арабская речь в романе Дж. Д. Карра «Убийство

арабских ночей» [Карр, 2006]: Для этой цели я избрал чистейший арабский, а не ублюдочный (я использую этот термин не в оскорбительном смысле) «новоперсидский», в котором арабский потерял свою первоизданную чистоту... «**Маса эль хайр**, — почтительно сказал я, — **эс-салям алайкоом эс-салям. Иншалла текоон фи гхаджит ас-саха**». На что он серьёзно ответил: «**Ва алайкоом эс-салям. Ана б'кхайр эл-хамд ль-алла**» ...Это всего лишь обычная форма приветствия, которую вежливый иностранец не может не принять. Пожелав ему доброго вечера, я сказал: «Да пребудет с тобой мир! Надеюсь, ты в добром здравии». На что он столь же вежливо ответил: «Да пребудет мир и с тобой! С благословения Аллаха я в добром здравии» (с. 103–104); Взгляд моего хозяина внезапно стал строгим и угрожающим, и он произнёс следующие слова по-арабски: «**Йа оibaши ирга'енте би'д-деуртена 'л ва кол л'иль юзбаши хикнадар эль-имдадиях яggi хекна бильгхар!**» ...что, если слух не обманывал меня, значило следующее: «Мчись назад, капрал, и скажи капитану, чтобы он на рысях шёл на подмогу!» (с. 106).

11.2. Пословный перевод фрагментов текста в романе М. Ошарова: *Красный лист, краснолистье* (с. 123, 337 и др., см. выше): *В борьбе на поясах он бросал своих противников на землю, как рысь одним ударом лапы сбивает с ног зазевавшихся зайчат* (с. 35); *Микпанча давно не брал в руки зверового оружия* (с. 113); *Шиктолок, одетая только в одно оленное платье, промёрзла* (с. 116); *Ещё с десятков дней, и на тихих плёсах появится ледяной «жир»* (в русских говорах — шуга. — Л.С.) (с. 337); *Горящие горы он видел давно, когда ещё носил в себе зрелые семена и ждал их засева* (с. 99) и т. д.

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *В первую же ночь после похорон Зойки покинул звёздную отару на небесном пастбище старый пастух Чилайы — январский месяц* (с. 181); *А ещё желаю, чтобы новый год в Хакасии назывался — Кизи-чылы — годом человека* (с. 163); «Мин говорил, «кизи-чылы», — произносит, наконец, Сагдай. — Наши люди называй каждый год. Есть Чылгы-чылы — год Лошади, есть год Овцы, год Журавля. Бывает год Мыши, год Змей...» (с. 163) (ХРС: чил-айы — уст. 'Месяц Ветра (январь)' (с. 316); кизи чылы

— ‘год Человека (у других народов — Обезьяны)’ (с. 484); *чылфы-чылы* — ‘год Лошади’ (с. 484)).

Особый эффект в создании образа инонациональной среды даёт пословный перевод пословиц и поговорок, образных устойчивых сочетаний: *Кружатому человеку сон — рыбе вода* (с. 134); *За Янготой будет большой порог Хагды укиши — не подари ему себя и лодку* (с. 36); *Голов (олений) у меня хватит, чтобы превратить каменную скупость старика в сырой ил со дна его речек* (с. 36); *От задуманного он смолоду не любил отступать ни на одну ступню ноги* (с. 36); *Мы поднимем свадебные сёдла тогда, когда... когда я получу от тебя согласие, что Молошко не откажется в обмен за Шектолок отдать в жёны моему сыну свою старшую дочь* (с. 40); *Гнилой пенёк бересту держит, а шаманов — духи* (с. 155). *Темнеет. Солнце упало. Там красно* (с. 155); *Ушедший в большую дорогу* (умерший. — Л.С.) *Шодоуль, казалось, не покинул ещё их жилища* (с. 144); *что скажет утро, вечер никогда не знает* (с. 144); *Топко зимой сарану ищет* (сноска: ‘вкусные луковицы сараны ищут и копают весной и летом; здесь — поговорка, высмеивающая чудака’) и т. д.

В романе Ж. Трошева способы передачи особенностей языка через пословный перевод сравнений, паремий, перефраз используются для фиксации национальной картины мира: *Одного не предполагал: Суслов опередил его расчёты и оказался в стойбище скорей, чем довёл он свои мысли до конца злобного пути* (с. 247); *Соргок — баба, однако, шаманка. И знатная. Ум верной дорогой кочует* (с. 13); *Но больше Ошар никогда не ворошил пепел на погасшем костре* (‘не вспоминал о прошедшем’. — Л.С.) (с. 14); *Не надо искать на старой гари свежих гнёзд* (с. 21); *Не торопись, храбрый Сауд, делать из мышки лису* (с. 17); *Она знала: распустился ещё один лист на дереве её шаманской славы* (с. 22); *Мне шепнули: тебя шаман Даварча скрадывал. Я побежал быстро, бежал, пока мозг в костях не сжался* (сноска: ‘до полной усталости, изнеможения’) (с. 325); *Мы отсюда пойдём вместе и вместе скажем Амурче, чтобы он свернул вдвое свою постель* (‘отпустил жену’. — Л.С.) (с. 118); *Тайга без медведей не тайга, а камыш на болоте* (с. 112) и т. д.

Хорошо передают специфику восприятия мира сравнения: *Но это длилось не долее взлёта сойки* (с. 86); *чум без огня, ты же говоришь, — сирота* (с. 145); *Старое сердце будто прокусил острый зуб горностая* (с. 146); *И разве не успела понять ты, Энгэсин, что тунгусы издали чуют путника, как собаки лося?* (с. 332); *Микпанча оцепенело стоял, чувствуя, что из его рук налимом выскальзывает дорогое сердце* (с. 129).

Стороны света обозначаются через дневное движение солнца: *Стояли мы на речке Идукон. Идукон, скажу тебе, выпал из соболиной сопки Уро. Из неё же навстречу солнцу пошла речка Нахата, на полночь бросилась ниточкой Тыгиткит, а рядышком с Индуконом бегут Юкта и Огне. Только Юкта и Огне убежали на вечер, а Идукон отвернул на полночь. Вот сопка-то Угро какая. Она, как паучок, растянула по тайге от себя в разные стороны речки* (с. 204). Лоснящееся от жира лицо — признак довольства и красоты: *Она сидела в расшитом зипуне, и языки пламени отражались в её блестящем от жира лице* (с. 119); *У Амурчи от такой внимательности лоснилось жиром лицо, и он был близок к улыбке* (с. 86) и т. д. Сплошной выборки этого материала не делалось, поэтому подсчётов нет.

12. В романе М. Ошарова используются некоторые этнонимы: **куркогиры, орочёны, люча**, которые осознаются как родовые самоназвания: *Из старинного, славного рода куркогиров* (с. 24): *Прадеды Молошко — все куркогиры — были отличными стрелками из многослойных клееных луков и прекрасными бегунами на лыжах* (с. 24); *На широкой Кимчу и стоят, все куркогиры от мала до велика слывут храбрыми воинами* (с. 24), а также с. 24 — 2 употребления, с. 24–25, с. 25 — 3 употребления, с. 26, 29, 34 — 2 раза, с. 48, 64; *Мало имели они достойных соперников не только на матери родных кочевий — Хатанге, но и на далёкой реке Лене среди якутов и ороченов* (с. 24); *Сутулый, низкий, толстоногий Рауль смотрел на вытертые стружками пунцовые холки сына Кордона и любовно пощёлкивал языком: «... У-у, бел-локожсий люча! (сноска: ‘русский’))»* (с. 158). **Всего 17 употреблений.**

Ср. у Н. Г. Доможакова: *Говорка слышал — русский бандит пастуха избил, мальчишкам. Какой орыс-бандит — не понимай* (слова Хоортая) (с. 19) (ХРС:

орыс — ‘русский (прил. и сущ.)’).

В эвенкийском языке известно много территориально-родовых обозначений эвенков: *чилчагир* — родовое название северо-байкальских эвенков Бурят-Монголии; *чукчагир* — ‘родовое название чумиканских эвенков Хабаровского края’; *чолкогир* — ‘родовое название баргузинских эвенков Бурят-Монголии’; *чолкол* — ‘родовое название чунских эвенков Эвенкийского округа’; *чимеир* — ‘родовое название токминских эвенков Катонгского нацрайона’; Кондогир — родовое название ербогоченских эвенков Катонгского нацрайона и т. д. [СЭЯ]. В «Словаре языка мангазейских памятников» [СЯМП, с. 18] в списке этнонимов значатся: *тунгусы верхние подкаменные Усть-Тетерского зимовья, Усть-чунского зимовья, Усть-Непского зимовья, Хантайского зимовья, с Ессею озера, Летнего зимовья* и т. д.

В эвенкийском языке *луча, лоча, нуча, уча* — ‘русский’ [ДСЭЯ, с. 12, 21, 33, 94]. В романе Ж. Трошева также есть этнонимы, совпадающие с текстом М. Ошарова (**орочёны, куркогиры**). Кроме того, автор употребляет слово **кет** (форма звательного падежа, широко используемая в регионе для обозначения кетов): *Наших предков звали **орочёны**... Оленные тунгусы. А народ **кет**, остяки, были безоленными. Забайкальские, якутские — конные тунгусы. Неужели загадка в олене?* (с. 168); *«На нашем языке и языке **орочёнов** олень зовётся орон. И они, и мы — «оленные тунгусы». Наверно, наши предки были одни». — «А мы зовёмся «конными тунгусами, — возразили забайкальцы, — однако и мы понимаем ваши разговоры. Э-э»?* (с. 293); *Если это люди князя, я не вернусь к тебе, моя Деерок. Не уйдёт и Дёроко: я не куропатка, а **куркогир*** (сноска: ‘из племени орла’ (с. 147).

Используются два варианта слова — *луча* и *лючаль* — для обозначения русских: *чего молодой **луча** так долго смотрит на бабу?* (с. 76); *Рано погасшими глазами на двух красивых и, наверно, ласковых **лючаль**...* (с. 248). Оба слова достаточно частотны, одно относится к началу произведения, другое — к концу.

В эвенкийском языке, как уже отмечалось, *луча, лоча, нуча, уча* — ‘русский’ [ДСЭЯ, с. 12, 21, 33, 94]. В словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007]: *лучады* —

‘русский’ (с. 6).

Всего у М. Ошарова 3 этнонима и 17 употреблений; в романе Ж. Трошева 4 этнонима (один в двух вариантах).

В изображении «чужих» важна их государственная, этническая или социальная закреплённость в слове. Так, в фантастическом романе Ли Брэкета «Шпага Рианона» [Брэкет, 1991] на Марсе живут люди: **куири**, **кхонды** (жители государства Кхондор), **сарки** (из государства Сарк) — и не люди: **дхувиане**, **халфлинги** (пловцы): *Куири, говорят легенды, решили за эти грехи поймать Рианона и запечатать его в спрятанной могиле* (с. 11); *Тело её хранило черты той же грации, которую он заметил в пловцах-халфлингах...* (с. 70); *человек, сидящий на левом весле, кхонд, небрежно бросил...* (с. 59); *Проклятый среди них Рианон совершил грех, научив слишком большой мудрости дхувиан* (с. 37); *Да, они иногда помогают своим союзникам саркам странным оружием* (с. 42). В фантастическом романе Сапковского [Сапковский, 2004] сюжет также развивается среди людей и не людей, названных определённым образом: *Это было связано с бунтом магиков на острове Танедд* (с. 80); *Сюда же следует отнести Мильву, сотрудничающую с дриадами и скоя’таэлями и причастную, как оказалось, к известной резне на границах леса Брокилон* (с. 80); *Среди их предков затесались дриада или гамадриада* (с. 108); *Токмо нету уж омельников в чёрном Лесе-то* (с. 109); *Одне говорят, что омельники мстят, потому как нильфы им первыми досадили...* (с. 108); *Созвали кметов с факелами, помчались в леса* (с. 393).

Следует отметить особую подчёркнутую этнографичность текста Ж. Трошева: *Она обнюхала (сноска: ‘выражение ласки’) его, погладила по пухлым щёчкам* (с. 318); *Славного сына ты вырастил, друг! Такому, куда ни клади подушку (сноска: ‘старое эвенкийское поверье: уснёшь головой к реке — не вернёшься домой. К горе — обязательно вернёшься’. — Ж.Т.), — всё одно выйдет к горе и вернётся домой* (с. 70); *Когда люди стойбища и гости, прослышавшие о необычном туюне, насытились, воздавая должное мастерству Деерок, она скромно отошла в сторону, достала незамысловатый инструмент, похожий на иглу для вязания сетей — паннафкаун, зажала в зубах, ударила пальцем по единственной*

струне-жилке. Тонкий вибрирующий звук повис, как паутинка между ветвей (с. 327); Мы, ненецкие женщины, боимся нового. Боимся новых людей, боимся своих мужей. Мы не можем перешагнуть через мужчину, если он лежит поперёк чума, на пути. За это он изобьёт. Нам нельзя перешагнуть даже через брошенный на землю имальный олений ремень, через хорей (сноска: 'шест для управления оленями'), сесть на мужские санки, обойти кругом очага в жилище. Нам запрещено дотрагиваться до священных санок, что стоят позади чума с божками. Нам нельзя задеть пегого оленя, посуленного солнцу. Мы будем мёрзнуть, но и тогда не можем надеть на себя мужской одежды, чтобы согреться. После нас она делается «загрязнённой», «худой». У нас, ненецких женщин, нет прямых дорог. Мы кружимся зачумелым песцом. Отцы нас продают, как оленей, за пушину. Для мужей — мы не лучше оленей. Во всех несчастьях мы умоляем сердитого Ылико, от второй жены которого произошли русские... (с. 32) и т. п.

П. Я. Черных в очерке «К вопросу о приёмах художественного воспроизведения народной речи» [Черных, 1937, с. 88–118] в русской литературе XIX века различает натуралистическую традицию прошлого (XVII–XVIII вв.), реалистическое направление и историко-этнографическую беллетристику, которая «явилась той новой почвой, на которой привилась и дала новые ростки натуралистическая манера воспроизведения народной речи <...>, для писателей-народников она характерна не в одинаковой мере» [Черных, 1937, с. 91, 99]. Очевидно, нечто аналогичное можно видеть и в т. н. национальной литературе. «Подробное воспроизведение того или иного явления не всегда бывает точным, точно отражающим действительность, потому что подробности часто отвлекают внимание от основного и существенного» [Черных, 1937, с. 88].

§ 2. Поэтические онимы (топонимы и антропонимы) в анализируемых текстах

В создании образа инонациональной речевой среды значительна роль **национальных онимов**: топонимов и антропонимов.

1. Антропонимы: *Молошко, Амурча, Хорболь, Микпанча, Лербо, Топко, Дэ-*

колок, чабун, Кордон, Орбоча и др. Женские имена: Шиктолок, Давэ, чикулек, чирокчана, Токтэма, Делькумо (Дукульмо), Пэтэме, Этэя, Усаида, Атэк и др.

Поддерживает нациолект (русскую речь эвенков) и особая огласовка русских имён: *Хорошее имя. Мягкое. **Валья*** (Валя) (с. 184); *Она в мыслях уже давно рассталась со своим «**Мисьей**»* (Мишей), *но почему-то хотелось Соргок, чтобы женщина, заменившая её, разделяла его чувства* (с. 215).

Это отличается от сложившейся в эвенкийском языке традиции произношения освоенных русских имён: *А мне, как пришли Ошар и **Гилгэ*** (сноска: 'Георгий'), *все казались хорошими* (с. 275); *Соргок всплеснула руками: «Неужели, **Мукус*** (сноска: 'Михаил (эвенк.)'). *Как летит время!»* (с. 317).

(Ср. хакасские варианты русских имён в романе А. И. Чмыхало «Дикая кровь» [Самотик, 2005, с. 3–15; Бутанаев, 1996].)

Перевод собственных имён обычен в русской литературе только по отношению к индейцам (Чингачгук — Большой Змей и т. д.), это создаёт ситуацию некоторой гордой, но примитивной культуры. Иногда в переводах современных зарубежных текстов, по сюжету связанных с восточной культурой (Японией и Китаем), допускается перевод некоторых женских собственных имён. Так, например, в романе Цутому Минаками «Картинка в волшебном фонаре» [Цутому, с. 28, 34, 47 и др.]: Цветочек, Яшма, Сапфир — женские имена и др.; в романе Роберта ван Гулика «Красная беседка (достоверные истории средневекового Китая)» — Осенняя Луна, Зелёный Нефрит, Серебряная Фея и др. [Гулик, 2002, с. 115, 136 и др.]. В его романе «Призрак в храме» [Гулик, 2005]: *Потом помощник судьбы вспомнил о женщине по имени **Нефрит** и её таинственном послании, найденном ими в шкапулке из чёрного дерева* (с. 75–76); *Покажи девушке этот знак. Зовут её **Весеннее Облако*** (с. 148). В Романе Ж. Трошева есть случаи параллельного употребления имени в переводе: *Вот-вот проснётся наша Вера-**Чанича*** (сноска: 'Птичка') (с. 315); *Дослушайте сына чабуна, молодого куркогира Микпанчу, у кого первым учителем был отец, вторым — **Тымани**, а третьим — большой Ошар... Мы скорбим, что жизнь смелого тунгуса по имени Утро...* (сноска: *Тымани* — 'по-эвенкийски утро') (с. 151).

Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993]: *Двое повадились к ней: молодой Вильк, сын старого Вилька из Бжозовой, и чтан из Роговиц...* — *Первый пускай на других воеет* (сноска: *вильк* (wilk) — по-польски ‘волк’) (с. 123); у С. Шелдона в романе «Букет горных фиалок»: *Ну и что Луазо?* (сноска: *loisean* — *l’oisean* — ‘птица’ (фр.)) *Кстати, почему у него такое странное имя? — Это не имя. Это прозвище, как у тебя* [Шелдон, 2000, с. 30].

В данном случае обыгрывается перевод личного имени для характеристики персонажа (говорящие имена в художественных текстах). «Обыгрывание семантики антропонимов преимущественно базируется на его сопоставлении с нарицательным словом» [Михайловская, 1984, с. 74–75].

2. Топонимы в тексте М. Ошарова маркируют место действия. Так как географические названия в Сибири в основном имеют иноязычную топооснову, они способствуют созданию в тексте образа инонациональной речевой среды: *Он был доволен, что Микпанча, возвращаясь с Чуны, не забыл по пути забежать в болото и привезти отцу подарок* (с. 59); *Лёд на Ангаре пробрасывает, бери лодку и плыви* (с. 234); *Весной я пойду на Байкит, тогда много гостить у вас буду* (с. 286) и т. д.

У Ж. Трошева национальная речевая среда также передаётся через употребление эвенкийских топонимов: *Наши соседи на берегах Ионесси* (Енисей. — Л.С.), *народ кето, — болеют чёрной болезнью* (с. 168); *В молодости жил я на озере Лама* (сноска: ‘Байкал’) (с. 229); *Заинтересовалась лишь диковинными для Средней Катанги* (Хатанги. — Л.С.) *голубыми полярными песцами и блестящим рыбьим зубом* (сноска: ‘моржовый клык’) (с. 20); *Меня знают на обеих Катангах и даже на реке Юоелене* (сноска: ‘Лене’) (с. 60).

Часть топонимов трудно идентифицировать, чтобы решить, реальны они или это топонимы поэтические (проведено сравнение со списком «Местных географических названий, упоминаемых в мангазейских деловых документах [Цомакион, 1966, с. 442–444]). Например, у М. Ошарова: *Он просто следил, как усталый месяц искал своего двойника в водах Чеко* (с. 56); *через неделю чабун один налегке ушёл в свои кочевья, чтобы забрать всё своё хозяйство и перегнать в леса*

Кимчу своих оленей (с. 96); *Токтэма* думала о новом переходе к вершинам **Вакунайки**, куда старый *Хорболь* торопился, чтобы в последний раз посмотреть на волшебные огни **Тогодоу** (с. 99); *Шёл* густым ельником к речке. Темно, глухо. Не **Юктукон** ли это? (с. 186) (ср.: Никто больше не находил и не видел этих мороженных людей. Сказывали старики: они сделались кипельми ручейками-юктами. Вода в юктах с осени мёрзнет. Весной они растают и станут опять кипуны-речки (с. 187)); *Проснулся* в **Чамбинском** пороге... И где ему было знать о том, что на **Тэтэрэ** русский залабазил пять тысяч белки, собранной с эвенков за угощение, и им же сдал её на сохранение (с. 286) и т. д.

Сплошной выборки этого материала не делалось, поэтому нет количественных подсчётов.

§ 3. Нациолектизмы в романах об эвенках

1. Нациолектизмы используются в романе Ж. Трошева в русской речи эвенков. В качестве устойчивых признаков русской речи эвенков приводятся некоторые фонетические, грамматические и лексические черты.

1.1. В романе «Большой Ошар» в русской речи эвенков переданы три фонетические черты родного языка: подчёркивание эвенкийского аканья: *Тогда латна-а. Не то совсем скучно* (с. 96); *Однако кажи дальше: польна интересно!* (с. 96). *Верна-а.* (с. 120); *Тарова, Ошар! Тарова, тарова, бэйе, большой Ошар!* (с. 98); произношение [j] перед гласными после мягких согласных: *Совсем худой жизньья!* (с. 96); *Валья* (Валя) (с. 184); «*Мисьей*» (Мишей) (с. 215); в консонантизме мена шипящих на свистящие: *Сапсем парсывай музык. Трус... Тунгус парсывай: берестянку терял, бегом безал* (с. 208); *Парсывай одёжки нет, олешек нет, ягелянет...* (с. 96); *Тарова, товарис!* (с. 91); Звонкие согласные (и сочетания) заменяются на глухие: *Тарова!* (с. 91); *Тогда латна-а* (с. 96); «*В дом мошна?*» — *просунулся в дверь молодой сухопарый эвенк* (с. 202); *Однако кажи дальше: польна интересно!* (с. 96).

Для русских говоров Сибири и данного региона характерно оканье: «Буква о у всех писцов мангазейских памятников обычно пишется в первом предударном слоге в соответствии с этимологией» (с. 242). «Исследователи XIX и XX веков

отмечают у носителей сибирских старожильческих говоров оканье... Вся северная часть Туруханского района окает» (с. 332, 330) [Цомакион, 1968]. Также на оканье на Среднем Енисее указывает и И. И. Литвиненко [Литвиненко, 1979].

«Генетически все обследованные говоры восходят к одному типу материнской основы — северорусским говорам с полным оканьем... Функционально полное оканье реализуется в современных говорах Туруханского района, Среднего Енисея, Кежемского района Приангарья, Емельяновского района, т. е. из семи описанных диалектов в пяти (последовательно и спорадически)» [Самотик, 1988, с. 28].

Шепелявость известна в русских говорах: «В соответствии с твёрдым шипящим в некоторых (преимущественно северных и ещё более редких) говорах отмечают произношение свистящих звуков или звуков шепелявых, промежуточных по своему характеру между шипящими и свистящими... Некоторые случаи произношения шепелявых согласных являются лексикализированными» (Русская диалектология, 1965, с. 87). На шепелявость в Сибири указывают многие исследователи: А. И. Соболевский со ссылкой на А. П. Щапова: «Подобно остякам, они (русские старожилы Сибири) вместо *ч, ш* выговаривают *с, з*: *посол, осень, большой, зарко*» [Цомакион, 1966, с. 96]. В. В. Бартенёв со ссылкой на Н. М. Ядринцева: «На низу Енисея русские почти вовсе не употребляют русского языка... Самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса в речи <...>, сколько мы заметили, отличается почти теми же особенностями, как и у остяков. Например, подобно остякам, они вместо звуков [ч], [ш] выговаривают [з], [с]: *посёл осень большой доздь, в избе сыпко зарко, бедняски худо живут. Сюсюканье* встречается лишь у природных обдорян... Таким образом, сюсюканье есть явление общее всем северо-сибирским поселениям» [Цомакион, 1966, с. 100]. А. М. Селищев, считая, что возникновение шепелявых представляет собой фонетическое явление, предполагал, что «соканье» было вызвано воздействием иноязычной среды [Селищев, 1931, с. 203]. Р. И. Аванесов замечает, что «замена шипящих (*ш, ж*) свистящими (*с, з*) наблюдается при смешении диалектов русского языка с другими языками. Она встречается в русских говорах Сибири, а также

кое-где в европейской части СССР. Весьма возможно, что шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка на этих территориях» [Аванесов, 1956, с. 135]. Итак, по поводу природы этого явления в русских говорах Сибири выдвигаются разные предположения: эти черты были приобретены русскими в Сибири под воздействием языков автохтонов края или они завезены русскими с европейской части России, где могли возникнуть в результате развития фонетической системы или выступить в качестве субстрата языков ассимилированного населения. Н. А. Цомакион, наблюдая замену шипящих свистящими в русских туруханских говорах и сравнив их с данными памятников Мангазеи, заключает: «Несомненно, это местного происхождения процесс, первые насельники Мангазейского уезда не принесли его с собой» [Цомакион, 1966, с. 394]. В анализируемом тексте это черта нациолекта эвенков.

Интересно сопоставление с текстом романа В. П. Астафьева «Царь-рыба» [Падерина, Самотик, 2008], где в языке Акима, у которого мать была эвенкийка, а отец русский и который вырос на русском рыбацком стане, частотна замена шипящих на свистящие: *В газетке не продёрнес? Музыки опасаются... Так сё, музыки?* (с. 260); *«Тихий узас!» — волосы на голове Акима зашевелились* (с. 507); *...его начальник — «зук» тёртый, заранее спрятал патроны...* (с. 161) и т. д.

«Редко и в ограниченных позициях в русских говорах встречается оглушение согласных: «нормой» для говора является произношение... глухих согласных» [Русская диалектология, 1965, с. 84]. В «Царь-рыбе» в речи «бойе» (эвенка) [Падерина, Самотик, 2008]: *Почто так делаешь? Рыны плават мноко* (с. 419).

1.2. Грамматическая неосвоенность русских слов в речи нерусских — использование мужского рода существительных в качестве общего родового признака, инфинитива как глагольной формы, усложнённых форм местоимений и наречий, нарушения нормы в глагольном управлении: *Дерево сухой есть* (с. 244); *Твой пулька высоко в дерево ударил* (с. 208); *Мало-мало гулять тайгам захотелось* (с. 128); *Какой-такой* ('какой') *тунгус сидит долго без чая?* (с. 244); *Чего-так болтаешь, Ошар?* (с. 181); *Чегой-то делать мне?* (с. 236); *«Маленько... тяп... тяп-тяпнем», — улыбнулся Гаюльский* (с. 155).

В «большинстве русских говоров различаются три рода существительных. В некоторых различаются только два: мужской и женский... удельный вес и состав каждого класса могут быть существенно разными» [Русская диалектология, 1965, с. 97]. В русских говорах региона (1877): «Небольшое количество, редкость чего-нибудь выражают словами *один-один* <...>; вместо *немного* говорят — *мало-мало*» [Цомакион, 1966, с. 84–85]. Также Павел Кузмищев (1848) в камчатском наречии отмечает: «О женском говорится как о мужском роде: *я пора пошёл*, т. е. ‘я теперь пошла, иду’; муж скажет о жене: *он не хочет*, т. е. ‘она’; *собака непослушной, лукавой* вм. ‘непослушная, лукавая’ и проч.» [Цомакион, 1966, с. 40].

Упрощение словообразовательной структуры слова — потеря приставок: *Мотри!* Одежка богатая белая, а сами чёрные! (с. 96); *Мотри*, не увези в город — *серчать* буду (с. 154); *Думал* прибить его: *омманул*, наказ мой не *сполнил* (с. 156); Замена видовых пар глаголов (эту категорию слов трудно отграничить от предыдущей, так как совершенный вид глаголов связан с приставочными образованиями) у Ж. Трошева: *Однако кажи* дальше (с. 96); *Чему чай не варил?* След *прятать* хотел! *Эвот* как (с. 244); *Ходите чум...* Пьём чай маненько (с. 247); *Один раз стрелил?* (с. 207).

Во второй части романа М. Ошарова «Бали» появляются русские, по-русски говорят некоторые эвенки: «*Этто* какой? *Нирусско-о!* — *встретила* *Топко* русским говором седая узколобая старушка. — *Но, здорова!* Ты меня *знас?*» (с. 186);

«*Ха-ха!* *Огонь, миня ись* не надо. *Уж ли чектыма* худой люди?» — *засмеялась она* (с. 187); «*Дорово*», — *прошептал* за ним *Топко* (с. 190); *Я узли* слепой стал? ...*Прабда!* (с. 191); *С пушниной* пришёл? — *Пусниной*. *Всё тащил* (с. 198); *Ружьё, поди, твоему парнишке* надо? — *Вот, вот...* *Винтокам* надо (с. 200) и т. д.

2. Разновидность нациолектизмов представляют слова вне русского узуса, некоторые созданы и вне русских словообразовательных моделей; их представление осложняется особенностями звуковой структуры. Таких слов нет ни в русском языке, ни в контактирующем, такие слова закрепляются для упрощённых межязыковых контактов: *Детюски* (‘детушки, деточки’) *есть ли?* (с. 76); *И детюски*

совсем плохой... (с. 96) (ср. в «Бали» М. Ошарова: *Какой Сауд? — Моя парнюско* (с. 200)); *Только испоганили его люди Белого царя* ('русского царя') (с. 188); *Может, это шаманское «волнование»?* ('волнение') ...И поэтому Мипанча радуется твоему «волнованию» (с. 132, 134); *Протянула руку и хлопнула Николая по ладоням: «Убьёмся об заклад?»* ('побьёмся об заклад') (с. 77); *Однако знает немного тунгусскую говорку. Понимает — хорошо, а говорит — плохо* (с. 182); *Говорки разные вельи. Дюгонча ему рассказывал о смерти своего друга Бонгачо, когда золото с Семёновым искали* (с. 192); *Не знаю — слон. Слыхала говорку, не знаю однако. Сэлли (мамонт. — Л.С.) — знаю* (с. 222). Слово *говорка* многозначно: это и 'разговор', и 'язык, речь', и 'слово'. Гибридные языки — «это упрощенные языки, приспособленные для элементарного общения. Они не являются языками в собственном смысле слова (креольские языки или языки пиджин)» [Кодухов, 1974, с. 191]. Является ли такая лексика признаком будущего слияния языков? А. А. Потебня писал: «По направлению к будущему общечеловечность в смысле сходства может только уменьшаться» [Потебня, 1976, с. 285]. Интересно, что П. Я. Черных отмечает слово *волнование* в «Книге о ратном строе» 1647 года, где речь идёт о *смутах* и *волнованиях* [Черных, 1956, с. 204].

3. Использование в речи эвенков в романе Ж. Трошева русских диалектизмов (диалектизмы в функции нациолектизмов), при этом в речи русских героев диалектизмов нет, они представляют русскую интеллигенцию. Как нациолектизмы используются: полная контактная ассимиляция губно-губных («Произношение сочетания *мм* широко известно говорам северного наречия и распространено также в юго-западном направлении» [Русская диалектология, 1965, с. 90]), упрощение групп согласных; форма местоимения *таку* репрезентирует отсутствие *j* в интервокальном положении; явления ассимиляции и стяжения в формах прилагательных, характерные для северного наречия [Русская диалектология, 1965, с. 236] и т. п. В речи эвенков используются русские диалектные слова, не относящиеся к представленным темам: *Оммана хотел!* (с. 76); *Думал прибить его: омманул, наказ мой не сполнил* (с. 156); *Плату пастухам дам такую, как закон новый требует* (с. 155); *Рази когда мясо вялят да ровдугу дымят... Однако кажжи*

дальше (с. 96); *Крепко думал. Решил: такому немного доброты да поболее страху — потянет, ровно упряжка оленей* (с. 156); *Разговоры долго ходили, как ты зорила Дэколока* (с. 76); *Эко заболь подметил...* (с. 120); *Тут чего-то кружат русские* (ср.: *Однако теперь её ум часто сбивался на кружатую тропу* (с. 157)); *Ну ты, Дуня, понапрасну этак-то изгаляешься над Георгием Константиновичем* (с. 196); *Встали на лыжи и торопко сюда* (с. 207); *варнак* (см. выше) и т. д.

П. А. Ровинский (1873) отмечает в сибирском наречии *оммануть*, *заболь* [Цомакион, 1966, с. 73, 77]. Эти слова известны в регионе: *спортить* — ‘испортить’, *изгаляться* — ‘насмехаться, издеваться над кем-либо’, *торопно* — ‘спешно, торопливо’, *варнак* — ‘1) хулиган, 2) озорной мальчишка, 3) бранное слово’; *кружатъ* —

‘плутать’; *спортить* — ‘испортить’ [СРГЮРКК]; *изгаляться* — ‘насмехаться, издеваться’; *варнак* — ‘вор, разбойник, хулиган’; *кружатъ* — ‘1. Лгать, обманывать.

2. Путаться в словах, мыслях, заговариваться. 3. Блуждать’ [СРГСРКК]; *варнак* — ‘1) устар. отбывший наказание каторжник; 2) разбойник, грабитель из среды беглых; 3) осужд. дерзкий, грубый человек; 4) осужд. шалун, озорник, проказник’; *зорить* — ‘разорять’; *изгаляться* — ‘издеваться, глумиться’; *кружатъ* — ‘1. Лгать, обманывать. 2. Путаться, сбиваться в речи, говорить невпопад’; *кажи* — ‘покажи’ [СРГЦРКК]; *зорить* — ‘разорять’; *изгаляться* — ‘издеваться’; *кружатъ* — ‘плутать без дороги, кругами; врать, придумывать’ [Чашин]; *тяпнуть* — ‘1) выпить (о спиртном), 2) присвоить нечестным путём, украсть’ [Квеселевич].

Нужно отметить, что русские диалектизмы маркируют речь крестьян вообще, например, служат для отчуждения нереальной речи малообразованных людей в фантастическом романе А. Спаковского «Башня ласточки», переведённом с польского языка [Спаковский, 2004]: *Если девке на смерть идтить...* (с. 380); *Вы и впрямь хочите к друидам идтить? Жизнь вам обрыдла или как?* (с. 108); *Када мамка не видала, подбирался и лапами лез, рукоблуд паршивый* (с. 98); *Ну это уж совсем иньшая история* (с. 90); *Был тамотки ещё один, ну, маленький такой, прям низушек, да и только* (с. 127); *Запуталося в сетях-то и барахтает-*

ся в воде, **быдто** тюлень какой (с. 88); В политике? Дань **требовают** всё боле. А кто **требоват**? При ком **ноне** власть? (с. 108); **Шибко** спешили, потому как на шторм нагоняло. Небо сильно темнело с **заходу** (с. 87); Ну, чего **зенки** вытаращил? (с. 95); Спешили на **майдан** также стражники от ворот... (с. 390) и т. д.

П. Я. Черных в своей работе «Русский язык в Сибири» [Черных, 1937, с. 89] приводит пример использования диалектизмов в тексте XVII века, написанном на церковнославянском языке, — «Рождественская драма» неизвестного автора, где «вифлеемские пастухи, <...> в отличие от других действующих лиц (цари, ангелы и пр.), говорят на южнорусском наречии с примесью некоторых украинских особенностей».

В переводе, очевидно, диалектизмы могут использоваться переводчиком и неосознанно. Так, в фантастическом романе Курта Воннегута-мл. «Добро пожаловать в обезьянник» (перевод с англ. Н. Коптюг) [Воннегут, 1991], изданном в Новосибирске, использован диалектизм *костяночки*: **Костяночки** — это маленькие пухленькие шарики, из которых состоит ягодка малины (с. 138) (ср. в «Толковом словаре» В. И. Даля: *костянка, костяника* — ‘растение и ягода, перм.’ [Даль, 1955, с. 177]. В романе Эрла Стенли Гарднера «Перри Мейсон и сердитый свидетель» [Гарднер, 1991] сибирское *ну* в значении утверждения:

«Мистер Эдди, — подчёркнуто уважительно начал Мейсон, — вы заключили контракт на уборку мусора в Джебсоне?» — «**Ну**». — «Как долго вы занимаетесь этим делом?» (с. 187) [Ср.: Даль, 1955, с. LXVII] и т. д.

4. Слова: *однако, шибко, худой, пошто, мало-мало, маленько (маненько), Белый царь* — обычно в регионе указываются как признаки русской речи представителей народов Севера. Все эти черты связаны с понятием этностереотипов (см.: [Крысин, 1991, с. 13]; Шмелёвы как этностереотип определяют «для чукчей — слово *однако*» [Шмелёв, Шмелёва, 2004, с. 49]). Авторское (как стереотип) М. Ошарова и Ж. Трошева слово *узли* (‘разве, неужели’. — Л.С.) в русской речи эвенков довольно частотное в тексте.

У Ж. Трошева: **Пошто** рыжий Петька распоряжается стадом? (с. 188); До чадобца сгонял. Там нашёл... Иначе сходил бы **непочто!** (с. 252); **Однако** знает не-

много тунгусскую говорку. Понимает — хорошо, а говорит — плохо (с. 182); Не знаю — слон. Слышала говорку, не знаю **однако** (с. 222); И мясо сохатого, пудов тридцать **однако**... (с. 130); **Маленько** из ружья даю стрелять (с. 130); **Жалко маненько** (с. 279); **Маненько** человек с Бадайбы путал (с. 237); *Ходите чум... Пьём маненько* (с. 247); *Ганя последнюю пору **шибко** ругал Соржок в своём чуме* (с. 218); **Шибко** далеко ехать (с. 237). Во второй части «Бали» романа М. Ошарова: **Узли** (‘неужели’) *она обманщица?* (с. 73); *Люди собаки узли? На цепь садить?* (с. 97); *«Уз ли чектыма худой люди?» — засмеялась она* (с. 187); *Я, узли слепой стал?.. **Прабда!*** (с. 191); *«Мольчи! — крикнула на него Дукульмо. — **Худой язык!**»* (с. 192) и т. д.

В русских говорах региона отмечаются как частотные *пошто, однако* (М-ский, 1877 г.): «что в прямых падежах употребляется сибиряками только в следующих случаях: в слове *пошто* — ‘отчего, зачем, для чего’... *Сделаешь это? — Пошто не сделать, сделаю*... Весьма оригинально употребление слова *однако*. Преимущественно употребляется оно как выражение сомнения, неуверенности в том, о чём идёт речь. Спрашивается: *далеко ли до села? — десять вёрст однако; или который час? — два часа однако или однако два часа*» [Цомакион, 1960, с. 84]

В русской речи эвенков есть эвенкийские слова. Так, в «Бали» М. Ошарова: *«Ы-ы! Дэолок, вино **аланчу!*** (сноска: ‘вкусное, сладкое, приятное’) *Экой сладкой у Паска нету», — отдышалась чектыма* (с. 192); *Вот Стёпка наклонился ещё ниже и нагло лезет под парку. «**Обой!**» — отозвалась глухо промозглая изба* (с. 193); «Звено могил»: *В чум вбежала собака и заискивающе завилыла хвостом. «**Тулюле!**» — цыкнула на неё Шиктолок и быстро принялась за работу* (с. 85).

5. В языке русских также есть и отдельные эвенкийские слова, и элементы эвенкийского диалекта. У М. Ошарова в «Бали»: *Осип Васильевич подошёл к эвенку и с деланным весельем позвал его с собой. «Пойдём, друг, в другой чум. Там говорка бо-ольшой делать будем. Вот такой говорка», — Калмаков, смеясь, раскинул руки и подцепил кочевника* (с. 252); *Когда **хороший** люди надо, так в тайгу **ходишь** искать, — приспосабливался Калмаков. — **Худой** человек близко, да его даром не надо. Я тебя **ши-бко** искал, Сидор Захарович... Я, друг, хочу*

свой лавка тащить из деревни на Катангу (с. 253); Два *турсук* муки за *оленчика* дал. В *писку* эту муку не писал. Сюда клади, друг, нашу *говорку* (сноска: ‘уговор, договорённость’) (с. 203); «Друг, *шуруколь!*» — вспомнил Егорша нужное слово и вперевалку медвежонком повёл Топко в узенький переулочок (с. 190); Эх, и покручат тебя завтра буду: муку дам, всякой *торга* (сноска: ‘мануфактура’), пугови, бисер... (с. 192); Молодой работник Ильяка обещал уже все чумы и пришёл к Дукульмо... Эй, *аси!* (сноска: ‘женщина’) Это купишь? Давай менять? (с. 195); несобственно-прямая речь Рауля: *Шнурочком закрутил бы косу любимой, пуговками — залепил бы сплошь всю грудь её узорчатой дако* (сноска: ‘женское пальто, расшитое бисером’) (с. 199).

А. П. Щапов, наблюдая туруханскую лексику, находит до 33 слов «чисто тунгусских» в словаре русских этого края, утверждая, что их до половины от собственно диалектной лексики [Щапов, 1960, с. 73]. Н. А. Цомакион некоторые из них не относит к «тунгусским» и заключает: «Следовательно, соотношение 33 к 66, приводимое А. П. Щаповым для доказательства необычайно высокого процента заимствований из языков местного населения в туруханском говоре, не соответствует действительности» [Цомакион, 1966, с. 403].

Из материала мы видим, что интерференция в русской речи эвенков и черты русских старожильческих говоров в регионе, отражённые в художественном тексте, во многом схожи (за исключением эвенкийского аканья). Это объясняется их действительной близостью, непосредственным общением между русскими и эвенками, контактом языковых систем или этническим смешением. В конце XVI — начале XVII века «языками местного населения русским жителям... необходимо было овладеть для успешного выполнения возложенных на них обязанностей. В основном эту связующую роль выполняли переводчики-толмачи... Стрельцы также в какой-то мере владели языками местного населения; часто отмечается такой путь восхождения по служебной лестнице: промышленный человек, позже — он уже пишется толмачом, а ещё некоторое время спустя — служилым человеком. Возможно, конечно, что такой путь могли проходить и представители местного населения... Знанию местных языков способствовали и смешанные браки... А. П.

Щапов приводит многочисленные примеры наблюдавшихся им браков русского населения Туруханского района с тунгусами (эвенками) ... Указывая на ряд общих черт в обличье, привычках, образе жизни, промысловых навыках русского и нерусского населения северной долины Енисея, А. П. Щапов отмечает и некоторые лингвистические особенности» [Цомакион, 1966, с. 400–401]. В советский период русско-эвенкийское двуязычие было заменено эвенкийско-русским. Эвенкийский язык считали родным 71,4% эвенков края [Кривошапкин, 1998, с. 701].

Нациолектизмы как признак инонациональной речи вообще (по сюжету не по отношению к русскому языку, но по форме разнящиеся именно от русской речи) используются в ряде художественных текстов. Например, в романе Дж. Карра «Тёмная сторона луны» [Карр, 2006] так передаётся нациолект неизвестного лица: *чей-то голос расколол ночь пополам. «А ну стоять! — проревел он. — Кто ты есть такой? Вот обрез, естли ты не **стоять** и я **смотреть**, кто ты... Фамилия Хендрикс. Хендрикс, **цветоводы**. Если вы **тощно** полиция... Просто **быть острожно**, чёртовы дети все. что-то не так?»* (с. 442).

Основная функция нациолектизмов — передача местного колорита, маркирование русской речи нерусских. В нашей действительности, в нашей многонациональной стране русский язык нерусских представлен широко, различными вариантами, связанными со степенью его освоения. «Нациолект» долгие годы рассматривался в лингвистике как объект совершенствования методики преподавания русского языка в национальных условиях, но не как самостоятельная форма существования русского языка, отражающаяся в художественных текстах.

«Форма существования языка — это одна из конкретных форм его структурной организации и функционирования в человеческом коллективе. Форм проявления языком своего социального назначения — быть средством общения — в языках мира много. Множество форм существования языка обусловлено разнообразием исторических, социальных, культурных и других жизненных условий и потребностей социумов, неповторимостью конкретных обстоятельств, в которых складывается, развивается и функционирует тот или иной язык, удовлетворяя коммуни-

кативные запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных, возрастных, половых групп» [Винокур, 1980, с. 44].

6. Есть у Ж. Трошева слова, собственно диалектизмами не являющиеся, но сохраняющие значение языка-источника: *Опять Соржок прикоснулась к чужой тайне, узнала гнусь князя...* (с. 22); *Вскормленник-коломой* становится собственностью князя (с. 15); *Не удачливым выпасом тучнели стада Путугиров, а воровством, тяжким трудом пастухов, «вскормленников», продажей дочерей должников своих* (с. 141); *Женщины, приняв приезжих за новых и весёлых гостей, резво побежали к стоявшему рядом чуму, где пылал гостевой очаг* (с. 247) и т. п. Ср.: *колэмо* — ‘помощник’ [Кочнева, с. 26], а также Н. А. Цомакион в языке мангазейских памятников среди слов с отмеченным северорусским ареалом указано: *покормленник* — ‘приёмный ребёнок, воспитанник’ с отсылкой к словарю Даля [Даль, 1966], где есть локальные пометы *перм., вят.* [Цомакион, 1966, с. 463].

Есть слова, созданные по общерусским моделям, но отсутствующие в узусе. Скорее всего, это авторские окказионализмы, но в соответствии со стилистической доминантой произведения они воспринимаются как следы другого языка, например, в «Бали»: *Он (Микпанча) думал о ней одиноко и неотступно* (с. 84); *Шиктолок перебирала в руках волоконце жильной нити* (с. 85); *В развиле рог бежского передового вдалеке маячил бронёй серебряный лес* (с. 194); *На рыженьких усиках блестела отпоть, из-за пазухи шабура* (сноска: ‘домотканый полушерстяной халат’), *надетого поверх полушубка, торчал пучок белок* (с. 195) и т. д.

§ 4. Выводы

Образ-концепт национальной речевой среды в романах М. Ошарова и Ж. Трошева представляет концептосферу языка художественной литературы, выступающую как дополнение к имеющейся в современном русском языке. В русском языке исторически создан концепт национальной речевой среды, особенности которого заключаются в том, что язык различает народы внутри многонационального государства преимущественно по региональному (географическому) принципу: народы Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Севера, то есть используется схема деления национального русского языка (так даются значения слов-

экзотизмов в толковых словарях). В художественных же текстах народы России представлены по возможности всесторонне и полно.

1. Тематическая группировка внелитературной лексики в тексте М. Ошарова представлена 11 группами: вера (шаманизм), олени, охота, природа, обычаи (традиционные взаимоотношения между людьми), жилище (кочевье), одежда и обувь, обозначение людей и обращения, музыка и возгласы, этнонимы. Одним словом представлена национальная кухня. В тексте Ж. Трошева — 12 групп: дополнительно — национальная кухня, кроме того, в специальную группу выделены нациолектизмы — слова, передающие русскую речь эвенков. Тематический словарь эвенкийского языка В. И. Кочневой включает 25 ведущих тем [Кочнева, с. 14]. В Эвенкийско-русском словаре К. С. Абрамовой [Абрамова, 2007] представлено 22 темы. Эти числа относительны, так как возможна различная формулировка тем, но очевидно, что это небольшой процент от общего тематического разнообразия русского языка (более 7%; в русском литературном языке, согласно «Тематическому словарю русского языка» [Саяхова], включающему в себя около 25 000 слов, в целом до четвёртого уровня деления тем всего 302); в своей основе литературный язык придерживается научной классификации элементов окружающего мира и значительно отличается от эвенкийской. В тематической группировке экзотизмов романа М. Ошарова видно своеобразие эвенкийского восприятия мира, в целом анализируемые тексты передают специфику эвенкийского менталитета.

По данным МАС, количество выделенных тематических групп областной лексики в словарях литературного языка — 22 [Самотик, 2011]. Тематическая представленность диалектной лексики определяется программами сбора материала [Пособие-инструкция, 1960; Программа собирания материалов, 1959 и др.]. Наиболее полную программу, адаптированную к условиям Сибири, представляют «Вопросники» Томского государственного университета, в которых обозначено 26 тем [Вопросники, 1990]. Несомненно, внелитературная лексика анализируемых текстов ближе диалектному русскому языку, нежели литературному. Таким образом, на основе количественных подсчётов становится ясно, что тематически вне-

литературная лексика произведения близка, с одной стороны, эвенкийскому языку, с другой — русским народным говорам. Н. А. Цомакион на материале мангазейских письменных памятников (север Приенисейской Сибири, XVII век) создан тематический словник, состоящий из 20 разделов: природа и рельеф, человек и семья, сельское хозяйство, ремесло и промыслы, строительное дело, торговля, деньги и денежные отношения, метрология, транспорт и пути сообщения, поселения, жилище, пища и предметы домашнего обихода, социальные отношения, собственность и имущественные отношения, землевладение и землепользование, политический строй, структура и деятельность органов власти, налоги, городские доходы, суд, судопроизводство, военное дело, письменные памятники, материал для письма [Цомакион, 1966, с. 444–460]. Этот словник отличается по набору тем от словников устных форм речи, так как это деловой язык, но интересен по составу, потому что относится к территории, описываемой в анализируемых романах. В произведениях русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока Н. Г. Михайловская выделяет 10 тематических групп: 1) социальные понятия, относящиеся к прошлому, 2) родственные отношения, 3) статусные обращения, 4) предметы быта и трудовой деятельности, 5) лексика охоты, морского и речного промысла, 6) различного рода сооружения, постройки, 7) одежда и обувь, 8) названия пищи, 9) понятия зрелищного искусства, 10) религиозные понятия [Михайловская, 1984, с. 39–66]. Поскольку некоторые группы трактуются достаточно широко, можно заключить, что в тематическом отношении наша классификация и классификация Н. Г. Михайловской идентичны.

Количественная характеристика слов, создающих образ инонациональной речевой среды, значима при анализе. «От сюжетно-тематических особенностей произведения зависит частотность компонентов тематических групп» [Михайловская, 1984, с. 158]. Имя тематической группы в произведении представляет микроконцепт, который связан с мотивами произведения. В романе М. Ошарова в основных тематических группах, моделирующих национальную речевую среду, зафиксировано 134 слова и 524 употребления (без некоторых групп, не имеющих

сплошной выборки). В романе Ж. Трошева в этих группах используется 129 лексических единиц. Представленность тематических групп отражена в таблице.

Таблица 3

Темы	Количество лексических единиц в романе М. Ошарова	Количество употреблений в романе	Количество лексических единиц в романе Ж. Трошева
1. Вера	22	47	22
2. Олени	15	34	10
3. Жилище, кочевье	11	168	11
4. Обычаи	9	48	18
5. Музыка	8	22	7
6. Одежда, обувь	13	43	10
7. Люди	8	24	14
8. Охота	23	81	9
9. Природа	21	34	15
10. Кухня	1	6	9
11. Этнонимы	3	17	4

Самыми разнообразными и частотными (общий индекс) в романе М. Ошарова являются темы: «Жилище» (за счёт частотности слова *чум* — 179), «Охота» (104), «Вера» (69); затем «Обычаи» (57), «Одежда, обувь» (56), «Природа» (55) и «Олени» (49). Наименьший индекс (разнообразие слов и их употребительность) имеют тематические группы «Кухня» (7), «Этнонимы» (20), «Музыка» (30) и «Люди» (32). Индексация внелитературной лексики в романе определяет значимость мотивов в произведении. Таким образом, текст М. Ошарова сфокусирован на национальной эвенкийской ментальности, в которой важно всё, что связано с традициями и природой.

2. В «национальной» русской литературе используется большое количество маркированной лексики. В работе отмечено более 180 лексических единиц в романе М. Ошарова и около 160 — в романе Ж. Трошева. Общее число

— 340 лексических единиц. Плотность их в тексте М. Ошарова — более пяти единиц на страницу (553 употребления на 107 страниц). Это много больше, чем в переводных текстах. В целом проанализировано более тысячи контекстов. «Несомненно, что всесторонний охват жизни народа в её национально-специфических проявлениях во многом определяет общее количественное употребление лексики национальных языков» [Михайловская, 1984, с. 158].

В «национальной» литературе образ инонациональной (нерусской) речевой среды создаётся в основном при помощи экзотизмов, они составляют 44% от всего количества проанализированной лексики. Основные группы — это слова, непосредственно представляющие инонациональную речевую среду, связанные со стилизацией эвенкийского языка: экзотизмы и варваризмы, нациолектизмы, пословный перевод паремий — в текстах М. Ошарова и Ж. Трошева они составляют более 74% от всей внелитературной лексики. Или это слова, представляющие её опосредованно: диалектизмы в функции экзотизмов (охотничья лексика, лексика природы, диалектизмы-историзмы, в том числе «советизмы»), — их в анализируемых текстах менее 26%. Интересно, что русские диалектизмы используются преимущественно в речи эвенков в обоих произведениях: в первом («Звено могил») среди действующих лиц нет русских, во втором русские представлены как интеллигенты, принёсшие в Эвенкию высокую русскую культуру (за исключением «тунгусников» — русских скупщиков пушнины), которые говорят на литературном русском языке и иногда используют экзотизмы.

Маркированная лексика в каждом анализируемом тексте представляет относительно замкнутую систему, куда входит соответствующая лексика, фиксированная в словарях литературного языка и репрезентирующая его периферию (пассивный словарный состав) и внелитературная. В целом в художественном тексте создана оригинальная лексическая система для концептуализации образа инонациональной речевой среды, скреплённая узусом. «В связи с различием между языком и речью часто возникает вопрос о месте языкового обычая (usage). Это понятие можно допустить как промежуточное между языком и речью при условии понимания языкового обычая как некоей второстепенной нормы, допускаемой

высшей и абстрактной системой языка, однако без возможности упразднить или только изменить эту систему» [Брэндалль, 1960, с. 45)].

3. Варваризмы (включения) в текстах представляют собой как фрагменты текста (у Ж. Трошева: *Экун мухун люча ая отдарок амака-ака?*), так и отдельные слова («Бали» М. Ошарова: *Ы-ы! Дэолок, вино **аланчу*** и др.). Часто их трудно отграничить от экзотизмов, так как, с одной стороны, эвенкийский письменный язык пользуется кириллицей, которая стала основой письменного эвенкийского языка с 1937 года, с другой — по традиции в русской литературе в переводах с западноевропейских языков используется иногда латиница, но варваризмы других языков передаются в кириллице.

Введение варваризмов в текст позволяет говорить о межкультурной коммуникации особого рода (в узком смысле термина — как заимствование фрагмента текста или слова, а не способ восприятия культуры или подражание). Русские формалисты (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский, Ю. Тынянов) считали, что связь между текстами трансформирует литературные жанры. Термин интертекстуальность введён в 1967 году Ю. Кристевой, которая на место интерсубъективности текста (художественного) ставит понятие интертекстуальности. При этом «чужое слово» становится амбивалентным [Кристева, 1995, с. 99].

4. Экзотизмы, фиксированные в толковых словарях ЛЯ, — *амулет, важенка, камлать, камус-камас, мольбище, парка, становище, станок, стойбище, тамга, турсук, унты, фактория, хорей, чум, шайтан, шаман, шаманство, шаманский, шаманить, юрта, ягель, яранга, ясак, ясачный*. Особо следует отметить среди них слова русские, имеющие внутреннюю форму, — *мольбище, становище, станок, стойбище* — и слова, уже в толковых словарях отмеченные как экзотизмы, сформировавшиеся в среде русских: *чум* — ‘принятоеурусских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части СССР’ (ср.: *сакля* — ‘русское название жилища кавказских горцев’), что противоречит некоторым определениям экзотизма: «экзотизмы — иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре тех стран и народов, у которых эти названия возникли» [Емель-

янова, 2003, с. 760].

4.1. Часть из них имеет в текстах другое значение или другой оттенок значения (*амулет, важенка* (дополнительное значение у Ж. Трошева), *нектары, парка, тамга, турсук, фактория, шайтан* (*шайтанская узда*), *юрта*).

4.2. В анализируемых текстах используются их уточнения, детализация (*большой шаман, маленький шаман, шаманка* и др.).

4.3. Часть слов в анализируемых текстах выступает как единицы многозначные, будучи отмеченными в словарях как однозначные (*тамга*).

5. Экзотизмы по отношению к эвенкийскому языку

5.1. Есть слова — прямые заимствования из эвенкийского языка (*арамус, аргиши, бали, бэе* (*бойе*), *боюн, бокари, бурдук, бюксэ, голомо, гэсо, илкун, кулин, люча-лючаль, малу, маут, мунняк, нега, орон, орочён, суглан, томулян* (*тумэлэн*), *тори, тыкса, улгуки, улгурил, уман, учаг, харги, хомокон, хорей, хулан, чуки, шаман*).

Они иногда приобретают в русских текстах не свойственную им в языке-источнике коннотацию: *коломой* в эвенкийском ближе значению ‘помощник’, а не ‘проданный или взятый за долги мальчик’ с отрицательной коннотацией, *нюремаль* ближе значению ‘воспитанница’, а не ‘проданная родителями рабыня’ также с отрицательной коннотацией и т. п. Иногда же в текстах сохраняется коннотация языка-источника: *куренга* — ‘ободранная тушка белки’ как символ безобразного, *улгуки* — ‘доверчивый бурундук’ с положительной коннотацией, сохраняются поэтические названия поры года *Илкун, чарулинь, Пора мирэ, Красный лист, Краснолистье* параллельно с переводом: *чарулинь* — ‘Пора набухания почек и девичьих грудей’; *Пора Мирэ* — ‘Пора любви’ (сноска: ‘февраль’, хотя они не совпадают с делением на месяцы); *Илкун* — ‘Период созревания ягод’ (сноска: ‘июль — август’), при этом следует отметить, что в романе М. Ошарова название поры месяца пишется со строчной буквы, у Ж. Трошева — с прописной и т. п.

Устойчивость в системе языка художественного текста создаётся через словообразовательные гнезда (*шаман, шаманка, шаманство, шаманский, шаманить; аргиши, большой аргиши, аргишить, аргишный; орон-орочён, чум — чумище* и

т. д.), многозначность (*тамга, важенка, ёхарьё* и др.).

5.2. Некоторые слова отличаются значением или оттенком значения от эвенкийских: *унты* (унта), *хаикта*, *баранчук* и т. д.

5.3. Есть слова, имеющие в эвенкийском языке семантически соотносимые слова: *ака*, *аргиш*, *барган* (варган), *богыдя*, *бойе*, *бурдук*, *бюксе*, *декуй*, *комуланы*, *куркогиры*, *маманю*, *мани*, *нимат*, *нюльга*, *оллёкон*, *потакуй* (пота), *томулян*, *туюн*, *хорокон*, *шэвэнчэдэк*, *умунду*, *хольмэ*, *чарулинь*, *чукин* и др.

5.4. Часть слов в словарях эвенкийского языка не фиксирована: *ая*, *ачин*, *бляга-баленга*, *богыдя*, *бопкоун*, *гурылла-гурылла*, *гэсо*, *данилян*, *диунок*, *ёхорьё*, *коломой*, *комуланы*, *конгипкавун*, *куринга*, *лекомеи*, *маманю*, *мега*, *нидёрэ*, *нюремналь*, *огокей-кан-огокей*, *одонхо*, *омкэ*, *они-ами*, *пальма*, *пайцза*, *паннафкаун*, *самана*, *сакуй-сокуй*, *сонинг*, *султа*, *сунмэ*, *хамчуры*, *хивокта*, *хокиль*, *хольмэ*, *хутама*, *хыакать*,

хэгэ, *чекульмы*, *шонюко-шонюко*, *шулинга-шуленга*, *эчэ*, *юксы* и др. Интересно, что в словарях эвенкийского языка не отмечены слова, широко известные в русских говорах и осознаваемые в регионе как эвенкийские: *пальма*, *куренга*, *юксы*. Сюда же можно отнести и лексику, фиксированную в ЛЯ и воспринимаемую русскими читателями как экзотическая, на самом же деле в эвенкийском не отмеченную (*важенка*, *становище*, *стойбище*, *турсук*, *фактория*, *чум*, *юрта*, *ягель*).

Последнее не означает отсутствие слов в эвенкийском языке, так как, с одной стороны, в нём много диалектов (три наречия: северное, южное и восточное с большим числом диалектов и говоров; язык распространён на большой территории в России, КНР и МНР с общим числом говорящих 34,7 тыс. человек, большая часть из которых проживает в КНР [ЛЭС, с. 590]), и далеко не все они описаны; литературный эвенкийский язык сложился на основе непского, а с 1953 года — полигусовского говора и не имеет всеобщего распространения. На территории Красноярского края представлены говоры двух наречий: южного (байкитский, ванаварский, подкаменно-тунгусский, сымский говоры) и северного (дудинский говор и др. [ССТ-МЯ, с. 24]). С другой стороны, нужно учитывать относительную полноту и лексикографическое несовершенство словарей эвенкийского языка,

возможность их идеологической ограниченности.

5.5. Далее к экзотизмам мы относим слова этимологически русские, но не фиксированные в русских словарях и передающие эвенкийскую семантику. Такие слова нельзя отнести к словообразовательным калькам, так как русский и эвенкийский языки относятся к разным языковым типам: русский — восточнославянский индоевропейской семьи, по типу — флективный, эвенкийский — один из тунгусо-маньчжурских языков, по типу — суффиксально-агглютинативный морфологический тип [ЛЭС, с. 523]. В понимании таких слов значительную роль играет понятная для русских внутренняя форма (*позев, вскормленник, передовщик, проступь, мозгачить, оленный, проследие, излукий* и др.).

5.6. Слова со специфическим значением, относящимся к эвенкийской культуре, но известные в РЛЯ или русских говорах с другим значением (*вожатый, копаница, лабаз (могильный лабаз), лабазить, залабазить, передовик* и др.). Вопрос о том, являются ли они семантическими кальками, требует специальной проработки.

5.7. Пословный перевод паремий, сравнений и других устойчивых фрагментов текста также создаёт образ-концепт инонациональной речевой среды в анализируемых произведениях.

Таким образом, мы можем отметить семь переходных явлений между эвенкийскими и русскими словами.

6. Внелитературные экзотизмы по отношению к русским говорам Приенисейской Сибири.

6.1. Есть слова, которые широко используются в русских говорах и закреплены в региональных диалектных словарях: *арямужи, бокари, камус, пальма, чекульмы, унты, юксы*, с другим оттенком значения или значением: *куринга (куреньга)* и др.

6.2. Особый вид экзотизмов-историзмов обозначает особенности взаимоотношения русских с коренными народами Сибири. Это слова, отмеченные в СРЛЯ: *ясак, ясачный, объясачить*; экзотизмы с русской основой — *покрута, покручаться, покрученник*, не отмеченные в словарях русского литературного языка и со-

временных диалектных словарях региона, но используемые историками как термины (прототермины); а также историзмы — «советизмы» первого периода: *тунгусники, спиртоносы, золотишники, многооленички, безоленные, интегралка, потребилка, долить, заборные книжки*; они не фиксированные нигде. «Что касается различия между синхронией и диахронией, то нужно допустить, что время (препятствие для всякой рациональности) проявляется и внутри синхронии, где нужно различать статический и динамический момент» [Брэндалль, 1960, с. 44].

Не фиксировано в МАС, но широко известно в регионе слова *сакуй* — ‘верхняя зимняя одежда, представляющая собой меховой комбинезон с капюшон, сшитый мехом наружу’ и т. д.

6.3. Некоторые слова, очевидно, появились в эвенкийском под влиянием русского языка, интересно, что экзотизмы и этнографизмы при этом переходят в эвенкийский скорее, чем другая русская лексика (*шаман, камлать, сипун* — ‘зипун’, *борчича* — ‘борчатка’ и др.). Последние два в русском варианте известны в местных говорах и фиксированы в диалектных словарях.

6.4. Не использованы в обоих текстах общеизвестные в регионе другие слова, широко употребляемые в речи русских (локализмы) на Енисейском Севере: *балок* (‘вагончик на полозьях’), *Большая земля* (‘страна за пределами Севера’), *каюк* (‘всё, кончено; умер, погиб’), *каюр* (‘погонщик оленей’), *магистраль* (‘Транссибирская магистраль, железная дорога’), *макса* (‘печень налима’), *нарты* (СТСРЯ:

‘на Севере: узкие и длинные санки с деревянным настилом для езды на собаках и оленях’), *национал* (‘нерусский, представитель какой-либо национальности народов Севера’), *пурга* (СТСРЯ: ‘сильная снежная вьюга; буря со снегом’), *северА* (‘Север’), *станок* (‘посёлок с национальным населением’), *строганина* (‘блюдо из тонко нарезанной мороженой рыбы или мяса с острым соусом’), *субой* (‘большой сугроб, обычно после пурги’) и др., то есть слова, представленные в анализируемых текстах, прошли отбор и типизацию, что и создаёт образ.

7. В создании образа инонациональной речевой среды значительную роль играют **нациолектизмы**. В этой категории внелитературной лексики непосредст-

венно представляется вербальная межкультурная коммуникация. В русском языке эвенков отмечены черты интерференции и использование элементов русских народных говоров.

7.1. В романе Ж. Трошева «Большой Ошар» в русской речи эвенков переданы некоторые фонетические, грамматические и лексические черты родного языка: *Однако кажси дальшие: польна интересно! Совсем худой жизньня! Тарова, товарис! Дерево сухой есть. Дэколок, вино алапчу* (с. 192) и др.

7.2. Есть слова вне русского узуса, некоторые созданы и вне русских словообразовательных моделей, они закрепляются для упрощённых межъязыковых связей (движение к языку пиджин): *детюски* ('деточки'), *узли* ('неужели'), *Белый царь* ('русский царь'), *волнование* ('волнение') и др.

7.3. Фиксируется использование в речи эвенков в романе Ж. Трошева русских диалектизмов в функции нациолектизмов, при этом в речи русских героев диалектизмов нет: *омман, таку (ю), кружать, заболь* и т. д.

7.4. Тексты позволяют выделить эвенкийские этностереотипы: *однако, шибко, худой, пошто, мало-мало, маненько, Белый царь*, маркирующие эвенкийский нациолект в русском восприятии при помощи русских слов через особую частотность и синтагматику. Они представлены и в речи русских старожилов Сибири.

7.5. В языке русских также есть и отдельные эвенкийские слова, и элементы эвенкийского нациолекта. У Ошарова в «Бали»: *Когда хороший люди надо, так в тайгу ходишь искать — приспосабливался Калмаков* и т. д.

Материалы художественных текстов показывают, что, с одной стороны, черты интерференции в нациолекте эвенков и черты русских старожильческих говоров в регионе, отражённые в художественном тексте, во многом схожи, что отражает их объективную характеристику, с другой — авторы в рамках основной идеи произведений подчёркивают эту близость, общность русских и эвенков. Отражён в текстах факт использования в межкультурном общении элементов языка-посредника (языка-пиджин).

8. Русские диалектизмы в анализируемых текстах по отношению к словарному составу русского языка:

8.1. Диалектная и специальная лексика, фиксированная в МАС:

– с пометой *охот.*: *белковать лабаз, острога, пасть, плашка, соболевать, соболятник, сторожко, скрадывать, скрадок*;

– фиксированная с оговоркой в значении, привносящей в слово значение регионализма: *важенка, кабарга, казарка, паузок, ремез, урман, шивера, ягель*;

– с пометой *обл.* — *ботало, сохатый, шитик* и др.;

– фиксированная с другими пометами и в других значениях толковыми словарями ЛЯ — *борозда, ботало, верховик, вожатый, гноить, завалить, затёс, лосина (защитная лосина), парной, паузок, передовик, скрадывать, слив, сторожиться* (в МАС с пометой *устар.* и *прост.*), *сторожко* (МАС — *прост.*), *сторожский* (МАС — *прост.*) и др.

8.2. Диалектизмы, не отмеченные в толковых словарях ЛЯ.

Слова, фиксированные в региональных диалектных словарях, и среди них:

1. Слова, совпадающие или соотносящиеся с известными в местных говорах: *берестянка, борозда, дошлый, кабарга, копалуха, кукуша, кулёма, кулёмка, куржак, кухта, обмысок, острога, пасть, плашка, покать, сарана* (в форме *саранка*), *слопцы, сохатый, убродный, урман, хиуз, шивера, шитик*. Слова, которых нет в диалектных словарях региона: *завечерок, зарюхать, излукий, недошлый, обмёт, оленный, передовщик, позев, полношерстный, проследие, резун-северок* (в другом значении есть у В. И. Даля), *сеноставка, слив, снежница, узорить, чумице* и др.

2. Слова, имеющие другое значение или другой оттенок значения по сравнению с русскими говорами региона: *ботало, верховик, вожатый, гноить, затёс, копаница, коробица, корчага, лабаз, лабазить, передовик, обмётом (обмёт)*. 3. Слова, фиксированные в региональных словарях, — русские диалектизмы, но в тексте обозначающие эвенкийские понятия: *залабазить, зипун, лабаз, лабазить, лосина, защитная лосина, меньшак, меньшуха, старшак*.

8.3. Некоторые диалектные слова могут выступать в сознании эвенков как русские эквиваленты, что находит отражение в словарях эвенкийского языка: через них объясняется значение эвенкийских слов (*берестянка, варган, вскармленник, зипун, камус, кополуха, кукуша, кухта, сарана, саранка, торсук, юрта, ягель* и

др.). Это тем более интересное явление, что часть из них русскими осознаётся как эвенкийские экзотизмы.

9. Есть **тематические группы внелитературной лексики**, полностью сформированные в тексте М. Ошарова из заимствованных слов, — обозначения национальных возгласов согласия-несогласия, культовых и эмоциональных выкриков; большей частью — лексика шаманизма, названия одежды и обуви. Из русских диалектизмов — лексика охоты, природы, что, очевидно, соответствует традиции в русской литературе (в эвенкийском языке есть собственная лексика, отражающая особенности национального восприятия природы и способы национальной охоты, трудно воспринимаемая русским читателем из-за специфического понятийного членения действительности). Русские диалектизмы используются в текстах в функции экзотизмов, чему способствует стилистическая доминанта произведений.

10. Значительна роль в создании образа инонациональной речевой среды **национальных онимов**: топонимов и антропонимов.

Мужские имена: *Молошко, Амурча, Хорболь* и др. Женские имена: *Шиктолок, Давэ, чикулек* и др. Собственные имена божеств и мифических существ — в произведении М. Ошарова: *Харги, Сэли, чжабдар, Амака, чоодорок, Бугадде* и др.; в романе Ж. Трошева: *Сэли, Хоглен, Джябдар*, и дополнительно к тексту М. Ошарова — *Шоен, Дельбоны, Дего, Агди, Ылико, чангид, Дулу (Дулю), Момондоя, Хокто-бира*.

В романе Ж. Трошева приводятся русские имена в эвенкийском варианте, освоенные, имеющие традицию произношения: *Гилгэ* (Георгий), *Мукус* (Михаил); и неосвоенные, поддерживающие нациолект особой огласовкой русских имён: *Валя* (Валя), *Мисья* (Миша). В романе Ж. Трошева есть случаи параллельного употребления имени в переводе: *Вера-чати́ча* (Птичка), *Тымани* (Утро), *Нинакин* (Собака).

Топонимы в текстах маркируют место действия, так как географические названия в Сибири в основном с иноязычной топоосновой, они способствуют созданию в тексте образа инонациональной речевой среды. Так, у М. Ошарова: *чуна*,

Ангара, Байкит и т. д. В романе Ж. Трошева используются национальные варианты используемых русскими топонимов: *Ионесси* (Енисей), *Лама* (о. Байкал), *Средняя Катанга* (Хатанга), *Юолена* (Лена).

Часть топонимов трудно идентифицировать и решить, реальны они или это топонимы поэтические.

11. Инонациональная среда создаётся в произведениях через речь персонажей и авторскую речь. «Наиболее типичный и распространённый вид изображённого, объектного слова — прямая речь героев. Она имеет непосредственное предметное значение, однако не лежит в одной плоскости с авторской, а как бы в некотором перспективном удалении от неё. Она не только понимается с точки зрения своего предмета, но и сама является предметом интенции как характерное, типичное, колоритное слово» [Бахтин, 1994, с. 85].

В речи автора употребляются в основном экзотизмы и диалектизмы в функции экзотизмов. Не употребляются в авторской речи: варваризмы, отдельные эвенкийские слова, нациолектизмы, фонетические диалектизмы. Персонажами анализируемых текстов являются русские и эвенки. В речи эвенков используются варваризмы; экзотизмы; нациолектизмы, диалектизмы (фонетические, грамматические, лексические). Ломаная русская речь характерна для русских торговцев пушниной, она несёт представление о хитрости, об обмане и характерна для отрицательных персонажей. Положительные образы русских создаются за счёт правильной литературной русской речи с использованием экзотизмов, эти герои несут эвенкам высокую русскую (и языковую) культуру.

В текстах используются разные виды чужой речи: прямая речь, косвенная, не собственно прямая, пересказанная речь (в том числе т. н. сценическая речь), указания автора на содержание чужой речи (к «чужой речи» относятся некоторыми авторами). В результате мы видим, что русская речь эвенков и речь русских в анализируемых текстах сближаются. С одной стороны, это отражает особенности языкового контактирования в регионе, с другой — так через внелитературную лексику в текстах выражена основная идея произведений о братстве народов Сибири.

12. Выбранные нами для анализа **тексты связаны** друг с другом. Текст М. Ошарова можно рассматривать как прецедентный по отношению к тексту Ж. Трошева. Лексика, моделирующая инонациональную речевую среду, полностью в произведениях не совпадает.

12.1. Совпадают слова: *ботало, важенка, кухта, маут, парка, сохатый, Сэли, тори, учаг, харги, хорей, шаман* и др.

12.2. Частично лексика выступает как вариативная: *суглан (большой суглан) — мунняк, балянга — баляга, шуленга — шулинга* и др., см. п. 11.

12.3. Частично лексика романа Ж. Трошева дополняет предыдущий текст: *ачин, ая, бопкоун, бюксэ, голомо, декуй, индёрэ, колемой, комуланы, малу, маманю, мани, нега, нимат, нюремналь, одонхо, оллёкон, омкэ, орон, орочён, пайцза, поторкуй, самана, соннинг, султэ, туюн, тыкса, улгуки, улгурил, уман, умунду, урман, фактория, хорей, хулан, хутарма, хэгэ, чукин, шэвэчэдэк, э-гей, эчэ, эрэсин, ягель, яранга* и др. Дополнительно к тексту М. Ошарова употребляются диалектизмы: *завалить, залабазить, обмёт, сеноставка, скрадывать* (МАС: *охот.*), *скрадок* (МАС: *охот.*) и др.

13. При анализе экзотизмов произведений М. Ошарова и Ж. Трошева встаёт проблема их достоверности. **Достоверность** внелитературных экзотизмов художественного текста условна. Вопрос достоверности экзотизмов можно представить в двух аспектах: как достоверность языковую и художественную. Достоверность языковая при этом всегда относительна. Художественная достоверность не определяется ни количеством экзотизмов в тексте, ни степенью приближенности к языку-источнику. Главное — это талант и мастерство писателя. Для художественного произведения проблема языковой достоверности экзотизмов вторична, важно, как выполнена задача их стилистического использования, как сформирована внутритекстовая система внелитературной лексики художественного текста. Для оценки художественности важна «объективная историческая правдивость», связанная с идейной направленностью и пафосом. «Художественность формы произведения определяется её соответствием выраженному в ней содержанию. Это относится ко всем сторонам литературной формы — к предметной изобразительно-

сти произведения, его речевому строю, композиции» [Елисеев, Полякова, с. 285]. Следует отметить, что критики романа М. Ошарова «Большой аргиш» говорят об особой достоверности его текста, которая является одним из проявлений его художественности. В анализируемых текстах важнее не языковая, а художественная достоверность. А. А. Потехня писал: «Требуют правды от художественного произведения. Что такое эта правда? ...Поэтическая правда — меткость слова» [Потехня, 1976, с. 335, 366].

14. В анализируемых текстах следует отметить **наличие вариантов**, свидетельствующих о неустойчивости графической формы экзотизмов и их семантики. Варианты представлены как межтекстовые, так и внутритекстовые. Путь освоения экзотизма такой же, как любого заимствования. Варианты возникают за счёт: 1) различного уровня освоения иноязычного слова (разная степень приближения к языку-источнику, с одной стороны, и разный уровень адаптации иноязычного слова в русском языке — с другой); 2) соотношения с разнодиалектными вариантами эвенкийского языка, 3) особенностей восприятия иноязычного слова автором и т. д.

В одном тексте отмечены графические варианты, отражающие специфику произношения экзотизма: *томулян — тумэлен, лейкомеи — локомеи, баляга — балага, бэе — бойе* (М. Ошаров), *Дулу — Дулю, люча — лючаль, бэйе — бэйё, эчэ — ачин* (Ж. Трошев) и т. д. Межтекстовые варианты более разнообразны (Ошаров — Трошев): 1) это графические варианты, не всегда отражающие особенности произношения: *хомоконы — хорольконы, томулян — томулан, чжебар — Джебар, шулинга — шуленга, баляга — балянга, Хоглен — Хоглэн, ёхорьё — ехарьё, камыс — камус, они — ами, сокуй-сакуй, бокари-бакари*; 2) варианты, связанные с разной номинацией, — разные слова, обозначающие одни и те же (сходные) явления: *мунняг — суглан, шаманить — камлать, конгипкавун — паннафкаун (таймырский барган), унты — бокари; чум, юрта — чум, турсук — потакуй*; 3) варианты семантические, имеющие разное значение (оттенки значения): *томулян — томулан, хольмэ — хольмэ, чукульмы — чукульмы, Хоглен — Хоглэн, важенка — важенка, эллюн — эллюн*; 4) варианты, отражающие процесс перехода слова из собственно-

го в нарицательное: *Амака* — *амака* (по соотношению слова художественного текста и закреплённого в словаре: *шайтан* — *Шайтан*, *чангид* — *чангит*).

В номинации экзотизмов мы видим две линии — ближе к языку источнику (очевидно, в произведении Ж. Трошева) и ближе к русскому, частично трансформированные для удобства в русском произношении (в тексте М. Ошарова).

У. Вайнрайх заметил: «Эксперименты показывают, что отклонения в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом» [Вайнрайх, 1972, с. 35]. «Развитие психологии восприятия представляет интерес с точки зрения проблем языкового контакта, так как интерференция тесно связана с проблемой ошибочного восприятия у слушающего и у наблюдателя. Подстановка звуков и морфем часто может быть объяснена влиянием родного языка» [Хауген, 1972, с. 67].

При заимствовании слова происходит адаптация его к принимающему языку (реципиенту), разный уровень восприятия и воспроизведения звучащего слова автором (помимо диалектного разнообразия эвенкийского языка) провоцирует существование лексических вариантов экзотизмов в художественных текстах. «Широкое перенесение иностранной лексики не сопровождается её полным фонологическим усвоением, ведёт к появлению в языке новых законов распределения звуков» [Вайнрайх, 1972, с. 48]. При частотности употребления отдельных слов стабилизируется их графический образ, что, очевидно, произошло со словом *бойе* (влияние произведений В. П. Астафьева) и нек. др.

15. Функции внелитературной лексики в анализируемых художественных текстах достаточно многообразны. Они представляют:

1) обозначение реалий «чужой» материальной и духовной культуры (репрезентативная или номинативная функция): *Не шей мне лекомеи, Шиктолок, ты лучше затяни мне уши, чтобы я не знал, когда твоё сердце стучит желной* (с. 85); *А у Огнячи рябило в глазах от того, что он шаманил долго и кричал много* (с. 122). Используется маркированная лексика в функции художественной детали, иногда переходящей в символическую. Так, М. Ошаров показывает бытовые предметы, которые в ходе повествования становятся символами зарождающейся

любви молодых людей: *лекомеи* и *юксы*;

2) создание образа инонациональной речевой среды (через отбор слов в соответствии с идеей и пафосом произведения и их типизацию): *Самсем парсывай музык. Трус. Тунгус парсывай: берестянку терял, бегом безал* (с. 208) и др. Эта функция реализуется практически и варваризмами, и экзотизмами, и нациолектизмами, и диалектизмами в функции экзотизмов. Диалектизмы представлены при передаче русской речи эвенков (*варнак, таки, омман, спортить*). В этом случае они используются в стилистической (характерологической) функции. «Чаще, чем иностранный язык, в функции характеристики употребляется диалект. Употребление социально-географического диалекта очень распространено в современной прозе. В противоположность диалектным манифестациям функцию характеристики берёт на себя сам литературный язык» [Горалек, 1978, с. 34]. Эти лексические единицы поддержаны в текстах различными переходными явлениями и ономастиком. «Язык и языковые средства используются для характеристики некоторых своеобразных персонажей, равно как социальных слоёв или среды»... Не всегда иностранный язык служит созданию образа инонациональной речевой среды. Иностранный язык (французский) употребляется для характеристики социальных слоёв в романе Толстого «Война и мир»... [Горалек, 1978, с. 34];

3) достоверность текста. Мы выделяем художественную достоверность и вербальную, лексическую. Анализируемые тексты обладают высокой художественной достоверностью, что неоднократно отмечалось в критике, и, несмотря на то, что словесная достоверность всегда относительна, высокой вербальной достоверностью (см. п. 5);

4) отражение сближения разнонациональных культур, что видно из того факта, что, с одной стороны, нациолектизмы с фонетической и грамматической интерференцией встречаются в языке русских, а с другой — авторский отбор этой лексики и её типизация проводятся в соответствии с темой и идеей произведений.

«Во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение. Всё остальное подводит к этой мысли, развивает её, аргументирует, разрабатывает» [Жинкин, 1956, с. 17];

5) познавательная функция, которую обеспечивает весь материал, связанный с эвенками. Образ инонациональной речевой среды в художественном тексте представляет собой разновидность вербальной межкультурной коммуникации, которая строится на принципах этноцентризма. Феномен этноцентризма предполагает естественное предпочтение языка своей этнической группы [Стефаненко, 2000, с. 237] и интерес (любопытство) к другой вербальной культуре [Куликова, 2004, с. 41];

6) функция привлечения внимания читателя реализуется через остранение. Остранение — термин, введённый в филологию В. Шкловским и объясняющий процесс саморазвития языка, построенный на создании стереотипов и дальнейшем их преодолении [Елисеев, Полякова, 2002, с. 285]. В произведениях происходит преодоление стереотипа, определяющегося нормами литературного языка, через введение новых слов, нарушение графического образа русского слова, его грамматической формы, норм связи слов в тексте;

7) функция метаязыковая реализует речевую рефлексию в тексте: *Хорошее имя. Мягкое. **Валя*** (Валя) и т. п.;

8) характерологическая функция участвует в создании образов в тексте.

«Лексические и стилистические языковые средства часто имеют также характеризующую функцию. У конкретных индивидов языковые особенности, являющиеся их непосредственными привычками, в художественном воплощении становятся средством характеристики» [Горалек, 1978, с. 34, 35];

9) функция комическая. «Эстетические явления в языке близки явлениям комическим... Комический эффект достигается, например, употреблением диалекта в среде, в которой обычно говорят только на литературном языке»... [Горалек, 1978, с. 34]. Использование национализмов также часто имеет комический эффект;

10) основная же функция — передача особенности мировидения эвенков, их ментальности. Для анализируемых текстов характерно использование номинаций не только предметного, вещного мира, но и слов, обозначающих особенности социальных отношений эвенков, их верований и духовного мира. По темам: преиму-

щественно обозначающие духовные и социальные явления — «Вера», «Обычаи», «Музыка», «Люди», «Этнонимы» с суммой индексов 208 — и преимущественно обозначающие материальные явления — «Олени», «Жилище», «Одежда, обувь», «Охота», «Природа» с суммой индексов 443, то есть всё же сумма индексов предметного мира почти в два раза более высокая, чем непредметного.

Такой задачи, как передача мировидения народа, его ментальности, не стоит при переводах с западных европейских языков. По сравнению с переводными текстами в «национальной» русской литературе внелитературная лексика имеет большее количество функций, они различаются качественно. В анализируемых текстах мало слов, выступающих в сюжетобразующей функции (*баянга*), в концептообразующей функции экзотизмы выступают только в заголовках («Большой аргиш», «Бали»). Внутреннего противопоставления внелитературной лексики разных тематических групп практически нет.

Работа посвящена концептуализации образа инонациональной среды в художественных произведениях, поэтому нами обозначены только функции единиц в тексте, а не в языке.

Итак, нами проанализированы два романа русских писателей об эвенках. Образ национальной речевой среды в этих произведениях близок созданному в переводе на русский язык Г. Сысолятина первому хакасскому роману Н. Г. Доможакова [Смолицкая, 1964, с. 742] «В далёком аале» [Доможаков, 1987] («В далёком улусе» — 1959), специальная работа над которым ещё предстоит. Также в целом аналогичный образ создан в русскоязычных текстах литературы Севера и Дальнего Востока [Михайловская, 1984]. Таким образом, мы представили три вида текстов: русских авторов, перевода на русский язык и изначально написанных на русском языке писателями народов Сибири — и можем утверждать, что образ национальной речевой среды в них относительно идентичен. «Сравнительное сопоставление использования национальной лексики в литературах разных регионов ещё ждёт своего изучения» [Михайловская, 1984, с. 158].

Глава 4. Концептуализация образа инонациональной речевой среды прошлого

4.1. Проблема архаизации языка исторической прозы

Историческая проза имеет ряд жанровых особенностей, куда включается и язык. В художественной литературе существуют различные способы изображения прошлого, обращение к их исчислению в соотношении с современными текстами позволит впервые создать типологию.

Исторический роман — традиционный жанр русской литературы. Стремление осмыслить и переосмыслить прошлое — одна из характерных черт русской интеллигенции. В смутные времена, когда будущее просматривается плохо, взгляд общества устремлён в историю. История представляет особый интерес, с одной стороны, поисками аналогий, с другой — переоценкой её фактов с позиций настоящего времени. Это делает особо значимой историческую прозу.

Воссоздание прошлого, в том числе и речевой среды прошлого, в основном происходит в исторических романах, это ведущий жанр художественной литературы для показа минувшего. Стилистическая доминанта художественного текста связана с темой произведения, проблематикой и, прежде всего, — жанром. Ключевую роль в исторической прозе играет время. Временная соотнесённость есть необходимый сюжетобразующий фактор, задача — показать героя, живущего в определённом историческом времени.

Исторические романы как специфические жанровые формы появляются в литературе в XIX веке. Эти формы начинают развиваться в творчестве В. Скотта, чьи новеллы, повести, романы привлекают пристальное внимание. Философия и эстетика романтизма, постулировавшего в качестве одного из путей обретения идеала уход в минувшее, побуждает обратиться к изображению прошлого, которое рассматривается как «иной мир», противопоставленный реальности, то есть настоящему. Популярность исторического романа возросла с утверждением реализма, так как «в основе реализма диалектическое сознание предполагает историзм мышления» [Николаев, 2006, с. 475]. Становление исторического жанра имело большое значение в целом для литературы. «Идея историзма является главной идеей предисловия О. Бальзака к его «Человеческой комедии», где говорится, что именно В. Скотт возвысил роман до степени философии истории» [Ко-

жинов, 1966, с. 229]. А. С. Пушкин

писал: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [Пушкин, 1949, с. 102].

Каковы же квалификационные признаки исторического романа? Определению жанровых признаков исторического романа посвящены работы С. Орлова (1958), Г. Ленобля (1960), В. Попова (1961), Ю. Андреева (1962), Д. Николаева (2006) и др. Так, Ю. А. Андреев выделяет три основных, имеющих в литературе подхода к проблеме: 1. В романе обязательно должны быть изображены действительные события «с опорой на документы, зафиксированное в истории существование лиц и событий, изображённых в романе; события должны быть значительными, этапными». 2. Роман может быть историческим, хотя там нет ни документально зафиксированных событий, ни исторических лиц. Главное — отношение автора к материалу должно быть как к материалу историческому, «роман должен раскрывать закономерности общественной жизни, раскрывать облик людей в неповторимости, обусловленной эпохой». 3. Возможна сознательная установка автора на изображение дистанции между современностью и тем временем, о котором идёт речь.

«Сказание о минувшем» — вот что такое, по мнению приверженцев этой точки зрения, исторический роман» [Андреев, 1962, с. 5].

Сам Ю. А. Андреев так определяет жанр: «Прежде всего, это изображение прошедшего. Наличие дистанции во времени, изображение уже завершившегося периода с целью извлечь уроки для современности — определяющая и неприменная особенность исторического романа» [Андреев, 1962, с. 6–7]. К историческим романам Ю. А. Андреев относит «Цусиму» А. С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «Степан Кольчугин» В. С. Гроссмана, авторы которых по сути являются участниками изображаемых событий. Но есть и другие подходы к временной дистанции.

В филологии различаются время историческое, в котором настоящее понимается как период, и время экзистенциальное, в котором настоящее является моментом, то есть текущим. Очевидно, что необходимо очертить временные границы, разде-

ляющие просто прошлое и прошлое историческое. По мнению Д. Д. Николаева, исторический период — это период, необходимый для смены поколений [Николаев, 2006, с. 482]. Есть и третья временная координата для исторического романа, которая порождена спецификой царского времени, когда исторические архивы делались доступными для изучения не менее чем через столетие и считалось, что более или менее объективное суждение об исторических событиях складывалось именно по прошествии такого срока.

Два других классификационных признака исторического романа по Д. Д. Николаеву — это то, что «изображение прошлых эпох должно быть не случайным, а значимым» и необходимо сочетание исторической достоверности с художественным вымыслом. «Достоверность вообще присуща любому произведению (спорить можно лишь о степени достоверности... Историческая достоверность достигается за счёт использования в художественном произведении исторических фактов в широком смысле слова (сюда входят и события, и лица, и бытовые факты, и языковые факты и т. п.)» [Николаев, 2006, с. 483, 484].

Один из первых русских исторических романов — роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (его называют иногда первым в русской исторической прозе, но есть мнение, что первым к воссозданию в беллетристике отечественной истории подошёл Н. М. Карамзин, создавший в 1790-е годы и «новый слог»). Роман М. Н. Загоскина вышел в свет в 1829 году, когда бурные события эпохи — Отечественная война 1812 года и восстание декабристов — вызвали у современников большой интерес к исторической тематике.

Написанный в духе В. Скотта, роман и в теоретическом отношении опирался на его высказывания. Особое значение у В. Скотта имели, как тогда писали, «археологические» (т. е. этнографические. — Л.С.) подробности: местность со всеми особенностями, костюмы, позы героев — всё должно было соответствовать своему времени. К такому соответствию стремился романист и при изображении «старых нравов», воссоздавая привычки, обычаи, понятия, предрассудки людей прошлого» [Песков, 1989, с. 12]. На таком фоне казалось бы закономерным обращение и к языку прошлого. Но, по мнению В. Скотта, задача автора заключается в

том, чтобы «наполнить «археологию» занимательностью, дав читателю возможность сопереживать героям, «если изложить избранную вами тему языком и в манере той эпохи, в какую вы живёте», «переложить старые нравы на язык современности» [Скотт, 1964, с. 26–28].

Однако перед Н. М. Загоскиным встаёт проблема языка: 1) нужна ли всё же его архаизация и 2) каким образом можно моделировать речевую среду прошлого. В этот период (в первую треть XIX века) в литературе серьёзно дебатировалась проблема народности. К 1920-м годам рассматриваются две её стороны: изображались ли в тексте простой народ и какова степень «художественной стилизации под речь простонародья и связан ли текст с эпохальными событиями в жизни нации». Так решается вопрос языка — в тексте широко должна быть представлена народно-разговорная речь. «Народный роман» требовал фольклоризации материала, которая выражалась не только в сознательном использовании пословиц и поговорок, во введении сказочных, былинных и песенных текстов, в употреблении «простонародных» словечек, но и в невольных фольклорных реминисценциях, в том числе сюжетных... Фольклоризация самого стиля (народно-поэтические формулы: «шея лебединая», «сердце молодецкое» и др.) — всё это должно было создавать русский колорит» [Песков, 1989, с. 11, 14, 16].

Н. М. Загоскин отмечает, что «домашний простонародный быт того времени почти ничем не отличался от нынешнего», а значит, и опираться можно на современные автору говоры. «Загоскин первый угадал тайну писать русских с натуры», писал в 1831 году журнал «Телескоп» [Песков, 1968, с. 3, 14]. Это тем более удачно, что проблема сложна. Во-первых, достоверные знания о языке прошлого мы имеем из сохранившихся письменных памятников, а они в значительной степени отражают церковно-славянскую лексику, а в текстах автор должен воссоздать устную речь героев. Свидетельств об устной речи прошлого мало. Таким образом, стилизовать речь определённой исторической эпохи затруднительно. Диалектная же речь частично решает проблему, так как, по всеобщему признанию, мало меняется во времени и, таким образом, значительно архаизована.

В. Г. Белинский отмечал живость и естественность языка М. Н. Загоскина и народных персонажей, которые не только говорят на русском языке, но и «чувствуют и мыслят по-русски, что было в то время совершенно новым явлением в русской литературе» [Белинский, 1907, с. 374]. С. Т. Аксаков в рецензии отмечает: «Наконец, словесность наша обогатилась первым историческим романом, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характер, обычаи, нравы, костюм, язык» [Цит. по: Песков, 1968, с. 10].

В дальнейшем его произведение подвергается критике. «У Загоскина нет сложных психологических коллизий, есть коллизии только ситуативные, связанные с трудностью положений, в которые попадают его герои; нет ни анализа душевной жизни, ни философских проблем». А. А. Григорьев далее замечает, что в романе мы имеем «речь дворовой челяди вместо народной речи». А. С. Пушкин защищал Загоскина в письмах к Вяземскому: «Ты бранишь «Милославского», я его похвалил... Разговоры, хотя и ложные, живы, и всё можно прочесть с удовольствием» [Цит. по: Песков, 1968, с. 14, 20].

Язык художественных текстов чаще складывается стихийно, его закономерности выявляются через научное описание. Но некоторые моменты возникают в результате осмысленного отбора автором языковых средств, путём переработки имеющегося опыта и теоретических наработок. Так появились диалектизмы и просторечие в стилизации языка прошлого.

Однако язык русской исторической прозы далеко не однороден. В этом жанре этапными были трагедии А. К. Толстого. Как представитель позднего романтизма Толстой обращал свой взор не к будущему, а к прошлому, поэтически его идеализируя. Один из «архивных юношей» (в 1834 году А. К. Толстого определили «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел, в его обязанности входили разбор и описание древних документов), А. К. Толстой знает язык прошлого. Однако «для языка трагедий Толстого нехарактерно стремление к скрупулёзной археологической точности. Он пользуется архаизмами в сравнительно умеренных размерах и, как правило, с большим тактом, идя в этом направлении по следам Пушкина. Архаизмы не выпячиваются назойливо, а органически

включены в речь действующих лиц. Стоит сопоставить язык трилогии с языком, например, «Дмитрия Самозванца» популярного в 60-е годы драматурга Н. А. Чаева, чтобы понять всю принципиальную правоту Толстого. «Дмитрий Самозванец» пестрит архаизмами, диалектизмами, полонизмами, нарочито затруднёнными синтаксическими формами, которые должны были, по замыслу автора, передать характер старинной речи и колорит эпохи, но на практике делают пьесу неудобочитаемой. То же относится к «Мамаеву побоищу», «Каширской старине» и некоторым другим пьесам Д. В. Аверкина» [Ямпольский, 1969, с. 48].

В советский период внимание критиков особенно привлекли произведения А. П. Чапыгина и А. Н. Толстого. «Разин Степан» [Чапыгин, 1962] А. П. Чапыгина сразу был отмечен в прессе. «Язык — истинное наслаждение: богатый, чисто народный, гибкий — глядя по местности, народному слою и лицу» (А. Дивильковский, 1926); «Язык эпохи воспроизведён прекрасно, хотя иногда с чрезмерной густотой» (А. Лежнев, 1927); «Старинная речь воспроизводится во всей широте народного обихода, без чистки и без вымарок, «натуральная», крепкая... Эта речь, ворочаясь на просторах чапыгинского романа, делает для нас историческую тему максимально приближенной, будто заголосили трёхсотлетние мембраны, на которые был наговорен, напет говор XVII века» (Н. Берковский, 1927); «Возможно, что для нового читателя затруднителен местами язык того времени, но Чапыгин владеет им настолько легко и свободно, что в романе нет никакой стилизации» (А. Воронский, 1927). «Синтаксис романа намеренно усложнён, язык переполнен архаизмами, так что в отдельных изданиях текст сопровождался словарём устаревших слов». [Николаев, 2006, с. 576, 578] и т. д.

Позже в литературе язык романа А. С. Чапыгина противопоставляется языку «Петра Первого» А. Н. Толстого [Толстой, 1959]. Так, Н. А. Демидова [Демидова, 1971] вслед за А. И. Пауткиным [Пауткин 1957] противопоставляет способ стилизации языка эпохи А. Н. Толстого и А. С. Чапыгина: «В 30-е годы XX века наметились две тенденции в разрешении проблемы языка и стиля исторического романа. Так, А. Чапыгин, автор романа «Разин Степан», стоял за усиленную архаизацию языка исторического романа. Эта тенденция нашла яркое выражение в

повестях Шторма, в романе В. Язвицкого «Иван III — государь всея Руси», написанном уже в послевоенные годы. Начало другой тенденции положил Толстой в своём романе «Пётр Первый»... Толстой не просто пользовался современным общенародным языком, вкрапливая в него архаическую лексику, архаические падежные формы, старинные идиомы, он опирался на живую народную речь XVII–XVIII веков, которую он изучал по ряду источников и в первую очередь — по судебным записям, собранным профессором Н. Новомбергским в книге «Слово и дело государевы» [Демидова, 1971, с. 134]. В итоге исследователь замечает (в соответствии с требованиями советского времени в жёстком оценочном противопоставлении): «Обилие архаизмов, требующих объяснений, затрудняет понимание текста романа Чапыгина. Язык романа Толстого прост, общедоступен и вместе с тем передаёт колорит далёкой эпохи» [Демидова, 1971, с. 135]. Сам А. Н. Толстой по этому поводу писал: «Вывело меня на дорогу (поисков способа стилизации языка прошлого. — Л.С.) изучение судебных актов XVII века. Эти розыскные акты записывались дьяками, которые старались записать в наиболее сжатой и красочной форме наиболее точно рассказ пытаемого. Не преследуя никаких «литературных» задач, премудрые дьяки творили высокую словесность» [Толстой, 1961, с. 82].

Жанр исторического романа в предвоенные и военные годы чрезвычайно популярен. В 1934 году в журнале «Октябрь» организована широкая дискуссия «Социалистический реализм и исторический роман». В 1945 году в Клубе писателей ССП была организована дискуссия «Правда и вымысел в художественном историческом произведении», где выступил с докладом Г. О. Винокур. Он выделяет как конкурирующие в русской литературе два основных стиля: имитирующий и не имитирующий, связывая последний со стилизацией. «Язык исторического романа это есть современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя» [Винокур, 1991, с. 413]. Им определены критерии правдоподобия и убедительности. «Совершенно очевидно, что критик, который будет оценивать язык исторического романа с точки зрения того, точно ли в нём всё изображённое по документам эпо-

хи, — явно окажется не на правильном пути» [Винокур, 1991, с. 415].

Но в 90-е годы XX века отмечается кризис жанра, наступает период пересмотра позиций и принципов. Свидетельство этому — ответы на анкету участников VII Тыняновских чтений (1994). Особенно показателен ответ А. П. Чудакова: «Исторические романисты прошлого века, образованные люди — М. Загоскин, И. Лажечников, А. Вельтман, Г. Данилевский, Д. Мордовцев, В. Салиас, Вс. Соловьёв, Д. С. Дмитриев, Е. Дубровина, И. Кондратьев и др. — написали сотни томов, целую библиотеку, изложив русскую историю от Олега до царя-освободителя. Но после Карамзина и Пушкина этот жанр никогда уже не был на страже литературных течений («Война и мир» — исторический роман?), не решал насущных задач поэтики, стиля, психологического изображения» [Ответы, 1995–1996, с. 74].

Жанровые признаки исторического романа сегодня неопределенны. «Стремление игнорировать историческую прозу проявляется даже в энциклопедических изданиях, вроде бы призванных всесторонне отражать историко-литературный процесс и различные аспекты теории литературы». В «Краткой литературной энциклопедии» в статье «Историческая проза» М. Л. Гаспарова и А. Д. Михайлова, а затем и в «Литературном энциклопедическом словаре» она определяется как «сочинения историков, ставивших своей задачей не только установление, осмысление фактов прошлого, но и яркое, живое их изображение; разновидность научной прозы» [КЛЭ, с. 230; ЛЭС, с. 139]. «Сведения В. А. Богданова о романе (статья «Роман»), где используется термин «исторический роман», не содержит отсылки к самостоятельной статье на данную тему, в то время как ряд других жанровых разновидностей романа получает освещение в отдельных энциклопедических статьях (рыцарский роман, плутовской роман, новый роман)» [Николаев, 2006, с. 478]. Историзм в КЛЭ трактуется как «неотъемлемое свойство любого подлинно художественного произведения, ибо историзм есть прежде всего способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах» [Кожин, 1966, с. 227]. Но

ещё в 1930 году С. Г. Минцлов сетовал на то, что «исторический роман издавна был в загоне у критики», «она их почти не замечала, кроме «Войны и мира»... Иначе относилась к ним публика. Исторические романы брались и берутся ею нарасхват» [Минцлов, 1930, с. 6]. То же можно сказать и про сегодняшнюю литературу: популярность исторических произведений, как среди читателей, так и в среде писателей, необыкновенна.

Языковое (на лексическом уровне) решение художественного исторического произведения в результате развития жанра может быть связано с использованием историзмов, архаизмов, народно-разговорной лексики (диалектизмов, просторечия, элементов языка фольклора). «Язык есть самая живая, самая прочная связь, соединяющая отжившие, живучие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое дело» [Ушинский, 1913, с. 205].

Итак, в соответствии со стилистической доминантой язык исторической прозы должен архаизироваться, стилизоваться под язык прошлого. Под *стилизацей* мы понимаем подражательное использование в стилистических целях ресурсов русского языка в художественных текстах для создания колорита эпохи или определённой территориальной и (или) социальной среды. Существует более узкое понимание стилизации, связывающее её преимущественно с шаржированием. «Стилизация — намеренное построение художественного, реже публицистического текста в полемических целях в соответствии с основными принципами, приёмами организации, использования языкового материала, присущими известному литературному направлению, школе, какому-либо жанру, официальному документу, индивидуальной манере какого-либо писателя, речевому обиходу определённой социальной среды, группы, исторической эпохи, которые избираются в качестве объекта имитации, при демонстрации, воспроизведении (и особой акцентировке, шаржировании в пародийных и сатирических текстах) его наиболее показательных или типичных внешних (речевых, отчасти композиционных) примет» [Бельчиков, 2003]. Идеалом стилизации является мистификация. Сочинения такого рода были популярны в XIX веке.

4.2. Часть 1. Образ инонациональной речевой среды в диалогии

А. И. Чмыхало

А. И. Чмыхало — известный русский сибирский писатель. Возглавлял Красноярскую писательскую организацию, написал 15 книг, четыре из них экранизированы. Популярность в стране получил после романа «Половодье» о гражданской войне в Сибири (1959–1961), где впервые был дан образ А. В. Колчака во всей его сложности, с положительными личностными чертами. Историческая проза отличается глубокой проработанностью деталей и языка, знанием источников [Ермаков, 1998, с. 684; Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 464–465; Полевой, 2003, с. 6].

Ряд произведений А. И. Чмыхало посвящен истории Приенисейской Сибири. В представляемом разделе проанализированы выборки из романов «Дикая кровь» [Чмыхало, 1989] и «Опальная земля» [Чмыхало, 1998], которые были представлены в виде «Словаря исторической прозы А. И. Чмыхало» [Самотик, 1999] (в состав словаря частично была включена также лексика третьего романа трилогии «Половодье» [Чмыхало, 1984]). «Опальная земля» расписана только во второй своей части — «сибирской» (посвящённой описанию жизни героев в Сибири). В состав словника включена лексика литературного языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, фиксированные в толковых словарях диалектизмы и просторечия (МАС) — и внелитературная лексика: устаревшие слова, стоящие за рамками пассивного словарного состава современного русского литературного языка; диалектизмы и внелитературное просторечие; экзотизмы, связанные с освещением жизни автохтонов Приенисейской Сибири. «Лексика художественной литературы XX века требует серьёзного комментирования, так как в тексте этого бурного века многое ушло безвозвратно. Создание толково-энциклопедических словарей, объясняющих литературное творчество, поставит общество в относительно независимое положение от быстрой смены исторических концепций» [Рождественский, 1995, с. 129].

На примере конкретных произведений автора делается попытка представления системы внелитературной лексики (и примыкающей к ней лексики пассивно-

го словарного состава ЛЯ) как одного из основных изобразительно-выразительных лексических средств жанра. Романы Анатолия Чмыхало читаемы и сегодня, хотелось бы подчеркнуть, что это вызвано не столько интересом к прошлому нации вообще, сколько к прошлому Красноярья. Иллюстративный материал к каждому слову ограничен, не приводится перечень страниц употреблений слов в тексте, так как он приводится в словаре.

Образ-концепт инонациональной речевой среды выстроен в диалогии из сопоставления образа речевой среды автохтонов края и русской речевой среды прошлого.

4.2.1. Историческая основа диалогии А. И. Чмыхало

Какова же историческая основа произведений? «В 1628 году русские власти после четырёхлетней подготовки основали на Енисее Красноярский острог, который в дальнейшем стал основным оплотом русской обороны Енисейского края на юге. После основания этого острога борьба с киргизскими князьями обострилась и продолжалась до 1642 года» [История Сибири, 1968, с. 45]. Исторической основой романов послужили нападения енисейских «кыргизов» на Красноярский острог, «самовольный поход на Ангару красноярских казаков в 1627 году, сопровождавшийся неповиновением воеводской власти» [История Сибири, 1968, с. 141] под предводительством атамана Кольцова. «Красноярск пять раз до 1636 года подвергался нападениям со стороны киргизов и подгородных качинцев и аринов: в 1628, 1631, 1634 и 1635 годах» [Павлов, 1966]. «Главный киргизский князь Иренек в 1665 году передавал красноярскому воеводе ультиматум и грозил набегом [История Красноярского края, 1981, с. 40]. «В 1666 году... известный князь ЕренакИшеев кочует в Кыргызах...» [Бутанаев, 1999, с. 8]. «В 1667 году отряды Ерениака и джунгарского тайши Сенге осадили Красноярск... В 1677 году тубинцы захватили Канский острог... Только в 1692 году красноярский отряд численностью около 750 человек, среди которых было 182 русских добровольца (крестьян и посадских людей) и 87 ясачных людей, под командой В. Многогрешного разгромил тубинских князцов, вторгшихся в Канскую землю» [История Красноярского края, 1981, с. 50]. Эти события предшествовали «красноярской шатости» 1695–1700 годов, в результате которой только четвёртый воевода был посажен в Красноярске

при поддержке «ссылного украинского полковника В. Многогрешного, брата бывшего гетмана» [История Сибири, 1968, с. 148–149].

В основе повествования лежат значимые для страны события, привлечены имена подлинных исторических лиц. Таким образом, не вызывает сомнений утверждение, что диалогия — это исторические романы.

Русским в диалогии противостоят народы, населявшие Сибирь до их прихода. Несомненно, лучшие страницы романа посвящены жизни «инородцев». Хорошо выписаны характеры героев: лукавого и недалёкого Шанды, ухитряющегося всегда за собой оставить последнее слово; простосердечного и незадачливого Маганаха; мудрого и уставшего от жизни Ишея; неукротимого и тщеславного Иреника. Автор свободно владеет материалом: вот приметя — надо трижды обойти юрту по ходу солнца к горе-отцу (Д.К., с. 133), вот величавое пренебрежение степняка к земледельческому труду (Д.К., с. 247) и т. д. Свободно владеет писатель и языковыми средствами выразительности, что в целом создаёт колорит эпохи. Языковой строй произведений таков, что ярко показана маленькая кучка русских казаков и посадских в тесном «инородческом» окружении. Этнонимы, экзотизмы, варваризмы, онимы (антропонимы и топонимы) с иноязычной основой широко представлены на страницах произведения.

4.2.2. Образ инонациональной речевой среды в диалогии А. И. Чмыхало

4.2.2.1. Автохтоны Сибири в диалогии (речевой портрет)

§ 1. Экзотизмы и варваризмы в создании образа и его концептуализации

Для малых племён, населяющих этот край, главная проблема была не в том, кому платить дань, — джунгарам, монголам, киргизам, русским. Цель — платить один раз, а потому платить сильнейшему, кто сможет защитить от других поборов. Основным средством создания образа инонациональной речевой среды в диалогии являются **экзотизмы** (собственно экзотизмы и слова в функции экзотизмов).

1.1. В произведениях используются 15 устаревших внелитературных этнонимов (*этноним* — ‘названия народов’ [Крысин, 1998]), иногда рассматриваются как часть ономастики) и общие названия нерусских народов юга Сибири (всего в

группе — 50 лексических единиц) — названия несуществующих теперь племён, часть — заменённые названиями современных народностей: **инородец (инородка, инородческий), иноземец, чужеземец, кочевники (кочевать, кочёвка, перекочёвка), степняки, нехристь, басурманин (басурманский), новокрещен (новокрещенка), крещёный (крещёная); джунгары (джунгарский, в джунгары), чёрные калмыки (калмыцкий), киргизы (киргизский, киргизятин); алтысары (алтысарский), тубинцы (тубинский), алтырцы (алтырский), езерцы (езерский); качинцы (качинский), аринцы (аринский), камасинцы (камасинский); братские, братские люди; мугал (мугалка, мугальский), бухаретины (бухарский), койбалы, кызылы, холхасцы (холхазский).** Этнонимы все подлинные, употребляются в исторической литературе. Они не исчерпывают многообразия народов Сибири того времени. Так, в «Истории Сибири» упоминаются также сагайцы, тофалары, байкотовцы, яринцы, чулымцы, сагайцы, телеуты, тувинские племена — мады, кучугеты, ооржаки, точи, саяны и др. [История Сибири, 1968, с. 57–58, 106]. «Точную картину расселения сибирских аборигенов восстановить невозможно, да оно и не было сколько-нибудь стабильным — кочевые скотоводы и таёжные охотники отличались большой подвижностью» [Крестьянство Сибири, 1982, с. 34].

В диалогии широко представлено общее официальное для того времени именование автохтонов Сибири: *инородец, инородка, инородческий*. Слово *инородец* в МАС зафиксировано со значением ‘официальное название в дореволюционной России для представителей нерусской народности, обычно восточной окраины Российской империи’ (МАС — *устар.*) (ср.: «На основе новейших данных можно утверждать, что подавляющее большинство сибирских племён автохтонно по своему происхождению, хотя миграционные процессы и сыграли известную роль в их формировании. Именно поэтому по отношению к сибирским народам в целом мы считаем возможным применить термин «аборигены» [Крестьянство Сибири, 1982, с. 35]).

В текстах *инородец* используется со значением ‘сибирский абориген’; *инородка* — ‘женск. к *инородец*’; *инородческий* — ‘принадлежащий инородцам’

(МАС — устар.): Эти обходные пути прежде всего сбивали с толку самих казаков, которые никак не могли уразуметь, зачем им ходить по лесам и болотам, когда немирные **инородцы** — в степи... (Д.К., с. 360); Откуда-то с луками и пищалями хлынули пешие **инородцы** (О.З., с. 237) и т. д. Это одно из самых частотных слов дилогии: **175 употреблений**.

И впрямь невидаль: **инородка** от мужика своего в храм божий сбежала, даже у русских такое не в обычае (Д.К., с. 232); Но всё ж вызвал десятского и рассказал тому про чудное видение, а тот немешкотно сделал вылазку за глухую острожную стену и вскоре привёл оттуда тоненькую, как прутик, жёнку-**инородку** (Д.К., с. 230) — **23 употребления**. Лес на обрывистых береговых кручах был столь вырублен — **инородческое** войско взяло для переправы плоты (Д.К., с. 346) — **5 употреблений**. Гнездо составляет **203 употребления**.

Нужно отметить, что для представителей других народов в дилогии используются историзмы *иноземец* и *чужеземец* — соответственно отмеченные в МАС (устар.) со значениями ‘иностранец’ и ‘человек из чужой земли, страны’: Видно, не глуп был кочевой царь монгольский, умел достойно держать себя перед всякими **иноземцами** (Д.К., с. 324); **Иноземцы** сотнями уводили в рабство связанных арканом несчастных полоняников (Д.К., с. 149) — **12 употреблений**. Она вскормила и вспоила его, дала ему ум и силу, чтобы он защитил её от **чужеземцев** и умножил её богатства (Д.К., с. 385) — **1 употребление** (употребляется в русском языке с 1497 года, Срезневский, т. 3, с. 1550). Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: Качинские **иноземные люди** не трогали казаков да ещё помогать обещали (с. 14).

Слово *инородец* более древнее (зарегистрировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» с XI–XIII вв. со значением ‘единственно рождённый, единственный’, к XVII веку приобретает значение ‘о нерусских, об иностранцах в русском государстве’), чем *иноземец* — с 1577 года [СРЯ, XI–XVII, вып. 6, с. 212, 239].

К. В. Богданович — известный красноярский краевед и библиофил. Его сборник рассказов «Люди Красного Яра» посвящён почти тому же времени, что и «Дикая кровь». Доктор исторических наук П. Н. Павлов, специалист по пушному

промыслу в Сибири, пишет: «К.В. Богданович не без успеха реконструирует не только историческую и бытовую обстановку, но и язык эпохи, разумеется, с большой долей художественного домысла. Авторский текст настолько близок по языку к деловым документам XVII века, что временами кажется, будто читаешь неторопливое повествование образованного приказного человека» [Павлов, 1966].

Слово *кочевник* (*кочевать* — общеславянское, заимствовано из тюркского [Фасмер, т. 2, с. 357]) в русском литературном языке означает ‘человек, ведущий кочевой образ жизни’ (МАС). Но в тексте анализируемых произведений происходит сужение значения — это ‘общее название представителей инородческих народов Сибири’: *Если б ему не сказали, что на Ербе монголы, он принял бы их за собравшихся на совет здешних кочевников, такая тихая, несуетливая жизнь текла на стойбище* (О.З., с. 144); *Для защиты от кочевников он имел на стенах тяжёлые пушки и полковые пищали* (Д.К., с. 22) и т. д. Используются однокоренные слова *кочевье* и *перекочёвка*, *кочевать*. *Кочевье* в литературном языке — ‘стоянка, становище кочевников, а также местность, по которой кочуют’, в тексте — это ‘ареал, исторически закреплённый за родом (народом) для кочевья’: *Подобно саранче вылетали они на степные просторы, растекались по родовым кочевьям тубинцев, алтырцев и езерцев* (Д.К., с. 257); *По ту сторону Саянского камня его караулят халкаские и джунгарские ханы, они уже побили его и ещё побьют, если он вдруг попытается вернуться на свои кочевья* (Д.К., с. 268); *Монголы явились не с войною, они приехали всего-навсего требовать возвращения трёх киргизских родов на прежние их кочевья* (Д.К., с. 269). *Перекочёка* по значению совпадает со значением в литературном языке: ‘от *перекочевать*, т. е., кочуя, перейти на другое место’: *Сидя у пылающего костра, Шанда обо всём переговорил с сыном: о предстоящей перекочёвке поближе к Шосам и о посылке коней к Данжин-паше, и о поездке Таганя под Красный Яр* (О.З., с. 302); *Кочевали до Бонжего озера, где в воду далеко врезается каменная, поросшая карликовым ельником стрелка* (с. 287). **Всего 24 употребления.**

Другое общее название представителей коренных народов Сибири — *степняки* (степь или индоевропейское, или собственно русское [Фасмер, т. 3, с. 755]).

В литературном языке это слово означает ‘человек, постоянно живущий в степи, в степных селениях’ (МАС). В диалогии А. И. Чмыхало это значение трансформировано: *Шанда был степняком и жил по извечным степным законам* (Д.К., с. 250); *Это привычное для степняков зрелище вызывало грустные мысли об ускользающем в вечность времени, о пустоте жизни и неизбежности смерти* (О.З., с. 108). **Всего 9 употреблений.**

И в других художественных текстах *степняк* выступает как синоним к слову *кочевник*, например: *Речь шла о войске степняков, которые провели здесь обряд жертвоприношений <...>. Степняки обложили местных тяжёлой данью...* [Полякова, 2005, с. 159–160].

Общее именование нерусского населения Сибири осуществляется по религиозному признаку: *басурман* — ‘человек иной веры (преимущественно магометанин)’, (МАС — *устар.* и *народ.* — *поэт.*); *басурманин* не отмечено в МАС. *Басурмане* или *басурманы*; *род.* — *басурман* и *басурманов* — ‘мн. ч. к *басурман* — *басурманин*’; *басурманский* — ‘принадлежащий басурманам’ (МАС — *устар.*). Следует обратить внимание на разграничение значений, казалось бы, чистых словообразовательных вариантов: *басурман* употребляется при стилизации украинской речи в «Опальной земле», где это слово обозначает татарина: *Только обозлишь басурмана, себе же сделаешь хуже* (О.З., с. 320); *А ведь вверх ногами повесят, как басурмана, ей бо* (О.З., с. 35), а также с. 5, 119 и др. Его частотность мы здесь не учитываем. Слово же *басурманин* относится к представителю коренного народа Сибири: *Вот и басурманин Иренек, нехристь, ничему не учёный, а ведь гляди-ко, задал какую задачу!* (О.З., с. 243); *Да ты что, Санкай! За тобой я приехал, как тебя басурманину Курте продали, государев указ нарушив* (Д.К., с. 229); *Одно дело, что здесь его считают своим, а как бы не сговорили перейти в басурманскую веру, бежать на Июсы — и за Ивашкой следить будет некому, и не было бы греха пагубного, изменного* (Д.К., с. 183); *Ты сбрось-ка кафтан басурманский* (О.З., с. 286). Слова эти употребляются в диалогии и как бранные: *чтоб ты оглушило, басурманин!* (Д.К., с. 232); *«Гляди-ко, што творят, басурманы!»* — *тревожно крикнул кто-то* (О.З., с. 317). **Всего 43 употребления.** Ср.: в рассказах

К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: «Ладно, проучили теперь *басурманов*, может, в ум войдут». Но *басурманы* в ум не вошли (с. 66). Также автор употребляет в этом значении и слово *супостаты*: *Супостаты* уже видны были хорошо (с. 30).

Восприятие казаками мира и этнической обстановки Сибири через религию также отражено в таком общем именовании автохтонов, как *нехристь* (‘представитель инородческого населения Сибири, букв. *некрещёный*’; в словарях литературного языка — ‘человек нехристианской веры’ (*прост., устар.*)), а также *новокрещен*, *новокрещенка* (‘крещёный инородец Сибири’; ср.: в МАС: *выкрест* — ‘тот, кто перешёл в христианство из другой религии (*устар.*)’): *Вот и басурманин Иренек, нехристь, ничему не учёный, а ведь гляди-ко, задал какую задачу!* (О.З., с. 243); *Оно так. По царёву указу никто тебя не смеет продать нехристям, за что виноватого накажут смертью* (Д.К., с. 226) и т. д. — **12 употреблений**; *Разве можно выдавать намерения киргизов **новокрещену**, живущему с русскими!* (Д.К., с. 266); *Взятые на государеву службу **новокрещены**, как и русские, носили кафтан с цветными поперечинами на груди* (Д.К., с. 262); *Когда Куземкина жалоба дошла до Москвы, воеводе прислали оттуда грамоту, чтобы **новокрещенку** выдали замуж, за кого она пожелает, но убытки Курте должен целиком возместить её новый муж* (Д.К., с. 255 или выше — с. 271) и т. д. — **15 употреблений**. Прилагательное и субстантивированное прилагательное *крещёный* в романах также используется по отношению к автохтонам, и значение его равно понятию *новокрещен* — ‘инородец Сибири, принявший христианство и тем самым вставший на сторону русских и имеющий в связи с этим определённые права’: *И речь не о дряхлом, еле живом Верецаге или **крещёном** киргизе Ивашке, хотя их не сбросишь со счёта, а о влиятельных казачьих семьях, которым давно встали поперёк горла многие Васькины проделки* (Д.К., с. 357); *Не передумала ли старая Тойна отдавать младшую дочь за **крещёного**?* (Д.К., с. 224); *Ты ведь **крещёная**, тебя не смели продавать нехристю* (Д.К., с. 229); *Поп Димитрий не отважился бы сам торговать девкой, они ему что надобно шепнули и киргиза Ивашку подставили — купил-де он, **крещёный**, а не сам Курта* (Д.К., с. 226) и т. д. **Всего 18**

употреблений.

Интересно, что в тексте не используется в качестве общего названия нерусских народов юга Сибири слово *татары*. Оно до 50-х лет XX века было употребительно в народе в этом значении. После переселения в Приенисейскую Сибирь татар с Волги (Пировский район и др.) стали в народно-разговорной речи региона различать казанских татар и сибирских (енисейских) (ср.: заголовок работы известного историка-краеведа Н. Ф. Катанова «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: образцы народной литературы тюркских племён» (СПб., 1893, т. 1–4)). В русской литературе отмечено такое употребление слова: «Татары — одно из общих названий для тюркоязычных народов Кавказа и Закавказья, исповедующих мусульманство (азербайджанцев, кумыков, балкарцев и т. д.). В более широком смысле в кавказоведческой литературе XIX века *татары* — горцы-мусульмане Северного Кавказа и Дагестана. В произведениях Лермонтова это слово встречается в обоих смыслах — и как название кумыков (в «Герое нашего времени»), и как обозначение горцев-мусульман («Валерик» и «Свидание»)» [Мануйлов, 1966, с. 72]. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: *Тут земли-то, чать, ничьи. Вот и мы пришли. А что тут татары живут, так пусть себе и живут* (с. 32); *А нам велено к татарам, к качинским и иных земель людям с ласкою придать...* (с. 33); *...начали приводить под его высокую государеву руку качинских и аринских татаровей* (с. 43); *Сейчас все татаровя улусные ко мне подступались...* (с. 56) и др. ХРС: *татар* — ‘татарский’, *татар-лар* — ‘татары’. Р-ХС: *татары* — ‘татарлар’.

Всего общих названий **16 слов**, в употреблениих — **337**. Из них 60% составляет употребление слова (в вариантах) *инородец*. Следующим по частотности стоит слово *басурманин* (в вариантах) — 43 употребления (18%).

Из частных обозначений народов Приенисейской Сибири (этнонимов) в текстах частотным является слово *джунгары* — ‘то же, что чёрные калмыки, тюркоязычный народ, кочевавший по югу Сибири, маньчжуры’, однокоренные слова: *джунгарский, джунгарин*, устойчивое сочетание *в джунгары: Если киргизы захо-*

тят, их примет к себе и Алтын-хан, и **джунгары** (Д.К., с. 287); Лопсан стал спрашивать Иренека о том, как живут киргизы, не беспокоят ли их русские и **джунгары** (Д.К., с. 383); Пока в Москве судили да рядили, как откликнуться на запросы Лопсана, пока Роман Старков ездил по Упсе в поисках подходящего места для острога, **джунгарский** Сенге-тайша принялся действовать споро и решительно (Д.К., с. 382); Не так ли тянутся к Киргизской земле русские, да держат их на аркане что сами киргизы, что Алтын-хан и **джунгарский** контайша (Д.К., с. 45); Их поединок заметил другой **джунгарин**, теснивший казаков косматым конём, размахнулся, прицелился и кинул копьё в Степанку (Д.К., с. 404); Начальный князь замялся, соображая, что ответить **джунгарину** (О.З., с. 278); Впрочем, и в прошлые годы княгиня не раз вот так же вдруг заговаривала об уходе **в джунгары**, даже в те, сравнительно мирные времена, когда был жив мудрейший из князей, доблестный её муж (Д.К., с. 42) и т. д. **Всего 17 употреблений.**

чёрные калмыки — ‘то же, что джунгары’ (в словарях литературного языка калмыки — ‘народ, составляющий основное население Калмыкии, а также лиц, относящихся к этому народу’): Он совсем стал **чёрным калмыком**: на нём и шапка калмыцкая, с острым колпаком и шариком, и сапоги калмыцкие, с широкими голенищами, и моления он соблюдает калмыцкие (Д.К., с. 40); В **чёрные калмыки** уйду. Заплечному мастеру у них вдвое платят против нашего (Д.К., с. 57); Суетливый, обеспокоенный случившимся, воевода в неизменном колонтаре, в наручах и в **калмыцком** посеребрённом шлеме, по пьяному делу подаренному ему Шандою, грозно поднялся на смотровую площадку Спасской башни (Д.К., с. 369) и т. д. **Всего 4 употребления.**

Используются в тексте названия представителей четырёх родов («аймаков») енисейских киргизов в XVII веке, обитавших в степях, по рекам Абакану и Уйбату, — алтырцы, алтысары, тубинцы, езерцы: С этой мыслью и ехал Иренек к **езерцам и алтырцам** (Д.К., с. 355); Разве тебе неизвестно, чио монголы пограбили многие улусы тувинцев, **езерцев, алтырцев?** (Д.К., с. 212); Всё забрал тогда монгольский владыка у **алтысаров и езерцев**, даже последние скудные запасы са-

раны (Д.К., с. 354); *Воинственные алтысары* ему обязаны своим господством над всеми племенами и родами (Д.К., с. 212); *К нему и Орошпаю, чтобы братья никуда не сбежали, был приставлен Емандарак с воинами, стража днём и ночью неотступно находилась при тубинцах* (Д.К., с. 350); *Абалак понимал, что разгром Канского острожка и угон тубинцев с той земли киргизам не простится — русские будут искать их всюду, чтобы наказать за предпринятый набег* (Д.К., с. 349) и т. д. Параллельно в тексте употребляются притяжательные прилагательные: *И совсем не случайно в числе первых, почти следом за Абакай, примчался алтырский князь Бехтен со всем своим хитрым и лукавым потомством* (Д.К., с. 40); *Иначе какой расчёт делать далёкую перекочёвку да ещё ссориться из-за пастбищ с алтырскими и тубинскими князьями?* (О.З., с. 185); *Весной 1664 года алтысарские улусы кочевали на землях кызыльского племени* (Д.К., с. 305); *Лопсан не нашёл здесь прежних улусов, только изредка попадались корьевые юрты тубинских кыштымов, бежавших от монголов в горы и леса* (Д.К., с. 382); *Князь езерского аймака Иженей тоже состоял в близком родстве с джунгарским контайшой* (Д.К., с. 43) и т. д. Это лексика внелитературная. Всего названий 4 родов и прилагательных — 8 слов, **24 употребления**.

Бутанаев: *туба* — ‘1. Устаревшее имя койбалов. 2. Тубинский улус’ [Бутанаев, 1999, с. 155].

Приводится и общее их название — *киргизы* (но существует и другое мнение о том, что кыргызы — стадияльное развитие хакасов, а не наоборот): «На рубеже нашей эры в степях Хакасии появляются племена, говорящие на тюркском языке... Термин «хакас» в отличие от «кыргыза» имел собирательное значение и обозначал всё население среднего Енисея. Кыргызы, как немногочисленный, но правящий род, входили в тюркское ядро древних хакасов [История Красноярского края, с. 23–24]. В словарях русского литературного языка — это ‘нация; основное население Киргизии, а также лица, относящиеся к этой нации’. В произведениях — это

‘народ, живший на севере Монголии и в Сибири, енисейские киргизы’ [Кривоногов, 1998, с. 33–34]: *Лишь когда киргизы стремглав бросились от Алтын-хана,*

*Герасим на какое-то время отвлекся от сысков и судов (Д.К., с. 268); Достоинства Иренекова стойбища сразу же оценил сметливый зайсан Дага-батор, который с начала осени почти безвыездно жил у **киргизов** (Д.К., с. 305); Байту-зайсан не хотел, чтобы кто-то знал о переговорах джунгар с **киргизами**, а особенно посланец извечного врага Джунгарии — Алтын-хана (Д.К., с. 307) и т. д. Используется также прилагательное и вариант этнонима с яркой отрицательной экспрессивной окраской — **киргизятин**: *И киргизские князцы, и Герасим — они не поступятся собственной выгодой, потому и идёт война (Д.К., с. 373) и т. д.; «Не по тем дорогам водит нас **киргизятин** Ивашко, а ему потакает во всём сам атаман Кольцов, вот чо», — в глазах у Артюшки закипели слёзы (Д.К., с. 359); «Вон кто есть подлый изменник — **киргизятин** Ивашко!» — сказал воевода Матвейке (Д.К., с. 359); Не прямит государю атаман Родионко, а особо же **киргизятин** Ивашко (Д.К., с. 359). Всего слов с этим корнем — **25 употреблений** (30% от общего количества употреблений этнонимов в тексте — 120).**

Р-ХС: *киргиз* — ‘хыртыстар’.

Кроме того, названы *арины (аринский), качинцы (качинский), камасинцы (камасинский)*, жившие в долине Енисея и находившиеся в зависимости от тюркского населения Минусинской котловины [Кривоногов, 1998, с. 41, 243, 260–261]: *четвёртую неделю по едва приметному киргизскому следу неотступно шла пешая сотня атамана Родиона Кольцова, усиленная подгородными **аринами** и **качинцами** (Д.К., с. 345); Среди русских и украинцев там и сям мелькали **качинцы** с узкоглазыми смуглыми лицами, мелкорослые **арины** (О.З., с. 150); Хозяин крытой корьём юрты, старый **камасинец**, охотно повёл казаков вверх по реке и показал кочковатый лог (Д.К., с. 345); «Он, как бык, ищущий траву», — сказал **камасинец** об Абалаке (Д.К., с. 345–346); Со времён Андрея Дубенского, первого Красноярского воеводы, казаки называли остров по имени **аринского** князца Татуша, стоявшего здесь в зимнее время несколькими юртами и загонами для скота (Д.К., с. 7); А глаз стрелой выбили киргизы во время последнего набега на подгорные **качинские** улусы (Д.К., с. 85); На этом неблизком пути им должны встретиться дружественные русские **качинские** и **аринские** улусы, где можно в*

долг раздобыть коней или какую-нибудь лодку (Д.К., с. 66); **Камасинский** улус тоже был разграблен и сожжён, людей Абалак угнал за Енисей, сам старик чудом скрылся в болотистой согре, а вот теперь осмелился выйти (Д.К., с. 345) и т. д. Эти этнонимы менее частотны, относятся к малочастотным, так как употребляются два-три раза. Всего 6 слов, **21 употребление**.

Р-ХС: качинец — ‘хаастар’.

В тексте используется устаревшее именование бурят — *братские*: Санкай, носясь у церкви и никого не замечая, звонко, совсем по-ребячьи смеялась и хлопала в ладони: в конце концов, по её вышло, **братский** теперь на свободе и, может быть, далеко отсюда (Д.К., с. 56); Глядишь, и пришлют **братские** выкуп (О.З., с. 321); А потом с почётом да с прибаутками во главе ватажки служилых людей провозжал **братского** до самой аманатской избы (Д.К., с. 63) и т. д. Также есть устойчивое сочетание *братские люди*: Казаки взяли её в плен, когда ходили на бурятов, или, как их тогда называли, **братских людей**, войною (Д.К., с. 33); Правда, **братские люди** были мирными племенами, не ходили войной на Красный Яр и вроде бы не замыслили ничего дурного против красноярцев (О.З., с. 151) и т. д. «Название «братские люди», буряты, как их называли русские, распространилось по Сибири» [История Сибири, т. 2, с. 58]. **Всего 21 употребление**.

Некоторые этнонимы являются в тексте единичными: *койбалы* — ‘тюркоязычный народ юга Приенисейской Сибири, в прошлом говоривший на самодийско-енисейском языке’ [Кривоногов, с. 278]: Убедившись, что джунгары и киргизы им не защита, отдельные роды качинцев, кызылов, **койбалов** и бурят потянулись под Красный Яр, соглашаясь платить ясак русскому государю (О.З., с. 343); *кипчаки* — ‘древний восточный кочевой народ’: Контайша Богатур, верховный правитель Джунгарии, что кочевал в Великой монгольской степи за Саянами, заметно ослаб, понеся сокрушительное поражение в боях с **кипчаками** (Д.К., с. 36); *кызылы* — ‘этнографическая группа хакасов’ [Кривоногов, 1998, с. 344]: «Из **кызылов**», — ответил Якунко (Д.К., с. 365); *мугал* (*мугальский*) — ‘древний народ юга Сибири’: А жёнка-то, жёнка... У, ягодка-**мугалка!** (Д.К., с. 232); У Алтын-хана на спор боролся с **мугальским** батором, уложил того **мугала** (Д.К., с.

302); *халхасцы* (*халхасский*) — ‘народ, составляющий население Монголии и южной части Сибири’: *Герасим верно рассудил, что раз Лопсан послал своих верных людей с грамотой, значит, монголам теперь не до драки с красноярцами, думают, поди, о том, как самим от халхасцев да джунгар уберечься* (Д.К., с. 270); *Но за Саянами стоит халхасский Тушету-хан, который ждёт случая расправиться с Лопсаном* (Д.К., с. 264) и т. д. **Всего 5 слов, 5 употреблений.**

Ср.: у Н. Г. Доможакова: ...*Да ещё собрать надо бродячих наших кызылов, хасов, бельтыр, сагаев, шоров, вот такая армия будет!* (с. 52); *Прибежали толстый кызылец, сагаец в кожанке, шорей в беличьей шапке, командиры качинцев, бельтыров, койбалов* (с. 101). ХРС: *бельтыры* — ‘родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357); *хаас* (качинцы) — ‘старое родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357); *хызыл* (кызыльцы) — ‘родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357). ХРС: *бельтыры* — ‘родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357); *хаас* (качинцы) — ‘старое родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357); *хызыл* (кызыльцы) — ‘родовое название одного из шести бывших основных хакасских племенных объединений’ (с. 357), *шор* — ‘шорец, шорский’; Бутанаев, 1999: *саФай* — ‘1) представитель ведущей этнической группы хакасов; 2) (*шор*.) хакас’ (с. 103); *хызыл* — ‘кызылец, наименование этнической группы хакасов’ (с. 199).

Ср.: у Г. Сенкевича [Сенкевич, 1993] также множественность сторонников поляков и их противников, грандиозность противостояния, а затем битвы передаётся через этнонимы, большей частью устаревшие: *Да мы тут слыхали, будто все литвины хотели уйти с детьми и жёнами, но только не верили тому* (с. 7); *Литвин говорил: он видел, как они лезли* (с. 9); *Коснувшись плеча стоявшего рядом мазура, он спросил...* (с. 15); *Когда польские и литовские войска снова посадят на трон кипчаков изгнанника Тохтамышша, он объявит себя «сыном» короля Владислава...* (с. 48); *Это всё курны, и нет на свете лучников лучше их* (с. 182);

*Помоложе был, когда **фризу** пятернёй все усы вырвал (с. 110). Так жаловались **жемудины**... (с. 385); Юноша легко объяснялся с ними, так как среди них была горсточка **полочан** (с. 391); Двигался сильный отряд иноземных наёмников и охотников, состоящий преимущественно из **чехов** и **моравов** (с. 551); Сначала рассыпались **татары, бессарабы и валахи**, а вскоре дала трещину стена **литвинов**... (с. 561); От городка к городку через дремучие, необъятные леса, которыми была покрыта большая часть **Мазовии, Литвы и Жмуди** (с. 385).*

«Затруднённость» чтения как приём (Л. Якубинский, В. Шкловский) Г. Сенкевич использует для показа значительности польского войска в перечне рыцарей по именам и их местной принадлежности, что в условиях отсутствия фамилий соответствует исторической правде, например: *За ними шли двадцать две хоругви епископов и вельмож: Яська из Тарнова, Ендрика из Тенчина, Спытка Леливы и Кшона из Острова, Миколая из Михалова, Збигнева из Бжезя, Кшона из Козихг-лув, Кубы из Конецполя, Яська Лигензы, Кмиты и Заклики, а кроме того, родовые хоругви Грифов, Бобовских, Козих Рогов и многих других, которые выходили на войну под хоругвями с одним гербом, и клич у них был тоже один (с. 551).*

По сюжету «Дикой крови» упоминаются и среднеазиатские купцы и торговцы (бухаретин от Бухара): *У гостиного двора, что на высоком жилище подклете, два жилистых **бухаретина**, в чёрных тюбетейках и длинных полосатых чапанах, продавали парнишку лет десяти — не то монгола, не то калмыка (Д.К., с. 12); «Давай так, задарма», — заговорил с **бухаретинами** Куземка (Д.К., с. 12); С первого же взгляда Куземко понравился ему: **статен, могуч, в кулаке без малого пуд, и счастье тех бухаретинов хилых, что он их совсем не пришиб** (Д.К., с. 32) и т. д. **Всего 3 употребления.***

Слово же *бухарец* означает ‘лошадь восточной породы, буквально — из Бухары’: *И нужно брать не поджарого **бухарца**, бухарские кони тонконоги и слабосильны, казаки зарятся больше на русскую породу: она хоть и не так вышла статью — брюхо у неё отвислое, а супротив бухарской дюжее будет и много дешевле (Д.К., с. 70). В романе «Опальная земля» говорится о бухарской сабле — ‘сабле особой стали и выделки’: *Каждый вечер Итпола на закате приходил к**

Многогрешному, приносил подарки, но тот ничего не брал: ни аргамака, ни бухарскую саблю, ни сорок соболей (О.З., с. 345).

Итак, частных этнонимов и близких к ним слов в произведениях — 34 слова и 120 употреблений. Одно название выделяется по частотности — это *киргизы*: 25 употреблений, названия основных киргизских родов (8 слов) — 24 употребления (всего — 45, то есть 37,5% от общего числа употреблений). Они и изображены в тексте как основная сила, противостоящая русским. В целом они составляют половину всех слов-этнонимов в тексте (66 от 120). Другие, дальние, враги — *джунгары (чёрные калмыки)* — 21 употребление. Так, в лексике проявляются равнодействующие силы: склонные к взаимодействию с русскими (подгородные племена — 21 употребление, буряты-братские — 21 употребление и противостоящие им — 45. Другие единичные 10 слов представлены 18 употреблениями. **Всего в подгруппе 50 лексических единиц и 457 употреблений.**

1.2. Близки этнонимам экзотизмы тематической группы «Название рода, людей, примыкающих к роду, территории, ими занимаемой, стоянки кочевников, жилища»: **аймак, улус (улусишко), улусные люди, стойбище, юрта (дымник, очаг), шатёр** (9 лексических единиц).

Аймак — ‘род; территория, занимаемая родом’: *И когда в 1661 году, году Коровы, умер правитель Дзасакту — ханского аймака Норбо, Лопсан руками верных людей убил его преемника, чтобы посадить на престол другого, угодного Лопсану хана* (Д.К., с. 256); *Земля делилась на четыре аймака: Алтырский, Озерский, Алтысарский и Тубинский* (Д.К., с. 36); *Или главенство уйдет из алтысарского аймака* (Д.К., с. 214). **Всего 7 употреблений.**

МАС: *аймак* — ‘1. В Бурятии и Горном Алтае — район. 2. В Монголии — основная административно-территориальная единица’. ХРС: *аймах* — ‘1) район, районный; 2) этн. род’.

Улус — 1. ‘Родо-племенное объединение с определённой территорией, подвластное хану или вождю, у народов Центральной и Средней Азии и Сибири’ (МАС): *Они затаились в гористом междуречье Июсов, к ним спешили бежавшие от монголов князцы с жалкими остатками своих улусов* (Д.К., с. 257); *Но он ду-*

мал не о страшной участи истребляемых монголами племён и улусов (Д.К., с. 26); *Под Красный Яр подошло ещё два рода — улусы Итполы и тубинца Арыкная, у этих князцов здесь тоже родственники* (Д.К., с. 263). 2. ‘Поселение, стойбище тюрко-монгольских народов в Приуралье и Сибири’ (МАС): *И опять ручьями лилась кровь, горели мирные улусы и пастбища, угонялся последний скот* (Д.К., с. 257); *Тогда Трифон спросил, отчего же Алтын-хан нещадно грабит и убивает киргизов, сжигает их мирные улусы* (Д.К., с. 268); *Да в Ишеевом улусе разговор с Маганахом вёл второй сын начального князя Иренек* (Д.К., с. 221) и т. п. **Всего 12 употреблений.**

Улусишко — ‘то же, что улус’ (пренебр.): *А при воеводе Архипе Акинфове атаман Дементий Злобин улусишки киргизские разорял* (Д.К., с. 9) — **1 употребление.** ХРС: улус — ‘1. *Ист.* Люди одного рода, семьи; 2. Небольшой населённый пункт, улус, деревня, деревушка’. Бутанаев, 1999: *ў лў с* — ‘1) доля, пай, удел; 2) участь, судьба’ (с. 167).

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *Не может быть, чтобы собака обманула. Где-то в этих местах я сам видел речку, когда ездил по улусам* (с. 13) —

7 употреблений. *Мысли Марика всё время возвращались к тому, как началось это поспешное бегство из аала* (с. 151). Одно из самых частотных слов текста — **149 употреблений.** Кроме того, в произведении используется однокоренное слово: *По поручению ревкома помогаю аалсоветам создавать комбеды, чтобы они наступили баям на горло* (с. 106). Произведение Н. Г. Доможакова называется «В далёком аале», слово *аал* приобретает концептуальное значение. См. также рассказ тувинского писателя О. Саган-оола «Парень из сумона» [Саган-оол, Кюнзегеш и др., 1956, с. 101] и т. д. ХРС: *аал* — ‘село, селение; населённый пункт, улус’. Бутанаев, 1999: *аал* — ‘полукучевое хакасское селение; населённый пункт’.

Устойчивое сочетание *улусные люди* — ‘люди, принадлежавшие улусу, находящиеся в зависимости от князца у тюркоязычных народов юга Сибири; люди, живущие в улусах’: *Пока улусные люди забили и сварили барана — уже вечереет* (Д.К., с. 249); *Только после обеда, когда одни из улусных людей оседлали бегунов*

и, пьяно раскачиваясь, уехали к табунам и отарам, а другие в тени юрт завалились спать, Куземко, оставив коня в гуще осинника, кривою лоцинкою вплотную приблизился к улусу (Д.К., с. 228); Потом князцы и лучшие улусные люди присягнули на верность государю (О.З., с. 255) — 9 употреблений. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: Тагуш с Абытаем на нас ходили, да убоились тех киргизов — грозят, что, мол, отгонят их улусы (сноска: ‘здесь — родовое объединение (также место поселения у сибирских народов)’ в свои земли (с. 35); ...отыскать изменников и непослушников государевых, князца Сота и его людей улусных, которые отложились от острога Красноярского, откочевали в сторону, и ясак с себя давать отказывались (с. 50).

Такое именование подлинное историческое: «Существовала отработочная форма эксплуатации бурятской знатью свободных неимущих «улусных людей» [История Сибири, с. 105].

Стойбище — ‘становище кочевников Сибири’ (МАС): На стойбище остался умирать лишь выхудавший до костей старый пёс (Д.К., с. 136); Достоинства Иренекова стойбища сразу же оценил сметливый зайсан Дага-батор, который с начала осени почти безвыездно жил у киргизов (Д.К., с. 305); Уже к рассвету на стойбище налетел холодный ветер, сыпанул порывистый дождь (Д.К., с. 352) и т. д. Всего 9 употреблений.

Юрта — ‘переносное (обычно конусообразное) жилище кочевников Центральной и Средней Азии и Южной Сибири’ (МАС): Так из юрты выживают собаку, вон и только (Д.К., с. 256); Он покрутился на месте, что-то пронзительно крикнул, помахал плетью над головой и логом зарысил прямо к юрте Ивашки... (Д.К., с. 262); И тогда снились Ивашке диковинные земли, которых он отродясь не видывал, снились резвые широкогрудые кони и у стремительных синих рек белые юрты (Д.К., с. 10) и т. д. Всего 42 употребления, это самый частотный в текстах экзотизм. По типу жилища часто делят и людей. Так, в моей семье (Л.С.) про прабабушку вспоминают, что она была «юртошна хакаска», но в анализируемых примерах такого употребления нет (есть улусные люди). Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: В улусе том ночь ночевали в трёх юртах, караул

для бережения выставив (с. 51); Мужик тот, хозяин **юртовый**, Айканом звать, затряс бородой редкой... (с. 52).

Срезневский: *юрт* — ‘1. Род, родичи (с. 7059). 2. Родовое владение (с. 7060)’; *тюрк. юрт* — ‘жилище’. Р-ХС: *юрта* — ‘иб, иби (саг)’.

К юрте относится и **дымник**, обозначающий в ней дымовое отверстие: *Тогай опасливо посмотрел на **дымник** и согласился* (О.З., с. 299); *По ночам над землю плыла мягкая, как пух, тишина, он подолгу глядел на мигавшую в **дымнике** голубую звезду и думал* (Д.К., с. 372); *Откочевав сюда, Мунгат поставил свою белую юрту несколько в стороне от других юрт улуса, но вдруг обнаружилось, что в **дымник** его юрты по ночам лазали злые духи* (Д.К., с. 44). Слово **очаг** в текстах обозначает ‘устройство для разведения и поддержания огня в юрте’: *Вернувшись в юрту, Маганах опустил на овчину у **очага**, и сразу его кинуло в сладкий сон! Разморенные теплом веки падали, поднимать их было всё труднее* (Д.К., с. 145); *Итпола радостно похлопал Родиона по груди, потащил к себе в белую юрту и усадил на плоские подушки у **очага*** (О.З., с. 168). **Всего 18 употреблений.**

Ср.: слово **очаг** используется как экзотизм и в других текстах. Так, в переводе повести венгерского писателя Мора Йокаи «Жёлтая роза» [Йокаи, 1988]: *Перед хибаркой — **очаг**, круглое сооружение из камыша, похожее на саму хибарку, только без крыши и с кирпичным дном. Это кухня. Здесь в котелке, подвешенном на тагане, варят гуляш и кашу-затируху. Оловянные ложки с длинными ручками аккуратно воткнуты в камышовую стенку* (с. 26); *Стойбище здесь устроено так же, как и стойбище рогатого скота: загон, «**очаг**», ограда от ветра, колодец* (с. 60); *Господа! Выходите из «**очага**», сейчас увидим восход солнца* (с. 27).

Значение именованного национального очага велико в создании образа инонациональной речевой среды. Так, слово **чувал** у Ю. Шесталова («Югорская колыбель») используется в прямом значении и связывается с национальной мифологией: *Растопляем **чувал** и готовим ужин <...>. При свете жаркого **чувала** охотники снимают шкуры белок, развешивают на просушку* (сноска: **чувал** — ‘полукоствёр-полупечь, сплетённая из соломы с глиной’). *По представлениям манси, огонь является женщиной. А **чувал**, в котором она пляшет, — это одежда*

огня [Михайловская, 1984, с. 46–47].

Шатёр — ‘палатка из кожи, ткани, ветвей, временные складные дома монголов и джунгар’: *Иренека уже не могли обмануть ни малиновый блеск парчи, которою сплошь был обтянут шатёр изнутри, ни огромные золотые чаши с воскурениями, ни дорогие бухарские ковры, расстеленные у ног монгольского властелина* (Д.К., с. 383); *Когда Иренек вошел в ханский шатёр, он с большим трудом узнал Лопсана* (Д.К., с. 383); *У цветного шёлкового шатра Алтын-хана с утра до ночи толпились встревоженные зайсаны* (Д.К., с. 382) и т. д. — **9 употреблений**. МАС приводит это слово безотносительно к монголам, в тексте же последовательно различаются *юрта* и *шатёр* как жилище монголов.

Р-ХС: *шатёр* — ‘алачих’.

Всего в данной подгруппе использовано 9 слов в 107 употреблениях. Особой частотностью отличается слово *юрта*, на долю которого приходится 39% от всех употреблений слов подгруппы. Если сопоставить этот результат с использованием слова *чум* в тексте М. Ошарова (134 употребления, 26% от всех употреблений текста), можно предположить, что именование вида национального жилища — ведущее средство создания инонациональной речевой среды при изображении народов России.

1.3. Основной конфликт в диалогии с экономической стороны — передел данников. При этом используются лексические единицы: **ясак (ясачные, ясачные люди), албан, кыштым, аманат (аманатство, братъ аманатов, сестъ в аманаты, аманатский час, аманатская изба, аманатский двор)**. Всего 12 слов и устойчивых сочетаний. Интересно, что в диалогии дань русским и дань другим народам противопоставлена лексически, что, несомненно, ярко высвечивает проблему. Так, дань русским названа словом *ясак* (по МАС — это историзм со значением ‘натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья (в XV–XVIII вв.) и Сибири (в XVII — начале XX вв.) в России’), данники же — *ясачные, ясачные люди* (‘нерусские жители Сибири, облагаемыт ясаком’. МАС: *ясачный* — ‘платящий ясак, связанный с уплатой ясака’). Дань народам Востока именуется *албан* (‘дань для монголов и джунгар’, внелитературное слово), их данники —

кыштымами (внелитературное слово): Усиливались русские, киргизская орда посылала **ясак** им, приходили за **албаном** джунгары и люди Алтын-хана — они сполна получали своё (Д.К., с. 36); Якунко Торгашин, сборщик **ясака**, тот, верно, не ожесточал инородцев, брал с них лишь положенное (Д.К., с. 373); «Ценою **ясака** и клятвы Бурчан купил волю князям тубинского племени», — подтвердил Точак (Д.К., с. 351) и т. д. **Всего 14 употреблений.**

Ишь, как они вопят, а кто о **ясачных** радеет больше подьячего Васьки Еремеева? (Д.К., с. 342); Однако город бурлил, смутьяны не унимались, обиженный на воеводу Родион подбивал **ясачных** и служилых людей писать челобитную царю о его Герасимовых проделках (Д.К., с. 389); А русские воюют с киргизами и тубинцами, потому что и те и другие разоряют мирные **ясачные** улусы (Д.К., с. 373) и т. д. **Всего 20 употреблений.** Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: Потом, когда весь **ясак** был снесён и уложен, Птицын, по обычаю, велел государево угощение выдать князю и лучшим людям **ясачным** (с. 58); Ну, а уж потом и **ясак** взять, сколь в помете показано, в именных книгах писцовых, в коих все **мужики ясачные** вписаны (с. 46) и т. д.

И впредь они намерены давать **албан** монгольскому властелину — об этом говорил беспрекословный и скорый приезд их князцов на Ербу (Д.К., с. 177); Глава государства Алтын-Ханов Гомбо Эрдени запугивал киргизов опустошительными набегами, вынуждая их постоянно платить дань — **албан** (Д.К., с. 36); Опустела ханская казна, данники неисправно платят **албан** (О.З., с. 141) и т. д. — **9 употреблений.**

Р-ХС: дань — ‘албан’. ХРС: **албан** — ‘подать, дань’. Бутанаев, 1999: **албан** — ‘албан, ясак, подать, дань’ (с. 22).

Киргизцы не станут **кыштымами** у поганой русской кости (Д.К., с. 41);

Русский забирает себе **кыштымов**, киргизских данников (Д.К., с. 38) и т. д. —

8 употреблений. «Таких данников, или, как их называют русские документы, «ясачныхмужиков», а по-киргизски «кыштымов», некоторые киргизские князья якобы имели от 500 до 1 000 человек. Русские документы упоминают ещё «холопей» — рабов», ср.: **ясырь, ясырка** [История Сибири, с. 107]. Есть в исторической

литературе и другое написание: «Мелкие племена, киштымы, жившие в соседних районах, были подвласны кыргызам и платили им дань мехами соболей и белок» [История Сибири, 1968, т. 1, с. 301]. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: ...они, те аринские и качинские князцы, **киштымы** киргизские — данники суть (с. 35) и др.

В связи с данью используется слово *аманат* (*аманатство*, устойчивые сочетания: *брать аманатов*, *сесть в аманаты*, *аманатский час* — ‘время прогулки заложников — аманатов’, *аманатская изба* — ‘охраняемое жилище аманатов’, *аманатский двор* — ‘место в остроге, отведённое для аманатов’). *Аманат* — ‘заложник, гарант получения дани’ (вероятно, этот способ заимствован русскими у Орды): «Алтын-хан взял **аманатами** лучших киргизских князей», — грустно сказал тот (Д.К., с. 145); *И на тубинцев немирных само собой ходили, и заложников, аманатов, взяли, князцов тубинских, а те аманаты из города бежали, и аринские татары их ловили* (Д.К., с. 9) и т. д.

Р-ХС: заложник — ‘ўчўн алылган кизи’.

Матка твоя дика была, не выдержала аманатства (Д.К., с. 10) и т. д. *Настал великий день надежды, что Киргизская орда наконец-то объединится и, поддержанная джунгарами, уже не позволит отрывать от неё природных кыштымов и брать аманатов в русские остроги, которые копьями вонзились в степь* (Д.К., с. 309); *Как бы не пришлось расплачиваться потом многими конями и баранами, соболями и лисами, а то и самому сесть в аманаты* (Д.К., с. 277) и т. д.; *Начинался обычный для острога аманатский час, когда заложники выходили на прогулку* (Д.К., с. 34); *А потом с почётом да с прибаутками во главе ватажки служилых людей провожал братского до самой аманатской избы* (Д.К., с. 59); *То на службу церковную пойдёт и в церкви её вдруг увидит, то тенью прошмыгнет вечерком в аманатскую избу* (Д.К., с. 232) и т. д.; *На аманатский двор явился тюремный сторож кривой Федька* (О.З., с. 124); *Ровно в полдень подошла к тюрьме угрюмая стража. Она взяла у Федьки на аманатском дворе киргизов-заложников* (О.З., с. 329) и т. д. Итого с этим корнем **45 употреблений**. Глубина значения экзотизма раскрывается не сразу. Например, к концу дилогии

мы уже понимаем, что *аманат* — не просто заложник, а *аманатство* — заимствованный русскими вид отношений с данниками: заключение в крепости знатных людей улуса, которые жили под охраной, часто в приличных условиях годами, многие свободно передвигались по острогу; жизнь их гарантировалась поступлением ясака; для степняка, привыкшего к воле, это часто было непереносимо и кончалось гибелью. «С каждого племени или крупного улуса из знатных родовичей брали аманата (заложника). Аманатов содержали под стражей в особых «аманатских избах». Если улус вносил ясак не полностью, нерегулярно или совсем выходил из повиновения и становился «немирным», то аманата из этого улуса морили голодом, а иногда и убивали» [История Красноярского края, 1981, с. 48] — см. дальше — Бутанаев,

1999: *абанат* (хак. диал.), *аманат* (ар.) — ‘долг, вклад’ (с. 12).

Наличие в диалогии словообразовательного гнезда и к слову *ясак*, и к слову *аманат* свидетельствует об освоенности в тексте этих экзотизмов. Слова же *албан* и *кыштым* таких гнёзд не имеют и, соответственно, освоены в анализируемых художественных текстах ограниченно. Противостояние киргизов (джунгар) и русских на уровне лексики складывается следующим образом: *ясак*, *ясачные* — 34 употребления, *албан*, *кыштым* — 17. Высокой частотностью обладает в текстах гнездо «аманат» — 45 употреблений, что связано с сюжетообразующей функцией именованного (ряд героев и персонажей произведений являются аманатами). **Всего 12 лексических единиц тематической подгруппы использованы в 96 употреблениях.**

1.4. В диалогии используются и другие экзотизмы, их тематические группы также относительно ограничены.

Писатель не сосредоточивается на этнографии. Только четырьмя словами представлена религия: **айна**, **лама**, **шаман**, **камлать**. Кроме первого слова, они известны в литературном языке.

Айна — ‘черт, сатана’ (внелитературное слово): *Это его попутал сам айна, которому почему-то не хочется, чтобы Маганах нашёл и взял себе чигирена.* (Д.К., с. 236) и т. д. — **4 употребления.**

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *По аалу пошёл слух: где-то вблизи поселился айна* (с. 131).

ХРС: айна — ‘1. Чёрт, дьявол. 2. Бран. Чёрт, дьявол (о человеке)’. Лама — ‘ламаистский монах’. Р-ХС: *чёрт* — ‘айна’.

Лама — ‘буддийский монах в Тибете и Монголии’ (МАС): *Узколобый сморщенный лама в жёлтом халате с заткнутыми за пояс ламами и в жёлтой, сдвинутой на бритый затылок шапке готовился резать молодого барана* (Д.К., с. 139); *Отец мой, хотя и клялся на верность, но он стар, лама. Жалел, что клялся, и умер: Дурал-табун погиб* (Д.К., с. 256) — **2 употребления**. «В конце XVII в. к бурятам проникает ламаизм. Его принесли монгольские и тибетские ламы» [История Сибири, 1968, с. 105].

Шаман — ‘служитель культа, согласно верованиям народов с древним анимистическим мировоззрением, вступающий в общение с духами с целью ограждения людей от их козней и причиняемых ими болезней’ (МАС): *Древний длинно-косый шаман Айдар, почитаемый всеми родами земли, сказал Иренеку...* (Д.К., с. 355); *Захлёбывался от удара бубен, на разные голоса звенели колокольцы и железки на <...> кафтане шамана, хлопали по шаманским лопаткам привязанные сзади крылья горного орла* (Д.К., с. 212); *Ишей не видел вскинутую на жерди гнедую шкуру убитого скакуна, не слышал ни тяжёлых вздохов бубна, ни гортанных выкриков известного шамана* (Д.К., с. 212) и т. д. — **12 употреблений**. Р-ХС: шаман — ‘хам’.

Камлать — ‘совершать шаманские обряды, шаманить’ (МАС): *Когда же великий шаман закончил камлать и, обессиленный, свалился с ног, Ишей стынущими губами попросил всех выйти из юрты, разрешив остаться только Айкану и Иренеку* (Д.К., с. 213); *Буран жалобно постанывал и бесился, носясь по долине, и казалось: то камлает, неистово колотя в огромный белый бубен, страшный шаман, накликающий на людей неисчислимые несчастья* (Д.К., с. 146) и т. д. — **4 употребления**.

Для обозначения типа подготовки к погребению используется не экзотизм, а сочетание *погребальная кладка* — ‘уложенный для ритуального сожжения трупа

костёр': *Если ты ждешь прихода Сенгей-таши, то пока он придёт, ваши погребальные кладки давно сгорают* (Д.К., с. 394) — 1 употребление. И так, в подгруппе на 4 слова 23 употребления.

1.5. Экзотизмы (или слова, употребляемые в функции экзотизмов), связанные с ситуацией противостояния между местным населением Сибири и русскими: **батор, воин, цирик, нукер, меч, сабля (бухарская сабля), стрела, свистунка, лучник, колчан, панцирь, наручи, дерик, набег, ставка, огненный бой**. Всего 17 лексических единиц.

Относительно частотно (18 употреблений) в тексте слово *батор* — 'богатырь', обозначающее инородца, но неизменно сохраняющее положительную коннотацию (одобрение, восхищение): *«Иренек», — подтвердил Абалак, выросший в крепкого и сильного батора* (Д.К., с. 258); *У Алтын-хана на спор боролся с мугальским батором, уложил того мугала* (Д.К., с. 302); *Иренек поскакал логом, а когда поднялся на бугор, увидел нескольких знатных баторов* (О.З., с. 297) и т. д. Р-ХС: *богатырь* — 'алып'.

В текстах есть слово, имеющее значение 'человек, состоящий в войске автохтонов'. Это слово *воин*, которое в анализируемых произведениях не обозначает русских: *«Где возьму соболей, когда моих лучших охотников Шанда сделал своими воинами?» — подсев к Родиону, пожаловался Мунгат* (О.З., с. 169); *У каждого воина должен быть запасной конь* (О.З., с. 300); *«Да будет вечной твоя драгоценная жизнь! — с почтительной сдержанностью воскликнул счастливый Маганах. — В твоём войске я постараюсь быть настоящим воином»* (Д.К., с. 80) и т. д. — 12 употреблений.

В МАС оно указано как *высокое* со значением: 'тот, кто несёт воинскую службу, сражается с врагом, воюет; боец, солдат'. Трансформация значения слова не сняла его отношения к высокому стилю, что в романах звучит как выражение уважения к противнику.

Но в текстах есть другое обозначение рядового бойца вражеского (монгольского или джунгарского) войска, употребляемое с отрицательной эмоциональной окрашенностью, в значении которого подчёркивается его жестокость, — слово

цирик: Так было и в 1656 году, году человека, когда Лопсан-тайша с семью тысячами не знающих жалости **цириков** пришел на Ербу, разорил дотла тубинские и езерские улусы (Д.К., с. 255); **Цирики** долго о чём-то рассуждали, показывая в его сторону, затем забрали Тимошкину косматую лошаденку и коня убитого их товарища (Д.К., с. 338); Воевода требует выдать тех **цириков**, чтобы учинить им сыск и расправу (Д.К., с. 346) и т. д. — **8 употреблений**.

Есть ещё один экзотизм для обозначения рядового бойца инородческого (монгольского) войска — *нукер*: *Верен-батор не щадил ни себя, ни своих нукеров. Они летели как псы по свежему следу зверя. Ни одной остановки, ни минуты промедления — вперёд, только вперёд!* (О.З., с. 282). Имеет единичное употребление. В МАС *нукер* — ‘1. Дружинник монгольской знати в XI–XII вв., с начала XIII в. — воин личной гвардии монгольских ханов. 2. У горских народов Кавказа в XIX в. — воин личной охраны военачальника, слуга’.

Для общего именованья войска нерусского населения юга Сибири используется слово *дружина* (оно не употребляется по отношению к русским казакам; МАС: ‘вооружённый отряд при князе (в Древней Руси и др.), составлявший основное ядро княжеского войска’): *Иренек вроде бы соглашался с Дага-батором, но выступать в поход не спешил, ссылаясь на слабую готовность отрядов и княжеских дружин* (Д.К., с. 287) — **4 употребления**.

Писатель избегает частого употребления экзотизмов. Так, воинское убранство и оружие инородцев передаются через русские слова, за которыми в произведениях закрепляется такое ограничение значения: *меч, сабля, стрела, свистунка, колчан, лучник, панцирь, наручи; набег, ставка*. Таким образом, обостряется противостояние: это огнестрельное оружие русских казаков против холодного автотонов.

Так, в МАС *меч* — это старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой. В текстах же А. И. Чмыхало — ‘старинное холодное кривое оружие восточных народов; то же, что *сабля*’: *Днем и ночью у подножия царственного холма маячили на карауле с обнажёнными кривыми **мечами** конные и пешие цирики из личной охраны монгольского владыки* (Д.К., с.

320); *Коротко звякнули перекрещенные мечи* (О.З., с. 270) — 3 употребления.

Используется и слово *сабля*: *Его охраняли стоявшие справа и слева у входа плечистые и рослые воины в тёмно-красной одежде, с обнажёнными кривыми бухарскими саблями* (Д.К., с. 137); *Какой же ты властелин орды, когда не имел сколько-нибудь подобающего князю панциря и доброй сабли* (Д.К., с. 377); *Бабук при этих словах атамана весь съежился и вдруг выхватил из ножен короткую саблю, но вскинуть её не успел...* (Д.К., с. 278). Ср.: в рассказах К. В. Богдановича различаются *сабля с опояской* у русских и *саадак* у «татар»: *Осмотрелся казак, кинет взгляд на пицаль — тут, поблизости лежит на чистой тряпиче. И сабля с опояской рядом в ножнах* (с. 28) и др.; *С них уже снимали весь доспех ратный — кюяки и панцири, поотбирали саадаки* (сноска: ‘прибор для стрельбы из лука — лук в чехле и колчан со стрелами’) и *сабли* (с. 330) и др. В МАС это ‘холодное рубящее оружие с изогнутым стальным клинком и острым лезвием’.

Также *стрела*, *свистунка*, *колчан*, *лучник*, *панцирь*, *наручи* и *дерик*: *В воинском же походе каждая стрела — великая выручка человеку, без стрелы человек — не воин, и жизнь его ломаной деньги не стоит* (Д.К., с. 347); *Стрела без оперения мимо бьёт, живущий без оглядки в беду попадёт* (Д.К., с. 350); *свистунка* — ‘стрела’ (слово внелитературное): *Тенькнула тетива, свистунка тонко запела, и ворона, что сидела ближе всех к стрелку, перевернулась через голову в воздухе и чёрным клубком рухнула вниз* (Д.К., с. 135); *Потом, пошатываясь, снова вошёл в юрту и, ни с кем не говоря и никого не замечая, привесил к поясу тугой отцовский лук и колчан со стрелами* (Д.К., с. 132); *А стрелы лучникам жалко: где её сыщешь потом в толще озерного ила?* (Д.К., с. 347).

Слово же *копье* используется как для обозначения вооружения инородческого войска, так и русских казаков: *С утра перед нарядным ханским шатром над воткнутыми в землю копьями с конскими хвостами было поднято зелёное, расшитое золотом знамя* (Д.К., с. 190); *Курта по-прежнему целился копьём в середину кошмы* (Д.К., с. 289); *В панцирях, в шлемах, спешили казаки на стены, в руках у них копья, бердыши, пицали* (Д.К., с. 369) и т. д.

Также трансформируется и значение слова *панцирь* — оно не употребляется

по отношению к русским: *Перед строем вдруг оказался плечистый киргиз в богатом панцире и боевом шлеме* (О.З., с. 125); *Ещё отправляясь из улуса Шанды, Юхим, чологай увидели князца и его сына Тагоная в панцирях и боевых шапках-дериках* (О.З., с. 235); *К сёдлам были приторочены торсуки с порохом, свинцом, ядрами, панцирями, захваченными в Удинске* (Д.К., с. 376); *Пол был устлан чепраками и попонами, на решётке висели ножи и сабли, пистоль и новый, купленный у монголов панцирь* (Д.К., с. 376) и т. д. В МАС панцирь — ‘доспех в виде рубахи из входящих одно в другое мелких металлических колец, защищавший в старину бойца от поражения холодным оружием’. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: *Супостаты уже видны были хорошо. Видать было, как блестяли на них кюяки* (сноска:

‘наборные латы из металлических кованых пластин, нашитых на ткань’) и *шеломы* (с. 30). То же самое можно сказать и о слове *наручь*: *Суетливый, обеспокоенный случившимся воевода в неизменном колонтаре, в наручах и в калмыцком посеребрённом шлеме, по пьяному делу подаренных ему Шандою, грозно поднялся на смотровую площадку Спасской башни* (Д.К., с. 369); *Дага весело засмеялся, прикрывая рот рукой в серебряной наручи...* (Д.К., с. 168). В МАС этого слова нет. Это ‘кованый широкий браслет, прикрывающий запястье и кисть руки во время сражения’. Единственное слово, обозначающее собственно экзотизм, — *дерик* (‘боевая шапка енисейских киргизов’): *Ещё отправляясь из улуса Шанды, Юхим и чологай увидели князца и его сына Тагоная в панцирях и боевых шапках-дериках* (О.З., с. 235) — **31 употребление.**

В СРЯ XI–XVII веков нет слова *дерик*, *кюяк* — ‘вид панциря, состоящего из металлических пластинок, блях, набранных и нашитых на ткань’ (с XVI века). Есть также *кюячник* и *кюячный*.

В целом такое расположение лексики, обозначающей оружие и доспехи, противопоставляет автохтонов русским как использующим преимущественно холодное оружие. На самом деле это не совсем так, и русские пользовались мечами, саблями, копьями и т. д., и инородцы использовали огнестрельное оружие, хотя в художественном тексте такое противопоставление складывается. Оно поддержива-

ется сочетанием *огненный бой*, которое обозначает как бы восприятие огнестрельного оружия автохтонами: *И ещё потому, что, как решил Ивашко, чем больше **огненного боя** будет у немирных киргизов, тем больше прольётся неповинной крови* (Д.К., с. 215); *что же, мол, воевода шутки шутить вздумал, ведь государево оружие, а особенно то, что с **огненным боем**, никак и никому не продается* (Д.К., с. 216);

*«Пицаль. Из неё я убил орла. У тебя ведь нет **огненного боя**», — крикнул Иренек, убеждённый, что парень несказанно обрадуется такому богатому подарку. «Мне **огненный бой** не нужен. У меня есть лук»* (Д.К., с. 67). (См.: *огненное дело: Пушкарь Гришка Осипов, хоть и считался мастером бранного и **огненного дела**, ещё ни разу не стрелял из такой чертяки* (Д.К., с. 253).) Ср.: в романе К. В. Богдановича [Богданович, 1966] сочетание употребляется по отношению к русским казакам: *Да ещё жаловал царь людей охочих, кто в Тюлькину землю шёл, припасом для **огненного боя**: свинцом да зельем* (с. 19) и др. — **9 употреблений**.

Ср.: у Г. Сенкевича в романе о борьбе поляков против ордена крестоносцев также закономерно важное место занимает упоминание о вооружении: *Швейцарец железным **чеканом** легко расколет шлем...* (с. 8); *Матушка панны Дануты испустила дух по вине немца с павлиньим гребнем на шлеме, потому я даю обет сорвать с немецких голов несколько таких павлиньих **чупрунов** и сложить их к ногам моей госпожи* (с. 18); *Он оборвал свою речь и, вынув из ножен короткий меч, называемый **мизерикордией**, повернул его рукоятью к Збышку* (с. 265); *Правда, им недоставало **ратовищ**, то есть длинных рыцарских копий* (с. 401); *Думаю, что обагрятся их кровью литовские **сулицы*** (с. 547); *...в кустах сверкали как будто **сулицы**, то есть лёгкие копья литвинов* (с. 556); ***Сулицы, сабли, рогатины, палицы** с насаженными на них кремнями или гвоздями отскакивали от железных доспехов...* (с. 561); *Удары их **мечей** и **бердышей** стали страшными по силе* (с. 562).

Р-ХС: *воин* — ‘чаач ы’; *меч* — ‘хылыс’; *сабля* — ‘хылыс’; *стрела* — ‘соган’; *панцырь* — ист. (латы) ‘хуях’. *Меч* и *сабля* не различаются в языке-источнике, возможно, поэтому они так употребляются в диалогии.

Также используется и слово *набег*. Но оно и в русском литературном языке преимущественно обозначает действия противника — ‘внезапное нападение, кратковременное вторжение и опустошение какой-либо территории’ (МАС). В текстах это ‘опустошительное вторжение кочевников’: *Испытывая немалые затруднения в продовольствии, Алтын-хан всё-таки не пошел **набегом** на киргизов, хотя дорога туда ему была хорошо известна, а послал к Иренеку хитроумного Дага-батора* (Д.К., с. 382); *Только обильные, аршинной толщины снега, иногда выпадающие в степи, да **набеги** воинственных соседей понуждали их на эту крайнюю, весьма хлопотную меру* (Д.К., с. 124) — **5 употреблений**.

Известное в русском языке слово *ставка* (МАС: ‘место расположения военачальника или его штаба’) у А. И. Чмыхало относится только к инородцам Сибири: *Но едва Литосов покинул Лопсанову **ставку**, монголы устремились в Киргизскую степь* (Д.К., с. 257); *Правда, уход Лопсана-тайши из Киргизской степи совпал по времени со смертью Алтын-хана Комбо Эрдени в его **ставке** у хребта Танну-Ола* (Д.К., с. 256) — **4 употребления**.

Р-ХС: *ставка* (штаб) — ‘ставка’.

Всего в подгруппе 18 лексических единиц и 95 употреблений. В данной группе слов мы наблюдаем широкое использование историзмов в функции экзотизмов.

1.6. К предыдущей группе тесно примыкают слова, обозначающие феодальную верхушку нерусского населения и формы её организации, так как граница между воинскими обязанностями и гражданским правлением явно размыта. Это следующие лексические единицы: **князь (княгиня, княжич, княжеский), князец, начальный князь, хан (ханский, ханство), орда, найон, зайсан, контайша, тайша**; а также **повелитель, царедворец, придворный, свита, знатный, знатность**. Всего 20 слов и сочетаний.

Интересно в произведении использование слова *начальный* и сочетания *начальные люди*. *Начальные люди* — ‘люди, являющиеся начальниками, старшими’. Это сочетание применяется по отношению к казакам: *И он не желал Родиону погибели, надеялся, что Скрябин смилостивится, он с атаманом одного поля ягода,*

оба начальные люди, но пример Родиона научит всех служилых в остроге, как приходится отвечать за изменные дела (Д.К., с. 216); Запретный торг Родион вёл на других начальных людей глядя, а зачем ему многие соболя? (Д.К., с. 219). Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: А воевода велел из всех пушек выпалить и в колокол церковный благовестить, и сам с казаками и всеми начальными людьми вышел за ворота острожные (с. 69–70).

По отношению к феодальным владыкам автохтонов Сибири употребляется сочетание *начальный князь*. Вообще по отношению к инородцам широко используется русское обозначение *князь* — ‘предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси’ (МАС). По отношению к русским по текстам это слово не употребляется. *Начальный князь* — ‘главный князь, правитель киргизов’: *Начальный князь киргизов был не дурак, он не стал ждать погони (Д.К., с. 345); Теперь, подложив под головы сёдла, воины устраивались отдыхать, днём предстояло бодрствовать только личной охране начального князя да дозорам, что маячили на лесистых гривах вокруг стойбища (Д.К., с. 376); И почему Ишей должен был умирать, если великий шаман сказал всем, что духи согласились не беспокоить болезнями начального князя? (Д.К., с. 213) и т. д. —*

8 употреблений. *Князь Иженей говорить просится (Д.К., с. 377); Во главе его стоял алтысарский князь, кочевья которого были по быстрым Июсам, у бурного слияния их, и считались теперь центром всей Киргизской земли (Д.К., с. 36); Он застрелил самого князя неба, об этом в дни мира и сражений будут долго говорить в улусах всей Киргизской земли, ибо нет для настоящего воина доблести выше этой (Д.К., с. 65) и т. д. Всего 19 употреблений.*

Кроме того, используются по отношению к автохтонам также слова *княжич*, *княгиня* (*княгиня Абакай*), *княжеский* и *князец*: *Это был не вкрадчивый, так хорошо знакомый казакам Мунгатов голос, скорее это говорил Иренек, заносчивый княжич, о котором до сегодняшнего дня ещё ничего не знал Якунко (Д.К., с. 48); В гости к Ишею неожиданно явилась княгиня Абакай с сыном Табуном и внуками (Д.К., с. 36); Он не раз норовил вырвать у Ишея начальную власть над Киргизской землёй, для того и заигрывал с Ишеевыми супротивниками и женился в джунга-*

рах на родной племяннице **княгини** Абакай (Д.К., с. 40) и т. д. — **8 употреблений**; **княжеский** — ‘принадлежащий князю’ (МАС): *Приезжие были в роскошной княжеской одежде, оба кряжистые, ноги калачом, как у большинства степняков* (Д.К., с. 46) — **3 употребления**.

Князец (слово внелитературное) — ‘русское название представителей родовой знати у коренных народов Сибири, старейшина рода’: *И если бы воевода вовремя не подставил Итполе своё плечо, князец рухнул бы наземь как подкошенный* (Д.К., с. 390); *Потом князцы и лучшие улусные люди присягали на верность государю* (О.З., с. 245); *Киргизских князцов в монгольском лагере встретили как нищих презренных кыштымов* (Д.К., с. 136) — **31 употребление**. «Во главе киргизов находился старший князец, именуемый в русских документах «начальным», которому в известной мере подчинялись остальные» [История Сибири, т. 2, с. 107].

Ср.: у Н. Г. Доможакова: *Слышали... Аалсовет кнези аала Собат?* (с. 152); «*Я... Мин аалсовет кнези*», — *поколотил себя по груди Пичон* (с. 152).

Р-ХС: **княгиня** — ‘княгиня, князь-тың ипчизи’; **княжить** — *уст.* ‘князь поларга’; **князь** — ‘князь, кнес’. ХРС: **кнес** — *уст.* ‘князь, княжеский’; **орыс кнес** — ‘русский князь’; **княгиня, княжество, княжна** — *уст.* Согласно М. Фасмеру слово имеет общеславянские корни, возможно — родственно немецкому. А. Е. Аникин представляет широкое использование слова народами Сибири. Очевидно, оно заимствовано из русского. В. И. Даль отмечает: **князёк, князец** — ‘начальник инородцев сибирских, кавказских’.

Интересно, что в романе Ж. Трошева **князьями** называются главы родов эвенков, в романе Б. Акунина о Японии также для титулования высшей японской знати используется слово **князь** и т. д.

Для именованья восточной знати и военачальников (что часто трудно разделить) употребляется ряд экзотизмов: **хан** (*ханский, ханство*), **нойон, зайсан, контайша, тайша, калга** и слово **орда**. В литературном языке известны: **хан, орда**.

Хан — ‘титул феодального правителя у тюркских и монгольских народов, а также лицо, носящее этот титул’ (МАС): «*Но великий хан не воюет с Красным*

Яром», — растерянно сказал посол (Д.К., с. 253); Глава государства Алтын-ханов Гомбо Эрдени запугивал киргизов опустошительными набегами, вынуждая их постоянно платить дань — албан (Д.К., с. 36); По ту сторону Саянского камня его караулят халкассские и джунгарские ханы, они уже побили его и ещё по-бьют, если он вдруг попытается вернуться на свои кочевья (Д.К., с. 268) и т. д. — 12 употреблений.

Ханский — ‘принадлежащий хану’ (есть в МАС): Когда Иренек вошёл в ханский шатёр, он с большим трудом узнал Лопсана (Д.К., с. 383); ханство — ‘область, государство, управляемые ханом’ (МАС): «Так рушатся ханства», — с сожалением подумал Иренек, глядя на истекающие дымом головы (Д.К., с. 397); Хан не ездил на охоту, не пировал — он беспрерывно советовался с придворными, советовался даже по самым незначительным делам войска и всего ханства (Д.К., с. 382) — 6 употреблений.

В соответствии с ханством употребительно слова *орда* — ‘название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху Средневековья, а также ставка местопребывания их правителей’ (МАС): *Одни алтысары, самые северные из племенных и родовых групп киргизской орды, ещё не подвергались разграблению (Д.К., с. 257); Ижсней, самый старейший из лучших князцов, созвал совет всей орды (Д.К., с. 257); Ничего веселого для красноярцев Трифон из орды не привёз (Д.К., с. 268 или с. 252, редкий случай повтора фразы в тексте) и т. д. — 11 употреблений.*

Р-ХС: *орда* — *ист.* ‘орда’; ХРС: *орда* — ‘1. Логово, место сосредоточения кого-л., чего-л. 2. *Ист.* Ставка хана, дворец’.

Нойон — ‘монгольский феодал’ (слово внелитературное): *Родственники убитого попросили помощи у Гушету-хана и Саин-нойона, владетел ей крупных монгольских держав, и те одновременно выступили против Лопсана и в коротком сражении разбили его (Д.К., с. 241); А может, нойон хочет внести выкуп за белоголовых парнишек? (О.З., с. 226); Илке-нойон молчал (О.З., с. 228) — 8 употреблений.*

Зайсан — ‘родовой наследный старейшина у монголов’ (слово внелитера-

турное): У Итполы зорок глаз, он сразу же безошибочно угадал, зачем явился к нему нарядный, как петух, джунгарский **зайсан** (О.З., с. 304); Не прошло и месяца после возвращения Якова, как на Красный Яр прискакал маленький жилистый и свирепый с виду **зайсан** (Д.К., с. 254); «Бери ты сию грамоту, — сказал Герасим **зайсану**. — Да катись-ко к себе. И скажи всем, что надобно жить мирно, пусть хан не балует в чужой степи» (Д.К., с. 254) — **10 употреблений**.

Контайша — ‘главный правитель джунгар’ (слово внелитературное): Но за последние годы русские укрепились на Енисее, а помогавший Ишею в борьбе с ними **контайша** Богатур, верховный правитель Джунгарии, что кочевал в Великой монгольской степи за Саянами, заметно ослаб (Д.К., с. 36); Единственно, кто мог сейчас защитить киргизов, это дядя Атаяха, джунгарский **контайша** Богатур, но он был далеко за Саянами и ничего ещё не ведал о разорительном набеге Алтын-хана (Д.К., с. 137); **тайша** — ‘военачальник и правитель у монгол и джунгар’ (слово внелитературное): Вернувшись к себе в шатёр, он уже не застал Байту-зайсана, посланца могущественного Сенги-**тайши** (Д.К., с. 309); Правда, уход Лопсана-**тайши** из Киргизской степи совпал по времени со смертью Алтын-хана Гомбо Эрдени в его ставке у хребта Танну-Ола (Д.К., с. 256); Данжин-**тайша** снова согласно опустил глаза (О.З., с. 239) и т. д. — **18 употреблений**. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: А тем князцам велели спослать воинских людей на Красный Яр киргизские **тайши**... (сноска: ‘глава племени у народов Сибири’) (с. 35).

«Иногда киргизы были одновременно данниками Алтын-ханов и джунгарских тайшей» [История Сибири, 1968, т. 2, с. 106]. Разнообразие именованных «инородческой» знати в романе соответствует действительности. Так, о бурятах в «Истории Сибири» написано: «Бурятская родоплеменная знать делилась на роды, во главе которых стояла родоплеменная знать (нойоны). У восточных бурят <...> существовала разветвлённая система титулов и званий («тайши», «зайсаны», «шуленги», «даруги», «засулы» и др.) [История Сибири, 1968, т. 2, с. 105]. Таким образом, А. И. Чмыхало использует не всю отмеченную в исторической литературе лексику этого плана.

Обозначение монгольской и джунгарской знати в текстах осуществляется и через русскую лексику, что возможно, так как придворные русские круги не показаны в диалогии — *повелитель* (МАС: ‘властелин, владыка’), *царедворец* (МАС: ‘вельможа при царском дворе’), *придворный* (МАС: ‘лицо, служащее при дворе’), *свита* (МАС: ‘группа людей, сопровождающая важную, высокопоставленную особу’), *знатный*, *знатность* (МАС: ‘принадлежащий к знати’ и ‘принадлежность к знати, родовитость’): *Зайсаны в растерянности пожимали плечами и разводили руками, с такими новостями не очень торопясь к своему грозному повелителю* (Д.К., с. 323); *Тогда царедворцы начинали гадать, что же натолкнуло его на неожиданный поступок, а гадать-то было нечего — Бомохту-хан просто не мог оставлять сопредельные страны без постоянного присмотра* (О.З., с. 296); *А первый зайсан ханства Дага-батор был хитрым восточным царедворцем* (Д.К., с. 344); *Главное достоинство придворных в том и состоит, чтобы угадывать и предупреждать все желания повелителя...* (Д.К., с. 323); *А следом за ним со скромной свитой из уцелевших в бою воинов прискакал Иренек* (Д.К., с. 383); *Когда до Иренека со свитой осталось не более версты, Галай, опираясь на посох, сошёл с кургана* (О.З., с. 264); *Лишь самых близких, самых знатных людей иногда пускали в роскошный шатёр к хану* (Д.К., с. 320); *Нет, он не выделялся знатностью рода, хотя его дед Кашка был одним из самых почитаемых в степи киргизов, таким же, как дед Итпалы и Иренека — Номча* (О.З., с. 120). Таким образом, и здесь используются историзмы в функции экзотизмов.

Такая же конкретизация значения характерна и для слова *сказитель* — ‘создатель и певец фольклора коренных народов Сибири’ (МАС: ‘создатель, а также рассказчик, певец былин, сказок и других произведений устного народного творчества’): *По велению сказителя сажали на белого верблюда и увозили на один из степных курганов* (Д.К., с. 321); *Не переставали петь сладкоголосые сказители по эту и по ту сторону Саян* (О.З., с. 120) и т. д. — **20 употреблений.**

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *У-у! Совсем Аязим-арыг! Аязим-арыг — это старуха из древнего сказания, которое однажды услышал Кнай от бродячего хайджи* (с. 126); *Наши хайджи говорят сказки на память. От деда*

к внуку, от отца к сыну сказки переходят (с. 165); *Алыпы! Все мы с вами потомки великого Хайза-пига, о котором под говор струй чатханов не устают петь наши седовласые аксакалы — хайджи* (с. 102). В МАС: *хайджа* — ‘мусульманин, совершивший религиозное паломничество в Мекку [*тур. hasi из араб.*]’ (с. 590, т. IV).

Р-ХС: *сказитель* — ‘хайчы, нымахчи’; *хайджи* — обл. (народный певец хакасов) ‘хайчы’.

Всего в подгруппе использовано 20 слов в 146 употреблениях.

1.7. Используется автором и группа слов, регламентирующих взаимоотношения русских и нерусских: **немирный, склоняться к миру, неизменно, шерть, прямить, Белый царь**. Всего 6 единиц.

Итак, идут военные действия. Для воюющих «инородцев» используется слово *немирный* — ‘не состоящий в мирных договорных отношениях с Россией’ (вспомните Казбича из «Героя нашего времени», который был «немирной»: *Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомого Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб немирной* [Лермонтов, 1958, с. 16]). «Современник Лермонтова Г. Н. Филипсон говорит, что мирные, «как известно, были хуже немирных» (Русский архив, 1864, т. 1, с. 375). Молодой Лев Толстой, приехав на Линию лет через пятнадцать, застал там «мирные, но ещё беспокойные аулы» («Казачьи», гл. IV) [Мануйлов, 1966, с. 94]. В МАС такого слова нет. В текстах А. И. Чмыхало: *В горьких думах и тянулись Феклушины дни, а ещё в ожидании Куземки из немирной Киргизской земли, куда он не на пир попал — на смертную брань* (Д.К., с. 353); *Воевода сказал, что сделали это немирные инородцы, тайно пришедшие в ту ночь из тайги, и отправил царю грамотку, в ней же просил прислать побольше пороха и пицалей и добрых казаков, потому как не удержаться на Красном Яру малыми силами* (Д.К., с. 225); *И ещё потому, что, как решил Ивашко, чем больше огненного боя будет у немирных киргизов, тем больше прольется неповинной крови* (Д.К., с. 215) и т. д. — **7 употреблений**.

Примыкает к этому понятию и сочетание *склоняться к миру* — ‘соглашаться, быть расположенным’ (в МАС другое значение): *И как бы прочитав Иренковы*

мысли, хан невнятно проговорил: «Сенге *склоняется к миру*» (Д.К., с. 384). К этой группе примыкает наречие *неизменно* в своём, очевидно, первоначальном значении — ‘без измены, верно’: *Угощаясь, князец пылко обещал Скрябину жить под государевой рукой мирно и неизменно, ежегодно присылать воеводе в почёт мягкую рухлядь* (Д.К., с. 235). Слова *шерть*, *прямить* в тексте из разных речевых пластов: одно стилизует речь инонациональной среды, другое — русскую по отношению к автохтонам. *Шерть* — ‘клятва на верность’ (слово внелитературное): *Ишей давал клятвы на верность — шерть всем своим соседям и тут же легко нарушал их* (Д.К., с. 36); *Отец сорок раз прав, изменяя шерть* (Д.К., с. 37) и т. д. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: *И ещё сказывают, и в том шерть* (сноска: ‘присяга у народов Сибири’) *дают, что-де не хотели Татуш с Абытаем на нас ходить...* (с. 35); *Шерть* *давайте на верность нашему государю...* (с. 37); *Прямить* — ‘быть верным русскому царю, не изменять’: *Вертай-ко назад, твою маму! Государю не прямите — водите не по тем логам!* (Д.К., с. 348); «*Ты хочешь, чтобы я не прямил Белому царю?*» — *вскочил Ивашко* (Д.К., с. 175) и т. д. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: *И прямить во всём должен ты приказчику, с кем на сбор ясачный пойдёшь...* (с. 47).

Особое положение занимает именование русского царя «в языке автохтонов». Его употребляют и казаки при общении с аборигенами (элемент языка пиджин?). Это калька (см. в разделе «Ономастикон»): *Я служу Белому царю, и степь, где гуляют наши кони и овцы, нам не тесна* (Д.К., с. 82); *Когда Ивашко стремился в Сибирь, ему казалось, что нет ничего проще, как склонить затевающих смуты инородцев на сторону Белого царя, уже объединившего с Москвой многие народы* (Д.К., с. 373); *Ты умный человек, Шанда, скажи, зачем вы не прямил Белому царю, зачем отходите от него?* (Д.К., с. 249) и т. д. **Всего 21 употребление.** Наиболее частотное слово *шерть* (11 употреблений).

Всего в подгруппе 6 единиц в 28 употреблениях.

1.8. Большое значение в инородческом войске (как и у казаков) в то время имели кони. Для обозначения восточных пород используются слова **аргамак** и

бухарец, плётка называется через экзотизм — **хамча**, а также есть слова **джут** и **джюсан**. Всего 5 слов.

Аргамак — ‘старинное название восточных породистых верховых лошадей’ (МАС): *Усатый дородный Лопсан на рыжем с подвязанным хвостом аргамак проскакал во главе шумливого отряда ханской охраны, возвращающегося с охоты* (Д.К., с. 140); *Каждый вечер Итпола на закате приходил к Многогрешному, приносил подарки, но тот ничего не брал: ни аргамака, ни бухарскую саблю, ни сорок соболей* (О.З., с. 345); *Перед строем вдруг оказался плечистый киргиз в богатом панцире и боевом шлеме, под ним был гнедой с белой звездой во лбу аргамак, который, беспокойно перебирая ногами, просил повод* (Д.К., с. 402) и т. д. — **15 употреблений**; *бухарец* — ‘лошадь восточной породы, букв.: из Бухары’ (слово внелитературное): *И нужно брать не поджарого бухарца, бухарские кони тонконоги и слабосильны, казаки зарятся больше на русскую породу: она хоть и не так вышла статью — брюхо у неё отвислое, а супротив бухарской дюжее будет и много дешевле* (Д.К., с. 70) — **5 употреблений**; *хамча* — ‘сыромятная плётка, с тремя концами’ (слово внелитературное): *А руки беспрестанно крутили обитый кожей черенок хамчи* (О.З., с. 227); *Обозлившийся Таганай метался по юрте, нахлёстывая хамчей по кожаному голенищу сапога: «Гора коня измучает, дурной нрав человека изведёт!»* (О.З., с. 226) — **4 употребления**.

Степняки были скотоводами. Это почти не обозначено в тексте, но есть одно слово, трудно переводимое на русский язык (внелитературное), — *джут* — ‘массовая гибель скота на зимних пастбищах из-за бескормицы во время или после стихийных бедствий’: *А Шанда выплатил калым в том году, когда в степь пришёл джут* (Д.К., с. 249) — **3 употребления**. Есть, очевидно, параллельное русским название трав — *джюсан* — ‘степная трава’: *Вот и сейчас каланча проворно снял с двуколки белую кошму. Кошму расстелили на земле среди пахучего, жесткого джюсана* (Д.К., с. 272) — **1 употребление**.

Х-РС: *джут* — ‘джут’ (öзім).

Всего в подгруппе 5 слов в 28 употреблениях.

Ср.: у Н. Г. Доможакова: *Конь под ним уже втянулся в бег, можно приба-*

вить ходу. Сагдай взмахнул **камчой** (с. 9); Вверху гора голая, а понизу, почти до половины, заросла **караганой** (с. 109); Он видел перед собой весеннюю тайгу, пихты, выметнувшие на кончиках тёмных лап молодые светло-зелёные побеги; видел поляну, розоватую от цветущего **кандыка**, и толпу на ней (с. 50).

ХРС: *хамчы* — ‘плеть, нагайка; кнут, бич’; *хараҒан* — бот. ‘кизилник (кустарник)’. Бутанаев, 1999: *хамчы* — ‘камча, бич, плеть, кнут’ (с. 177).

9. Есть и другие экзотизмы, не связанные напрямую с военной организацией автохтонов, а передающие другие социальные отношения: **апсах, бачка, ясырь (ясырка), юрукта, ертаул (ертаульный)** — 7 слов, все заимствования — экзотизмы.

Апсах — ‘уважительное обращение к старшему’ (слово внелитературное): *Если ты тот, за кого себя выдаёшь, то я приехал к тебе. Принимай гостей, дорогой апсах!* (О.З., с. 179); *бачка* — ‘уважительное обращение к старшему по возрасту, букв.: отец’ (слово внелитературное): «Так, так, **бачка!**» — откуда-то из-под крыльца крикнул Бабук (Д.К., с. 372); «Ой, **бачка!**» — опознал грабителя Церен-батор (О.З., с. 156); *Соболей я вёз, бачка. Много соболей... У тебя таких нет* (О.З., с. 153) и т. д. — **9 употреблений**. *Ясырь* — ‘невольник, раб; пленник’ (слово внелитературное): *Жалея про себя несчастного ясыря, Куземко прошагал безлюдной унавоженной улочкой и вышел за последние избы посада...* (Д.К., с. 16); **Ясырь**, как на Востоке называли пленников, смотрел на них снизу вверх неотрывно и, мелко подрагивая кадычком, глотал слюну (Д.К., с. 15); ... то и дело показывая пальцем на **ясыря** (Д.К., с. 28); Немочен и шелудив **ясырь** (Д.К., с. 28) и т. д.; *ясырка* — ‘женск. к ясырь’ (слово внелитературное): *Да и как ей было не лютовать: работник променял её, ладную да пригожую, на поганую жёнку-ясырку* (Д.К., с. 233) — **20 употреблений**. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966] слово *ясырь* несклоняемое: *Забрали много рухляди у татар, и баб их, и ребятишек многих в ясырь забрали* (с. 65); *Разместив в кругу ясырь и раненых, казаки, поукрывавшись за нартами и лыжами, стали ждать* (с. 67); *А когда улусные Сотовы и Кояновы люди приступали к кошу, то ясырь крик поднимали...* (с. 68). *Ертаул* — ‘1. Ханский сыщик, шпион. 2. Разведчик казаков’

(слово внелитературное): *Выбрался казак из немислимой толчины кабацкой — и к городничему: ишеев **ертаул** в винах признался* (Д.К., с. 84); *Тубинцы спрячут надёжно, никакие ханские **ертаулы** не отыщут князцов* (Д.К., с. 147); *Надеются, что Ивашко не станет больше прямить государю, а будет киргизским **ертаулом** — соглядатаем на Красном Яру* (Д.К., с. 85) и т. д. — **10 употреблений**. *Ертаульный* — ‘принадлежащий ертаулам’: *А тут и самому воеводе видно: из-за Посадного острова **ертаульный** плот показался* (Д.К., с. 370) и т. д. — **3 употребления**. *Юрукта* — ‘сборщик дани при начальном князе’ (слово внелитературное): *Аркан по-прежнему будет в степи **юруктой** — сборщиком дани при начальном князе* (Д.К., с. 214); *Но почему вы зовёте отца Юруктой? — А он и есть юрукта — сборщик ясака* (Д.К., с. 273) — **8 употреблений**.

Ср.: у Н. Г. Доможакова: *Ой, **ансах!** Ты же замёрз. Раздевайся. Садись к столу. Вот чай горячий* (с. 158).

ХРС: *ансах* — ‘старик’. Бутанаев, 1999: *ансах* — ‘старик’ (с. 24).

ХРС: *ада* — ‘отец (преимущественно в поэт. и фолькл.)’ (с. 378). Р-ХС: *отец* — ‘паба, аба (*саг*)’; *разведать расположение врага* — ‘бырч иниц хайда турчатханын піліп аларға’; *раб* — ‘хул’; *сборщик* — ‘чыыпчатхан кізі’. Бутанаев, 1999: *ада* — ‘отец’ (с. 17), *аба (саг.)* — ‘отец’ (с. 16).

Всего в подгруппе 7 слов и 48 употреблений.

10. Романы писателя повествуют не только о военных конфликтах между племенами и народами, но и о столкновении разных культур. Из пищи автохтонов внимание уделяется напиткам: **айран, арака (арачка), кумыс**. Одно слово называет ёмкость для напитков — **бурдюк**. Кушанья представлены очень ограниченно — 2 слова: **сарана, канн**. Сумка для перевозки клади на лошадях называется в тексте **торсук**. К бытовой лексике относятся также слова: **кошма, чапан, хадак, малахай, калым**. Всего 13 слов. Вообще, т. н. туристические экзотизмы представлены скупо.

Айран — ‘кислое молоко особой закваски (распространено в Сибири, Средней Азии, Крыму, на Северном Кавказе)’ (МАС): *Дага-батор сделал крупный глоток пенного **айрана** из предложенной ему большой серебряной чаши* (Д.К., с.

165); *Мукуш тут же кинулся в ржавые кусты смородины, откуда-то принёс сараны в туесе, кожаный мешок с айраном* (Д.К., с. 334); *Ивашко даёт Федорке строгий наказ, чтоб малыши далеко не расползались по степи — их может обидеть бодливый бык или баран — а сам сидит с Ойлой в убранной коврами юрте и медленными глотками пьёт холодный айран, и ему приятно, что жизнь так хороша, так весела и безоблачна* (Д.К., с. 235) и т. д. — **6 употреблений**. *Арака* — ‘алкогольный напиток, приготовляемый из риса’ (в МАС *арак* — ‘крепкий спиртной напиток, приготовляемый из сока кокосовой или финиковой пальмы или риса’): *Они просили гору дать им большое прибавление в скоте и щедро угощали аракой* (Д.К., с. 133); «*Мы круглый год ясак собираем, а что на Красном Яру творится — откуда нам знать?»* — сказал Якунко, оставляя чашку с *араккой* (Д.К., с. 292); *Наливая в берестяные чарки тёплую, мутную араку, хозяин говорил...* (Д.К., с. 265) и т. д. — **18 употреблений**. *Арачка* — то же, что *арака* (ласк.): *Арачки попьём* (О.З., с. 280). Слово внелитературное.

1 употребление. *Кумыс* — ‘питательный напиток из перебродившего кобыльего (реже верблюжьего) молока’ (МАС): *Он выпил кумыса* (Д.К., с. 313); *Когда Ойла приехала в следующий раз, в улусе опять было богатое угощение, пили жгучий кумыс, ели кровяную колбасу — кан* (Д.К., с. 315); *Иренек поспешил к слепому, с подобающей почтительностью провёл его в глубину юрты, крикнул, чтобы им поскорее подали кумыс* (Д.К., с. 378) и т. д. — **9 употреблений**. *Бурдюк* — ‘мешок из шкуры животного для хранения и перевозки вина и других жидкостей у нерусских народов (преимущественно на Востоке)’ (МАС): *Вместе со скрученным ранее Тимошкой, не церемонясь, его выбросили из юрты, как дырявый бурдюк, и приставили к ним двух караульщиков* (Д.К., с. 47); *Улусные люди ещё принесли берестяные туеса и бурдюки с вином, угощали, садились у двери, поджав ноги, и тоже ели и пили* (Д.К., с. 47) — **5 употреблений**. *Торсук* — ‘дорожная сумка, перекидываемая через плечо или седло лошади, перемётная сума’ (слово внелитературное, ср. с *турсук* у М. Ошарова): *Они привезли в ковровых торсуках соболей с Табунова улуса и богатые подарки воеводе* (Д.К., с. 234); *Маганах устало сбросил с плеч торсуки, присел на завалинку и, не ожидая расспросов, стал го-*

ворить о том, что произошло с ним в пути (Д.К., с. 237); К сёдлам были приторочены **торсуки** с порохом, свинцом, ядрами, панцирями, захваченными в Удинске (Д.К., с. 376) — **7 употреблений**. Сарана — ‘луковицы дикого растения, используемого в пищу’ (слово внелитературное): Мукуш тут же кинулся в ржавые кусты смородины, откуда-то принёс **сараны** в туесе, кожаный мешок с айраном (Д.К., с. 334); Всё забрал тогда монгольский владыко у алтысаров и езерцев, даже последние скудные запасы **сараны** (Д.К., с. 354); Выходил к людям в улусы или зимовья, а то убивал зверя или находил съедобные корни **сараны** или кандыка (Д.К., с. 133) и т. д. — **13 употреблений**. В «Словаре фитонимов Среднего Приобья» В. Г. Арьяновой этого слова нет [Арьянова, 2006–2008]. Сарана — ‘полевая лилия, луковицу которой употребляют в пищу’ [СРГЮРКК]; саранка — ‘таёжное растение с красными цветами и съедобным корнем-луковицей’ [СРГСРКК]; саранка — ‘луковичное растение, лилия *Lilium martagon*’ [СРГЦРКК]. Кан — ‘кровяная колбаса’ (слово внелитературное): Отдельно, в большой тарели, принесла **кан** — кровяную колбасу (Д.К., с. 265); Когда Ойла приехала в следующий раз, в улусе опять было богатое угощение, пили жгучий кумыс, ели кровяную колбасу **кан** (Д.К., с. 315) — **4 употребления**.

Р-ХС: айран — ‘айран’; водка — ‘хабах’. ХРС: айран — ‘айран (кислый молочный напиток особой закваски)’. Бутанаев, 1999: айран — ‘напиток из перебродившего коровьего молока’ (с. 21), арака — ‘молочная водка’ (с. 24).

Быт автохтонов, как и питание, только намечен, на нём не сосредоточено внимание. Используется всего несколько заимствованных слов: *кошма*, *чапан*, *хадак*, *малахай* (4). **11 раз** употребляется слово *кошма*, *хадак* используется **3 раза**, *чапан* имеет **8 употреблений**, *малахай* — **8**.

В литературном языке известны слова *кошма* и *малахай*. Слово *кошма* фиксировано в МАС с тремя значениями: ‘1. Войлочный ковёр, изготовленный из овечьей или верблюжьей шерсти. 2. Подстилка из овечьего или верблюжьего войлока. 3. Покрытие юрты’. В анализируемых текстах они все представлены: Тогда он неловко встал с **кошмы** и пошатнулся — голова его вдруг странно и приятно закружилась... (Д.К., с. 317); «У нас есть начальный князь, это мудрый Иже-

ней», — глухо бросил кто-то из сидевших на **кошмах** князцов (Д.К., с. 258) и т. д.; Она ещё плотней придвинулась к нему, стремясь как бы войти в него, и он сразу ощутил её гибкое тело и, подняв Ойлу сильными руками, бережно опустил её на **кошму**, из медвежьей берлоги потянул жёлтый дым, смешанный с паром (Д.К., с. 289); Заметив, что гость засыпает, старик показал на покрытую рваной **кошмой** травяную постель по другую сторону очага (Д.К., с. 145) и т. д. Хадак имеет значение ‘платок’ (слово внелитературное): Тогда Санкай мигом выхватила из-за обшлага своего халата зелёный платок из тонкого шёлка, одним взмахом развернула его, приблизила к Куземкиным голубым глазам, будто невидаль какую: «Хадак». И прежде чем он успел рассмотреть дивный платок или сообразить что-нибудь, Санкай рывком накинула **хадак** ему на глаза (Д.К., с. 35). чапан — ‘верхняя мужская одежда в виде халата инородцев Сибири’ (слово внелитературное): Старую беззубую и морщинистую татарку вели под руки её родичи — мужики в синих и бордовых длинных **чапанах**, какие носили братские люди, в нарядных высоких шапках с кисточками (Д.К., с. 34); Шуткою сбили под ноги волчий малахай, ухватили ертаула за ворот **чапана**, мокрою от пота (Д.К., с. 84); Всадник был в богатом киргизском **чапане**, в волчьем, крытом бархатом малахае (Д.К., с. 247). Малахай в МАС имеет два значения, то есть может относиться и к обозначению головного убора русских, и головного убора автохтонов: ‘1. Шапка на меху с широкими наушниками и плотно прилегающей задней частью. 2. Головной убор инородцев в Сибири’. В текстах это слово последовательно обозначает головной убор инородцев: Шанда поглубже надвинул лисий **малахай** с зелёным бархатным верхом и припал щекой к заиндевелой конской шее (О.З., с. 120); Это были киргизы — осаждённые узнали их по белым войлочным **малахаям** (Д.К., с. 402); «Да будет так», — согласился начальный князь, сдвигая **малахай** на глаза, ослепленные солнцем (О.З., с. 266) и т. д. — 7 употреблений.

В восприятии качинца Маганаха в малахаи одета зимняя степь: Степь, неведомо от кого, там и сям караулили угрюмые могильные камни, прикрытые пушистыми снежными **малахаями** (Д.К., с. 133). Слово малахай известно в современных местных русских говорах: — ‘1. Пренебр. Широкая, бесформенная одеж-

да. 2. *Неодобр.* Болтливый человек' (СРГЦРКК, т. 2).

Ср.: у Н. Г. Доможакова [Доможаков, 1987]: *Пригрело Сагдая солнце — уснул на пропахшей острым конским потом кошме, положив голову на седельную подушечку* (с. 8). В МАС *кошма* — 'войлочный ковёр из овечьей и верблюжьей шерсти' (с. 118, т. II).

Р-ХС: *кошма* — 'киис'; *платок* — 'плат'; ХРС: *чапанчы* — 'накидка (одежда)'. Говорится в романах и о *калыме*: 'обычай у некоторых народов Востока платить выкуп за невесту её родителям, а также сам выкуп' (МАС): *Ойла стоит сотню скакунов, и у тебя не хватит скота уплатить калым, — вызываясь рассмеялся Шанда* (Д.К., с. 17); *Иренек обещал за Табуна столько же, сколько в улусах дают калыма за статную, красивую девушку, а то и много больше* (Д.К., с. 222); *Он разбогател с калыма, уплаченного мной за Ойлу* (Д.К., с. 264) и т. д. — **9 употреблений**. Ср.: *тори* у М. Ошарова.

Р-ХС: *калым* — 'халың, халығ'.

Нет бытовой лексики, связанной с женским существованием (за исключением слова *ходак*), представленная рассчитана на изображение мужчин преимущественно в походной жизни. **Всего в подгруппе 13 слов и 102 употребления.**

И специфика речи русских, и «инородческий» языковой колорит определённым образом создают фон эпохи. Подавляющее число заимствованных экзотизмов произведений — это устаревшая лексика. Таким образом, выдерживается основная стилистическая тональность диалогии — создание исторического колорита.

2. Варваризм встретился в тексте один: *Она коротко взглянула на него колючими подслеповатыми глазами и ответила по-монгольски: «Менду. Здравствуй»* (сказала она, естественно, только одно слово. — Л.С.) (Д.К., с. 38).

§ 2. **Нациолектизмы в романах А. И. Чмыхало**

Русская речь нерусских (нациолект) обозначается в тексте скупой. Писатель отвлекается от проблемы двуязычия. В романе нигде не говорится, кто из «инородцев» говорил по-русски, кто нет и кто из русских говорил по-киргизски. Мы можем только догадываться, что Маганах понимал русскую речь: так, попав в

красноярский трактир, он знает, что казаки говорят о киргизских разведчиках (Д.К., с. 82–83), сборщики ясака Якунко и Тимошко, вероятно, говорили по-киргизски. Новый красноярский воевода не мог читать по-монгольски: *Посол привез грамоту с большой красной печатью. Воевода крикнул толмача...* (Д.К., с. 254).

Особенности русской речи нерусских видны только, пожалуй, в синтаксическом строе, в употреблении слова *однако*, *мал-мало* и *аха* (этностереотипы русской речи инородцев Сибири), сюда же можно отнести и *спаси Бог*; «ошибки» (элементы интерференции) в их речи встречаются редко, это использование инфинитива вместо склоняемых форм глагола, именительного падежа вместо падежных форм существительных: *Аха, Харька, однако. Соболя просил, казаков кричал* (Д.К., с. 282);

«Спаси Бог, плохой, однако», — в узких, красных от бессонницы глазах билась затаённая давняя обида (Д.К., с. 221); *Не узнаешь, однако?* (Д.К., с. 247); *Завтра будем соседями, однако* (Д.К., с. 250); *Мал-мало повеселились, так будем пить араку* (Д.К., с. 350); *А я тебя мал-мало знаю* (Д.К., с. 247); *Пусть спит, и я посплю мал-мало* (Д.К., с. 231); *«Креститься вам теперича, — говорил князю воевода, — и государь не обойдет вас своей службой, денежным, хлебным и соляным жалованием. Беречь будет, что детей своих благочестивых». «Аха, — соглашается сразу захмелевший Шанда, — нада деньга, нада деньга»* (Д.К., с. 260); *«Зверь он у тебя дикий (конь)», — заметил Харя, выходя на крайнюю к Каче улицу. «Спаси Бог», — ответил Маганах слышанным от казаков и полюбившимся ему словом* (Д.К., с. 221); *Спаси Бог, плохой, однако* (об Иренеке Маганах) (Д.К., с. 221). Но чаще их речь полностью переводится: *Зачем идти, однако? Алтын-хан напрочь истребит наши малые роды* (Итпола) (Д.К., с. 260). Последнее предложение на русском вряд ли принадлежит «инородцу».

Речь нерусских в произведении ярко окрашена за счёт **обращений-перифраз, развёрнутых метафорических присловий**. Притчевый характер этой речи в целом делает её очень выразительной: *Орёл должен знать о намерениях змеи, подбирающейся к его гнезду* (Тоганай) (Д.К., с. 139); *Блоху в партах ловим, бачка, и*

*Табуна поймаем (Бабук) (Д.К., с. 194); Доброму коню найдётся много хозяев; если киргизы захотят, их примет к себе и Алтын-хан, и джунгары (Юрукта) (Д.К., с. 270); Выпущенная стрела не возвращается. Не делайте того, о чём придётся жалеть (Торгай) (Д.К., с. 48); Сытый кобель лает на хозяина (о Торгае Иренек) (Д.К., с. 49); Гнилой верёвкой лошадь не лови — со скрытой угрозой проговорил Итпола (Д.К., с. 47); Сколько б дождь не лил, он кончается, какими бы дорогами ни были гости — они уезжают (Д.К., с. 46); Дырявая кошма дождь пропускает, от слабого не жди защиты (Табун) (Д.К., с. 41); Рысь пестра сверху, человек лукав изнутри (Маганах) (Д.К., с. 236); Верблюд тальник объедает — коза удивляется, коза на скалу лезет — верблюд диву даётся (Ишей) (Д.К., с. 41); Наделённый светлым умом знает, откуда берутся реки... (Табун к Ишею) (Д.К., с. 39); Но прежде грамоты он прислал ловкого умом посла (Д.К., с. 253); Правящий всем народом, узнал ли, зачем приехали гости? (Д.К., с. 40); Как сказал Алтын-хан, так в грамоте и должно быть, потому что справедливейший из ханов никогда не говорит неправды (Д.К., с. 254) и т. д. Есть в тексте и специфическое бранное выражение *гнилая печень*: *Я вырву тебе язык, гнилая печень!* (Д.К., с. 49).*

Используются в русской речи автохтонов (или в авторской речи при описании жизни автохтонов) сложные существительные: *Иренеку уже тридцать с лишком, родился он, помнится, в год человека здесь же, на берегу золотоструйного Белого Июса* (Д.К., с. 37); *Далеко от города, на тихоплёсой сонной реке Бузиме, нашёл он Куртин улус из семи юрт* (Д.К., с. 227); *Дозорицики остановили его неподалеку от улуса Бугача, на чистоструйном притоке Качи, который тоже назывался по имени хозяина этих мест — Бугачом* (Д.К., с. 253); *Под Ойлу Наганах брал с собой Соловка. Ехать придётся по тому же чернолесью, где ездил пастух и прежде* (Д.К., с. 237). В этом выражается специфика восприятия мира, особое отношение к природе.

Ср.: хакасский диалект у А. И. Чмыхало в романе «Ночь без сна» [Чмыхало, 2003]: *Впрочем, за юртой, что соседствует с избушкой, в тенёчке сосал трубку заспанный, с большого похмелья хакас...: «Каво ната? Нету его. Пьёт хде-та... Плахой он притситель»* (с. 198); *Обычное занятие: кормил Хуртуяк*

нас сушёным сыром *хурут*, чтобы каменная баба не насылала злых духов на охотника *Айдол-миргена* (с. 199); У *Айдора* кровь идёт горлом — туберкулёз. Скоро помрёт, *однако* (с. 200); Хотел научиться играть на семиструнном *чатхане*, да какой я музыкант без руки (с. 201).

§ 3. Выводы

1. В романах А. И. Чмыхало большое внимание уделяется концептуальному образу инонациональной среды, что связано с темой и идеей произведений. Общее количество слов, рисующих этот образ, — 145 (кроме развёрнутых перифрастических обращений). Это составляет около 30% от всей маркированной лексики диалогии. Количество употреблений этих слов — 1 130, то есть в среднем 1 употребление на 2 страницы текста («Дикая кровь» — 352 с.; «Опальная земля», ч. 2, 3 — 247 с., всего 599 с.). Эта плотность выше, чем в переводной литературе, но ниже, чем при изображении жизни народов России. Таким образом, мы видим, что эта лексика не занимает центрального места в системе внелитературной лексики произведения. Однако степень её необычности привлекает внимание читателя и создаёт специфику языкового строя текста.

В данном случае мы используем термин *плотность*, потому что *частотность* обычно относится к отдельным словам, а не их семантическим объединениям.

2. Общие обозначения автохтонов края (16 слов, 337 употреблений) в текстах — только через слова, известные в русском языке, это не заимствованная лексика из языков местных народов, что, очевидно, должно соответствовать их языковому сознанию — они не осознают себя как этническое и территориальное единство. Но это характеризует особенность языкового сознания русских, их стремление к восприятию этих народов в целом, совокупно (что характерно в некотором роде и для сегодняшнего русского языкового сознания, см. статью «Лицо кавказской национальности, или Мир глазами русского» [Самотик, 2001]).

Относительное разнообразие в общем именовании нерусского населения (16 слов) не покрывает всего, что известно в русском языке. Есть ещё в литературе и народно-разговорном языке региона *минусинские татары*, *сибирские татары*, *енисейские киргизы* и др., что свидетельствует о факте отбора выразительных

средств текста. В этой группе слов большое значение придаётся религиозному аспекту, что, несомненно, отражает особенность языкового сознания человека того времени (*нехристь, басурманин, новокрещен, крещёный*).

3. В диалогии употреблено 34 устаревших слова-этнонима (обозначающих 15 народов). Это 24% от общего количества маркированной лексики, изображающей речевую среду автохтонов края, что создаёт впечатление множественности инонациональных народов Сибири того времени, сильного противостояния горстке русских казаков. Это обостряет конфликт. Однако по мере продвижения по тексту мы понимаем, что противостояние это многоплановое: русские — «иностранцы»; русские — подгородные «иностранцы» и буряты — братские; русские и киргизы; русские и джунгары. Внутреннее противостояние нерусского населения: кыштымы киргизов и киргизы. Это ослабляет силу, противостоящую русским. При этом большая часть из этнонимов (*этноним* — ‘название этнической группы, народа, нации или отдельных их представителей’ [ЭС–СЛТ Тихонова, 2008]) не связана с сюжетом: нет действующих лиц — представителей этих народов. Это делает особо напряжённым повествование (сколько их за кадром?). Все этнонимы являются подлинными и приводятся в исторической литературе как термины. Однако автор использовал право отбора, представлено далеко не всё из возможного.

Внутреннее противоположение нерусских героев произведения отражается и в противопоставлении некоторых слов других тематических групп: *цирик* — ‘воин-монгол’, *нукер* — ‘воин-киргиз’, *юрта* — ‘жилище киргизов, других народов Приенисейской Сибири’, *шатёр* — ‘место расположения джунгар’; *тайша*, *контайша* — ‘феодальный властитель киргизов’, *нойон* — ‘феодальный властитель монголов’, *начальный князь* — ‘феодальный властитель киргизов’ и т. д.

4. Основные этнонимы (‘названия народов’ — [Крысин, 1998]) имеют в тексте словообразовательное гнездо, обычно — существительные с модификационным словообразовательным значением женскости или невзрослости, транспозиционным словообразовательным значением (отглагольные существительные, адъективные существительные), прилагательные адъективного типа склонения, мотивированные существительными [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 265, 267,

281], что делает их положение в лексической системе произведений достаточно прочным.

5. На этнонимах показана попытка русских при именовании неизвестных ранее народов использовать уже имеющиеся в языке слова: *киргизы* (*киргисъ*, *киргиз* — известно с начала XVII века [СРЯ, XI–XVII вв.]), *калмыки* (*чёрные калмыки*). Писатель показывает языковое сознание русских, их способ освоения нового мира. С одной стороны, можно говорить об объективном свидетельстве русского языка, с другой — о художественном усилении тенденции языка того времени автором в диалогии.

6. Через этнонимы проявляется мастерство писателя и на уровне коннотации. Изображение инонациональной среды сопровождается положительным авторским отношением, что выражается в соответствующей эмоционально-экспрессивной окраске значения некоторых слов, как заимствованных экзотизмов, так и русских, употребляемых в функции экзотизмов, очевидно сохранивших свою изначальную коннотацию (*батор*, *воин*, *тайша*, *контайша*; *сказитель*, *княгиня*, *князь*, *начальный князь* и др.). В русской речи казаков некоторые слова, обозначающие «инородцев», также имеют или положительную (*братские*, *братские люди*), или отрицательную коннотацию (*киргизятин*). Одно обозначение монгольского воина сопровождается устойчивой отрицательной коннотацией: *цирик*. В произведении нет слов-дразнилок, грубых и бранных по отношению к автохтонам края, кроме слова *киргизятин*, относящегося к одному герою — Ивашке Айканову. Ср.: в рассказах К. В. Богдановича [Богданович, 1966]: «*Сыть волчья!* — дурным голосом крикнул он. — Побивать вас надобно — не в полон брать. Дружка мово Селиверстку с лука стрелили» (с. 34). Передано и существенное для того времени восприятие казаками автохтонов через свою религию, также коннотативно окрашенное (*нехристь*, *новокрещен* — *новокрещенка*, *крещёный* — *крещёная*), которые по тексту меняются по отношению к одним и тем же героям и соответственно меняют коннотацию с отрицательной на положительную.

Ответно нет и грубой лексики, называющей русских. Используется одно специфическое ругательство киргизов *гнилая печень*, но оно не закреплено за рус-

скими.

7. Специально обозначены даннические отношения (12 слов, 106 употреблений). Всё, что связано с данью, определяет экономическую сторону конфликта. При этом автор в словах противопоставляет дань русским (*ясак, ясачный*) и джунгарам (*албан, кыштым*).

8. Развёрнуто даётся лексика, связанная с войной: названия воинов, оружия и доспехов (18 слов, 95 употреблений); соотносятся с группой слов именования феодальной знати, так как разграничения военных и гражданских обязанностей очень расплывчаты (20 слов, 146 употреблений). Таким образом, лексика, представляющая именования, связанные с прямым противостоянием русским, составляет 26,5% от лексики раздела. Это обеспечивает такое качество текста, как напряжённость.

9. Степняки — конники, но экзотизмов, связанных с лошадьми, в тексте очень мало (4 слова, 28 употреблений). Также очень скупо представлена религия автохтонов, она только обозначена (всего 4 слова, 23 употребления), что противостоит тексту М. Ошарова.

10. Всего можно выделить 10 тематических групп экзотической лексики (выделяются они, естественно, условно, поэтому условно и число групп). Однако очевидно, что их по сравнению с представленными в устных формах языка (+/– 25–30) немного, но эта цифра соотносится с текстами М. Ошарова и Ж. Трошева. Автор пытается так же, как и в тех текстах, передать национальный взгляд на мир через историческую перспективу.

11. Близко к этнонимам стоят слова, обозначающие жилища и места проживания. Специфика этой лексики заключается в том, что поскольку она относится к кочевникам, слова одновременно обозначают и сообщества людей, и место (*улус, аймак*), по их типу именуются люди (*улусные люди, юртошный человек* и т. д.). Особой частотностью отличается слово *юрта* (42 употребления). Если сопоставить этот результат с использованием слова *чум* в тексте М. Ошарова (134 употребления), можно предположить, что именование вида национального жилища — ведущее средство создания инонациональной речевой среды при изображении на-

родов России.

12. Романы писателя повествуют не только о военных конфликтах между племенами и народами, но и о столкновении разных культур. На первый взгляд в тексте мало слов бытовой лексики (13 слов, 102 употребления, 9% от общего количества употреблений раздела). И хотя в целом эта группа по процентным показателям занимает четвёртое-пятое место в тексте, такое впечатление не обманчиво: мы очень широко обозначили тему — одежда и обувь, питание, посуда, ткани и т. д. Сопоставление материальной культуры народов не входит в задачи автора. Основной конфликт произведения — военный. Внимание читателя сосредоточивается на военной организации автохтонов, их вооружении. Бытовая лексика в основном отражает походную жизнь мужчин. Системная организация внелитературной лексики и слов пассивного словарного состава языка соответствует идее диалогии. Таким образом, модель инонациональной речевой среды в анализируемых текстах асимметрична, что делает её особо выразительной.

13. Тематическая группировка лексики и её употребительность отражены в таблице.

Таблица употребительности слов в тексте

Таблица 4

№ п/п	Семантическая группа	Кол-во слов и порядковый номер по	Кол-во употреб. и порядковый номер по	Употр. в среднем на слово и поряд-вый	Наиболее частотные слова и процент от употр. в группе
1	Общие назв. наро- дов	50 1-й	457 1-й	9 2-й	Иноходец Ба- сурманин Кир-
2	Жилое простран- ство	9 6-й	107 3-й	12 1-й	Юрта Улус
3	Данники	12 5-й	96 4-й	8 3-й	Аманат Ясак

4	Вера	4 10-й	23 10-й	6 7-й	Шаман
5	Вооружение, вои- ны	18 3-й	95 6-й	5 8-й	Воин
6	Феодальн. знать	20 2-й	146 2-й	7 5-й	Князец Хан
7	Взаимоотнош. с русскими	6 8-й	28 8-й	5 9-й	Шерть
8	Лошади	6 9-й	28 9-й	5 10-й	Аргамак
9.	Люди	7 7-й	48 7-й	7 6-й	Батор Ясырь

10	Бытовая лексика	13	102	8	Арака Сарана Кошма
----	-----------------	----	-----	---	-----------------------

Тематическая группировка слов определяется (и определяет) основными мотивами текста, она положена в основу настоящего исследования. «Имя» темы представляет микроконцепты текста. «Слово, отвечающее теме, и является в типичном случае «выражением автономной референции»: последнее мыслится как точка отсчёта, по отношению к которой устанавливаются референтные связи высказывания, но ведь и тема должна быть такой же точкой отсчёта, поскольку именно с неё «всё начинается»; прежде чем передавать некоторую информацию, необходимо сообщить, о чём эта информация» [Венцлов, Касевич, Ягунова, 2010, с. 368]. «Процесс речевосприятия не только завершается семантической стадией, но и начинается с таковой» [Венцов, Касевич, 2010, с. 384]. Дж. Николис формулирует это через теорию логического разбиения текста: «Естественно ожидать на и единичном интервале с простым унимодальным (например, логическим) отображением произвольное разбиение на подынтервалы, при этом каждый подынтервал соответствует какому-либо символу» [Николис, 1997, с. 88].

Как утверждают исследователи, «любой подсловарь дополнительно стратифицирован в силу разной частотности входящих в него слов. Частотность слова также принадлежит к его гиперпризнакам... Распределение слов по частотности будет зависеть от выбора подсловаря» [Венцов, Касевич, 2010, с. 380–381]. «Важным ключом для идентификации слова при его восприятии (изолированно или в тексте) выступает частотность данного слова. Но частотность слова как лексем — в известном смысле фикция. Реальной частотностью характеризуются именно отдельные словоформы слова» [Венцлов, Касевич, Ягунова, 2010, с. 386]. Мы не пользуемся широко известным термином лингвистической статистики — *частотность*, который подразумевает определение объёма выборки («Общая частота характеризует число употреблений на миллион слов корпуса, или *ipm*» [Ляшевская, Шаров, 2009, с. 6]), методики получения словника, основной лексической

единицы (словоформа, лексема, лемма) и т. д. [ЧСРЯ, 1977; dikt.rusland.ru\$ bokr согрога.ru]. Обычные количественные подсчёты также могут быть полезны при анализе текстов ограниченного объёма, какими являются тексты художественные. Всего слов 143, употреблений — 1 130.

Из 10 тематических групп раздела наиболее полно представлены общие именованья автохтонов и частные этнонимы. Однако по среднему количеству употреблений на слово в тексте эта группа стоит на втором месте. В первую пятёрку по всем трём показателям (количеству слов, общему количеству употреблений и среднему количеству употреблений на слово) относятся 1, 3, 6 и 10-я группы: названия народов, данников, феодальной знати и бытовых предметов. Почему так произошло? Тема — «это предмет познания. Тема произведения неразрывно связана с его идеей... Это прежде всего постановка проблемы, «задачи», а не просто событие, которое является только предметом изображения, сюжетом» [Елисе-ев, 2002, с. 248]. Эти лексические единицы непосредственно представляют тему диалогии. Две тематические группы «Жилое пространство» и «Вооружение, войны» занимают неопределённое место в системе: первое — находится на первых местах по употребительности, но отстаёт по количественному показателю, второе — напротив, имеет высокий индекс по количеству лексических единиц, но отстаёт по употребительности. Темы создают пафос текстов. В конце списка стоят группы «Вера», «Лошади», «Люди», что, исходя из общего знания читателем проблемы, может быть, и выглядит несколько неожиданным, но соответствует авторскому замыслу: сосредоточиться на основном конфликте и не отвлекаться на детали. Тем более странным кажется одно из последних мест для группы, обозначающей взаимоотношения с русскими, но очевидно, что автор не акцентирует этот мотив в тексте, понимая, что он слишком сложен (ср.: несколько поверхностное утверждение в тексте К. В. Богдановича об исключительно добрых намерениях русского царя относительно автохтонов края, даже некоторую умильность («заботу о слабых, жалость к людям, по-русски неразборчивую» [Павлов, 1966, с. 8]).

Таблица наиболее употребительных слов (выше 10)

Таблица 5

№	Слова	Количество употреблений
1	Иноходец	203
2	Аманат	45
3	Басурманин	43
4	Юрта	42
5	Ясак	34
6	Князец (однокорен.)	30
7	Киргизы	25
8	Кочевники	24
9	Улус	22
10	Братские	21
11	Ясырь	20
12	Батор	18
13	Крещёный	18
14	Джунгарин	17
15	Хан	18
16	Арака	18
17	Аргамак	15
18	Новокрещен	15
19	Сарана	13
20	Шаман	12
21	Воин	12
22	Нехристь	12
23	Орда	11
24	Кошма	11
25	Шерть	11

Обычно в частотных словарях считаются значимыми употребления свыше 10 («Частотный словник содержит слова с частотой 10 и выше» [Вялкина, 1997]). Такая выборка на нашем материале показала, что из общего количества слов (145) их немного — всего 25 (17%). Именно эти 25 слов являются ключевыми в тексте и опорными при создании фрейма. «Перечисление деталей, из которых складывается содержание, дающее как бы кадр фильма, — это фрейм. Фрейм в его базовом распределении (по М. Минскому) — это структура данных для представления визуальной стереотипной ситуации, особенно при организации больших объёмов памяти. Это организация представлений, хранимых в памяти,

структура знаний, информация об определённом фрагменте человеческого опыта» [Маслова, 2011, с. 59]. «Несколько деталей паттерна, несколько ключевых слов в лингвистической схеме или несколько переменных динамической системы могут составлять львиную долю полного описания системы» [Николис, 1997, с. 86].

14. Стилизация языка эпохи имеет идиостилевые черты: широко используются экзотизмы, фиксированные в словарях литературного языка: *стойбище, аймак, аргамак, улус, юрта, ясак, ясачный, лама, шаман, камлать, нукер, хан, ханство, орда, аргамак, кумыс, бурдюк, торсук, чапан, калым, арак, кошма, малахай*.

Значительная часть внелитературных экзотизмов используется в функции терминов (прототерминов) в исторической науке (куда попадает из русских письменных памятников того времени): *джунгары, чёрные калмыки, алтысары, тубинцы, алтырцы, езерцы; качинцы, арины, камасинцы; братские, братские люди; мугалы, койбалы, кызылы, холхасцы, кыштым, аманат, аманатския изба, найон, зайсан, контайша, тайша, шерть, ясырь, немирный, огненный бой, Белый царь*. Два слова выступают как омонимы по отношению к современным: *неизменно, прямить* кому-л.

Производные от них созданы по законам языка: *инородка, инородческий, крещёная, джунгарский, в джунгары, калмыцкий, алтысарский, тубинский, алтырский, езерский, качинский, аринский, камасинский, мугалка, мугальский, бухарский, холхазский, улусишко, улусные люди, ертаульный, арачка, ясырка* и др.

15. Некоторые из слов, фиксированных в словарях литературного языка, собственно экзотизмами не являются, но или имеют семантику, подразумевающую инонациональное существование (*инородец, иноземец, чужеземец, кочевники, кочевать, кочёвка, перекочёвка, степняки, шатёр, набег, нехристь, крещёный, басурманский*), или используются в тексте с трансформированным значением. Так, прилагательное и субстантивированное прилагательное *крещёный* в романах используются по отношению к автохтонам, и значение его равно понятию *новокрещен* — ‘инородец Сибири, принявший христианство’; слово *шатёр* означает ‘палатка из кожи, ткани, ветвей, временные складные дома монголов и джунгар’,

последовательно различаясь от слова *юрта*, обозначающего жилище киргизов и их кыштымов.

Автор именует некоторые понятия нерусских народов через русские слова, ограничивая или трансформируя их значение в рамках произведения, происходит специализация значения, обусловленная замкнутой коммуникацией художественного текста, связанного, очевидно, с понятием ограниченного кода Б. А. Бернстайна [Bernstain, 1972]. Таким образом, проявляется авторский идиостиль, так как русские слова (преимущественно историзмы) закрепляются за определёнными инонациональными явлениями (вооружение: *меч (кривой меч), сабля, стрела, лучник, колчан, панцирь, наручи; деррик*) (ср.: *куяки* у К. В. Богдановича). В тексте последовательно как бы противопоставляется вид вооружения автохтонов (холодное оружие) и русских (огнестрельное). В действительности это было не так, мечи, сабли и т. д. до последнего времени были на вооружении у казаков. Кроме того, «превосходство русского оружия и русской военной организации не имело решающего значения» [Павлов, 1966, с. 6]. Таким образом, мы можем расценить это как авторский приём, обостряющий конфликт («Конфликт — борьба, противоречие как принцип взаимодействия между образами художественного произведения» [Елисеев, 2002, с. 91]) и мотивирующий грядущую победу русских (и заодно — предание о сыске по поводу проданной «инородцам» атаманом Кольцовым пищали).

Используются русские слова и при титуловании автохтонов: *князь, княгиня, княжич*; обозначении высших правящих сфер: *повелитель, царедворец, придворный, свита, знатный, знатность*, а также при аналогичном использовании слов с общим значением: *воин, дружина, ставка, очаг, дымник* и нек. др. Так, слово *воин* в тексте обозначает только автохтонов края. Слова *дымник, очаг* относятся к юрте, обозначая в ней дымовое отверстие или ‘устройство для разведения и поддержания огня’ и т. п. Эта русская лексика используется в функции экзотизмов (ср. с текстами М. Ошарова и Ж. Трошева, где аналогично преимущественно используются диалектизмы, прежде всего — лексика охоты и рыболовства).

Некоторые из этой категории слов известны в научной исторической лите-

ратуре как термины, относящиеся к нерусскому населению юга Сибири (*князь*, *начальный князь*, а также особая форма — *князец* и нек. др.). Они широко употребляются в русских художественных текстах для обозначения титулованных особ других народов (эвенков, японцев и др.) (см. у Ж. Трошева, Б. Акунина).

Очевидно, можно высказать предположение, что создать образ инонациональной речевой среды без русской лексики в функции экзотизмов невозможно. По мнению В. И. Карасика [Карасик, 2004, с. 100–101], в литературе существует два взгляда на этнокультурное своеобразие языка. Так, А. Вежбицка среди приёмов его описания выделяет «описание особых слов, концентрированно выражающих уникальные для данной культуры понятия» [Вежбицка, 1996, с. 77]. Представители первого направления считают, что «практика перевода показывает, что, несмотря на различия между языками и культурами, информация может быть передана адекватно», представители второго — что «практика перевода показывает, что из-за различий между языками и культурами информация не может быть передана адекватно» [Карасик, 2004, с. 100]. В русской литературе, несомненно, существует традиция использования русской лексики в функции экзотизмов.

16. К экзотизмам текста (не используемым в общелитературном языке или научном стиле) можно отнести: *албан*; *аманатство*, *брать аманатов*, *сесть в аманаты*, *аманатский час*, *аманатский двор*; *айна*, *батор*, *хамча*, *джут*, *джюсан*, *бачка*, *апсах*, *юрукиа*, *ертаул*, *сарана*, *канн*, *хадак*, *чапан*.

Возможно, к авторской лексике (используемой только А. И. Чмыхало) можно отнести: *басурманин*, *новокрещен*, *новокрещенка*, *бухаретины*, *свистунка*, *бухарец* (лошадь).

Идиостиль проявляется и в использовании словообразовательных вариантов, часть из которых разводится автором по значению: *басурманин* — ‘инородец Сибири, иноверец’; *басурман* — ‘крымский татарин, иноверец’ (в «украинской» части «Опальной земли»); *бухаретин* — ‘среднеазиатский купец’, *бухарец* — ‘лошадь азиатской породы’ и т. д.

В текстах практически отсутствуют экзотизмы, впервые вводимые автором в пространство языка художественной литературы. С одной стороны, это снижает

оригинальность речевого строя произведений, с другой — делает их язык понятным, тексты легко читаются. Цитату из введения к «Словарю исторической прозы А. И. Чмыхало» («Лучшие произведения мировой литературы со временем становятся произведениями для детей и юношества. Нам представляется, что такая судьба ожидает и исторические романы Анатолия Чмыхало. Это место определено и языковым строем его произведений» [Самотик, 1999, с. 17]) писатель использовал как эпитафию к роману «Дикая кровь» в своём семитомнике [Чмыхало, 2003, т. 3, с. 5].

17. В целом экзотизмы в диалогии — яркое языковое выразительное средство. Они различаются по семантике: такие, которые не имеют соответствий в русском языке (*кан, бачка, аймак* и др.) и которые имеют такие соответствия (*ертаул, батор, кыштым* и др.). Интересно, что глубина значения экзотизма раскрывается не сразу. Например, к концу романа мы уже понимаем, что *аманат* — не просто ‘заложник’, а *аманатство* — заимствованный русскими вид отношений с данниками: заключение в крепости знатных людей улуса, жизнь которых гарантировалась поступлением ясака. Очевидно, что ряд экзотизмов на русский язык переводится условно, сохраняя непонятую русским читателем часть значения, то есть можно говорить о десемантизации заимствованных слов и т. д. Аналогичное явление отмечено в специальной литературе: «Следует принимать во внимание, что возможна разная «глубина» восприятия и что само по себе восприятие не предполагает с необходимостью понимания» [Венцов, Касевич, 2010, с. 384].

Степень художественной достоверности экзотизмов в диалогии А. И. Чмыхало высокая. Экзотизмы используются как в речи персонажей, так и в авторской речи (в частях текста, изображающих автохтонов). Варваризмы же и нациолектизмы характерны только для речи персонажей диалогии. Фонетические и грамматические черты нациолекта не передают специфики языка автохтонов юга Сибири. Также скупо представлены и лексические этностереотипы: *однако, мала-мала, аха*. Специфика речи нерусского населения передаётся через парафрастические обращения. Внелитературная лексика и слова пассивного словарного состава этого раздела в значительной степени устаревшие (86%). Таким образом, выдержива-

ется стилистическая доминанта текста и просчитывается её мощь.

Автором использованы далеко не все возможные лексические единицы для создания образа инонациональной речевой среды XVII века — это и экзотизмы, это и историзмы. В русской литературе сложились два направления в изображении «другого», будь то человек нерусский или русский как носитель иного варианта языковой системы — диалекта (см. статью «Чужое» и «чуждое» в русском языке» [Самотик, 2011]). П. Я. Черных называет их натуралистическим (не путая с натурализмом как направлением литературы) и реалистическим в рамках использования внелитературной лексики. [Черных, 1936, с. 91–110]. Существует художественная литература, и она имеет большое значение для культуры нации, стремящаяся по возможности точно передать особенности крестьянского, исторического или инонационального быта; для таких текстов сюжет — только скрепляющая различные картины нить. В таких случаях можно говорить о полноте передачи этнографических особенностей как качестве текста. К таким произведениям относятся произведения писателей-славянофилов, писателей-народников, некоторых деревенщиков и т. д. Так, в романах И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и «Камчадалка» [Калашников, 1985] целые главы посвящены описанию старинных обычаев: «Камчадальская свадьба», «Камчадальское угощение». В первом романе подробно описывается танец «восьмёрки» (с. 99–101), разные устройства сибирских колодцев (с. 136–137), особенности рекостава Ангары (с. 125–126) и т. д. При этом, конечно, используется местная лексика. «Это не столько язык художественного произведения, сколько научно-популярного, или сочинения по этнографии» [Черных, 1936, с. 97]. В текстах же, где внелитературная лексика является лишь средством создания образа, необходим тщательный её отбор. Л. Толстой, по воспоминаниям Лазурского («Яснополянские посетители в 1894 году» в журнале «Голос минувшего», 1914, № 3), говорил об этом так: «Достигать такими средствами эффекта, это всё равно, что на картине изображать эпoletы сусальным золотом» [Черных, 1936, с. 95]. Близко к этнографической ли-

тературе, с нашей точки зрения, стоят отдельные страницы романа Ж. Трошева и повествования «Люди Красного Яра» К. В. Богдановича и др.

4.2.2.2. Украинская речевая среда в диалогии А. И. Чмыхало

§ 1. Историческая основа «украинской» части произведения

Инонациональная речевая среда в романе «Опальная земля» имеет и другую сторону — украинскую. В тексте достаточно чётко русские казаки противопоставлены «черкасам» — казакам украинским, а также членам их семей. Это противопоставление связано с основной сюжетной линией произведения — пребыванием в Красноярском остроге Василия Многогрешного, брата гетмана Демьяна Многогрешного, высланного с детьми после убийства своей жены в Красноярский острог. Василий Многогрешный — реальное историческое лицо.

Нами в настоящей работе представлена только вторая часть романа, где действие происходит в Сибири, но действующие лица вспоминают Украину, отдельные происшедшие там события. Таким образом, в тексте представлен украинский языковой пласт. Специфической лексики при этом употреблено немного — всего 41 лексическая единица. Сюда же относятся слова, отражающие жизнь казаков, и некоторые южнорусские диалектизмы, так как используются они автором только в отрывках, связанных с Украиной. На этих же страницах есть польские экзотизмы. «Если невозможно фронтальное сравнение всей лексики восточнославянских языков с целью выявления всех лексико-семантических особенностей каждого из этих языков на разных ступенях их развития, то вполне доступно сравнение их лексики на сопоставимых по содержанию и жанру ограниченных письменных источниках» [Филин, 1972, с. 616].

Заслуживает внимания статистический опыт И. И. Меншикова, который произвёл статистическое обследование украинских и русских текстов с XVI по XX век с интервалами приблизительно в сто лет. И. И. Меншиков поставил перед собой задачу выявить «средние величины, которые характеризуют степень лексического разнообразия русских и украинских текстов» [Меншиков, 1969, с. 33]. По его данным, это разнообразие возрастает с 33,8–34,9% в XVI веке до 48,6–49,3% в XX веке.

§ 2. Лексико-фонетические, лексико-грамматические средства создания образа украинской речевой среды

1. В отдельных словах переданы некоторые **фонетические особенности** украинской речи (четыре слова): оканье («Аканье формируется на обширной южно-великорусской и белорусской территориях» [Филин, 1972, с. 103]), произношение [и] на месте древнего *ять* («дифтонгический *ять* перешёл в *и*» [Пилинский, 1990, с. 533]), мягкий [р] («изменение мягкого *r* в славянских языках шло разными путями» [Филин, 1972, с. 314]): *батько* — ‘родитель, отец’, *дядько* — ‘человек, приставленный следить за ребёнком’; *диду* — ‘дед, дедушка’; *добрие* — ‘добрые’, *добри* — ‘добрый’: *Ты ни слова батьку* (О.З., с. 280); *...и встретиться с батьком и матерью* (О.З., с. 198); *«Где был, дядько?» — не поднимая глаз, спросил Митяйко* (О.З., с. 315); *Он хлопчентам дядько* (О.З., с. 37); *И наверно в благодарность за это Митяйко сбегал куда-то во двор и принёс пиццаль:* *«Возьми, дядько»* (О.З., с. 315). Так же с конечным безударным [о] произносятся и личные имена: *Ото ж я и есть Сашко!..* (О.З., с. 351); *диду* (О.З., с. 6); *...добрие люди!* (О.З., с. 114); *Добри день* (О.З., с. 3).

2. **Грамматические особенности языка** — звательный падеж («Обычно употребление звательных форм в более поздней южной письменности, которые сохранились в современном украинском языке» [Филин, 1972, с. 385]): *А ты что ж, Карпо, был вчера у стрелецкого полуголовы?* (О.З., с. 21); *Не напутал ничего, любезный диду?* (О.З., с. 6); *«Прошу, панове», — сказал он...* (О.З., с. 13); *Какое твоё прозвище, казаче?* (О.З., с. 4). «Слова *домишко...* и т. п. (мужского рода) склоняются по типу имён существительных мужского-среднего рода... Славянские имена на *-о* типа *Левко...* склоняются по образцу склонения существительных мужского-среднего рода» [Розенталь, 2002, с. 203–204]: *Я спую Серку думу* (О.З., с. 12); *А не встречал ли ты, дедуль, бандуриста Сашка?* (О.З., с. 351).

§ 3. Лексические средства создания образа украинской речевой среды

1. В основном писателем приводятся слова — речевые **лексические этностереотипы**, широко известные в русском языке как украинизмы (слова, маркирующие речь украинцев, 10 слов) и не фиксированные в толковых словарях: **будь ласка** —

‘будь добр (при просьбе)’, **горилка** — ‘самогон’, **далекесенько** — ‘далеко’, **здоровеньки булы** — ‘приветствие при встрече в украинской речи’, **люлька** — ‘трубка для курения табака’; **нема** — ‘нет’; **ось** — ‘вот, это’; **ото ж** — ‘это же’; **хлоп** — ‘холоп, лицо, находившееся в зависимости по форме, близкой к рабству’ (ср.: *хлопчик*); **писарчук** — ‘писарь’: *Позови-ка Ганну, будь ласка* (О.З., с. 36); *Теперь и чесанём, будь ласка* (О.З., с. 314); *Когда выпили горилки, Василь опередил гайдука — поднёс шурина на тарелке солёного осетра, а потом подложил мочёных яблок и редьки* (О.З., с. 51); *А ну, подавай-ка, хозяин, горилки!* (О.З., с. 65); «*Дело у нас известное: недруга бить да горилку пить*», — *беспечно произнёс тот, что пожизне* (О.З., с. 4); *Ось так далеке сенько отсюда была корчма* (О.З., с. 350); *Здоровеньки булы, добрые люди!* (О.З., с. 114); «*Помню. Дюжий был казак. Ось — его люлька*», — *Мокроштан достал из кармана и выбил о ноготь обсосанную трубку* (О.З., с. 349); *Ото ж я и есть Сашко!..* (О.З., с. 351); «*Дядько, вставай, Митяйки нема!*» — *прокричал тот* (О.З., с. 148); «*Кто ты есть, хлоп?*» — *повелительно спросил Василь, принимая гордую осанку* (О.З., с. 17); *...грязный писарчук* (О.З., с. 73); Широко известно также слово *парубок*, отмеченное МАС как экзотизм: *парубок* — ‘на Украине: юноша, парень’: *...сидел впереди парубок* (О.З., с. 350).

Автор использовал не весь набор слов, характеризующих в языковом сознании русских украинскую речь. Так, известны: *бачить*, *дИвчина*, *хлопчик*, *дякувати* (‘благодарить’), *мова* (‘речь, язык’), *черевики* и др. (некоторые указаны Ф. П. Филиным, см.: «Лексические особенности русского, украинского и белорусского языков эпохи их становления» [Филин, 1972, с. 615–624]).

2. Часть слов отмечена МАС как **историзмы, относящиеся к украинской культуре прошлого** (то есть экзотизмы-историзмы, 11 слов): **дума** — ‘жанр исторического народного украинского эпоса, а также произведение этого жанра’, **булава** — ‘жезл с шаровидным набалдашником, служивший знаком гетманской власти (на Украине и в Польше)’, **бунчук** — ‘древко с привязанным конским хвостом, служившее в старину знаком власти (казачьих атаманов, украинских и польских гетманов, турецких пашей)’; **гайдук** — ‘1. В XV–XIX вв. у южных славян:

участник вооружённой борьбы против турецкого владычества. 2. Выездной лакей в богатом помещицком доме (XVIII–XIX вв.)’, **жупан** — ‘старинная верхняя одежда у украинцев и поляков, род полукафтана’, **кунтуш** — ‘старинная украинская и польская верхняя одежда в виде кафтана с широкими откидными рукавами’; **гетман** — ‘1. В XVI–XVII вв. на Украине: выборный начальник казачьего войска; в XVII–XVIII вв. — верховный правитель Украины’; **полуголова** — ‘звание в казачьих войсках’ (МАС: *голова* — ‘председатель и руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России, а также военное или гражданское звание: казачий голова, сотенный голова’); **кош** — ‘1. Название военного лагеря, обоза на Руси в XI–XVI вв. 2. Место пребывания запорожских казаков, а также временный казачий лагерь’; используемые также и в настоящее время: **бандура** — ‘украинский многострунный щипковый инструмент с широким грифом’, **бандурист** — ‘музыкант, играющий на бандуре’: *Спой-ко думу про Богдана Хмеля* (О.З., с. 35); *Добился казак гетманской булавы, надел на плечи богатый кунтуш, прицелил на бок саблю в дорогих камнях* (О.З., с. 39); *Пора домой в Батурин, там ждуть гетмана булава и бунчук и ещё малиновое казачье знамя* (О.З., с. 86); *Василь опередил гайдуга — поднёс шурина на тарелке солёного осетра* (О.З., с. 51); *... стараются не показываться гетману* (О.З., с. 39); **Жупан** купишь себе или ещё что... (О.З., с. 18); *... польские кунтуши и татарские малахайи* (О.З., с. 13); «*А ты что ж, Карпо, был вчера у стрелецкого полуголовы?*» — и ухватил Мокриевича узловатыми пальцами за воротник **жупана** (О.З., с. 21); «*Я спою Серку думу про его родную Мередку, да про вольный кош казачий*, — прислушиваясь к неугомонному голосу в хате, говорил бандурист (О.З., с. 12); «*Спел бы про батьку Хмеля, да обидятся другие гетманы. Так лучше уж я про Украину*», — он снял с плеча **бандуру** и легонько, самыми кончиками пальцев тронул нежные струны, и они заплакали, зарыдали (О.З., с. 351); *Кто-то в хате тихонько играл на бандуре* (О.З., с. 11); **Бандурист** не шелохнулся (О.З., с. 351); «*А не встречал ли ты, дедуль, бандуриста Сашка?*» — спросил Юхим, когда песня оборвалась и снова стало тихо кругом (О.З., с. 351); *Музыка была печальной, как во все времена и у всех бандуристов* (О.З., с. 11) и т. д.

3. Некоторые слова, использованные автором для создания инонациональной речевой среды, отмечены в МАС как **областные** (относящиеся к южнорусскому наречию — 4 слова): **баштан** — ‘то же, что *бахча* — поле, на котором выращиваются арбузы, дыни, тыквы’; **дюже** — ‘очень сильно’; **журиться** — ‘печалиться, кручиниться’; **чобот** — ‘обувь, сапог’: *В кряжистых, прибрежных вербах без умолку тенькали божьи птахи, от чигиринских сквозных огородов и баштанов наносило веничем и молодой коноплей* (О.З., с. 349); *И кто-то сказал им, что в Москве дюже гневаются на их батька* (О.З., с. 144); «*Ну что ты, — говорил ему Василь. — Не журишь, брат*» (О.З., с. 136); *Разоритель забрал кучу денег, кафтан кызылбашский, да заячью шубу, да ещё пару новых чоботов* (О.З., с. 33) (ср.: *На голос Петрухи не спеша разогнулась высокая женщина в синей полинявшей кофте, в подоткнутой юбке с оборками и рыжих чоботах* (П., с. 74)).

Часть слов фиксирована в словарях украинского языка [Ганич, Олейник, 1991; Паламарчук, Скрипник, 1977]: *бандура* — ‘бандура’; *бандурист* — ‘бандурист’; *батько* — ‘уст. родитель’; *баштан* — ‘бахчевник’; *булава* — ‘уст. булава’; *бунчук* — ‘уст. бунчук’; *гайдук* — ‘гайдук’; *кунтуш* — ‘кунтуш’; *лава* — ‘воен. способ атаки’; *дід* — ‘дедушка, старик’; *жупан* — ‘жупан’; *журиться* — ‘сокрушаться, печалиться’; *люлька* — ‘трубка’; *намёт* — ‘аллюр лошади’; *нема* — ‘разг. нету, не имеется’; *ось* — в словаре *ось-ось* — ‘1) разг. не сегодня-завтра; 2) близко, вот-вот; 3) скоро, вот-вот’; *отож* — ‘1) вот; 2) итак; 3) разг. стало быть; 4) разг. вот то-то и оно’; *хлоп* — ‘уст. презр. мужик, крестьянин’; *чобіт* — ‘сапог’; *чуприна* — ‘волосы, пышная шевелюра’; *шлик* — ‘1) уст. головной убор, устар. — шлык; 2) уст. конусообразный верх папахи’; *шуткувати* — ‘разг. подшучивать’; *ясновельможий* — ‘уст. титул, светлейший’.

4. Слова, обозначающие явления, **связанные с казачеством** (12 лексических единиц): **лава** — ‘боевой порядок и способ тактических действий, применявшийся в казачьем войске, а также отряд, построенный для таких действий’ (МАС); **намёт** — ‘название конского галопа у казаков’ (МАС); **есаул** — ‘есаул — в царской армии: казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте, а также лицо, носившее этот чин’ (МАС); **генеральный есаул, генеральный писарь, генеральный**

обозный — ‘чины казаков, служивших при гетмане’; **лошадные казаки** — ‘казаки, служащие на лошадях; конные, кавалерия; противоположное — пешие казаки’; **сотня** — ‘войсковое подразделение в казачьих войсках дореволюционной России, соответствовавшее эскадрону в регулярных кавалерийских частях’ (МАС); **шлык** — ‘лента, прикреплённая к казацкой папахе’ (МАС); **лыцари, заднепровские рыцари** — ‘казаки’; **табор** — ‘походное боевое расположение войска, прикрытое обозными повозками в Русском государстве XV–XVII вв., укреплённый военный лагерь’ (МАС): *Не раз в лихих казачьих лавах бросался в сражение, и тогда рекою лилась кровь, и враг в панике бежал наутёк* (О.З., с. 134); *Он удивился, увидев их, скачущих к нему налётом* (О.З., с. 163); *Помню, есаул был из есаулов, лыцарь. Ось его кисет* (О.З., с. 350); *Гетман не рассчитывал на скорое возвращение из Москвы генерального есаула Павла Грибовича* (О.З., с. 61); *Теперь генеральный есаул в его руках* (О.З., с. 77); *Генеральный писарь Мокриевич, уединясь с утра, что-то строчит в Москву* (О.З., с. 39); *Про Ногайченков безрассудный приезд прослышал и генеральный писарь Харпо Мокриевич* (О.З., с. 42); *Генеральный обозный и войсковые судьи стараются не показываться гетману* (О.З., с. 39); *С утра он уехал далеко, в степь, под самые сосновые боры, приискывать добрые покосы для себя и лошадных казаков своей сотни* (Д.К., с. 341); *Лихо сдёрнули казаки смушковые шапки с алыми шлыками: «Добри день, отважные заднепровские рыцари»* (О.З., с. 3); *...пробрался к жолнерам в табор* (О.З., с. 7).

Слово **чуприна** есть в МАС без помет, однако в тексте это не просто чуб, а ‘прядь волос, спадающая с темени на лоб у казака (оседелец)’: *Юхим постриг и побрил его под запорожца — оставил лишь висячие усы да сивую чуприну на макушке* (О.З., с. 322); ср. пример МАС: *По приказу атамана она остригла ему овечьими ножницами голову, оставив только на темени клочок волос — чуприну* (Шишков, «Емельян Пугачёв»).

5. Три слова являются в тексте внелитературными экзотизмами, заимствованными из польского языка: **жолнер** — ‘польский ратник, солдат’; **панове, ваша ясновельможность** — ‘почтительные обращения’: *Вот в такой же, как у*

вас, одёже пробрался к **жолнерам** в табор (О.З., с. 7); «Вот, — коротко кивнул на него Грибович. — Не советует переправляться у черкасс. **Жолнеры**, мол, караулят казаков в том месте» (О.З., с. 10) (ср.: Не стится **жолнерам**. Видно, неспокойно у них на душе в чужом краю (П., с. 68); **Жолнеры** боятся фронта... (П., с. 683)); ...**ваша ясновельможность** (О.З., с. 9); «Прошу, **панове**», — сказал он... (О.З., с. 13).

§ 4. Выводы

1. Создание образа украинской речевой среды связано с сюжетом произведений, но не вписывается в основной конфликт. Украинцы не противопоставлены русским и не противостоят автохтонам Сибири, лексически не проявляют себя как самостоятельная сила в основном конфликте произведения.

2. ВЛ произведений передаёт слитное, нерасчленённое представление об Украине и запорожском казачестве; отмечается косвенное противостояние полякам, но сами поляки не являются персонажами анализируемых текстов.

3. В количественном отношении выделяются три группы лексики как наиболее употребительные: речевые украинские этностереотипы в русском языковом сознании (10 единиц), отмеченные в толковых словарях экзотизмы-историзмы (11 единиц), а также слова, характерные для казаков (13 единиц). Несмотря на то что Красноярский острог защищают тоже казаки, эта лексика не используется на страницах в описании чисто сибирских событий. Малое количество слов также распределено приблизительно одинаково между четырьмя группами: фонетические украинизмы (4 единицы), грамматические (3 единицы), областная южнорусская лексика (4 единицы), полонизмы (3 единицы). Таким образом, образ речевой украинской среды уравновешен (симметричен), устойчив и носит чисто иллюстративный характер.

4. Автором не вносятся новые для художественного пространства внелитературные экзотизмы-украинизмы, Украина в романах писателя не приобретает каких-либо новых специфических черт.

5. Особенность текстов составляет использование диалектной южнорусской лексики в функции экзотизмов. В тексте сохраняется стилистическая доминанта:

из 41 слова около 60% связано с историей (литературные историзмы и лексика казачества).

Небольшое количество специфических слов позволяет автору создать образ украинской речевой среды.

4.2.2.3. Русская речевая среда прошлого в диалогии А. И. Чмыхало

Русская речевая среда противопоставлена инородческой и, таким образом, также создаёт образ инонациональной среды. Она тоже стилизуется под язык прошлого. Основным лексическим средством при этом в текстах А. И. Чмыхало являются историзмы.

§ 1. Историзмы как средство моделирования речевой среды прошлого

Историзмы — устаревшие слова, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий. Причины появления историзмов внелингвистические.

1. Наибольшее количество историзмов в тексте связано с **острогом**, образ которого занимает центральное место в произведении.

1.1. Острог как крепостное сооружение представляют следующие историзмы (приводим в данном тексте только слова и их значения, так как опубликован словарь по произведениям, где представлен иллюстративный материал с точным указанием источника; не приводится здесь и количество употреблений слова в тексте) — всего 9 лексических единиц: *крепость* — ‘укреплённый пункт с долговременными оборонительными сооружениями для круговой обороны’ (МАС); *острог* — ‘крепость, город, укреплённый частоколом’ (МАС — *устар.*); *острожный* — ‘прил. к *острог*’ (МАС — *устар.*); *острожок* — ‘небольшой острог в 1 знач.’; *башня* — ‘высокое и узкое строение круглой, четырёхгранной или многогранной формы, стоящее отдельно или являющееся частью здания’ (МАС) («Слово *острожек* в исторических текстах употребляется как ‘уменьш. к *острог*’, но также и как название передового форпоста, основанного в новых землях, который по мере роста населения и возрастающего значения мог получить более высокий статус острога или города» [Инютина, 2012, с. 97]); *бойница* — ‘отверстие для стрельбы в стене оборонительного сооружения’ (МАС); *верхние бойницы, по-*

дошвенные бойницы; *раскат* — ‘утрамбованная земляная насыпь под валом крепости для установки пушек’ (МАС — *устар.*).

Из **9 слов** 6 фиксированы в МАС, 3 — с пометой *устар.* Три слова нельзя отнести к безусловно внелитературным, так как это или производное (*острожок*), или составные наименования, построенные на базе устаревшего слова (*верхние* и *подошвенные бойницы*). Ср.: «Словом *острог* — ‘укрепление, крепость’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 13, с. 160] в Западной Сибири XVII–XVIII вв. называют укрепленный пункт, обнесённый оградой из заострённых сверху брёвен и тарас, т. е. бревенчатых венцов. Бревенчатая ограда острога помещалась на плоской местности или на вершине небольшого земляного вала, окружённого рвом. По углам острога располагались смотровые башни. Позднее укрепление могло становиться более внушительным. Эти детали придавали особенное отличие острогу перед городами, давали заметные преимущества в обороне и ведении боёв. Изначально острог использовался в качестве оборонительного сооружения и административного центра для сбора ясака (дани, выплачиваемой коренными народами Сибири русским ставленникам в виде пушнины, мёда и т. д.)» [Инютина, 2012, с. 96].

1.2. Острог как военная крепость, всего **11 лексических единиц**: *воротник* — ‘караульный, который охраняет ворота крепости’ (МАС — др. знач.); *дозор* — ‘небольшой отряд для охранения и разведки’ (МАС); *дозорищик* — ‘человек, стоящий на карауле’; *стражник* — ‘тот, кто охраняет крепость’ (МАС — др. знач.); *караульня* — ‘то же, что *караульная*’ (МАС — *устар.*); *каланча* — ‘дозорная вышка пожарников’ (МАС); *сигнальные дымы* — ‘костры, дым которых является сигналом вражеского набега’; *осада* — ‘окружение войсками укрепленного места с целью его захвата’ (МАС); *сполох* — ‘тревожный звон, оповещающий о бедствии, набат, тревога’ (МАС — *устар.*, *обл.*); *надолба* — ‘заграждение из брёвен, врытых в землю’ (МАС — *воен.*, др. оттен. знач.); *пушкарь* — ‘артиллерист’ (МАС — *устар.*).

Из **11 слов** 9 отмечены в МАС (3 — с другим значением, 2 — с пометой *устар.*, 1 — *устар.*, *обл.*, 3 — без помет). *Дозорищик* по данным НКРЯ известно в текстах с 1847 года, *пик* — 1962-й; *сигнальные дымы* — с 1894 года.

1.3. Острогкаксредневековыйгород, всего **22 лексические единицы**: *посад* — ‘торгово-ремесленная часть города вне городской стены в Древней Руси’ (МАС — *устар.*); *посадский* — ‘житель посада’ (МАС — *устар.*); *посадские люди* — ‘ремесленно-торговое население городов в Древней Руси’ (МАС); *посадские жёнки* — ‘жёны посадских людей, женщины посада’; *терем* — ‘дом в виде башни’ (МАС — *устар.*); *хоромы* — ‘большой жилой деревянный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединенных сенями и переходами’ (МАС — *устар.*); *рундук* — ‘площадка большого крыльца, пристроенного к дому’ (МАС — *устар.*); *светёлка* — ‘небольшая комната в верхней части крестьянского дома’ (МАС — *устар.*); *кабак* — ‘заведение низшего разряда в дореволюционной России, в котором продавались распивочно-спиртные напитки’ (МАС); *целовальник* — ‘продавец вина в питейном заведении’ (МАС — *устар.*); *питейный* — ‘торгующий спиртными напитками’ (МАС — *устар.*); *питейный служба, кабацкий служба* — ‘человек, прислуживающий в кабаке’; *бражник* — ‘пьяница, гуляка’ (МАС — *устар.*); *бражничанье* — ‘проведение времени в веселых попойках, то же, что *бражничество*’ (МАС — есть *бражничество*); *бражничать* — ‘пить хмельные напитки, проводить время в веселых попойках; пьянствовать’ (МАС — *устар.*); *брага* — ‘старый русский слабоалкогольный напиток, род пива’ (МАС); *зернь* — ‘старинная игра в кости’ (МАС); *блуд* — ‘распутство, разврат’ (МАС — *устар.*); *блудить* — ‘распутничать’ (МАС — *прост.*); *блудная изба* — ‘публичный дом’; *блудная девка* — ‘то же, что *проститутка*’ (ср.: в романе «Половодье» слово *блудный* употребляется в значении ‘бездомный’: «*Блудному сладок всякий хлеб, — басил тот, шлепая мясистыми губами*» (П., с. 563)).

1.4. Острогкакместозаключения, всего **34 лексические единицы**: *башенное сиденье* — ‘тюремное заключение’; *полон* — ‘плен’ (МАС — *народ. — поэт.*); *полоняник* — ‘пленник’ (МАС — *устар., народ. — поэт.*); *полонянка* — ‘женщина, взятая в плен (полон)’ (МАС — *устар. и народ. — поэт.*). См. *аманат* (выше по тексту).

Розыск — ‘следственные действия, производимые в целях обнаружения похищенного имущества; то же, что *сыск*’ (МАС — *юр.*); *сыск* — ‘в древнерусском

праве: особый порядок расследования уголовных дел’ (МАС); *расспрос* — ‘допрос, дознание’ (МАС); *сыскать* (*сыскивать*) — ‘в дореволюционной России: выследив, разыскать (преступника, виновного)’ (МАС); *сыщик* — ‘тот, кто ведет сыск (в дореволюционном праве: особый порядок расследования уголовных дел)’ (МАС — др. знач.); *дыба* — ‘средневековое орудие пытки, на котором растягивали тело’ (МАС); *колесовать* — ‘в старину: подвергать мучительной смертной казни на вращающемся колесе особого устройства’ (МАС); *колодки* — ‘1. Тяжелые деревянные оковы, надевавшиеся в старину на шею, руки или ноги осуждённых за тяжкие преступления (в начале XIX в. были заменены кандалами). 2. Массивные деревянные оковы’ (МАС — *устар.*); *железа* — ‘оковы, цепи’ (МАС — др. знач.); *держать в железах* — ‘то же, что *держать в оковах*’; *кандалы* — ‘железные кольца, скрепленные между собой цепями, надевавшиеся на руки и ноги заключённых (в дореволюционной России и некоторых других странах)’ (МАС); *плаха* — ‘деревянная колода для сечения головы’ (МАС); *заплечный мастер* — ‘палач’ (МАС — *устар.*); *с потягом* — ‘особо болезненно (бить кнутом)’.

Близко к понятиям этой группы встают слова, обозначающие различные действия и состояния, караемые властью, а также именованные соответствующих людей и сообществ: *ватажничать* — ‘разбойничать, грабить’; *ватага* — ‘разбойничья шайка’ (МАС — др. знач.); *ватажка* — ‘шумная толпа, группа’ (МАС — *ватага*); *ватажник* — ‘разбойник, член *ватаги*’; *вор* — ‘смутьян, бунтовщик’ (МАС — ‘преступник, злодей, *устар.*’); *воровской* — ‘разбойничий’ (МАС — др. знач.); *заворовать* — ‘изменить’; *государев изменник* — ‘бунтовщик, человек, выступавший против государственной власти’; *душегубец* — ‘убийца, разбойник, злодей’ (МАС — *устар.* и *прост.*); *душегубство* — ‘убийство, злодейство’ (МАС — *прост.* и *устар.*); *заводчик* — ‘организатор, зачинщик’ (МАС — *разг.*, *устар.*); *засмутничать* — ‘начать вносить смуту, выступать против власти; то же, что *засмутьянить*’; *изменный* — ‘изменнический, предательский, противовластный’ (МАС — *устар.*); *изменное дело* — ‘предательство, выступление против власти’; *навет* — ‘ложное обвинение, клевета; донос’ (МАС — *устар.*); *возвести навет* — ‘ложно обвинить в чем-л.’; *наветчик* — ‘клеветник’ (МАС — *устар.*); *прямить* —

‘быть верным, преданным царю’ (МАС — *устар.*); *варнак* — ‘ругательное слово, букв.: каторжник’.

«Если можно говорить о словах наиболее характерных для действующего словаря той или иной исторической эпохи, то для начала XVII века к таким словам, бесспорно, следовало бы отнести слово *вор* с его гнездом. Это слово, происхождение которого неизвестно (связывают с польским и с древнерусским), относят к той категории общерусских слов, появившихся в конце XVI — начале XVII века, которые почти совсем неизвестны в других славянских, в частности восточнославянских, языках. Основным, преобладающим значением слова *вор* в начале XVII века являлось значение ‘смутьян’, ‘заводчик или орудие смуты’ и далее ‘бунтовщик’. Значение же ‘грабитель’, ‘тот, кто крадёт’ и т. п. обычно выражалось в это время словом *тать*» [Черных, 1956, с. 195].

1.5. Острог — административный центр, **23 лексические единицы**: *приказ* — ‘учреждение, ведавшее отдельной отраслью государственного управления в Русском государстве с XVI до нач. XVIII в.’ (МАС — *ист.*), *сибирский приказ*; *изба* — ‘деревянный крестьянский дом’ (МАС); *приказная изба* — ‘присутственное место, канцелярия; то же, что *съезжая изба*’; *съезжая изба* — ‘здесь то же, что *приказная изба* — помещение, где располагается воевода; присутственное место’; *съезжая* — ‘то же, что *съезжая изба*’ (МАС — *ист.*); см. также *аманатская изба*, *блудная изба*; *приказный* — ‘чиновничий, канцелярский’; *приказный стол* (МАС — *устар.*); *дьяк* — ‘на Руси в XIV–XVII вв. должностное лицо, занимавшее ответственные посты в государственных учреждениях’ (МАС); *приказной дьяк* — ‘служащий приказа’; *дьяковый* — ‘принадлежащий дьяку’; *подьячий* — ‘1. Писец и делопроизводитель в приказной канцелярии и Русском государстве в XVI — нач. XVII в. 2. Мелкий чиновник (МАС — *устар.*)’; *писец* — ‘лицо, занимающееся перепиской чего-л.’ (МАС — *устар.*); *ярыга* — ‘низший служитель в приказах в XVI–XVIII вв., исполнявший полицейские функции’ (МАС — *ист.*); *ярыжка* — ‘то же, что *ярыга*’; *десятский* — ‘выполняющий полицейские обязанности в деревне в дореволюционной России’ (МАС); *грамота* — ‘послание; здесь: документ’ (МАС — *устар.*); *грамотка* — ‘уменьш. от *грамота* — старинное название

всякого документа и письма' (МАС — *прост., обл.*); *свиток* — 'полоса бумаги (документ), свернутая в трубку' (МАС); *универсал* — 'указ, документ' (МАС — др. знач.); *посольства* — 'связь с другими народами, осуществляемая через личный контакт' (МАС — др. знач.); *жалованное слово* — 'официальная речь с благодарностью'.

«Повсюду власть сосредоточилась в руках воевод, посылаемых из Москвы. В большие города назначались помощники воевод — «товарищи». «Делопроизводством ведали дьяки и подьячие. Съезжаяизба, где сидел воевода, была центром управления уездом» (Всемирная история, т. 5, с. 167).

П. Я. Черных отмечает: «Можно утверждать, что в период с середины XVI в. по середину XVII в. вошло в обращение и осталось в языке немало новых слов и в области общественно-политической терминологии, и это понятно: общественная и политическая жизнь в Московской Руси за это время значительно обновилась и усложнилась по сравнению с предшествующим временем». Им отмечены слова *приказ* (судебно-административное учреждение, правительственная канцелярия), *дьяк*, *подьячий* [Черных, 1956, с. 211].

1.6. Острог как хозяйственный центр, всего **13 лексических единиц**: *поборы* — 'сбор деньгами или натурой в пользу государства' (МАС — *ист., устар.*); *кабала* — 'долговое обязательство в Древней и Московской Руси (с XVI в. в письменной форме), ставившее заемщика в личную зависимость от заимодавца' (МАС — *ист.*); *ясак* — 'натуральная подать, которой облагались нерусские народы в XV — начале XX в.' (МАС — *ист.*); *ясачный* — 'нерусский житель Сибири, облагаемый ясаком' (МАС — др. знач.); *толмач* — 'переводчик' (МАС — *устар.*); *ясачный сборщик* — 'человек, собирающий налог, дань'; *мягкая рухлядь* — 'пушнина'; *казна* — 'денежные средства, деньги' (МАС); *казначей* — 'хранитель денег при каком-л. правителе древности' (МАС); *соболиная казна* — 'соболи, взимаемые в качестве дани русской государственной казне'; *соболий* — 'сшитый из шкурок соболя' (МАС — др. знач.); *соболишка* — 'уменьш. — уничиж. от *соболь*, характерно для языка XVII в.'; *мягкая рухлядь* — 'пушнина'; *казна денежная* — 'государственные деньги, предназначенные на внутренние нужды острога'

(МАС — *устар.*); *денежное жалованье* — ‘выражающееся в деньгах вознаграждение за службу’; *соляное жалованье* — ‘плата казакам за службу солью’ (хлебное жалованье в произведении не упоминается). **Острог представлен 112 лексическими единицами.** Уже по количественному соотношению слов понятно, что это грозное сооружение, осознаётся оно героями прежде всего как крепость-тюрьма.

2. Достаточно полно представлена **лексика социального статуса** людей того времени.

2.1. Сибирь осознаётся русскими героями произведения как часть России, поэтому в тексте представлены слова, обозначающие представителей центральной власти, всего 19 лексических единиц: *царь* — ‘титул монарха, а также лицо, носившее этот титул’ (МАС); *государь* — ‘глава монархического государства, царь’ (МАС); *царь-батюшка*, *государь-батюшка* — ‘то же, что *царь*, *государь*’. Это обозначение монарха носит фольклорный характер и представляет как народную речь, так и народное стремление переносить семейные отношения на социальные. *Государевы люди* — ‘чиновники государственных приказов’; *государев изменник* —

‘бунтовщик, человек, выступавший против государственной власти’. Со словом *государь* больше понятий, чем со словом *царь*, что, очевидно, также связано с народно-поэтической традицией. *Боярин* — ‘крупный землевладелец из высшего сословия феодалов в Древней Руси и Московском государстве’ (МАС — *ист.*); *боярыня* — ‘жена боярина’ (МАС — *ист.*); *боярские дети* — ‘мелкие помещики, отправлявшие военную и гражданскую службу в Древней Руси (с XIII в.) и Московском государстве’ (МАС — *ист.*); *ваша милость* — ‘форма почтительного обращения к титулованным лицам’; *милостивый* — ‘проявляющий милость, уважительное обращение’ (МАС — *устар.*); *думные люди* — ‘бояре — члены боярской думы в Московской Руси’; *думный дьяк* — ‘служащий боярской думы’; *окольничий* — ‘один из высших боярских чинов в допетровской Руси, а также лицо в этом чине’ (МАС — *ист.*); *стольник* — ‘придворный чин ниже боярского в Русском государстве XIII–XVII вв., а также лицо, имевшее этот чин’ (МАС — *ист.*); *вот-*

чина — ‘исторически наследственное земельное владение на Руси (XII–XIII вв.)’ (МАС — *ист.*); *опала* — ‘в допетровской России: гнев, немилость царя к провинившемуся боярину’ (МАС); *стрельцы* — ‘военные служилые люди, вооружённые огнестрельным оружием, входившие в особое постоянное войско в Русском государстве XVI–XVII вв.’ (МАС); *духовные люди* — ‘духовенство’.

2.2. П.Я. Черных отмечены слова *боярин*, *дума*, *царь*, часть из которых возникла ещё в период образования Киевского государства, часть — в «историческое время». «С XIII в. появляется в письменных памятниках слово *царь* (первый случай — по Срезневскому — в ярлыке Менгу Темура 1267 г., в смысле ‘хан татарский’)» [Черных, 1956, с. 211]. В «понятии пространства в текстах, отражающих языковое сознание XVII–XVIII вв.» на территории Сибири Л. А. Инютиной не приводятся слова, относящиеся к Российскому государству [Инютина, 2012, с. 12–16].

2.2. Социальная стратификация героев дилогии, всего 36 лексических единиц: *боярский сын* — ‘мелкий помещик, входивший в категорию боярских детей — особого сословия на Руси до XVIII в., включавшее не получивших титул боярина боярских сыновей’ (МАС — *ист.*); *воевода* — ‘начальник войска в Древней Руси, а также управляющий городом или округом (с XVI до конца XVIII в.)’ (МАС — *ист.*); *воеводский* — ‘принадлежащий воеводе’ (МАС — *устар.*); *воеводин* — ‘принадлежащий воеводе’; *воеводша* — ‘жена воеводы’; *воеводиха* — ‘жена воеводы, то же, что *воеводша*’; *воеводская казённая грамота* — ‘охранная грамота послов и сборщиков ясака’; *воеводская наказная грамота* — ‘послание воеводы, передаваемое в чтении его посла’; *воеводство* — ‘звание и должность воеводы’ (МАС — *ист.*); *воеводствовать* — ‘управлять городом или округом, войском’; *голова* — ‘руководитель, начальник в каком-л. деле’ (МАС — *разг.*); *таможенный голова* — ‘таможенный чиновник’; *голубые кафтаны* — ‘здесь: служилые московских приказов или губернские томские’; *городничий* — ‘в России до середины XIX в.: начальник города’ (МАС); *царёв слуга* — ‘человек, находящийся на государственной службе’; *служилые* — ‘в русском государстве XIV — начала XVIII в.: отно-

сящиеся к несению государственных военных обязанностей’ (МАС — др. знач.); *людишки* — ‘уменьш. — уничиж. от *люди*; характерно для языка XVII в.’; *подлые людишки* — ‘люди низшего сословия’; *пашенный* — ‘пахотный (МАС — устар.)’; *пашенные люди* — ‘крестьяне; одно из сословий на Руси’; *гонец* — ‘человек, посланный с известием (обычно конный)’ (МАС); *глашатай* (*ист.*). — ‘в старину лицо, всенародно объявлявшее что-л.’ (МАС); *глашатай бирюч* — ‘то же, что *глашатай*’; *бирюч* — ‘вестник, глашатай в Московском государстве до начала XVIII в.’ (МАС — *ист.*); *гулящий* — ‘принадлежащий к гулящим людям’; *гулящий человек* — ‘принадлежащий к разряду населения в Русском государстве XVI — начала XVIII в., состоящего из вольных людей, не приписанных ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам’ (МАС); *гулящие жёнки* — ‘женщины легкого поведения, то же, что *блудные девки*’; *разбойные жёнки* — ‘женщины разбойников’; *купец* — ‘лицо, владеющее торговым предприятием, занимающееся частной торговлей’ (МАС); *гость* — ‘в старину: купец, торговец, преимущественно иноземный’ (МАС); *торговый гость* — ‘то же, что *гость* — *купец*’ (МАС); *дворня* — ‘при крепостном праве: прислуга при барском дворе, доме; *дворовые люди*’ (МАС); *девка* — ‘здесь: девушка «инородка»’; *сенная девка* — ‘служанка в доме’; *дворовая девка* — ‘служанка в доме и в усадьбе’; *холоп* — ‘в Древней Руси: лицо, находившееся в зависимости по форме, близкой к рабству’ (МАС — *устар.*). Всего в тематической группе **55 слов.**

П. Я. Черных говорит о слове *бирич* (и *бирюч*) как «откуда-то заимствованном на заре истории (может быть, из аварского языка), держалось долго. Как курьёз, название книги: «Бирюч петроградских театров» (1920)» [Черных, 1956, с. 211].

3. Широко представлены в тексте казаки.

3.1. Значительное число маркированной лексики посвящено казакам, 29 лексических единиц: *казак* — ‘представитель военного сословия, которое складывалось

на окраинах русского государства в XV–XVII вв. из вольных людей’ (МАС); *казачина* — ‘крупный, здоровый казак’; *казачьи жёнки* — ‘жёны казаков’; *казачонок* — ‘маленький казак, сын казак’; *казачата* — ‘маленькие казаки, сыновья казаков’; *атаман* — ‘назначенный или выборный начальник в казачьих войсках и селениях, выполнявший военные, политические и административные функции’ (МАС); *атаманский* — ‘принадлежащий атаману’ (МАС); *атамановский* — ‘то же, что *атаманский*’, *есаул* — ‘в царской армии: казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте, а также лицо, носившее этот чин’ (МАС); *вестовой* — ‘служащий для оповещения, посыльный’ (МАС — *устар.*); *сотня* — ‘войсковая единица в русском войске в XVI–XVII вв.’ (МАС). Слова *сотник* в тексте нет. *Конная сотня* — ‘строевая единица в казачьем войске’; *пятидесятник* — ‘командир воинского подразделения, состоящего из пятидесяти человек’ (МАС — *ист.*); *пешая сотня* — ‘войсковая единица в русском войске (в стрелецких полках) в XVI–XVII вв., действующая пешком’; *пеший атаман* — ‘атаман пеших казаков’; *десятник* — ‘низший казачий чин’ (МАС — др. знач.); *лазутчик* — ‘разведчик, проникающий в расположение противника во время военных действий’ (МАС — *устар.*); ср.: *соглядатай* — ‘тот, кто тайно наблюдает, следит за кем-л.’: *И тогда Изосим определил: Соглядатай* (О.З., с. 16); *А были в том посольстве Алтын-хана два улусных киргиза — проводник и кашевар — посланные Ишеем тайными соглядателями* (Д.К., с. 138) (МАС); *ертаул* (см. в разделе «Инородческая речевая среда»); *новоприбранный* — ‘казак, недавно принятый на службу’. (Два слова этой тематической группы являются диалектизмами: *есавул* — ‘то же, что *есаул*’; *ватаман* — ‘атаман’.)

Рать — ‘войско, здесь: казачье’ (МАС — *устар.*); *ратный* — ‘относящийся к рати, к казачьему войску’; *ратные люди* — ‘участвующее в сражениях мирное население, то же, что *ополчение*’; *воинские люди* — ‘служилые, служившие в войске’; *ходить в напуск* — ‘преследовать противника на лошадях; перен. со *спец.*: спускать собак с привязи на зверя’ (МАС — *спец.*); *сеча* — ‘битва, бой, сражение’ (МАС — *устар.*); *сойти с земли* — ‘отказаться от намеченной цели — захвата земли, вывести войско; отступить’; *сойтись на кулачках* — ‘вступить в кулачный

бой»; порубежье — ‘граница’; *порубежный* — ‘расположенный у границы, рубежа, находящийся на границе, на рубеже; пограничный’ (МАС — *устар.*).

3.2. Развёрнутое представление читатель получает о вооружении и доспехах русских казаков, **10 и 5 лексических единиц**: *бердыш* — ‘старинное холодное оружие — боевой топор с лезвием в виде вытянутого полумесяца, насаженный на длинное древко’ (МАС); *бердышок* — ‘то же, что *бердыш*’; *секира* — ‘старинное холодное оружие в виде топора с длинной рукояткой’ (МАС — *устар.* и *обл.*); *кистень* — ‘старинное оружие для нанесения ударов, состоявшее из короткой палки с подвешенным на ремне или цепи металлическим шаром, гирей и т. п. и с петлей на другом конце, надевавшейся на руку. В тексте и народном представлении осознаётся как оружие разбойников (МАС); *палица* — ‘тяжёлая дубинка с утолщённым концом (МАС)’; *ломовая пушка* — ‘тяжёлая дальнобойная пушка’; *пищаль* — ‘старинная пушка или тяжёлое ружье, заряжаемое со ствола’ (МАС); *пистоль* — ‘пистолет’ (МАС — *устар.*); *огненное дело* — ‘изготовление и стрельба из огнестрельного оружия’; *огненный бой* — ‘огнестрельное оружие, пищали, ружья’ (МАС — *устар.*).

Доспехи — ‘боевое снаряжение, вооружение воина в старину’ (МАС); *колонтарь* — ‘вид старинной защитной одежды’; *шлем* — ‘старинный воинский металлический головной убор, защищавший от ударов холодным оружием’ (МАС). Из боевых припасов выделен в текстах только порох: *зелёный* — ‘пороховой’; *натруска* — ‘мешок с порохом’. См.: в словаре «Русская одежда» В. Вардугина [Вардугин]: *колонтарь* — ‘старинный доспех, броня из бляхи колец, среднее между латами и кольчугой’ (с. 333); *шелом* — ‘шлем, военный доспех, кроющий голову, ныне каска’ (с. 349).

П. Я. Черных отмечает: «Появление огнестрельного «горячего» оружия сделало необходимым и повлекло за собой возникновение (к XVII веку) соответствующего общего термина: *огненный* (или *вогненный*) *бой* в противовес *лучному бою* (где *бой* значит ‘оружие, вооружение’)» [Черных, 1956, с. 216]. К этому же времени он относит и возникновение слова *пищаль*. «Отметим прежде всего, что

порох в древние времена называли не *порохом* (это слово значило ‘пыль, прах’), а *зельем*, которое имело немало и других обычных значений: ‘трава’, ‘злак’, ‘лекарство’, ‘отрава’. Но и это слово, известное со значением ‘порох’ только с первой половины XVI века, по-видимому, не было первичным наименованием» [Черных, 1956, с. 216].

3.3. Казаки, непрерывно участвующие в боях, естественно, имели погибших и раненых. Последних надо было лечить. В диологии есть группа слов, связанных с врачеванием, всего 6 лексических единиц: *зелье* — ‘настой на травах, применявшийся в старину как лечебное или отравляющее и т. п. средство’ (МАС — *устар.*); *знахарь* — ‘лекарь-самоучка, лечивший народными средствами и заговорами’ (МАС — др. знач.); *лекарь* — ‘официальное название врача в дореволюционной России; тот, кто лечит’ (МАС — *разг., устар.*); *золотушный* — ‘страдающий золотухой — туберкулезной инфекцией, проявляющейся в коростах на теле (обычно у детей)’ (МАС — *устар.*); *недуг* — ‘сильное недомогание, болезнь’ (МАС); *недужный* — ‘слабый, больной, немощный’ (МАС — *устар., прост.*).

3.4. Казаки в основной своей части были «лошадными», то есть кавалеристами. Поэтому в текстах есть ряд слов (устаревших или малоупотребительных, как, например, обозначающих масти), связанных с лошадьми, всего 7 слов: *бегун* — ‘быстрая на ходу лошадь’ (МАС — *устар.*); *бегунец* — ‘то же, что *бегун*’; *бегунок* — ‘то же, что *бегун*’ (МАС — др. знач.); *буланый* — ‘светло-рыжий с чёрным хвостом и гривой (о масти лошади)’ (МАС); *мухортый* — ‘о масти лошади: гнедой с желтоватыми подпалинами’ (МАС); *седловка* — ‘способ, каким оседлана лошадь, качество седлания’ (МАС — *спец.*); *саква* — ‘кавалерийская сумка для зерна’ (МАС — *есть*). Всего в тематической группе 57 слов.

4. Остальные тематические группы историзмов типичные — 4.1. **Денежные единицы и различные меры.** 4.2. **Одежда и обувь.** 4.3. **Ткани.** 4.4. **Посуда и напитки.** 4.5. **Музыкальные инструменты.** Эти тематические группы характерны для национальных историзмов, фиксированных в толковых словарях, и они идентичны тематическим группам экзотизмов.

4.1. Итак, денежные единицы и меры, 6 и 7 лексических единиц: *алтын* —

‘старинная русская денежная единица’ (МАС) (ср.: в романе «Половодье» — *алтынник* — ‘лавочник, купец’); *гривна* — ‘основная денежная и весовая единица в Древней Руси, представлявшая собой серебряный слиток весом около фунта’ (МАС — *ист.*); *деньга* — ‘старинная медная монета в полкопейки’ (МАС); *золотник* — ‘старая русская мера веса, равная 1,96 фунта (около 4,26 г), применявшаяся до введения метрической системы; малость’ (МАС); *сребреник* — ‘древняя мелкая серебряная монета’; *из-за тридцати сребреников* — ‘из-за корысти’ (МАС); *сребролюбец* — ‘тот, кто любит деньги, стремится к наживе’ (МАС — *устар.*).

Слова, номинирующие денежную систему Руси и России, сложились давно, ещё в древнерусский период. «Как известно, основной единицей денежной системы Древней Руси до XIV в. была *гривна* (*гривьна*). Это слово по происхождению родственно с *грива*, что в старославянском языке значило не только ‘грива’, но и ‘шея’» [Черных, 1956, с. 128]. С XIV века «появились слова, занесённые с азиатского Востока: *деньга* — сначала лишь мелкая монета <...>; *алтын* (*общетюркск. алтын* —

‘золото’) в Москве — ‘медная монета в 6 денег’» [Черных, 1956, с. 130].

Аршин — ‘русская мера длины, равная 0,711 метра’ (МАС); *аршинный* — ‘широкий, толстый; букв. мерою в один аршин’ (МАС); *верста* — ‘русская мера длины, равная 1 км 600 м, применявшаяся до введения метрической системы’ (МАС); *сажень* — ‘старинная мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы’ (МАС — *устар.*); *сорок* — ‘старинная единица счета, в основе которой лежало число 40’ (МАС); *косушка* — ‘полбутылки водки’ (МАС — *прост., устар.*); *пуд* — ‘русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической системы’ (МАС).

«Древнерусская «третичная» система измерения длины, возможно, восходит ещё к общеславянской эпохе и известна во всех славянских языках с древнейшего времени. <...> *Сажень*, как мера длины, составляет 3–4 *локтя*. <...> Примерно с XVI века старая система мер длины в Московском государстве начинает вытесняться новой системой. Появляется слово *аршин* восточного происхождения (пер-

воисточник — персидское *aras*, тот же ‘локоть’, но занесённое к нам через посредство тюркских языков)» [Черных, 1956, с. 131–132].

4.2. Слова, обозначающие одеждуиобувь. Всего 18 слов (и 3 — сумки): *кафтан* — ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’ (МАС); *кафтаный* — ‘прил. от *кафтан*. Старинная русская распашная одежда без воротника и перехватов в талии’ (МАС); *тегиляй* — ‘вид лёгкой распашной мужской старинной одежды’; *чуга* — ‘старинная верхняя мужская одежда’; *исподний* — ‘надеваемый подо что-то другое, нательное (нижнее) бельё’ (МАС — *прост.*); *исподники* — ‘длинные нижние мужские штаны’ (МАС — *прост.*); *руба* — ‘одежда, рубашка’; *рубщице* — ‘ветхая, рваная одежда’ (МАС); *колпак* — ‘головной крестьянский убор остроконечной, овальной и т. п. формы’ (МАС); *картуз* — ‘мужской головной убор с козырьком’ (МАС); *треух* — ‘теплая мужская шапка с опускающимися на ушниками и задком, вид ушанки’ (МАС); *опорки* — ‘старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами’ (МАС — *разг.*); *сарафан* — ‘русская народная женская одежда в виде длинного свободного платья без рукавов’ (МАС); *летник* — ‘старинная распашная нарядная летняя женская одежда с длинными широкими рукавами’ (МАС); *плат* — ‘платок’ (МАС — *устар.* и *трад.* — *поэт.*); *очелье* — ‘лобовая, наиболее украшенная часть древнерусских женских головных уборов’ (МАС); *ожерельник* — ‘женское украшение, ожерелье’; *нагольный* — ‘сшитый из шкурок кожей наружу и не покрытый тканью (о шубе, тулупе и т. п.)’ (МАС); *крытая шуба* — ‘шуба, сшитая мехом вовнутрь и покрытая тканью’.

Из 18 историзмов только 4 обозначают женскую одежду и украшения, что составляет чуть более 22%.

См.: в словаре В. Вардугина «Русская одежда» [Вардугин]: *картуз* — ‘фуражка с козырьком’ (с. 331); *кафтан (татарск.)* — ‘верхнее долгополое мужское платье разного покроя’ (с. 332); *колпак (татарск. шапка)* — ‘спальная либо домоседная шапочка’ (с. 333); *ожерельник* — *арх.* ‘шейный платок, меховой женский ворот-

ник, монисто' (с. 340); *руба* — 'самая грубая, толстая, рабочая или будничная одежда' (с. 345); *сарафан* — 'встарь — мужской долгий кафтан особого покроя' (с. 345); *тегилай* —

'старинный кафтан со стоячим воротом и короткими рукавами' (с. 346); *ферязь* — 'старинное мужское долгое платье с длинными рукавами, без воротника и перехвата' (с. 348); *чыга* — 'старинный узкий короткорукавный кафтан' (с. 349); *очелыш* — *вят.*

'девичий головной убор, кокошник' (с. 340); *шуба* — 'верхняя, просторная меховая одёжа, мужская и женская' (с. 350). Словарь показывает, что А. И. Чмыхало не стремится использовать этнографические возможности привлечённой лексики.

Сума перемётная — 'сумка, чаще кожаная, состоящая из двух мешков, которую носят перекинутой через что-л. по обе стороны (обычно через седло); перекидная' (МАС); *котомка* — 'дорожная сума, носимая за плечами' (МАС); *мошна* — 'кошелёк, мешок для денег' (МАС — *устар.*).

4.3. Слова, обозначающие ткани. Всего 10 слов: *дерюжный* — 'сделанный из дерюги — грубой ткани из низкосортной пряжи' (МАС); *даба* — 'китайская бумажная ткань, преимущественно синего цвета' (МАС); *тафта* — 'плотная шёлковая или хлопчатобумажная глянцевиная ткань с поперечными мягкими рубчиками' (МАС); *посконный* — 'сделанный из поскони: домотканого холста из волокна конопля' (МАС); *рогожа* — 'грубая плетёная ткань из мочальных лент' (МАС); *сафьян* — 'тонкая мягкая кожа растительного дубления, выделяемая из шкур коз и овец' (МАС); *сафьяновый* — 'сшитый из сафьяна' (МАС); *юфтевый* — 'сделанный из юфти, т. е. из кожи крупного рогатого скота, лошадей, свиней' (МАС); *телятиновый* — 'сделанный из кожи телёнка'; *камчатый* — 'сшитый из камки, старинной шёлковой цветной ткани с узорами' (МАС — *народ.* — *поэт.*).

4.4. Посуда и напитки в диалогии, 8 слов: *братина* — 'старинный, большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую' (МАС — *есть*); *ендова* — 'старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком' (МАС); *сулея* — 'плоская склянка, бутылка (преимущественно для вина)' (МАС — *устар.*); *чара* — 'старинный сосуд для пи-

тья воды' (МАС); *чарка* — 'старинный сосуд для питья вина' (МАС); *тарель* — 'то же, что *тарелка*'.

Мёд — 'старинный хмельной напиток, приготовленный из мёда — сладкой сиропобразной густой жидкости, вырабатываемой из нектара цветков медоносных растений' (МАС); *брага* — 'старый русский слабоалкогольный напиток, род пива' (МАС).

Посуда в диалогии, кроме слова *тарель*, упоминается; предназначенная для напитков. Названия кушаний не приводятся вообще, напитки — только хмельные.

Таким образом, создаётся коллективный образ сибирского казачества XVII века.

4.5. Названия музыкальных инструментов вписываются в этот образ, это

5 слов: *гусли* — 'старинный русский многострунный щипковый музыкальный инструмент' (МАС); *рожок* — 'старинный духовой музыкальный инструмент'; *сопелка* — 'народный (русский, украинский, белорусский) духовой музыкальный инструмент типа флейты' (МАС); *литавры* — 'древнее приспособление, производящее сильный звук для привлечения народа; гонг'; *skomорохи* — 'в Древней Руси странствующие актеры, бывшие одновременно певцами, плясунами, акробатами и т. д. и авторами большинства исполнявшихся ими драматических сценок' (МАС). Всего в этой тематической группе 57 лексических единиц.

§ 2. Архаизмы в создании образа в диалогии

Тесно связаны с историзмами и архаизмы. Архаизмы — слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимическими лексическими единицами. В тексте часто трудно разграничить историзмы и архаизмы, так как уходят из действительности не только материальные предметы, но и абстрактные понятия. Поэтому в части тематических групп представлены и те и другие. «Лексика данного произведения соотносится сразу с литературной лексикой и общеречевой лексикой, с одной стороны, с другими элементами данного произведения — с другой. Оба эти компонента, вернее обе равнодействующие функции, неравноправны. Функция архаизмов, например, целиком зависит от системы, в которой они употреблены» [Тынянов, с. 273].

1. Архаизмы относительно редки в романах А. И. Чмыхало, всего фиксированных с пометой *устар.* в МАС 24 лексические единицы: *супостат* — ‘неприятель, противник, враг’; *пагуба* — ‘гибель, сильный вред’; здесь бранное слово; *поруха* — ‘вред, порча, разрушение’; *окоём* — ‘пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт’; *благой* — ‘хороший, добрый’; *жёнка* — ‘женщина’; *гульбище* — ‘место народного гулянья; само гуляние’; *мздоимец* — ‘взяточник’; \diamond *голь перекатная* — ‘беднота, люди, которые в поисках заработка вынуждены менять местожительство’; *ведать* — ‘знать, иметь сведения’; *ведомо* — ‘известно’; *поведать* — ‘рассказать’; *повелеть* — ‘приказать’; *пожаловать* — ‘наградить чем-л.’; *призреть* — ‘дать приют и пропитание’; *испросить* — ‘прося, получить чего-л.’; *сподобить* — ‘удостоить чего-л., наделить чем-л. в знак своей милости’; *сподобиться* — ‘удостоиться какой-л. чести, внимания, милости’; *умягчать* — ‘сделать более мягким, смягчить’; *вёдро* — ‘солнечная сухая погода’; *вкупе* — ‘вместе’; *гораздо* — ‘очень’; *сторицей* — ‘во много раз больше (букв.: в сто раз больше)’; *ублагодворённо* — ‘удовлетворенно’. Большая часть среди них — глаголы.

2. Есть такие, что не фиксированы в словарях, но широко известны: *заход* — ‘отхожее место, туалет’: *Он уцепил Куземку за рукав, настойчиво потянул в заход* (Д.К., с. 14); *Зачем не в седле, пёс старый? Ты к заходной яме призван али на смотр воеводский?* (Д.К., с. 258); *почесть* — ‘уважение’; *мягкая рухлядь* — ‘пушнина’: *Ежегодно присылать воеводе в почесть мягкую рухлядь* (Д.К., с. 235) и т. д.

3. Семантические архаизмы (фиксированные в словарях ЛЯ и внелитературные) в тексте единичны: *Воеводскую казённую память и ту из рук выхватил и прогнал Якова домой* (Д.К., с. 254); *Уж и подарков привезли от царя мугальского! — Каки-таки поминки — еле ноги унесли!* (Д.К., с. 194); *Вот какие поминные соболи, про которые ты мне нашёптывал. Ещё одни такие поминки — и государе-*

ва казна совсем пуста будет (Д.К., с. 194). Интересно, что слово *воротник*, имеющее в современном русском языке омоним, обозначающий часть одежды, употребляется таким образом, что возвращает нас к внутренней форме, употребляясь со словом *ворота* или *острог*: *Советовал **воротник** Оверко, скоро приковылявший из **острога** на драку* (Д.К., с. 16); «Любо!» — *драл горло **осторожный воротник** Оверко Щербак, хромой мужик с жёсткими тараканьими усами* (Д.К. с. 8); ***Осторожный воротник** уже наглухо закрыл ворота* (Д.К., с. 17); ***Воротник** Оверко Щербак следом заскрежетал железом, закрывая на пудовый замок Спасские ворота* (Д.К., с. 34) и т. д.

4. Употребляются словообразовательные, грамматические и фонетические варианты по отношению к кодифицированной лексике (частично славянизмы): *ожерельник* — ‘ожерелье’: *В чёрной шубейке и в праздничном сиреневом платье она присела на ступеньку и, выставив коралловый **ожерельник**, принялась пощёлкивать кедровые орешки* (Д.К., с. 256); *плат* — ‘платок’ (МАС устар. и trad. — поэт.): *Скрипнула калитка, и появилась закутанная в **плат** женщина* (Д.К., с. 261); *тарель* — ‘тарелка’: *Отдельно, в большой **тарели**, принесла кан — кровяную колбасу* (Д.К., с. 249); *Золотой **тарелью** только что выкатилось из-за гор и понеслось по небу проворное солнце* (Д.К., с. 356); *соковитый* — ‘в соку’: *А уж и раздобрела Феклуша за последние годы! Пополнела, раздалась в бёдрах, стала крепка и **соковита*** (Д.К., с. 256); *остережись* — ‘остерегись’: «***Остережись! Зашибу!***» — *шутливо выкрикнул он* (Д.К., с. 259); *дурно* — в значении существительного: *Якунько всерьёз опасался, как бы улусные люди не заворовали и не сделали с ним и Тимошкой какого **дурна*** (Д.К., с. 47); *распояской* — ‘распоясанный’: *Увидел казака **распояской**, позеленел лицом* (Д.К., с. 259); *аглицкий* — ‘английский’: *Тесак в серебряной оправе, два золочёных кубка, серебряную братину, а ещё **аглицкие** сукна, турецкий атлас — всего и не перечтёшь сразу, что тогда получил спесивый хан* (Д.К., с. 138); *еси* — ‘есть’: *Уж и понятлив **еси*** (О.З., с. 143); *Приехал **еси*** (О.З., с. 58); *человеколюбец **еси** отец ректор* (О.З., с. 58); *Жив **еси!*** (О.З., с. 285); *зрить* — ‘смотреть’: ***Зрю**, пристала она к тебе, что репей к кафтану* (Д.К., с. 35); *изыди* — ‘уйди’: «***Изыди!***» — *прервал его Василь* (О.З., с.

126); *тя* — ‘тебя’: *чтоб тя оглушило, басурманин!* (Д.К., с. 232); *чти* — ‘читай’: *Чти со вниманием* (О.З., с. 252) и т. д.

Здесь мы имеем дело с явлениями разного порядка: 1) с такими лексемами, которые известны в старорусском языке: *заход* [СРЯ, XI–XVII вв.: *заходъ* — ‘отхожее место’], *мягкая рухлядь* — ‘пушнина’ [СРЯ, XI–XVII вв.: ‘пушнина’, с 1603 г.], *почесть* — ‘вид подати в благодарность’ [Срезневский: *почестийе* — ‘почитание; почёт; благодарность, признательность; вид подати’], *гораздо* — ‘очень’ [СРЯ, XI–XVII вв.: ‘значительно, весьма, очень’], *жёнка* — ‘женщина’ [СРЯ, XI–XVII вв.: *жонка* — ‘женщина’], *дурно* — ‘зло’ [СРЯ, XI–XVII вв.: ‘всё дурное, плохое; злое дело; зло, вред, неприятность’], *воротник* — ‘караульный, тот, кто охраняет ворота’ [СРЯ, XI–XVII вв.: *воротник* — ‘тот, кто охраняет городские или крепостные ворота; караульный’], *высоковерхий* [СРЯ, XI–XVII вв.: ‘имеющий высокую вершину’]; 2) такие, которые имеют близкое значение: *плат* — ‘платок’ [Срезневский: ‘часть, кусок, полоть; лоскут, обрывок, кусок ткани’], *тарель* — ‘тарелка, блюдо’ [Срезневский: ‘плоская круглая посуда’], *поминок* — ‘дар, подарок’, *узорочье* — ‘ткань с узорами’ [Срезневский: *узорочийе* — ‘драгоценные вещи или ткани с литыми, резными, ткаными и шитыми узорами; вообще драгоценные вещи’] и нек. др.; 3) которые в текстах с XVI века зафиксированы с другим значением: *ожерельник* — ‘ожерелье’ [СРЯ, XI–XVII вв.: то же, что *ожерелейник* — ‘мастер, изготавливающий воротники или шейные украшения’], *заметь* — ‘позёмка’ [СРЯ, XI–XVII вв.: *заметь замести* — ‘поставить забор, загородку’] и др.; которые, возможно, являются «потенциальными словами», возникающими у автора в потоке речи: *предрассветье* [Срезневский: есть только *прѣдъречи*], *мелколесый* (в современном литературном есть «мелколесный», в СРЯ XI–XVII вв. есть: *мелкоречный, мелкоружейный, мелкотравный, мелкотравчатый* и т. д.): *И всё-таки в мглистом предрассветье не углядели Васькиных тайных посланцев* (Д.К., с. 277); *У плотины — мельница водяная, высоковерхие амбары* (Д.К., с. 276); *Однако вскоре след, поплутав по мелколесой тайге, забрал ещё левее* (Д.К., с. 134); *узорочье следов* (Д.К., с. 133); *В дымной степной замети был виден лишь широкий*

темноватый на его могучей спине и отвислый распушенный хвост (Д.К., с. 135) и т. д.

§ 3. Диалектизмы как средство стилизации языка исторического прошлого

Места, откуда вышли герои романа, обозначены скупой: один воспитывался в Москве, у другого была земля на Дону, третий — с Орловщины. Большинство же героев вышли неизвестно откуда, речь их должна быть разнодиалектной. Основные герои произведения — сибирские казаки. А. И. Чмыхало показывает связь между сибирским казачеством и донским, яицким; казаками из гулящих людей (*Куземко*) и запорожцами (*черкасы*).

Какой же говор был ведущим среди казачества?

1. Фонетические диалектизмы. Оканье передать при современной морфологической орфографии невозможно, разве что описательно. Автор делает это виртуозно: уже на первой странице романа бабы кличут ребятишек: *Домой-ко!* Использование постпозитивной частицы *-ко* вместо разговорной *-ка* предполагает окающее произношение. На страницах романа эта частица встречается довольно часто: «*Встань-ко*», — *мягче произнёс Степанко* (Д.К., с. 257) и т. д. Частотное слово *батюшко*: «*Не вводи в искушение, батюшко*», — *прошептал Родион* (О.З., с. 255); «*Ты о чём это, батюшко?*» — *настороженно сощурился воевода* (О.З., с. 152); *Герасим подумал, не ушёл ли от него своевольный Константинко, спросил: «Тут?» — «Тут, батюшко». «Хватят лиха, будут поговорчивее», — угрюмо сказал воевода. — «Так, батюшко»* (Д.К., с. 358) и т. д.

Имена героев: *Куземко, Степанко, Артюшко* и др. (даже инородческих — *Табунко*, а также *Овдейко Зырян, Оверко Щербак, Олферий Баскаков, Ондрей Дубенской, Ондрюшко Сорокин, Онисим* (см. раздел «Поэтический ономастикон») — также предполагают окающее произношение. В романе неоднократно используется написание слова *пошто* через букву *ш*. При чтении в современной орфоэпии союз *что*, написанный через *ч*, всё равно читается через *ш* (*што*), так читается и *почто*. Написанием буквы *ш* автором подчеркивается оканье (*пошто*): *Пошто ненавидит? Пошто измену творит царю-батюшке?* (Д.К., с. 48).

Один из казаков на месте [ш'ш'] (щ) произносит [шш]: «*Жёнку бы, сердеш-*

ные, сюда, — в сладком мечтании прикрыл тяжёлые веки один из караульчиков, — так и вцепился бы в неё **клешишом**» (Д.К., с. 186). Это южнорусская черта, но закреплена она и за русскими старожильческими говорами Сибири.

В речи Артюшки Шелунина последовательно звучит знаменитое сибирское чоканье: *Спешимся, **чо** ли; Копье сковать можно, коли **чо*** (Д.К., с. 187); *Нож-то ты **чо** у меня оглядывал?* (Д.К., с. 188); «Умучил смотрами воевода», — со вздохом признался Артюшко... «ч-ч-о?» — «**Ничо!**» (Д.К., с. 258). Причем его *чо* очень широкой семантики: на первых страницах романа на уговоры казаков купающийся Артюшко отвечает так: «Кого дивить вздумал?» — «**Чо!**» — *задиристо похвалялся рыжий и забредал задом всё глубже* (Д.К., с. 6).

Верещага в своей речи употребляет протетический и интервокальный *в*, что характерно для народной русской речи в целом: *Хотел сходить к Родивону, да вот расхворался* (Д.К., с. 273); *Ты вот, треплешь, ватаман, своим языком про Харю* (Д.К., с. 274). Юхим также использует эту диалектную черту: *Помню, есавул был из есавулов, лыцарь. Ось его кисет* (О.З., с. 350).

Слово *горесь* ('горе, несчастье, печальные события') без конечного [т] — также свидетельство принадлежности говора красноярских казаков к северному наречию: *Живы ли? Вот горесь!* (О.З., с. 248) [Русская диалектология, 1965, с. 237].

Таким образом, представлен русский старожильческий говор Сибири — говор потомков русских первопоселенцев, это говор с северно-русской основой [Григорьев, 1928; Блинова, 1971; Цомакион, 1971]. Русские старожильческие говоры всегда воспринимались и воспринимаются как подлинно русская сибирская речь, хотя в Сибири существует ещё масса переселенческих говоров с разной диалектной основой. Фонетические диалектные черты языка героев в системе изобразительно-выразительных средств романа работают на основную стилистическую тональность — дают представление об эпохе.

2. В диалогии А. И. Чмыхало используются 123 лексических диалектизма. Среди них 48 — фиксированные в словарях литературного языка. Так, с пометой *обл.* представлено 34 диалектизма: *беремя, большак* ('старший сын, брат'), *брод-*

ни, взвар, взвоз, верхоконный, встречу, горница, гостевать, догляд, духмяный, дымокур, дюжий, заимка, западня, заплот (ср.: плетень (в МАС без помет), тын (в МАС без помет), частокол (в МАС без помет)), злыдень, ичиги, — ко, кошева (кошёвка), круговерть, лихоманка, однова, паут, поветь, полесовщик, пригон, рушник, сугрев — для сугрева, сутемь, уросливый, ушат, хмарь.

Слова, отмеченные в МАС как *устар.* и *обл.*: балаган, батог, батожсьё, вершник, ноне, нонешний, пошто, торг ('рынок, базар'), — 8; с пометой *прост.*, *обл.*: дюжий, тятка. К диалектной примыкает и народно-поэтическая лексика с соответствующей пометой: *закручиниться*, *кривда*, *кручина* (нет пометы *народ.* — *поэт.*), *грай*, *лиходей* — 'несущий горе за собой, злодей' (МАС — *устар.* и *народ.* — *поэт.*); *избывать* — 'здесь: проходить'. (МАС — *устар.*, *народ.* — *поэт.*); *лихо* — 'зло, беда, несчастье' (МАС — *прост.* и *народ.* — *поэт.*); *лихолетье* — 'пора смут, потрясений, бедствий' (МАС — *устар.* и *высок.*); *улада* — 'наслаждение, удовольствие' (МАС — *устар.*, *народ.* — *поэт.*); \diamond *выплыть утицей* — 'плавно выйти' (МАС — *устар.*, *народ.* — *поэт.*); *заморский* — 'привезённый, прибывший из-за моря; иностранный' (МАС — *устар.* и *народ.* — *поэт.*).

Не отмеченные пометами в МАС слова (63 единицы) мы относим к диалектизмам по нескольким основаниям: наличие в словарях диалектной лексики (СРГЮРКК, СРГСРКК, СРГЦРКК, СРНГ: *занедуговать*, *глыбь*, *заделье*, *ежеден*, *воньливо*, *немешкотно*, *впромесь*, *куда-нито*, *разболочься*, *куржак* — 10), а также отнесение к понятиям традиционного русского быта: *выстойка* ('возможность выстояться лошадям — отдохнуть, остыть после долгой быстрой езды, бега'), *торсук*, *гасник*, *курник*, *лагушок*, *лодейка*, *глинобитная печь*, *подамбарник*, *рожны*, *сельница* — 10. Выступающие в качестве фонетического, грамматического, словообразовательного или частеречного варианта общенародного слова: *чо*, *почо*, *дык*, *горесь*, *завтре*, *сёдни*, *немочный*; *замолчь* ('замолчи'), *не моги*, *булыжина*, *волосьё*; *зыбистый*, *куделя*, *куделька* (при общенародном *кудель*), *береженье* и *бережь*, *сутемень* и *сутемь*, *выхудать*, *запазуиный*, *жесточить*, *забидеть*, *зарить*, *зарадоваться*, *заслоиться*, *зыркнуть*, *стрелить*, *гостевая*, *гулеван*, *залих-*

ват, заметь, компанейцы, куда-нито, подвздошье, пореть, приворотница, разбо-
лочья, раскукситься, соковитый, стрелить, сумлеваться, толкунцы, толчина —
43.

3. В романах встречаются также некоторые тематические группыограниченного
употребления в современном языке. Собственно устаревшей лексикой они не яв-
ляются, но в контексте романа «работают» на архаизацию языка. Мы испытываем
«иссушающее обеднение русского языка... по поспешности нашего века, по не-
брежности словоупотребления и по холостящему советскому обычаю... Область
желанного и осуществимого языкового расширения» — слова,
«частично ещё применяемые, но всё реже, теряемые как раз в наше время, так что
им грозит отмирание» [Солженицын, 1990, с. 3–4].

Так, например, представлены в текстах травы: *А ещё в неприглядно густом*
черемушнике попались Верещаге красноголовник, жёсткая плясун-трава и ядо-
витая живокость <...>, рассуждал Верещага, растирая на ладони розовые
цветки дудника <...>, в изобилии росли желтушник и горошек, подмаренник и
медунка. И, как назло, не было лишь заветного зверобоя (Д.К., с. 53) и т. д.; *Вот*
размашисто уходил от лисы в караганник пугливый заяц (Д.К., с. 133); *Затем*
достал из колчана сорванный ещё в степи про запас пучок травы ирбен, высек
кресалом огонь и развёл костёр. ...Выходил к людям в улусы или зимовья, а то
убивал зверя или находил съедобные коренья сараны или кандыка (Д.К., с. 133) и
т. д.

Зверобой — ‘травянистое растение или полукустарник, применяемые как
лечебное средство’ (МАС), *подмаренник* — ‘травянистое растение сем. марено-
вых, с жёлтыми и белыми мелкими цветками’ (МАС), *черёмушник* — ‘заросли че-
рёмухи; черёмуховый кустарник’ (МАС). Нет в МАС: *горошек, дудник, желтуш-*
ник, живокость, ирбен, кандык, караганник, красноголовник, медунка (есть *меду-*
ница), *плясун-трава, сарана*. В «Словаре фитонимов Среднего Приобья» [Арьяно-
ва, 2005–2008] отмечены: *горошек* (т. 1, с. 64), *дудник* (т. 1, с. 78), *желтушник* (т.
1, с. 86), *живокость* (т. 1, с. 86), *зверобой* (т. 1, с. 91), *кандык* (т. 1, с. 198), *медун-*
ка (т. 2, с. 47), *подмаренник* (т. 2, с. 87), *черёмушник* (т. 3, с. 43). Эту лексику мож-

но отнести к диалектной.

4. Используются автором отличные от общенародных фразеологические обороты и поговорки: *взять в ум, идти на переём, не за холщовый мех, спина за-свербела, крытая шуба, курить вино, войти в медвежью силу, жилой подклет, сенная девка, хлебное печенье, чинить разор, взять в батоги* — 12 единиц. **Казак на сабле женат, с пицалью обвенчан, ему их до гроба любить и нежить** (Д.К., с. 187). **Всякая сорока от своего языка гибнет. Не станет тебе прощенья от Родивона** (Д.К., с. 191). **Без поры душа не отлетит. Живому само собой нет могилы, а прибить некому** (Д.К., с. 274). **Рылом мышей ловил, поймать — не поймал, а братского проворонил** (Д.К., с. 274). Старая форма просьбы: **Не во гнев твоей милости, не в зазор моей чести** (Д.К., с. 367). *Заболело в груди, начался кашель. А тут у самого Якунки собаки забрехали в подреберье. «Худо мне», — сказал он, устраиваясь рядом с товарищем* (Д.К., с. 63). **С рыла болван, а во всём талан!** (Д.К., с. 361). **Целовать в уста — нет поста** (Д.К., с. 366). **«Чтоб тебя пополам да в черепья!» — схватил колпак и бегом из горницы** (Д.К., с. 367). **Чужая земля не защитница** (Д.К., с. 180) и т. д.

Они также в совокупности с другими языковыми средствами создают колорит эпохи. Использует автор и некоторые устаревшие синтаксические конструкции: *«И я стану держать к вам береженье великое», — продолжал воевода* (Д.К., с. 260). **Нас беспрестанно воюют... Писать на Москву** (Д.К., с. 175) и т. д.

§ 4. Просторечие как средство создания образа речевой среды

Русскую речевую среду передаёт и просторечие. Всего в тексте 175 слов, отмеченных МАС как просторечные, и всего 23 имеют двойную помету — просторечное и устаревшее, что составляет всего 13%: *али, аль, вдругорядь, виниться, гораздо, гугнивый, ежели, коли, намедни, недалече, неужто, прибылой, промеж, пуще, радеть, содеяться, спроворить, супротив, супротивник, сухмень, торова-то, харчевать, непотребные речи*. Таким образом, просторечная лексика, скорее всего, служит в текстах для изображения устной речи, а не для стилизации рече-

вой среды прошлого.

§ 5. Выводы

1. Центральным русским образом в тексте является острог. Сибирь XVII века значительно отличалась от европейской части России, где в это время была разветвлённая сеть городов и деревень. В Сибири основными населёнными пунктами проживания русских являлись укреплённые остроги (ставшие впоследствии основой сибирских городов) и посады, а также примыкающие к ним временные сельскохозяйственные поселения — заимки — и небольшое количество деревень. Острог в диалогии представлен в разных ракурсах: это и крепостное сооружение, и боевая крепость, и прообраз города, и тюрьма, и административный и хозяйственный центр.

2. Всего историзмов в диалогии использовано 256, связанных с острогом — 112, то есть 44%. Из 256 лексем 73 отмечены в значениях как историзмы (в МАС). Помету *ист.* имеют 9 слов. С пометой *устар.* использовано 45 слов, 10 слов имеют эту помету в комбинации: *прост., устар.; устар., обл.; разг., устар.; устар., народ.* — *поэт.* Всего отмечено как устаревшие в МАС 145 слов, это 57%.

3. Кроме того, значительная часть слов приводится в МАС без каких-либо замечаний, однако в сущности это устаревшая лексика: *амбар, подамбарник, армяк, зипун, каланча, расспрос* ('способ ведения сыска'), *плаха, рубище, нагольный, картуз, треух, исподний, исподники, дерюжный, рогожа, даба, сафьян, буланный, мухортый, гонец, купец, палица* и т. д., всего 30 слов. Шесть слов фиксированы в МАС с другим значением: *железа, универсал, посольства, ясачный, девка, десятник*. Итак, в МАС отмечены 180 слов, то есть 70%.

4. 76 слов не отмечены в МАС. 1. Это словообразовательные варианты к известной лексике (25 слов): уменьшительные существительные (в Академической грамматике указываются существительные с модификационными значениями женскости, невзрослости, подобия, собирательности, единичности, субъективных оценок [Русская грамматика, 1980, с. 210–218]): *ярыжка, казачонок, казачата, бердышок, бегунок, ватажка*; прилагательные и субстантивированные прилагательные: *приказный, дьяковский, воеводин, гулящий, атамановский* (при наличии

в тексте слова *атаманский*), *телятиновый* (при литературном *телячий*), *кафтан-ный*; производные глаголы: *ватажничать*, *воеводствовать*, *засмутничать*, *заворовать* (при *вор*, *воровать* — ‘изменять государю’); производные существительные: *порубежье* (при *порубежный*), *воеводиша*, *воеводиша* (при *воевода*), *бегунец* (при *бегун*), *бражничанье* (при *бражничать*), *казачина* (при *казак*), *ватажник* (при *ватага*), *дозорщик* (в МАС — *дозорный*). 2. Это составные наименования при использовании в тексте однокоренных слов (47 единиц): изба — *курная*, *блудная*, *съезжая*, *приказная*, *аманатская*, *таможенная*; люди — *братские*, *воинские*, *государевы*, *думные*, *духовные*, *начальные*, *пашенные*, *посадские*, *ратные*, *служилые*, *улусные*; людишки — *подлые*; жёнки — *гулящие*, *разбойные*, *казачьи*, *посадские*; девки — *блудные*, *сенные*, *дворовые* (фиксировано в МАС *сенные девки*); *царёв слуга*; служка *питейный*, *кабацкий*; казна — *денежная*, *соболиная*; жалованье — *денежное*, *соляное*; *царь-батюшка*, *государь-батюшка*, *государев изменник*, *изменное дело*, *мягкая рухлядь*, *ясачный сборщик*, *воеводская казённая память*, *воеводская наказная грамота*, *таможенный голова*, *верхние бойницы*, *подошвенные бойницы*, *сибирский приказ*, *голубые кафтаны*, *возвести навет*, *держат в железах*. Большая часть этих сочетаний используется в исторической литературе, куда попадает из текстов старинных документов. Некоторые же вызывают сомнения в подлинности — *голубые кафтаны* (аллюзия к строчке М. В. Лермонтова: «и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ»? [Лермонтов, 1958, с. 17]), *блудная изба*, *духовные люди*, *думные люди* и нек. др. Стремление автора к использованию серии составных именованных с одним стержневым словом можно рассматривать как относящееся к идеостиллю писателя: люди — 11 сочетаний; людишки — *подлые*; человек — *гулящий*; изба — 6 сочетаний; жёнки — 4 сочетания; девка — 3 сочетания; служка — *кабацкий*, *питейный*. Используются 4 устаревших однокоренных слова (*брага* — отмечено в МАС как историзм), *бражник* (отмечено как устаревшее), *бражничанье* (в МАС — *бражничество*), *бражничать* (помета *устар.*). (Два слова рассмотрены как диалектизмы: *ватаман* и *есавул*.)

5. Только очень небольшую часть слов можно рассматривать в качестве от-

носителем изолированных от литературного языка и исторической терминологии (8 слов): *зелёный, колонтарь, натруска, ожерельник, руба, тарель, тягилай, чу-га*.

6. Историзмы в романах даются наиболее полно в следующих тематических группах: острог — 112 лексических единиц, названия лиц по роду их занятий и социальному статусу — 55 слов и сочетаний; казаки и близкие им тематические группы (оружие и доспехи, лечение, лошади) — 57, все остальные выраженные тематические группы (деньги и меры, названия одежды и обуви, ткани, посуда и напитки, музыкальные инструменты) — 57 лексических единиц.

7. Основные тематические группы историзмов соответствуют закреплённым в пассивном словарном составе литературного языка. Таким образом, можно заключить, что историзмы и близкие к ним архаизмы составляют самостоятельную группу лексики, достаточно полно представляющую русскую сторону в диалогии и ярко выражающую основную идею произведения: **русские казаки на окраине русского государства стоят на русском порубежье, при этом они изображены в основном в двух ракурсах: ратное дело и бражничество.**

8. Интересно, что в количественном отношении модель в отдельных частях симметрична — 44%, 112 слов и сочетаний связаны с острогом, именование социальных групп и казаков в целом также составляют 112 лексических единиц и 44% от общего количества историзмов, на остальные же темы приходится только 12% (57) единиц. За пределом лексики, связанной с острогом, остальные группы в количественном отношении также даются симметрично: социальная представленность общества — 55 единиц, казаки и близкие к ним группы слов — 57 лексических единиц, все остальные группы — 57 единиц, то есть они приблизительно равны. Но в целом лексика, связанная с военным противостоянием, составляет 88% от всех устаревших слов, а бытовая только 12%. **Таким образом, модель в целом асимметрична, она не носит иллюстративного характера, а непосредственно связана с темой и идеей произведения.**

9. Историзмы — самые яркие вехи прошедших веков в нашем языке. В основном в романе это те слова, что сохранились в пассивном словарном составе современ-

ного литературного языка (МАС). Внелитературные историзмы воспринимаются только в определённом контексте: *хлёбово, курник, сельница, ферязь, тягилай* и т. д.; есть и такие, которые понятны в силу словообразовательных связей (*та-рель*). Часто историзмы теряют семантическое наполнение в современном языке, мы угадываем контуры их значения (значение родовое), но не знаем его в деталях: что такое *тягилай*? Ясно, что вид мужской одежды. Какого покроя? Из каких тканей его можно шить? В каких случаях надевать? Слова эти — символы времени, культуры, они, обозначая явления прошлого, начинают восприниматься как своеобразные инкрустации текста, их точного значения для понимания текста в целом и не требуется. Историзмы имеют обозначенное предметное (в широком смысле) значение и представлены в основном именами существительными.

10. Если экзотизмы и историзмы, а также диалектизмы-этнографизмы и диалектизмы — промысловая лексика являются изобразительным средством языка, они как бы «рисуют» картины прошлого («картинные» слова Л. И. Булаховского), представляя в основном предметы или специфические понятия, то архаизмы, варваризмы, нациолектизмы, а также фонетические и грамматические диалектизмы связаны непосредственно с созданием образа речевой среды прошлого, с языком. Они в совокупности «делают» фон повествования как выразительное средство стиля.

11. А.И. Чмыхало в авторской речи очень сдержан, в ней практически отсутствуют анахронизмы. «Присмотримся теперь несколько ближе к тем методам, какими осуществляется сама задача изображения языка как объективного признака данной, заинтересовавшей романиста культуры. В сущности говоря, одним из таких методов может быть названо простое воздержание от употребления известного круга языковых средств, представляющихся несоответствующими изображаемой эпохе и среде. Это то, что я назвал бы отрицательным способом изображения эпохи через её язык, хотя, конечно, это не очень точное название» [Винокур, 1991, с. 417]. При самом полном «воздержании» автор не может обойтись без историзмов. Историзмы, используемые писателем, в основном черпаются из резервов литературного языка. С одной стороны, это несколько обедняет текст, с

другой — делает его понятным, доступным и для юного читателя.

12. Построение текстов А. И. Чмыхало в общих чертах по организации лексических выразительных средств сопоставимо с романом Г. Сенкевича «Крестоносцы» [Сенкевич, 1993]. Та же лавина окружающих родов, племён, народов: народы Сибири — *джунгары, чёрные калмыки, киргизы; алтысары, тубинцы, алтырцы, езерцы; качинцы, аринцы, камасинцы; братские, братские люди; мугалы, бухаретины, койбалы, кызылы, холхасцы*; народы Польши и Литвы и сопредельные — *полочане, мазуры, жмудины, литвины, курпы, фризцы, моравы, бессарабы, валахи, татары*. Так же собран мощный кулак в одном месте (острог и замок Мальборк), такое же превосходство перед окружающими в вооружении: русские — *пищали, пистолы, ломовая пушка (огненный бой)*; против — *луки, стрелы, сабли* и т. д. против ордена — *топоры, рогатины, вилы, литовские сулицы* и т. д.; так же за спиной стоит мощная организованная сила — Российское государство (*царь-батюшка — Белый царь, Сибирский приказ* и т. д., орден — католическая церковь). Силы хорошо организованы: казаки — *десятники, сотники, атаманы пешие, конные* и т. д. — всего 14 слов; орден — *комтур, магистр, маршал, великий комтур, госпитальер, каштелян, милостынник, ризничий, казначей* — всего 9 слов. Но в романе Г. Сенкевича наступающие смогли преодолеть разобщённость и победили. В романе А. И. Чмыхало разобщённость растёт, ясно, что русские вживаются и остаются на этой территории.

13. В текстах используются словообразовательные варианты. Они могут полностью совпадать, а могут разводиться по значению автором: *бегун, бегунок, бегунец* — ‘быстроходная лошадь’, *бухаретин* — ‘бухарский купец’, *бухарец* — ‘лошадь бухарской породы’ и т. п. Такая языковая ситуация, очевидно, соответствует языковой системе того времени. «Одним из центральных процессов, характеризующих развитие лексического состава языка XVIII века, является процесс устранения словообразовательной дублетности» [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 303].

4.2.2.4. Ономастикон дилогии А. И. Чмыхало

Инонациональная речевая среда создаётся в художественном тексте и при

помощи ономастической лексики. Ряд авторов в классификации экзотизмов называют в качестве отдельных тематических разрядов антропонимы и топонимы. Так, Д. И. Мирошник, выделяя украинизмы в языке Н. В. Гоголя, называет украинские личные имена, украинские прозвища, названия видов сельской местности [Мирошник, 1959, с. 161–

191]; Г. П. Ижакевич в статье «Стилистические особенности художественных произведений на русском языке писателей национальных республик», называя «единицы лексического уровня <...>, используемые национальными писателями в произведениях на русском языке», говорит о «топонимах и антропонимах, как правило, с установкой на раскрытие их этимологии в тексте» [Ижакевич, 1976, с. 75–84]. С. Влахов и С. Флорин в разделе безэквивалентной лексики приводят: географические реалии; этнографические реалии, куда относятся клички; общественно-политические реалии, где отмечены названия населённых пунктов [Влахов, Флорин, 1980, с. 51–57]. А. Е. Супрун

в статье «Экзотическая лексика» [Супрун, 1958, с. 53] отмечает: «Было бы правильно отнести к экзотизмам некоторые собственные имена, ибо одно их употребление уже может создать местную, национальную окраску». «В силу различий характеристик нарицательных и ономастических наименований, их разного положения в лексической системе языка, а также принимая во внимание возможность их функциональных дифференциаций в художественном тексте, представляется более целесообразным рассматривать лексический материал из национальных языков, использованный в русскоязычном художественном тексте, по трём разрядам: нарицательные слова, антропонимы, топонимы» [Михайловская, 1984, с. 35].

«Вопрос о подборе имён, фамилий и прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов, 1963, с. 38].

В дилогии А. И. Чмыхало «Дикая кровь» и «Опальная земля» широко представлены собственные имена [Самотик, 2005а]: в ономастикон первого романа

входи 487 имён, второго — 289, всего 776 онимов (словарных статей в словаре 842, часть из них — отсылочные). Антропонимов в дилогии 500, топонимов (и других онимов — хоронимов, зоонимов, астронимов и др.) — 342.

Антропонимы и топонимы составляют основу сибирского ономастикона, но в произведениях есть собственные имена, выходящие за его рамки: *Сибирский приказ, царь Симеон* (Степан Разин), *Смоленск, Снов* (река на Украине), *Украина, черниговщина, царь Алексей Михайлович* и др.

§ 1. Антропонимы «Дикой крови» и «Опальной земли»

1. В антропонимах практически нет омонимии (под онимами-омонимами мы понимаем одинаковые имена, обозначающие разных действующих лиц произведения или разных топообъектов), исключение составляют имена Иван (Иван Брюховецкий, Иван Дзиковский и Ивашко Арканов названы только именем) и Мерген, употребляющееся для обозначения Мерген-тайши и как прозвище начального князя киргизов Ишея. Антропоним Константинко используется по отношению к сыну воеводы Герасима Никитина в «Дикой крови» и сыну атамана Родиона Кольцова в «Опальной земле».

Под отдельным антропонимом (единицей ономастикона) мы понимаем то собственное имя или их сочетание, которым обозначается один герой произведения; в состав антропонима могут входить и имена нарицательные («Иногда такие слова, как номенклатура родства, номенклатура профессий, обозначение жителя по местности или обозначение человека по его национальной принадлежности, титулатура и прочее, называют околоономастической лексикой. Такие слова постоянно сопровождают имена личные» [Суперанская, Сулова, с. 16]): *Бехтен, Дага, Варвара, Верещага, князец Бурчан, нехристь Курта, бабка Прасковья; Шанда Сенчикеев, Петр Протасьев; воевода Никифор Нащекин, воротник Оверко Щербак, Василий Федорович Масальский, воевода Архип Федорович Акинфов, князь боярин Дмитрий Михайлович Пожарский* — таким образом, имена могут быть как простые, так и составные.

2. Общее количество действующих лиц в дилогии составляет более 300 человек. Автор искусно вплетает их в разные стороны сюжета, в тексте практически

нет накладок, за исключением одного случая: в «Дикой крови» Артюшко Шелунин повествует о своем брате Жданке, с которым они пришли в Сибирь в поисках убийцы отца и который умер, не вынеся лишний: *За ним мы и потянулись с братом Жданкой. Однако не вынес Жданко лютого холода и голода, по пути приказал долго жить* (с. 123). А дальше мы вдруг узнаем, что Артюшко Шелунин вместе со своим братом живёт в Бугачевской деревне: *Давно не виделась, с той самой поры, как Артюшко из города перебрался в Бугачевскую деревню, где срубили избушку на двоих с братом и посеяли хлеб* (Д.К., с. 258).

Большое количество антропонимов связано с тем, что в дилогии поименованы не только главные герои, но и т. н. фоновые персонажи, не принимающие участия в перипетиях сюжета. Такой приём служит приданию достоверности повествования. Антропонимы фоновых персонажей делятся на две группы: обозначающие подлинных исторических лиц, которые, с одной стороны, служат маркерами изображаемого времени, с другой — имеют познавательную ценность: император Китая Консю, Красноярские и Томские воеводы (см. словарную статью *воевода* в «Литературном ономастиконе» [Самотик, 2005а]), «крестьянский царь» *Симеон* — Степан Разин и др.; и антропонимы «людей из толпы», которые повторяются в повествовании, приобретают собственные характерные черты: например, *острожный воротник Озерко Щербак* хром и любопытен; братья *Потылицыны* драчливы и незадачливы и т. д. Такой приём придаёт повествованию известную кинематографичность.

2.1. Инородческие имена в дилогии представлены киргизскими (алтырскими, алтысарскими, езерскими и тубинскими), качинскими, монгольскими, маньчжурскими (джунгарскими) и другими именами (*Абакай, княгиня Абакай; Абалак; Айдыр, длинноносый шаман Айдыр, шаман Айдыр; Айкан, Айкан Ишеев, Юрукта; Алтын, Алтын-хан, Алтын-царь, Золотой царь; Арыкнай, Арыкнай Тюленев; Атаях; Бабук, князец Бабук, Бабук Татушев; Байту, Байту-зайсани* и т. д., см. статью

«Имена личные инородческие» в словаре [Самотик, 2005а, с. 100–101]). В наши дни многих из этих народов не существует (см. статьи *аринцы, арины, енисейские*

кыргызы, хакасы, качинцы в «Енисейском энциклопедическом словаре» [Енисейский энциклопедический словарь]). Но какой же язык в большей степени является наследником старой сибирской языковой культуры? Киргизы (кыргызы в другом орфографическом варианте, более распространённом в исторической литературе, вероятно, таким образом, пытающейся их отграничить от современных «тянь-шанских» киргизов) населяли юг Сибири с начала нашей эры по 1703 год, когда они по неизвестной нам причине в большинстве откочевали в Джунгарию, где не смогли сохраниться как самостоятельный этнос и растворились среди монголов и маньчжуров. Эта трагическая, загадочная страница истории многочисленного народа волнует нас до сих пор, в диалогии рассказывается о предшествующих событиях. Впоследствии, на основе слияния качинцев, аринов (род ара) и остатков родов киргизов, сложилась народность хакасы (другая точка зрения изложена ниже). Поэтому именно хакасский язык должен быть ближе других инородческому языковому пласту в диалогии. Однако антропонимы диалогии во многом носят вымышленный характер. Так, в словаре В. Я. Бутанаева «Хакасские личные имена» [Бутанаев, 1996] отмечены из них только 8.

Словарь В. Я. Бутанаева «составлен на основе данных ревизских сказок по хакасским родам за 1858 год (Государственный архив Республики Хакасии, ф. о-2) и полевых сборов» [Бутанаев, 1996, с. 8], хотя отсутствие их в словаре ни о чём не говорит, так как «у хакасов бытовала своя система личных имен, количество которых превышало несколько тысяч. Многочисленность их объясняется тем, что, во-первых, младенца не называли по имени умерших, и, во-вторых, любое слово могло стать антропонимом» [Бутанаев, 1996, с. 9].

Интересно, что этот факт бытования личного имени обыгрывается в романе «Дикая кровь». Ивашко, один из главных героев произведения, киргиз, не знающий своих родичей и приехавший на Красный Яр из Москвы, приглашен на охоту киргизскими князцами, среди которых одного, незнакомого ему ранее, зовут Юруктой. После отъезда князца выясняется, что это его отец — Айкан Ишеев. Герой спрашивает: *Но почему вы зовёте отца Юруктой? — А он и есть юрукта — сборщик ясака* (с. 273).

2.2. Исторические личности обозначены А. И. Чмыхало одним именем. Из вариантов именования реального исторического лица оно выбирается писателем, например: *Иренек*, а не *Иреняк*, также русифицированный вариант *Еренячко* (см. в ССЭ, ЕЭС — *Иреняк*), *Ишей*, *Номча*, *Гомбо Эрдени*, *Лопсан*, *Данжсин*. Надо признать, что как написание, так и произношение этих имён в русской традиции не устоялось. Даже имя Чингизхана имеет орфографические варианты: *чингиз-хан*, *чингис-хан*, *чингизхан*; *чингиз* и *чингис* (эти варианты даются А. И. Чмыхало).

2.3. Некоторые из антропонимов, используемых в произведениях, явно более позднего, нежели время действия, происхождения: так, *Ойла* — это хакасский вариант русского имени *Ольга*, *Тойна* — вариант имени Тоня (по другим источникам — Дуня), однако русские имена вошли в хакасский язык только после крещения хакасов («Процесс насильственной христианизации населения Хакасии начался <...> в середине XVIII в.» [Бутанаев, 1996, с. 6]).

Некоторые киргизские князья в романе имеют фамилию (*Ивашка Айканов*, *Айкан Ишеев*, *Шанда Сенчикеев* и др.), хотя процесс появления фамилий относят обычно к более позднему времени («Со второй половины XVIII в., в связи с учётом ясачного сбора, среди хакасов были введены фамилии. Они произошли от имен глав семейств, имевших самостоятельное хозяйство» [Бутанаев, 1996, с. 6]). Все «фамилии» являются трансформацией имени отцов князей (Ивашка — сын Айкана, Айкан — сын Ишея, Шанда — сын Сенчикеея и т. д.). В этом видится прямая аналогия по форме с архаическими отчествами (патронимами) в романе: Родион Иванов, Константин Родионов, Василь Игнатов («Опальная земля»). Фамилии же русских воевод, атаманов, князей и боярских детей и даже некоторых простых казаков не мотивированы именами отцов: воевода Данила Григорьевич Загрязский, атаман Дементий Андронович Злобин, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, боярский сын Степанко Коловский, казак Тимошко Лалетин и др. В этом отношении двойственно имя одного из главных героев «Дикой крови» — Ивашки, как и его положение — киргиза по рождению, воспитанного русскими казаками: с одной стороны, он именуется как Ивашка Айканов (сын Айкана), с другой — его называют Иван Архипыч — отчество по имени приёмного русского

отца воеводы Архипа Акинфова.

2.4. Инородческие имена могут иметь постоянные приложения — околоономастическую лексику. Названия фольклорных героев отличаются от современных хакасских имён. Они, как правило, двух-трёхсловные. Богатыри носят титулы: *хан-царь, тайшы-царевич, мерген-стрелок*, например: «*Ах хан — Белый царь; Алтын-хан — Золотой царь...*» [Бутанаев, 1996, с. 5]; *хан, батор, тайша, контайша, зайсан, княгиня, князец* (см. статью «Околоономастическая лексика антропонимов» [Самотик, 2005а, с. 156]); *Тушету-хан, Алтын-хан; Церен-батор, Дага-батор; Сенге-тайша, Лопсан-тайша; контайша Богатур; Байту-зайсан; князец Бабук, князец Бехтен; Дурал-табун; княгиня Абакай* и т. д. Сформированные таким образом имена соотносятся с русскими формульными именами: *атаман Дементий Андронович Злобин, пятидесятник Дементий Тюменцев*. Как околоономастическая лексика выступают в инородческих именах слова *старик* и *старый* — *старик Торгай* и *старая Тойна*, которые напоминают фольклорный постоянный эпитет. Интересно, что в восточной культуре на уровне слова-титула выступает выделение людей преклонного возраста. Особым образом в диалогии именуется шаман: *Айдыр, шаман Айдыр, длинноносый шаман Айдыр*, где указывается постоянный эпитет и обозначение социального статуса человека — шаман. Некоторые околоономастические имена имеют единичное употребление: *Дурал-табун, Буданай-хатан, Хара-хула* и др.

2.5. Варианты личных имён типа *Бабук — князец Бабук, Абакай — княгиня Абакай, Торгай — старик Торгай* и подобные выступают в диалогии как текстовые, то есть кроме номинации служат для уклонения от тавтологии. Составные именованья: *девка Санкай, нехристь Курта, одноглазый Курта* — принадлежат русской речи и строятся по другим законам, действующим в русской антропологической системе диалогии. В русской речи возникают и некоторые варианты инородческих антропонимов (процесс русификации инородческих имён в русскоязычной среде): *Иженей — Иженейка, Ишей — Ишейко, Ойлан — Иланка, Иренек — Еренячко; Харга — Варвара, Санкай — Глафирия*. Последние два варианта связаны с крещением инородцев и принятием ими параллельно с уже имеющимся христиан-

ского имени («Под вариантами мы рассматриваем «разные проявления одной и той же единицы, которая при всех изменениях остаётся сама собой» [Солнцев, 1997, с. 60]; более детально имена на уровне «вариантологии» [Богословская, 2005] не рассматриваются).

В женских именах писателем задействованы фоностилистические средства русского языка. Так, сестры-качинки названы *Ойлой* и *Харгой*, одна из сестёр любимая, другая — нелюбимая. Русскому читателю не нужно рассказывать, какая кто, достаточно услышать их имена. Интересно, что портрета Харги нигде не приводится, вообще о ней ничего особого не говорится («ухватиста» в работе), но она показана на фоне женственной, очаровательной *Ойлы*. Как выглядит по сравнению с ней *Харга*, нам понятно по её имени (после крещения она приняла имя Варвара) [Журавлёв, 1991].

2.6. Два имени имеют переносное значение: они используются как боевой клич: *«Номча!»* — *кто-то выкрикнул боевой клич киргизов.* — *«Ишей!»* — *гулко понеслось по зацветающей долине Нени и Уйбата* (О.З., с. 268).

Ср.: у Г. Сенкевича при описании борьбы поляков с орденом крестоносцев приводятся также боевые кличи: *«Грады! Грады!»* — *понёсся во весь опор на крестоносцев* (с. 36); *Во время войн предки Мацька призывали друг друга кличем: «Грады!»...* (с. 80); *Грады! Грады! Пусть же посыплются тогда градом детишки* (с. 25); *Да ведь Ястжембцы из Згожелиц — это древний род, их боевой клич: «На нур!»* (с. 498); *Но никто не пал ещё из прославленных польских рыцарей; выкрикивая имена своих патронов или родовые кличи, они шли вперёд в шуме и смятении...* (с. 563).

2.7. Интересно используется писателем пара именований: *Алтын-хан* (см. статью «Алтын-ханов государство» [Енисейский энциклопедический словарь]) как династическое имя правителей северо-монгольского (Халхасского) княжества, находившегося в верховьях Енисея с конца XVI века до середины XVII века (многие считают, что именно это государство было прообразом Хакасии), и *Белый царь*, обозначающее русского царя Алексея Михайловича. Оба антропонима вошли в хакасский национальный фольклор, но первый используется в тексте через

транскрипцию, второй — в виде *Ах хан*, русской калькой с которого и является именование *Белый царь*.

Немногие антропонимы в дилогии имеют переводы: *Харга* — ‘ворона’ (Д.К., с. 266), *Мерген* — ‘стрелок’ (Д.К., с. 377), *Алтын-хан* — ‘Золотой царь’ (Д.К., с. 131, 191): *А имя моё качинское — Харга, что по-русски значит «ворона»; Тебя звали Ишей, но ты носил прозвище Мерген, что по-монгольски означает «стрелок»; Но они слепы, словно щенята, и глупы, если верят старому хорьку Гомбо Эрдени, присвоившему себе громкий титул Золотого царя; И выходит так, что Алтын-хан по-нашему Золотой царь?* Отсутствие переводов акцентирует противопоставление инородческих и русских имён.

3. Русские антропонимы в дилогии имеют другую систему (см. статью «Имена личные русские»: отец Автамон; Алексей, божий человек; царь Алексей Михайлович; Алексей Сумароков, Сумароков; Андрей Бунаков, Бунаков; Андрей Дубенской (Дубенский), Ондрей Дубенской, Дубенской; (рыжий) Артюшко Шелунин и др. [Самотик, 2005, с. 101–102]).

3.1. Некоторые подлинные имена исторических лиц в системе художественного произведения звучат как говорящие. Например, Многогрешный (Василий) — украинский полковник, забивший до смерти свою любимую жену, выступивший со своим братом — гетманом Демко — против Москвы и глубоко раскаявшийся.

3.2. Действие дилогии продолжается длительное время, герои взрослеют, стареют, меняют свой официальный статус. Движение образа отражено в антропонимах. Так, главная героиня в начале повествования именуется *Феклушенька*, затем *Феклуша*, *Фекла*, *Фекла Коловская*, *Феклушка Степанкина* и в конце повествования — *тётя (тётка) Фекла*; *Родька*, *Родион*, *Родион Кольцов*, *атаман Кольцов*, *Родион Иванович*, *Родион Иваныч*, *Родионко (Родионка) Кольцов*, *Родивон*, *Родион Иванов*, *Родион Иванович Кольцов*.

Русские имена в дилогии имеют значительно большую вариативность, чем инородческие. Так, антропонимов инородческих в романе «Дикая кровь» — 115 на 88 действующих лиц. Таким образом, среди инородческих имён вариативность составляет 131%, русские же имена помещены в 178 словарных статьях на 92 дей-

ствующих лица, то есть вариативность равна 193%. Соответственно в «Опальной земле» — 120% и 203%.

3.3. Распространённый вариант русского имени — это сочетание имени и фамилии и одной фамилии: *Ондрей Дубенской — Дубенской (Дубенский), Алексей Сумароков — Сумароков, Андрей Бунаков — Бунаков, Зиновий Литосов — Литосов, Петр Протасьев — Протасьев, Роман Старков — Старков*. Часть вариантов построена на использовании фамилии и имени и одного имени: *Артюшко Шелунин — Артюшко, Васька Еремеев — Васька (Василий), Гришка Осипов — Гришка, Ивашко Айканов — Ивашко, Ондрюшко Сорокин — Ондрюшко, Оверко Щербак — Оверко, Тимошко Лалетин — Тимошко, Ульянко Потылицын — Ульянко, Якунко Торгашин — Якунко и Трифон Еремеев — Трифон*. Эти варианты относятся не только к фоновым персонажам, но и к центральным героям повествования, наиболее частотны из них одни имена. Они также служат для разнообразия именования. Но нельзя не заметить, что первую группу вариантов составляют именитые граждане, вторую же — простые казаки. Исключение, пожалуй, только одно: *Степанко Коловский — Степанко* — именование боярского сына. Таким образом, эти варианты имеют и стилистическое различие.

3.4. В личных русских именах есть и другие стилистические различия. Так, формы имени с суффиксом *-ки* используются в диалогии для именования простых казаков, посадских, гулящих людей и т. п. — героев низших сословий: *Артюшко Шелунин, Бориско Ульянов, Васька Еремеев, Гришка Осипов, Мишутка Ярлыков, Ондрюшко Сорокин, Семейко Яковлев, Ивашко Айканов, Кирилка* и др. Воеводы, атаманы, князья и даже боярские дети не именуются такими вариантами, они называются следующим образом: имя, отчество, фамилия и околоономастическое слово — титулатура (*воевода Архип Федорович Акинфов, воевода Герасим Петрович Никитин, атаман Дементий Андронович Злобин, воевода Михайло Федорович Скрябин, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, князь боярин Дмитрий Михайлович Пожарский*); имя, отчество, фамилия (*Василий Федорович Масальский; Иван Лаврентьевич Салтыков, Родион Матвеевич Стрешнев, Никита Андреевич Вельяминов*), слово-титулатура, имя и фамилия (*пятидесятник Дмитрий*

Тюменцев, воевода Никифор Нащекин, воевода Олферий Баскаков, атаман Родион Кольцов), фамилия и слово-тителатура (атаман Кольцов, воевода Акинфов), одна фамилия (Никитин, Злобин, Загряжский, Скрябин), одно имя (Герасим, Родион), имя и отчество (Архип Федорович, Дементий Андронович, Михайло Федорович, Родион Иванович), в единственном случае используется только отчество (Андронович).

Когда же приводится вариант имени с суффиксом -ко отношению к «именитым» людям, создаётся эффект пренебрежения, например: *Феклушка Степанкина* (в речи Константины Никитина), *атаман Родионко* (в речи Артюшки Шелунина), *(целовальник) Харька* (в речи Верещаги), *Васька Многогрешный* (в речи Загряжского). Этот же стилистический эффект приобретают русские личные имена в устах инородцев: *поп Митька* (в речи Курты и Санкай), *воевода Данилка* (в речи Шанды), *(атаман) Родионко* (в речи Бабука и Мунгата).

Такие же имена, обозначая детей, имеют уменьшительно-ласкательное значение: *Степанка, Ермилка, Бронко, Митяйка, Илейка*. Особое имя как детское употреблено Верещагой по отношению к атаману Родиону Кольцову — *Родька* и т. д. При этом имя младшего сына Ивашки — *Степанка*, а имя сына боярского Коловского — *Степанко* (разные финалии: -а и -о). Однажды Харга-Варвара называет своего сына не *Степанкой*, а *Стенькой*, но, очевидно, чтобы не совпасть со Степаном Разиным, который в романе именуется как *Стенька*, ребенка называют *Стенько*: *что тебе Стенько, то и мне твоя тётка Ойла* (с. 266). Есть в романе и другие деминутивные имена с положительной (ласкательной) окрашенностью: *Феклуша, Феклушенька, Степанушко*.

Околономастические нарицательные имена в русских антропонимах могут быть титулатурными: *князь, боярин*; могут обозначать профессию, должностное или социальное положение человека: *целовальник Харя, палач Гридя, острожный воротник Оверко Щербак, челядник Киприянко*; могут обозначать принадлежность к этносу: *Ивашко-киргиз, иноземная девка Санкай, черкас* (т. е. украинский казак) *Юхим, нехристь (безверь) Курта* (в речи русских); иногда же эти слова обозначают какую-либо внешнюю черту человека: *кривой (одноглазый) Курта* (в

речи русских), *кривой Федька*. В некоторых случаях околоономастическое имя придаёт пейоративную (отрицательную) окрашенность: *безверь Курта, кривой Федька, киргизятин Ивашко*.

3.5. В диалогии есть частотные околоономастические имена. Например, слово *атаман* употребляется при обозначении трёх атаманов и восьми антропонимов (см.: *а. Дементий Андронович Злобин, а. Дементий Злобин; а. Кольцов, а. Родион Кольцов, а. Родионко (Родионка), а. Михайло Злобин, а. Мишка Злобин, а. Михаил Злобин*); слово *воевода* для обозначения 7 воевод и 11 антропонимов (см.: *в. Герасим Никитин, в. Герасим Петрович Никитин; в. Акинфов, в. Архип Федорович Акинфов; в. Михайло Скрябин, в. Михаил Федорович Скрябин; в. Никифор Нащекин; в. Олферий Баскаков; в. Петр Протасьев; в. Данилка Запряжский, в. Данило Запряжский*). Есть же околоономастические имена, употребляющиеся только при обозначении одного героя: *челядник Киприян, воротник Оверко Щербак, целовальник Харя* (см. статью «Околоономастические имена антропонимов» в словаре [Самотик, 2005, с. 156]).

3.6. В диалогии есть и так называемые семейные имена (фамилии): *Кольцо (Тридцать лет прослужил атаманом в Красноярском остроге, тридцать лет протрадал сам и промаял казаков Родион Иванович Кольцов, выходец из удалой семьи **Кольцо**, пошедших в неведомую Сибирь в давние года, ещё при Ермаке свет Тимофеевиче (О.З., с. 241)), Кольцовы; Злобины; Многогрешные; Потылицыны* и др.

3.7. В общей стилистической тональности исторического романа диалектизмы, просторечия также служат созданию исторического колорита. Примеры диалектных вариантов личного имени: *Родивон* (Родион) (звук [в] в интервокальном положении) [Русская диалектология, 1965, с. 91]), *Олферий (Алферий), Ондрей* или *Ондрюшко* (от *Андрей* и *Андрюшко*), *Оверко* (от *Аверий*), *Якунко* (от *Яков*), *Вахрушко* (от *Варфоломей*) (оканье [Русская диалектология, 1965, с. 37]), а также особые формы имени: *Ивашко* (от *Иван*), *Илейка* (от *Илья*), *Стенька* (*Степан*), *Харя* (*Харитон*) и др. Просторечные варианты имен: *Андронович* (использование в качестве именованья одного отчества), *Михайло, (Родион) Ивановыч, (Василь) Иг-*

натович и др.

3.8. Некоторые варианты имени выступают в анализируемых произведениях в характерологической функции, так как реализуются в речи отдельных персонажей. Так, Родиона Кольцова *Родивон* называет только Верещага («Дикая кровь»); Фекла («Опальная земля») единственная называет Многогрешного русифицированным именем *Василий Игнатъевич* (варианты имени в романе: *Василь, Василь Гнатович, Василь Игнатович*), правда, в последней сцене возникает новый вариант этого имени в её устах, уже сдвинутый в сторону украинизмов: *Василь Игнатъевич*. Только воевода Данило Григорьевич Загряжский в «Опальной земле» использует устаревшие патронимы (*Василь Игнатов* — Василий Игнатъевич Многогрешный, *Родион Иванов* — Родион Иванович Кольцов, *Константин Родионов* — Константин Родионович Кольцов). Поскольку воевода — лицо официальное и использует эти варианты отчества он в официальной обстановке, то эта индивидуальная черта создаёт стилистический эффект употребления имени в деловой речи.

3.9. Некоторые собственные имена имеют в анализируемых произведениях большое количество вариантов. Так, 9 вариантов именованья имеет атаман Кольцов: *атаман Родион Кольцов, Родион Иванович Кольцов, атаман Кольцов, Родька, Родион, Родивон, Родионко, Родион Иваныч, Родион Иванов*; 7 вариантов — воевода Загряжский: *Данило Григорьевич Загряжский, Данило Григорьевич, Загряжский, воевода Данило Загряжский, Данило Загряжский, Данилка, воевода Данилка Загряжский* и т. д. Некоторые же антропонимы центральных героев вариантов не имеют, например *Куземко*.

4. Украинские антропонимы выделены в тексте, но не противопоставлены русским (см. статью «Имена личные украинские» в словаре [Самотик, 2005а, с. 102–103]: *Богдан Хмель, батько Хмель; гетман Брюховецкий, Иван Брюховецкий; Ганночка, Ганнуся; Гвинтовка, Матвей Гвинтовка* и т. д. В Красноярском остроге происходит русификация ряда имён, например: *Василь, Василь Гнатович, Василь Многогрешный, Василь Игнатович, Василь Игнатъевич, Василий Игнатъевич; Юхим, Юхимко, Юшко, Юшка; Демко, Демьян Многогрешный*.

В диалогии используются дохристианские славянские имена: *Жданко, Семейко, Гридя, Верецага* (имя-прозвище). Эти имена мы рассматриваем как историзмы. Как архаизмы фигурируют в диалогии формы личного имени с суффиксом *-к-*, оканчивающиеся на *-о*: *Вахрушко, Жданко, Ивашко, Тимошко* и др. Так же, как архаизмы второго порядка (так как и в общей стилистической тональности произведения они воспринимаются как архаические, а не просто являются архаизмами по отношению к современному русскому языку), имена отцов в родительном падеже (с притяжательным значением) в значении отчества (в «Дикой крови» таких форм нет, они есть в «Опальной земле»): *Родион Иванов, Константин Родионов, Василь Игнатов*.

§ 2. Топонимы в диалогии

Топонимы составляют менее половины всех собственных имён анализируемых произведений (менее 300). И частотность их значительно меньшая, чем у антропонимов. Более 10 употреблений в «Дикой крови» имеют 88 онимов, из них топонимов только 14: *Енисей, Ерба, чулым, Абакан, Белый Июс, Уйбат, Упса, Киргизская земля, Киргизская степь, Красный Яр, Томск, Енисейск, Канский острожек, Сибирь*.

Некоторые топонимы в тексте пишутся по-разному, что свидетельствует о неустоявшемся графическом образе слова: *гора Балыхтаг и Балых-таг, Дзасакту и Дзасак-ту; гора Хара-таг и Харатаг*. Топонимы в диалогии служат, прежде всего, для обозначения определённости места действия (локальная функция), но, следуя основной жанровой стилистической тональности произведений, они дают представление о времени действия и даже имеют определённую коннотативность (стилистическая функция).

Топонимы приводятся в разных частях текста, но в целом представляют собой группы. Так, топонимы-урбанонимы, городские хоронимы: *Алексеевская башня, Алексеевские ворота, Алексеевский край; церковь Покрова, Покровская башня, Покровская церковь, Покровские ворота, Покровский край*; ойконимы-астионимы: *Красноярск, Красный Яр, Красноярский острог, Красноярский город*; топонимы и макротопонимы: *Киргизская земля, Киргизская земля, Киргизская*

сть, *Киргизское порубежье* и т. п. Это значительно облегчает процесс восприятия текста.

Эту же роль играют и околономастические имена топонимов, они как бы классифицируют их. **Взвозы:** *Бугачевский в., Воеводский в.* (Д.К.); *Воеводский в.* (О.З.); **ворота:** *Покровские, Спасские* (Д.К.), *Алексеевские, Покровские.* (О.З.); **горы:** *Арха, Афонтова, Бараба, Бадалык, Былыхтаг (Балых-таг), Изых (Изыхтаг), Кемчугские, Кошкулах, Куйсумские, Кум-Тигей, Онно, Солтонские, Ханым, Харатаг, чабалхая* (Д.К.); *Куйсумские, Кум-Тигей* (ср.: холм *Кум-Тигей*), *Онно* (О.З.) и т. д. (см. статью «Околономастические имена топонимов» [Самотик, 2005, с. 156] и др.): *аймак, башня, взвоз, волок, ворота, год, гора (горы), город, гребень, грива, гряда, деревня, день, заимка, земляца, земля, источник, камень, край, кряж, лог, месяц, монастырь, мыс, озеро, остров, перевал, порубежье, река (речка), раскат, скала, собор, сопка, степь, тайга, улица, урочище, холм, хребет, церковь, юрта* и т. д.

Разнообразны в диалогии гидронимы (48 — в «Дикой крови», 19 — в «Опальной земле»). Реки в «Дикой крови»: *Абакан, Арей, Аскиз, Базаиха, Базыр, Береж, Березовка, Биджа, Бирюса, Биря, Большой Кемчуг, Ботой, Бузим, Волга, Днепр, Дон, Енисей — Енису, Ерба, Интиколь, Иштыюл, Июсы, Белый Июс, черный Июс, Кадат, Камышта, Кан, Кача, Кемчик, Колба, Нина, Об, Оя, Парна, Серезж, Сизая, Темра, Тес-Хем, Тесь, Тумна, Ужур, Ужур-Юл, Уйбат, Упса, Урюп, Ус, чулым, Шивера*; реки в «Опальной земле»: *Абакан, Базаиха, Белый Июс, Июсы, черный Июс, Волга, Гнилопять, Десна, Днепр, Дон, Енисей, Кача, Неня, Онон, Серезж, Туба, Тесмин, Уйбат, чулым.*

Особое место гидронимов определяется их действительной значимостью в ориентации на месте человека того времени. Интересно это интерпретируется в романе «Опальная земля»: Ойла, не зная, где находится ее брат Маганах, так формулирует свою тревогу: *Не знаю, из какой реки он пьет теперь воду* (О.З., с. 76). В литературе отмечается аквацентризм и языкового сознания русских в Сибири [Бутакова, 2000, с. 23–37]. Таким образом, гидронимы одновременно выполняют и локальную, и стилистическую функции (архаизация языка произведения).

Среди топонимов есть слова, соотносящиеся с историзмами, обозначающие ушедшие из действительности материальные явления прошлого: остроги (*Качинский, Красноярский, Канский, Ломовской, Ачинский, Енисейский* и др.); башни, ворота Красноярского острога (*Алексеевская башня — Алексеевские ворота, Покровская башня — Покровские ворота*); ушедшие из языка обозначения локальных понятий из истории Сибири: *землица Киргизская, землица Тубинская, земля Киргизская, порубежье Киргизское*; топонимы, исчезнувшие из языка с исчезновением топообъектов: *деревня Лодейки*.

Представлены в диалогии и топонимы, близкие к архаизмам, заменённые в современном русском языке: *река Упса* (старое название реки Тубы), *Уральский камень* (Урал), *Саянский камень* (Саяны, Саянские горы), *Береговая улица* (совр. улица Дубровинского), *Бугачевская деревня* (совр. посёлок Бугач), *остров Татушев* (совр. русифицированное название — остров Татышев).

Используются в тексте и просторечные устаревшие названия — городские хоронимы: *Алексеевский край* (совр. Алексеевка), *Покровский край* (совр. Покровка).

Некоторые топонимы из-за особой формы или околоономастического слова приобретают деминутивное значение: *Канский острожек* (остро эта номинация воспринимается читателем в связи с описанием зверского разгрома Канска князем Шандою), *речка Неня, речка Кемчик* и др. (усиливается деминутивное значение гидронимов за счёт фоностилистических свойств слов), *городок Венрик*.

Часть топонимов не является реальной, а представляет собой чисто поэтические онимы. Но все они хорошо вписаны автором в ономастическую систему и, несомненно, имеют художественную достоверность.

Романы А. И. Чмыхало «Дикая кровь» и «Опальная земля» имеют разные сюжетные основы, но они связаны общими героями, местом и временем повествования. Таким образом, часть топонимов является общей (см. словарные статьи *река, гора, озеро, кряж* и т. п.). С другой стороны, каждый художественный текст имеет собственную как лексическую, так и ономастическую систему. Так, в «Дикой крови» противопоставлены Большой город и Малый город, в «Опальной

земле» — Большой острог и Малый город, в «Дикой крови» юрта начального князя именуется Белой и Большой, в «Опальной земле» — Большой. В целом в «Дикой крови» упоминается больше историзмов и архаизмов в названиях городов, используется старое название реки — *Упса*, в «Опальной земле» современное — *Туба* и др.

Некоторые онимы разработаны в романах параллельно. Так, зоонимы — клички лошадей делятся по масти на русские и инородческие, но набор русских зоонимов несколько разнится от литературного языка: *Соловко, Воронок, Игренька, чалый, Рыжуха, Гнедко — чигрен* (ср.: *чигірен* — ‘рыжий’ [Русско-хакасский словарь, 1961]).

§ 3. Выводы

1. Онимы в дилогии можно рассматривать в трёх аспектах: как поэтические; как следующие основной стилистической тональности произведений — созданию исторического колорита; как образующие внутреннюю ономастическую систему в дилогии и в каждом тексте в отдельности.

2. Оба романа имеют разные сюжеты, но связаны общим местом действия, определённой протяжённостью времени и частично героями. Общие антропонимы имеют в романах разные наборы вариантов, некоторые отличия мотивированы «взрослением» героев. Например, *Феклуша* — наиболее частотный антропоним для именованной героини «Дикой крови» — заменяется *Феклой* в «Опальной земле», *Иренек* в «Опальной земле» именуется *князем*, *Лопсан* из *тайши* становится *ханом* и т. д. В «Опальной земле» меньше антропонимов-архаизмов. Общая ономастическая система значительно богаче в «Дикой крови» (правда, нельзя забывать, что нами расписана только вторая часть «Опальной земли», действие которой происходит в Сибири, первая же часть романа, посвящённая Украине, нами не рассматривалась).

3. В целом ономастикон «Опальной земли» значительно «осовременен» по сравнению с ономастиком «Дикой крови». Это можно трактовать как замысел писателя показать движение времени, а можно — как большую проработку текста первого романа.

4. На ономастическую систему «Опальной земли» оказал влияние украинский мотив. Так, именование царя более свободно: наряду с царём *Алексеем Михайловичем* есть царь *Алексей* и *царь Алеха*; наследник именуется Василием Многогрешным *Петрухой*, топоним *Москва* приобретает третье значение: ‘Русь, Российское государство’, в последнем романе приводится много макротопонимов (см. словарную статью *макротопонимы*).

5. Варьируются имена в диалогии и в зависимости от изменения роли персонажа: так, например, сын Куземки и Санкай в Красноярском остроге зовется *Илейка* (Илья), в улусе он именуется уже как *Илке* или *Илке-нойон*. В «Дикой крови» действует сестра Ойлы — *Харга*, затем она же, будучи крещёной, именуется Варварой. С другой стороны, *Санкай*, принявшая при крещении имя *Глафирия*, русским именем в диалогии не называется.

6. Околоономастическая лексика диалогии фиксирована в специальных словарных статьях «Литературного ономастикона» [Самотик, 2005а]. Она представляет собой обозначение статуса лица (от титулатуры до рода занятий): *царь Алексей Михайлович*, *воевода Акинфов*, *отец Димитрий*, *Бошехту-хан*, *Бато-нойон*, *палач Гридя*, *целовальник Харя* и др.; почётные именованья (в восточной культуре): *длиннокосый шаман Айдыр*, *старик Торгай*; выделение человека по этническим признакам: *Ивашко-киргиз*, *киргизятин Ивашко*; близкие к фольклорным постоянным эпитетам характерные признаки: *кривой (одноглазый) Курта*, *рыжий Артюшка Шелунин* и др. Это — обозначения топообъектов: *река*, *озеро*, *стень*, *хребет*, *лог*, *урочище* и др. Часть из них — устаревшие слова: *порубежье*, *острог*, *землица*, *башня* и др., часть придаёт топониму коннотативную окраску: *городок*, *острожек*, *речка*. В «Дикой крови» топообъекты или сибирские, или принадлежат европейской части страны, в «Опальной земле» — сибирские, «россейские» и украинские.

7. Околоономастическая лексика служит архаизации текста, чёткой «понимаемости» (см., например, единственный случай употребления топонима без квалификационного маркера — *Кабухай*, который сразу допускает разночтения), выполняет стилистическую функцию. Так, например, в диалогии известны два крас-

ноярских палача: Гридя и Федька, однако околономастическое слово употребляется только перед первым именем, что создает образ; не все инородческие властители имеют околономастическое слово *князец*, нет его у Айкана — сына Ишея, великих правителей — Номчи, Сенчикея и др. А князьями поименованы только начальный князь киргизов Иренек и кровавый Шанда.

8. Околономастические слова в диалогии стабильны и частотны, они придают определённое своеобразие повествованию, сближают язык произведений с языком народным, фольклорным.

9. Один из основных планов произведения — показ противостояния русской и автохтонной культуры в Сибири, сложный процесс их сближения. Русских и инородческих героев в диалогии приблизительно равное число: в «Дикой крови» — соответственно 92 и 88, в «Опальной земле» русских — 65, инородческих — 48. Имен русских в «Дикой крови» — 133, инородческих — 95, в «Опальной земле» русских — 89, инородческих — 55. В «Опальной земле» задействован ещё один ономастический пласт — украинский, что связано с основным героем романа — «черкасом» Василем Многогрешным, казачьим полковником с Украины, высланным с детьми в Красноярский острог. Среди действующих лиц второй части романа украинцев только четверо: Василь, брат его жены Юхим и дети Митяйко и Пронко, но в сознании Василя и Юхима всплывают многие картины прошлого. Таким образом, число героев-украинцев в произведении — 18, имён — 29.

10. Среди топонимов большая часть — с инородческой топоосновой, в результате в целом инородческие антропонимы и топонимы вместе с экзотизмами и варваризмами и нациолектизмами через язык рисуют картину, показывающую кучку русских казаков в чужеродном окружении.

11. Таким образом, ономастическая система диалогии представляет собой прямое соответствие системе внелитературной лексики произведений: онимы соответствуют историзмам, архаизмам, экзотизмам, диалектизмам и просторечию.

Для «Словаря исторической прозы А. И. Чмыхало» [Самотик, 1999] Анатолий Иванович написал вводный текст: «Романы «Дикая кровь» и «Опальная земля» писались легко, на одном дыхании. Правда, этому предшествовала серьёзная

работа по сбору нужного материала. Как-никак со времени описываемых событий прошло около четырёх веков.

Мне очень помог мой собственный жизненный опыт. Я сибиряк по рождению, детство и юность провёл в непосредственном общении с киргизами, казахами, ойратами. В зрелые годы жил в Хакасии, часто бывал в Забайкалье, Туве, Калмыкии. Постепенно накапливалось знание языков этих народов на бытовом уровне, их обычаев, пословиц, поговорок, песен и сказаний.

Но ведь одно дело знать, а другое — использовать это фольклорное богатство в своих книгах. И вот здесь-то начался поиск выразительных средств, прежде всего языка произведений. Как передавать живую речь моих героев? Была опасность впасть в архаичность, что затруднило бы восприятие романов современным читателем. Однако нельзя было писать историческое повествование и языком второй половины XX века.

Я нащупал третий путь, по которому и пошёл. В раздумья героев, в монологи и диалоги осторожно вкрапливал элементы народных говоров, объясняя их не сносками, а прямо в тексте, по ходу повествования. Каждому представителю племенных и социальных групп соответствовали категории характеров и словаря.

Насколько удалось создать языковую гармонию, понятную сегодняшнему читателю, судить не мне, а исследователям моего творчества, которых я сердечно благодарю за вдумчивый и кропотливый труд» [Самотик, 1999, с. 33].

4.2.2.5. Выводы в целом по диалогии

В диалогии представлены разные группы внелитературной лексики: экзотизмы, историзмы, диалектизмы, архаизмы, нациолектизмы, просторечия (варваризмов практически нет). Основными выразительными средствами языка выступают экзотизмы и историзмы. Они несут изобразительную функцию в текстах («картинные слова» по Л. А. Булаховскому). Архаизмы, диалектизмы, просторечия создают общий фон речевой среды прошлого.

Один из основных планов произведения — показ противостояния русской и инородческой (термин употребляется за неимением другого совокупного именованного жителей дорусской Сибири без каких-либо оценочных созначений, ср.:

статья Е.А. и А. Д. Шмелёвых «Иногородцы в русском анекдоте» и др.) культуры в Сибири, сложный процесс их сближения.

В основном внелитературная лексика делится на создающую образ русских и нерусских в Сибири. Антропонимы также представляют имена русских и имена нерусских. В «Опальной земле» выделяется украинский пласт, но он не создаёт иллюзию дополнительного противостояния. Топонимы же произведения почти все с иноязычной топоосновой, что в ещё большей мере обостряет конфликт.

В романах А. И. Чмыхало большое внимание уделяется образу инациональной речевой среды, что связано с темой и идеей произведений. Значительное количество этнонимов производит впечатление множественности инациональных народов Сибири того времени, сильного противостояния горстке русских казаков, что создаёт такое качество текста, как напряжённость. Противостояние в диалогии сложное, многоплановое. Это передаётся через систему лексических средств. Всего народов Сибири названо в произведении 33. По количеству слов, принадлежащих к национальной культуре, выделяются киргизы. Они показаны в тексте как реальные противники русских, за их спинами стоят джунгары, монголы. На войне как на войне. Это противостояние выражено и в экзотизмах текста: *ясак* — дань русским, *албан* — дань джунгарам, *ясачный* — данник русских, *кыштым* — джунгар. Внутреннее разобщение автохтонов показано и на противопоставлении отдельных экзотизмов. Основные этнонимы имеют в тексте словообразовательные гнезда. Общее обозначение нерусских приводится только через русскую лексику и опосредовано русским сознанием.

Всего можно выделить 12 тематических групп экзотизмов — это меньше, чем в естественном устном языке. Хорошо представлена военная лексика, но очень ограниченно — бытовая. Системная организация внелитературной лексики и слов пассивного словарного состава языка соответствует идее диалогии. Таким образом, модель инациональной речевой среды в анализируемых текстах асимметрична, что делает её особо выразительной.

Автор во фрагментах показывает специфическое видение мира автохтонами края. Таким образом, в целом тип создания инациональной речевой среды ди-

логии можно отнести к характерному для образа национальной речевой среды. Изображение инонациональной среды сопровождается положительным или отрицательным отношением, что выражается в соответствующей коннотации некоторых слов.

Значимы тенденция в текстах обозначения явлений нерусской действительности русской лексикой и закрепление в рамках художественного произведения этих слов за этими явлениями. Автор использует для обозначения предметов, характерных для автохтонов края, русские историзмы, русские слова с широкой семантикой. В текстах строго разграничена лексика, используемая для характеристики нерусской и русской действительности, при этом происходит некоторая десемантизация отдельных слов.

Всё это связано с основным конфликтом диалогии.

Создание образа украинской речевой среды передаёт слитное, нерасчленённое представление об Украине и казачестве; при этом лексика, относящаяся к сибирским казакам, и лексика, относящаяся к украинским казакам, не перекрещиваются. Образ речевой украинской среды симметричен и носит чисто иллюстративный характер. Украинцы не противопоставляются русским. Украинская речевая среда неоднократно воссоздавалась в художественных текстах. «Новатором считали Гоголя современники. Литературные противники Гоголя корили его «непонятными» украинизмами, которые он щедро вводил в свои книги» [Федин, 1973, с. 398]. Небольшое количество специфических слов (отмеченных МАС или широкоизвестных) позволяет автору создать убедительный образ украинской речевой среды. «Построение замкнутого литературного ряда и рассмотрение эволюции внутри его наталкивается то и дело на соседние культурные, бытовые в широком смысле, социальные ряды и, стало быть, обречено на неполноту» [Тынянов, с. 277].

Русские прошлого красноярской земли представлены в тексте достаточно полно. М. М. Бахтин [Бахтин, 1975, с. 302] по поводу греческого романа писал: «Чуждость этого мира в греческом романе не подчёркивается, поэтому и не следует его называть экзотическим. Экзотика предполагает нарочитое противопос-

тавление чужого своему, в ней чуждость чужого подчёркивается, так сказать, смакуется и подробно изображается на фоне подразумеваемого своего, обычного, знакомого». Если в ряде произведений своё, родное только подразумевается, то в диалогии оно чётко обозначено. Этому, конечно, есть причина — романы исторические и русская речевая среда также отчуждаются (остраиваются) от речевого опыта читателя.

Центральным в тексте является образ острога. Он представлен в шести аспектах, и лексика, к нему относящаяся, составляет около половины всех историзмов диалогии. 70% историзмов при этом фиксированы в словарях литературного языка, внелитературные историзмы в текстах десемантизируются. Тематических групп историзмов представлено мало, основная часть слов отражает военное противостояние русских (88%) и, таким образом, связана с темой и идеей произведения. Модель в целом несимметрична, она не носит иллюстративного характера.

Поэтический ономастикон романов А. И. Чмыхало многочисленен. Особенно разнообразны антропонимы, которые имеют значительное число вариантов в именовании одного героя, частично мотивированные. В каждом романе несколько отличная ономастическая система. Большое значение в ономастической системе имеет околоономастическая лексика. Околоономастические слова в диалогии стабильны и частотны, они придают определённое своеобразие повествованию, сближают язык произведений с языком народным, фольклорным.

В диалогии видна индивидуальная манера А. И. Чмыхало. «Основой стиля, его душой является язык. Это — король на шахматной доске стиля. Нет короля — не может быть никакой игры. Нет языка — нет писателя. «Если у автора нет слога, он никогда не будет писателем. Если же есть слог, свой язык, он, как писатель, не безнадёжен. Тогда можно рассуждать о других сторонах его писаний». Так сказал Чехов» [Федин, 1973, с. 404].

Лексическую основу экзотизмов и историзмов в диалогии представляют слова пассивного словарного состава литературного языка.

Почти нет устаревшей эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики, нет архаичных грамматических форм. Писатель передаёт исторический колорит

вообще, не использует подлинные данные языка XVII века Приенисейской Сибири (см., например, «Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв.» [Цомакион, 1071] и др.). Идиостиль проявляется и в использовании словообразовательных вариантов, часть из которых разводится автором по значению. В тексте практически нет непонятных слов: устаревшая, экзотическая и т. п. лексика вводится в текст с объяснением или контекст намеренно прозрачен.

Пассивный словарный запас языка — это та ниточка, которая напрямую соединяет разные поколения, позволяет ориентироваться в культуре прошлого своего народа, цементирует нацию. От предков мы получаем не только историю, но и своеобразное видение мира, свой менталитет, сохранение которого во многом определяется языком. Расширение пассивного словарного запаса — практический подход в реализации идеи языкового расширения А. И. Солженицына; это важнейшая часть проблемы экологии национального

русского языка (ср.: «Гоголь в своё время ввёл немало в литературу неологизмов, и новаторская роль его в языковом отношении была не меньше, чем в совершенном обновлении тематики. Но прочитайте составленное им «Объявление об издании русского словаря» — сколько там обычных для литератора жалоб на засорённость языка, на «извращение прямого, истинного значения коренных русских слов!» [Федин, 1973, с. 400]).

Можно отметить значительное количество внелитературной лексики и слов пассивного словарного состава языка в диалогии, что в целом стилизует язык эпохи, отчуждая его от речевого опыта читателя и как бы преодолевая это отчуждение (остранение). Это же фиксируется и в ономастиконе. В текстах происходит архаизация всех лексических слоёв внелитературной лексики и пассивного словарного состава. «Для упрощения восприятия художественного произведения иногда надо знать, к какому жанру оно относится, и обычай писать на произведениях — роман или очерк — явление, основанное на глубоком понимании этого закона» [Шкловский, 1957, с. 97]. Исторический роман представляет соответствующую стилистическую доминанту.

Проанализированная лексика представляет собой замкнутую систему выра-

зительных средств диалогии. Поэтический ономастикон в целом повторяет эту систему. Эта система создаёт наряду с другими элементами произведения впечатлительные целостности, единства художественного текста. «Возможны построения, в которых событийные связи или отсутствуют, или заменены чисто композиционными; задача создания ощущения единства произведения перенесена на другие элементы произведения... Событийные связи, существуя в эпизодах в общем построении произведения, подчинены тому способу обозрения произведения, которое создаёт новое единство, воспринимаемое читателем, но не осуществляемое в судьбе героев» [Шкловский, 1957, с. 92].

«Люди, мало чуткие к искусству, думают часто, что художественное произведение составляет одно целое, потому что в нём действуют одни и те же лица, потому что всё построено на одной завязке или описывается жизнь одного человека. Это несправедливо. Это только так кажется поверхностному наблюдателю: цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету» [Толстой, 1951, с. 18, 20].

4.3. Часть 2. Образ инонациональной речевой среды прошлого в романах Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница»

4.3.1. Историческая основа романов Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница»

Григорий Шалвович Чхартишвили, известный современный писатель, мастер исторического детектива, пишет под тремя псевдонимами, один из которых — Б. (впоследствии — Борис) Акунин. По диплому — историк-японовед. Занимался литературными переводами с японского и английского языков. Заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература» (1994–2000). С 1998 года пишет художественную прозу, за 14 лет им написано около 50 книг.

«Турецкий гамбит» — это рассказ о Русско-турецкой войне (24 апреля 1877 года — 3 марта 1878 года [Всемирная история, с. 172–176]), о героизме, храбрости, благородстве русских, о трупах на полях сражений и о том, что выгода

от победы достаётся не России. В тексте уделено внимание наиболее драматичным эпизодам войны — осаде Плевны и подписанию Сан-Стефанского мирного договора. Это рассказ о противостоянии интересов русских и англичан. Рассказ об обострении чувств в экстремальных условиях, о возможной, но так и не осознанной любви. О женском кокетстве, в которое вписываются и стремление к эмансипации, и некоторый налёт свободомыслия, и патриотизм, и служба в охранке. Это восточное коварство и обаяние вражеского лазутчика. А героиня прежде всего молода... Итак, жизнь многогранна, и на войне — более, чем где-либо.

«Алмазная колесница» посвящена проигранной Русско-японской войне (9 февраля 1904 года — 5 сентября 1905 года [Всемирная история, с. 310–313]), периоду, предшествующему разгрому 1905 года, и времени, предшествующему этому событию, — Японии 1878 года, когда начинает реализовываться потенциал этой страны, приведший к её прорыву в европейскую политику. Это рассказ о противостоянии интересов русских и англичан. Интересов, но не героев. Основное противостояние, как отмечалось в литературе, «европейской цивилизованности» и «азиатчины» и в «Турецком гамбите» [Липовецкий, с. 688], и в «Алмазной колеснице».

Итак, оба романа, несомненно, можно отнести к исторической художественной литературе по самым строгим меркам: действие связано со значительными историческими событиями; во времени они отстоят от нас более чем на сто лет; в текстах упоминаются реальные события и реальные исторические личности.

Время действия в романе «Турецкий гамбит» обозначено точно. Каждая глава начинается как бы с газетной публикации того времени, что сразу создаёт «историческую» атмосферу, каждая публикация датирована: 1-я глава — 14 (2) июля 1877 года, эпилог — 19 февраля (3 марта) 1878 года. При этом интересно назначение второй даты. Двойное датирование — признак современного текста, обозначение старого и нового стилей — невозможно в публикациях XIX века (новый стиль введён в России с 18 февраля 1918 года). Таким образом, мы сразу сталкиваемся не со стилизацией языка эпохи, а со своеобразной языковой игрой, открыто рассчитанной на современного читателя. Газетные публикации относятся

к элементам мистификации. В «Алмазной колеснице» время действия обозначено на уровне года: 1905-й и 1878-й, а периоды во втором томе даются при помощи соотнесённости с цветением по японским традициям. Так озаглавлены части текста: «Преждевременный сливовый дождь», «Аромат ирисов», «Гроздья акации», «Осенний листок» (есть и «Калитка», что говорит об аллюзии, о связи с русскими романсами и, как возможно в постмодернизме, с красавицей японкой О-Юми. Вероятно, так реализуется романтизация её образа в восприятии героя). И так автор создаёт образ инонациональной речевой среды, стремясь передать особую ментальность японцев, в частности, через их отношение к природе (*Байу*, «сливовый дождь», — рассеянно сказал он. — что-то рановато, обычно они начинаются с конца мая» (с. 337); «Это аромат аямэ. Как это по-русски? Ирис... Ирис — главный аромат нынешнего сезона, — объяснил Сирота. — Им душатся женщины, им пропитывают бельё в прачечных. В апреле ароматом сезона была глициния, в июне будет азалия» (с. 358)).

4.3.2. Произведения Б. Акунина как явление русского постмодернизма

Наблюдения над языком произведений Б. Акунина имеют право на существование вне их исторической и эстетической ценности как анализ современного «языкового материала» [Щерба, 1974, с. 24–39].

Восемь откликов на роман [Акунин, 2003, с. 2–7], помещённых в начале «Турецкого гамбита» без точного указания источника, говорят и о мастерстве стилизации языка эпохи: «Круто сваренный сюжет детектива, милый герой, очаровательное, утешительное время действия, отличная стилизация текста и прекрасное знание реалий» («Коммерсант-.daily»); «Единственный детектив, сочетающий остроумную парадоксальность сюжета с блестящей стилизаторской манерой» («Известия»); «Глянцевые романы Б. Акунина могут примирить с коммерческим письмом любителей изящества и словесности» («Время МН»); «Глянцевая словесность очень высокого уровня, ювелирный сюжет, тончайшая стилизация, богатый культурный слой, сильные эмоции» («Неприкосновенный запас»). Очевидно, именно эти качества языка писатель ценит в своих текстах.

Но ещё в 60-е годы была высказана мысль о недостатках остранения языка

исторического произведения. «Не следует думать, что торжество историзма в литературе о прошлом... означало полное превосходство писателей XIX века над Шекспиром. Прогресс... не обходится без потерь. Шекспировский историзм сохранил превосходство в том смысле, что Шекспир как бы слил воедино прошлое и современность» [Кожин, с. 229].

В литературе устоялось отнесение произведений Б. Акунина к русскому постмодернизму: «Не только «ремейки» классических текстов и коллажи из стилизаций и цитат позволяют отнести романы Акунина к «позднему постмодернизму», но и сами персонажи, которые помещены в центре детективного сюжета, легко опознаются как разновидности *homo postmodernisticus*» [Липовецкий, с. 694]. «Постмодернистский текст... склонен поощрять «обманки», намеренно вводящие читателя в заблуждение, заставляющие принимать вымышленный, вторичный, мир в качестве первичного, постигаемого, мира. Как правило, такие сознательные «мистификации» сопровождаются «демистификациями», в которых открывается подлинный онтологический статус предполагаемой «реальности» и, соответственно, обнажается вся онтологическая структура» [McHale Brian, 1987; Ильин, 2008, с. 115–116]. В системе постмодернизма на сложной основе происходит совмещение исторического и современного, язык произведения строится так, что не отчуждает его от речевого опыта читателя, а приближает происходящее к нему, позволяет почувствовать события прошлого как сегодняшние, что увеличивает момент сопереживания. Постмодернизм определяет и различные виды языковой игры в текстах Б. Акунина. «Подчёркнуто иронический, игровой модус самоопределения, характерный для постмодернистского мироощущения, отразился не только в художественной практике этого течения, но и в самой стилистике философствования на эту тему» [Ильин, с. 94]. Амбивалентность героев приводит к отступлению от традиционной бинарной коллизии между добром и злом детективного жанра, к размытости обозначенных в текстах антиномий (например, в «Алмазной колеснице» между *своим* / *чужим*, *героем* / *злодеем*, *жертвой* / *палачом*, *жизнью* / *смертью*). «Традиционный для детективного сюжета центростремительный процесс расследования, ве-

душий к недвусмысленному обнаружению преступника, перекрывается у Акунина центробежной проблематизацией самих критериев «инаковости» — того, что делает Другого другим. Вторая стратегия подрывает первую, их конфликт исключает для читателя однозначность и размывает оппозицию между «своим» и «другим» — как, впрочем, и между «добром» и «злом» [Липовецкий, с. 690]. И даже смерть оборачивается жизнью: оказывается, О-Юми была жива. Но это никак не проявляется во внелитературной лексике (хотя интересны рассуждения Масы о странном запрете на самоубийство у *гайдзинов*, о способах «красиво умереть» (явно калька) для японцев, о смерти как аргументе в пользу «искренности» человека, о национальном японском культе самоубийства — *сэн-пукэ*. И на этом фоне осмысляется шекспировское «Быть или не быть» («*To be or not to be?*») — повторил титулярный советник, так и не поняв, процитировал ли дзёнин Шекспира или же это случайное совпадение (с. 647)).

По сюжету Фандорин во второй части «Алмазной колесницы» терпит поражение за поражением, но это автором показано как успех, даже победа. В первой — он берёт реванш, но это горькая победа, она хуже поражения: погибает его сын, о существовании которого он так и не узнаёт, и мы знаем, что войну Россия проиграла, а революция грянет. Язык же не даёт размытых линий, слова из японского языка противопоставлены русской ВЛ.

Исторический роман — традиционный жанр русской литературы. История представляет особый интерес переоценкой многих её фактов в связи с изменением общественного уклада. Это делает особо значимой историческую прозу.

Исторические детективы Б. Акунина очень популярны в стране. В каких кругах? По мнению литературоведа Льва Тодорова, «полуинтеллектуальное чтение предназначается в первую очередь высокообразованным дамам нового русского света» [Тодоров, 2001, с. 41]. «Большой общественный резонанс романов Бориса Акунина и особенно цикла произведений об Эрасте Фандорине основан не только на расшатанности рациональных оснований нового российского социума, но и на двусмысленности отношений между прошлым и настоящим, разыгрываемых в этих романах» [Липовецкий, 2008, с. 683]. Для анализа нами взяты два романа Б.

Акунина «фандоринского» цикла: «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница». По тексту первого сделана сплошная выборка внелитературной лексики, второй представлен на уровне отдельных слов без точного количественного воспроизведения иллюстраций.

Для наблюдения над ролью внелитературной лексики в обозначении времени и места действия исторической прозы мы составили словарь внелитературной лексики по роману Б. Акунина — «Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина» [Самотик, 1999]. В связи с тем, что материал опубликован, в последующем тексте приводятся не все употребления отдельных слов, фрагменты текстов сокращены без боязни исказить авторский стиль.

Лексикографический метод описания лексики [Блинова, 1977, 2003] имеет как положительные стороны, так и некоторые изъяны. Положительно: при сплошной выборке гарантируется относительно полное описание состава ВЛ; отход от атомизма в рассмотрении материала, представление о системе внелитературной лексики в отдельном произведении как автономной системе; возможность использования приёмов количественного подсчёта; полнота описания каждого случая употребления. Отрицательное: невозможность учёта всех особенностей ВЛ (поэтому желательно использование лексикографического метода вместе с описательным).

Творчеству Б. Акунина посвящено много критических статей, литературоведческих работ (Р. Арбитман, 1998, 1999; А. Вербиева, 1998, 1999, 2000; Г. Шульпяков, 2000; М. Трофименников, Г. Ульянова, 2000; А. Варламов, 2001; Г. Цыплаков, 2001; Л. Данилкин, 2001; В. Зубанова, 2001; С. Волков, 2001; В. Бондаренко, 2001; П. Басинский, 2003; А. Ранчин, 2004; Б. Дубин, 1999, 2000, 2004; Б. Войцеховский, 2004, и др.). Значительно меньше авторов посвящают свои работы языку его произведений: Н. Н. Менькова «Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: По материалам произведений Б. Акунина» (М., 2004); Н. А. Сизикова «Проблема языковой личности автора в романах Б. Акунина» (Белгородский государственный университет, 2012); Н. Г. Бобкова «Функции постмодернистского дискурса в детективных ро-

манах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии» (Улан-Удэ, 2010); Е. П. Красильникова «Интертекстуальные связи пьес Б. Акунина и А. П. Чехова “Чайка”» (Тула, 2008); М. Кучерская «Борис Акунин. Пелагия...» (Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. — с. 45–63); И. А. Вороновская «Порядок слов в авторской речи Б. Акунина» (Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. «Филология». Журналистика, вып. 4. С. 170–178) и др. Язык его произведений сопоставляется с романом А. Н. Толстого «Пётр I», с произведениями И. С. Шмелёва и т. д.

4.3.3. Речевой фон романов Б. Акунина

Основная стилистическая тональность произведений соответствует жанру, она устремлена к созданию исторического колорита. Но в анализируемых текстах это выполнено достаточно оригинально. По нашим наблюдениям, говорить о **стилизации языка эпохи** в данном случае **нельзя**, речь, скорее, идёт о своеобразной **маркировке текста** как относящегося к истории.

Роман Б. Акунина «Турецкий гамбит» написан на **современном** «жаргонизированном» **языке**, что выражено как в речи персонажей, так и в речи автора (понятие «жаргонизированного языка» введено в литературу в связи с описанием текстов В. Аксёнова, которые включали элементы молодёжного жаргона 70-х, но не воровского аргю). Таким образом в произведении решается проблема «фона», «на котором обрисовались бы **формы обусловленности** (если, конечно, она существует) **художественной речи социально-языковыми расслоениями быта**» [Виноградов, 1960, с. 66]. Такой же фон используется и в «Алмазной колеснице». «Классичность «фандоринских» детективов и впрямь обманчива, иллюзорна: несмотря на уютно-старомодную стилистику и обилие отсылок к русской словесности XIX века, сюжеты акунинских детективов «не вписываются в наше массовое мифологизированное представление об этом «старом добром времени». А вот в (тоже мифологизированное) представление о наших днях — запросто» [Ранчин, 2004, с. 238].

Автором в «Турецком гамбите» используется современная разговорная, просторечная лексика, даже такое ультрасовременное слово, как *судьбоносный*,

популярность которого связывают с именем М. С. Горбачёва: «По донесению моего агента, который служил у наши поваром (отсюда специфический оттенок донесения), **судьбоносные** (МАС: нет; ТСНЛРЯ: нет) переговоры происходили так...» (с. 43).

Часты слова-оценки пейоративного (негативного) характера: Она ударила конька каблуком, чтоб поскорее проехать этот **жуткий** (МАС: разг. 'отвратительный') «зал ожидания» (с. 117); Трудно мне, Фандорин, очень трудно. Кругом **бестолковщина** (МАС: разг. неодобр. 'беспорядок, путаница, неразбериха'), **бордель** (МАС: нет; ТСНЛРЯ: прост. 'беспорядок, неразбериха') (с. 38); И, в отличие от **темнилы** (МАС: нет; ТСНЛРЯ: жарг. 'очень скрытный человек') Фандорина, тут же эту историю рассказывал (с. 83); Варя увидела в проёме потную физиономию подполковника Казанзаки и **скорчила** (МАС: разг.

'кривить, исказить своё лицо, делая гримасы') ему презрительно-насмешливую гримасу — так тебе и надо, садист, **помаринуйся** (МАС: нет; ТСНЛРЯ: разг.

'намеренно задержать решение') за дверью (с. 39); В ресторан Варя **ужасно** (МАС: разг. 'чрезвычайный по степени проявления') опоздала (с. 97); Варя увидела приземистую фигуру в синем жандармском мундире и поспешно отвернулась, сделав вид, что любит **осточертевшим** (МАС: разг. 'до крайности надоест, опротиветь') видом деревеньки Богот, приютившей штаб главнокомандующего. Где, спрашивается, справедливость? **Подлый** (МАС: 'низкий, бесчестный') интриган и опричник Казанзаки ходит в клуб запросто, а она, в сущности, невинная жертва обстоятельств, топчется на пыльной дороге, словно какая-то дворняжка! (с. 110); О великий и всемогущий Аллах, окажи милость твоему рабу, дай увидеть при жизни, как горят в аду **подлые** гяуры, недостойные топтать Твою священную землю; **хорошие дела** (МАС: 'употребляется для выражения иронического, неодобрительного отношения к чему-л.') (с. 69); Да нет, всё видит, просто ему, как говорит Лушка, **плюнуть** (МАС: прост. 'отказаться от продолжения чего-л.') и **размазать** (МАС: нет. Плюнуть да растереть — груб. прост. 'о чём-л. ничтожном, не заслуживающем внимания') (с. 94); За «проституток» его **турнули** (МАС: прост. 'прогнать откуда-л. или куда-л.') из Стамбула губернатором в

Солоники (с. 41); Мизинов, недовольно хмурясь, молчал, а Варя подумала, что и среди полицейских агентов, видно, бывают не совсем **пропащие** (МАС: разг. ‘дурной, неисправимый, ни к чему не пригодный’) (с. 49); Лаврентий Аркадьевич непременно **спровадил** (МАС: разг. ‘стараясь избавиться от кого-л., отправить, отослать куда-л.’) бы вас из действующей армии (с. 52) и т. д.

Слово **дурацкий** характерно для индивидуального стиля героини, оно также подчеркнуто современно (используется в несобственно-прямой речи, в прямой не встречается): Апроши Соболев рыл довольно неумело, но его ухаживания Варе льстили — всё-таки настоящий герой, хоть и с **дурацким** (МАС: разг. ‘глупый, смешной, нелепый’) венником на лице (с. 85); Варя начала злиться: «**Дурацкая** манера! Сказать «а» и не сказать «б»!» (с. 92); Не форсить надо было с этой **дурацкой** психологией, а лупить без передыха (с. 120); Ох уж эти мужчины со своими **дурацкими** ритуалами (с. 137) и т. д.

Есть такие признаки современного разговорного стиля, как отсутствие склонения числительных и личного имени в сочетании с отчеством: Затем Анвару посредством... удалось свалить великого везира **Махмуд** (вм. Махмуда. — Л.С.) **Недима** (с. 41); ...Варя незаметно, по **четверть** (вм. четверти. — Л.С.) шажочка, перемещалась поближе к Эрасту Петровичу (с. 157).

Б. Акуниным предлагается открытая установка на современного читателя в использовании иронии: Когда запас братьев иссякает, в права вступает следующее поколение, и дальше опять от старшего брата к младшему. Всякий султан смертельно боится своего младшего брата или старшего племянника, и шансы наследника **дожить до воцарения** крайне незначительны. Содержат наследного принца в полнейшей изоляции. Никого к нему не пускают и даже нороят, **мерзавцы**, подобрать таких наложниц, которые неспособны к деторождению (с. 46); Дело в том, что пророк Магомет при наличии пятнадцати жён не имел ни одного сына и **никаких инструкций** по вопросу престолонаследия не оставил. Посему на протяжении веков каждая из многочисленных **султани** мечтала возвести на престол своего сына, а сыновей своих соперниц всячески пыталась **истребить**. При дворце есть особое кладбище для **невинно убиенных прин-**

цев, так что мы, русские, с нашими Борисом и Глебом да царевичем Дмитрием по турецким масштабам просто смехотворны (с. 45); *Шальвары чемто напоминают знаменитые «блумеры», в которых некогда ходили английские суффражистки, сражаясь с нелепыми и унижительными панталонами* (с. 23) (Некогда — это когда? Очевидно, тогда, когда происходит действие романа, но обращено высказывание к современному читателю) и т. д. (Ср.: пример М. Липовецкого: *На последней из ступенек государь споткнулся и чуть не упал... Мистер Фрейби проводил взглядом раззолоченное ландо с камер-лакеями на запятках... и с непоколебимой уверенностью произнёс, тщательно выговаривая каждое слово: «Последний из Романовых»* [Липовецкий, 2008, с. 699].) «Ироническая дистанция в произведениях «фандоринского» цикла во многом создаётся более или менее явными аллюзиями, отсылающими к будущему, которое неизвестно героям, но известно читателям» [Липовецкий, 2008, с. 688].

В тексте ярко выраженная ирония передаётся через использование канцелярского штампа по отношению к Пророку (*при наличии пятнадцати жён, никаких инструкций по вопросу престолонаследия*), использование оборота, обычно дающегося в сочетании с вещественными неодушевлёнными существительными по отношению к «братьям» (*запас братьев иссякает*). Используется стилистический контраст: высокая, книжная и разговорная, просторечная и грубо-просторечная лексика (*шанс — воцарение; мерзавцы — деторождение, посему — султанша, всячески — истребить* и т. д.); трансформирован библеизм: *кладбище невинно убиенных принцев* (вм. *младенцев*. — Л.С.); происходит конкретизация внутри библеизма, что также создаёт иронический эффект; приводится слово *по масштабам* (вм. *по меркам*. — Л.С.), что дополнительно даёт представление о количестве и иронический подтекст. Ирония осознана автором: *«Охраняете государственные интересы, господин полицейский?» — спросила Варя, решив, что уместнее всего будет разговаривать с агентом в тоне насмешливо-небрежном* (с. 54).

Современность тексту придаёт и ирония по отношению к героине Варваре Андреевне Суворовой: в её внутренней речи *сатран, Малюта Скуратов* — милейший шеф жандармов Мизинов (при этом слово-оценка *сатран*, имеющее син-

таксически обусловленное значение [Виноградов, 1977, с. 164], которое должно выступать, таким образом, в тексте как предикат-сказуемое, предстаёт в тексте в качестве подлежащего и дополнения, что и создаёт иронический подтекст: *Варя во все глаза уставилась на главного **самрана** и **палача свободы**, каковым слыл у передовой молодёжи начальник Третьего отделения и шеф жандармского корпуса Лаврентий Аркадьевич Мизинов* (с. 36); *«Боже, Фандорин, вы ли это? — ахнул **самран**. — Да вас просто не узнать»* (с. 37); *Варя сочла это замечание непозволительно грубым и вжала голову в плечи: сейчас оскорблённый в лучших чувствах Мизинов ка-ак разобидется, ка-ак закричит! Но **самран** только вздохнул и сухо-вато молвил...* (с. 48); *Наверняка ведь получили от своего **самрана** какие-нибудь серебряники* (с. 59); *опричники* — жандармы. Это насмешка над революционными её реминисценциями, их книжным, наносным характером. «Помещая время действия цикла романов о Фандорине в 1870–1900-е годы — эпоху, когда Россия быстро двигалась по пути модернизации, догоняя Европу и Америку, — Акунин не только искал (и, по-видимому, нашёл) историческую аналогию эпохе 1990–2000-х годов, но и строил своего рода «историческую декорацию», на фоне которой совмещение современной и домодерной парадигм общественного и культурного развития приводит к формированию взрывных гибридов, не скрывающих, а напротив, обнажающих пороки обоих типов развития. Именно в выбранном Акуниным историческом контексте совмещение двух парадигм становится особенно наглядным и в то же время допускает различные формы иронического остранения» [Липовецкий, 2008, с. 688].

Аналогичное употребление слов-оценок мы видим и в «Алмазной колеснице»: ***Ренегат** немедленно очнулся* (с. 697) — употребление в качестве подлежащего; *Вещей у **фон-барона** было столько, что понадобился чуть не десяток носильщиков: чемоданы, коробки, связки книг, огромный трёхколесный велосипед и даже саженого размера часы в виде лондонского Биг Бена* (с. 179). Такое употребление слов-оценок можно считать характерным для идиостиля Б. Акунина. Так же используется оценочное прилагательное *достопочтенный* как субстантивированное: *С этим странным выражением лица **достопочтенный** секунду-другую по-*

качался взад и вперёд, а потом обмяк, рухнул прямо на задыхающегося Эраста Петровича (с. 574).

Итак, в целом текст написан на живом разговорном современном языке. Это приближает объект описания к читателю, в какой-то мере, возможно, моделирует таким своеобразным способом расстояние между языком и читателем изображаемого времени (для читателя той эпохи язык прозы также был современным). Это против правил обычного остранения, отчуждения языка исторического произведения от речевого опыта читателя. Таков же языковой фон и «Алмазной колесницы» (без акцентированной жаргонизации).

4.3.4. Инонациональная речевая среда в исторических романах Б. Акунина

§ 1. Экзотизмы и варваризмы как способ моделирования инонациональной речевой среды в «Турецком гамбите»

I. Герои произведения — журналисты-международники из разных европейских стран, принадлежащие к разным национальностям. Говорят они обычно на французском языке. Живут на Балканах (Болгария, Румыния), находятся в ставке русской армии, которая воюет против Турции. Инонациональная речевая среда передана прежде всего через экзотизмыиварваризмы, которые часто разграничить невозможно, они относительно разнообразны и относительно малочисленны в тексте и интересно выстроены: показана французская, английская (шотландская), немецкая, балканская, турецкая речевая среда, но это даётся отдельными фрагментами.

В произведении инонациональная среда имеет более глубокие основания. Таким образом, реализуется одна из глобальных полярных антиномий, формирующих картину мира в целом, — своё / чужое. При этом «1) разрушается читательская ксенофобия при проигрывании различных версий; 2) проблематизируется сама категория «инаковости», к «другому» относится не только преступник, но и детектив (сыщик почти всегда в жанре эксцентричен, «другой» по многим параметрам и Фандорин); 3) акцентируется культурная «гибридность» Фандорина, особенность его происхождения; 4) Фандорин постоянно ищет «точку равновесия» между Россией, Востоком и Западом» [Липовецкий, 2008, с. 687]. Эта про-

блема решается в сущности и на страницах романа, представлены противоположные модели европейской

цивилизованности и «азиатчины». «Романы Акунина отличает от классического детектива важнейшая особенность: Фандорин и его противники сходны именно как медиаторы... Конфликты между Европой и Востоком сведены в единую личность в образе д'Эрве, он же Анвар-эфенди» [Липовецкий, 2008, с. 692] (*медиатор* — *дипл.* 'государство или лицо, выступающее посредником в международном споре' [ТСИС]). Запад и Восток в тексте «Турецкого гамбита» противопоставлены через экзотизмы, варваризмы и нациолектизмы.

1. Группы экзотизмов в «Турецком гамбите» со знаковой в русской культуре функцией выражения представления о какой-либо стране расположены рядом. Делает это автор совершенно сознательно (фрейм): *Поговорили о бульварах, о канкане, о кокотках. Полковник совсем расстрогался...* (с. 65) — это представление о Париже, русский миф о нём. На этом фоне даются внелитературные экзотизмы, связанные с представлением о Франции. Получается как бы несколько планов, что создаёт объём в тексте. «Мифомоделирующая модальность <...> отчётливо отличает тексты постмодернизма» [Липовецкий, 2008, с. 525].

Литературные экзотизмы, отражающие представления о Франции: **канкан**, **кочотка**. Внелитературный, но широко известный экзотизм — **шевалье**. Расширяются наши сведения о французской культуре за счёт использования внелитературных слов, написанных славянским шрифтом, но передающих слова французские (в сущности варваризмы) и искажённые французские (т. н. усечения): **бельвю**, **вульгар**, **мушир**, **пенсион**, **компрометаж**, **гарде**, **реноме** (есть в МАС), **парвеню** (есть в МАС). Часть из этих слов в другой форме закрепились в русском языке (*вульгарный*, *пенсия*, *компрометировать*), в произведении это как бы «возвращение назад», своеобразные архаизмы: *Успокойтесь, храбрый шевалье, здесь дама* (с. 31) — 2 употребления; *Экое бельвю, мадемуазель* (с. 86) — 1 употребление; *Если б его не портили страсть к вульгару и дешёвой эффектности...* (с. 142) — 1 употребление; *В знак уважения к вашей доблести, мушир, возвращаю вам вашу саблю...* (с. 141) — 1 употребление; *Тот забулькал, повалился ничком, нога-*

ми подёргал и всё, **в отставку без пенсионера**. *Конец дуэли* (с. 104) — 1 употребление; *Даа, такой, как говорят в Замоскворечье, компрометаж* (курсив в тексте — автора, Б. Акунина) *позволил бы нам полностью нейтрализовать британскую дипломатию* (с. 154) — 1 употребление; *...нюни распускала из-за своего драгоценного реноме, а о деле и думать забыла* (с. 107) — 1 употребление; *Первые лучи славы, но всё равно — выскочка, парвеню, чёрная кость* (с. 169) — 1 употребление. Ср.:

в романе Ю. Тынянова: *Когда Николай взял приступом дворец, он чувствовал себя сиротливо, выскочкой — parvenue* (с. 16); *Главное, разумеется, диет и правильная жизнь* (с. 25); *что уж это за аплодисман, господа, по лысынам* (с. 46).

Французская речевая среда (в русском обществе) показана в 11 словах (из них 7 не фиксированы в МАС) и 12 употреблениях.

Эти слова создают своеобразный флёр произведения, некоторую изысканность и элегантность и формируют образ речевой среды — герои в основном говорят по-французски. (Ср.: У. Вайнрайх отмечал «действие фактора престижа... в стремлении американцев сохранить неанглийские звуки... в изысканных французских заимствованиях» [Вайнрайх, 1972, с. 47].)

2. Есть внелитературные экзотизмы мифа о немецкой культуре (**медхен-гретхен, вурст да зельц**), они не расширены: *Этакая куколка, медхен-гретхен: золотые кудряшки, глазки, ротик, щёчки* (с. 81); *...сия дунайская провинция... стала попахивать вурстом да зельцем* (с. 95). **Германия** — 2 лексические единицы (не фиксированные в МАС) и 2 употребления (ср.: у А. А. Бушкова: *Да и русский неспроста знает, колбасник* (с. 234) [Бушков, 2010]).

3. Литературных экзотизмов, формирующих миф русских об Англии, не приводится, но есть также внелитературная лексика. Внелитературные экзотизмы, обозначающие английские понятия: **блумеры, суффражистка, редингот** (3 слова); польское: **паненка** (их нет в МАС): *Шальвары чем-то напоминают знаменитые «блумеры», в которых некогда ходили английские суффражистки...* (с. 23) — по 1 употреблению; *...подпрыгивал в седле какой-то господин в котелке и длинном рединготе* (с. 26) — 5 употреблений; *...попал в глупую историю с паненкой...* (с. 85)

— 2 употребления. Автор использует забытые заимствования (внелитературные архаизмы). **Англия** — 3 слова (нет в МАС) и 7 употреблений, **Польша** — 1 слово (нет в МАС) и 2 употребления.

Ср.: у А. А. Бушкова [Бушков, 2010]: *Настроение у Сабинина было самым что ни на есть унылым — это определение подходило гораздо лучше интеллигентного термина «ипохондрия»* (с. 18); *Уедет от вас куда-нибудь в **Потагонью**, окружит себя наёмными **альгвазилами** с ружьями и револьверами...* (с. 82); *...подданные его пользуются в Австро-Венгрии надлежащим уважением, или, выражаясь на старинный манер, должным **решпектом*** (с. 86); *Кудеяр мягко и бесшумно прятнул к двери, несколько мгновений прислушивался к происходящему в коридоре (ухитряясь и за этим не вполне благовидным занятием выглядеть настоящим **жентильомом*** (сноска: ‘французский эквивалент джентльмена’) (с. 35); *Под её ледяным взором Сабинин поневоле чувствовал себя тем, кем, собственно, и являлся, — авантюристом, выскочкой, **парвеню*** (с. 312); *За ним приехали наши сотрудники, инсценировали совершённую им в магазине карманную кражу, вывезли в Россию, где этот **мизерабль**, смею думать, получит по заслугам* (с. 326); *Он во все глаза смотрел на своего **vis-a-vis*** (сноска: ‘человек, сидящий напротив’) (с. 350).

5. Литературный экзотизм, связанный с представлениями о Балканах, — **корчма**. Внелитературные экзотизмы этого плана: **водач, кантина, каруца, куруш, механа, четник**: *...в **корчме**, или как у них тут называется этот гнусный притон?* (с. 8) — 7 употреблений; *Выехали... в тряской **каруце*** — 3 употребления; ***Водач**... поначалу напевал что-то экзотически балканское...* (с. 9–10) — 3 употребления; *И в клубе, и в офицерской **кантине**... сыпали именами турецких нашей...* (с. 113) —

2 употребления; *Денег **три куруша*** (с. 18) — 3 употребления; *«... Хозяину **корчмы?**» — боязливо спросила Варя. — «Это не корчма, а **механа**»* (с. 18) — 3 употребления; *«**Чэттики?** — спросил цивильный с сильным английским акцентом... — Кто такие **четники?**» — «Болгарские повстанцы»* (с. 27) — 5 употреблений. **Болгария** — всего 7 слов (6 — внелитературные) и 17 употреблений.

6. Точно отобраны литературные экзотизмы (МАС), связанные в русском языке с представлениями о Востоке и представляющие традиционные тематические группы. 6.1. Это «Иноверец»: **басурман (басурманский), башибузук, гяур** (все фиксированы в МАС): ...он вскочил и с клинком в руке ринулся на **басурман** (с. 121); На передовую наверняка съезжается всё **басурманское** начальство, смотрит в бинокли, ничего не понимает (с. 115) — 3 употребления; ...наносят по русским коммуникациям летучие отряды так называемых **башибузуков** («бешеных голов») — **полуразбойников-полупартизан, известных своим диким нравом и кровожадной свирепостью** (с. 7) — 21 употребление; ср.: использование автором экзотизма в переносном значении в романах «Статский советник», «Пелагея и белый бульдог»: «Я прикажу своим **башибузукам**, чтобы заказали, ну скажем, **шестой номер**» — «Никому так никому, — покачал головой Эраст Петрович. — Своих телохранителей на сегодня отпустите — для чистоты поиска» (с. 198); «Отвезёшь барышню на Лубянскую площадь. А я, — обратился он уже к приезжей, — сяду к своим **абрекам** и на Тверской» (с. 263) [Акунин, 2001]; Ну и с отрезанием голов, как вы понимаете, у этого **башибузука** трудностей не возникало [Акунин, 2003–2]); **Рифат-бек... считает гяуров** детьми Шайтана (с. 62) — 3 употребления. Всего 4 слова, **27 употреблений**.

6.2. «Многожёнство»: **наложница, гарем (гаремный), евнух** (литературные экзотизмы): Мидхаду подсылали убийцу, сыпали в кофе яд, однажды даже подсунули заражённую проказой **наложницу**... (с. 40) — 2 употребления; ...мой добрый друг Абдул-Азис... сидел в **гареме** (с. 42); Я помню вашу серию очерков о **гаремной** жизни (с. 71) — 9 употреблений; Рядом — жирный **евнух-абиссинец** (с. 70) — 5 употреблений. Всего 4 слова, **16 употреблений**.

6.3. «Одежда»: **бешмет, феска, чадра, шальвары** (все фиксированы в МАС): ...бек в **драном бешмете** закачался в седле (с. 26) — 1 употребление; Звать Али-бей — **красная феска, чёрная бородища** (с. 65) — 1 употребление; Они хоть и в **чадрах**, но ткань чертовки подбирают наипрозрачайшую... (с. 69–70) — 1 употребление; Варя купила широкие штаны вроде **шальвар**... (с. 9) — 2 употребления. Всего 4 слова и **5 употреблений**.

6.4. «Кухня»: **чурек**: *Было велено подать кофе с чуреками* (с. 45) — 1 слово и 1 употребление (есть в МАС).

6.5. «Оружие»: **ятаган**: *А потом добил старика ятаганом* (с. 44) — 1 слово и 3 употребления, литературный экзотизм.

6.6. «Государственные структуры и представители правящего сословия» — **бей, бек, дей** (МАС — нет), **падишах, паша, султан (султанский), султанша** (МАС — нет), **султанчик** (МАС — нет), **эфенди** (ср.: *При всей примитивности ханства внутри его затаилась сложнейшая структура правления, в которой русские часто запутывались: султаны, мурзы, калги, агасы, бей, эфенди, кадиш, муфтии!* [Пикуль, с. 83]); «переводчик с восточных языков, толмач» — **драгоман**: *Ночь Гасан-бей провёл под замком в караульном помещении...* (с. 44) — 5 употреблений; *К ним на выручку торопились остальные во главе с рыжебородым беком* (с. 26) — 5 употреблений; *...её купил сам алжирский дей... Дей был стар...* (с. 74) — 2 употребления; **Падишах** *велел запихать всех женицин в мешки и утопить в Босфоре* (с. 74) — 12 употреблений; *На месте Керим-паша я бы их всех разоружил и перевешал* (с. 30) — 18 употреблений; *Анвар остался при новом султানে закулисным манипулятором и негласным шефом тайной полиции...* (с. 47) — 20 употреблений; *Сей греческий городишко немедленно начал процветать, а султанский двор вновь погрузился в сон, негу и казнокрадство* (с. 41) — 4 употребления; *Посему на протяжении веков каждая из многочисленных султаниш мечтала возвести на престол своего сына, а сыновей своих соперниц всячески пыталась истребить* (с. 45) — 2 употребления; *...вернулся из ссылки Михат-паша и привёз с собой своего «серого кардинала», хитроумного Анвара-эфенди* (с. 42); *...в Турции про Анвара-эфенди почти никто не знает* (с. 47) — 9 употреблений; *Хайрулла пакета не взял, громко заругался по-своему и выставил нас с драгоманом за дверь* (с. 69) — 2 употребления. Всего в группе 10 слов и 79 употреблений.

Редкие слова этой группы используются другими авторами. Так, например, **драгоман** приводится в том же устаревшем значении ‘толмач, переводчик с восточных языков’ в переводе романа Агаты Кристи о Египте [Кристи, 1992, с. 354]:

Управляли животными мальчики в живописных одеяниях, а возглавлял караван довольно общительный **драгоман**-переводчик.

7. Используются также внелитературные экзотизмы, хоть и не отмеченные в словаре, но широко известные в русской культуре (4 слова): **везир** (в такой орфографии, а не с более привычным *визирь*, ср., например, МАС и у В. Пикуля: **Визирь** *запросил мира; Я сумею уговорить визиря. Визирь* уговорит и султана нашего [Пикуль, с. 14, 83]), **великий везир**, **ханум** (МАС — нет), **аскер** (МАС — нет): *Военный везир Редиф-паша и главнокомандующий Абдул Керим-паша сняты со своих постов...* (с. 51) — 1 употребление; *...Анвару... удалось свалить великого везира Махмуд Недима...* (с. 41) — 5 употреблений; *Абдул-Азис... сидел в гареме, наслаждаясь обществом любимой жены, прелестной Михри-ханум...* (с. 42) — 3 употребления; *Первого аскера я повстречал только на окраине* (с. 65) — 1 употребление. Они в тематическом плане дополнительно обозначают 'почтительное обращение к женщине на Востоке' и 'восточный воин'. В целом 4 слова и **10 употреблений**. Три из них принадлежат тематической группе «Представитель правящего сословия и чиновничьей структуры», одно условно можно отнести к теме «Многожёнство».

8. Значительна группа внелитературных экзотизмов, не известных широкому читателю (12 лексических единиц, все внелитературные экзотизмы): **вилайет**, **каймакам**, **табор** (в значении 'батальон в турецкой армии'); **гедикль**, **икбал**, **исканхане**, **кизляр-агазы**, **кучук-кадинэ**, **кучук-ханум**, **шейх-уль-ислам**. Их употребление соответствует стилистической доминанте произведения, так как значительная их часть обозначает устаревшие понятия. Представление о Востоке расширяется также за счёт употребления перефраз: **Тень Всевышнего**, **Хранитель Веры** по отношению к правителю (перефразы *палач свободы* и *язык Корнеля и Рокомболя* не отражают восточного колорита).

Итак, «Турецкий гамбит»: *В ту пору он был генерал-губернатором Дунайского вилайета* (с. 39) — 2 употребления; *Жил на положении гостя у видинского каймакама... каймакам — губернатор* (с. 17) — 3 употребления; *Вот вам и три табора...* (с. 77) — 4 употребления. Эти слова вписываются в сюжет произведе-

ния, они используются в русском языке в качестве исторических терминов (прототерминов) — см. [Всемирная история, т. 6, с. 556, 560].

Познавательное-развлекательное значение текстов Б. Акунина связано с «гlossарным» методом введения экзотизмов. Вообще для писателя характерен интерес к словам. В тексте романа выделены курсивом внелитературные экзотизмы: *исланхане*, *кучук-кадинэ*, *кучук-ханум*, *икбал*, *гедикль*, *кизляр-агази*, *шейхуль-ислам* — и сразу объяснено их значение. В коммерческой литературе особо важно специально поддерживать читательский интерес. В современной русской культуре большое внимание уделяется словарному запасу индивида. Популярностью пользуются различные кроссворды, чайнворды, сканворды и т. п., конкурсы на угадывание слов. «Функции литературы в новую эру, подчёркивает Р. Барт, кардинально меняются, приходит эпоха читателя, и «рождение читателя должно произойти за счёт смерти автора» (1989)» [Ильин, 2008, с. 70]. Этот интерес к необычным словам использует Б. Акунин. «В зависимости от того, насколько ново то или иное слово, насколько оно непривычно для носителей русского языка, оно сопровождается более или менее подробными пояснениями. Естественно, что чем случайнее слово, чем оно реже, тем больших разъяснений требуется при его употреблении; и, напротив, экзотизм, употребляющийся часто, не сопровождается русскими параллелями, его экзотичность, «инострannость» менее заметна, и, если к тому есть необходимые условия, он может приобрести некоторые признаки, сближающие его с заимствованными словами» [Крысин, 2004, с. 162].

В «Турецком гамбите»: ...*Анвар... учредил сеть «исланхане» — благотворительных учебных заведений для детей-сирот как мусульманского, так и христианского вероисповедания* (с. 40) — 1 употребление; *Не весь гарем, а только кучук-ханум* (с. 71) — 1 употребление; «*Благодари Бога, ...что не старшая жена, а всего лишь «маленькая госпожа», «кучум-кадинэ». — «Не «кучум», а «кучук», — поправил Фандорин...* (с. 71) — 2 употребления; ...*кроме полноправных жён, у падишаха есть ещё икбал — нечто вроде фавориток — и совсем юные гедикли, «девы, приятные глазу», претендентки на роль икбал* (с. 73) — соответственно 2 и 1 употребление; *Ну и, разумеется, кизляр-агази — главный евнух*

гарема (с. 73) — 1 употребление (ср.: у В. Пикуля: «Наконец, в Бахчисарае имели значение матеши и мамки, жёны и дочери ханов» [Пикуль, с. 83]); «**Шейх-уль-ислам**, — уточнил строчивший в блокноте Маклафин. — Болие похож на обер-прокурор Синод» (с. 68) — 1 употребление (ср.: в «Пелагии и чёрном монахе»: *Вы, шейх-уль-ислам* (письмо «губернскому архиерею преосвященному Митрофанию». — Л.С.), *не думайте, что я тут только по ресторанам и кофейням расслаживаю да на Принцесс Грѐз глазею (о прелестная, где ты?* (Акунин, 2004, с. 63)); *А всё дело в том, что в мае в столицу великого и несравненного султана Абдул-Азиса, Тени Всевышнего и Хранителя Веры, триумфально вернулся из ссылки Михат-паша* (с. 42) — по 1 употреблению. Итого 12 слов и **14 употреблений**. Из них 6 относятся к теме «Многожёнство» и 6 можно отнести к теме «Представитель правящего сословия и чиновничьей структуры».

Сравнение представленности разных стран в романе через экзотизмы: Польша — 1 слово и 2 употребления;

Германия — 2 лексические единицы и 2 употребления; Англия — 3 слова и 7 употреблений;

Болгария — всего 7 слов и 17 употреблений; Франция показана в 11 словах и 12 употреблениях;

все страны представлены 24 экзотизмами в 40 употреблениях; Турция представлена в тексте 40 словами и 154 употреблениями.

Понятно, что ведущее место в произведении занимает инонациональный образ Турции — врага России, что соответствует теме и идее художественного текста: самое главное на войне — война.

В изображении Турции не важны темы «Одежда», «Кухня» и даже «Оружие» (всего 6 слов, 9 употреблений). Война воспринимается не как противостояние двух армий, а как противостояние двух религий (тема «Иноверец»: 4 слова и 27 употреблений). Экзотика Турции подаётся через темы «Государственное устройство и представители правящего сословия» (19 слов и **91 употребление**), «Многожёнство» (11 слов и **27 употреблений**).

Так не во всех произведениях о Востоке. Например, много внимания вос-

точной кухне уделяет Ю. Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара» [Тынянов, 1988]: *Там совсем другие конфеты. Вообрази, например, кусочки, и тают во рту. Называется **пuffedek**, или вроде хлопчатой бумаги, и тоже тают. Называется **пейшмек**. Потом **гез**, **луз**, **баклава** — там, почитай, сортов сотня* (с. 31) и др.

Эти слова не привязаны ни к одному персонажу, не играют никакой роли в сюжете, основные их функции — служить достоверности, а также познавательности и развлекательности.

Ср.: у Кальмана Миксата в повести «Говорящий кафтан» [Миксат, 1988]: *В сто раз больше пользы было бы от живого **бека** или хотя бы **чауса**... (сноска: **бек**, **чаус** — ‘турецкие чиновные лица’) (с. 96); ...одного посадил на кол будайский **санджак-паша**... (с. 97); *И только **Халил-эфенди**, представитель будайского **каймакама**, прибывший в **Кечкемет** для сбора дани, высказал... (с. 102); **Назурбек**, **толмач** будайского **паша**... (с. 116); **Ибрагим-паша**, будайский **визирь**, стоял подле султана... (с. 116); **Великий визирь** и все присутствовавшие **паша** и **улемы** метнули негодующие взоры на безумца (с. 117); ...и тогда он станет губернатором в одном из тех **комитатов**, что пока ещё находятся в руках австрийского императора (с. 155); *Клянусь аллахом, это — не настоящий кафтан! На нём нет знака **Шейк-эль-Ислама** (с. 165); ...одного посадил на кол будайский **санджак-паша**... (с. 97).***

9. Особенности использования экзотизмов в «Турецком гамбите».

9.1. Экзотизмы и историзмы часто в языке романа используются компактно, в одном контексте или одном эпизоде. Таким образом, формируется фрейм. Например, **эспадрон** — ‘учебное оружие в фехтовании’, **эфа** — ‘ядовитая змея, обитающая в восточных странах’ и др.: *Меня учили фехтовать на **эспадронах**, а это почти одно и то же (с. 103); «Глупо, — сердито сказал он. — Какие ещё **эспадроны?**» (с. 103); *Ночью... проводник бросил в мой левый сапог **эфу**... Но сапог просил каши, и **эфа** уползла в пустыню (с. 63); *Выехали... на... **каруце**... (с. 9–10); **Каруцы** и след простыл (с. 10); ...ни **Митко**, ни **каруцы** на пыльной улице не было (с. 11). *В офицерскую **кантину**? (с. 89); *И в клубе, и в офицерской **кантине**... сыпали именами турецких **пашей**... (с. 113); *Вот вышибут русские меня с моими не-******

*счастливыми тремя **таборами** из Плевны... (с. 63–64); Вот вам и три **табора**... (с. 77); Всего три **табора**, говорит, главные силы подойдут нескоро (с. 112); ...испрашиваю у вас как у старшего из присутствующих георгиевских кавалеров разрешения надеть георгиевский **темляк** на саблю... (с. 141); Тотлебену и Непойчицкому — «Георгия» 2-й степени, Ганецкому — «Георгия» 3-ей степени. А тут **темляк** (с. 141); ...на эфесе сабли Варя углядела яркое пятнышко — не иначе как пресловутый **темляк** (с. 142).* Повтор слова в ограниченном отрезке текста позволяет сосредоточить на нём внимание читателя.

9.2. Художественный текст ограничивает рамки коммуникации. Слова в нём функционируют по особым законам, как в говоре отдельной деревни, в компаративном языке семьи, дворовой компании и т. д. По отношению к диалектной речи это замечено в работе саратовских лингвистов [Гольдин, Крючкова, с. 50], ср.: ограниченный код Б. Бернштейна [Bernstein, 1979, с. 164–167]. «Ограниченный код используется дома, в бытовом общении, с друзьями, развёрнутый код — в официальном общении, в учебном заведении, в учреждении, в беседе на отвлечённые темы» [Карасик, 2002, с. 68].

В «Турецком гамбите» следующие слова имеют ограниченную коммуникацию и соответствие значения одному объекту: Александра II обозначают слова *величество* в сочетаниях *его величество, его императорское величество, ваше величество, государь, государь император, император, великий князь* — только Николай Николаевич, *бей* — только Гасан-бей (ср.: синонимичное *бек* обозначает разных персонажей); *волонтёр и сербский волонтёр* — только Фандорин (кроме одного случая: ...И Петя Яблоков как порядочный человек отправился волонтером (с. 14)); *бретёр, бретёрский*, а также *гусар* — только граф Зуров и то, что принадлежит ему; *вольноопределяющийся* — только Петя Яблоков; *сатрап, опричник, палач свободы* — Мизинов; *эфенди* — Анвар: *Мизинов сокрушённо потупился, однако, не дождавшись от его величества очередного упрёка, двинулся дальше (с. 153); ...я ознакомил со своим интервью штаб великого князя (с. 66); Скоро ли война закончится, эфенди? (с. 65); Митхата и прочих сановников бей не тронул (с. 44); Итак, волонтёр, кажется, затеял игру. Но на какие деньги? (с.*

19); *Мизинов, недовольно хмурясь, молчал, а Варя подумала, что и среди полицейских агентов, видно, бывают не совсем пропащие. Всё-таки сербский волонтер* (с. 49); *Так я и думал. Вольноопределяющийся Яблоков, вы арестованы* (с. 60); *Гусар* воспринял его как нечто само собою разумеющееся (с. 66). А потом *отрежу уши господину бретёру* (с. 102) и т. д. Эта лексика околоономастическая, обозначающая должности, звания, слова-оценки и т. п. Её употребление близко фольклорным постоянным эпитетам.

Но в тексте есть случаи обозначения одним нарицательным существительным одного предмета. Так, слово *темляк* относится на протяжении текста только к тому темляку, который «испросил» себе государь в награду за военные операции. Этот эпизод повторяется несколько раз, и темляк символизирует скромность и порядочность государя (очевидно, на фоне звёзд Героя Л. И. Брежнева).

Каруца — это только та телега, на которой ехала героиня в ставку. *Редингот*, неоднократно упоминающийся в тексте, — это только пальто Маклафлина. Такое слово — внелитературное, так как именно оно обращает на себя внимание читателя и запоминается. Это акцентированная художественная деталь текста.

Значительное место в тексте «Турецкого гамбита» занимают сведения о Турции — противнике России в войне и родине центрального героя, вражеского лазутчика эфенди Анвара и одновременно корреспондента парижской газеты д'Эвре. Турецкая культура представлена многочисленными экзотизмами, фиксированными в словарях литературного языка и внелитературными. Значительная часть из известных в русском литературном языке обозначает вообще восточные реалии и понятия, которые конкретизируются как турецкие только в тексте произведения: *басурман, башибузук, бей, бек, бешимет, гарем, гяур* и др., *чурек* — среднеазиатское (см. выше), часть — специфически турецкие (внелитературные): *гедикль, ислаххане* и т. д.

В переводах английских детективов Дж. Д. Карра [Карр, 2006–1, 2006–2] особое внимание уделяется оружию — кинжалу. В первом романе он обозначен единственным в тексте экзотизмом — *хаджар*: *Тот ханджар с ручкой из слоновой кости произведёт соответствующее впечатление* (с. 43); *Мистер Холмс от-*

крыл стеклянную витрину, в которой лежал **ханджар**... (с. 161); В любом случае надо вернуть **ханджар** на место, ибо это ценный экспонат... Сэм, где **ханджар**? (с. 181) и т. д. Во втором он приобретает имя собственное — *Дженни*: ...вместо шпаги сбоку у него висел необычный кинжал с лезвием вроде толстого шила... (он) даже дал ему имя — «*Дженни*» (с. 57); *Лежит сбоку от тела. Несомненно, «Дженни» Луиса Плейга* (с. 67); *Закололи? чем?.. «Дженни» Луиса Плейга?* (с. 80) и т. д.

10. Используется в романе «Турецкий гамбит» шахматная и карточная терминология, что обусловлено сюжетом произведения: журналисты и офицеры играют в шахматы и карты (**дебют, эндшпиль, миттельшпиль, гамбит; шелехвосточка, султанчик, патовый, фоска**). Для читателя эта лексика представляется как экзотическая. Она переосмысливается в произведении, некоторые слова употребляются в переносном значении, связанном с основной линией романа — с военными действиями: *дебют* — ‘начало каких-либо военных действий’; *эндшпиль* — ‘завершение военной операции’; *патовый* — ‘острый, опасный’; *как фоска в сносе* — ‘не у дел, в стороне’. И опять элементы игры — нигде в тексте нет слова «гамбит» (‘обманное отступление в ходе подготовки наступательной операции’), оно вынесено в заголовок. «Догадывайся, напрягись, читатель, сам» (в фильме же «Турецкий гамбит» значение слова чётко проговаривается). Заголовок играет значительную роль в тексте, *несёт особую текстообразующую функцию в любом произведении*. Эта игра с заголовком связана с постмодернизмом.

«Установка на смысловую игру пронизывает всё творчество Дерриды. Это относится не только к содержанию, но даже к названию его работ» [Ильин, с. 96]. Иронично связывает заголовок с направлением современной русской литературы Ю. Поляков в романе «Козлёнок в молоке» [Поляков, 1997]: «Роману нужно было дать название, а это дело непростое. Например, назови я роман «Сквозь зори» — и литературная судьба Витька окончилась бы, не начавшись, ибо его сразу объявили бы бесцветным новобранцем многочисленного отряда писателей, воспевающих социалистическую действительность. Напиши я на этих квадратиках непонятное мне самому слово «Затеси» — и Акашин мгновенно будет причислен к ватаге пи-

сателей-деревенщиков, что само по себе и неплохо, но ни один уважающий себя эстет не подаст ему даже мизинца, а в свете моих стратегических планов это никуда не годилось. Заголовок «И плюя на алтарь...», конечно, сразу же сделает Витька видной фигурой среди чистоплюев-постмодернистов, но тогда ни один уважающий себя писатель-деревенщик, а тем более соцреалист, рядом с ним на собрании не сядут! Это тоже нарушало мои виды на Витькину литературную будущность... Конечно: «В чашу»... Замечательно!» (с. 110).

§ 2. Экзотизмы и варваризмы как способ моделирования инонациональной речевой среды в «Алмазной колеснице»

1. В романе использованы две основные сюжетные линии: детективная — поиски *акунина* и познавательная — знакомство с авторской, «акунинской» Японией. Два ключевых внелитературных слова позволяют их выстроить: **акунин** и **конгодзё (алмазная колесница)**. Эти линии во многом формируются через внелитературную лексику (**архат**, **бодхисатва**; **акума**). Ключевые ментальные понятия «акунинской» Японии очень сложны, не переводимы на русский язык.

Не сразу поясняется заголовочное сочетание — *алмазная колесница* — *конгодзё*. Оно также употребляемо в тексте и трактуется несколько раз. Алмазная колесница — это в романе символ Японии, второй сюжетной линии произведения и боевой клич секты ниндзя: «**Конгодзё!**» — *тихо, но отчётливо прохрипел беззубый рот, растягиваясь всё шире и шире* (с. 335); *Любопытно, что перед смертью он произнес:*

*«Конгодзё»... «Конгодзё» означает «Алмазная колесница» ...В буддизме существует две основных ветви, так называемые колесницы. Каждый, кто желает Освобождения и Света, может выбрать, на какую из них ему садиться. Малая колесница мчится по дороге, что ведёт к спасению только твоей собственной души. Большая колесница — для того, кто хочет спасти всё человечество. Приверженец Малого Пути стремится к тому, чтобы достичь статуса **архата**, абсолютно свободного существа. Приверженец Большого Пути может стать **бодхисатвой** — идеальным существом, которое исполнено сострадания ко всему существу, но не хочет вкусить Свободы до тех пор, пока несвободны все осталь-*

ные (с. 339); *Алмазная колесница* — Путь для людей, которые живут убийством, воровством и всеми прочими смертными грехами, но при этом не утрачивают надежды достичь Нирваны (с. 712) и т. п.

Детективной сюжетной линии соответствует слово *акунин* — символ японского злодейства, оно достаточно частотно в тексте, употребляется 14 раз, имеет несколько близких, но различных толкований: *Он, конечно, акунин, но отнюдь не слабак... Акунин — это как evil man или villain (сноска: злодей, негодяй (англ.)) — попробовал объяснить Асагава. — Но не совсем... Мне кажется, в английском языке нет точного перевода. Акунин — это злодей, но это не мелкий человек, это человек сильный. У него свои правила, которые он устанавливает для себя сам. Они не совпадают с предписаниями закона, но за свои правила акунин не пожалеет жизни, и потому он вызывает не только ненависть, но и уважение (с. 280); Так главный акунин в этой истории — Дон Цурумаки? — Ну да, главный злодей. Мне объясняли, что японские злодеи не похожи на прочих. То есть они, конечно, тоже негодяи и ишчадия, но с принципами и не без благородства (с. 561) и т. д. (ср.: *Иностранцы* — *акума* с ними, пускай хоть сдохнут, но рикши было жалко (с. 198); ср.: разнообразие именовании злой силы у эвенков в романах М. Ошарова и Ж. Трошева).*

«Крайне важно, что Акунин — по-видимому, крайне редко следующий в своём творчестве спонтанным импульсам, — выбрал себе псевдоним, который устанавливает родство автора не столько с Великим Детективом, сколько с его врагами» [Липовецкий, 2008, с. 683].

Но это и пронзительнейший роман о любви. И ясно это читателю становится не сразу. Писатель использует сложные, хитроумные способы передачи этой линии, они полны иносказаний, как сама «акунинская» Япония. *Хокку* — это третье ключевое слово текста, это линия любви. **Три ключевых слова произведения** — экзотизмы **конгодзё, акунин, хокку** (*алмазная колесница* — очевидно, дословный перевод).

2. В романе «Алмазная колесница» значение заголовка даётся в тексте, начиная с 339-й страницы, ближе к концу произведения поясняется заголовочное

сочетание — алмазная колесница — конгодзё. Ближе к концу становится понятным и оглавление первой части текста (том 1).

Необычные названия частей текста бывают: ср. завязи и «напутное слово» вместо предисловия (как и у В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка») в романе А. черкасова «Хмель» и др. Первая часть романа, действие которого происходит в России, построена по законам хокку, так названы три главы, число параграфов соответствует числу строк в хокку. Это прощальное хокку О-Юми. Том 2 называется «Между строк». Объясняется это только на 653-й странице. Ты дочитал до 653-й страницы, дорогой читатель? Тогда можешь понять, что ты читаешь: Больше всего я люблю трехстишья, **хокку**... **Хокку** подобно телесной оболочке, в которой включена невидимая, неуловимая душа. Тайна спрятана в тесном пространстве между **пятью** слогами первой строки (она называется **ками-но-ку**) и **семью** слогами второй строки (она называется **нака-но-ку**), и потом меж **пятью** слогами последней, третьей, строки (она называется **симо-но-ку**) (с. 653). Здесь, несомненно, мы видим элемент языковой игры, характерной для постмодернизма. «Хокку (хайку) — жанр японской поэзии. Нерифмованное трёхстишие, генетически восходящее к танка. Состоит из семнадцати слогов (5–7–5). Хокку отличается простотой поэтического языка, свободой изложения» [Елисеев, Полякова, с. 278]. Всего задействовано 10 слов, все внелитературные экзотизмы.

Оттянутое объяснение экзотизма — приём, широко используемый Б. Акуниным в романе о Японии. И детективная линия, и познавательная, и любовная создают образ инонациональной речевой среды.

Но т. н. оттянутые пояснения значения встречаются в текстах и без специального назначения. Так, в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы» читаем на 29-й странице: Из гостей крестоносцев разве только графы, а из самих крестоносцев разве только **комтур**, да и то не всякий (с. 29). Далее этот экзотизм используется в тексте регулярно, и только на 176-й странице мы узнаём значение слова: **Комтур**, или, по-нашему, староста из Янеборка (с. 176). Также: Думаю, что обагрятся их кровью литовские **сулицы** (с. 547); ...в кустах сверкали как

будто сулицы, то есть лёгкие копья литвинов (с. 556) и т. д.

3. Автор и в «Алмазной колеснице» отталкивается от распространённого мифа, выраженного в наборе экзотизмов, а затем не распространяет представления о стране, а противопоставляет ему другое представление, другую, «акунинскую» Японию.

Роман по цели близок «национальной» литературе: это представление миропонимания, ментальности чужого народа. Осуществляется через образ молодого Фандорина, желающего познать Японию (ср.: рассказ о Турции в письме Фандорину Гнатьева, ироничное представление её экзотики журналистам д'Эрве-Анваром-эфенди и русских в Эвенкии в романе Ж. Трошева). Почти все действующие лица удовлетворяют его любознательность, рассказывая о стране. Это консул, врач-англичанин, сержант-англичанин, любимая девушка, её отец-ниндзя; его слуга, японский мафиози и т. д. (таким образом, действие становится «странным», используется приём остранения). Две сюжетные линии пересекаются: найти *акунина* невозможно, познать эту страну невозможно. Всё зыбко, всё нереально, всё переходит в свою противоположность... Хрупкая, беззащитная *конкунбина* красавица О-Юми становится беспощадной *итиноку* — девушкой-ниндзя, Мидори-сан; надёжный *письмоводитель* Сирота — предателем-*ренегатом* (да и предателем ли?), *акунином* представляется Фандорину то горбун Сэмуси, то англичанин Булкокс, то японский интендант Суга, то местный мафиози Дон Цурумаки, то *дзёнин, сэнсай* Тамба, который обещает Фандорину «рассказать об Алмазной колеснице и о настоящем акуине» (с. 706). Настоящий *акунин* так и не найден. Непреодолимо обаяние Японии, недаром подругу консула зовут Обояси, а два положительных героя — Эраст Петрович Фандорин и консул Всеволод Витальевич Доронин — «ояпониваются». «Происходит постоянная и последовательная перекодировка значений в «силовом» поле противоположных сторон бинарной оппозиции» [Липовецкий, 2008, с. 519], что характерно для произведений Б. Акунина.

4. Прежде всего, Япония представлена в романе через экзотизмы.

4.1. Миф о Японии, с которым Фандорин прибывает в страну, — это лубочная картинка в женском варианте, представленная литературными экзотизма-

ми — **пагоды, чайные домики, джонки, кимоно**, — 4 словарные единицы (*веера* и *зонтики* экзотизмами не являются): *Он надеялся увидеть картинку с лаковой шкатулки: многоярусные пагоды, чайные домики, снующие по воде джонки с перепончатыми парусами, а тут обычная европейская набережная* (с. 180); *Послушайте, а где японки в кимоно, с веерами и зонтами?* (с. 185). Здесь используются только литературные экзотизмы.

Создание фрейма в литературе часто опирается на ряд ключевых слов: *В детстве я много читала про индейцев. Тамагавки, скальпы, боевые кличи* [Шелдон, 2000, с. 39]; *Одних тридцатиминутных кассет было штук двенадцать, и на всех одно и то же: война, огонь, трупы... Ох, этот голос!.. Фантастика, а не голос* [Устинова, 2001, с. 157]; *Французский кинематограф пятидесятых — много сигарет, абсента и кофе* (с. 135); *Он всё время её смешил, этот человек с голосом из французского кинематографа пятидесятых — много абсента, сигарет и кофе!* (с. 265–266) [Устинова, 2008] и др.

Затем в этот миф вписывается лексика, отражающая европейские представления того времени через *внелитературные экзотизмы* — *укиёэ, жапонизм, Outamaro* — и *литературные* — *самурай, банзай, микадо* (6 слов): *Таких красавиц Эрасту Петровичу доводилось видеть на цветных гравюрах укиёэ. Проведя несколько дней в Японии, он было решил, что изысканные прелестницы укиёэ такая же выдумка, как все прочие фантазии европейского «жапонизма», но О-Юми ничуть не уступала красавицам старинного художника Outamaro, чьи работы ныне продавались в парижских салонах за немалые деньги* (с. 328). *Жапонизм* — японизм в англизированном варианте (ирония, насмешка, основанная на внутренней форме слова, связанной с табуированным русским словом).

«Противоречивость, сложность, обманчивость, плутовство — одновременно характеризуют и язык, которым рассказывается история» [Липовецкий, 2008, с. 204]. Этот мифологизированный образ оппозитивен дальнейшему познанию. *Главное, не обманите. Дайте честное слово самурая* (с. 94). *Безработных самураев теперь полным-полно, так что в добровольцах недостатка нет* (с. 277). *На крыльцо выполз человек, проворно перебирая локтями и коленками. «Банзай!*

Банзай!» — вопил он без остановки (с. 155). У *микадо* армия мирного времени — тридцать пять тысяч человек (с. 381).

Литературные экзотизмы, отражающие Японию, обеспечивают ассоциативные связи: *пагода* (МАС: ‘культовое мемориальное буддийское сооружение в странах Дальнего Востока (Китае, Японии и нек. др.)’), *джонка* (МАС: ‘лёгкое китайское парусное судно с тупым носом и высоко поднятой кормой’), *кимоно* (МАС: ‘национальная японская одежда (мужская и женская) в виде халата с широкими рукавами’), *самурай* (МАС: ‘военное сословие мелких дворян в феодальной Японии’), *банзай* (ТСИС: *междом.* ‘десять тысяч — формула приветствия, обращённая к японскому императору и означающая «живите десять тысяч лет! Да здравствует! Ура!»’), *микадо* (ТСИС: ‘титул японского императора, а также тот, кто носит этот титул’) — 6 слов.

Есть на первых страницах в тексте и слово **сакэ**, которое не отмечено в словарях, но широко известно: *Блаженно смотрел, как хлопочет Эмико: посыпает горячую лапшу порошком из сушёных водорослей, наливает из кувшинчика подогретый сакэ...* (с. 534).

Нет в тексте некоторых хорошо известных слов, связанных с Японией, например *сакура* (ТСИС: ‘японское вишнёвое дерево (часто служит символом Японии)’). «Иные явления природы давно стали своеобразными национальными символами, сохранившими всю свою обобщающую силу и в наше время. Таков, например, образ берёзы в русской литературе, в особенности в лирике и в музыке; образ белого золота — хлопка в узбекском искусстве и льна — в белорусском, виноградной лозы — в грузинском и армянском, беркута — в казахской поэзии и т. д. Живучи в народно-поэтическом сознании восточных народов такие образы, как «соловей», «тулпар», «джейран», «джигит», «батыр», «чонгури», «саз», «каманча», домбра» и другие [Апресян, 1964, с. 155]; *харакири* (МАС: ‘вид самоубийства, принятый у японских самураев, — вспарывание живота кинжалом’); *танка* (‘в японской поэзии особая форма короткого стихотворения из пяти нерифмованных строк’ [Елисеев, Полякова, 2002]) и др.

Этот факт явно диалогичен. Автор использует другие экзотизмы: **сливовый**

дождь и **сэппука**, **хокку** (ср.: уточнение экзотизмов в романе Ж. Трошева по сравнению с романом М. Ошарова): *Пойдемте-ка ко мне на квартиру. А то опять этот чёртов с-сливовый дождь полил* (с. 347); *У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству — сделай сэппуку. Лживый человек резать себе живот не станет. Но если б вы знали, Фандорин-сан, как ужасно делать сэппуку без секунданта, без человека, который милосердным ударом меча прервёт страдания!* (с. 44). На чём строится эта диалогичность? Как в романе Ж. Трошева по сравнению с романом М. Ошарова — на приближении к языку-источнику? На свежей образности? Направлена на актуализацию знаний читателя об объекте и некоторой его оппозиции к автору? Как уже говорилось, «функции литературы в новую эру, подчёркивает Р. Барт, кардинально меняются, приходит эпоха читателя, и «рождение читателя должно произойти за счёт смерти автора» (1989)» [Ильин, 2008, с. 70]. Ср.: у Акунина слово *суффражистки* при отсутствии слова *эмансипэ* в романе «Турецкий гамбит», что оставляет открытым поле ассоциаций для читателя, и использование обоих слов А. Бушковым в романе «Авантюрист» (не понял игры Б. Акунина?).

4.2. Вторая часть романа начинается с образа-символа — *омурасаки*, *бабочка*, *мотылёк*, *стрекоза*. *Омурасаки* — символ любви и гибели: *Бабочка омурасаки собралась перелететь с цветка на цветок... Вновь обретя свободу, омурасаки спустилась было к зелёной, похожей на луг поверхности, но вовремя разглядела обман и успела вспорхнуть прежде, чем до неё долетели прозрачные брызги... Омурасаки покружила с минуту, выбирая объект попривлекательней, и выбрала — села на гвоздику в бутоньерке худощавого господина, который смотрел на мир через синие очки... Мысли у очкастого струились ровным аквамарином, так что омурасаки стала устраиваться поосновательней: сложила крылышки, расправила, опять сложила* (с. 175). *Омурасаки* тревожно дёрнула крылышками, ощутив, как мысли Всеволода Витальевича наливаются нехорошим багрянцем, но тут консул приподнялся на цыпочках и уставился на пассажира в белом тропическом костюме и ослепительном колониальном шлеме (с. 177). *Омурасаки* не пожелала

расставаться с титулярным советником (с. 181).

В тексте неоднократно подчёркивается связь О-Юми и бабочки: *За ними, придерживая створки, стояла О-Юми — с раскинутых рук свисали широкие рукава кимоно, отчего женщина была похожа на бабочку* (с. 430) и т. д. Бабочка в данном сюжете аллюзивна популярной в России опере Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй, или Чио-Чио-Сан» (1904), героиня которой так же, как и О-Юми, была **конкубиной** — супругой по контракту. «Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста... Для постмодернизма, в частности для Дерриды, характерно «применение мультилингвистических каламбуров, шуточных этимологий, аллюзийначтоугодно, фонических и типографических трюков» [Ильин, 2008, с. 95, 100–101]. Кончается это хокку, которое О-Юми переводит так: *Мой ловец **стрекоз**, / О, как же далеко ты Нынче забежал...* (с. 653). Это стихи древней поэтессы об умершем сыне. Это предчувствие гибели своего сына.

Слова-символы в романе возникают и из ключевых слов *акунин* и *конгодзьё* — *алмазная колесница*. Заголовок, значение которого переходит в символ, — пространённое явление в русской литературе (ср.: «Затеси» В. П. Астафьева, «Большой аргиш» М. И. Ошарова и др.).

Таким образом, вне тематических групп представлено 24 слова.

4.3. В «Алмазной колеснице», в отличие от «Турецкого гамбита», представлены традиционные «туристические» экзотизмы, обозначающие **национальную одежду и обувь, кухню, различные меры и денежные единицы, виды транспорта, социальную структуру общества, различные возгласы.**

1) Одежда и обувь — **юката, дзори, гэта** (3 слова): *Асагава, сменивший тесную европейскую одежду на тонкую юкату, сидел на подушке и блаженно смотрел, как хлопчет Эмико* (с. 534); *Скинул соломенные дзори, шагнул вперёд* (с. 666); *Остался в своих деревянных гэта* (с. 285).

2) Кухня — **соба, уни, тофу, натто, сакэ, кикацу-мару, суйкацу-мару,**

маару (8 слов): Она не ушла и после того, как инспектор, поблагодарив, принялся шумно всасывать обжигающую *соба*, то и дело подхватывая палочками из отдельной плошки свою любимую маринованную редьку (с. 534); Маса соорудил изысканный завтрак: жёлтую икру *уни*, прозрачные ломтики *ика*; красиво аранжировал маринованные сливы и солёную редьку; отварил самого дорогого рису и посыпал его толчёными морскими водорослями; особенно же можно было гордиться белоснежным свежайшим *тофу* и благоуханной нежно-коричневой пастой *натто* (с. 286); Горбатый хозяин махнул служанке, чтоб подлила играющим *сакэ* (с. 198). Специально выделена еда ниндзя: Тамба заставил Фандорина проглотить *кикацу-мару*, старинную пищу ниндзя, которой они запасались, отправляясь в длинный путь... А вместо бутылки с водой Эраст Петрович получил запас *суйкацу-мару* — три крошечных катышка из сахара, солода и мякоти маринованной сливы (с. 680); Не сделал ни единой передышки, но нисколько не устал — должно быть, из-за волшебных *мару* (с. 687).

3) Экзотизмы, обозначающие различные меры (сунн, сяку, кэн, каммэ), денежные единицы (иена — есть в МАС) — всего 5 слов: чувствуешь, где проходит жилка? На *сун* с четвертью от края глаза (с. 442); Простучать каждый *сяку!* (сноска: ‘мера площади (0, 033 кв. м)’); Прыгать вниз — ноги переломаешь, тут *кэна* (сноска: *кэн* — ‘мера длины (1,81 м)’) четыре (с. 675); Ещё есть *Обакэ-Призрак*, мастер *нунтяку*, и *Рю-Дракон*, бывший *сумотори* весом в пятьдесят *каммэ* (сноска: ‘мера веса, равная 3,75 кг’) (с. 201); На расходы Маса получил 20 *иен* и ещё жалованье за месяц вперёд (с. 284).

4) Транспорт — *курума*, *дзинрикия*, *паровая курума*, *бруэме* (4 единицы): Садитесь, садитесь. Это самое распространённое в Японии транспортное средство. Называется *курума*... *Курума* с видимым удовольствием приняла молодого человека, покачав его на потёртом, но мягком сиденье (с. 183); А эти молодцы называются *дзинрикия*, или, как произносят европейцы, «рикиши» (с. 183); Любого одолеет — конечно, кроме *Рю*, которого с места и *гайдзинской паровой курумой* не сдвинешь (с. 201); Вечером Эраст Петрович возвращался в консульство по *Мэйн-стрит* после совещания с сержантом и инспектором и видел, как

мимо в открытом **бруэме** проехали огненноволосый Булкокx и его наложница (с. 326).

5) Социальный состав общества — **сёгун, сэнсэй, даймё, ёрик, конкубина, каннуси, мико** (7 слов): Когда же началась гражданская война между сторонниками **сёгуна** и сторонниками микадо, он сразу сообразил, что к чему, и присоединился к революционерам (с. 257); Тамба-**сэнсэй**, если вы сейчас подглядываете через какую-нибудь хитрую щёлку, не сочтите меня предателем (с. 669); Сирота-**сан** ещё вчера разъяснил ему обязанности (с. 284); И это отпрыск владетельных **даймё!** Его отцу принадлежала вся соседняя провинция. Но теперь удельные княжества упразднены, бывшие **даймё** превратились в государственных пенсионеров (см. 264); **Ёрики**, вроде участкового копа. При **сегунах**, прежних правителях, было заведено, что всякое ремесло и даже всякая должность передавалась от отца к сыну (с. 276); «Сирота предлагает вам выбрать **конкубину**, — объяснил Доронин, с видом знатока рассматривая снимки, на которых были запечатлены куклоподобные барышни с высокими замысловатыми причёсками. — Супругу по контракту» (с. 192); По дорожке к храму шли двое: впереди степенно шествовал синтоистский жрец-**каннуси** в чёрном одеянии и колпаке, за ним семенила храмовая прислужница-**мико** в белом кимоно и алых шароварах, по сторонам её набеленного лица свисали длинные прямые волосы (с. 370).

б) Национальную специфику передают т. н. малые слова, обозначающие **благодарность, согласие, возгласы удивления, трудовые выкрики, «понукание» лошадей** и т. д. — **аригато, домо, хай, хэй-хэй-тя, хэ-э-э; ёси, икоо** (6 единиц): Фандорин поблагодарил: «**Аригато**» — и снова провалился (с. 568); «Как повашему «мерси»? — ухмыльнулся Дрозд. — «**Аригато**». — «Ну, стало быть, пролетарское **аригато** вам, господин самурай» (с. 161); «**Домо, домо**», — поблагодарил её Всеволод Витальевич (с. 246); Племянник кивал, повторяя: «**Хай, хай, хай**» (с. 695); «**Хай**», — Маса зевнул, отправился к себе в комнату (с. 545); Трое туземцев, весь гардероб которых состоял из обтягивающих панталон и скрученных жгутом полотенец на голове, дружно взялись за скобу, крикнули «**хэйхэй-тя!**» и загрохотали по мостовой деревянными шлепанцами (с. 183); Горбун слу-

шал хмуρο. Один раз протянул: «Хэ-э-э» — будто удивился чему-то (Эраст Петрович догадался, что это реакция на сообщение о смерти капитана) (с. 214); Дама же тряхнула поводьями, пронзительно крикнула «Ёси, икоо» — и пустила кобылу рысью — очень резвой, несмотря на предостережение (с. 325).

Интересно замечание по поводу значимости ругательства — слова *собака*: Называли Окубо «собакой»? Это может быть очень, очень серьёзно! (с. 244). (Вспомните, как Анвар в «Турецком гамбите» комментировал обнажённую ручку турчанки.) **Всего в этих тематических группах 32 слова (3 из них обозначают еду ниндзя).**

4.4. Самое большое количество экзотизмов связано с преступным миром (который занимает своеобразную позицию по отношению к государству и обществу). Это **общие названия сообществ, внутренняя их иерархия, названия видов боевых искусств и боевых приёмов, оружия, искусства управлять человеком.**

1) Преступные сообщества и люди, принадлежащие им, — *тимпира, хитокири, бакуто, мати-якко, якудза, ниндзя, синоби, крадущиеся* (8 слов): К облегчению инспектора, буянили не иностранцы, а двое японцев. По виду обыкновенные *тимпира*, шантрапа самого мелкого пошиба... Один *тимпира*, с красной повязкой на голове, попятился к двери (с. 537); Да если эти трое — опытные *хитокири*, то бишь головорезы, они изрубят в капусту уйму народу! (с. 313); «Ракуэн»? Знаю. Совсем скверное заведение. Там *бакуто* (это такие очень плохие люди) играют в кости (с. 209); «Он из семьи потомственных *мати-якко* и очень этим гордится. («Это такие благородные якудза, которые защищают маленьких людей от произвола властей. Ну, заодно, и обирают, конечно»)), — полупереводил-полукомментировал Сирота (с. 228).

Наиболее частотные в произведении именованья — *якудза* (и отдельный бандит, и вся банда) и *ниндзя* (*синоби, раппа, супа, крадущиеся*): *Якудза* по кличке Барсук умер вместе с шайкой Тёбэй-гуми (с. 284); Это в *якудзе* такой обычай: сели разбойник в чём-то провинился и хочет извиниться перед шайкой, то отрывает себе кусочек пальца (с. 229); Про *ниндзя* пишут чудеса (с. 301); «Да что за

*синоби такие?» — нетерпеливо воскликнул Локстон. «Крадущиеся», — пояснил доктор, окончательно беря кормило беседы в свои руки. — Каста лазутчиков и наёмных убийц — искуснейших в мировой истории. По-другому этих полумифических рыцарей плаща и кинжала называли **раппа, суппа** или **ниндзя**» (с. 301).*

2) Обозначение иерархии преступного сообщества имеет большое значение в текстах о преступлениях. Это в художественной форме позволяет сообщить, что преступность организована, что это серьёзно, раз имеется такая внутренняя иерархия, что это страшно, что человек, отважившийся на борьбу, герой — **дзёнин, тюнин, гэнин, солдат, ученик, боец, вакасю, вакагасира, оябун** (9 слов): *Пока наверху была суматоха, он сидел, скрючившись, и дышал через трубочку, а на завтра выбрался из замка и доложил **дзёнину** о выполнении задания... **Дзёнин** — это генерал клана, стратег. Он принимал заказы, решал, кому из **тюнинов**, офицеров, поручить разработку операции, а собственно убивали и шпионили **гэнины, солдаты** (с. 303); С малолетства он мечтал, как вырастет, вступит в банду и сделает в ней большую и почтенную карьеру. Будет сначала **учеником**, потом **бойцом**, потом выслужится в маленькие командиры **вакасю**, затем в большие командиры **вакагасира**, а годам к сорока, если доживёт, станет самым **оябуном**, повелителем жизни и смерти полусотни храбрецов, и о его подвигах тоже станут сочинять пьесы для Кабуки и кукольного театра Бунраку (с. 202).*

Частотно в тексте слово *солдат*: *Бандит встал, поклонился в пояс. «Он говорит, что он — **солдат** почтенной шайки «Тёбэй-гуми», которая более не существует» (с. 228); Снова поклонился «**солдат**», прижал ладони к бокам и стал даже не рассказывать, а скорее докладывать, причём совершенно по-военному «ел глазами начальство», в роли которого оказался Эраст Петрович (с. 229) и т. д. Слово *солдат* используется в переводах текстов С. Шелдона при описании сицилийской мафии. Слово *солдат* в этом значении присутствует и в отечественных текстах: *Алонов стал солдатом-бойцом, добровольно взявшимся за большое дело и сознающим свою ответственность* [Иванов, 1989, с. 86].*

Слово *боец* начинает использоваться в русском языке со значением 'младший, низший по статусу'. Так, например, в романе Т. В. Устиновой «С небес на

землю» [Устинова, 2011]: *Значит посылаем бойца за сосисками (с. 203); Пока радостные сотрудники составляли «бойцу» список <...>, пока решали, сок или безалкогольное пиво, Владимир Береговой вышел в коридор (с. 204).*

3) Названия боевых искусств и боевых приёмов: **синоби-аруки, интон-дзюцу, фукуми-бари, баттодзюцу, ниндзюцу, тондзюцу, тайдзюцу, будзюцу, дзюдзюцу, ину-омоно, нагарэ, хэнкан, ринки-охэн, дим-мак** (14 слов).

Области совершенствования бандитов: *Каждый гэнин стремился достичь совершенства в какой-нибудь узкой области, в которой ему не было бы равных. Например, в бесшумной ходьбе синоби-аруки, или в интон-дзюцу, движении без звука и отбрасывания тени, или в фукуми-бари — ядовитых плевках (с. 305); Но я беру у одного старика уроки баттодзюцу... Баттодзюцу — это искусство выхватывания меча из ножен (с. 249); Ниндзюцу состоит из трёх главных искусств: тондзюцу — искусство скрытности, тайдзюцу — искусство владения телом и будзюцу — искусство владения оружием... (с. 645); Ину-омоно... Искусство стрельбы из лука по бегущим собакам (с. 318); Говорил, что сначала нужно по отдельности изучить каждый из трёх принципов схватки: нагарэ — текучесть, хэнкан — переменчивость и самый сложный из них всех — ринки-охэн — способность к импровизации и зависимости от манеры противника (с. 649); О дим-мак мало что известно. Возможно, это вообще выдумки... Китайское искусство Отсроченного Убийства (с. 241) и т. д. Такое разнообразие именовании впечатляет само по себе. Кроме того, если следовать мысли Ю. А. Найды о фокусе культуры, то это действительно становится страшным.*

4) Специально поименованы удары, точки на теле, подверженные воздействию и др., — **кубиори, точка бакаяро, точка минэ, сода, вансюн, кэцуин** (б единиц): *Маса нанёс предательнице смертельный удар кубiori, который должен был разорвать её подлое горло, но сильная рука перехватила его запястье (с. 678); Жалобы начальству писать не буду, поступлю проще: нажму у вас на животе секретную точку бакаяро — тут вам и конец... Никакой точки бакаяро в природе не существовало, но Евстратий Павлович, знавший, как ловко Фандорин владеет всякими японскими фокусами, изменился в лице (с. 80); Если повезёт по-*

пасть в **точку минэ** на подбородке и выбить челюсть, Фудо станет не до драки (с. 204); Загадочными комментариями вроде: «**Сода** (шест, позв.) — врем. паралич; несильно! — ин. мом. смерть». Или: «**Вансюн** (трёхглав, мыш.) — врем. паралич руки; несильно! — ин. перелом» (с. 650); Она натёрла его синяки и ссадины целебной мазью, а потом показала, как снимать боль и усталость при помощи **кэцуин** — магического сцепления пальцев (с. 650) и т. д.

5) Разнообразны и экзотизмы — названия оружия — **дзиттэ, катана, вакидзаси, сюрикэн-сяринкэн, ториноко** (5 слов): Вместо огнестрельного оружия прихватил **дзиттэ** — железный штырь с двумя закорючками по бокам. В прежние времена таким отражали удар меча, но **дзиттэ** годился и чтоб отбить нож или просто стукнуть по башке (с. 536); Искры на клинке **катаны** (с. 244); В руке держал **вакидзаси** короткий меч и размахивал им так, что любо-дорого было посмотреть, как сверкал клинок в свете фонаря (с. 351); Это **сюрикэн**, он же **сяринкэн**. Метательное оружие «крадущихся» (с. 119); Огненное яйцо — это **ториноко**, пустая скорлупа, куда синоби через дырочку заливали зажигательную смесь (с. 336).

Названия оружия в детективной литературе имеют особое значение и часто связаны с экзотизмами и даже собственными именами. Это страшно, но страшно не только для Фандорина, но для России, которой предстоит проиграть войну Японии.

б) Как уверяет нас роман, в Японии всё делают основательно. Вот, например, искусство чтения лица и искусство любви — **нинсо, инсёку, кагэбикари, инуока, дзёдзюцу, соёкадзэ**, «Дуновение ветерка», «Двое на острове», «Запах персика», «Тайфун», «Аяцури», «Тетива лука» (12 единиц): Многие из этих дам неплохо владеют **нинсо** — это вроде вашей физиогномистики, только гораздо, гораздо хитрей (с. 424); Например, если я вижу на правом виске маленький прыщик цвета **инсёку**, я знаю, что этот человек влюблен (с. 330); У тебя под левой скулой тень **кагэбикари**, она свидетельствует о том, что ты ещё в самом начале своего Пути и можешь измениться к лучшему (с. 624); Если б я вовремя заметил у тебя по

краям лба шишки **инуока**, я бы не напустил на тебя гадюку (с. 624); О, несчастная жертва **дзёдзюцу**... Да не **дзЮдзюцу**, а **дзЁдзюцу**! «Искусство любовной страсти». Куртизанки наивысшей квалификации владеют им в совершенстве... Первая фаза называется «**соёкадзэ**». Как бы это перевести... «**Дуновение ветерка**» — примерно так. Задача — обратить на себя внимание намеченного объекта. Дальше экзотизмы и пословный перевод сочетаний: «**Двое на острове**», «**Запах персика**», «**Тайфун**», «**Аяцури**» — ‘расставание’: **Аяцури** — это когда в театре кукловод управляет марионеткой... Вас ещё ожидает самая лучшая фаза: «**Тетива лука**». В вашем случае пикантность двойная, — улыбнулся он. — Ведь «лук» по-японски юми (с. 423–424). Так Фандорин — управляемая марионетка?

7) Япония — страна загадочная, но главное — сущность человека — **ки**, **киаи**, **син**, **хара**, карада, **кокоро** (6 слов): «Не молчи, — попросил он. — Скажи что-нибудь. Иначе **ки** не найдет выхода, и у тебя образуется комок в сердце. Так можно умереть» (с. 682); Начнём с великого искусства **киаи**: как концентрировать и направлять духовную энергию **ки**, сохраняя неподвижность своей **син**, которую западные люди называют душой (с. 713); Когда у человека крепкая **хара**, с ним ничего не сделаешь (с. 377); Пока же он делал то, что мог: во-первых, не спал; во-вторых, не пустил к себе в постель **Нацуко**, хоть та надулась, да и **Ма-сина карада** очень хотела (ничего, потерпит — **карада** должна подчиняться духу) (с. 504); Не в горбе дело, а в том, какое у человека **кокоро**. Если **кокоро** правильное, от горба станешь только лучше, а если гнилое — возненавидишь весь белый свет (с. 350). Всего 47 словарных единиц.

Таким образом, общее количество тематических групп, связанных с бытом народа, — 6, оно равно количеству групп, связанных с боевыми искусствами и управлением человеком, — 6. Общее же количество слов во второй группе тематического деления — 60, первой — 32. Экзотизмов в первой группе значительно меньше, чем во второй (около 35%). Итак, внелитературная лексика обеспечивает концепцию произведения: опять самое главное на войне — война (готовится противостояние Востока и Запада).

4.5. Ментальность японцев, специфика их отношения к жизни передаётся и

через пословный перевод двух устойчивых сочетаний — **искренний человек, умереть красиво** (2 единицы): «Фельдмаршал Сайго был **искренний человек. И умер красиво**... Великий русский поэт, — объяснил Сирота и, подумав, прибавил: — Тоже **искренний человек. Красиво умер**» (с. 194); «Вот какой человек доктор Твигс! — с восхищением закончил Сирота. — **Искренний человек!**» «Как Пушкин и фельдмаршал Сайго?» — невольно улыбнулся Эраст Петрович (с. 234); «Японцев хлебом не корми, только бы кто-нибудь **красиво умер**», — улыбнулся Всеволод Витальевич (с. 194); Они не захотели расставаться, их любовь оказалась сильнее смерти. Это очень **красиво** (с. 229); И убью себя, в доказательство своей **искренности** (с. 445); «Вчера вы попросили у меня прощения, хотя могли этого не делать. Вы **искренний человек**». В первое мгновение титулярный советник не понял, причём тут его искренность, но потом предположил, что дело в несовершенстве перевода. Должно быть, английское выражение «*sincere man*», употреблённое Асагавой, или русское «**искренний человек**», каковыми письмоводитель Сирота почитает Пушкина, маршала Сайго и доктора Твигса, плохо передают суть качества, столь высоко ценимого японцами. Может быть, это значит «неподдельный», «настоящий»? Нужно будет спросить у Всеволода Витальевича... «**Искренний человек** никому не позволяет так с собой обходиться. Итак: если преступление Суги останется безнаказанным, то я, во-первых, не полицейский, а, во-вторых, **неискренний человек**»... «Нет, «*sincere man*» — это по-нашему «человек чести», — догадался титулярный советник (с. 392–393).
Ср.: смерть влюблённых героев произведения М. Ошарова «Большой аргиш», которые тоже «умерли красиво», лишив себя жизни.

4.6. Если в героях «Турецкого гамбита» нет явного противопоставления Востока и Запада, то в «Алмазной колеснице» оно ярко выражено. В «Турецком гамбите» актуализируется противопоставление религий, в «Алмазной колеснице» — рас. Европейцы в глазах японцев обозначены рядом слов-экзотизмов, наиболее частотно — *гайдзин*; это единственный экзотизм в произведении, имеющий словообразовательное гнездо, — **гайдзин, гайдзинский, по-гайдзински**, близкие по звучанию *ондзин, дайджин, а также акахигэ, кэтодзин, сару* (8 единиц):

*Японцы охотно нанимали его, им вдвойне любопытно: покататься на чудо-лодке с трубой, да ещё чтоб **гайдзин** прислуживал (с. 196); Гундари обшарил желтоволосую, а Фудо тем временем обыскивал третьего из вошедших, пожилого **гайдзина** непомерного роста (с. 205) и т. д.; Сказала госпожа, прибавила что-то **погайдзински**, и все трое кинулись прочь от прямоугольной дыры (с. 669); Любого одолеет — конечно, кроме Рю, которого с места и **гайдзинской** паровой курумой не сдвинешь (с. 201); Делать открытия — но по вашей, **гайдзинской**, части (с. 421).*

Это слово имеет в тексте однокоренные слова (или случайные созвучия?), которые показывают его как имеющее сферу употребления с положительной окраской: *«Теперь вы на всю жизнь его **ондзин**. В русском языке, к сожалению, нет такого слова. — Он подумал немного. — Погробный благодетель. Так можно сказать?.. Да, до самого гроба. А он ваш погробный должник» (с. 233); Маса пришел в ужас и долго не соглашался: как это можно — ударить **ондзина**? (с. 288); Эцуко будет убивать **дайdzина**... **Дайdzин** значит «большой человек... (с. 642).*

«Самое шокирующее у Дерриды... в способах аргументации..., по мнению Каллера, — это «попытка придать философский статус словам, имеющим характер «случайного» совпадения, сходства или связи» (1983)» [Ильин, с. 95].

Однако есть другие слова, которые снижают образ белого человека, противопоставляя его японцам: *«**Гайдзин** значит «иностранец». Ещё нас тут называют **акахиgэ** — «красноволосые», **кэтодзин**, то есть «волосатые», и **сару**, сиречь «обезьяны». А пойдете гулять в Туземный город, детишки будут вас дразнить, делая вот так. — Консул снял очки, оттянул пальцами веки кверху и книзу. — Это значит «круглоглазый», считается очень обидно. Ничего, зато больше не режут почём зря» (с. 186); Пальцы у **гайдзинов** ловкие. Это оттого, что они произошли от обезьян — сами в этом признаются, и нисколько не стесняются (с. 287).*

С другой стороны, русские, а особенно англичане, также «обзывают» японцев (иногда смешивая их с китайцами) — **китаёза**, **ходя**, **мартышки**, **япоськи**,

япошки, обезьяны, паршивые косоглазые туземцы: Евстратьпалыч! Один есть! Китайца! Говори, ходя, где пальба? (с. 66); *Свинство наше российское, мало общественных латрин. Вот в Японии, говорят, сортиры на каждом шагу. Оттого и не можем побить проклятых **мартышек** (с. 212); Как говолят **япоськи, куй железный, пока голячий** (с. 9); У них тут может, потому как **япошки**... японцы не столько на человека, сколько на должность смотрят (с. 277); **Ишь, обезьяна, что придумал — белых людей за нос водить...** Такого Уолтер Локстон никому не спустит, и уж особенно **паршивому косоглазому туземцу!** (с. 452).*

Данная тематическая группа свидетельствует о внимании японцев к европейцам вообще, но не к русским в частности.

4.7. Из текста мы узнаём многое о японском языке. «В разных обществах задаются разные темы разговора: в Европе часто говорят о погоде, в Японии могут говорить о своём языке (что, скажем, в России не принято)» [Алпатов, с. 369]. Мы узнаём, что японский язык имеет ряд понятий, не переводимых на русский, которые мы можем передать описательно и приблизительно; что в японском явная склонность к избыточной, с точки зрения европейца, номинации, к собственным именам в разных сферах жизни; к определённой национальной оценочности отдельных слов, не совпадающей с нашей; номинативная функция во многих случаях определяется соотношением с природными явлениями; что в восприятии слов значительное место отводится иероглифам — **иероглиф «ура», иероглиф «дон», «нин», «доро», два иероглифа «Ро-коку», слог «ху»** (всего 6 единиц): *Хозяин собирается сделать ему на лбу татуировку — **иероглиф «ура»**. Это значит «предатель». Такой меткой якудзы клеймят изменников, которые совершили худшее из преступлений — выдали своих — и за это не достойны смерти (с. 225); А к имени для импозантности прибавил **иероглиф «дон»** — «туча», и превратился в Дондзиро, но со временем окончание как-то позабылось, остался только Дон-сан, то есть «господин Туча» (с. 256); Где-то недалеко заухал филин: не «уху, уху», как в России, а «уфу, уфу». Это у него туземный акцент, потому что слога «ху» в японской азбуке нет, подумал Эраст Петрович (с. 615); Сходные созвучия могут сыграть дурную шутку. Например, моя фами-*

лия, по-нашему вполне благозвучная, доставляет мне в Японии немало хлопот... «Доро» значит «грязь», а «нин» — «человек», каково для консула великой державы? (с. 191); А что по-японски значит «Россия»? — Ничего хорошего. Пишется **двумя иероглифами: Ро-коку**, «Дурацкая страна». Наше посольство уже который год ведёт сложную дипломатическую борьбу, чтобы японцы использовали в документах другой иероглиф «ро», означающий «роса». Тогда получилось бы красиво: «Страна росы». Пока им не удаётся (с. 191).

Вот автор поговорил с читателем и о японском языке, всё в соответствии с менталитетом.

Фандорин изучает японский язык, поэтому в тексте есть слова, не обозначающие национальной специфики, это не экзотизмы в собственном значении термина, это просто японские слова, обозначающие **части тела (мэ, хитаи, пути, ма, о-сири)**, цветок **ирис (аямэ)**, — *б единиц* и т. п. (Параллели? Варваризмы?): *Господин показывал на разные части лица, а Маса называл их по-японски: глаз — мэ, лоб — хитаи, рот — пути, бровь — ма (с. 287); Господин... зачем-то тыкал Масу пальцем в шею, показывал на нарисованное лицо, говорил с вопросительной интонацией: «Мэ — Мэ? Кути?» (с. 288) (читатель не узнает, что это за слова, так же как и Маса); Она... бьет сэнсэя плёткой по голому о-сири, а он просит бить его ещё (с. 288); Это аромат аямэ. Как это по-русски? Ирис... (с. 358).*

Итого в «Алмазной колеснице» использовано 138 экзотизмов, из них фиксировано в МАС только 7 слов.

§ 3. Нациолектизмы в романах Б. Акунина

Интересно представлены в «Турецком гамбите» **нациолектизмы** (внелитературная лексика, передающая маркированную русскую речь нерусских).

В тексте есть варваризмы (слова или фрагменты иноязычного текста), которые чаще всего даются латиницей: болгарская речь, турецкая передаётся кириллицей: *Возница, подлый вор Митко, начал ныть: «Да запоим конете, да запоим конете». Вот и напоили коней (с. 8); «Дванадесет, — спокойно объявил Фандорин и встал. — Где магарето?» Толстяк тоже вскочил. Схватил волонтера за рукав и быстро заговорил что-то, отчаянно пуча глаза. Он всё повторял: «Ошите*

вьетнаж, оште вьетнаж!» (с. 19); *Перепёлкину просто кивнул, а напоследок обратился к корреспонденту: «Салям алейкум, Анвар-эфенди»* (с. 175, момент разоблачения). Такое обозначение иноязычной речи соответствует традиции. Разграничение,

«отнесение (слов) либо к заимствованиям, либо к экзотизмам, либо к иноязычным вкраплениям затруднено именно вследствие их окказиональности и зависимости их использования в речи от ряда внешних причин» [Крысин, 2004, с. 159].

В письме русского посла в Турции Николая Павловича Гнатьева, очевидно написанного по-французски, латиницей даются отдельные вкрапления, возможно — русифицированного произношения: *Французженка попала в Алжир, на невольничий рынок, где её купил сам алжирский дей — тот самый, у кого, по утверждению **monsieur Popristchine** (сноска: Мсье Поприщина), под носом шишка* (с. 75). Текст д' Эвре: *По совету **monsieur Perepyolkin** я ознакомил со своим интервью штаб великого князя* (с. 66). Таким образом, латиницей передаётся русский текст.

В речи одного героя — английского корреспондента — последовательно текст на русском языке передается латинским шрифтом, то есть латиница используется в оригинальной функции, в функции отчуждения речи, это способ передачи националекта — произношения русских слов с иностранным акцентом (говорят герои вообще-то по-французски): *«Нас притащил сюда Мишель, — пожал плечами британец, а точнее, ирландец... А, вон они возвращаются, и, конечно, как говорят русские, **ne solono klebavshi**»* (с. 28); ср.: *Корреспондент ошибся, заявив, что преследователи возвращаются **не солоно хлебавши** — Варя с радостью увидела, что пленного офицера они всё-таки отбили: двое казаков за руки и за ноги везли обмякшее тело в чёрном мундире* (с. 29); *В центре турки устояли, но двадцать минут назад мимо нашего наблюдательного пункта пронёсся галопом граф Зуров. Он очень торопился в ставку и крикнул только: «**Pobeda! My v Plevne! Nekogda, gospoda, srochnoe donesenije!**»* (с. 122); *Предвкушаю эффект. Сидим с генералом, пьём чай, болтаем о всякой ерунде, а в половине десятого я достаю часы и как бы между прочим: «**Кстати, Ivan Stepanovich!** через полчаса к вам*

приедут от Осман-паши (с. 138); Ирландец оглянулся и приподнял котелок: «А штабной конюх **Frolka** меня не любит, потому что я никогда из принципиальных соображений не даю ему взятку (то, что у вас называется **na chai**), и подсовывает таких одров! Где он только их берёт!» (с. 136).

Использование латинского шрифта для выделения диалекта имеет прецеденты в русской литературе: *Марья Дмитриевна подошла к окну: «Здравствуйте, **Woldemar!** Ах, какая славная лошадь. У кого вы её купили?»* [Тургенев, с. 203]. Имя Вольдемар могло бы быть написано и кириллицей, но в данном случае, очевидно, передаётся его произношение на французский манер.

Латиница для русских слов в речи иностранца на фоне кириллицы в передаче переведённого текста даёт представление о диалекте, особое произношение этих слов имеет прецеденты в русской литературе. Так, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» читаем: *На диване с утра сидел выписанный из Германии за большие деньги немецкий специалист, инженер Генрих Мария Заузе... «что с этим человеком делается? — шепнул Балаганову Остап. — Какая гамма переживаний!»* *Едва он успел произнести эти слова, как Генрих Мария Заузе подскокил на диване и злобно посмотрел на полыхаевскую дверь, за которой слышались холостые телефонные звонки. «**Wolokita!**» — взвизгнул он дискантом и, бросившись к великому комбинатору, стал из всей силы трясти за плечи...* [Ильф, Петров, 1995, с. 438–439]. В «Двенадцати стульях» также читаем дальше: *«**Вас махен зи?** — ошеломлённо спросил Остап, показывая некоторое знакомство с немецким языком. — **Вас воллен зи** от бедного посетителя?..» <...>. «**Бюрократизмус!**» — кричал немец, в ажиотации переходя на трудный русский язык <...>. Но вот что меня поражает, дорогая Тилли, — в концерне «Геркулес» это называется загнать в бутылку (**sagnat w butilku!**)* [Ильф, Петров, 1995, с. 439, 441, 444].

Отдельные черты диалекта в «Турецком гамбите» переданы в русской графике. Ломаная русская речь у того же Маклафина: *«Николай Павлович отправил меня с запросом к известному русоненавистнику и святоше Гасану Хайрулле — это главный турецкий поп. Вроде папы римского». «Шейх-уль-ислам, — уточнил строчивший в блокноте Маклафин. — **Больше похож на обер-рокурор***

Синод» (с. 68); *Сердитый Маклафин, сиротливо стоя с шахматной доской под мышкой, пробурчал что-то по-английски и сам себя перевёл на русский: «Был пресс-клуб, а стал какой-то прытон».* Ср.: *Зато на завтра пресс-клуб было не узнать* (с. 76); *«Чэтники? — спросил цивильный с сильным английским акцентом... О-о, ви дама? — на мясистом добродушном лице англичанина отразилось изумление. — Однако какой мэскаррад! Я не знал, что русские ползуют дженщин для эспианаж. Ви хироуиня, мэдам. Как вас зовут? Это будет отчен интэрэсно для моих тчитатэлэй»* (с. 27). Ср.: *Я Варвара Андреевна Суворова и ни в каком «эспианаже» не участвую* (с. 27).

Ср.: у Ю. Н. Тынянова в романе «Смерть Вазир-Мухтара» [Тынянов, 1988] употребление принятого в обществе слова на английский манер: *«Вы не знаете России, — говорил Грибоедов, — а Московский английский клуб»* (с. 27).

В речи другого героя, якобы француза, русская речь передаётся с картавым г (нациолект): *«Вот и ваше чудо, Маклафин, которое может спасти Тугцию», — донёлся до Вари голос д'Эвре, говорившего по-русски довольно чисто, но с очаровательным грассированием* (с. 60); *«Сняла пегчатку? — с видом эксперта переспросил д'Эвре. — Да это не шутки, господа. Пгожок считал хогошенькие гучки самой соблазнительной частью женского тела и стгого-настгого запгетил благогодным мусульманкам ходить без пегчаток, чтобы не подвеггать соблазну мужские сегца. Так что снятие пегчатки..., как если бы евгопейская женщина сняла... Впгочем, воздегжусь от пагаллелей»* (с. 165); *«Господа, господа! Между пгочим, — воскликнул д'Эвре. — Прекрасная идея! La guerre est en fait finie»* (фр. 'война фактически окончена') ... — *Он окончательно перешёл на французский, всё более распаяясь* (с. 166) и т. д. Кульминация детективной линии сюжета строится на грассировании в речи д'Эвре и его отсутствии у Анвара Эфенди. После разоблачения русский текст шпиона продолжается с грассированием: *Почему вам вообще взбгело в голову меня подозгевать?.. Удовлетвогите моё любопытство* (с. 185). Здесь он тянет время, сохраняя образ д'Эвре. Затем маска сброшена: *Анвар-эфенди (про д'Эвре следовало забыть) достал часы:*

«Пять минут седьмого. Мне понадобился «весь этот балаган», чтобы выиграть

время...» (с. 190). Французское грассирование в русском тексте являлось камуфляжем ловкого турецкого шпиона: слова *выиграть* и *время* в последнем предложении записаны с буквой *p*. Таким образом, грассирование выполняет сюжетобразующую функцию. «Классическим стало рассуждение Чернышевского: «Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее. Для решения последнего вопроса надобно посмотреть, действительно ли все части и подробности произведения проистекают из основной его идеи. Как бы замысловата или красива ни была сама по себе известная подробность — сцена, характер, эпизод, — но если она не служит к полнейшему выражению основной идеи произведения, она вредит его художественности». Критик подчёркивает этим своеобразие «законов красоты» в искусстве, в данном случае идейно-художественную целесообразность всех элементов выражения, которая и является завершающим критерием художественности» [Елисеев, Полякова, с. 285].

Использование латиницы, хотя и несколько «неправильно», но понятно читателю, создаёт иронический подтекст и имеет прецеденты в русской литературе.

Дифференциальными признаками при этом выступают: 1) русский/нерусский язык, которому принадлежат слова; 2) приводятся русский или нерусский текст в переводе; 3) шрифт (кириллица или латиница); 4) кому принадлежит текст (русскому или нерусскому персонажу); 5) наличие элементов интерференции или их отсутствие; 6) функция в тексте.

Между иностранной речью, переданной латиницей, и правильной русской речью, переданной кириллицей, расположены: 1) слова или фрагменты нерусского текста в речи иностранцев, в латинице при передаче французского или английского языков и в кириллице при передаче болгарского и турецкого (варваризмы); 2) отдельные иностранные слова или фрагменты, переданные латинским шрифтом в речи русских, что подчёркивает её специфику как речь билингвов, произношение на иностранный манер (варваризмы); 3) отдельные русские слова или фрагменты русского текста, переданные латинским шрифтом в переведённой речи

иностранцев, что подчёркивает их плохое произношение (нациолект); 4) в русской речи, предназначенной для нерусских: *Nekogda, gospoda, srochnoe donesenije*; 5) передача русским шрифтом так называемой *ломаной* русской речи иностранцев с явлениями фонетической и грамматической интерференции (акцент, нациолект): *болше похож на обер-рокурор Синод*; 6) то же самое с лексической интерференцией (параномазией): *пользуют* вм. *используют*; 7) передача отдельных фонетических черт специфического произношения русского текста нерусским (акцент) в русской графике: *пгошу пгощения*; 8) к этой группе можно отнести и рассмотренные ранее французские слова в кириллице, но употребляющиеся как принадлежащие нерусской грамматической системе и не имеющие аналога в русском языке; среди них есть фиксированные в толковом словаре современного русского языка: *реноме, парвеню и бельвю, мушир, гарде*; 9) есть группа слов, освоенных русским языком, но в тексте (в речи русских) как бы возвращающихся к источнику; в таком использовании можно усмотреть и элемент архаизации (архаизмы): *к вульгару* (вм. *к вульгарному*), *без пенсиона* (вм. *без пенсии*), *компрометаж* (вм. *компрометация* или пришедшее недавно в русский язык *компромат* — разг., СТСРЯ); 10) созданные автором сочетания, несущие обобщающее представление о стране и народе: *бульвар, канкан, кокотки; медхен-гретхен, вурст да зельц* («фреймизмы»); 11) слово *коттэдж* как несущее только остранение в текст (орфографический архаизм) (ср. с работой А. А. Леонтьева «Иноязычные вкрапления в русскую речь» [Леонтьев, 1966, с. 60–69], в которой выделено 16 моделей).

Нациолектизмы в тексте «Турецкого гамбита»

Таблица 6

Тип на-	Слова	Язык-	есат/адресант	Шрифт	Вид наруше- ния правил	Функции
---------	-------	-------	---------------	-------	---------------------------	---------

1	Las de carreau, our mutual	Фран./ англ.	Речь ино- странца/	Лат.	юяз. вкра- пления	Речь персонажей- билингвов — досто-
1	поим конете и т. д.	Болг.	Речь болга- рина/рус.	Кир.	юяз. вкра- пления	Достоверность
1	К вульгару и	Рус.	Рус./рус.	Кир.	грамматич.	оверная архаизация
2	Monsieur Popristchine monsieur	Рус.	Иностр. Франц./ франкояз.	Лат.	Фонет.	Произношение иностр. фрагмента на русский лад во
3	Ne solono klebavshi	Рус.	Англ./рус.	Лат.	Фонет.	Плохое рус. произ- ношение, юмор,
5	Ирытон, чэтни- ки. дженщин и	Рус.	Англ./рус.	Кир.	Фонет.	Плохое рус. произ- ношение иностр.,
6	Ползуют	Рус.	Англ./рус.	Кир.	Лексич.	Плохое рус. произ- ношение иностр.,
5	Болше похож на обер-	Рус.	Англ./рус.	Кир.	Грамматич.	Плохое рус. произ- ношение иностр.,
7	ду пгощения и т. д.	Рус.	урок- фран-	Кир.	Фонет.	Плохое рус. произ- ношение — сюже-
4	Pobeda! My v Plevne!	Рус.	русский для иностр.	Лат.	Фонет.	Произношение рус. текста с иностр. ак-
3	van Stepanovich, Frolka, na chai	Рус.	Иностра- нец для русских	Лат.	Фонет.	Призношение рус. текста с иностр. ак- центом
11	Коттэдж	Англ.	Рус.	Кир.	орфограф.	Архаизация текста
8	Бельвью	Фран.	Рус.	Кир.	Лек-	Архаизация текста
10	Медхен-	Нем.	Рус.	Кир.	Лексич.	Создание фрейма

Таким образом, нациолект входит, с одной стороны, в сложную систему передачи речи нерусских, с другой — в изображение нерусской речи русских. Использование латиницы иногда при этом, хотя и несколько «неправильно», но понятно читателю, несёт стилистическую функцию и создаёт иронический подтекст; имеет прецеденты в русской литературе.

В «Алмазной колеснице» варваризмы (слова и сочетания, редко — предложения на японском языке) приводятся согласно русской традиции в кириллице. Это варваризмы: «*Это не служба. Сигото — ииэ. Иди, иди, — замахал титулярный советник на Масу. — Никакой опасности нет, понимаешь? Кикэн — ииэ. Вакару?*» «... *Вакаримас, — поклонился слуга. — Мотирон вокаримас. О-Юми-сан*» (с. 407) и т. д. См. также с. 228, 263, 363, 532, 594, 617, 655.

Нациолектизмы почти не используются. Очевидно, потому, что японцы в тексте говорят преимущественно по-английски. По-русски говорит переводчик консульства Суга: «*Господин вице-консул, вы её... вы её **любите?***» *Оттого что японец перепутал в ключевом слове «р» и «л», а ещё более от самой невообразимости предположения Эраст Петрович понял смысл вопроса не сразу* (с. 345); *Теперь он смотрел Фандорину прямо в лицо, в глазах блестели слёзы. От волнения все «л» и «р» снова полезли друг на друга. «Вы **браголодный** черовек, господин **вице-кон-сур**. Я навеки ваш **доржник!***» (с. 347); *Инспектор Асагава спрашивает, как быть с вашим ростом. Крестьяне не бывают такими **дырдами**. Я правильно сказал это слово?* (с. 368).

Несколько фраз — слуга Фандорина Муса: «***Чихо, чихо***», — *уговаривал пленника Маса, быстро прикручивая ему ремнём запястья к щиколоткам* (с. 66); «***Скорько рет, скорько зим***», — *прошипел фандоринский камердинер* (с. 68). Пародирует русский в устах японцев капитан Рыбников: *Томленье страсти и всё такое. Как говолят **япоськи, куй железный, пока голячий*** (с. 9). При этом происходит взаимозамена сонорных *р* и *л*, *т* заменяется *ч*, *ш* — на мягкий *с*; вместо наречий употребляется прилагательное, идёт несогласование в роде.

В литературе чаще стилизуется китайский нациолект по тем же параметрам. Так, в романе Эрла Дерра Биггера «Китайский попугай» [Биггерс, 1993]: «***Плостите**, босс, — ответил китаец. — Тони — **плекласная** птица. Я хочу взять его на кухню и **поколмить***» (с. 191); «*Хелло, босс, — высоким голосом пропищал китаец. — **Моя вернулась обратно***» (с. 227); *Сан-Франциско не **холосо*** (с. 227); ***Плиехал** в пятницу, босс. **Лаботал** всюду, босс. **Большой голод**, маленький голод. На зелёной **долоче**, босс. **Санта-Фе*** (с. 232); *Вам, **навелное**, не хочется ехать в*

такси. Холосо, холосо, босс. Я повезу мистела в голод (с. 246); *Может быть, вы нашли также следы моих балхатных тапочек?.. Я амеликанский глажданин* (с. 237).

Интересно через смешение шрифтов передан польский национальный диалект в романе «Алмазная колесница»: *Дёрнула ногой, сбросив шлёпанец, почесала ступню и заявила, глотая твёрдое «л»: «Я соврава пану. Мне четырнадцать wet»* (с. 453).

В романе есть примеры искажённого английского, переданного латиницей (с. 214, 216, 606, 621): по-английски говорят японцы. Есть английские вкрапления (с. 226, 240, 258, 269, 394, 397, 416, 417, 454, 580, 681, 685, 688, 691): говорят англичане, русские, японцы.

Но в характерологической функции употребляется французский национальный диалект (с. 272, 510), инонациональный по отношению к японскому (по-японски говорит постановщица кордебалета — француженка). Это не только обозначение национальности, но и выражение высокого уровня японских притязаний — в Японии всё самое лучшее. Аналогичную функцию обозначения национальности и высокого уровня отеля мы видим в романе Артура Хейли «Отель» [Хейли, 1992] через французский национальный диалект повара: *И я, Андре Лемье, допустить, чтобы такая стряпня выносить за порог кухни!.. Мсье Макдермотт, когда вы покушать, может быть, мы побеседовать с вами наедине, хорошо?.. Очень любезно, что вы пришёл, мсье* (с. 221); *Я предлагать — каждый день предлагать — делать химический анализ на свободная жирная кислота... Тогда можно — по-научному — искать причина, почему жир портится* (с. 222); *Вы говорить: какие перемены, мсье? В этом отеле масса денег тратить на dekor* (сноска: ‘декорацию’ (франц.)). *Вокруг всё обкладывать петрушка. А в соус её класть мало. Салат лежать на блюде, а он больше нужен для суп* (с. 223); *Dieu merci!* (сноска: ‘Слава богу!’ (франц.)) (с. 224–225) и т. д.

Как национальный диалектизм воспринимается возглас *go* в устах одного героя — английского комиссара, майора: *Вдруг Иваока, не поднимая головы, тихонько зацыкал. Комиссар шепнул: «Go!»* (с. 371); *Согласно условиям, бой продолжается до тех пор, пока один из противников способен держать оружие. Go!* (с. 573) и

т. д. В качестве англицизма используется слово *кукорд*: «Тому, что старина Алджернон... как это по-английски... **кукорд!**» Не сразу догадавшись, что в виду имеется *siskold* (сноска: ‘рогоносец’ (англ.)), Эраст Петрович сказал с подчёркнутой сухостью... (с. 421).

4.3.5. Русская речевая среда прошлого в произведениях Б. Акунина

§ 1. Историзмы в пространстве текстов Б. Акунина

Наиболее ярким признаком отсутствия стилизации языка «Турецкого гамбита» под язык того времени является незначительное количество **историзмов (46)**. «Историзмы — слова и выражения, вышедшие из активного употребления в связи с тем, что исчезли или стали неактуальными обозначаемые ими понятия (напр., *армяк, бонна, нэпман, коллежский асессор*)» [Белоусова, с. 159].

1. В романе «Турецкий гамбит» используются только историзмы, отмеченные в словарях ЛЯ, распределяются они при этом в традиционные тематические группы (ср. с тематическими группами историзмов, фиксированных в толковых словарях ЛЯ):

титuluвание и обращение к титулованным особам, близкие к ним обозначения — **государь, император, государь-император, царь, цесаревич, великий князь; величество, высочество, высокопревосходительство, превосходительство; высочайший, тезоименитство, империя** (13 слов, все литературные историзмы): *Государь* провёл последние дни, посещая госпитали (с. 106); *Вчера... граф Биконсфильд предложил потребовать ...чрезвычайного кредита..., который защитит интересы империи от непомерных притязаний царя Александра* (с. 146); *На крыльцо... дома... вышли четверо военных: император, главнокомандующий, цесаревич и румынский князь* (с. 142); «*А насчёт войны не вам решать и не мне. Решает государь император*», — отрезал Мизинов (с. 38); *...я ознакомил со своим интервью штаб великого князя* (с. 66); *Ваше величество, это титулярный советник Фандорин* (с. 149); *...генерал-майор свиты его императорского величества Соболев-второй орал и на его императорское величество, и на его императорское высочество* (с. 124); *Всё один к одному, ваше высокопревосходительство* (с. 36); *четверть часа спустя из кабинета министра раздался воз-*

мущённый рёв его **превосходительства**, и адъютанты отвели Анвара на гауптвахту (с. 43); В **Высочайшем** приказе сказано, что враг полностью сломлен... (с. 7); **Высочайшее тезоименитство** испорчено! (с. 131); Главный жандарм **империи** поманил Фандорина и Варю пальцем (с. 147).

Названия должностей — **канцлер, сановник, титулярный советник**: Формально главнокомандующим является великий князь Николай Николаевич, ... при котором находятся **канцлер**, военный министр... и прочие высшие **сановники** (с. 34); Вы, господин **титулярный советник**, не в отставке (с. 38).

2. Названия офицеров разных видов войск и чинов — **гренадёр, гусар (гусарский), кавалергард; корнет, поручик, ротмистр, фельдфебель; жандарм (шеф жандармов)** — в переносном значении **сатрап, опричник, палач свободы** (одно слово стоит за рамками МАС, но широко представлено в текстах — **флигель-адъютант**) — 14 слов: *Мои молодцы-гренадёры не подвели* (с. 146); *Гусар воспринял его как нечто само собой разумеющееся* (с. 66); *Хорош собой, опять же брюнет. Его б в гусарский мундир — и был бы совсем молодец* (с. 86); *Начинал кавалергардом* (с. 85); *Один корнет, правда, читал Ламартина...* (с. 8); *Вместо хриплого капитана там распоряжался такой же осипший поручик* (с. 122); *Ротмистр был у него справа, а жандарм слева* (с. 181); *Не министр, а фельдфебель какой-то* (с. 141); *Она весело отбивалась от черноглазого флигель-адъютанта* (с. 143); *Застигнутый врасплох жандарм вытянулся в струнку* (с. 36); *Когда шеф жандармов снова заговорил, голос его звучал уже совсем по-другому* (с. 38); *Варя во все глаза уставилась на главного сатрапа и палача свободы* (с. 36); *Подлый интриган и опричник Казанзаки ходит в клуб запросто* (с. 110).

3. Лексика, связанная с мундирами того времени, — **ташка, темляк, ментик, аксельбант**, все отмечены в МАС (4 слова): *Кивнул Зуров, высыпая из ташки на стол запечатанные колоды* (с. 75); *Тотлебену и Непойчицкому — «Георгия» 2-й степени, Ганецкому — «Георгия» 3-ей степени. А тут темляк* (с. 141); *Варя увидела... гусарского офицера. черноволосого, с лихими усами... и новеньким «Георгием» на ментике* (с. 66); *Вошёл немолодой майор с адъютантскими аксель-*

бантами (с. 39).

4. Слова, связанные с традицией дуэлей, фехтованием, — **бретёр, бретёрский, дуэль, дуэлянт, эскадрон** (МАС — спорт.), **эскапада** (МАС — книжн.), **ретирада, гарде** (МАС — нет) (8 слов): «... *господин бретёр*», — *неторопливо произнёс Казанзаки* (с. 78); ...*красавец с бретёрскими замашками* (с. 67); ...*а там идиотская дуэль со смертельным исходом...* (с. 85); ...*дуэлянта подержали под арестом...* (с. 107); *Граф Зуров ещё давеча расписал всю эскападу в сочных красках...* (с. 110); *Меня учили фехтовать на эскадронах...* (с. 103); *В брешь, образовавшуюся после ретирады генерала, устремился Зуров...* (с. 86) — ср.: *ретироваться* из «Алмазной колесницы»: *Судя по тому что Фандорин украдкой поглядывал на часы, он уже не ждал от суаре ничего приятного и прикидывал, когда будет прилично ретироваться* (с. 137).

5. Лексика, обозначающая виды транспорта, — **дилижансный** (МАС — нет), **пакебот, конка** (3 слова, 2 — литературные историзмы): ...*Анвар открыл в этих краях дилижанское сообщение* (с. 40); *На пакебот — и в Одессу* (с. 70); ...*Анвар-эфенди успел... открыть в Багдаде конку* (с. 41).

6. Лексика, связанная с медициной того времени, — **корпия** и примыкающие к этому слову литературные архаизмы: **лазарет, лазаретный, милосердная сестра** (4 слова, все есть в МАС): *В аптечке, между корпией и бинтами, паспорт и все-все деньги* (с. 10); *Сёстры ушли в лазарет...* (с. 53); ...*Варя... потом рухнула на лазаретную койку...* (с. 35); *Вещи оставила у милосердных сестёр* (с. 139).

Особый интерес представляют 2 слова: **дилижансный, жандармов**, реализующие модель современного русского языка, но в узусе представлено это значение другими словами — *дилижансовый, жандармский*, фиксированными в современных толковых словарях [Русская грамматика, с. 328 и 327; с. 328; МАС], то есть в авторском варианте они выступают как словообразовательные историзмы-архаизмы: *Ну, а инсценировать самоубийство подполковника было не сложно — оттащил тело в кусты, пальнул два раза в воздух из жандармова револьвера, и довольно* (с. 153); *Жандармского корпуса подполковник Казанзаки* (с. 36); *Под его руководством Анвар открыл в этих краях дилижанское сообщение, построил*

железные дороги, а также учредил сеть «ислаххане» — благотворительных учебных заведений для детей-сирот как мусульманского, так и христианского вероисповедания (с. 40); (МАС: *дилижансовый* (от *дилижанс* — франц.). ТСИС: *дилижансовый* — ‘относящийся к *дилижансу*’ — фр. ‘многоместный экипаж для перевозки пассажиров и почты (до развития железных дорог и автотранспорта)’).

Всего в «Турецком гамбите» 6 тематических групп историзмов, и все они связаны с военным сословием (за исключением именованя средств транспорта). Всего 46 лексических единиц. При низкой частотности они могут лишь поверхностно маркировать текст как исторический, но всё-таки создать образ России того времени.

В «Алмазной колеснице» историзмы ещё более малочисленны. Они не столько группируются по тематическим группам, сколько представляют определённые картинки действительности (фреймы), иногда вместе с архаизмами. Ярко выраженных таких фрейма 4. В них используется 21 историзм.

1. Москва кабацкая — **извозчик, ванька, половые, седок** (4 слова, все литературные историзмы): *Это в трактир ввалились двое седобородых извозчиков, здорово навеселе... Налетели **половые** и в два счёта вытолкали пьяненьких **ванек** прочь — не срами почтенное заведение* (с. 96); *Публика была чинная, нелюбопытная — нагладелись за день на уличную сутолоку да на **седоков**, теперь бы посидеть в покое за приличным разговором* (с. 94).

2. Москва чиновничья — **надворный советник, титулярный советник, письмоводитель** (все литературные историзмы): *Надворный советник Мыльников, извещённый об ожидавшемся событии всего час назад... (инженер заехал за ним безо всякого предупреждения), весь извертелся: несколько раз обежал платформу, возвращался к Фандорину... (с. 98); Титулярный советник снисходительно улыбнулся, спрятал револьвер в кобуру и сложил руки на груди... (с. 250); Письмоводитель торжественно кивнул* (с. 240) и т. д.

Есть ещё и титолование: **графиня, князь**: *«Графиня Бовада», — представилась она с любезной улыбкой* (с. 78); *Князь Онокодзи... Законодатель мод* (с. 264); Правда, графиня поддельная, а князь японский, так назван по традиции (ср.:

в Сибири среди аборигенов — князья или князцы и т. п.), параллельно приводится экзотизм *даймё*. Всего 5 лексических единиц.

3. В «Алмазной колеснице» Б. Акунин также при помощи внелитературных историзмов выстраивает фрейм — Москва предреволюционная (1905 год) — **мелинит**, **шимоза** (МАС — *устар.*), **бомбисты**, **дурман-трава**, **опиоман** (5 слов, одно — литературный историзм): *То, что для последующих диверсий японцы применяют именно мелинит, сомнений не вызывало* (с. 84); *Мелинит в России не производят, это взрывчатое вещество состоит на вооружении лишь у французов и японцев, причём последние именуют его симосэ, или, в исковерканном русскими газетчиками варианте, «шимоза»*. Именно **шимозе** приписывают главную заслугу в Цусимской победе японского флота... (с. 84); *Поднёс к лицу, рассеянно втянул носом резкий запах — тот самый «мертвящий аромат шимозы», который любят поминать военные корреспонденты* (с. 85); *Воры-интенданты поостерегутся продавать взрывчатку на сторону, а ведь именно таким образом смертоносные материалы обычно уплывают к отечественным бомбистам* (с. 85); *У нас, милостивые государи, бомбисты* (с. 382) и т. д.

Сюда же можно отнести употребление слов *дурман-трава* (‘наркотик’) и *опиоман* (‘наркоман’): *Да только супруга вскорости умерла, вот капитан с горя и увлёкся дурман-травой* (с. 196); *Странная не странная, пускай даже старый опиоман окочурился сам по себе, но это даёт нам отличный предлог для организации собственного расследования* (с. 252); *В бордели не ходит, про опиоманов слыхом не слыхивал...* (с. 297). «Комфортный симуляр «России, которую мы потеряли» превращается в дестабилизирующую аллегория современности (здесь возможны варианты, разработанные в «фандоринской» серии Б. Акунина или в романе Леонида Костюкова «Великая страна»)» [Липовецкий, 2008, с. 519].

Интересно, что эти слова становятся ключевыми для обозначения времени в литературе. Так, например, в романе А. А. Бушкова «Авантюрист» [Бушков, 2010] мы читаем: *Но самым вредным и опасным оказалось приготовление мелинита — той самой взрывчатки, что была изобретена скандально известным француз-*

ским умельцем Тюрпеном, а во время русско-японской войны печально и широко прославилась под именем «**шимозы**» (с. 100); Главное, вырвусь наконец из этого вашего провонявшего «**шимозой**» подвала (с. 119); Господи, это всего-навсего опять **суффражистки!** (сноска: ‘участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав, которое зародилось в Англии, получило распространение и в других европейских странах. Прекратилось после Первой мировой войны’) (с. 129); По данным полиции, принимала активное участие в **суффражистском** движении на протяжении последних трёх лет (с. 129); Признаюсь вам откровенно: я **суффражисток** терпеть не могу (с. 129); Ох, Коленька, ты способен даже из нежного создания сделать записную **суффражистску** (с. 192); Либо эта красавица-эмансипе... попросту решила пойти навстречу естественным инстинктам... (с. 196); что будут думать эти российские гавроши, из которых здесь пытаются сделать **бомбистов**? (с. 193); ...господин главный **бомбист** до сих пор, говоря высоким штилем, не излечился полностью от давней страсти (с. 228); Лошадиная Рожжа и заграничный **бомбист** Джузеппе (с. 248); Вот именно, взрывчатые вещества и опытный **бомбист** из Милана (с. 272); А как насчёт монархов и **бомбистов**? (с. 273); В старые времена и **бомбисты** были клыкастее, и порох дымнее (с. 327); В России уж непременно набежала бы немаленькая толпа, принялась громогласно обсуждать меж собой всё увиденное, под ногами вертеться, а то и **самрапами** крыть (с. 326); Мы не романтики, Алексей Воинович, мы являем собою даже не **самранов**, а причудливую смесь политиков с золотарями (с. 407). Фрейм выстраивается под явным влиянием Б. Акунина.

4. Вариант фрейма (как уже отмечалось ранее, «перечисление деталей, из которых складывается содержание, дающее как бы кадр из фильма, — это фрейм. Фрейм в его базовом определении (по М. Минскому) — это структура данных для представления визуальной стереотипной ситуации, особенно при организации больших объёмов памяти» [Маслова, 2011, с. 59]) «Россия, которую мы потеряли» мы видим в «Алмазной колеснице». Фрейм создан при помощи преимущественно стилистических архаизмов и нескольких историзмов и достаточно ироничен. В этой группе слов выделяются устаревшие слова или выражения русского проис-

хождения и «французский нижегородский»: **благодарствуйте** (МАС — *устар.*), **безутешная девица** (МАС — *есть*), **тётя** (МАС — *разг.*), **папенька** (МАС — *разг., устар.*) **пришли кушать чай** (МАС — *прост., устар.*), **умереть в одночасье** (МАС — *разг., устар.*), **не оставить попечением** (МАС — *есть*) — архаизмы; **бонжур** (МАС — *нет*), **книксен** (МАС — *в буржуазно-дворянской среде*), **мадам** (МАС — *разг., устар.*), **жовиальный** (МАС — *нет*), **суаре** (МАС — *устар.*), **файф-о-клок** (МАС — *нет*), **бонвиван** (МАС — *устар.*) — 7 слов, из них 3 — внелитературные: *не оставьте попечением...* (с. 194); *Мне ещё речь сочинять для сегодняшней церемонии, а откладывать безутешную девицу на завтра опасно* (с. 194); *Тётя ждет вас* (с. 78); *Благодарствуйте, что не оставили попечением круглую сироту* (с. 207); *Папенька пришли утром, часу в седьмом* (с. 208); *Это папенька саморучно обшивал...* (с. 208); *За соседним столом большая компания степенно кушала чай с баранками* (с. 95). Эти слова связаны в тексте с образом «Капитанской дочки», «безутешной девицы Благолеповой», которая, занимая значительное место в сюжете, в романе не имеет имени, предстаёт через такую лексику жеманной, недалёкой и малообразованной (ср.: у Ю. Н. Тынянова в романе

«Смерть Вазир-Мухтара» [Тынянов, 1988]: *Именно по утрам он так потягивался, прислушивался к отчету дому: встала ли маменька, язвит ли уже папеньку?* (с. 7)); *Приподнялись, сделали неловкий книксен, хором сказали: «Бонжур, мадам»* (с. 78); *Судя по тому что Фандорин украдкой поглядывал на часы, он уже не ждал от суаре ничего приятного и прикидывал, когда будет прилично ретироваться* (с. 137); *Почтальоны доставляли не только официальные письма, ...но и приглашения на файф-о-клок...* (с. 694); *Взгляд бонвивана делался мечтателен* (с. 423); *Жовиальный бородач оказался тактичнее, чем можно было ожидать после того, первого, разговора* (с. 436). «Мифомоделирующая модальность <...> отчётливо отличает тексты постмодернизма... Примыкает к этому ряду и иронический миф о России на пороге модерности, созданный в «фандоринских» романах Б. Акунина... Двусмысленные отношения между прошлым и настоящим, разыгрываемые в этих романах» [Липовецкий, 2008, с. 525, 683].

Некоторые слова группы используются писателями, рисующими картину современного общества, процесса формирования современного светского жаргона. Так, в романе Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам» [Донцова, 2003] мы читаем: *...маменька может по-прежнему собирать по вторникам подружек на **файф-о-клок**, или попросту — на чаепитие* (с. 63); *Николетта по-прежнему устраивает **файф-о-клоки** и **журфиксы*** (с. 214); *Кока Милосердова страшная снобка, и попасть к ней **на суаре*** (сноска: ‘вечер’, фр.) — *это значит прослыть светским человеком...* (с. 102).

Таким образом, в «Алмазной колеснице» 21 историзм, против 47 в «Турецком гамбите». Вряд ли это случайно. Образ России, стоящей на пороге Русско-японской войны, полон иронии, она не представляет серьёзного противника.

§ 2. Архаизмы как средство создания образа речевой среды прошлого в историческом детективе

«Архаизмы — слова и выражения, вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [Белоусова, с. 37].

1. В тексте «Турецкого гамбита» они более разнообразны, это **литературные архаизмы** (фиксированные в толковых словарях литературного языка с пометой *устар.*; иногда — *книжн.*) — **великорусский, верноподданный, жалование, корсар, лазутчик, мадмуазель, сударыня, шевалье, мизантроп, приватный, тщание, цивильный, по-цивильному, компатриот**; в качестве архаизма используется слово историзм **легат** (15 слов): *То, что вы русская, тоже очевидно: вздёрнутый нос, великорусский рисунок скул...* (с. 16); *Вы просто — слуга престола!.. Верноподданный раб, без ума и совести!* (с. 55); *Вам ведь жалование полагается, разъездные и прочее* (с. 94); *Известно лишь, что у берегов Сардинии судно захватили корсары, и французенка попала в Алжир, на невольничий рынок, где её купил сам алжирский дей* (с. 75); *Капитан не должен был использовать вас в качестве лазутчика...* (с. 66); *«Но мыто ещё живы, мадемуазель», — рассеянно откликнулся Зуров, постукав по колоде* (с. 78); *Сударыня, вы почему здесь?* (с. 48); *Успокойтесь, храбрый шевалье, здесь дама* (с. 31); *...Варя... оставила мизантропа наедине с его Тацитом* (с. 116); *Я, кажется, не напрашивался на ваши*

приватные излияния (с. 48); *Пульс этот не без моих тщаний* постепенно замирал... (с. 42); ...подъехал *цивильный*... господин (с. 26); ...он ... одет был *поцивильному* (с. 175); *И ничегошеньки у ваших компатриотов не выйдет* (с. 90); *Когда в половине одиннадцатого позолоченные двери распахнулись и в зал вошёл пьяноватый потомок римского легата, Варя обрадовалась ему как родному, вскочила и с неподдельной сердечностью замахала рукой* (с. 98).

«Противная сторона» в войне в «Турецком гамбите» — Турция, именуется также как **Османская империя** (*государство*) и **Порта** (устаревшие, но широко известные именованья государства): ...*вчерашним приказом от 1 июля император Александр благодарит свои победоносные войска, успешно форсировавшие Дунай и вторгнувшиеся в пределы Османского государства* (с. 7); *Главные лица в Османской империи не султан и великий везир, а мать и любимая жена падишаха. Ну и, разумеется, кизляр-агази — главный евнух гарема* (с. 73); *Он сделал всё возможное, чтобы отношения между Россией и Портой были разорваны* (с. 47). Всего в этой группе архаизмов «Турецкого гамбита» 17 лексических единиц.

2. В «Алмазной колеснице» — **куртизанка** (МАС: *устар.*), **содержанка** (МАС: *устар.*) — 2 слова: *Сразу после отчаяния («уввы, она никогда не будет моей!»), безо всякого предупреждения, куртизанка устраивает любовное свидание* (с. 423–424). (Ср.: в «Турецком гамбите» **кокотка** (МАС: ‘в буржуазно-дворянском обществе: женщина лёгкого поведения, живущая на содержании своих поклонников’): *Корреспондент «Дейли пост», будучи истинным джентльменом, на randеву безропотно согласился (не идти же в ресторан одной — ещё сочтут за кокотку), да и за опоздание не упрекнул ни единым словом, но вид имел глубоко несчастный* (с. 97); *«А! — воскликнул арестованный. — Это его содержанка, да?» — «Какая содержанка? О ком вы?» — поспешно (пожалуй, слишком поспешно) переспросил Фандорин* (с. 456).)

Эти слова, несомненно, в тексте диалогичны (М. М. Бахтин), так как вызывают ассоциации с современной лексикой.

3. Как архаизированная предстаёт в романе «Турецкий гамбит» специальная военная лексика, что связано, с одной стороны, с тем, что или она фактически уста-

рела, или приобретает такой оттенок под влиянием стилистической доминанты, связанной, в свою очередь, с жанром произведения, — **диспозиция, редут, ретирада, вольтижировать, демонстрировать** (5 слов). *Редут, ретирада* — устаревшие. Слово *диспозиция* отмечено в толковых словарях без пометы *устар.* (ср. квалификацию этого слова как архаизма у Н. А. Демидовой: «Появляются (в романе А. Н. Толстого «Пётр I») и такие слова, как *конфузия, виктория, диспозиция*» [Демидова, 1971, с. 141]). Ближе к ним стоит специальное цирковое — *вольтижировать*. Эти слова относятся к разряду лексических архаизмов: *Диспозиция разработана хитрая* (с. 81); *Когда открытое пространство перед редутом наполнилось белыми гимнастёрками до середины, прямо по людской массе аккуратными кустами вставляли разрывы* (с. 120); *В брешь, образовавшуюся после ретирады генерала, устремился Зуров* (с. 86). Последнее слово употреблено в переносном значении ‘отход, отступление, отказ от ухаживания’; слово *ретирада* можно отнести к лексико-семантическим архаизмам. К семантическим же архаизмам относится и употребление в тексте слова *демонстрировать* в значении ‘открыто двигаться’: *По диспозиции, его роль — демонстрировать против Кришинского редута, в то время как главные силы наносят удар прямо в центре* (с. 119); *Мы, зрители, на галерее, внизу только двое — Эвре и Лука. Союзник вольтижирует — помахивает шашкой, чертит в воздухе восьмёрки, подбросил и разрубил пополам дубовый листок* (с. 104). *Вольтижировать* в данном тексте — ‘проделывать конные номера, красоваться’ (ТСИС: *фр.* ‘1. Делать гимнастические упражнения на лошади,двигающейся рысью или галопом. *Вольтижировка* — 1. Цирк. Номер конного жанра, состоящий из упражнений на бегущей по кругу лошади, который наездник выполняет, ухватившись за поручни.

2. Вид гимнастических и акробатических упражнений, заключающихся в прыжках, перелётах, подбрасывании друг друга, выполняемых на трапециях, скачущей лошади и т. д. (от *франц. voltige*)’).

В «Алмазной колеснице» к семантическим архаизмам можно отнести слова **конспирация** (‘заговор’) и **дрессировщик** (‘кинолог’) — 2 слова: *Дрессировщик чуриков представил начальству героиню дня, бельгийскую овчарку грюнендаль-*

ской породы: «Резеда» (с. 101); Суга участвовал в **конспирации** против министра, и, может быть, даже возглавлял этот заговор (с. 395).

К стилистическим архаизмам, очевидно, относится употребление устаревшей частицы *-с*, использовавшейся «для придания речи оттенка вежливости, почтительности, подобострастности или для выражения шутки, иронии» (МАС, *устар.*). В «Турецком гамбите»: *что ж, хорошо-с* (с. 48); в «Алмазной колеснице»: «*Не могу-с*, — *твёрдо ответил штабс-капитан артисту* (с. 22); *Виноват-с, недопонял* (с. 23) и т. д.

4. Есть в «Турецком гамбите» и **внелитературные архаизмы**: лексико-фонетические — **болярин, нумер, прожект, Букарешт (букарештский), физиогномия** — 6 слов: *Господь всеблагий, порадуй грешного раба твоего болярина, то бишь шевалье Ипполита, дай ему полюбоваться, как жарятся на сковородке мусульманские собаки* (с. 69); «*Коттэдж*» **нумер 158** оказался сборной щитовой избушкой в одну комнату и находился на самой окраине штабного городка (с. 138–139); *Впрочем, у пирующих вздорный прожект* получил полную поддержку (с. 167); *По дорогам рыскали казачьи разъезды, чуть зазеваешься — и пиши пропало, в два счёта отправят обратно в Букарешт* (с. 9); *Скромно, без аффектации, но прилично — спасибо букарештским магазинам* (с. 144); **Физиогномия** у вас получается не больно нравственная (с. 61).

В «Алмазной колеснице» также есть лексико-фонетические архаизмы — **англизированный, матерьялист** — 2 слова: *Конечно, если б Фандорин оказался жирным, с бородавками и запахом изо рта, о таком жертвоприношении не могло бы идти и речи, но англизированный* следовательно был хоть и немолод, но вполне привлекателен (с. 137); *Шпили и башенки англизированного Блаффа* сменились сначала фабричными трубами и грузовыми кранами речного порта (с. 604); *Обронил с лёгким заиканием: «Я в п-приметы не верю». — «Ну разумеется. Матерьялист»* (с. 178).

5. Лексико-грамматические архаизмы «Турецкого гамбита» — **кофий, турков**: *У турков... натурально начинается замешательство...* (с. 115); *Сидим, осаждаем турку* (с. 139); в «Алмазной колеснице» — использование существи-

тельного *непредвиденность*: Однако здесь случилась *непредвиденность* — по имени титулярный советник Фандорин (с. 395). Всего 3 слова.

6. Интересно представлено в тексте «Турецкого гамбита» слово **КОТТЭДЖ**:

«... сказали, что господину Фандорину выделили отдельный **коттэдж** (дежурный произнёс новое слово с явным удовольствием) и показали, как пройти. **«Коттэдж»** номер 158 оказался сборной щитовой избушкой (с. 138–139). Отнести этот случай к фонетическим архаизмам нельзя, так как произносится слово всё равно с твёрдым согласным — *тэ* [Орфоэпический словарь, с. 224]. Нарушение графического образа слова (*коттэдж* вм. *коттедж*) в сущности ничего, кроме привлечения внимания, не даёт (ср.: «типографический трюк» постмодернизма у Дерриды [Ильин, 2008, с. 95]).

Очевидно, автор обращает наше внимание на тот факт, что частотное сегодня слово вошло в русский язык ещё в тот период, его можно отнести к орфографическим архаизмам (ср.: закон затруднённого чтения Л. П. Якубинского — В. Б. Шкловского).

В «Алмазной колеснице» используется аналогичный приём — **спортсмен**, **проект**: *Команда Атлетического клуба готовилась к состязаниям на Кубок Японии — спортсмены поочередно посылали мяч в виккет... (с. 444); По второму «проекту», второстепенному, но всё равно очень большого значения, хлопот тоже было немного (с. 68).* Этот способ стилизации можно отнести к идиостилю писателя.

Ср.: внешне аналогичные, но освоенные фонетически заимствованные слова из текстов, обращённых к современности. Так, в романах Т. В. Устиновой «Мой генерал» и «С небес на землю» читаем: *«Пионэр с горном, ты разве не видишь?»*. *Почему-то четвёртый так и сказал «пионэр», с одесским прононсом... «Пионэр», когда-то, видимо, белый, впоследствии был выкрашен бронзовой краской [Устинова, 2008, с. 233]; «Прэлэстно», — оценила Екатерина Петровна тоном Фаины Раневской [Устинова, 2011, с. 9].*

7. Лексико-синтаксические и фразеологические архаизмы в «Турецком гамбите» представлены в тексте сочетаниями и составными наименованиями: **де-**

лать авансы, испрашивать разрешения, ехать амазонкой, иметь причины к недовольству, любовная виктория, милосердная сестра (6 лексических единиц): *Вы мне в некотором роде делали авансы, а теперь вздумали публично позорить?! (с. 101); Собственными ушами слышал, как государь сказал Милютину: «Дмитрий Александрович, испрашиваю у вас как у старшего из присутствующих георгиевских кавалеров разрешения надеть георгиевский темляк на саблю (с. 141); На Варю, ехавшую амазонкой, смотрели удивлённо и недоверчиво (с. 117); «В знак уважения к вашей доблести, мушир, возвращаю вам вашу саблю, которую вы можете носить и у нас в России, где, надеюсь, вы не будете иметь причины к какому-либо недовольству». Такая сцена — жалко тебя не было (с. 141); Видно, ещё в бытность юнкером объяснили ему старшие товарищи, что любовная виктория достигается двумя путями (с. 107); Вещи оставила у милосердных сестёр (с. 139).* Всего 6 единиц.

8. Интересны в романе «Турецкий гамбит» архаизмы русского происхождения, реализованные по словообразовательным моделям русского языка, но не фиксированные в толковых словарях СРЛЯ и не употребляющиеся достаточно часто в текстах. Реальное наличие ряда слов в русском языке прошлого при этом проблематично, так как не подтверждается имеющимися словарями (которых, конечно, для заключения у нас явно недостаточно: нет толкового словаря русского языка XIX века [Словарь... XIX в.] и словаря языка художественной литературы XIX века, хотя фиксируются НКРЯ 2 слова: *конвойцы* (с 1912 года, пик — 1918-й) и *разъездные* (с 1826 года, пик — 1833-й), возможно допустить авторскую имитацию относительно *дорожного распорядителя*. **Дорожный распорядитель** (‘регулирующий’), **конвоец** (‘конвоир’, ‘конвойный’), **разъездные** (‘командировочные’) — 3 слова: *Дорожный распорядитель, осипший от крика капитан с красной повязкой на рукаве, ...в первую очередь, мельком улыбнулся...* (с. 117); *Конвойцы* и белая соболевская кобыла Гульнора расположились в отсеке для свиты (с. 168); *Гриднев, оставляю тебе моих конвойцев* (с. 174); *Потрачено было шесть часов времени и почти все разъездные* (с. 98); *Вам ведь жалование полагается, разъездные и прочее* (с. 94). Единицы проверены по словарям: «Словарь

редких и забытых слов» В. П. Сомова [Сомов], «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» [Редкие слова], «Словарь языка Ф. М. Достоевского» [Словарь языка Достоевского]. Словарь «Русские агнонимы» [РА] в данном случае не релевантен, так как представляет выборки из МАС. Всего 3 лексические единицы. НКРЯ.

Словообразовательные архаизмы «Алмазной колесницы»: **миллионщик**

(МАС: разг.; СТСРЯ: нет), **наждаковый** (МАС: нет; НКРЯ: с 1888 года, пик — 1895-й) — 2 слова: *Другой на его месте с таким редкостным талантом давно бы сделался миллионщиком или, подобно пушкинскому Германну, сошел с ума, не вынеся мистической прихотливости Фортуны* (с. 216); *Камиясури — это такая бумага, вся в стеклянной крошке. Ее используют, чтобы делать поверхность дерева гладкой... Наждаковая. — Наждаковая?* (с. 230). Подлинный ли это архаизм или созданный автором — сказать трудно. Таким образом, слова, имитирующие архаизмы, характерны для идиостиля Б. Акунина. Всего 2 слова.

9. Часть архаизмов «Турецкого гамбита» является заимствованиями, заменёнными с течением времени другими словами: **искейпист** ('фокусник'), **апроши** ('1. Окопы, подкопы. 2. Окольные пути, подходы к человеку'), **фаланстер** ('1. Утопическая община (есть в МАС). 2. Представление об идеальном обществе, утопия'); первое слово не фиксировано в МАС и НКРЯ — 3 слова: *Не армия, а представление искейпистов. Цирк шапито!* (с. 124); *Апроши Соболев рыл довольно неумело, но его ухаживания Варе льстили* (с. 85); *Вы прямо описываете какой-то фаланстер* (с. 72).

В «Алмазной колеснице» — 1 слово (нет в МАС и НКРЯ): *Свинство наше российское, мало общественных латрин. Вот в Японии, говорят, сортиры на каждом шагу. Оттого и не можем побить проклятых мартышек* (с. 212).

Эти слова с полным правом можно было бы отнести к агнонимам, если бы они не выходили за рамки МАС (*апроши* отмечены в ТСИС как *устар.*, *воен.*, *фаланстер* в ТСИС — 'в учении Ш. Фурье: огромный дворец, в котором должны жить и работать члены фаланги'). Являются ли слова *искейпист*, *латрины* подлинными архаизмами? На это трудно ответить.

В «Алмазной колеснице» к ним близко употребление слов **коронетка**, **конфедент**, **деррьер**, не фиксированных словарями СРЯ (слов *коронетка*, *деррьер* нет и в НКРЯ, *конфедерат* зафиксировано с 1867 года): *Серп с молотом и пчёлка одобрила, а на фуражку заартачилась — якобы слишком похожа на **коронетку**, предназначенную лишь для титулованных особ (с. 14); Может быть, вы согласитесь взять меня... нет-нет, не в **конфиденты**, а хотя бы в исполнители? (с. 343); При этом Западу мы упираемся носом в задницу, потому что Западу на нас наплевать. А беззащитный **деррьер** подставляем Востоку, и рано или поздно в наши дряблые ягодицы непременно вопьются острые японские зубы (с. 385); а также отмеченных с пометами *устар.* и *книжн., спец. муз.* — **аранжировать** (‘сделать аранжировку муз. произведения’), **дезабилье** (‘утренняя домашняя или небрежная домашняя одежда’), **дортуар** (‘общая спальня для воспитанников в закрытых учебных заведениях’), **фраппировать** (‘неприятно поразить, ошеломить’), **эскапада** (‘то же, что *выходка*’) — всего 9 слов: *Маса соорудил изысканный завтрак: жёлтую икру уни, прозрачные ломтики ика; красиво **аранжировал** маринованные сливы и солёную редьку; отварил самого дорогого рису и посыпал его толчёными морскими водорослями; особенно же можно было гордиться белоснежным свежайшим тофу и благоуханной нежно-коричневой пастой натто (с. 286); Оба задержанных были в совершенном **дезабилье**... Облачение разъяренного даймё состояло из двух полотенец (одно вокруг чресел, второе наброшено на плечи) и шёлковых носков на ремешках-эластик (с. 452); Когда-то она сама была такой же дикаркой, росла в искусственном мирке Смольного института: полудетские мечты, тайное чтение Флобера, девичьи откровения в тиши **дортуара** (с. 78); Вот и консул, кажется, был **фраппирован** оплошностью Эраста Петровича — это чувствовалось в колючести взгляда, которую не могли скрыть тёмные очки (с. 180); Да только что ж вы об **эскападе** с Буллоксом умолчали? (с. 556).**

Итак, в «Турецком гамбите» — 42 архаизма, в «Алмазной колеснице» используется 14 архаизмов.

Как идиостиль писателя можно рассматривать его стремление создать рече-

вую среду прошлого через агнонимы — заимствования.

Изображение русской речевой среды прошлого в романах Б. Акунина связывается не с традиционным использованием диалектизмов и архаизмов-старославянизмов, а с утраченной в современном языке заимствованной лексикой или фонетически-ми и словообразовательными вариантами, что рисует не народно-разговорную речевую среду, а речь образованных людей прошлого. Эта линия подхвачена некоторыми современными писателями. Так, А. А. Бушков в своём романе «Авантюрист» [Бушков, 2010] пишет: *А на первом этаже пан пусть стучит в двенадцатый номер* (с. 23); <...> *а ведь есть множество иных способов воровства. Прогонные расходы* (сноска: ‘командировочные суммы’), *к примеру* <...> (с. 36); *Смертная казнь, и хорошо ещё, если через расстреляние* (с. 38); *Просто-напросто знал: уж Бикашов не выдаст, а дельным советом разодолжить может* (с. 40); *Поразмыслив, ваши друзья предложили некий, как у вас это именуется, акт* (с. 40); *Узнаю на адресе, когда он прибывает...* (с. 105); *Радченко, без сомнения, телефонировал в пансионат, аппарат стоит у него на квартире, номер имеется в списке* (с. 123); *...мирно позавтракал с Надей — их продовольствованием занялась приходящая прислуга...* (с. 277); *Террорист и литератор, диктатор и позер, один из множества новоявленных Бонопартиев* (с. 351). Ср. также: в воспоминаниях А. А. Брусилова [Брусилов, 1983]: *Кроме того, железных дорог на этом участке также весьма мало, и продовольствовать и снабжать войска всем необходимым для боевых действий было весьма затруднительно* (с. 131); *Войска в 1914–1915 годах были милиционерного характера, в рядах оставалось очень мало кадровых офицеров* (с. 141); *Было размещено несколько зенитных батарей и наша флотилия самолётов* (вм. эскадрилья. — Л.С.) (с. 179); <...> *одновременно воевать и революционировать невозможно* (с. 222). В романе Ю. Тынянова [Тынянов, 1988]: *Ты в неё тряпичатым подарком стрельни* (с. 31); *Между мыльной водой и одеколоню, Грибоедов узнал...* (с. 43); *Пушкин оказался шантажёром* (с. 53) (вм. тряпочным, одеколоном, шантажистом. — Л.С.).

Всех этих слов нет в МАС (кроме *телефонировать*), нет и в НКРЯ, кроме

расстреляние (фиксировано с 1859 года, пик — 1906-й), нет *продовольствование*, но есть *продовольствовать* (с 1805 года, пик — 1818-й).

Всего историзмов и архаизмов в «Турецком гамбите» — 89 слов, в «Алмазной колеснице» — 35, то есть только 40%.

§ 3. Диалектизмы и просторечия в «Турецком гамбите» и «Алмазной колеснице»

Диалектизмы — слова или устойчивые словосочетания народных говоров, употребляемые в литературной речи. В «Турецком гамбите» практически нет диалектизмов, хотя сюжетные предпосылки к их использованию имеются — в тексте есть упоминание о казаках: *В полдень 8 января Соболев прислал за Варей трофейную карету с казачьим конвоем — пригласил пожаловать в только что занятый Адрианополь* (с. 164). Эта особенность стиля Б. Акунина позволяет говорить о «глянцевой словесности». Использовано слово **донец** (диалектизм, не фиксированный в словарях литературного языка), просторечие **турка**; отнесённое в словаре к разговорному слово **опорки** можно, очевидно, сегодня рассмотреть как диалектизм, тем более что в тексте оно приводится в генерализированном значении: ‘старая, растоптанная обувь’. Народную речь также передаёт слово **болярин** (всего

4 слова): *Девятнадцатилетний герой вскочил на своего **донца** и понёсся по овеваемой свинцовыми ветрами долине, туда, где за притаившимися башибузуками располагались главные силы армии* (с. 121); *«А я уж думал, не приедете!» — приветствовал вновь прибывшую д’Эвре, такой же взбудораженный, как все остальные. Варя обратила внимание, что он надел свои знаменитые рыжие **опорки** (сапоги, о которых на спор была написана статья в газету) (с. 118); У **турков**, которые крепкими нервами не отличаются и, как известно, способны на минутный порыв, но пасуют перед любым продолжительным усилием, натурально начинается замешательство, а возможно, и паника* (с. 115); *Ничего. Сидим, осаждаем **турку*** (с. 139); *Бух на колени и молюсь на языке Корнеля и Рокамболя: «Господь всеблагий, порадууй грешного раба твоего **болярина**, то бишь шевалье Ипполита, дай ему полюбоваться, как жарятся на сковородке мусульманские собаки»* (с.

69). Ср.: в повести Хаджи-Мурата Мугуева «Господин из Стамбула»: *«Как некогда Иван Калита собирал Русь по кускам, так ныне просвещённый воитель и наш вождь болярин Пётр», — оратор всхлипнул и, тыча пальцем в огромный портрет Врангеля, с дрожью в голосе закончил...* [Мугуев, 1994, с. 44].

В «Алмазной колеснице» простонародная речь звучит в устах японского шпиона штабс-капитана Рыбникова (3 слова): *Ничаво! Ничаво, Митюха, конь об четырёх ногах, и то спотыкается...* (с. 96); *Энтакого коняшку на живодёрню пора!* (с. 96); *А как по-вашему будет «покеда»?* (с. 161). Вместе с частицей -с они создают образ ловкого японского шпиона, хорошо знающего русский язык и способного к «перекодированию» (Л. П. Крысин).

Представлено в тексте «Алмазной колесницы» также сниженное дуся: *Молодой человек был назван «спасителем», «героем», «ангелом» и даже «дусей»... Пока ошеломлённый «дусей» Фандорин успокаивал барышню, осторожно глядя её по сотрясающимся плечам* (с. 228). Ср.: в «Турецком гамбите»: *...вам, женищинам, только дай суфразжировать, ведь одних красавчиков, дусек-пусек в парламент навыбираете* (с. 82). В текстах, обращённых к современности [Устинова, 2008]: *Да, привет, дуся! ...Дусечка, я обедаю* (с. 183); *Вы разыграли сценку с неведомым московским приятелем, которого называли дусей, и объяснялись в любви* (с. 333).

Используется автором как пример народно-разговорной речи и следующая реплика одного из жандармов: *«Хос-поди, Хос-поди!» — закрестился подошедший Евстратий Павлович* (с. 119). Но это неточная характеристика, так как в русском литературном языке по традиции от старославянского возможны два способа произнесения этого слова: с <г> и <h> [Орфоэпический словарь].

Таким образом, для Б. Акунина нехарактерно обращение к диалектизмам.

§ 4. Имена собственные в текстах Б. Акунина

Имена собственные (топонимы и антропонимы) в художественном тексте дублируют лексическую систему идиостиля [Самотик, 2005, с. 27], в «Турецком гамбите» они соотносятся с историзмами, архаизмами, экзотизмами (об антропонимах см. работы А. В. Суперанской и А. В. Сусловой [Суперанская, Сулова,

1991], об иноязычных антропонимах — в статье Д. Н. Жаповой «Антропонимы как этноисторическое явление» [Жапова, 2004], монографии Д. И. Ермаловича «Имена собственные на стыке языков и культур» [Ермалович, 2001], о поэтических антропонимах у Ю. А. Карпенко «Имя собственное в художественной литературе» [Карпенко, 1986], а также у В. Д. Супруна в монографии «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» [Супрун, 2000] и др.).

Используются в тексте подлинные или слегка изменённые исторические имена, названия: *император Александр II, великий князь Николай Николаевич, князь Карл Гогенцоллерн-Зигмарминген* (с. 35 и др.), *Александр Васильевич Суворов-Рымникский, шеф жандармов Лаврентий Аркадьевич Мизинов, посол России в Турции Николай Павлович Гнатъев* (очевидно, Игнатъев), *генерал Драгомиров, генерал Соболев, Сергей Берещагин, брат знаменитого художника (Верещагин), канцлер князь Корчаков, который «учился с Поэтом» (Горчаков); Петербург, Дунай, Нева, Румыния, Сербия, Болгария; Букарешт, Турну-Мигуреле, Царевницы* — с. 9, *Зимница, Бела, Плевна* — с. 18; *Хивы, Махрама* — с. 9, *Османская империя* — с. 1; *Великая Порта, Балканская армия, Дунайская армия* и т. д. На этом фоне выглядят очень достоверно имена вымышленных героев: *Шеймас Маклафлин, Шарль д' Эвре, Иван Харитонович Казанзаки, Варвара Андреевна Суворова, Эраст Петрович Фандорин, Лаврентий Аркадьевич Мизинов, Петя Яблоков, полковник Лукач, буфетчик Семён* и др.

Турецкие имена: *Юсуф-паша* — с. 18, 35; *Осман Нури-паша* — с. 32; *Дауд-бек* — с. 33; *Мидхат-паша* — с. 40, 82; *султан Абдул-Азис* — с. 40; *Анвар-эфенди* — с. 66 и др. *Али-бей* — с. 44, *султан Абдул-Гамид* и т. д. также не вызывают вопросов у современного читателя. Особенно впечатляют личные имена «русской стороны», создаётся впечатление их подлинности. Это вполне возможно, если автор, например, использовал периодику того времени или ономастические словари. Прецеденты известны в истории русской литературы — см., например, о связи имени героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» с периодической печатью в статье Г. Ф. Когана [Коган, 1981], об ономастических словарях

— в работе В. Д. Бондалетова [Бондалетов, 1983]. Имена литераторов, общественных деятелей, мыслителей того времени, литературных героев, светских красавиц и т. д., о которых говорят герои (*Ламартин*, *Шопенгауэр* — с. 8; *Майн Рид* — с. 15; *Вера Павловна*, *Лопухов* — с. 13; *первая женщина-врач Мэри Джейкоби*, *первая женщина-священник Антуанетта Блеквелл* — с. 12; *Блаженный Августин* — с. 1; *известные красавицы мадам де Менгенон и Жозефина Богарне* — с. 74, *князь Влад по прозвищу Наколсажатель — Дракула* — с. 93), воссоздают культурно-исторический колорит эпохи.

В «Алмазной колеснице» имена в соответствии с сюжетом русские, английские и японские. Топонимы в первой части романа русские, преимущественно подлинные, во второй — японские.

Значительная часть представленной лексики может быть соотнесена с т. н. *редкими* словами. «В русском языке, как, впрочем, и в любом другом, немало устаревших, малоизвестных, неупотребительных, необычных, непонятных слов и выражений, иначе говоря — глосс» [Сомов, с. 3]. «*Редкими* словами мы называем лексемы, не вошедшие в современные толковые словари русского языка, хотя они могут встретиться в словарях XIX в.» [Редкие слова, с. 4]. С точки зрения ряда авторов, имеют право на существование словари редких слов. В качестве причин называются следующие: при представлении лексического состава произведений одного периода необходим полный учёт единиц; эти слова могут представлять некий резерв пополнения имеющихся в толковых словарях; такие издания позволяют отделить узуальные употребления от индивидуально-авторских; они позволяют также сформулировать оценку «всех редкоупотребительных слов», которые, очевидно, представляют ещё не описанный фрагмент лексической системы языка; словари полезны при комментarii устаревших и других редких слов, особенно для молодых читателей. К сказанному можно добавить, что использование такой лексики в художественном тексте часто определяется спецификой жанра, идиостиля писателя и системой выразительно-изобразительных средств произведения и, значит, расширяет и качественно изменяет представление о них; словари редких слов удовлетворяют естественную потребность человека в новой информа-

ции, причём это информация не бытового плана, а интеллектуальная. Особенно частотно употребление *редких* слов разных типов в современной прозе, что в итоге привело к разграничению литературного языка и языка художественной литературы.

К редким словам относят и т. н. *агнони́мы*, то есть слова, неизвестные для читателя (полностью неизвестное значение или смутно понимаемое). В. В. Морковкин и А. В. Морковкина выделяют шесть степеней ограниченного понимания значения слова: «Агнонимом будем считать лексическую единицу, относительно которой носитель языка (в нашем случае один из авторов настоящего исследования) может сказать: 1) совершенно не знаю, что значит слово; 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определённой весьма широкой сфере, например: *бакитов* — ‘что-то, связанное с морем’; 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определённому классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса, например: *бальнеология* — ‘какая-то наука’; 4) знаю, что слово обозначает определённый предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования, например: *сизоворонка* — ‘перелётная птица, но певчая или нет?’; 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет, например: *таратайка*; 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно, например: *менталитет, фрикативный*» [Морковкин, Морковкина, с. 106]. Как нам представляется, такое широкое понимание агнонимов несёт опасность потери специфики этого явления лексической системы языка, однако оно интересно, например, в сопоставлении с видами десемантизации внелитературной лексики и слов периферии литературного языка в художественных текстах. Агнони́мы рассматриваются Морковкиными как элементы антропоцентрического подхода к языку в противопоставлении лингвоцентрическому подходу, что, очевидно, имеет место [Морковкин, Морковкина, с. 64]. Агнони́мы и в тексте «Турецкого гамбита», и в «Алмазной колеснице» выполняют функцию архаизмов. Их широкое ис-

пользование можно отнести к идиостилю писателя.

Отношение автора к литературе, к языку видно из некоторых цитат, оно входит в систему постмодернизма: *А русскую литературу, конечно, читал. Хорошая литература, не хуже английской или французской. Но литература — игрушка. В нормальной стране она не может иметь важного значения* (с. 198); *«Любой общественный институт, в том числе и многожёнство, следует воспринимать в историческом контексте», — профессорским тоном начал д'Эвре, но Зуров скорчил такую физиономию, что француз образумился и заговорил по-человечески* (с. 72). Совершенно очевидна авторская установка на читателя, на разговорный стиль. «Функция трикстера как создателя бриколажей из священного и кощунственного <...>, как ни странно, не слишком характерна для акунинских антигероев... Бриколаж, осуществлённый Акуниным, связан с самим методом его письма: он превращает «святую русскую литературу»... в предмет развлечения, более того, «криминального чтива» [Липовецкий, 2008, с. 700–701]. Необычен для исторического романа и язык произведения, также свидетельствующий о постмодернистской его природе.

4.3.6. Выводы

1. Романы Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница» могут быть отнесены к жанру исторической прозы. Образ инонациональной речевой среды в этих произведениях строится на сопоставлении с образом русской речевой среды прошлого. В результате анализа можно заключить, что в тексте есть лексические выразительные средства, вписывающиеся в рамки жанра, литературного направления (постмодернизма) и характерные для идиостиля писателя.

2. Автор пользуется в целом наработанными в русской литературе приёмами изображения инонациональной речевой среды: через экзотизмы, варваризмы, нациолектизмы; русской речевой среды прошлого через использование историзмов и архаизмов. В анализируемых произведениях внелитературная лексика представляет собой строгую систему выразительных средств текста совместно с лексикой периферии литературного языка.

3. Общее количество маркированной лексики, рисующей образ инонацио-

нальной речевой среды, — 153 в «Турецком гамбите» и 174 в «Алмазной колеснице». Но состав её различен. Так, в «Турецком гамбите» последовательно представлены экзотизмы, историзмы и архаизмы — 4 1%, 32% и 27%; в «Алмазной колеснице» — 80%, 12% и 8%. В «Турецком гамбите» более ярко выражен образ России прошлого — 59%, Японии — в «Алмазной колеснице» — 80%.

4. Слова для стилизации в «Турецком гамбите» тщательно отобраны. Писатель в романе стремится использовать лексику, известную читателю, представляющую стилистические ресурсы русского литературного языка. Так, среди 64 экзотизмов

«Турецкого гамбита» 38 фиксированы в МАС с соответствующими запретительными и ограничительными пометами (*ист.*, *устар.*, *прост.*) или с соответствующими оговорками в формулировке значения слова («на Востоке», «в Турции» и т. п.) — почти 60%. Новую лексику в «Турецкий гамбит» автор вводит дозированно. Объяснение значения слов не акцентировано, даётся в диалоге, через контекст, варваризмы представлены в сносках. Часть внелитературных слов, реплик на иностранных языках не объяснена, но это не делает текст непонятным. Всего в тексте «Турецкого гамбита» 47 историзмов, только 3 из них не отмечены в МАС. Архаизмов в тексте — 42. Из них 22 литературных архаизма и 20 — внелитературных.

Таким образом, на «Турецкий гамбит» из 153 маркированных лексических единиц приходится 105 единиц, фиксированных в толковых словарях литературного языка, это около 70%.

Образ Турции в тексте несколько тривиален. Очевидно, что часть внелитературных экзотизмов имеет традицию употребления в русском языке (*паненка*, *шевалье*, *ханум* и др.), некоторые же носят индивидуально-авторский характер, или являются результатом словесного творчества писателя (*медхен-гредхен*, *вурдст да зельц*), или, вероятно, вводятся им впервые в русский язык (*гедикль*, *икбал*, *кучук-кадинэ* и др.). Достоверность таких экзотизмов проверить затруднительно.

Среди 138 экзотизмов «Алмазной колесницы» отмечены в толковых слова-

рях литературного языка только 7 слов, почти все они связаны с образом Японии (95%). Они приводятся в тексте потоком, иногда без установки на расчленённое понимание. Всего в «Алмазной колеснице» 21 историзм, только 7 из них — вне-литературные. Из 15 архаизмов в «Алмазной колеснице» 7 литературных архаизмов и 8 внелитературных. Таким образом, из 174 маркированных единиц «Алмазной колесницы» фиксированных в толковых словах только 29, то есть чуть более 17%. Таким образом, мы можем заключить, что образ Японии в произведении совершенно своеобразен.

5. Из 153 единиц маркированной лексики в «Турецком гамбите» 64 — экзотизмы, а 89 (47 и 42) — историзмы и архаизмы, связанные с образом России прошлого. И так, превалирует образ русской речевой среды, экзотизмы от общего числа маркированной лексики составляют чуть больше 41%. В «Алмазной колеснице» при общем количестве маркированных слов 174 на экзотизмы приходится 138. Образ русской речевой среды прошлого представлен 36 единицами (21 историзм и 15 архаизмов), значительно перевешивает образ инонациональной речевой среды, почти 80%.

6. Ведущим лексическим средством создания инонациональной речевой среды являются экзотизмы. В тексте «Турецкого гамбита» Б. Акунина используется 64 экзотизма, всего употреблений 194 на 220 страницах — около 0,9 на страницу. Это не низкая плотность для исторической прозы.

Плотность экзотизмов в «Алмазной колеснице» мы можем только предположить (сплошной выборки не делалось). В романе использовано 138 экзотизмов, все во второй части, то есть на 539 страницах. Если в среднем каждый экзотизм использован 2 раза, то это составит 267 употреблений, то есть предполагаемая плотность — около 2 экзотизмов на страницу, что в два раза выше, чем в «Турецком гамбите». Для сравнения:

- 1) плотность экзотизмов в произведениях С. Шелдона — один на 4,2 страницы;
- 2) плотность экзотизмов в текстах И. Хмелевской — один на 2,4 страницы;
- 3) плотность экзотизмов в повести М. Ошарова «Звено могил» — более пяти на страницу;

4) плотность экзотизмов в диалогии А. И. Чмыхало — в среднем одно употребление на 2 страницы текста.

В результате сравнения мы можем заключить, что историческая проза Б. Акунина значительно отличается от текстов А. И. Чмыхало, плотность экзотизмов в которых близка переводам со славянских языков. По интенсивности использования экзотизмов она стоит между способом создания образа славянской речевой среды в переводных текстах и образом национальной речевой среды, причём значительные отличия отмечаются между двумя проанализированными текстами: «Турецкий гамбит» и «Алмазная колесница».

7. Через экзотизмы в «Турецком гамбите» представлено шесть стран, Турция дана в шести темах. В «Алмазной колеснице» — всего 12 тем, все они касаются Японии. Общее количество тематических групп, связанных с бытом народа, —

6, оно равно количеству групп, связанных с боевыми искусствами и управлением человеком, — 6.

8. В «Турецком гамбите» в экзотизмах представлены Польша, Германия, Англия, Франция, Болгария. Все пять стран показаны в 24 словах и 40 употреблениях. Турция представлена в тексте 40 словами и 154 употреблениями (более 60% и 80% от общего количества). Ведущее место в произведении занимает инонациональный речевой образ Турции — врага России, что соответствует теме и идее художественного текста: самое главное на войне — война.

В изображении Турции не важны темы «Одежда», «Кухня» и даже «Оружие» (всего 6 слов, 9 употреблений). Война воспринимается не как противостояние двух армий, а как противостояние двух религий (тема «Иноверец»: 4 слова и 27 употреблений). Экзотика Турции подаётся через темы «Государственное устройство и представители правящего сословия» (19 слов и 91 употребление), «Многожёнство» (11 слов и 27 употреблений). На этой войне главное — экзотика (мир журналистов-международников и восприятие Варвары Андреевны Суворовой).

9. Большая часть маркированной лексики в «Турецком гамбите» имеет еди-

ничное использование в тексте (около 56%). Частотны (имеют 10 и более употреблений) 10 слов: *башибузук* (21), *титулярный советник* (20), *государь* (19), *наша* (18), *султан* (18), *волонтер* (17), *жандарм* (11), *величество* (10), *жандармский* (10), *падишах* (10). Все эти слова устаревшие, половина при этом относится к устаревшим экзотизмам. Таким образом, значима как стилистическая доминанта текста, так и образ инонациональной речевой среды.

10. Экзотизмов, фрагментов текста, национализмов и японских поэтических онимов в «Алмазной колеснице» много. На экзотизмы в основном падает логическое ударение, что выражено в тексте курсивом; и прежде всего на них сосредоточивается внимание читателя. Таким образом, «“чужое” выразительнее своего» (М. Бахтин). В этом выражены идея произведения, объяснение грядущего поражения. Сила зла *акунинных* (а зла ли?) показана ярко, выразительно.

11. В романе «Алмазная колесница» использованы три основных сюжетных линии: детективная — поиски злодея; познавательная — знакомство с авторской, «акунинской» Японией; любовная, связанная с О-Юми. В соответствии с этим в тексте используются три ключевых слова: *акунин*, *конгодзё* — *Алмазная колесница*, *хокку*. Три экзотизма положены в основу образа инонациональной речевой среды текста, они несут текстообразующую и концептуальную функции произведения. Большое значение имеет и экзотизм с символическим значением в тексте — *омурасаки* ('бабочка'). Важное значение для понимания Японии имеют два пословных перевода с японского устойчивых сочетаний: *искренний человек* и *умереть красиво*. Фандорин ищет точного соответствия в русском, пытается его найти через английский: «Нет, «*sincere man*» — это по-нашему «человек чести», — догадался *титулярный советник* (с. 392–393). Но вряд ли это точное соответствие ментальному понятию.

Сюжетные линии пересекаются, но всё в соответствии с законами постмодернизма очень зыбко и неопределённо, найти *акунина* невозможно, познать эту страну невозможно. Всё переходит в свою противоположность, что обозначается соответствующими экзотизмами: О-Юми то *конкунбина* (супруга по контракту), то *итиноку* (девушка-нинзя), Сирота то *письмоводитель*, то *предатель-ренегат* и

Т. Д.

12. Тематически экзотизмы в анализируемых текстах свёрнуты. Но тема «ниндзя» представлена в «Алмазной колеснице» широко, что говорит о её лексическом превосходстве в связи с основной темой и идеей произведения. Большое внимание уделяется в тексте «Алмазной колесницы» социальным слоям, представляющим мафиозные структуры страны, которые не противопоставлены официальной власти, а занимают по отношению к ней сложную позицию. Всего эта группа членится на шесть тем, связанных с боевыми искусствами. Поданы они как ментальные структуры — это стремление к совершенству. Желание «напугать» читателя, показать почти безграничные возможности этих сил строится так же, как показ сицилийской мафии в романах С. Шелдона. Количество экзотизмов этой группы велико, что соответствует понятию «фокуса культуры» (Ю. А. Найда) в сознании Фандорина. Слова передают иерархическую структуру асоциальных сил, что свидетельствует об их мощи, организованности и некотором соответствии государственным структурам (что особенно настораживает русского читателя). Речь идёт о времени, предшествующем поражению России в Русско-японской войне. На войне как на войне.

Важны в создании образа инонациональной речевой среды и, казалось бы, менее значительные тематические группы. Так, в «Алмазной колеснице» ярко вырисована группа названия европейцев (8 единиц). Часть из них имеет нейтральное значение — ‘белый, европеец’ (*гайдзин, гандзинский, по-гайдзински*, близкие по звучанию слова *ондзин, дайdzин*), часть же является «обидным» прозвищем: *ака-хигэ, кэтодзин, сару*. Интересно, что накануне войны японцы не выделяют русских, для них большее значение имеют англичане. Итак, это будет не война двух государств, а противостояние Востока и Запада, в котором Россия не занимает центрального места.

13. В целом структура экзотизмов в «Турецком гамбите» — симметричная (приблизительно равное количество слов в разных тематических группах, что предполагает некоторую иллюстративность) в «Алмазной колеснице» — асимметричная (одна тематическая группа явно превалирует, имеет внутреннее тема-

тическое дробление, что свидетельствует о том, что она выражает основное идейное содержание текста, представляет концептуальную функцию).

14. В двух романах Б. Акунина используется разная стратегия привлечения экзотизмов. В первом романе они не играют существенной роли: создают определённые национальные мифологемы, служат как бы для развлечения скучающей журналистской братии. Образ инонациональной речевой среды близок к переводным текстам. Русские ненавязчиво и легко сопоставлены с турками.

Во втором же романе экзотизмов, представляющих Японию, много, их использование связано вначале с компактным употреблением в одном ряду в качестве ключевых слов фрейма (их представлено два). При этом используются в основном слова, фиксированные в словарях литературного языка, или, по позиции автора, известные в интеллигентных кругах того времени. С таким представлением о Японии Эраст Фандорин прибывает в страну. Затем на протяжении всего текста это представление противопоставляется развёрнутой картине в сознании главного героя. Представление экзотизмов идёт традиционным путём — через тематические группы. Тематические группы экзотизмов при этом разнообразны. Среди них есть «туристические», рисующие поверхностную картину, а также приводятся экзотизмы, отражающие глубинные пласты ментального характера. Интересно приведённое в тексте рассуждение о японском языке, которое уже по определению носит ментальный характер (*иероглиф ура, иероглиф дон, нин, доро, два иероглифа Ро-коку, слог ху*). Стремление к познанию сущности народа (возможно, иллюзорное) роднит данный текст с русской литературой о народах России (см.: М. Ошаров, Ж. Трошев и др.), создаётся образ речевой среды, близкий национальному (см. о «концептах как ментальном образовании» и об «импорте концептов» у В. И. Карасика [Карасик, 2004, с. 184–224]).

15. Варваризмов в анализируемых текстах немного. В «Турецком гамбите» герои говорят чаще по-французски, в «Алмазной колеснице» — по-английски, но это никак не отражается в системе лексических выразительных средств текста. Интересно, что почти нет передачи ни французского, ни английского текста, он последовательно переводится, как в зарубежных произведениях.

16. Автор использует оригинальные приёмы передачи нациолектизмов. Разнообразны эти приёмы в «Турецком гамбите». Автор стилизует нерусскую речь англичанина (ирландца), болгар, турецкого шпиона, выдающего себя за французского журналиста. При этом он традиционно пользуется как кириллицей (в «Турецком гамбите» для передачи турецкой, болгарской речи и нациолекта, в «Алмазной колеснице» — японских нациолектизмов), так и латиницей (в «Турецком гамбите» — английского, французского нациолекта, в «Алмазной колеснице» — отдельный звук — билабиальный *v-w* — в польском нациолекте). Строго отбираются языковые черты языка-источника. Особо отмечено расширенное использование латиницы в передаче русских слов: 1) в целом в тексте русского адресанта, переведённом с французского; 2) чужих русских слов в передаче их иностранцем; 3) русских слов, произнесённых иностранцем самостоятельно и т. д. Функции нациолектизмов многообразны: характерологическая в передаче национальности, комического характера «чужой» речи, характерологическая — в передаче индивидуальных речевых черт, образа русских дворян — билингвов, стремления русских говорить по-русски с иностранным произношением при общении с нерусскими и т. д. В передаче акцента турецкого шпиона — функция сюжетобразующая и т. д. Всего отмечено 7 таких явлений. Некоторые имеют прецеденты в русской литературе, некоторые описаны в статье А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1966]. Нациолектизмы в «Алмазной колеснице» ограничены, они передают русскую речь двух японцев. Однако при сопоставлении с другими произведениями можно выделить типичные черты японско-китайского нациолекта. В тексте приводятся примеры искажённого английского, передающего английскую речь японцев. В «Алмазной колеснице» нациолектизмы несут характерологическую функцию и используются для комизма.

17. Русская речевая среда прошлого противостоит инонациональной и, таким образом, участвует в её формировании.

Всего в «Турецком гамбите» 6 тематических групп историзмов, и все они связаны с войной (за исключением именованья средств транспорта): титулование и обращения к титулованным особам, близкие к ним обозначения (ставка импера-

тора); названия офицеров разных видов войск и чинов; лексика, связанная с мундирами того времени; слова, связанные с традицией дуэлей, фехтованием; лексика, связанная с медициной того времени.

Всего в тексте «Турецкого гамбита» 47 историзмов, только 3 из них не отмечены в МАС.

В романе «Алмазная колесница» историзмы ещё более малочисленны. Они не столько группируются по тематическим группам, сколько представляют определённые картинки действительности (фреймы), иногда вместе с архаизмами. Ярко выраженных таких фреймов 4. Три даются в первой части произведения: «Москва кабацкая» (4 историзма); «Москва чиновничья» (5 историзмов); «Москва предреволюционная» (5 историзмов). Во второй части романа видим фрагмент «России, которую мы потеряли» (7 устаревших слов, внелитературные историзмы и архаизмы), которые в основном воссоздают образ «безутешной девицы Благолеповой».

Всего 21 историзм, только 7 из них — внелитературные.

Таким образом, в «Алмазной колеснице» 21 историзм против 47 в «Турецком гамбите».

18. Более разнообразны архаизмы.

В «Турецком гамбите» используются: литературные архаизмы (*великорусский, верноподданный* и т. д.), всего 17 слов; устаревшая специальная военная лексика (*редут, ретирада* и т. д.), всего 5 слов; внелитературные лексикофонетические архаизмы (*прожект, физиогномия* и т. д.), всего 6 слов; внелитературный орфографический архаизм — *коттэдж*; внелитературные грамматические архаизмы (*кофий, турков*), всего 2 слова; устаревшие устойчивые глагольные сочетания (*делать авансы, ехать амазонкой* и т. д.), всего 7 лексических единиц; лексико-словообразовательные архаизмы (*дорожный распорядитель, конвоец, разъездные*); заимствования, заменённые с течением времени другими словами (*искейпист, фаланстер* и т. п.) — 5 слов.

Итого в тексте 22 литературных архаизма и 21 — внелитературный. Всего архаизмов в тексте — 43.

В «Алмазной колеснице»: литературные архаизмы (*куртизанка, содержанка*) — 2 слова; устаревшая, книжная и специальная лексика, воспринимаемая в тексте как архаизованная (*аранжировать, дезабилье* и т. д.) — 5 слов; внелитературные лексико-фонетические архаизмы (*англизированный, матерьялист*) — 2 слова; орфографические архаизмы (*спортсмен, проэкт*) — 2 слова; заимствования, заменённые с течением времени другими словами (*латрины, коронетка, конфедент, деррьер*) — 4 слова.

В «Алмазной колеснице» 7 литературных архаизмов и 8 внелитературных. Всего в тексте 15 архаизмов.

Итак, в «Турецком гамбите» 42 архаизма, в «Алмазной колеснице» используется 15 архаизмов.

Всего устаревшей лексики, создающей образ русской речевой среды прошлого, в «Турецком гамбите» — 89 лексических единиц, в «Алмазной колеснице» — 36, то есть только 40%. При низкой частотности в «Алмазной колеснице» они могут лишь поверхностно маркировать текст как исторический, но всё-таки создают образ России того времени. Такое различие в использовании устаревшей лексики в двух романах вряд ли случайно. Образ России, стоящей на пороге Русско-японской войны, полон иронии, даже комичен. Она не представляет серьёзного противника. Иное дело — война русско-турецкая. Россия ещё полна сил.

19. Стилистическую доминанту в исторической прозе, естественно, представляет устаревшая лексика. Стилистическая доминанта определяется, прежде всего, жанром произведения. В соответствии с основной стилистической тональностью все основные виды внелитературной лексики (экзотизмы, просторечия, некоторая военная лексика и даже шахматная и карточная терминология) воспринимаются как устаревшие. При этом нельзя забывать, что большая часть экзотизмов «Турецкого гамбита» и «Алмазной колесницы» является одновременно историзмами, так как характеризует феодальную Турцию и Японию. Однако и место действия играет определённую роль. Так, часть экзотизмов в «Турецком гамбите» в МАС определяется как вообще восточные понятия, в тексте же они воспринимаются как турецкие: *басурман, башибузук, бей, бек, бешимет, гарем, гяур* и др.

20. Ряд стилевых особенностей романов определяется литературным направлением — постмодернизмом. 1) Так, речевой фон произведений не архаизован и даже не нейтрален, он представляет собой вариант современной «жаргонизированной» речи (жаргонные слова, пейоративная лексика, насыщенность разговорной лексикой и просторечием, отсутствие склонения ряда форм, разговорный синтаксис и др.), современные средства построения иронии (использование слов-оценок с синтаксически ограниченным значением в роли разных членов предложения (*самран, Малюта Скуратов, ренегат, фон-барон* и др.), современных канцелярских оборотов по отношению к турецкой действительности и т. д.). 2) В текстах часты случаи языковой (речевой) игры: стилизация под выдержки из подлинной прессы того времени с использованием дат старого стиля, чего быть не должно; ссылки действующих лиц на явления, которые произойдут за пределами времени действия романа и т. д. 3) Особо следует отметить авторский приём в «Алмазной колеснице», который можно назвать «оттянутым пояснением». Так, в конце произведения даётся значение заголовка «Алмазная колесница», поясняется оглавление первой части романа — виды *хокку* и т. д.

Роль читателя по воле автора (также в соответствии с направлением) становится активной, он включается в языковую игру и в создание образа инонациональной речевой среды. Этому способствует пропуск в «Алмазной колеснице» некоторых значимых в русской речевой культуре слов, связанных с Японией: *сакура, харакири, танка, баттерфляй* и др. Они могут заменяться другими (*сливовый дождь, сэппука* и т. д.), что явно диалогично. Заголовок «Турецкий гамбит» в романе не поясняется, но несёт переносное концептуальное и текстообразующее значение и т. д.

21. Авторский идиостиль выражен в нескольких моментах.

Изображение русской речевой среды прошлого в романах Б. Акунина связывается не с традиционным использованием диалектизмов и архаизмов-старославянизмов, а утраченной в современном языке заимствованной лексикой (а также агнонимов) или утраченными фонетическими и словообразовательными

вариантами, что рисует не народно-разговорную речевую среду, а речь образованных людей прошлого. Часто установить подлинность такой лексики трудно, но она успешно стилизует текст. Эта линия присутствует в некоторых других художественных текстах.

Как идиостилевая черта, пожалуй, выделяются т. н. орфографические архаизмы, которые не передают особенности произношения, но, нарушая графический образ слова, воспринимаются как устаревшие и как выразительное лексическое средство языка (*коттэдж, спортсмэн, проэкт*). Ближе к этому стоит и употребление слова *визирь* (*везир, великий везир*).

Интересно отсутствие в романах диалектизмов (за исключением единичных слов в «Турецком гамбите» и народно-разговорных слов в устах японского шпиона капитана Рыбникова), что, очевидно, можно рассматривать как черту авторского идиостиля.

22. Экзотизмы и историзмы часто в языке романа используются компактно, в одном контексте или одном эпизоде. Повтор слова в ограниченном отрезке текста позволяет сосредоточить на нём внимание читателя.

Художественный текст ограничивает рамки коммуникации. Слова в нём функционируют по особым законам ограниченной коммуникации. С одной стороны, значение слова специализируется до минимума, до обозначения одного предмета или реалии, с другой — в тексте происходит генерализация значения, «приращение смысла» (Б. Ларин и др.), нарастает глубина значения (Н. С. Болотнова). Слова выступают в символической или концептуальной функции.

Так, часть историзмов в «Турецком гамбите» обозначает единичный предмет (лицо): *бей* — только Гасан-бей (ср.: синонимичное *бек* обозначает разных персонажей); *волонтёр и сербский волонтёр* — только Фандорин, *гусар* — только граф Зуров и т. д. В тексте есть случаи обозначения одним нарицательным существительным одного предмета: *темляк* относится на протяжении текста только к тому темляку, который «испросил» себе государь в награду за военные операции, *редингот* — это только пальто Маклафлина и т. д. Этим акцентируется функция художественной детали.

С другой стороны, функция художественной детали может перерасти в символическую, концептообразующую (в «Алмазной колеснице» — *омурасаки*, *конгодзё* и др.), в текстообразующую (в «Турецком гамбите» — *гамбит*, в «Алмазной колеснице» — *хокку* и т. д.)

23. Сюжеты анализируемых романов позволяют без особого труда использовать приём остранения как принцип художественности текста (В. Шкловский). В первом случае действие показано через восприятие молодой девушки, попавшей в ставку командования во время военных действий, во втором — молодого человека, впервые приехавшего в чужую страну. Это классические случаи показа происходящего через «восприятие ребёнка» и «путешественника». Всё, что предстаёт перед читателем, — «странно», необычное видится даже в обычном. Но в романах много и необычного. Роль внелитературной лексики также создаёт остранение через преодоление стереотипа — законов русского литературного языка.

Заключение

Образ инонациональной речевой среды в русской литературе имеет большое значение. Нами были рассмотрены переводные произведения (образ иностранной речевой среды) с английского языка (как пример западноевропейского), с польского (как пример славянского языка). Также был представлен образ национальной речевой среды в рамках страны, при этом мы пришли к выводу, что тип текста не зависит от того, создан он русскими авторами, переведён с национального языка или это русскоязычная литература писателей народов России. Особое место занимает образ инонациональной речевой среды прошлого.

В каждом случае образ создаётся определённой лексической структурой, куда входит как внелитературная лексика, так и слова периферии литературного языка, фиксированные в толковых словарях со специальными пометами или с оговоркой в значении. Это позволяет отнести феномен внелитературной лексики к находящемуся между кодифицированной и нелитературной лексикой, относящейся к другим языкам, к диалектам русского языка, просторечию, жаргонам, к языку прошлых эпох. Особое значение внелитературная лексика приобретает в художественном тексте, когда представляет отдельные этносы и субэтносы (Л. Н. Гуми-

лѐв); в анализируемых текстах — представителей народов Западной Европы и Америки, славянских народов, автохтонов Сибири, офицерского корпуса царской России, русских казаков, японцев.

Вторичность языка художественной литературы (В. В. Виноградов) сопровождается вторичностью слов, заимствованных из других языков или нелитературных форм существования национального русского языка (М. М. Бахтин), их амбивалентностью (Ю. Кристева). Нациолектизмы выделяются на основе языковых (речевых) этностереотипов (Л. П. Крысин). В связи с этим значимы также замечания о «разной степени литературности» слов в художественных текстах (В. В. Виноградов) и «разной степени чуждости» заимствованной лексики (М. М. Бахтин).

Инонациональная речевая среда представлена в литературе в основном через экзотизмы, варваризмы и нациолектизмы. Это имеет опору в «законе затруднённого чтения» художественных текстов (Л. П. Якубинского — В. Б. Шкловского), в теории остранения В. Б. Шкловского как основе художественности, которая в образе инонациональной речевой среды проявляется, с одной стороны, в несомненной «странности» выражаемых понятий для русского читателя, с другой — в преодолении

стереотипа литературного (кодифицированного) языка. Центральным лексическим выразительным средством при этом являются экзотизмы, которые всегда находятся в ядре концептосферы. Ближнюю периферию могут представлять диалектизмы и историзмы в функции экзотизмов, дальнюю — диалектизмы, историзмы и архаизмы. Поддерживает образ также поэтическая ономастика.

Мы можем заключить, что образ инонациональной речевой среды представлен в трёх разновидностях, имеющих стилистическое своеобразие. Типология художественных текстов, представляющих концепт-образ инонациональной речевой среды, может быть представлена следующим образом.

Так, иностранный речевой среда выделяется относительно небольшим количеством специальных лексических средств, которые связаны с темой, идеей, пафосом, концептуальностью и отдельными мотивами в произведении. Ранее Л. А.

Булаховским, очевидно, эта черта определялась как *couleur locale* — «точками». Для таких текстов характерны асимметричные модели (большое количество слов некоторых тематических групп). Маркированная лексика выступает в произведении как акцентированное лексическое выразительное средство (романы С. Шелдона).

Особо конструируется образ славянской речевой среды. В переводах с польского языка не употребляется латиница, она обозначает только слова и фрагменты текста латинского языка. Экзотизмы обычно имеют иллюстративное значение, употребляются в симметричных моделях. Используются слова на грани двух славянских языков (семантические кальки, семантические, словообразовательные варианты кодифицированной лексики: *глины; мразь, микрофон, сырник; тонь, рассказка, брушка* и др.; слова, лексическое значение которых связано с лексической мотивированностью в русском языке: *бывальцы ипподрома, куколь* и т. д.), что создаёт впечатление лёгкого акцента. Такая форма передачи польской и чешской речевой среды отмечена и в текстах русских авторов. Из корпуса экзотизмов в произведениях особой частотностью выделяются специфические обращения и вежливые упоминания.

Национальная речевая среда отличается большим количеством маркированной лексики, её значительной плотностью в тексте (более пяти на страницу), представленностью значительного количества тематических групп. Основная цель автора — передать своеобразие языковой картины мира народа, специфику его менталитета. Модель использования экзотизмов — симметричная. В литературе ранее это отмечалось как этнографичность (Н. Г. Михайловская). Наиболее многочисленные тематические группы связаны с понятием «фокуса культуры» (Ю. А. Найда). Для русской литературы это связано также с «заимствованием концептов» (В. И. Карасик). Значительное количество слов при этом пришло из языка-источника, некоторые не отмечены в словарях эвенкийского языка, что может объясняться экстралингвистическими причинами. Соотношение между русской лексикой и национальной в художественных текстах достаточно сложно. Часть слов литературного русского языка, отражающая «чужие» понятия, МАС

рассматривает как сложившиеся в русском языке: *чум* — ‘принятое у русских название переносного жилища некоторых народов Сибири и северо-востока европейской части СССР’ (ср.: *сакля* — ‘русское название жилища кавказских горцев’) и др. Некоторые из таких слов имеют русский (славянский) корень: *мольбище, становище, станок, стойбище* и др. Некоторые слова являются русскими диалектизмами: *омман, спортить, варнак, сипун* — ‘зипун’, *борчича* — ‘борчатка’ и др. Отдельные слова принадлежат в текстах в равной мере к двум системам — иноязычной и русской: *ясак, ясачный, объясачить, покрута, покрученник, покручаться* и др. Часть слов, воспринимаемая русскими как экзотизмы из национальных языков, эвенками трактуется как русские эквиваленты национальных слов (на основе словарей эвенкийского языка — *важенка, камус, кухта, сарана, торсук* и др.). Небольшая часть слов, очевидно, создана М. Ошаровым на русской основе, но в эти слова вложено специфически национальное значение: *позев, вскормленник, передовщик, проступь* и др. Есть слова, известные в народных русских говорах, но с другим значением. В тексте они принимают значение, связанное с эвенкийской культурой: *вожатый, копанища, лабаз (могильный лабаз), лабазить, залабазить* и др.

Историческая проза отличается тем, что инонациональной речевой среде противопоставлен образ русской речевой среды прошлого. На соотношении образа русской и инонациональной среды строится выразительность текста. Так, например, в дилогии А. И. Чмыхало показаны (названы) многочисленные народы Сибири, которые противопоставлены небольшой кучке русских казаков. Но автохтоны края разбросаны по территории и существенно разобщены. Это выражено через экзотизмы: *ясак* — ‘дань русским’ / *албан* — ‘дань джунгарам’, *ясачный* — ‘данник русских’ / *кыштым* — ‘данник киргизов’; *нукер* — ‘воин-киргиз’ / *цирик* — ‘воин-монгол’ и т. д. Образ же русских строится на примере острога (острог как крепость, как хозяйственный центр, как административный центр и т. д.). Всё сконцентрировано в одном месте. Велика сила, объединяющая казаков, — сила государства, что выражено в соответствующих историзмах, архаизмах и диалектизмах. Текст построен так, что мы видим — будущее за ними. В

«Турецком гамбите» Б. Акунина образ и русской речевой среды, и инонациональной строится через восприятие Варвары Андреевны Суворовой. Это достаточно серьёзный образ (она находится в ставке Главнокомандующего), но война воспринимается не как противоборство двух армий, а как противостояние двух религий (наиболее полно представлена тема «Иноверец»). В Турции Варвара Андреевна (как и господа журналисты) больше интересуется восточной экзотикой (выделяются именованья представителей правящего сословия и гарем). В «Алмазной колеснице» противостоят не религии, а в целом Восток и Запад: японцы и европейцы. Ироничный образ русской речевой среды прошлого никак не может противостоять серьёзности, основательности речевого образа Японии. Россия находится накануне поражения в Русско-японской войне. Исторические романы Б. Акунина строятся на разной стратегии использования маркированной лексики. В «Турецком гамбите» образ близок переводным текстам, в «Алмазной колеснице» — национальным. Автор пытается донести до читателя ментальное своеобразие народа Японии так, как он его видит.

Основные лексические средства создания образа инонациональной речевой среды делятся на связанные преимущественно с изображением художественного места действия — экзотизмы, варваризмы, нациолектизмы, диалектизмы — и связанные с обозначением художественного времени — историзмы, архаизмы (хронотоп М. М. Бахтина). Поскольку они располагаются на разных ординатах, то могут свободно пересекаться. Так, у А. И. Чмыхало мы видим экзотизмы-историзмы: *юрукта, ертаул* и т. д., устаревшие диалектизмы: *балаган, батог, вершник, ноне, пошто* и т. д. Восприятие этих лексических единиц определяется стилистической доминантой текста.

В целом литературный процесс и язык художественной литературы — не тождественные явления. Но, опираясь на теорию параллельных рядов В. Ф. Перверзева, мы можем заключить, что они тесно связаны. Эволюция литературы как движение от периферии к центру, от маргинального к ядерному — так движутся темы, образы, сюжеты (Ю. Н. Тынянов), — несомненно, характерна и для языка художественной литературы. Таким образом, внелитературная лексика, лежащая в

основе образа инонациональной речевой среды, соответствует этой тенденции.

Выделяются особенности инонациональной среды в текстах на уровне жанра, литературного направления, идиостиля.

Стилистическая доминанта очень важна в анализируемых текстах, она трансформирует некоторые значения слов. В результате анализа было установлено, что образ инонациональной речевой среды в произведениях строится при помощи диалектизмов и историзмов, которые употребляются в функции экзотизмов (ближняя периферия). Так, используется промысловая терминология в романе М. Ошарова: *белковать, лабаз, острога, соболевать, соболятник* и др. (фиксированные в МАС), *кабарга, копалуха, кукуша, кулёма, пасть, плашка* и др. (известные только в говорах); историзмы при описании вооружения и высшего эшелона власти народов Сибири у А. И. Чмыхало: *меч (кривой меч), сабля, стрела, лучник, колчан, панцирь, наручи; князь, начальный князь, княгиня, княжич; царедворец, придворный, свита* и др. В исторической же прозе как характеристика устаревшей речи воспринимаются диалектизмы и экзотизмы: *чо, почо, горесь, завтре, ватаман; батор, хамча, джут, джюсан, бачка, апсах* (А. И. Чмыхало). Слова, фиксированные в толковых словарях литературного языка как вообще восточные понятия, в тексте Б. Акунина воспринимаются как собственно турецкие (*басурман, башибузук, бей, бек, бешимет, гарем, гяур* и др.) и т. д. Эти черты анализируемых текстов можно отнести к их жанровым особенностям.

Специфика литературного направления — постмодернизма — ярко выражена в романах Б. Акунина. Проявляется она в речевом фоне (В. В. Виноградов), или т. н. *упаковочном материале* (Г. О. Винокур), прежде всего романа «Турецкий гамбит», максимально приближенном к речевому опыту нашего современника. В своеобразной речевой игре: «оттянутые» пояснения слов, использование реальной аллюзии (как и в романах С. Шелдона), размытость образов за счёт их характеристики через противоположные по значению экзотизмы: *конкунбина* (‘супруга по контракту’) / *итиноку* (‘девушка-ниндзя’) и др., замена устойчивых в русской культуре обозначений знаковых явлений Японии (*сакура — сливовый дождь, харакири — сэппука* и т. д.). Также для произведений Б. Акунина характерно ис-

пользование фреймовой структуры: в небольшом отрезке текста используются слова, характерные для определённой речевой среды, создающие определённую «картинку»: *извозчик, ванька, половые, седок; пагоды, чайные домики, джонки, кимоно*.

К идиостилевым чертам можно отнести у С. Шелдона наличие в романе ключевого слова (экзотизма или варваризма), характеризующего сущность главного героя и через него связанного с концепцией произведения (*polymechanos, consigliere, дивелонер, galante* и др.); поскольку это обычно романы о призвании — широкое употребление профессиональной экзотической лексики (*res judicata, res judicata; pro veritate habetur, Большое жюри, «глубокая глотка»* и др.; *мусор, питчер, кетчер, опцион, сексизм* и др.); представление «зла» в форме развёрнутой системы обозначений итальянской (сицилийской) мафии (*capo, capo di capi, capo di tutti capi, capo-regimi, borgata; крёстный отец, семья, солдат* и т. д.). С. Шелдон широко использует т. н. туристические экзотизмы. Это названия национальных блюд, видов традиционной одежды, ветров (*chatcaubriand, dolmades, mousaka, pommes saufflees, meltemi; кил*) и т. д.

У И. Хмелевской широко использованы национальные польские обращения (*шановная пани, проше шановной пани, проше бардзо* и др.), создающие впечатление значимости статусного общения в культуре; привлечены бранная и псевдобранная лексика (*холера ясна, псякрев и пся крев, паршивец* и др.), сакральные формулы в функции междометий (*Езус Мария и Езус-Мария, Езус коханный* и др.). Их противопоставление действует как стилистический контраст и делает текст ироничным.

У М. Ошарова — использование экзотизмов строго в соответствии с эстетической задачей текста, отсутствие нарочитой этнографичности, показ действительности глазами героев-эвенков. В экзотизмах при этом сохраняется положительная или отрицательная коннотация: *улгуки* — ‘доверчивый бурундук’, эталон скверного, неприятного — ободранная шкурка белки — *куренга* и т. д. В сопоставлении с текстом Ж. Трошева встаёт вопрос о вариативности внелитературных экзотизмов (в том числе и внутритекстовой): *суглан* — *мунняк, люча* — *лючаль,*

бэйе — *бэйё*, *эчэ* — *ачин* и др., также об условном характере их достоверности, о художественной основе этого понятия.

Романы А. И. Чмыхало представляют традицию в русской исторической прозе. Автор создаёт образ речевой среды прошлого преимущественно через лексику, фиксированную в литературном языке. Им представлено три речевых среды: автохтонов Сибири, русских казаков и украинцев. Но построение текста таково, что украинизмы не противопоставлены русской речевой среде, они как бы составляют её часть (и те и другие — казаки), что обостряет конфликт и создаёт напряжённость повествования. Автор сосредоточен на тех тематических группах, которые характерны для образа мужской, воинской среды. Казаки изображены в диалогии А. И. Чмыхало в основном в двух ракурсах: ратное дело и бражничество: *служба кабацкий*, *служба питейный*, *брага*, *бражник*, *бражничанье*, *бражничать* и т. д.

Романы Б. Акунина выделяют своеобразный способ представления русской речевой среды прошлого. Она не строится по традиции на архаизмах-старославянизмах и диалектизмах, она представлена через: 1) устаревшие заимствования, заменённые в современном языке другими заимствованиями (*искейпист*, *латрины* и т. д.); 2) использование утраченных в современном языке варваризмов (визави — *vis-a-vi*); 3) через возвращение к формам, не освоенным грамматически русским языком (*пенсион*, *компрометаж*, *вульгар* и т. д.); 4) через устаревшую заимствованную лексику (*фаланстер*, *бельвю*, *парвеню* и т. д.); 5) через использование слов со славянскими корнями, в дальнейшем заменёнными заимствованиями (*разъездные* — ‘командировочные’, *дорожный смотритель* — ‘регулирующий’ и т. д.). Таким образом, создаётся образ речевой среды прошлого, связанный с образованным обществом. К идиостилию автора можно отнести использование «орфографических» архаизмов (*коттэдж*, *спортсмэн*, *проэкт*), почти полное отсутствие диалектизмов и т. д.

Речевой образ, как и любой, создаётся через отбор слов в соответствии с идеей и пафосом произведения и их типизацию. Например, у М. Ошарова и Ж.

Трошева нет таких широко известных на Севере слов, как *каюр*, *макса*, *нарты*, *пурга* (фиксированных в словарях литературного языка), *субой*, *пальма* и др.

Основная функция экзотизмов, варваризмов и нациолектизмов в текстах — создание образа инонациональной речевой среды. В целом они многофункциональны: используются для достижения достоверности текста, выполняют развлекательную, познавательную функции, моделируют средства межкультурной коммуникации; маркируют место и время действия, выступают в характерологической и комической функции, метаязыковой и т. д. Фоновую функцию выполняют т. н. туристические экзотизмы, часто экзотизмы используются в качестве художественной детали, иногда обозначая единичный предмет (*редингот* в «Турецком гамбите» — только пальто Маклафина; *каруца* — только та телега, на которой приехала в ставку Варвара Андреевна и т. д.). Но в тексте эти слова могут приобретать «приращение смысла» (*аманат*, *аманатство* у А. И. Чмыхало и т. д.). Некоторые слова и группы слов могут по ходу повествования менять доминирующие функции. Например, характерологическая функция может перейти в сюжетообразующую. Так, в «Турецком гамбите» грассирование в русской речи французского журналиста исчезает после его разоблачения как турецкого шпиона, «туристические» экзотизмы и варваризмы также вписываются в сюжет, так как свидетельствуют о том, что герои С. Шелдона путешествуют с удовольствием и т. д.; характерологическая функция становится концептуальной: глубинная сущность героев в романах С. Шелдона является главной в конфликте произведения, она может символизировать, например, идею важности следования профессиональному призванию и пагубности отступления от него даже во имя любви: Лара — *дивелопер*, а Келлер — *питчер* и т. д.

В принципе по законам создания образа инонациональной речевой среды создаётся и образ региональной речевой среды, и конфессиональной речевой среды и т. п., а также речевой среды в фантастике.

В результате проделанной работы мы можем заключить, что образ инонациональной речевой среды значим в русской литературе и имеет определённые традиции представления; экзотизмы, варваризмы, нациолектизмы являются ярким

лексическим выразительным средством языка художественных текстов, в русской литературе сложилась традиция использования диалектизмов и историзмов в функции экзотизмов.

Образ инонациональной речевой среды языка художественной литературы соотносится с концептосферой, сложившейся в рамках литературного языка. Иностранная речевая среда в ней показана фрагментарно, но автономно (испанская, французская, итальянская и т. д.), национальная же речевая среда отличается опорой на географическое (региональное) деление континуума по аналогии с территориальным варьированием русского языка. Национальности внутри страны (бывшего СССР) мы различаем плохо — народы Севера, Кавказа, средней Азии, Прибалтики и т. п. Концептосфера ЯХЛ это компенсирует. В художественных текстах, представляющих национальную речевую среду, даётся развёрнутая картина представлений народа о мире, его ментальность. Иностранная же часть концептосферы ограничена стилистическими задачами текста.

Концепт «Образ инонациональной речевой среды» в каждом художественном тексте имеет своеобразие, он определяется (и определяет) темой, идеей, мотивами — общей концепцией произведения. Микроконцепты связаны с тематическими группами маркированной лексики. Микроконцепты играют значительную роль в произведении, важен их набор, наполняемость (что определяет «фокус культуры» народа, его картину мира). Так, в тексте М. И. Ошарова значимы тематические группы (микроконцепты) «Вера», «Олени», «Промыслы», «Природа»; в диалогии А. И. Чмыхало в образе русской речевой среды — «Острог», «Казачи», «Вооружение»; инонациональной — «Этнонимы», «Жилище». Названия типов жилища —

самые частотные слова в образе-концепте национальной речевой среды (знак, по которому русские различают народы). На соотношении инонационального образа речевой среды и русской строится концепция в исторической прозе.

Общее количество проанализированных лексических единиц в работе около 2 000, контекстов при этом представлено более 4 000. Презентативность выбранных текстов обосновывается во введении. Из общего количества более четверти

не зафиксировано в МАС, половина — в Национальном корпусе русского языка (950 из 1886). Из отмеченных в корпусе единиц (880, разница за счёт слов, повторяющихся у разных авторов) 316 имеют только одно вхождение — это 36%. Большая часть остальных также является малоупотребительной. Нами введена в научный оборот специфическая лексика.

Каждое десятилетие отмечено вхождением в состав НКРЯ слов из рассмотренных в работе. Но подавляющее большинство из них приводятся впервые в первые 50 лет XIX века: 136 перешли из XVIII века, в первое десятилетие зафиксированы 98, затем последовательно 67, 106, 58, 41. Всего 501 слово, что от общего числа составляет более 56%. Далее их количество всё сокращается. Выделяются по количеству вхождений 1921–1930 годы, когда их было 45. По пикам вхождений лексические единицы распределяются несколько иначе. В каждое десятилетие с таким индексом из проанализированных показано от 20 до 50 единиц, по пятидесятилетиям — в пределах 200. Выделяются количеством первые 50 лет XIX века и последние 50 лет XX–XXI веков: соответственно имеющие 282 и 246 пиков вхождения в НКРЯ. Особенно заметно выделяются последние два десятилетия: с 1991 по 2000 год зафиксировано их 48, с 2000 по 2010 год — 60. Таким образом, мы можем констатировать увеличение употреблений маркированной лексики при сокращении ввода новых маркированных лексических единиц.

Нами рассмотрены лексические средства создания образа инонациональной речевой среды в художественной литературе в стилистическом и когнитивном аспектах. Возможно обращение и к другим аспектам: нормативному, коммуникативному, ономаσιологическому, лексикографическому, специальный анализ функциональной стороны маркированных единиц текста и т. д. Внелитературная лексика лежит также в основе создания образа конфессиональной речевой среды, региональной, сниженной городской и т. п.

Результаты работы представляют собой раздел русистики, который В. В. Виноградов назвал «внелитературным речеведением».

Источники

Литература

1. Акунин Б. Статский советник: Роман. — М.: Захаров, 2001. 285 с.
2. Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. — М.: АСТ, 2003. 309 с.
3. Акунин Б. Турецкий гамбит. — М.: Захаров, 2003. 220 с.
4. Акунин Б. Пелагия и чёрный монах. — М.: АСТ, 2004. 302 с.
5. Акунин Б. Алмазная колесница: роман в 2-х т. — М.: Захаров, 2011. 720 с.
6. Астафьев В. П. Царь-рыба. — Петрозаводск: Карелия, 1986. 366 с.
7. Астафьев В. П. Затеси // Собр. соч. Т. 7. — Красноярск: ОФСЕТ, 1997. 544 с.
8. Биггерс Э. Д. Китайский попугай / пер. с англ. // Экзотический детектив: сборник. 2-й вып. — Красноярск: Красноярск, 1993. С. 148–321.
9. Богданович К. В. Люди Красного Яра. — Красноярск: Красн. книжн. издво, 1966. 168 с.
10. Брэкет Л. Шпага Рианона / пер. с англ. В. Денисова // Дорогами приключений. Вып. 3. — Новосибирск: НКИ, 1991. С. 4–138.
11. Буало П., Насержак Т. В заколдованном лесу: повесть / пер. с француз. А. Дроздовского // Зарубежный детектив, XX век. — Бишкек: Мектеп, 1991. С. 600–648.
12. Брусилов А. А. Мои воспоминания. — М.: Воениздат, 1983. 256 с.
13. Бушков А. А. Авантюрист: роман. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 416 с.
14. Бушков А. А. Пиранья. Жизнь длиннее смерти. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 416 с.
15. Воннегут Курт — мл. Добро пожаловать в обезьянник / пер. с англ. Н. Коптюг // Дорогой приключений: детектив, приключения, фантастика. Вып. 3. — Новосибирск: НКИ, 1991. С. 138–156.
16. Гарднер Э. С. Перри Мейсон и сердитый свидетель: детективный рассказ / пер. с англ. А. Обухова // Дорогой приключений: детектив, приключения, фантастика.

- Вып. 3. — Новосибирск: НКИ, 1991. С. 176–191.
17. Глушко (Арсеньева) Е. А. Карта судьбы: роман. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. 464 с.
 18. Грин Г. Суть дела: роман / пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
 19. Гулик Р. Убийство под китайским колоколом / пер. с англ. Р. Горчакова // Экзотический детектив. — Красноярск: ККИ, 1992. С. 4–221.
 20. Гулик Р. Знаменитые дела судьи Ди / пер. с англ. И. И. Мансурова. — М.: Центрполиграф, 2005. 282 с.
 21. Гулик Р. Призрак в храме / пер. с англ. И. И. Мансурова. — М.: Центрполиграф, 2005. 236 с.
 22. Гулик Р. Красная беседка (достоверные истории средневекового Китая) / пер. с англ. И. И. Мансурова. — М.: Центрполиграф, 2002. 254 с.
 23. Дельвиг П. Я. Рыжая. Сон в руку: роман. — М.: Астрель: АСТ, 2005. 538 с.
 24. Доможаков Н. Г. В далёком аале // Доможаков Н. Г., Кобяков В. А. В далёком аале: роман, повесть / пер. с хакас. Г. Сысолятина. — Абакан: Хакасское отделение, 1987. С. 7–204.
 25. Донцова Д. Букет прекрасных дам. — М.: Эксмо, 2003. 387 с.
 26. Донцова Д. Камин для снегурочки: роман. — М.: Эксмо, 2005. 352 с.
 27. Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. — М.: Правда, 1989. 318 с.
 28. Иванов В. По следу. Возвращение Ибадуллы. — М.: Правда, 1989. 496 с.
 29. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: романы. — Красноярск: Универс, 1995. 387 с.
 30. Йокаи М. Жёлтая роза // Призрак в Лубно: повести венгерских писателей / пер. с венг. О. Громова. — М.: Правда, 1988. 464 с.
 31. Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова: романы, повесть. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1985. 637 с.
 32. Карвер К. Пекло: роман / пер. с англ. Л. Володарской. — М.: Иностранка,

2009. 496 с.

33. Каргалов В. Святослав: роман. — Красноярск: ККИ, 1989. 461 с.
34. Карр Дж. Д. Под покровом ночи // Детективные романы / пер. с англ. И. И. Мансурова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 415 с.
35. Карр Дж. Д. Тёмная сторона луны: роман / пер. с англ. А. И. Ковтунова // Убийство арабских ночей: детективные романы. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 271–512.
36. Карр Дж. Д. Убийства в Плейг-Корте / пер. с англ. Е. В. Нетёсовой // Убийства в Плейг-Корте: детективные романы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 431 с.
37. Карр Дж. Д. Убийство арабских ночей: роман / пер. с англ. И. Е. Полоцка // Детективные романы. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 7–271.
38. Кристи А. Тайна египетской гробницы / пер. с англ. В. Коткина // Месть Нюфрет. — М.: Эксмо, 2005. С. 349–361.
39. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. — М.: Изд-во художественной литературы, 1958. С. 7–165.
40. Лермонтов М. Ю. Прощай, немытая Россия // Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. — М.: Изд-во художественной литературы, 1958. С. 16.
41. Маринина А. Жизнь после жизни: роман. — М.: Эксмо, 2010. 416 с.
42. Миксат К. Говорящий кафтан // Призрак в Лубно: повести венгерских писателей / пер. с венг. О. Громова. — М.: Правда, 1988. С. 87–174.
43. Мугуев Х. М. Господин из Стамбула. — Новосибирск: Тимур, 1994. 494 с.
44. Ошаров М. Большой аргиш: роман. — Красноярск: ККИ, 1977. 367 с.
45. Пикуль В. Фаворит. Кн. 2: Его Таврида. — М.: Вече АСТ, 2004. 380 с.
46. Поляков Ю. М. Козлёнок в молоке. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, ОНИКС, 1997. 454 с.
47. Полякова Т. В. Закон семи: роман. — М.: Эксмо, 2006. 352 с.
48. Полякова Т. В. Бочка но-шпы и ложка яда. — М.: ООО «Из-во Эксмо», 2005. 350 с.

49. Прус Б. Фараон: роман / пер. с пол. Е. Троповского. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 624 с.
50. Рубина Д. Вот идёт Мессия! // Иерусалимский синдром: рассказы. — М.: Эксмо, 2008. С. 7–392.
51. Рымушко М. Дело чести: повесть / пер. с пол. Н. Плиско // Польский детектив. — М.: Совместное советско-германское предприятие «Квадрат», 1991. С. 407–463.
52. Сапковский А. Башня Ласточки: фантаст. роман / пер. с пол. Е. П. Вайсбота. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 445 с.
53. Сенкевич Г. Избранные произведения. Крестоносцы: роман / пер. с пол. Б. Стахеева. — М.: Голос, 1993. 592 с.
54. Толстой А. К. Князь Серебряный. — М.: Правда, 1969. 301 с.
55. Толстой А. Н. Пётр Первый. — М.: Художественная литература, 1959. 607 с.
56. Трошев Ж. Большой Ошар: роман. Книга вторая. — Красноярск: ККИ, 1981. 350 с.
57. Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1987. 386 с.
58. Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара: роман. — М.: Худож. лит., 1988. 447 с.
59. Устинов С. Л. Неустановленное лицо: приключ. повесть. — М.: Молодая гвардия, 1990. 190 с.
60. Устинова Т. В. Мой личный враг: повесть. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 416 с.
61. Устинова Т. В. Мой генерал. — М.: Эксмо, 2008. 352 с.
62. Устинова Т. В. От первого и до последнего слова: роман. — М.: Эксмо, 2008. 352 с.
63. Устинова Т. В. С небес на землю. — М.: ЭКСМО, 2011. 320 с.
64. Флетчер Дж., Бейн Д. Убийство в Хайленде / пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 320 с.

65. Хейли А. Отель / пер. с англ. — Запорожье: Интербук, 1992. 448 с.
66. Хмелевская И. Большой кусок мира / пер. с пол. Н. В. Степановой. — М.: Фантом Пресс Интер, 1995. 304 с.
67. Хмелевская И. На всякий случай / пер. с пол. В. С. Селивановой. — М.: Фантом Пресс Интер, 1996. 352 с.
68. Хмелевская И. Свистопляска // Дело с двойным дном. Свистопляска / пер. с пол. В. С. Селивановой. — Екатеринбург: У-Фактория, 1997. С. 242–440.
69. Хмелевская И. Дело с двойным дном // Дело с двойным дном. Свистопляска / пер. с пол. Г. Епифанцевой. — Екатеринбург: У-Фактория, 1997. С. 5–242.
70. Хмелевская И. Как выжить с мужчиной / пер. с пол. Н. В. Селивановой. — М.: Фантом Пресс Интер, 1997. 255 с.
71. Хмелевская И. Зажигалка: роман / пер. с пол. В. Селивановой. — М.: Фантом Пресс, 2008. 448 с.
72. Хмелевская И. Тайна / пер. с пол. И. Колшанского. — М.: Фантом Пресс ЭКСМО, 2008. 348 с.
73. Хмелевская И. Божественная корова: роман / пер. с пол. В. Селивановой. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 382 с.
74. Хмелевская И. Золотая муха: роман / пер. с пол. В. Селивановой. — М.: Фантом-Пресс, 2011. 416 с.
75. Цутому М. Картинка в волшебном фонаре: роман / пер. с япон. Б. Раскина // Зарубежный детектив, XX век. — Бишкек: Мектеп, 1991. С. 780–967.
76. Чапыгин А. Разин Степан. — Красноярск: ККИ, 1982. 480 с.
77. Чейз Д. Х. А что же случится со мной? / пер. с англ. Б. Г. Колодина // Негде спрятаться золотым рыбкам: романы. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 7–201.
78. Чмыхало А. И. Дикая кровь. — Красноярск: ККИ, 1989. 411 с.
79. Чмыхало А. И. Опальная земля. — Красноярск: ККИ, 1998. 352 с.
80. Чмыхало А. И. Половодье. — Красноярск: ККИ, 1984. 782 с.
81. Чмыхало А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Дикая кровь: роман / под общ.

- ред. О. А. Карловой, М. О. Саввиных, Б. А. Чмыхало. — Красноярск: Издательский центр «Городские новости», 2003. 512 с.
82. Чмыхало А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Ночь без сна: роман / под общ. ред. О. А. Карловой, М. О. Саввиных, Б. А. Чмыхало; Красноярск: Издательский центр «Городские новости», 2003. 528 с.
83. Шелдон С. Сорвать маску // Сорвать маску: романы / пер. с англ. С. Коноплёв, Е. Сидельников. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1993. С. 3–119.
84. Шелдон С. Незнакомец в зеркале / пер. с англ. Л. А. Луньковой. — М.: Новости, 1993. 304 с.
85. Шелдон С. Гнев ангелов / пер. с англ. И. Коноплёвой, С. Коноплёва. — М.: Новости, 1993. 280 с.
86. Шелдон С. Когда наступит завтра // Сорвать маску: романы / пер. с англ. С. Коноплёв, Е. Сидельников. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1993. С. 119–510.
87. Шелдон С. Тонкий расчёт: роман / пер. с англ. Т. А. Пенцевой. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. 416 с.
88. Шелдон С. Звёзды светят вниз: роман / пер. с англ. Ю. Г. Кирьяка. — М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2000. 234 с.
89. Шелдон С. Букет горных фиалок / пер. с англ. — СПб.: Невский проспект, 2000. 245 с.
90. Шелдон С. Обратная сторона полуночи: роман / пер. с англ. И. В. Гульянца. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 301 с.
91. Шоу И. Люси Краун: Роман / пер. с англ. — Красноярск: РИЦ «Гротеск» управформпечати, 1990. 240 с.
92. Эдигей Е. Случай в тихом посёлке: повесть / пер. с пол. Н. Плиско // Польский детектив. — М.: Совместное советско-германское предприятие «Квадрат», 1991. С. 151–250.

Научная литература

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. — М.:

- Просвещение, 1956. 287 с.
2. Алефrienко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2009. 416 с.
 3. Амитина В. В. Украинизмы в языке русской художественной литературы 20-х годов и их стилистические функции: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Самарканд, 1968. 20 с.
 4. Андреев Ю. А. Русский советский исторический роман: 20–30-е годы. — М. — Л.: Изд. АН ССР, 1962. 311 с.
 5. Андрусенко Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В. П. Астафьева: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Кемерово, 2012. 27 с.
 6. Алпатов В. М. Речевой этикет // Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М. В. Панов. — М.: Флинта: Наука, 2006. С. 369–372.
 7. Андреев Ю. А. Русский советский исторический роман: 20–30-е годы. — М. — Л.: Изд. АН ССР, 1962. 311 с.
 8. Апресян Г. Национальное и интернациональное в советской литературе // Проблемы развития литератур народов СССР / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. — М.: Наука, 1964. С. 140–176.
 9. Арапова Н. С. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1984. № 4. С. 9–18.
 10. Арутюнова Н. Д. Функции языка // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М.: Научное изд. «Большая Российская энциклопедия»; Изд. дом «Дрофа», 1977. С. 609–611.
 11. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Прогресс, 1965. 218 с.
 12. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. — М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
 13. Бабкин А. М. Словарь языка и язык словаря // Современная русская лексикография / под ред. А. М. Бабкина. — М.: Наука, 1975. С. 3–23.
 14. Балышева К. А. Демократизация языка в массовой художественной литературе

- рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Йошкар-Ола, 2010. 20с.
15. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Электронный ресурс]. — М.: Советский писатель, 1963. <http://philosophy.allru.net/perv305.html> (дата обращения 10.11.1010).
16. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
17. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
18. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. — М., 1979. С. 327–368.
19. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / 5-е изд., доп. Киев: Next, 1994. 511 с.
20. Баш Л. М. Дифференциация термина «заимствование»: Хронологический и этимологический аспекты // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология, 1989, № 4. С. 22–28.
21. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — СПб., 1907. Т. 8. 389 с.
22. Белоусова А. С. Архаизмы. Историзмы // Русский язык: энциклопедия. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 37–38; 159–160.
23. Бельчиков Ю. А. Стилистика // Русский язык: энциклопедия. — М.: Большая Российская энциклопедия; ИД «Дрофа», 1997. С. 539–541.
24. Бельчиков Ю. А. Стилизация // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 674–676.
25. Блинова О. И. О термине «русский старожильческий говор Сибири» // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. — Томск: Изд-во ТГУ, 1971. С. 3–8.
26. Блинова О. И. Лексикографический метод исследования языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири: тез. докл. 3-й Международной научно-практической конференции. — Томск: ТГУ, 1997. С. 148–149.

27. Блинова О. И. Лексикографический метод и сферы его использования в диалектологических исследованиях // Язык и культура в евразийском пространстве: сб. ст. XVI Междунар. науч. конф., 16–20 апреля 2003 г. Разд. 1. — Томск, 2003. С. 110–117.
28. Блумфильд Л. Язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1960. С. 125–152.
29. Богословская З.М. Диалектная вариантология. — Томск: Изд-во ТПУ, 2005. 271 с.
30. Болотнова Н. С. Краткая история стилистики художественной речи в России. — Томск: ТГПУ, 1996. 48 с.
31. Болотнова Н. С. Язык художественной литературы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 651–657.
32. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., доп. — Томск: Изд. Томского государственного педагогического университета, 2006. 631 с.
33. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. 384 с.
34. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. — М.: Просвещение, 1983. 201 с.
35. Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение в теории и практике. — Красноярск: Гротеск, 2001. 237 с.
36. Брагина А. А. Чужое — всё-таки чужое: О стилистической роли заимствований // Русская речь. 1981. № 4. С. 60–67.
37. Брёндаль В. Структуральная лингвистика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. — М.: Гос. учебно-педагогическое изд. Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 40–47.
38. Бромлей С. В. Роль описательной диалектологии в характеристике свойств языка (к постановке вопроса) // Изв. АН СССР. Отд. литер. и языка, 1979. Т. 38. Вып. 2. С. 108–116.

39. Брызгунова Е. А. Русская речь между диалектом и литературным языком // Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 18–20.
40. Брызгунова Е. А. Место наддиалектной формы в составе русского национального языка // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. С. 29–31.
41. Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. 262 с.
42. Будагов Р. А. Язык и культура // Хрестоматия: в 3-х ч. Ч. 3. Социоллингвистика и стилистика / сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрязкина. — М.: Добросвет-2000, 2002. 160 с.
43. Будагов Р. А. В защиту слова // Хрестоматия: в 3-х ч. Ч. 3. Социоллингвистика и стилистика / сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрязкина. — М.: Добросвет-2000, 2002. С. 120–137.
44. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. — Киев: Рад. школа, 1952. 327 с.
45. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Система языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 452–454.
46. Бутакова Л. О. Аквацентризм как проявление регионального менталитета и составляющая авторской картины мира (на материале творчества Тимофея Белозёрова) // Русский язык в географической проекции: межвузовский сборник трудов / под ред. Л. Г. Самотик. — Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 23–37.
47. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. — М.: Прогресс, 1972. С. 25–61.
48. Ванина В. В. Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX века: на материале словарей, художественных текстов и мемуаров. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Барнаул, 2001. 18 с.

49. Васильев А. Д., Веренич Т. К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке). Монография. — Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. 248 с.
50. Васильев А. Д. Цели и средства игр в слова: монография. — Красноярск: КГПУ, 2012. — 164 с.
51. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. — М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
52. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. — М.: Флинта: Наука, 2010. С. 368–384.
53. Венцов А. В., Касевич В. Б., Ягунова Е. В. Корпус русского языка и восприятие речи // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. — М.: Флинта: Наука, 2010. С. 385–491.
54. Вербицкая М. В. К обоснованию теории вторичных текстов // Филологические науки. 1989. № 1. С. 30–36.
55. Веренич Т. К. Деэкзотизация современных заимствований в русском научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании: На материале англицизмов. — Красноярск, 2004. 18 с.
56. Виноградов В. В. Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVII в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени: 27–30 июня 1960 г. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. С. 3–7.
57. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М.: Наука, 1963. 240 с.
58. Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 9–26.
59. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. — М.: Наука, 1967. 136 с.

60. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
61. Виноградов В. В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. С. 33–50.
62. Виноградов В. В. Основные типы лексического значения слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. С. 162–192.
63. Виноградов В. В. Язык литературно-художественного произведения // Избранные труды: О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. С. 56–98.
64. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991. 433 с.
65. Винокур Г. О. О языке исторического романа // О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991. С. 407–430.
66. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М.: Наука, 1980. 234 с.
67. Владимиров Е.М.И. Ошаров в Красноярске // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 130.
68. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Междунар. отношения, 1990. 416 с.
69. Волков Е. И., Ушакова Ю. В. К вопросу о семантической структуре абстрактных имён в английском языке // Актуальные проблемы лексикологии. — Новосибирск: НГУ, 1971. С. 224–230.
70. Волынская А. В. Локализмы в «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века» // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. — СПб., 2009. С. 173–182.
71. Вопросники для сбора материала по русским старожильческим говорам Сибири: методические рекомендации. — Красноярск: КГУ, 1990. 41 с.
72. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Е. М. Жукова. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
73. Вялкина Л.В. Частотные словари // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н.

- Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 622–625.
74. Гак В. Г. Коверканье или подделка? (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. — М.: Международные отношения, 1966. С. 17–24.
75. Гак В. Г. Предмет исследования. Лексическая система // Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. — Л.: Мысль, 1979. С. 34–68.
76. Гак В. Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 452–454.
77. Гальперин И. Р. Текст как объект исследования. — М.: Наука, 1981. 140 с.
78. Гарагуля С. И. Языковая личность. Индивид и его имя в иноязычной среде. — М.: Либроком, 2012. 160 с.
79. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
80. Гаспаров М. Л. Греческая литература классического периода (V–IV вв. до н. э.).
Поэзия // История всемирной литературы. Т. 1. — М.: Наука, 1983. С. 350–354.
81. Гельгардт Р. Р. О литературном языке в географической проекции (обзор) // Вопросы языкознания, 1959. № 3. С. 95–101.
82. Герд А. С., Лебедев Г. С., Булкин В. А. Основания регионалистики. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 204 с.
83. Гилиус Н. С. Художественная мистификация как приём текстопорождения в русской прозе 1980–1990-х годов (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда). — Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 204 с.
84. Головин Б. Н. Основы культуры речи. — М.: Высш. шк., 1988. 320 с.
85. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. — М.: Рольф, 2001. 448 с.
86. Голуб И. Б. Упражнения по стилистике русского языка. 3-е изд., испр. — М.: Рольф, 2001. 240 с.
87. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Диалектный текстовый корпус как источник изучения культурно-когнитивной и коммуникативной специфики диалекта // Ак-

- туальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 47–51.
88. Горалек К. Функции языка и речи // Языкознание в Чехословакии: сборник статей. — М.: Прогресс, 1978. С. 30–35.
89. Горький и Сибирь. — Новосибирск, 1961. 401 с.
90. Григорьев А. Д. К изучению русских старожильческих говоров Сибири // II Slavia. R. VII. S. 3. — Praha, 1928. С. 461–470.
91. Григорьева А. Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка. — Киев: Государственное учебно-педагогическое изд. «Радянська школа», 1954. 70 с.
92. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М., 1993. 204 с.
93. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В. А. Звегинцев История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М.: Просвещение, 1964. С. 73–85.
94. Гумилёв Л. Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. 278 с.
95. Гусев В. Музыка и поэзия прозы // Литературная газета. 1975. № 18.
96. Гусейнов Ч. Г. Формы общности советской многонациональной литературы. — М.: Мысль, 1978. 207 с.
97. Гухман М. М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
98. Гуц Е. Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка: в свете концепции языковой личности. — Омск, 1995. 21 с.
99. Данилов В. В. Латинские слова и выражения, вошедшие в литературную речь без перевода. Рус. яз. в шк., 1938. № 3. С. 13–15.
100. Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. — М., 2000. 217 с.
101. Демидова Н. А. Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый» в школьном изучении. — М.: Просвещение, 1971. 160 с.
102. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории язы-

- ка. — Л.: Наука, 1970. 100 с.
103. Джаубаева Ф. И. Языкотворчество русских писателей как мирозозидающая деятельность на Северном Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой: автореф. дис. ...канд. филол. наук: — Ставрополь, 2010. 19 с.
104. Дионк К. М. Лексическая репрезентация образа Кавказа в художественной картине мира М. Ю. Лермонтова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Воронеж, 2011. 18 с.
105. Добродомов И. Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 158–159.
106. Елисеев И. А., Полякова Л. Г. Словарь литературоведческих терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2002. 320 с.
107. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1960. С. 49–56.
108. Емельянова О. Н. Экзотизмы // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 760.
109. Емельянова О. Н. Внелитературная лексика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 33–37.
110. Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. — Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. 736 с.
111. Емельянова О. Н. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 181–182.
112. Ермаков В. И. Национальная литература края // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 417.
113. Ермаков В. И. Чмыхало А. И. // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 684.
114. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Валент,

2001. 200 с.

115. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. — Пермь: ПГУ, 1979. 340 с.
116. Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан: учебное пособие. — Пермь: ПУ, 2002. 107 с.
117. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования // Вестник АН СССР. 1959. № 5. С. 21–29.
118. Ефремов Л. П. Экзотизмы // Русское языкознание. Алма-Ата, 1973. Вып. 2. С. 165.
119. Жапова. Д. Н. Антропонимы как этноисторическое явление // Бытие и язык. — Новосибирск: Наука, 2004. С. 216–219.
120. Жеребило Т. В. Языковая коммуникация // Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. 315 с.
121. Жданов С. С. Национальность героя как элемент художественной системы: Немцы в русской литературе XIX века: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Новосибирск, 2005. 24 с.
122. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся 3–7 классов // Изв. АПН РСФСР, 1956. № 78. С. 34–41.
123. Журавлёв А. П. Звук и смысл. — М.: Просвещение, 1991. 203 с.
124. Залыгин С. Реализм опыта // Правда. 1977. 26 янв.
125. Зачевский Е. А., Ковалевская Е. Г. Общее и национальное в лексике языков народов СССР. — М.: Учпедгиз, 1983. 163 с.
126. Звегинцев В. А. Семасиология. — М.: Наука, 1957. 189 с.
127. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. — М.: Просвещение, 1967. 338 с.
128. Земская Е. А. Русская разговорная речь: проспект. — М.: Наука, 1968. 256 с.
129. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М.: Рус. яз., 1979. 240 с.

130. Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Комиссарова Л. М., Панченко Н. В., Пешкова С. Н., Чувакин А. А. Основы теории текста: Учебное пособие / Под общ. ред. А. А. Чувакина. — Барнаул: Изд-во Ал. ун-та, 2003. 140 с.
131. Зинченко В. П. Психология доверия // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 76–93.
132. Ижакевич Г. П. Стилистические особенности художественных произведений на русском языке писателей национальных республик // Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. — Киев: Наукова думка, 1976. С. 75–84.
133. Илларионов С. В. Пространство. Время // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. С. 696–697; С. 153–154.
134. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. — М.: ИНИОН РАН. — М.: Intrada, 2001. 384 с.
135. Инютина Л. А. Лексическое выражение пространства в картине мира носителя сибирского (томского) старожильского говора XVII–XVIII веков. Монография. — Новокузнецк: Редакционно-издательский отдел КузГПА, 2012. 216 с.
136. История Красноярского края. — Красноярск: ККИ, 1981. 141 с.
137. История польской литературы: в 2-х т. — М.: Наука, 1968. Т. 1. 615 с. Т. 2. 579 с.
138. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. — Л.: Наука, 1968. 538 с.
139. Калинин А. В. Лексика русского языка. — М.: МГУ, 1978. 232 с.
140. Калнынь Л. Э. О задачах и предмете описательной диалектологии // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1970. Т. XXIV. Вып. 5. С. 418–420.
141. Калнынь Л. Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 58–67.

142. Кальнова О. И. Принципы ввода экзотизмов в русский текст // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики. — Куйбышев, 1989. С. 46–53.
143. Кальнова О. И. Функционирование экзотизмов в русских текстах: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Воронеж. 1986.
144. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
145. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.
146. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4.
147. Карский Е. Ф. О так называемых барбаризмах в русском языке: Речь, произнесённая на акте 21 августа 1886 года // Краткий отчёт о состоянии Виленской 2-й гимназии за 1885–6 учебный год. — Вильна, 1886. С. 33–45.
148. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. — М.: Флинта: Наука, 2010. С. 344–368.
149. Коган А. Баллада о солдате // Подвиг: Приложение к журналу «Сельская молодёжь» / В. Зазубрин, В. Кондратьев, Л. Славин. — М.: Молодая гвардия, 1984. — С. 341–350.
150. Коган Г. Ф. «Загадочное» имя Свидригайлова: «Преступление и наказание» и периодическая печать 1860-х гг. // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — М., 1981. № 5. С. 426–435.
151. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. — М.: Наука, 1979. 335 с.
1. Коготкова Т. С. Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» // Культура речи на сцене и на экране — М.: Наука, 1986. С. 90–125.
152. Кодухов В. И. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей ун-в и пед. ин-в. — М.: Высшая школа, 1974. 303 с.

153. Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б., Парфенова О.С., Трушкова Ю.В. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко / Российская академия наук / Институт языкознания / Российская академия лингвистических наук / Институт иностранных языков. М.: Флинта: Наука, 2006. 312 с.
154. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966. 213 с.
155. Кожина М. Н. Художественно-образная конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 585–594.
156. Кожина М. Н., Баженова Е. А. Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 594–608.
157. Кожин В. В. Жанр // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 914–917.
158. Кожин В. В. Историзм // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 227–230.
159. Кожин В. В. Типическое // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 507–511.
160. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 356 с.
161. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2012. 184 с.
162. Колшанский Г. В. О природе контекста // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 45–50.
163. Коровушкин В. П. Принципы контрастивной социологии: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. — Пятигорск, 2005. 42 с.
164. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003.

165. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. — М., 1999. 64 с.
166. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1–9. — М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.
167. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
168. Кресс Э. Российские немцы на перекрёстке языков и культур: дис. ...канд. филол. наук. — М., 1995. 194 с.
169. Кривоногов В. П. Эвенки // Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред Н. И. Дроздов, уч. секр. Л. Г. Самогик. Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 701–702. Кривоногов В. П. Койбалы // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 278. Кривоногов В. П. Кызыльцы // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. — С. 344. Кривоногов В. П. Алтын-ханов государство // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 33–34. Кривоногов В. П. Аринцы. Качинцы. Камасинцы // Енисейский энциклопедический словарь. — Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 41, 243, 260–261.
170. Кристева Ю. Бахтин: слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1995. № 1. С. 97–124.
171. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1960. С. 289–295.
172. Крысин Л. П. Параметрическое описание языковых состояний // Русский язык в СССР. 1991. № 5. С. 34–39.
173. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком // Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

174. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка // Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 287–293.
175. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. — Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
176. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. — Красноярск, 2006. 392 с.
177. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999. Т. 58, № 6. С. 3–12.
178. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник: Проспект (ИРЯ АН СССР, КГУ). — Красноярск, 1990. 116 с.
179. Курбатов В. Чувство первосотворения // Север. 1976. № 12. С. 121.
180. Курбатов В. Книга одной жизни // Сибирские огни. 1984. № 2. С. 147–154.
181. Курбатов В. Повести Астафьева // Астафьев В. П. Ода русскому огороду: повести. — М., 1985. С. 3–12.
182. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учебное пособие. — М.: Просвещение, 1988. 192 с.
183. Левидов А. М. Автор — образ — читатель. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 350 с.
184. Левин В. Д. Место «поэтической лексики» в системе русского литературного языка XIX в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени: 27–30 июня 1960 г. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. 45 с.
185. Левинтова Е. Н. Опыт таксономии наук о тексте. Принцип изучения художественного текста. — Саратов: СГУ, 1992. 248 с.
186. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. Вып. 7. — М.: Наука, 1966. С. 60–69.

187. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации постмодернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
188. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. 144 с.
189. Литвиненко И. И. Фонетическая система говора междуречья Сыма и Каса (средний бассейн Енисея): дис. ...канд. филол. наук. — Красноярск, 1979.
190. Литература народов Сибири: сборник статей / под ред. Н. Н. Яновского. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1956. 183 с.
191. Литературный энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
192. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. — М.: Книга, 1987. 336 с.
193. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). — СПб., 2000. 507 с.
194. Лукьянова Н. А. Введение в русистику: учебное пособие. — Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. 171 с.
195. Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Т. 4. Вып. 4. 2005. С. 19–45.
196. Лукьянова Л. Н. Интертекстуальность художественного текста. — М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2011. 312 с.
197. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка. — М.: РОСТ СКРИН, 1997. 256 с.
198. Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. — Л.: Наука, 1975. 372 с.
199. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: комментарий. — М. — Л.: Просвещение, 1966. 276 с.
200. Маринова Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник ННГУ. Серия Филология. — Вып. 1 (6). — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 18–22.
201. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.:

- проблемы освоения и функционирования. Монография. — М.: «Издательство ЭЛПИС», 2008. 495 с.
202. Маринова Е. В. Латиница в русском письме: проблема графического заимствования // Жизнь языка: Сб. статей, посв. 85-летию М. В. Панова. — М., 2006. С. 12–18.
203. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
204. Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на Средний Енисей / отв. ред. Л. Г. Самолик. — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 115 с.
205. Мельниченко Г. Г. Словари и картотеки по произведениям отдельных писателей // Национальные лексико-фразеологические фонды. — СПб., 1995. С. 122–128.
206. Меншиков И. И. Спроба застосування статистичних методів у діахронічній лексикології — Мовознавство, 1969. № 3. С. 3–33.
207. Минцлов С. Р. // Сегодня. 1930. № 69. 10 марта. С. 6.
208. Мирошник Д. И. Н. В. Гоголь: Его роль в укреплении русско-украинских языковых связей. — Киев: Наукова думка, 1959. 218 с.
209. Михалкина Т. А. Внелитературная лексика в языке произведений А. И. Солженицына: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Минск, 2000. 19 с.
210. Михайловская Н. Г. Стиль литературы Севера и Дальнего Востока / Ин-т русского языка АН СССР. — М.: Наука, 1984. 159 с.
211. Можейко М. А. Интертекстуальность // Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 333–336.
212. Мугумова А.Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20–30-х годов XIX в.: На материале произведений М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ...канд. филол. наук: — Махачкала, 1999. 18 с.
213. Муравьев В. С. Бестселлер // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. — М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 126.
214. Мурот В. П. Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический

- словарь. — М.: 1990. С. 567–568.
215. Назаренко Е. Современный русский язык. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. 203 с.
216. Найда Ю. А. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2. — М.: Прогресс, 1962. С. 50–61.
217. Нейман В. В. Роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» // М. Н. Загоскин. Юрий Милославский: исторический роман в трёх частях. — М.: Художественная литература, 1956. С. 3–9.
218. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): учеб. пособие. — М.: Флинта: МПСИ, 2008. 416 с.
219. Нешименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах — М.: Флинта: Наука, 2003. 306 с.
220. Николаев Д. Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза / отв. ред. О. М. Михайлов; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2006. 688 с.
221. Николис Дж. Хаотическая динамика лингвистических процессов и образование паттернов в поведении человека: Новая парадигма селективной передачи информации / пер. с англ. Ю. А. Данилова // Вопросы философии. № 23. 1997. С. 85–89.
222. Новиков В. Могучая поступь истории // Лит. Россия. 1977. 7 октября.
223. Новиков В. В. Литературный процесс 60–70-х годов // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. — М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 478–486.
224. Новикова Т. В. Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2003. 20 с.
225. Новикова М. Л. Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: На материале произведений русских писателей: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. — М., 2006. — 38 с.
226. Норлусенян В. С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук — Ростов н/Д, 2000. 19 с.

227. Нусинов И. Национальная литература [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 7. — М., 1934. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le7/le7-6273.htm> (дата обращения 07.10.2009).
228. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1970. 506 с.
229. Одинцов В. В. Виноградов В. В. / Люди науки: книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1983. 95 с.
230. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. — Красноярск, 2010. 42 с.
231. Основные направления структурализма / отв. ред. М. М. Гухман, В. Н. Ярцева. — М.: Наука, 1964. 360 с.
232. Основы текстovedения в школе / под ред. Н. С. Болотновой — Томск: Издво ЦНТИ. 2000. 244 с.
233. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х годов // Вопросы языка современной русской литературы. — М., 1971. С. 302–365.
234. Ответы участников анкеты // Седьмые Тыняновские чтения: материалы для обсуждения. — Рига-Москва, 1995–1996. С. 9–85.
235. Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. Т. 2: Советский период / гл. ред. А. П. Окладников. — Новосибирск: Наука, СО. 630 с.
236. Павлов П. Н. Предисловие // Богданович К. В. Люди Красного Яра. — Красноярск: ККИ, 1966. С. 5–11.
237. Павская Т. Жорес Петрович Трошев // Литературная Сибирь. Вып. 2. — Иркутск, 1988. С. 12–14.
238. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. — Волгоград, 2010. 48 с.
239. Пауткин А. И. О языке романа А. Н. Толстого «Пётр I» // Творчество А. Н. Толстого. — М.: МГУ, 1957. С. 69–87.
240. Панфилов А. К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. — М.:

Просвещение, 1989. 206 с.

241. Пекарская И. В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка (На материале художественных и публицистических текстов). Дис. ...канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1995. 210 с.
242. Песков А. М. Первый русский исторический роман // М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. — М.: Правда, 1989. С. 5–20.
243. Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. — М.: Наука, 1982. С. 19–34.
244. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М.: Наука, 1984. 301 с.
245. Пивоварова О. П. Вербализация категории пространства в семантическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале лексем и фразеологизмов русского языка с пространственным значением): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2005.
246. Пилинский Н. Н. Украинский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 533–534.
247. Пирко В. В. Просторечие Приамурья: лексикологический и лексикографический аспекты / автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Барнаул, 2007. 15 с.
248. Подюков И. А., Маненкова Н. Ю. Жаргонизированная лексика и фразеология в обиходно-разговорной речи молодёжи // Лингвистическое краеведение. — Пермь. 1991. С. 78–85.
249. Подюков И. А. Что-то древнее в нас... // Астафьевские чтения: Вып. 2. (17–18 мая 2003 г.). — Пермь, 2004. — С. 20.
250. Полевой Б. Несколько слов о романе // Чмыхало А. И. Собрание сочинений: В 7-ми т. Т. 1. Половодье: роман / под общ. ред. О. А. Карловой, М. О. Саввиных, Б. А. Чмыхало. — Красноярск: Изд. центр «Городские новости», 2003. С. 5–6.
251. Потebня А. А. Из записок по теории словесности // Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. С. 286–448.
252. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа

- русского языка. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 220 с.
253. Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров / сост. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль, 1959. 223 с.
254. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 16. 301 с.
255. Пьерре-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
256. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 237–260.
257. Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов н/Д: РГУ, 1981. 210 с.
258. Роговин В. З. Литературные дискуссии // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. — М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 442–471.
259. Роднянская И. Б. Художественность // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. — М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 342. С. 338–345.
260. Родзянская И. Б., Кожинов В. В. Образ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 5. Под ред. А. А. Суркова. — М.: Советская энциклопедия, 1968.
261. Роднянская И. Б. Художественный образ // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.
262. Рождественский Ю. В. О современном положении русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. № 3. 1995. С. 110–134.
263. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — М.: Айрис-пресс, 2002. 368 с.
264. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. — М.: АГРАФ, 2001. 506 с.
265. Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. чл. -корр. РАН Ю.Н.

- Караулов; координатор издания Л.Л. Шестакова. — М.: Азбуковник, 2003. 512 с.
266. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. Т. 2: Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой — М.: Наука, 1980.
267. Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М.: Наука, 1965. 305 с.
268. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
269. Рыбникова М. А. Литературный язык и местные говоры // Литературная учеба. 1935. № 6. С. 119–133.
270. Рыков В. В. Корпус текстов как реализация объективно-ориентированной парадигмы // Труды Международного семинара «Диалог — 2002». — М.: Наука, 2002. С. 59–61.
271. Рыков В. В. Курс лекций по корпусной лингвистике [Электронный ресурс] // Персональный сайт В. В. Рыкова, 2002. С. 11. <http://rykov-cl.narod.ru/c.html> (дата обращения 05.06.2008).
272. Сантуева Э. З. Особенности функционирования русского языка в художественной литературе лакских писателей: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Махачкала, 1999. 23 с.
273. Самотик Л. Г. Словарь-справочник по лексикологии русского языка. — Красноярск: РИО КГПУ, 1998. 336 с.
274. Самотик Л. Г. Географическое варьирование лексики литературного языка. Статья 1: регионализмы // Русский язык в географической проекции. — Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 143–154.
275. Самотик Л. Г. Русский язык на рубеже веков // Научный ежегодник: вып. 1 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — Красноярск, 2000. С. 120–128.
276. Самотик Л. Г. Экзотизмы как единицы измерения восприятия русскими инонациональной речевой среды // Вестник ЧитГУ, № 5 (62). Теоретический и научно-практический журнал, 2010. С. 44–50.
277. Самотик Л. Г. Лицо кавказской национальности, или Мир глазами русского

- (экзотизмы в русском языке) // Воспитание исторического и национального самосознания. — Красноярск: КГУ, 2001. С. 160–163.
278. Самотик Л. Г. Старожильческие говоры Красноярского края (безударный вокализм) // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. — Красноярск: РИО КГПИ, 1968. С. 23–37.
279. Самотик Л.Г. «Чужое» и «чуждое» в толковых словарях русского языка // Вопросы лексикографии: научный журнал. Томский университет. № 1. 2012. С. 95–104.
280. Секерина М. А. Временная организация как компонент структуры повествования (на материале рассказов Л. Петрушевской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2000. 18 с.
281. Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках // Избранные труды. — М.: Просвещение, 1968. С. 584–605.
282. Скворцов Л. И. Жаргонная лексика в языке современной художественной литературы (в связи с двумя редакциями повести В. Аксёнова «Апельсины из Марокко») // Вопросы культуры речи. Вып. VII. — М.: Наука, 1966. С. 142–164.
283. Скворцов Л. И. Литературный язык и внелитературные сферы речи (в их взаимодействии) // Теоретические основы культуры речи. — М.: Наука, 1980. С. 162–184.
284. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М.: Наука, 1980. 353 с.
285. Скляревская Г. Н. Новый академический словарь: проспект. — СПб.: Наука, 1994. 64 с.
286. Сковородников А. П. Стилистические ресурсы языка // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 690.
287. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Образность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 377–379.

288. Скотт В. Собр. соч.: в 20-ти т. Т. 8. — М. — Л., 1964. 301 с.
289. Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 564–567.
290. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию / сборник статей. — М.: Наука, 1952. С. 182–203.
291. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания. 1954. Т. IV. — М.: Наука. С. 37–54.
292. Смолицкая В. Г. Доможаков Н. Г. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 742.
293. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. Академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова / под ред. Л. П. Крысина. — М.: Языки славянской культуры, 2003. 350 с.
294. Солнцев В. М. Вариантность // Русский язык: энциклопедия. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа», 1977. С. 60–61.
295. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. — М. — Л.: Наука, 1965. 218 с.
296. Сорокин Ю. С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени: 27–30 июня 1960 г. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 7–12.
297. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. — М.: Просвещение, 1959. 134 с.
298. Срезневский И. И. Русское слово: избранные труды. — М.: Просвещение, 1986. 175 с.
299. Степанов Г. В. Национальный русский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 325–326.
300. Стефаненко Т. Этнопсихология. — Екатеринбург: УрГУ, 2000. 218 с.

301. Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа: учебное пособие. — СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2007. 212 с.
302. Сундуева Д. Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.22. Улан-Удэ, 2004. 18 с.
303. Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. — М., 1984. 218 с.
304. Супрун А. Е. «Экзотическая» лексика // Научные доклады высшей школы: Серия «Филологические науки». М., 1958 — № 2. С. 51–54.
305. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественноэстетический потенциал. — Волгоград: Сигнал, 2000. 341 с.
306. Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. — Л.: Наука, 1991. 245 с.
307. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда. — Шадринск: Шадринский пед. инст., 1971. 192 с.
308. Тимофеев Л. Сорок лет спустя... (число и чувство меры в изучении поэтики // Вопросы литературы. 1963. № 4.
309. Товт А. М. Исходная и авторская семантика слова в современной прозе (на материале текстов Т. Толстой и Л. Улицкой): автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Тамбов, 2010. 24 с.
310. Тодоров Л. Бессмертна ли мафия?: О нравственном смысле современных детективных повествований // Русская словесность. 2001. № 4. С. 41–43.
311. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. 700 с.
312. Толстой А. Н. Как я работаю. Чистота русского языка // Собр. соч. Т. 10. — М.: Художественная литература, 1961. С. 80–84; 134–139.
313. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 30. — М.: ГИХЛ, 1951. 386 с.

314. Трошева Т. Б. Литературный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. С. 208–211.
315. Трубочёв О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. — М.: Ихтиос, 2004. 224 с.
316. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. С. 270–281.
317. Тютин В. Образ // Философская энциклопедия: в 5 т. — М.: Советская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. 1960–1970.
318. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. — М., 1913. 380 с.
319. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. — М.: Просвещение, 1962. 287 с.
320. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Просвещение, 1968. 283 с.
321. Уфимцева А. А. Лексика // Общее языкознание: Внутренняя структура языка / под ред. Б. А. Серебренникова. — М.: Наука, 1972. С. 394–456.
322. Федин К. А. Молодость и талант. К дискуссии о языке. Записная тетрадь. О мастерстве // Писатель. Искусство. Время. — М.: Советский писатель, 1973. С. 463–473; 395–402; 402–408; 416–429.
323. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковски исследования в чест на академу Стефан Младенов. — София, 1957. С. 524–536.
324. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М.: Наука, 1981.
325. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. — Л.: Наука, 1972. 655 с.
326. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. 407 с.
327. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.

328. Фарман И. П. Образ // Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина: в 4-х т. — М.: Мысль, 2001. С. 101–102.
329. Хабургаев Г. А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1984. № 4. С. 3–9.
330. Хализев В. Е. Литературный процесс // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. — М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 471–478.
331. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. — М.: Прогресс, 1972. С. 277–290.
332. Хашимов Р. И. Общелингвистические термины и понятия // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2008. 840 с.
333. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Наука, 1972. 187 с.
334. Христенко И. С. К истории термина «аллюзия» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1992. № 4. С. 38–44.
335. Хусейнов А. Национальная литература [Электронный ресурс] <http://www.husainov.com/> (дата обращения 12.09.2011).
336. Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. 322 с.
337. Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. — Красноярск, 1966. 494 с.
338. Цомакион Н. А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1971. С. 124–199.
339. Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. II. Вып. 1. — Красноярск: КГПИ, 1974. 304 с.
340. Челябинск: энциклопедия [Электронный ресурс] [book-chel.ru>ind.php?what=card&id=5079](http://book-chel.ru/ind.php?what=card&id=5079) (дата обращения 04.05.2012).
341. Черных П. Я. К вопросу о приёмах художественного воспроизведения народной

- речи // Русский язык в Сибири. — Иркутск: ОГИЗ «Восточносибирское областное издательство», 1936. С. 88–119.
342. Черных П. Я. Сибирские говоры. — Иркутск: ОГИЗ «Восточносибирское областное издательство», 1953. 203 с.
343. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. — М.: Изд-во МГУ, 1956. 244 с.
344. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 46–51.
345. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. — М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
346. Шкловский В. Б. Искусство как приём // О теории прозы. — М.: Круг, 1925. С. 7–20.
347. Шкловский В. Б. За и против (заметки о Достоевском). — М.: Советский писатель, 1957. 258 с.
348. Шмелёв Д. Н. Слово и образ. — М.: Наука, 1964. 154 с.
349. Шмелёв Д. Н. Проблема «системности» в лексике // Современный русский язык: лексика. — М.: Просвещение, 1977. С. 183–187.
350. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М.: Наука, 1977. 168 с.
351. Шмелёва Н. Я., Шмелёв А. Д. Этнокультурные стереотипы в речи языковых меньшинств // Aspekteja: Tampere, 1996. 204 с.
352. Шмелёва Н. Я., Шмелёв А. Д. Неисконная русская речь в восприятии русских // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. — М., 1999. С. 32–46.
353. Шмелёва Н. Я., Шмелёв А. Д. Клишированные формулы в современном русском анекдоте // Труды Международного семинара «Диалог — 2000» по компьютерной лингвистике и её приложениям. Т. 1. — Протвино, 2000. С. 12–23.
354. Шмелёва Е. Я., Шмелёв А. Д. Русский анекдот. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 230 с.

355. Шмелёва Т. В. Человек, который открывал науки // Университетская жизнь.
14 апреля. 1995. С. 3.
356. Шмелёва Т. В. «Научная история русского литературного языка должна составить органическую часть истории культуры русского народа» // Городские новости. № 15. 21 апреля 1995. С. 14.
357. Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 72–73.
358. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 7–14.
359. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Избр. работы по русскому языку. — М.: Наука, 1957. С. 113–130; 130–141.
360. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. С. 60–74.
361. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
362. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
363. Эпштейн М. Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь — М.: Советская энциклопедия, 1987.
364. Юдакин А. П. Славянская энциклопедия: Теоретическое, прикладное и славянское языкознание. В 3-х кн. Кн. 1. — М.: Знак. 2005. 798 с.
365. Югов А. К. Судьбы родного слова. — М., 1962. 204 с.
366. Яковлев Г. Ю. К вопросу о языке как системно-динамическом образовании // Author: / Date: 2004–09–12 03:49; View or add comments: Average members rating.
367. Якубинский Л. П. Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и его функционирование: избранные работы / отв. ред. А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1986. С. 59–71.

368. Якубинский Л. П. Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках // Язык и его функционирование: избранные работы / отв. ред. А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1986. С. 176–182.
369. Ямпольский И. А. К. Толстой // Собр. соч. в 4-х т. — М.: Правда, 1969. С. 3–50.
370. Яновский Н. Н. Астафьев: очерк творчества. — М.: Сов. писатель, 1982. 185 с.
371. Яновский Н. Ошаров // Литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. Т. 5. — М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 520–521.
372. Яновский Н. Михаил Ошаров: Предисловие // Большой аргиш. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. С. 5–20.
373. Яновский Н. Н. Деятельное добро. — М.: Прогресс, 1988. 212 с.
374. Яцкевич Л. Г. Вещественные существительные в современном русском языке (семантический очерк). — Л.: ЛГУ, 1969. 20 с.
375. Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. P. P. Giglioli (Ed.). — Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157–178.

Использованные словари и сокращения

1. Абрамова К. С. Эвенкийско-русский тематический словарь. Благовещенск: Амурский областной ИППК, 2007. 52 с. (Абрамова).
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. — М.: Новосибирск: Флинта: Наука, 2000 (Аникин, 2000).
3. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. — Новосибирск: Наука, 2003 (Аникин, 2003).
4. Анучин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия: Красноярский уезд Енисейской губернии // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск, 1960. С. 145–192 (Анучин).
5. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1–3. Томск: Издво Томск. гос. пед. ун-та, 2006–2008 (Арьянова).

6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969 (Ахманова).
7. Бектаев К. Б., Джубанов А. Х. и др. Частотный словарь по роману М. О. Ауэзова «Путь Абая». — Алма-Ата, 1979 (Бектаев, 1979).
8. Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь / под ред. А. А. Кудри. — М.: Русский язык, 1988 (Болдырев, 1988).
9. Бутанаев В. Я. Хакасские личные имена. — Абакан: Хакасия, 1996. 318 с. (Бутанаев, 1996).
10. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. — Абакан: НИС ХГУ, 1995 (Бутанаев, 1995).
11. Бутанаев В. Я. Национальные блюда хакасов. — Абакан: Хакасия, 1997 (Бутанаев, 1997).
12. Быков В. Русская феня. — Смоленск: ТРАСТ-ИМКОН, 1994 (Быков, 1994).
13. Вардугин В. Толкования слов, касаемых старинных одежд и облачений, головных уборов и обуви, данных Владимиром Ивановичем Далем // Вардугин В. Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времён. — Саратов: Регион: Приволж. изд-во «Детская книга», 2001. С. 322–350 (Вардугин, 2001).
14. Васильева С. П. Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — Красноярск, 2008 (Васильева, 2008).
15. Ганич Д. И., Олейник И. С. Русско-украинский и украинско-русский словарь — Киев: Рад. шк., 1991 (Ганич, 1991).
16. Гаспарян Г. К. Словарь сочинений Хачатура Абовяна. Диалектные и иностранные слова. — Ереван, 1947.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955 (Даль).
18. Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. — М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2001 (Елистратов).

19. Захохов Л. Г. Словарь языка Али Шогенцукова. — Нальчик, 1975.
20. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтайского края. Вып. 1–4 / под ред. Л. И. Шелеповой. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007–2010 (Шелепова).
21. Карманный болгарско-русский словарь / сост. М. А. Леонидова. — М.: Советская энциклопедия, 1971 (КБ-РС).
22. Карманный чешско-русский и русско-чешский словарь / со ст. Д. А. Длуги, Б. Г. Раевский, Н. Р. Буравцева. — М.: Советская энциклопедия, 1970 (КЧ-РС).
23. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003 (ТСНЛРЯ).
24. Колесников Н. П., Корнилов Е. А. Поле русской брани. — Ростов н/Д: Феникс, 1996 (Колесников, Корнилов, 1996).
25. Кондаков Н. И. Логический словарь. — М.: Наука, 1971 (Кондаков, 1971).
26. Кочнева З. И. Эвенкийско-русский тематический словарь. — Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1990 (Кочнева).
27. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1. Приложение IV. — СПб., 1865 // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 54 (Кривошапкин).
28. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Рус. яз., 1998. (ТСИС).
29. Кузмищев П. Замечания о камчатском наречии // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 35–43 (Кузмищев).
30. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).
31. Логинова К. А. Словарь-комментарий слов, не вошедших в толковые словари современного русского языка, из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Теория и практика современной лексикографии: сб. научных трудов / отв. ред. Р. П. Рогожникова. — Л., 1984. С. 77–92.
32. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. — М.:

- Рус. яз., 1990 (МТСРЯ).
33. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009 (ЧССРЯ, 2009).
34. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998 (ТСЯС).
35. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем / Ин-т рус яз. им. А. С. Пушкина. — М.: АО «Астра семь», 1907. (агнонимы).
36. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1985 (ОСРЯ).
37. Падерина Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева. — Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2008 (Падерина, Самотик, 2008).
38. Паламарчук Л. С., Скрипник Л. Г. Українсько-російський словник. — Київ: Головна редакція української радянської енциклопедії, 1977 (УРС).
39. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник / сост. Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко и др.; отв. ред. Р. П. Рогожникова. — М.: Русские словари; Астрель, 2000 (редкие слова).
40. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1976 (Розенталь, Теленкова).
41. Ровинский П. А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 73–82 (Ровинский).
42. Романова А. В., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка / АН СССР, Якутский филиал СО, Институт языка, литературы и истории. — Л.: Наука, 1968. (ДСЭЯ).
43. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6-ти т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбу-

- ковник, 1998 (РСС).
44. Русский словарь языкового расширения / Сост. А. И. Солженицын. — М.: Наука, 1990 (Солженицын).
 45. Русско-хакасский словарь / под ред. Д. И. Чанкова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961 (Р-ХС).
 46. Самотик Л.Г. Словарь-справочник по лексикологии русского языка: учебное пособие. — Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 1998. (Самотик, 1998).
 47. Самотик Л. Г. Литературный ономастикон (на материале дилогии А. И. Чмыхало): словарь. — Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005 (Ономастикон).
 48. Самотик Л. Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. — Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005 (СПССРЯ).
 49. Самотик Л. Г. Язык «Турецкого гамбита» Б. Акунина: очерк и словарь. — Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005 (ТГ).
 50. Самотик Л. Г. Словарь исторической прозы А. И. Чмыхало. — Красноярск: Кларетианум, 1999 (СИП Чмыхало).
 51. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / под ред. проф. В. В. Морковкина. — М.: Рус. яз., 2000. (Саяхова).
 52. Семивский Н. В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 7–15 (Семивский).
 53. Словарь русских историзмов: учеб. пособие / Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева М. И., Проничев В. П., Шарри Т. Г. — М.: Высшая школа, 2005 (С историзмов).
 54. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. — Красноярск: РИО КГПУ, 1992 (ССРКК).
 55. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 1–4. — Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2003–2008 (СЦРКК).
 56. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. — Свердловск: Средне-

- Уральское книжное издательство, 1964 (СРГСУ).
57. Словарь русских народных говоров. — М. — Л.: Наука, 1965–2008. Вып. 1–42 (СРНГ).
 58. Словарь русского языка XIX века: проект / отв. ред. З. М. Петрова. — СПб.: Наука, 2002 (Словарь РЯ XIX в.).
 59. Словарь русского языка. В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981 (МАС).
 60. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С. — Петерб. отд-ние, 1992–2004. Вып. 7–14 (Словарь РЯ XVIII в.).
 61. Словарь русского языка южных районов Красноярского края. — Красноярск: КГПУ, 1988 (СЮРКК).
 62. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28. (СРЯ XI–XVII вв.).
 63. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / сост. В. И. Петроченко — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1994. (Петроченко).
 64. Словарь топонимов и микропонимов Красноярского края / под ред. С. П. Васильевой. — Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьев, 2000. (СТиМ КК).
 65. Словарь языка Абая / под общей ред. А. Исакова. — Алма-Ата, 1968.
 66. Словарь языка Дмитрия Гулиа / сост. Н. В. Аршба, С. М. Начкебия. — Сухуми, 1986.
 67. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В. В. Виноградова; главный редактор чл. — корр. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Азбуковник, 2001 (СЯ Достоевского).
 68. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983 (СЭС).
 69. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. — М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996 (Сомов).
 70. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. М.: Наука,

1975. Т. 1. 672 с. Т. 2. 992 с. (ССТ-МЯ).
71. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х т. — М.: Наука, 1958 (Срезневский).
72. Современный толковый словарь русского языка / РАН Институт лингвистических исследований / гл. ред. С.А. Кузнецов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004 (СТСРЯ).
73. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998 (ТСРЯ конца XX в.).
74. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачёва. В 4-х т. М.: Прогресс, 1964–1973 (Фасмер).
75. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2002 (ФЭС).
76. Хакасско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. — М.: Главиздат, 1953 (ХРС).
77. Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников: XVII — первой половины XVIII вв. — Красноярск, 1971 (Цомакион, 1971).
78. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1977. 936 с. (ЧСРЯ, 1977).
79. Чашин В. И. Словарь сибирского (челдонского) говора. — Красноярск: ООО «Горница», 2003 (Чашин).
80. Чешско-русский словарь / под ред. К. Горалка, Б. Илка, Л. Конецкого. — Прага: Государственное педагогическое издательство, 1970 (Ч-РС).
81. Щукин Н. С. Поездка в Якутск // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. — Красноярск: КГПИ, 1960. С. 33–34 (Щукин).
82. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь / сост. Г. М. Василевич; отв. ред. Н. Н. Попе. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940 (ЭРС).
83. Эвенкийско-русский словарь / сост. В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958 (ЭРС-3).

84. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958 (ЭРС-2).
85. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980 (Элиасов).
86. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлёв и др. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. — М.: Флинта: Наука, 2008 (ЭС–СЛТ Тихонова)